This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P. Skw 605.10
VIII/302.

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Объявленія.

Продолжается подписка на 1899 годъ.

(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„Русская Мысль“.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. —	1 р.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50	к. —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать „Р. М.“ безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногороднаго адреса на иногородній и иногороднаго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Полные годовые экземпляры журнала высылаются съ нал. плат. по полученіи задатка не менѣе 2 р. При выпискѣ отдѣльныхъ номеровъ журнала съ налож. плат. гг. подписчики благоволятъ прилагать при заявленіи 35 к. (почтовыми марками) за каждый выписываемый номеръ журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Большая Никитская, Шереметевскій пер., домъ Шереметева 2/3, кв. № 28.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магаз. Н. П. Карбасникова, Литейный проспектъ, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, № 33.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО.

При участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. **А. И. Воейкова**	„	географіи.
Проф. **Н. И. Карѣева**	„	исторіи.
Академика **А. О. Ковалевскаго** . . } Проф. **В. Т. Шевякова** . . . . . }	„	біологическихъ наукъ.
Проф. **Д. И. Менделѣева**	„	химико-техническій и фабрично-заводскій
Проф. **А. В. Совѣтова**	„	сельско-хозяйственный.
Владиміра Соловьева	„	философіи.
Проф. **Н. Ѳ. Соловьева**	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика **И. И. Янжула**	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые **два** мѣсяца.

Вышелъ 50-й полутомъ **Рабочая книжка—Резолюція.**

Цѣна каждаго полутома **3** р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, причемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзно-дорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ.

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 5 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, причемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Вышелъ 1 и 2-й вып. Цѣна каждаго 1 р. **50** к. безъ пересылки.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Б. Никитская, д. Вельтищевой).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

КНИГА V.

МОСКВА.

1899.

~~Slav 80.11~~
P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Москва, типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собствен. домъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. БЛАЖЬ. Разсказъ.—В. Г. Авсѣенко. 1

II. ЖЕННИ ТРЕЙБЕЛЬ. Романъ Теодора Фонтана. Переводъ съ нѣмецкаго. Н. К. *Окончаніе.* 56

III. НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЖЕНЩИНА.—А. Р. Крандіевской . . . 85

IV. ЗЕЛЕНАЯ ГВОЗДИКА. Романъ Роберта Хитчинса. Переводъ съ англійскаго. А. Г. *Окончаніе* 115

V. ЛЕРИ. Повѣсть.—А. Эръ. *Продолженіе.* 142

VI. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе* 189

VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—С. Г. Фруга. 214

VIII. БІОЛОГИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ И ВОПРОСЫ ЖИЗНИ.—Владиміра Вагнера. 1

IX. ИЗЪ ЖИЗНИ К. Д. КАВЕЛИНА ВО ФРАНЦІИ И ГЕРМАНІИ ВЪ 1862—1864 гг. (По его перепискѣ за это время). Д. А. Корсакова. 26

X. ВОЗМУЩЕНІЕ ВЪ ВИЗАНТІИ VI ВѢКА. (Голубые и Зеленые византійскаго ипподрома).—М. Н. Ремезова. 44

XI. БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ ГОРОДА И СРЕДСТВА КЪ ИХЪ ОСУЩЕСТВЛЕНІЮ.—М. Щекотова. 62

XII. ВОПРОСЪ О СОКРАЩЕНІИ ВООРУЖЕНІЙ.—Гр. Л. А. Камаровскаго. 74

XIII. ОТНОШЕНІЯ А. С. ПУШКИНА КЪ МОСКВѢ.—Ив. П. Казанскаго. 87

XIV. МУЖИКЪ ВЪ РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКѢ (1847—1897 г.) Собраніе сочиненій Каронина (Н. Е. Петропавловскаго). Москва 1899 г.—А. М. Скабичевскаго. *Окончаніе.* 103

Стр.

XV. ПОЭТИЧЕСКАЯ ОЦѢНКА ПУШКИНА. 1815—1837 гг.—Вл. Каллаша 132

XVI. ПРОПАДАЮЩІЯ СИЛЫ.—М. А. Протопопова 147

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Взаимныя отношенія губернскихъ и уѣздныхъ земствъ.—Земская народная школа.—Земство на окраинахъ.—Газета *Право* о положеніи нашей періодической печати.—Вѣсти изъ неурожайныхъ губерній.—Пушкинскій юбилей.—Странный поступокъ *Новостей*.—О статьяхъ Б. Н. Чичерина и кн. Трубецкого.—Десятилѣтіе со дня кончины М. Е. Салтыкова 166

XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 184

XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. XXVII выставка картинъ товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ.—7-я выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ.—Ан. 191

XX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы, исторія искусства.—Географія, путешествія.—Политическая экономія, статистика.—Медицина.—Учебники, пособія, книги для дѣтей.—Книги для народа.—II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *апрѣль*.—«Міръ Божій», *апрѣль*.—III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 99 г. . 159

XXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

БЛАЖЬ.

Разсказъ.

I.

Гостиная Софьи Алексѣевны Болониной не отличалась порядкомъ. Большая, съ тремя окнами на широкую улицу, заставленная сборною, но довольно хорошею мебелью, она теряла видъ отъ множества предметовъ, которые вторгались сюда изъ другихъ комнатъ, нарушая всѣ условія элегантности. Болонина большую часть времени проводила въ гостиной и любила имѣть подъ рукой все, что ей нужно было. На громадномъ прямомъ креслѣ, гдѣ она обыкновенно сидѣла, валялась пуховая подушка изъ будуара; тутъ же на маленькомъ столикѣ почти всегда стояла совсѣмъ простая лампа съ зеленымъ щиткомъ, при которой ей удобнѣе было читать, чѣмъ при всякой другой. На коврѣ подлѣ кресла валялся старенькій пледъ, полинялый и не очень опрятный, которымъ она любила кутать свои зябкія ноги. На диванчикахъ, на кушеткахъ, иногда можно было видѣть сброшенную и не прибранную шляпку, или муфту, или даже корсажъ, приготовленный для отдачи въ передѣлку. На столахъ, на стульяхъ, на этажеркахъ всегда лежали тетрадки со старыми и новыми ролями, начатыя и недочитанныя книжки, всякіе счеты, записки и разорванные конверты. Плюшевая покрышка письменнаго столика была вся въ стеариновыхъ пятнахъ и взлызинахъ. Смѣсь роскоши и неряшливаго безпорядка чувствовалась во всемъ и, по мнѣнію многихъ частыхъ посѣтителей Болониной, придавала ея гостиной особенную уютность.

И сама Софья Алексѣевна Болонина какъ нельзя болѣе отвѣчала впечатлѣнію, производимому ея обстановкой. Въ ея красотѣ, уже далеко передвинувшейся за тридцать лѣтъ, въ ея привычкахъ, вкусахъ, въ ея артистическомъ характерѣ, тоже замѣчалась ка-

кая-то своеобразная смѣсь роскоши и неряшливости. Смуглая брюнетка, съ крупными и выразительными чертами, съ красивымъ разрѣзомъ подвижныхъ глазъ, съ нѣсколько чувственнымъ рисункомъ большого рта, она очень выигрывала на сценѣ, гдѣ разстояніе смягчало рѣзкости, а искусный гриммъ уравновѣшивалъ нанесенные временемъ изъяны. Вблизи, при неблагодарномъ комнатномъ освѣщеніи, эти изъяны выступали явственнѣе, и въ особенности преждевременная блѣклость кожи, собравшаяся мягкими морщинками на уголкахъ глазъ и губъ.

Софья Алексѣевна сидѣла въ своемъ любимомъ, похожемъ на тронъ, креслѣ и вертѣла въ рукахъ почтовый листокъ, который только что прочла господину лѣтъ сорока, помѣстившемуся прямо противъ нея, на концѣ кушетки, гдѣ ему было очень неудобно и гдѣ онъ присѣлъ только на минутку, пока она читала письмо.

Наружность этого господина отличалась пріятною, крупною представительностью. Сѣрые глаза съ мягкимъ, словно обласкивающимъ блескомъ, тонкій носъ съ горбинкой, густые пушистые усы, прикрывающіе большой, но правильный ротъ, здоровые бѣлые зубы и прическа нѣсколько на лобъ, съ первыми признаками образующейся лысины — все это не составляло красоты, но производило пріятное впечатлѣніе. Одѣтъ этотъ господинъ былъ въ длинный темно-коричневый сюртукъ, сшитый въ англійскомъ стилѣ, полосатыя брюки еще болѣе англійскаго стиля, и лакированныя ботинки на пуговицахъ.

— Не правда ли, очень удивительно? — говорила Болонина, вертя въ рукахъ только что прочитанный вслухъ почтовый листокъ. — Высочина, которой обыкновенно мало всего репертуара, вдругъ великодушно отказывается отъ роли, уступая ее мнѣ! Какъ вы это объясните?

— Вѣроятно, роль не особенно выгодная для нея, — отозвался господинъ представительной наружности.

— Пустяки, я вамъ открою секретъ, — возразила Болонина. — Просто, все дѣло въ томъ, что въ этой роли надо три раза перемѣнить туалетъ, а Высочина не любитъ тратиться. И тѣмъ болѣе, что пьеса не продержится на репертуарѣ. Но я-то съ какой стати буду на свой счетъ спасать ее отъ расходовъ? Еще еслибъ она прямо попросила меня, а то, понимаете, хочетъ сохранить видъ, будто она же дѣлаетъ мнѣ одолженіе. Точно я такъ глупа, что не разберу ея сшитыхъ бѣлыми нитками хитростей!

И Болонина засмѣялась съ маленькой самодовольной злостью. Собесѣдникъ ея, напротивъ, сдѣлалъ серьезное лицо.

— Сознайтесь, вы не любите Высочину,—сказалъ онъ.

Софья Алексѣевна пожала плечами.

— За что я должна ее любить?—возразила она.—Мнѣ было бы рѣшительно все равно, еслибъ она держала себя спокойнѣе въ отношеніи меня. Но она вѣчно чего-нибудь добивается, хитритъ, интригуетъ, разсказываетъ всѣмъ, что я отнимаю у нея роли. Скажите, пожалуйста, развѣ у насъ въ труппѣ кто-нибудь можетъ отнимать роли у другого? Я не виновата, что публика меня уже знаетъ и всегда отлично принимаетъ. Да, наконецъ, у насъ и амплуа вовсе не одно и то же. У Высочиной, собственно говоря, даже нѣтъ никакого амплуа.

— Ну, какъ же такъ сказать! Она въ нѣкоторыхъ роляхъ очень недурна,—замѣтилъ снисходительнымъ тономъ гость.—Ingénue dramatique самая настоящая.

Болонина откинулась на спинку кресла, сжала руки и посмотрѣла на собесѣдника удивленными, вызывающими, почти злыми глазами.

— Орестъ Львовичъ, вы меня раздражаете!—произнесла она выразительно.—Говорилъ бы это кто-нибудь другой, но только не вы!

II.

Тотъ, кого назвали Орестомъ Львовичемъ (фамилія его была—Еловскій) посмотрѣлъ на Болонину, выжидательно улыбаясь. Онъ предвидѣлъ внезапный, несдержанный потокъ словъ, содержаніе которыхъ заранѣе было ему извѣстно.

— Право же, вы меня раздражаете,—повторила Болонина.—Точно вы не знаете, что Высочина задалась цѣлью захватить во что бы то ни стало мое мѣсто въ труппѣ. Намъ всѣмъ тѣсно въ своихъ амплуа, мы всѣ безъ ролей сидимъ, хотя я уже десять лѣтъ въ труппѣ; а у нея нѣтъ ничего своего, кромѣ одной и той же ужимки (Болонина повела плечами и сдѣлала глазами что-то карикатурное, подражая «ужимкѣ» Высочиной), и ей больше ничего не остается, какъ интриговать, сплетничать, кокетничать съ режиссеромъ, съ авторами, съ театральными чиновниками, съ вами...

— Со мной?—улыбнулся Еловскій.

— И съ вами, потому что вы театралъ, цѣнитель, и у васъ связи во всемъ Петербургѣ, во всѣхъ кругахъ—въ свѣтѣ, въ литературѣ, въ редакціяхъ, гдѣ еще тамъ?... я не знаю,—продолжала Болонина.—Она со всѣми кокетничаетъ, кто ей можетъ пригодить-

ся, до изнеможенія кокетничаетъ, потому что больше ей нечѣмъ взять. Да, да, это я вамъ всегда скажу, хотя бы вы таяли передъ ней, какъ мальчишка... или какъ старикашка, это вѣрнѣе!

Софья Алексѣевна даже покраснѣла и рѣзко отшвырнула почтовый листокъ, который вертѣла въ рукахъ.

— Ну, вотъ вы и разсердились ни съ того ни съ чего, моя прелесть!—сказалъ Еловскій тономъ, какимъ говорятъ съ раскапризничавшимся ребенкомъ.—И на кого же? На своего самаго преданнаго поклонника и друга. Вѣдь это же нелѣпо, моя прелесть. Вѣдь всякая собака въ Петербургѣ знаетъ, что я вамъ поклоняюсь. Мнѣ капельдинеръ, когда беретъ мое пальто, всегда сообщаетъ: «а Софья Алексѣевна не выходила еще»... или: «поторопитесь, Орестъ Львовичъ, сейчасъ выходъ Софьи Алексѣевны». И вѣдь это у васъ одной только и есть такой поклонникъ въ вашемъ театрѣ.

Болонина наградила Еловскаго благодарной улыбкой. Но разсерженное выраженіе все еще не сходило съ ея лица. Вдругъ она спросила озабоченно:

— Вы знаете Глухарева? Кто онъ такой? Онъ принесъ мнѣ пьесу въ стихахъ, передѣлку поэмы Альфреда Мюссѐ.

— Глухаревъ?—переспросилъ Еловскій,—онъ написалъ пьесу въ стихахъ? Это чрезвычайно интересно.

— Онъ писатель?

— О, да, и очень знаменитый даже. Только я не зналъ, что онъ пьесы пишетъ, да еще въ стихахъ.

— А я о немъ совсѣмъ не слыхала...

— Не мудрено, онъ больше по части политики. Его спеціальность—вопросъ о проливахъ. И скажите, интересная пьеса? Какъ вамъ она показалась?

— Право, я еще не составила мнѣнія,—протяжно отвѣтила Болонина.—Есть недурныя сцены, но стихи какіе-то странные, напримѣръ: «Взоръ вознеси и виждь»—это какъ будто не идетъ къ Мюссе. «Внемли гласъ сердца», «созижди»—все славянское какое-то. Гитану онъ называетъ «пляçавицей»—пожалуй, публика расхохочется.

— Да, это у него есть, онъ любитъ церковно-славянскій колоритъ,—отозвался какъ бы съ задумчивостью Еловскій.—У него всегда возвышенный стиль.

— Но вѣдь Альфредъ Мюссѐ, имѣйте въ виду!—возразила Болонина.—Вы, конечно, завтракаете у меня?—вдругъ перешла она къ другому предмету и, протянувъ руку, нажала пуговку звонка.—

Давайте скорѣе намъ завтракать, — обратилась она къ вбѣжавшей горничной и пригласила Еловскаго перейти въ столовую.

Хозяйственными способностями Софья Алексѣевна не отличалась и завтракъ имъ подали довольно скверный. Но Еловскій уже привыкъ и къ ея пожелтѣлымъ салфеткамъ, и къ непріятному чадному запаху, словно отдѣлявшемуся отъ каждой тарелки, и къ рубленымъ говяжьимъ котлетамъ, съ морковками, плававшими въ скверномъ маслѣ. Онъ остался завтракать только потому, что вообще охотно садился за столъ всюду, гдѣ его приглашали.

Какъ только подали кофе, который Софья Алексѣевна любила разливать сама, въ передней раздался громкій звонокъ, и черезъ минуту въ столовую вбѣжала молодая, хорошенькая дама съ подвижными чертами смуглаго лица и чуть-чуть обозначавшимися усиками надъ углами губъ.

— Нонна Павловна! дорогая! какъ я рада!—поднялась ей навстрѣчу Болонина, положивъ въ это привѣтствіе больше искренности, чѣмъ замѣчалось въ ея обычномъ обращеніи съ дамами.— Мосье Еловскій, мадамъ Жадобина, — добавила она. — Чашечку кофе, не правда ли?

III.

Еловскій разсматривалъ посѣтительницу оживившимися, заинтересованными глазами, какими онъ разсматривалъ всякую хорошенькую женщину. А она показалась ему больше чѣмъ хорошенькою. Средняго роста, съ покатыми плечами и тонкой таліей, она казалась воплощеніемъ стройной гибкости. Блѣдно-смуглая, чуть покрытая золотистымъ пушкомъ кожа придавала ея лицу впечатлѣніе почти дѣтской свѣжести. Глаза, большіе, темные, съ синеватыми бѣлками, тонкій носъ красивой формы и нѣсколько большія, но изящно очерченныя губы — все въ наружности молодой женщины какъ будто подчинялось общему выраженію красоты, здоровья, искренности и темперамента.

— Ну, что, моя дорогая, какія новости? Видѣли меня вчера въ «Жертвѣ вечерней?» — спрашивала Болонина. — Я эту роль люблю, я была въ ударѣ!

— Вы были само совершенство! —отвѣтила Жадобина, присаживаясь близко подлѣ хозяйки и обнимая ее одною рукой за талію. — Я весь вечеръ чуть не плакала отъ зависти. Вѣдь есть же счастливицы какъ вы: такой талантъ, и еще къ тому же такая роль!

— Нонна Павловна сгараетъ страстью къ театру, — пояснила

въ сторону Еловскаго Софья Алексѣевна.—Но, къ сожалѣнію, она замужемъ, и ее не выпустятъ изъ семейной клѣтки. А между тѣмъ я увѣрена, что у нея есть настоящее призваніе къ сценѣ.

Глаза Еловскаго какъ будто еще больше заблистали. Онъ теперь уже не отводилъ ихъ отъ Жадобиной и вообще весь какъ-то нервно насторожился, точно почуялъ въ неожиданномъ появленіи этой женщины что-то лично его касавшееся.

— Во всякомъ случаѣ, очевидно, что Нонна Павловна обладаетъ великолѣпными внѣшними данными для сцены, — произнесъ онъ, почтительно склоняя голову.

— А голосъ! вы обратили вниманіе, что за голосъ! — подхватила Болонина. — У насъ въ труппѣ нѣтъ такого голоса.

На нѣжно-смугломъ лицѣ Жадобиной проступилъ легкій румянецъ. Она взглянула на обоихъ смущенными глазами и тотчасъ отвернула ихъ.

— Вотъ вѣдь какъ странно судьба распоряжается людьми,— продолжала Болонина.—Сколько у насъ въ труппѣ актрисъ, которыхъ прямымъ назначеніемъ было бы штопать мужьямъ носки, а вотъ женщина съ настоящимъ артистическимъ темпераментомъ, созданная быть украшеніемъ сцены — и изъ нея судьба сдѣлала буржуазную даму, у нея мужъ служитъ въ министерствѣ и ей достается даже за то, что она со мною знакома...

— Что вы, Софья Алексѣевна! Кто вамъ это сказалъ! — воскликнула со смущеніемъ Жадобина. — Мужъ чрезвычайно высоко ставитъ вашъ талантъ.

— Но только не мое званіе и общественное положеніе, въ этомъ ужъ вы меня не разубѣдите,—оживленно подхватила Болонина.— Николай Викторовичъ — образецъ всѣхъ добродѣтелей, великолѣпный начальникъ отдѣленія и даже идеальный мужъ, но всѣ его понятія, вкусы и потребности выросли на трехъ паркетахъ: на паркетѣ привилегированнаго учебнаго заведенія, на паркетѣ департаментской залы и на паркетѣ тѣхъ буржуазно-аристократическихъ гостиныхъ, куда онъ васъ возитъ, чтобы показать вамъ самое приличное, по его мнѣнію, петербургское общество. А въ этомъ обществѣ самое слово «актриса» произносится вполголоса, какъ несовсѣмъ пристойное, и то только тогда, когда въ насъ оказывается надобность для благотворительныхъ базаровъ или концертовъ.

— Софья Алексѣевна, вы сегодня совсѣмъ злая! — проговорила, еще болѣе смущаясь, Жадобина.— Можетъ быть, вы объясните мнѣ секретъ, почему мы такъ не въ духѣ? — обратилась она

тутъ же къ Еловскому, улыбаясь и взглядывая на него вскользь своими темными и блистающими глазами.

— Но я вполнѣ понимаю маленькое раздраженіе Софьи Алексѣевны,—поспѣшно отвѣтилъ тотъ.—Она, какъ настоящая артистка, не можетъ относиться равнодушно къ... къ этой утратѣ, какую несетъ искусство, благодаря капризу судьбы, отвлекшему васъ отъ вашего призванія.

— Призваніе! Вотъ ужъ вы въ одну минуту рѣшили о моемъ призваніи! — засмѣялась Жадобина.

— Я довѣряюсь впечатлѣнію Софьи Алексѣевны, она не могла ошибиться, — сказалъ Еловскій. — И наконецъ...

Онъ переставилъ свою чашку, подвинулъ стулъ и весь повернулся къ Жадобиной, словно сразу и рѣшительно овладѣвая ею.

— Наконецъ, говорю я, есть вещи, которыя понимаются съ перваго взгляда,—продолжалъ онъ.—Мой глазъ наметался, я это чувствую, ощущаю... Артистическій темпераментъ выдаетъ себя. Достаточно взглянуть на женщину... на такую женщину, какъ вы, и уже какъ-то невольно представляешь ее себѣ на сценѣ, въ воображеніи начинаютъ мелькать роли... Нѣтъ, Софья Алексѣевна права, совершенно права.

IV.

Болонина поглядывала на нихъ обоихъ, чуть примѣтно усмѣхаясь. Несмотря на свой ревнивый характеръ, она на этотъ разъ снисходительно и даже какъ будто сочувственно относилась къ внезапной вспышкѣ, какою, видимо, загорѣлся Еловскій.

— Я должна васъ предупредить, — обратилась она къ Ноннѣ Павловнѣ, — что Орестъ Львовичъ самый страстный театралъ, какого только можно себѣ представить. Онъ у насъ совсѣмъ свой человѣкъ, и мы его даже во всѣ свои дрязги погружаемъ. И ничего, терпитъ, и еще увѣряетъ, что это очень интересно...

Еловскій улыбнулся, показавъ свои отличные зубы.

— Ничего не подѣлаешь: страсть! — проговорилъ онъ весело. — А изъ всѣхъ страстей, замѣтьте, это самая неотвязчивая. Да и вся моя обстановка какъ-то такъ сложилась: масса знакомствъ въ литературномъ и артистическомъ мірѣ, застарѣлыя привычки и связи. Пріятно сознавать, по крайней мѣрѣ, что въ Россіи нѣтъ такого умнаго или талантливаго человѣка, съ которымъ я не былъ бы лично знакомъ.

— Зато ваши свѣтскія тетушки и кузины совсѣмъ на васъ рукой махнули, — сказала сочувственнымъ тономъ Болонина.

— Тетушкамъ и кузинамъ я всякое почтеніе оказываю,—возразилъ Еловскій.—Всѣ дни именинъ и рожденья у меня въ особую книжечку записаны, и я никогда не манкирую. А что мнѣ интереснѣе проболтать вечеръ среди моихъ пріятелей, чѣмъ зѣвать среди карточныхъ столовъ, такъ это мнѣ должны въ достоинство поставить.

Болонина обратилась прямо къ Ноннѣ Павловнѣ.

— Мы съ Орестомъ Львовичемъ давнишіе, большіе пріятели, и я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ не встрѣчались съ нимъ у меня, — сказала она. — Хотя мы иногда и ссоримся съ нимъ чуть не до слезъ, но я его ужасно люблю, и именно за то, что для него нѣтъ ничего на свѣтѣ выше искусства. За него можно поручиться, что всякій талантливый артистъ или артистка всегда найдутъ въ немъ лучшаго друга. За сколькихъ онъ хлопоталъ, подымалъ на ноги всѣхъ своихъ свѣтскихъ пріятелей, бенефисы, подписки создавалъ... Онъ нашъ, на самомъ дѣлѣ нашъ, Орестъ Львовичъ.

Жадобина смотрѣла на Еловскаго заинтересованнымъ, сочувственнымъ взглядомъ. Въ томъ нерѣшительномъ, напряженномъ и почти мучительномъ нравственномъ положеніи, въ какомъ она находилась, она была рада встрѣтиться съ человѣкомъ вродѣ Еловскаго. Она уже заранѣе, мечтательно довѣряла ему...

А онъ еще ближе придвинулъ къ ней свой стулъ и вопросительно, съ дружескою пытливостью вглядывался ей въ глаза своими блистающими глазами.

— Вы уже пробовали себя въ любительскихъ спектакляхъ?— спросилъ онъ.

— Да, нѣсколько разъ, но всегда при самой маленькой залѣ,— отвѣтила Жадобина.

— И, конечно, съ большимъ успѣхомъ? — продолжалъ Еловскій.

— Она не скажетъ, я вамъ отвѣчу за нее,—вмѣшалась Болонина.—Мнѣ случилось только одинъ разъ ее видѣть, и она играла отлично, отлично! Ей нужно побольше практики, и тогда увидѣли бы, что это такое.

— А въ чемъ вы играли?—полюбопытствовалъ Еловскій.

Жадобина назвала нѣсколько ролей. Еловскій сочувственно кивалъ головой, какъ бы говоря: такъ, такъ, я именно и думалъ, что эти роли по васъ. Потомъ онъ самъ назвалъ нѣсколько ролей, желая знать, какъ она ихъ находитъ. Завязался безконечный разговоръ на театральныя темы, возможный только между фанатиками сценическаго искусства. Смуглыя щеки Нонны Павловны разгорѣ-

лись, голосъ ея сдѣлался громче и звончѣе, а у Еловскаго глаза все больше блестѣли.

— И неужели все это кончится одними стремленіями, порывами, однимъ безплоднымъ самосгараніемъ? Неужели талантъ, темпераментъ, призваніе—разрѣшится только «возможностью», то-есть громаднымъ нулемъ? — произнесъ онъ съ такою душевною выразительностью, что у Жадобиной словно холодокъ пробѣжалъ по нервамъ.

Болонину тоже какъ будто всю всколыхнуло отъ этого разговора. Она положила руку на рукавъ Еловскаго и, вся потянувшись къ нимъ обоимъ, проговорила со вспыхнувшими на щекахъ розовыми пятнами:

— Сказать вамъ мою заповѣдную мысль? По-моему, Ноннѣ Павловнѣ надо теперь, именно теперь поступить въ нашу труппу. Мнѣ объ этомъ грезится наяву и во снѣ. И знаете? Она сейчасъ же заняла бы амплуа Высочиной. То-есть, лучше сказать, она заняла бы свое настоящее амплуа ingenue dramatique, и рядомъ съ нею Высочиной совсѣмъ нечего было бы дѣлать. Но именно теперь, пока Высочина не упрочилась на сценѣ, а то, потомъ, всѣ къ ней привыкнутъ, будутъ считать, что это амплуа въ самомъ дѣлѣ занято ею.

Еловскій посмотрѣлъ на Болонину нѣсколько хитрымъ взглядомъ, какъ бы давая догадаться, что совершенно понялъ ее. Потомъ онъ быстро обернулся къ Жадобиной.

— Ужъ если Софья Алексѣевна такъ говоритъ, то значитъ убѣждена въ этомъ,—сказалъ онъ.

— Софья Алексѣевна дружески пристрастна ко мнѣ,—проговорила Нонна Павловна, но по ея смущенному, возбужденному лицу можно было догадаться, что все слышанное произвело на нее очень сильное впечатлѣніе.

V.

Когда Жадобина собралась уходить, Еловскій тоже схватился за шляпу. Они вмѣстѣ спустились съ лѣстницы.

— Вы пѣшкомъ или въ коляскѣ?—спросилъ Еловскій.

У Жадобиной не было экипажа, и она почему-то не хотѣла при Еловскомъ взять извозчика. Поэтому она сказала, что пройдетъ пѣшкомъ. Еловскій пошелъ рядомъ съ ней.

— Вы часто бываете у Софьи Алексѣевны? Какимъ образомъ я ни разу не встрѣчалъ васъ тамъ?—спросилъ онъ.

— Я забѣгаю къ ней всегда на минутку, у меня удивительно глупо наполняется день,—отвѣтила Жадобина.—И, къ тому же, эти посѣщенія—вродѣ запретнаго плода, я ихъ по большей части скрываю отъ мужа,—добавила она съ принужденною улыбкой.

Еловскій, въ своемъ оригинальномъ пальто, сшитомъ въ Парижѣ и отороченномъ какимъ-то нерусскимъ мѣхомъ, даже пріостановился и выразительно двинулъ плечами.

— Вашъ мужъ до такой степени вооруженъ противъ артистокъ, что считаетъ для васъ неподходящимъ знакомство даже съ такимъ первоклассным талантомъ, какъ Болонина? — произнесъ онъ тономъ возмущеннаго недоумѣнія.

Нонна Павловна слегка покраснѣла подъ вуалеткой.

— Мужъ принадлежитъ къ совершенно другому кругу, очень далекому отъ артистическаго міра, и... какъ вамъ сказать... не только раздѣляетъ, но доводитъ до крайностей взгляды этого круга на театральную карьеру,—объяснила она.

— Вѣроятно, къ тому кругу, гдѣ господствуетъ англійскій cant въ вольномъ русскомъ переводѣ? Гдѣ снисходительны ко всему тайному и безпощадны ко всему явному? Гдѣ женщина не считается приличной, если въ теченіе часа не найдетъ трехъ вещей, которыя shocking?—проговорилъ съ безцеремонною ироніей Еловскій.

Разговоръ этотъ былъ непріятенъ Ноннѣ Павловнѣ; со всякимъ другимъ она тотчасъ оборвала бы его, но Еловскій уже закупилъ ее въ свою пользу и впечатлѣніемъ искренности, и артистическимъ энтузіазмомъ. Поэтому она усмѣхнулась и отвѣтила:

— Принимая во вниманіе односторонность вашей точки зрѣнія, вы почти угадали... На театральный вопросъ мы съ мужемъ смотримъ совершенно различно.

Еловскій принялъ задумчивый видъ и съ минуту шелъ молча, безпрестанно раскланиваясь со встрѣчавшимися знакомыми. Было замѣтно, что эти знакомые принадлежали къ самымъ различнымъ кругамъ петербургскаго общества.

— Но вы рѣшительно всѣхъ знаете! — воскликнула наконецъ Жадобина, изумленная этимъ множествомъ поклоновъ и привѣтствій.

— Да, знакомыхъ у меня цѣлый городъ, — отвѣтилъ Еловскій.—А вы обратили вниманіе на этого молодого человѣка пріятной наружности, съ которымъ я сейчасъ раскланялся? — продолжалъ онъ, кивнувъ черезъ плечо на разминувшагося съ ними господина лѣтъ тридцати, съ небольшими черненькими усами и гладко выбритымъ подбородкомъ. — Это Ведринскій, извѣстный поэтъ.

Чрезвычайно талантливый юноша, и очень серьезный. Онъ уже прославился сборникомъ стихотвореній, въ которыхъ звучитъ грустная и глубокая нота — ничтожество нашей жизни безъ идеаловъ, безъ плодотворящей связи съ великою народною душой. Онъ теперь задумалъ высокую вещь—поэму, въ которой будетъ осмѣяно все, рѣшительно все, созданное западно-европейскою цивилизаціей.

— Ведринскій?—повторила Жадобина.—Я, кажется, читала что-то изъ его вещей... Мнѣ не понравилось, должно быть, плохо поняла.

— Да, въ него надо вдумываться, подъ его риѳмами всегда скрыта глубокая идея,—замѣтилъ вскользь Еловскій, и тутъ же кивнулъ нѣсколько разъ головой проѣхавшему мимо господину очень тучнаго вида, съ маленькою русою бородкой.— А этотъ, вы тоже не знаете? — продолжалъ онъ, быстро оборачиваясь къ Жадобиной. — Это ужъ совсѣмъ извѣстность, знаменитый князь Азаровъ, поэтъ смерти. Онъ въ жизни видитъ только одну хорошую вещь—неизбѣжность смерти. Но тѣмъ не менѣе боится ея ужасно.

— Однако, это все очень мрачно,—улыбнулась Жадобина.— Неужели всѣ ваши литературныя знакомства въ такомъ родѣ?

— Вы знаете, нынѣшняя литература вѣдь очень пессимистична,—отвѣтилъ Еловскій.—Въ ней слышится стонъ человѣка, которому не хочется умирать. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, развѣ не досадно: наука и цивилизація одерживаютъ ежедневныя побѣды надъ всякимъ насиліемъ, а самой простой вещи не могутъ добиться: чтобы человѣкъ жилъ два вѣка вмѣсто одного, да чтобъ у каждаго всегда были деньги въ карманѣ.

Жадобина разсмѣялась.

— И пока этого не выдумаютъ, литература все стонать будетъ?—сказала она.—А вотъ я никогда не думаю о смерти: мнѣ это представляется такимъ отдаленнымъ, почти невозможнымъ. Сперва пожить бы...

— А, вотъ видите!—прервалъ ее Еловскій.—Пожить хочется и, разумѣется, со смысломъ, съ полнотою цѣнныхъ впечатлѣній, съ удовлетворенными благородными инстинктами артистическаго темперамента. А это не такъ легко и просто, это безъ борьбы не дается. Нѣтъ карьеры труднѣе артистической.

— Потому что для нея нуженъ талантъ,—замѣтила Жадобина.

— Нѣтъ, и кромѣ того, и кромѣ того,—возразилъ Еловскій.— Приходится бороться съ обстоятельствами, съ вліяніями, съ жизнью. Возьмемъ вотъ васъ, напримѣръ. Талантъ у васъ есть, это несомнѣнно, безспорно, это чувствуется съ первой встрѣчи...

— Но какъ вы можете такъ увѣренно говорить?—пропзнесла съ возрастающимъ радостнымъ смущеніемъ Жадобина.—Я не имѣла случая даже сама какъ слѣдуетъ испытать себя и провѣрить...

— Нѣтъ, ужъ это оставьте,—съ веселою убѣжденностью прервалъ ее Еловскій.—Вы, я, ваши друзья, мы всѣ можемъ ошибиться, но Болонина не можетъ. Если она кое-что въ васъ подмѣтила, то ужъ это такъ. Это—приговоръ. Вѣдь талантъ, вы замѣтьте, никогда готовый не бываетъ. Бываетъ только предрасположеніе къ таланту, искорка какая-то, а потомъ ужъ все отъ условій зависитъ. Сцена, роли, вліяніе труппы, сближеніе съ подходящими личностями, обстановка жизни — вотъ что вырабатываетъ талантъ. Возьмемъ опять-таки лично васъ. Удастся вамъ попасть въ такія условія, и изъ васъ выйдетъ первоклассная артистка; не удастся—и современемъ никому даже въ голову не придетъ, что жизнь съѣла, проглотила талантъ, который могъ бы царствовать на русской сценѣ.

VI.

Еловскій, разговорившись, не замѣчалъ, что шагаетъ все скорѣе. Жадобина съ трудомъ поспѣвала за нимъ, растревоженная, увлеченная всѣмъ тѣмъ, что слышала отъ него. Ея лицо болѣе обыкновеннаго горѣло.

— Даже царствовать на русской сценѣ!—повторила она съ глухимъ, задыхающимся смѣхомъ.—Я такихъ мечтаній не разрѣшаю себѣ. Но почему же сплошь и рядомъ случается, что такъ называемые «подающіе надежды» оказываются ничтожными бездарностями или грошевыми полезностями? Мнѣ кажется, ни въ чемъ такъ не легко ошибиться, какъ именно въ сценическихъ дарованіяхъ и способностяхъ.

— И ошибаются, очень часто ошибаются,— согласился Еловскій и покрутилъ палочкой. — Но вы затронули большой, очень большой вопросъ. Бываетъ, что талантъ глохнетъ недоразвившись, вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ и обстоятельствъ. Онъ требуетъ условій не внѣшнихъ только, но и внутреннихъ. За нимъ нуженъ большой уходъ, и достаточно иногда очень какъ будто немногаго, чтобъ образовался пустоцвѣтъ. Часто случается, напримѣръ... но нѣтъ, этого нельзя объяснить въ двухъ словахъ. Вѣдь мы еще увидимся съ вами, не правда ли? Или, лучше сказать, мы будемъ видѣться? Вѣдь мы сегодня только скользили по самымъ серьезнымъ предметамъ, а разобраться въ нихъ не пришлось. Если я буду

знать, въ какіе дни и часы вы заходите къ Софьѣ Алексѣевнѣ, я постараюсь встрѣтить васъ тамъ.

Жадобина чуть-чуть покраснѣла, потому что въ эту минуту она сама думала именно о томъ, что очень удобно было бы встрѣчаться съ Еловскимъ у Болониной. Но это походило на условленныя романическія свиданія, и она чувствовала это несмотря на то, что онъ былъ «нуженъ» ей по самымъ серьезнымъ причинамъ.

— Я бываю тамъ обыкновенно на минуту, въ разное время дня,—отвѣтила она.—А мнѣ, дѣйствительно, надо бы поговорить съ вами. Вѣдь это все вещи, которыми я страшно интересуюсь. Завтра... что у насъ завтра, суббота? Завтра я могу быть вечеромъ у Софьи Алексѣевны. Спектакля нѣтъ, и, можетъ быть, она будетъ дома.

— Прекрасно, она непремѣнно будетъ дома,—радостно сказалъ Еловскій.

— Значитъ, увидимся, а теперь... я уже почти дошла до дому, merci,—сказала Нонна Павловна, которой совсѣмъ не хотѣлось попасться на глаза мужу въ сопровожденіи незнакомаго ему человѣка.

Еловскій приподнялъ шляпу, пожалъ протянутые ему кончики пальцевъ и, повернувъ, быстрыми шагами направился назадъ.

Онъ почти вбѣжалъ къ Болониной.

— Дома еще? Вотъ и чудесно, мнѣ непремѣнно нужно перекинуться съ вами парою словъ,—произнесъ онъ, снимая шляпу на самомъ порогѣ гостиной.—Гдѣ вы отыскали этакую Нонну Павловну?

Болонина засмѣялась.

— А что такое? Чѣмъ она васъ такъ поразила,— откликнулась она.

— Хо, хо! Сами, я думаю, понимаете, что ей есть чѣмъ поразить, и въ особенности насъ съ вами, при существующихъ обстоятельствахъ,—произнесъ Еловскій, усаживаясь съ подогнутой ногой на диванчикъ подлѣ Болониной.

— То-есть при какихъ обстоятельствахъ?—не поняла та.

— Ну, полноте!—сказалъ Еловскій.—Я, разумѣется, отлично понялъ. Вы съ помощью этой барыньки хотите дать шахъ и матъ Высочиной. Вы потому и участіе въ ней принимаете, и понеминожку поджигаете ее, и даже сами взялись бы безвозмездно подготовлять ее къ сценѣ.

— Почему же нѣтъ, если у нея талантъ...—проговорила Софья Алексѣевна.

Еловскій какъ-то странно подмигнулъ ей.

— Ну, талантъ... Это весьма неизвѣстно, какъ говоритъ Глухаревъ. Но блистающая красота, пониманіе туалетовъ, манеры, тонъ хорошаго общества, капелька темперамента — всего этого совершенно достаточно, чтобъ уничтожить Высочину въ лоскъ. Тутъ вы совершенно правы. Появится Жадобина—Высочиной ни одной роли не дадутъ. А у васъ сохраняется вашъ собственный плюсъ, то-есть талантъ. Идея безусловно счастливая.

Болонина усмѣхнулась и закурила папироску.

— Безусловно! — протянулъ Еловскій.

— Но вотъ бѣда, очень она въ своей семейной обстановкѣ упрочилась,—замѣтила Софья Алексѣевна,—къ монду принадлежитъ, то-есть къ говорящему по-французски чиновничеству, которое она, со словъ мужа, принимаетъ за мондъ.

Еловскій вопросительно посмотрѣлъ на собесѣдницу.

— Вы думаете, это такъ прочно?—сказалъ онъ.

Болонина отвѣтила ему долгимъ, выразительнымъ взглядомъ. «Попытайтесь»,—говорилъ этотъ взглядъ.

— Какъ будто вы не знаете, что женщины, тронутыя театральной заразой, ошалѣваютъ,— произнесъ Еловскій.— Кстати, она завтра вечеромъ пріѣдетъ къ вамъ. Вы будете дома? Я тоже приду.

— Приходите,—сказала Болонина, бросая окурокъ папиросы въ пепельницу.— Но это не значитъ, что я разрѣшаю вамъ слишкомъ увлечься моей б рынькой...— добавила она съ кокетливой строгостью.

— Эхъ, Sophie, послѣ нашихъ десяти лѣтъ!—произнесъ онъ, махнувъ рукою.

VII.

Отъ Болониной Еловскій поѣхалъ на извозчикѣ въ Фурштатскую, къ Эрасту Викторовичу Ведринскому, у котораго, онъ зналъ, между тремя и пятью часами всегда толклись кое-какіе пріятели, преимущественно изъ свѣтскихъ людей, занимающихся искусствомъ и литературой, то-есть изъ того круга, въ которомъ Еловскій самъ по преимуществу вращался.

Онъ не ошибся, въ кабинетѣ Ведринскаго находились, кромѣ самого хозяина, только что пріѣхавшаго, еще нѣсколько лицъ: баронъ Эліозаръ, разговаривавшій только когда былъ пьянъ, Глухаревъ, молодой кавалерійскій офицеръ Бодростинъ и Анатолій Александровичъ Кобычевъ, тайный совѣтникъ, несмотря на такой серь-

езный чинъ, посвящавшій свои досуги литературѣ, впрочемъ, столь же серьезной, какъ и этотъ чинъ.

Ведринскій, пухловатый блондинъ съ лысиной, посреди которой онъ все-таки ухитрялся дѣлать подобіе пробора, былъ облеченъ въ костюмъ, имъ самимъ изобрѣтенный для домашнихъ пріемовъ. Состоялъ этотъ костюмъ изъ широчайшаго покроя шароваровъ англійскаго рисунка, и глухо застегнутаго въ обтяжку казакина, съ выпущеннымъ изъ-подъ отложныхъ воротничковъ на полгруди громаднѣйшимъ пестрымъ бантомъ. Башмаки желтой кожи, на подошвѣ пятерной толщины, съ острыми носками, больше походившіе на пару катеровъ, чѣмъ на ботинки, дополняли этотъ туалетъ. Все вмѣстѣ составляло какую-то странную смѣсь женоподобности, развинченности и озорства.

Еловскій пожалъ руку хозяину и гостямъ, опустился на глубокое триповое кресло и обвелъ глазами комнату. Онъ всегда такъ оглядывалъ этотъ кабинетъ, поражавшій не совсѣмъ обычнымъ убранствомъ. Ведринскій любилъ создавать себѣ обстановку, заставлявшую предполагать въ немъ необыкновеннаго человѣка. Въ кабинетѣ его прежде всего бросались въ глаза два скелета, поставленные во весь ростъ по обоимъ концамъ письменнаго стола. Это необычное украшеніе составляло истинный крестъ его слуги Семена, потому что требовало ежедневнаго тщательнаго и осторожнаго обмыванья и перетиранья. Затѣмъ, на письменномъ столѣ и на этажеркахъ привлекали вниманіе черепа и кости, и между прочимъ цѣлая кисть женской руки, принадлежавшая, по словамъ Ведринскаго, единственной женщинѣ, которую онъ когда-то любилъ. Въ одномъ углу стояла длинная, какъ простѣночное зеркало, картина, изображавшая какую-то загадочную тѣнь въ дымныхъ облакахъ; передъ нею возвышались на треножникахъ восточныя курильницы. По словамъ Ведринскаго, тѣнь олицетворяла собою Нирвану, а курильницы были привезены имъ изъ Индіи, изъ одного тайнаго, неизвѣстнаго англичанамъ храма въ глубинѣ Декана, и составляли принадлежность лично видѣннаго имъ въ томъ храмѣ богослуженія. На столикахъ стояло много какихъ-то непонятныхъ фотографій, будто бы снятыхъ со спиритическихъ матеріализацій. Стекла въ окнахъ были расписныя, въ стилѣ прерафаэлитовъ, и это окончательно придавало кабинету странный, фантастическій и, въ сущности, нелѣпый видъ.

— Что новенькаго?—обратился къ Еловскому хозяинъ, засовывая обѣ руки въ карманы своей куртки.

— Да ничего пока,—отвѣтилъ тотъ.—Есть одна новость, по

еще не созрѣвшая. Кажется, новая актриса у насъ будетъ, дама изъ общества.

Глаза всѣхъ присутствующихъ быстро обратились на Еловскаго.

— Дама изъ общества? Кто такая?—переспросили нѣкоторые.

— Ничего пока не могу сказать, господа, — отвѣтилъ Еловскій. — Она еще не рѣшилась, а мужъ ея слышать объ этомъ не хочетъ.

— Талантъ-то есть?—спросилъ Глухаревъ.—Играла она гдѣ-нибудь?

— Болонина видѣла ее въ любительскомъ спектаклѣ, увѣряетъ, что положительный талантъ, — объяснилъ Еловскій.

— Болонина увѣряетъ? Это плохой знакъ, — отозвался язвительнымъ тономъ только что вошедшій князь Азаровъ.

— Въ полномъ смыслѣ красавица собой,—добавилъ Еловскій, пропуская мимо ушей замѣчаніе князя.—Умѣнье одѣваться, манеры — шикъ!

— А этого очень не хватаетъ въ нашей труппѣ, — сказалъ Ведринскій, усмѣхаясь и показывая покрытые зеленью зубы.— Только, что она будетъ у насъ дѣлать? Катерину въ «Грозѣ» играть? У насъ всего двѣ-три пьесы найдется, гдѣ являются свѣтскія женщины, да и тамъ онѣ ужаснымъ языкомъ говорятъ.

— А вы-то, господа, на что же?—возразилъ Еловскій.—Вѣдь оттого и репертуаръ такой держится, что писатели нашего круга совсѣмъ отстраняются отъ драматической литературы, не хотятъ знать русскаго театра.

— Да что же мы будемъ писать? Вѣдь въ нашей труппѣ половина актеровъ даже загримироваться свѣтскимъ человѣкомъ не умѣетъ,—возразилъ въ свою очередь Ведринскій.—Симпатичнаго пьянчужку — вотъ это всякій отлично сыграетъ; а «гостемъ» во фракѣ никто пройти не умѣетъ. И голоса у всѣхъ какіе-то, точно съ погоста. А актрисы, если на сценѣ балъ, купеческую свадьбу изображаютъ. Я васъ спрашиваю, что мы могли бы написать при такихъ условіяхъ? — заключилъ Ведринскій, обводя взглядомъ всѣхъ присутствующихъ.

— А салонныхъ пьесъ тѣмъ болѣе не слѣдуетъ давать; ихъ и у французовъ въ Михайловскомъ театрѣ противно смотрѣть,— вставилъ князь Азаровъ.

— Такъ что же, какой репертуаръ нуженъ? — воскликнулъ Еловскій.

— Что-нибудь совсѣмъ другое, новое,—продолжалъ Азаровъ.— Нынѣшнее языческое искусство вообще отжило; его или совсѣмъ

не нужно, или оно должно дать то, чего мучительно ищетъ современное человѣчество. Оно должно дать разгадку великихъ тайнъ духа, примирить человѣка съ неизбѣжностью смерти.

Широкое и блѣдное лицо князя поблѣднѣло еще больше, и въ немъ болѣзненно выразилась удрученность еще не найденнаго примиренія съ неизбѣжностью смерти.

— Искусство должно стать мистическимъ и символическимъ,— подтвердилъ Ведринскій, поведя взглядомъ по скелетамъ, черепамъ и костямъ. — Ничтожество жизни, безсмысленность всего созданнаго такъ называемой цивилизаціей и великая тайна смерти — вотъ содержаніе той литературы, какой хочетъ современный человѣкъ. Развѣ не этимъ объясняется владычество надъ умами графа Толстого?

VIII.

Разговоръ оживился, сдѣлался общимъ. Молодой кавалерійскій офицеръ Бодростинъ, слегка вспыхивая подъ покрывавшимъ его щеки пушкомъ, заявилъ, что всѣ наслажденія, за которыми слѣпо гоняется толпа, не имѣютъ никакого значенія для современнаго человѣка. Самое великое въ жизни — смерть, т.-е. выходъ безсмертнаго духа изъ случайнаго, жалкаго воплощенія.

Ведринскій толкнулъ князя Азарова подъ локоть и подмигнулъ ему восторженнымъ образомъ на Бодростина.

— И это говоритъ цвѣтущій юноша, полный силъ и желаній!— произнесъ онъ почти влюбленнымъ голосомъ.

Кобычевъ, насупленно молчавшій до сихъ поръ, хлебнулъ изъ стоявшаго передъ нимъ стакана съ чаемъ и проговорилъ:

— Въ русскомъ народѣ всегда было презрѣніе къ жизни; въ этомъ его сила. Онъ тысячу лѣтъ прожилъ въ своей посконной рубахѣ, подъ дырявой соломенной крышей, пренебрегая жалкимъ матеріальнымъ комфортомъ, погубившимъ западнаго человѣка, и сохранивъ могучую силу духа. Онъ потому одинъ только и остался великимъ народомъ.

— А откуда онъ заимствовалъ это презрѣніе къ жизни? Вонъ откуда! — произнесъ Ведринскій и указалъ въ уголъ, гдѣ стояла тѣнь Нирваны, окруженная индійскими курильницами. — Съ Востока, изъ этой великой, общей колыбели человѣчества.

— Да, но черезъ Византію, черезъ Византію!—замѣтилъ Кобычевъ.

Отсюда возникъ споръ. Ведринскій сталъ доказывать, что роль

Византіи принадлежитъ исторіи, что въ настоящее время духовное возрожденіе и обновленіе можетъ быть получено только непосредственнымъ общеніемъ съ Востокомъ, съ настоящимъ Востокомъ Будды и Кун-фу-цзы.

Съ этимъ соглашались, но требовали оговорокъ.

Еловскій тѣмъ временемъ подсѣлъ къ Глухареву и, наклонившись къ нему, спросилъ интимнымъ тономъ:

— А вы, оказывается, пьесу написали, да еще въ стихахъ! Это пока секретъ, э?

— Только не отъ пріятелей, — улыбнулся въ отвѣтъ Глухаревъ, выкачивая свои круглые стеклянные глаза. — А вамъ Болонина сказала?

— Да.

— Не утерпѣла похвастать!—тономъ необъятнаго самомнѣнія пронзнесъ Глухаревъ.—Дѣйствительно, для нея тамъ великолѣпная роль есть... великолѣпная!

Еловскаго немножко покоробило отъ этого тона.

— Великолѣпныхъ ролей, Зиновій Ивановичъ, не надо давать артисткамъ съ установленной репутаціей,—возразилъ онъ.—Тутъ гораздо интереснѣе видѣть молодое, свѣжее дарованіе. Молодая артистка, по крайней мѣрѣ, не сыграетъ по шаблону.

Глухаревъ собралъ свои толстыя губы, какъ будто хотѣлъ посвистать.

— Фю-фю... знаемъ мы эту штуку:

... разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ,—

съ возрастающимъ высокомѣріемъ сослался онъ на пушкинскіе стихи.

— Я говорю о молодой, талантливой артисткѣ, которая всегда что-нибудь свое, оригинальное покажетъ, — настаивалъ Еловскій.

— Вотъ этого-то я пуще всего и боюсь, когда актрисы или актеры «свое» пускаютъ, — отвѣтилъ Глухаревъ. — Ничего тутъ своего не нужно. Роль обдумана, разработана—бери ее какъ есть и играй по ремаркамъ. Чего не поймешь, или не удастся, авторъ растолкуетъ, научитъ. Упаси Господи, если въ такую пьесу, какъ моя, да оригинальности какая-нибудь дура подпустить захочетъ.

Лицо Еловскаго окончательно приняло видъ непріятной растерянности. Необъятное самомнѣніе Глухарева ставило его втупикъ. Хотя онъ уже привыкъ къ тому, что весь этотъ кружокъ считалъ себя какимъ-то сен-жерменскимъ предмѣстьемъ русской литера-

туры и на все не принадлежащее къ кружку смотрѣлъ какъ на жалкое мѣщанство, способное только къ площадному гаерству, но тѣмъ не менѣе онъ зналъ, что пьеса Глухарева—его первый опытъ въ этомъ родѣ, что ни знанія сцены, ни привычки къ стиху у него нѣтъ, и что, поэтому, нѣкоторая скромность въ данномъ случаѣ была бы для него весьма умѣстна.

— Рѣчь идетъ не о дурахъ, и вообще вы не такъ меня поняли,— сказалъ Еловскій.— У слишкомъ опытной, выработанной артистки всегда извѣстный шаблонъ чувствуется, и репертуаръ у нея очень великъ, такъ что она непремѣнно будетъ сбиваться на что-нибудь старое.

— У меня не собьется, я лично на всѣхъ репетиціяхъ буду,— возразилъ Глухаревъ.— И полагаю, господа актеры поймутъ, что на сей разъ они играютъ не Тряпичкина какого-то, а настоящаго писателя.

Словечко «сей» напомнило Еловскому замѣчаніе о раскольничьемъ языкѣ, навязанномъ русскимъ авторомъ Альфреду Мюссѣ.

— А если Болонина откажется отъ роли?— произнесъ онъ.

Глухаревъ съ изумленіемъ навелъ на него свои круглые зрачки.

— Откажется? Софья Алексѣевна Болонина откажется играть въ моей пьесѣ?—повторилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто разговаривавшій съ нимъ внезапно сошелъ съ ума.—Но почему бы это, «любопытенъ я» знать?

— Да хотя бы потому, что у васъ тамъ какія-то славянскія выраженія понаставлены, а она находитъ ихъ неумѣстными въ пьесѣ, заимствованной изъ поэмы Мюссѣ.

Глухаревъ помолчалъ, какъ бы въ нѣкоторомъ столбнякѣ, потомъ прищурился на Еловскаго однимъ глазомъ.

— Она вамъ говорила это?— спросилъ онъ.

— Да, говорила.

Глухаревъ прищурился сильнѣе и придалъ всему лицу необычайно тонкое выраженіе.

— Хорошо, тогда и я тоже поговорю съ ней,— произнесъ онъ значительно.—Я буду имѣть честь разъяснить ей, что она слишкомъ привыкла къ языку Тряпичкиныхъ, поставляющихъ свою дрянь для современной русской сцены, а потому истинная поэзія немножко рѣжетъ ей ухо.

И совершенно недовольный всѣмъ этимъ разговоромъ, онъ грузно повернулся и обратился съ какимъ-то вопросомъ къ Кобычеву.

IX.

Еловскій тоже былъ недоволенъ, и не только Глухаревымъ, но и самимъ собою. Онъ отлично понималъ и этотъ сенжерменскій кружокъ литераторовъ, гнушавшихся литературой, и свое положеніе въ немъ. Онъ былъ близокъ къ нему, но самъ никакимъ авторствомъ не занимался, и потому всѣ эти безмѣрныя самолюбія охотно обнажались передъ нимъ, какъ передъ лицомъ постороннимъ, не обладающимъ данными для измѣренія дѣйствительныхъ литературныхъ величинъ. Другъ передъ другомъ они не могли врать, не рискуя встрѣтить насмѣшливую улыбку. Но Еловскому можно было врать что угодно: онъ все принималъ съ сочувственнымъ любопытствомъ и имѣлъ видъ человѣка, всему простодушно вѣрящаго. Ведринскій могъ говорить ему, что выручилъ шесть тысячъ за книжку своихъ стихотвореній, а теперь ему предлагаютъ за второе изданіе десять тысячъ. Глухаревъ могъ говорить ему, что получаетъ по пятисотъ рублей за каждую статью въ газетѣ о необходимости овладѣть проливами, и что англійскій посланникъ хотѣлъ закупить его необычайною любезностью. Кобычевъ могъ разсказывать Еловскому, что въ комитетѣ министровъ произошелъ горячій споръ по поводу сдѣланной въ его брошюрѣ постановки дворянскаго вопроса, и что извѣстный лейпцигскій издатель Брокгаузъ предлагаетъ ему цѣлое состояніе за право перевода этой брошюры на всѣ европейскіе языки. Словомъ, члены кружка видѣли въ Еловскомъ удивительно милаго человѣка, въ присутствіи котораго можно предаваться наслажденіямъ самаго необузданнаго самомнѣнія.

Еловскій это понималъ, но, не зная литературныхъ дѣлъ и условій, немножко даже вѣрилъ тому, что ему разсказывали. Ему даже пріятно было думать, что всѣ эти знакомые ему поэты, романисты и журналисты въ самомъ дѣлѣ представляютъ собою настоящую литературу, хотя и не ту, которой занимается публика.

Глухаревъ, конечно, не обнаружилъ бы такого самомнѣнія передъ другими членами кружка. Онъ услаждался, полагая, что бесѣдуетъ съ человѣкомъ, не умѣющимъ опредѣлить его дѣйствительное значеніе. Не слѣдовало обращать вниманія на его наивную спѣсь и въ особенности возстановлять его противъ Болониной. Но именно высокомѣріе по отношенію къ Болониной задѣло Еловскаго за живое, и онъ не сдержался.

«А, впрочемъ,—подумалъ, успокоившись, Еловскій, — Софья Алексѣевна отлично можетъ обойтись безъ его пьесы, съ ея сла-

вянщиной. Для нея и не такіе авторы охотно напишутъ. А для той... для будущей... тоже что-нибудь найдемъ».

И на мгновенье эта «будущая», эта красивая женщина, къ которой онъ сразу почувствовалъ неотразимое, неотвязчивое влеченіе, знакомое однимъ театраламъ, испытывающимъ двойное обаяніе красоты и артистичности,—эта женщина проплыла передъ его затуманившимися глазами. И ея очарованіе дѣйствовало тѣмъ сильнѣе, что она была еще вся въ будущемъ, что на ней еще не лежалъ тотъ спеціальный, особый лоскъ, какой кладетъ на артистку театральная жизнь. Ее еще надо было добывать для искусства и... и для себя.

Еловскій разсѣянно прислушивался къ голосамъ присутствовавшихъ. Центромъ общаго разговора сдѣлался теперь Кобычевъ. Онъ излагалъ программу статьи, которую готовилъ для одного мало читаемаго журнала. Статья имѣла цѣлью установить начала особой, самобытной политической экономіи, примѣненной къ духу и характеру русскаго народа.

— Нашъ народъ любитъ бѣдность, да!—говорилъ онъ своимъ навязчивымъ, учительскимъ тономъ.—Это надо понять, потому что въ этомъ вся штука. Всѣ объясненія нашей бѣдности на основаніи европейскихъ экономическихъ воззрѣній никуда не годятся. Ни община, ни раздѣлы, ни малоземелье тутъ ничего не значатъ. Вся суть въ томъ, что народъ любитъ бѣдность. Въ этомъ его глубочайшее различіе отъ западнаго крестьянина или рабочаго. Въ немъ нѣтъ похоти стяжанія, развратившей европейца: онъ презираетъ земныя, мірскія блага, и дорожитъ только богатствами духа. А разъ что это такъ, то совершенно понятною становится полная для насъ несостоятельность западной экономической науки.

Глухаревъ, внимательно вслушивавшійся въ слова Кобычева, обвелъ всѣхъ радостно-вопрошающимъ взглядомъ.

— Какая, господа, глубокая мысль!—воскликнулъ онъ.

Ведринскій поднялся съ мѣста, вытянулъ впередъ обѣ руки, затѣмъ разомъ опустилъ ихъ.

— А развѣ не то же самое видимъ мы на Востокѣ?—вскричалъ онъ. — Вѣдь это только новое подтвержденіе все той же истины, что мы ближе всѣхъ къ Востоку, къ великой колыбели человѣчества! И есть слѣпые, которые не понимаютъ этого!

X.

Заѣхавъ на другой день вечеромъ къ Болониной, Еловскій уже засталъ тамъ Нонну Павловну. Они встрѣтились, словно хорошіе

знакомые, связанные очень серьезными для нихъ обоихъ интересами.

— Я просматриваю новую пьесу, въ которой Софья Алексѣевна будетъ играть,—пояснила Жадобина, указывая на большую переплетенную тетрадь, которую держала подлѣ лампы.—Передѣлка изъ Мюссѐ, въ стихахъ.

— А, Глухарева! —вспомнилъ тономъ пренебреженія Еловскій.—А развѣ это уже рѣшено?—быстро обернулся онъ къ Болониной.—Мнѣ помнится, вы нашли тамъ нелѣпые стихи? Что вамъ за охота рисковать разсмѣшить публику въ самомъ торжественномъ мѣстѣ?

— Мнѣ пьеса вообще не нравится, но есть двѣ-три эффектныя сцены,— отвѣтила Болонина. — Главное, впрочемъ, не въ пьесѣ, а въ авторѣ. Вѣдь онъ очень извѣстенъ, не правда ли? Онъ вездѣ бываетъ въ свѣтѣ?

Еловскій пожалъ плечами.

— Да, онъ можетъ составить залу, не спорю; но тѣмъ непріятнѣе произносить дикіе стихи передъ хорошей публикой,—возразилъ онъ.

— Можетъ быть, онъ кое-что подправитъ?

— Ничего онъ не подправитъ. Это такое дилетантское самолюбіе, какого я еще не встрѣчалъ. Вчера я чуть не поругался съ нимъ изъ-за васъ и этой пьесы. По его мнѣнію, онъ оказываетъ вамъ величайшую честь, предлагая вамъ главную роль.

— А не все ли мнѣ равно, какъ онъ объ этомъ думаетъ. Я готова даже поддержать его въ такомъ мнѣніи, — сказала съ маленькимъ смѣхомъ Болонина.—Вы думаете, это шутка—составить залу? Это все!—продолжала она съ увлеченіемъ.—Мнѣ надоѣла наша всегдашняя публика. Удивительно интересно блистать передъ лавочниками и рецензентами. Они даже испортили мой вкусъ въ туалетахъ. Кромѣ шутокъ, я не рѣшаюсь сдѣлать дѣйствительно хорошій, тонкій туалетъ: мнѣ все кажется, что его не поймутъ. И я нашиваю какіе-то позументы, или выпускаю яркую ленту въ десять вершковъ ширины. Это мука, истязаніе.

Еловскій слушалъ ее съ серьезнымъ видомъ.

— Все это такъ, и я васъ совершенно понимаю; но мы можемъ обойтись безъ Глухарева,—сказалъ онъ значительнымъ тономъ.—У меня есть идея устроить нѣчто получше.

— Напримѣръ?—быстро повернулась къ нему Болонина.

— А, любопытно?—произнесъ Еловскій и взглянулъ на обѣихъ дамъ.

Ихъ глаза точно впились въ него. Нѣжно-смуглое лицо Жадобиной чуть-чуть горѣло,—до такой степени было сильно волненіе, съ какимъ она присутствовала при этомъ разговорѣ. Еловскій невольно усмѣхнулся: онъ понялъ эту заразительную лихорадку артистическаго экстаза и сочувствовалъ ей вдвойнѣ: какъ театралъ и какъ поклонникъ женской красоты.

— Ну, не кокетничайте, говорите: какая у васъ геніальная идея?—нетерпѣливо обратилась къ нему Болонина.

— Ужъ будто и пококетничать нельзя? Мы, мужчины, имѣемъ такъ мало способовъ къ тому, что надо пользоваться случаемъ,—весело отвѣтилъ онъ.—А идея моя, хотя и не геніальная, но не плохая. Возникла же она вотъ по какому случаю. Лѣтъ этакъ пятнадцать назадъ,—я вѣдь не моложусь и не скрываю что мнѣ всѣ сорокъ уже стукнуло,—провелъ я мѣсяцъ въ деревнѣ у Арсенія Ильича...

— У нашего Арсенія Ильича?—перебила Болонина.

— У него самаго. И вотъ,—продолжалъ Еловскій, по привычкѣ какъ-то присасывая зубами, — вздумалось намъ сочинить любительскій спектакль. Общество у насъ собиралось большое: сосѣди очень милые нашлись, кое-кто изъ губернскаго города навертывался, были пріѣзжіе изъ Петербурга и Москвы. Между прочимъ, двѣ барыньки оказались такія, что хоть куда. Развязныя, бойкія, кокетки до мозга костей. Одна, представьте себѣ, вы, сокая, тонкая блондинка съ черными глазами и рѣсницами на полщеки...

— Ну, хорошо, хорошо, дальше!—снова перебила Болонина.— Если мы будемъ добираться до вашей идеи черезъ всѣхъ красавицъ, какихъ вы встрѣчали, то никогда не доберемся.

— Признательность въ моей натурѣ,—возразилъ Еловскій.— Итакъ, затѣяли мы сыграть спектакль. На чемъ же остановиться? Перебрали весь репертуаръ, и все не сходились въ мнѣніяхъ. Тогда Арсеній Ильичъ проговорился, что у него есть комедія собственнаго сочиненія, подъ названіемъ: «Двѣ или ни одной». Мы всѣ, конечно, пристали къ нему—дайте вашу пьесу. Онъ снизошелъ. Начались, какъ водится, репетиціи, потомъ сыграли, и, я вамъ скажу, спектакль сошелъ блистательно! Прямо блистательно! Пьеска оказалась премиленькая, главныя роли вполнѣ выигрышныя. Двѣ женскія—какъ нарочно для васъ и Нонны Павловны. Теперь понимаете, въ чемъ заключается моя идея?

— Вы думаете, Арсеній Ильичъ дастъ свою пьесу?—тономъ сомнѣнія возразила Болонина.

Еловскій взглянулъ на Жадобину: у нея уши раскраснѣлись, и глаза подъ длинными черными рѣсницами блестѣли какъ угольки.

— Утверждать заранѣе не стану, но полагаю, что мнѣ удастся его уломать; вѣдь мы съ нимъ, вы знаете, пріятели,—отвѣтилъ Еловскій.

Болонина вдругъ порывисто бросилась къ нему и обняла обѣими руками за шею.

— Орестъ Львовичъ, если вы насъ только подразнили, а дѣла не сдѣлаете, мы васъ задушимъ голыми руками!—воскликнула она, и оглянулась на Жадобину съ такимъ выраженіемъ, которое говорило:—«Помогайте же мнѣ, вѣдь отъ него теперь ваша судьба зависитъ!»

— Если не сдѣлаю, можете задушить; а теперь, за идею, разрѣшите расцѣловать вамъ обѣимъ ручки,—отвѣтилъ Еловскій и, наскоро поцѣловавъ руки Болониной, всталъ и наклонился передъ Жадобиной.

Она, еще больше краснѣя, отдала ему одну руку, потомъ другую. Еловскій перецѣловалъ ихъ по нѣсколько разъ, медленно, и такъ крѣпко сжимая, что кольца оставили знаки на кожѣ. Болонина черезъ его голову смотрѣла въ глаза Ноннѣ Павловнѣ, поощряя и одобряя, и какъ бы говоря:—«Вы понимаете, его надо приручить и залучить во что бы то ни стало».

И бархатные зрачки Жадобиной выражали согласіе.

XI.

Хорошенькая Паша, горничная Софьи Алексѣевны, въ чепчикѣ и французскомъ передникѣ, заявила, что поданъ самоваръ. Всѣ перешли въ столовую и усѣлись вокругъ стола. Разговоръ возобновился.

— Какъ, вы сказали, называется пьеса Арсенія Ильича?—спросила хозяйка.

— «Двѣ или ни одной»,—отвѣтилъ Еловскій.—Сюжетъ, видите ли, въ томъ, что двѣ женщины, одна передъ другой, стараются влюбить въ себя героя пьесы, и такъ успѣшно достигаютъ цѣли, что онъ оказывается въ затрудненіи, которую предпочесть. Ему онѣ обѣ нужны, или ни одной. А такъ какъ на двухъ нельзя жениться, то онъ убѣгаетъ съ третьей. Тутъ, понимаете, множество выигрышныхъ сценъ, и все въ тонѣ хорошаго общества.

— Я бы съ наслажденіемъ играла въ такой пьесѣ,—сказала Болонина;—это моя мечта. И вотъ ужъ тутъ, конечно, была бы

составлена зала! Одно имя Арсенія Ильича привлечетъ все лучшее петербургское общество.

— Подъ своимъ именемъ онъ не дастъ,—возразилъ Еловскій.—Но такъ даже лучше: знать все-таки будутъ, а между тѣмъ получится интересъ таинственности.

— Можно пустить намекъ въ газетахъ...

— Понятно. Это все я ужъ устрою, вы не безпокойтесь.

Еловскій откинулся на спинку стула, сощурилъ глаза и посмотрѣлъ поочередно то на одну, то на другую изъ дамъ.

— Я отсюда уже вижу васъ обѣихъ въ вашихъ роляхъ,—проговорилъ онъ какъ бы сладко разслабленнымъ голосомъ.—Особенно въ сценѣ второго акта, гдѣ вы обѣ читаете монологи: одна изъ «Ромео и Джульеты», а другая изъ «Адріены Лекуврёръ»—великолѣпная сцена, вродѣ артистическаго состязанія. Для Нонны Павловны она особенно удобна, потому что и по замыслу автора предназначалась для дебютантки, или для любительницы.

Смуглое лицо Жадобиной разгоралось все больше.

— Вы такъ говорите, какъ будто ужъ рѣшено, что я принята на сцену, и мнѣ данъ дебютъ въ этой пьесѣ,—сказала она съ волненіемъ.

— Я такъ смотрю,—подтвердилъ Еловскій.—Что вамъ дадутъ дебютъ, за это я ручаюсь. Все зависитъ отъ васъ самихъ. Достанетъ ли у васъ характера завоевать свою личную свободу—вотъ въ чемъ весь вопросъ.

Нонна Павловна опустила лицо на поставленныя на локти руки.

— Ахъ, я сама знаю, что въ этомъ весь вопросъ!—проговорила она въ смятеніи.

— Надо умѣть рѣшиться,—замѣтила Софья Алексѣевна серьезнымъ и ободряющимъ тономъ.

Жадобина подняла голову.

— Да, еслибъ только я знала, что у меня дѣйствительно есть талантъ,—сказала она.

— Позвольте, Нонна Павловна,—горячо вмѣшался Еловскій,—вѣдь надо же имѣть довѣріе къ сужденію такой опытной артистки, какъ наша хозяйка. Она видѣла васъ на любительской сценѣ и сразу назвала васъ талантомъ. А къ числу многоразличныхъ достоинствъ Софьи Алексѣевны никакъ нельзя присоединить излишнее снисхожденіе къ артистамъ, и въ особенности къ артисткамъ,—добавилъ онъ со своей плутоватой улыбкой.

Болонина погрозила ему пальцемъ.

— Таланты вырабатываются, нужны только задатки,— сказала она.

— Ну, что касается задатковъ, то объ этомъ и мнѣ позвольте сужденіе имѣть,—опять съ горячностью подхватилъ Еловскій.— Ужь о задаткахъ-то мы можемъ судить. Одни внѣшнія данныя чего стоятъ.

И онъ повелъ на Жадобину такимъ страстно - любующимся взглядомъ, что она снова вспыхнула и невольно опустила свои густыя рѣсницы.

— А вы присоедините воспитаніе, манеры хорошаго общества, образованіе, литературный вкусъ...—добавила Болонина.—У насъ съ этими данными днемъ съ огнемъ надо искать. Впрочемъ, Нонна Павловна можетъ подумать, что мы ее уговариваемъ, а я не хочу этого. Такъ вы, Орестъ Львовичъ, полагаете, что Глухарева можно по-боку?

— По - боку, разумѣется, по - боку,—подхватилъ Еловскій.— Что за охота возиться съ этой дилетантской спѣсью? Повѣрьте, и безъ него обойдемся. Ужъ если на то пошло, такъ я всѣ главныя литературныя силы притяну. Я Ведринскаго заставлю драму въ стихахъ написать! Не шутя: вѣдь онъ могъ бы дать что-нибудь въ новомъ родѣ, символически - мистическое, какъ теперь любятъ. У него даже идея есть въ одной поэмѣ: душа чахоточной женщины улетаетъ по ночамъ въ сады безсмертія, потому что она наполовину уже освободилась отъ тѣла, а душа влюбленнаго въ нее профессіональнаго атлета тоскуетъ, подавленная страшнымъ избыткомъ физической жизни. Можно драматизировать эту тему, создать совершенно новые сценическіе эффекты. Напримѣръ вы: засыпаете, среди таинственныхъ, полу-освѣщенныхъ декорацій, васъ замѣняютъ куклой, а вы, закутанная въ газъ, медленно отдѣляетесь отъ себя самой, то-есть отъ куклы, подымаетесь все выше, и наконецъ улетаете въ сады безсмертія. Затѣмъ—чистая перемѣна картины, и вы играете душу героини.

Болонина захлопала въ ладоши.

— Браво, да вы поэтъ, Орестъ Львовичъ!— воскликнула она.—Вы могли бы сами написать отличную вещь.

— О, нѣтъ, я не пускаюсь въ авторство,—скромно протестовалъ Еловскій.—Хотя, какъ вы знаете, у меня есть двѣ-три одноактныя бездѣлки, которыя до сихъ поръ держатся на репертуарѣ.

Софья Алексѣевна пододвинула ему новый стаканъ чаю.

— Итакъ, вы немедленно начинаете дѣйствовать?—спросила она.

— Относительно Арсенія Ильича?

— Да.

— Немедленно, и увѣренъ въ успѣхѣ,—подтвердилъ Еловскій.

XII.

Жадобина, послѣ чаю, нѣсколько разъ собиралась уѣхать, и опять оставалась. Она не могла отдѣлаться отъ обаянія этихъ все болѣе овладѣвавшихъ ею интересовъ. У Софьи Алексѣевны самый воздухъ какъ будто былъ насыщенъ ими, и Нонна Павловна вдыхала ихъ, какъ отраву, вмѣстѣ съ воздухомъ...

Между тѣмъ пришелъ Ивицкій, актеръ, принадлежавшій къ партіи Болониной. Софья Алексѣевна увела его въ столовую поить чаемъ, а Еловскій и Жадобина остались вдвоемъ въ гостиной. Онъ тотчасъ обратился къ ней съ нѣсколько таинственнымъ видомъ, какъ будто давая понять, что его слова не должны быть услышаны хозяйкой дома.

— Вы счастливица, ваши артистическіе планы совпадаютъ съ самымъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ,—сказалъ онъ пониженнымъ голосомъ, многозначительно взглядывая по направленію къ столовой.

— А именно?—спросила Жадобина.

— Софья Алексѣевна совершенно на вашей сторонѣ, и для этого есть особая причина, кромѣ расположенія, которое она къ вамъ питаетъ, и увѣренности въ ожидающихъ васъ успѣхахъ,— отвѣтилъ онъ все также не громко.—Знаете, закулисная жизнь полна борьбы, и безкорыстныхъ влеченій вы тамъ мало найдете. Каждый отстаиваетъ себя и свои интересы. Поэтому не удивляйтесь, если я, при всемъ уваженіи къ Софьѣ Алексѣевнѣ, придаю особенное значеніе тому, что ваше поступленіе на сцену совпадаетъ съ нѣкоторыми ея личными цѣлями.

— Въ самомъ дѣлѣ?—удивилась Нонна Павловна.

Еловскій многозначительно прищурилъ одинъ глазъ и кивнулъ головой.

— Есть это,— сказалъ онъ почти шепотомъ.—Надо вамъ знать, что Софья Алексѣевна терпѣть не можетъ Высочину, которая моложе и красивѣе ея, и начинаетъ нравиться публикѣ. И вотъ, она разсчитываетъ, что съ вашимъ появленіемъ Высочина останется безъ всякаго мѣста въ труппѣ. Поэтому она готова будетъ все на свѣтѣ сдѣлать, не только чтобы васъ приняли, но и чтобы облегчить ваши успѣхи. Понимаете, какъ это важно? Вѣдь

отъ нея, собственно, все зависитъ, она всѣми командуетъ. Начать карьеру не противъ желанія Болониной, а подъ ея покровительствомъ,—это такой шансъ, какого до сихъ поръ ни одна артистка не имѣла. Потому-то я и говорю, что вы счастливица, вы находитесь въ самомъ рѣдкостномъ положеніи.

Нонна Павловна слушала его, почти не дыша. Въ темныхъ глазахъ ея опять появилось лихорадочное возбужденіе.

— Но въ такомъ случаѣ я сразу пріобрѣла бы врага въ лицѣ этой Высочиной,—сказала она.

— И пускай себѣ!—воскликнулъ Еловскій.—Что такое Высочина противъ Болониной? А безъ маленькихъ враговъ на сценѣ шагу ступить нельзя. Главное въ томъ, что, когда узнаютъ о вашихъ отношеніяхъ къ Софьѣ Алексѣевнѣ, всѣ будутъ стараться угождать вамъ.

Нонна Павловна откинула голову на высокую спинку кресла и молчала. Въ ея большихъ черныхъ зрачкахъ, въ слегка сближенныхъ бровяхъ, въ красивомъ разрѣзѣ губъ, залегло безпокойно-задумчивое выраженіе.

— Знаете, все это на меня дурно дѣйствуетъ,—сказала она, наконецъ.—Я увлекаюсь, мечтаю, дразню сама себя, а въ концѣ концовъ, по всей вѣроятности, ничего изъ этого не выйдетъ. Или у меня рѣшимости не хватитъ, или просто меня не пустятъ.

Еловскій всплеснулъ руками съ видомъ отчаянія.

— Но неужели? Неужели вы серьезно это говорите?—произнесъ онъ почти шепотомъ, съ такимъ видомъ, какъ будто выслушалъ исповѣдь преступленія.— При тѣхъ данныхъ, какими вы обладаете, при условіяхъ, какія складываются, у васъ не хватитъ рѣшимости?

— Не знаю... Только это не легко, Орестъ Львовичъ!—задумчиво проговорила Нонна Павловна.

Лицо Еловскаго сдѣлалось такъ же печально, какъ и голосъ Жадобиной. Его сѣрые глаза утратили свой обычный плутовато-веселый блескъ.

— Не легко? — переспросилъ онъ тономъ, какимъ докторъ спрашиваетъ паціента: «Очень болитъ?»

Нонна Павловна протянула руки на подлокотникахъ кресла и наклонила голову.

— Видите ли, когда я бываю здѣсь, слышу всѣ эти разговоры, когда меня со всѣхъ сторонъ ободряютъ, мнѣ начинаетъ казаться, что я должна во что бы то ни стало рѣшиться,—отвѣтила она.— Ну, а потомъ, въ совершенно другой обстановкѣ, рѣшимость пада-

етъ, являются всякія сомнѣнія и колебанія, я теряю увѣренность въ себѣ.

— Это понятно, понятно!—воскликнулъ Еловскій.—Вамъ неизбѣжно предстоитъ пройти черезъ борьбу съ самой собой, съ обстоятельствами, съ личною обстановкой. Но я разсчитываю на Софью Алексѣевну: теперь ея долгъ—поддержать васъ въ этой борьбѣ, не дать всѣмъ этимъ порываніямъ разыграться въ ничью. А относительно меня, могу только просить васъ вѣрить, что мои самыя пламенныя желанія—видѣть васъ на сценѣ, и что ради этого я готовъ сдѣлать больше, чѣмъ въ моихъ силахъ.

Жадобина послала ему благодарный взглядъ и протянула руку, которую онъ поцѣловалъ такимъ долгимъ и страстнымъ поцѣлуемъ, что она опять вспыхнула.

— Но намъ такъ мало приходится говорить другъ съ другомъ,—продолжалъ Еловскій.—Вы меня запугали вашимъ мужемъ, и я боюсь просить вашего разрѣшенія—явиться къ вамъ.

Нонна Павловна подумала, немножко насупивъ брови, и отвѣтила:

— Нѣтъ, пріѣзжайте. По воскресеньямъ нашъ five o'clock. Что-жъ, если дѣйствовать, такъ дѣйствовать!

XIII.

Жадобины занимали очень недурную квартиру въ одной изъ тѣхъ улицъ, которыя считаются аристократическими и дорогими, но по мѣрѣ приближенія къ Таврическому саду, сильно дешевѣютъ. Убранство у нихъ тоже было очень недурное и модное, но съ сильнымъ отпечаткомъ притязательной пошловатости. Такихъ обстановокъ въ Петербургѣ необычайное множество, и именно въ томъ кругу свѣтскаго чиновничества, которое не шутя считаетъ себя за аристократію, потому что у нихъ чай подаетъ лакей во фракѣ, и разговоры ведутся только о томъ, что дѣлается въ большомъ свѣтѣ.

Еловскій, войдя въ воскресенье въ гостиную Нонны Павловны, однимъ взглядомъ оцѣнилъ и этотъ стиль Louis XVI изъ русскаго орѣха, и этотъ московскій коверъ по всему полу, и эту «фантазію» декоратора-чемоданщика, не понявшаго рисунокъ стараго альбома, и дешевенькій сервизъ отъ Марсеру, и въ особенности составъ немногочисленнаго общества, расположившагося вокругъ серебрянаго bouloir, такого маленькаго, что его поминутно уносили доливать кипяткомъ. Опытный глазъ Еловскаго тотчасъ различилъ и опредѣлилъ по мастямъ и мужчинъ, вся забота которыхъ была направ

лена къ тому, чтобы показать себя до чрезвычайности свѣтскими, и разодѣтыхъ въ дорогіе, но до крайности скучные туалеты дамъ. Его сразу слегка покоробило, такъ какъ онъ давно уже привыкъ бѣгать отъ этого круга, раздражавшаго его хуже петербургскаго дождя. Немножко покоробило его также и отъ того, что въ лицѣ m-me Жадобиной что-то безпокойно дрогнуло, какъ только она его завидѣла.

— Боится, чтобы не досталось за меня отъ мужа,—подумалъ онъ съ досадой.

Отъ него не укрылся и неувѣренный тонъ, какимъ она назвала его мужу.

Николай Викторовичъ очень вѣжливо, но и очень холодно пожалъ ему руку и выразилъ удивленіе, что нигдѣ раньше не встрѣчался съ нимъ. Еловскій отвѣтилъ еще вѣжливѣе и, подсѣвъ къ столу, гдѣ хозяйничала Нонна Павловна, исподтишка старался хорошенько разглядѣть мужа.

Наружность Николая Викторовича, казалось, вся состояла изъ серьезнаго приличія. И голубые, напряженно-довольные глаза, и большой, спрятанный подъ жидкими усами ротъ, и сухой носъ, и бѣлокурые, гладкіе, словно напомаженные волосы, и землисто-блѣдный цвѣтъ кожи—все какъ будто было направлено къ тому, чтобы выразить высшую степень приличія. Глухой голосъ и медленная, тягучая манера выражаться, способствовали тому же впечатлѣнію. Николай Викторовичъ и смотрѣлъ, и говорилъ, и стоялъ, и повертывался съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Да посмотрите же, до чего я приличенъ, и какъ у меня все заведено въ домѣ, и какое общество у меня собирается!»

Еловскій, изъ вѣжливости, пытался принять участіе въ общемъ разговорѣ. Это было не легко. Всѣ оказывались близко между собою знакомыми, и всѣхъ связывали не совсѣмъ доступные для постороннихъ интересы. Говорили о какой-то дамѣ, очень уважаемой, и поступившей въ чемъ-то неосмотрительно, приписывали эту неосмотрительность вліянію другой дамы, которой, по общему мнѣнію, надо остерегаться. Затѣмъ пошло что-то вродѣ переклички: каждый кого-нибудь называлъ, и все изъ самыхъ хорошо поставленныхъ лицъ, и что-нибудь сообщалъ. Добирались все выше, выше, и, наконецъ, стали передавать новости изъ такихъ сферъ, куда всѣ эти дамы и мужчины, при всемъ ихъ приличіи, могли попадать только съ задняго крыльца. Наконецъ, когда и эта тема истощилась, заговорили о театрѣ. Оказалось, что всѣ ждутъ, когда, наконецъ, дадутъ въ Михайловскомъ театрѣ пьесу, которую

можно смотрѣть не краснѣя, и въ этомъ ожиданіи посѣщаютъ пока только русскую оперу.

— А русскихъ драматическихъ спектаклей вы совсѣмъ не посѣщаете?—спросилъ Еловскій сидѣвшую подлѣ него даму съ некрасивымъ и злымъ лицомъ.

— Очень рѣдко,—отвѣтила та.—До русскаго театра я не охотница, хотя обожаю все русское. Но, во-первыхъ, публика тамъ совсѣмъ не нашего круга, а потомъ... не признаю я нашихъ актеровъ и актрисъ. Всѣ они точно изъ суровской лавки, или изъ бѣлошвейнаго заведенія вышли.

Еловскій взглянулъ на Нонну Павловну, та сперва вспыхнула, потомъ поблѣднѣла.

— Мнѣ кажется, вы очень строги,—замѣтилъ примирительнымъ тономъ Еловскій.—Но, конечно, очень жаль, что между лицами такъ называемаго хорошаго общества сценическіе таланты—величайшая рѣдкость, и потому это общество почти ничего не даетъ нашимъ театрамъ.

— Да развѣ изъ общества кто-нибудь пойдетъ въ актеры?—изумленно возразила дама.—Слышите, Нонна Павловна, вы, вотъ, показали въ любительскихъ спектакляхъ талантъ, такъ не поступите ли на сцену?—добавила она, смѣясь.

— Можетъ быть, и поступлю,—отвѣтила Нонна Павловна, и по тону ея нельзя было понять, шутитъ она, или говоритъ серьезно.

Николай Викторовичъ обратилъ на нее недоумѣвающій и какъ бы укоризненный взглядъ, а гости вопросительно переглянулись.

XIV.

Проводивъ послѣдняго изъ посѣтителей, Жадобинъ вернулся въ гостиную неспѣшными, размѣренными шагами, озираясь на произведенный безпорядокъ и на ходу устанавливая по мѣстамъ отодвинутые стулья. Онъ имѣлъ озабоченный и недовольный видъ.

Нонны Павловны уже не было въ гостиной. Николай Викторовичъ прошелъ въ слѣдующую комнату и, не найдя тамъ никого, остановился подлѣ опущенной портьеры.

— Можно къ тебѣ, Нонна?—окликнулъ онъ.

— Я переодѣваюсь, подожди, я сейчасъ выйду,—отвѣтили ему.

Онъ отошелъ, заложилъ руки въ карманы брюкъ, отчего сюртукъ его натянулся некрасивыми складками, и принялся медленно ходить по ковру между тѣсно разставленной мебелью, заглядывая въ большое овальное зеркало. У него была привычка постоянно

смотрѣться во всѣ зеркала, чтобы быть всегда увѣреннымъ, что внѣшность его находится въ полномъ порядкѣ.

Минутъ черезъ десять Нонна Павловна появилась, переодѣтая въ легкій домашній корсажъ и шерстяную юбку. На прелестномъ, какъ всегда, лицѣ ея бѣгало неуловимое выраженіе смущенія. Она предвидѣла объясненіе съ мужемъ и заранѣе волновалась. Но губы ея были сжаты и глаза глядѣли неуступчиво.

— Тебѣ что-нибудь надо?—сказала она небрежно.

— Да, я хотѣлъ бы переговорить съ тобой. Кто такой этотъ господинъ, который былъ здѣсь сегодня въ первый разъ?—спросилъ Николай Викторовичъ, круто останавливаясь и растопыривая руками свои необычайной ширины брюки.

— Развѣ я не представила его тебѣ? Его фамилія—Еловскій,—спокойно отвѣтила Жадобина.

— Гдѣ ты съ нимъ познакомилась?

— У Болониной.

— Я такъ и подумалъ,—замѣтилъ Николай Викторовичъ.—Но почему это тебѣ вздумалось пригласить его?

Нонна Павловна сѣла на полукресло у окна.

— Онъ показался мнѣ интереснѣе другихъ, съ нимъ есть о чемъ разговаривать,—объяснила Жадобина.

— А, разговаривать! — протянулъ Николай Викторовичъ.—То-есть, конечно, о театрѣ? Мнѣ кажется, ты даешь себѣ слишкомъ много увлекаться этими вещами. Я боюсь, что эта Болонина, съ ея пріятелями, сбиваетъ тебя съ толку. У тебя сегодня вырвалась фраза, почти равняющаяся скандалу.

Нонна Павловна нахмурилась, зрачки ея потемнѣли.

— Вотъ какъ!—отозвалась она.—Вы, вѣроятно, намекаете на то, что я не оспаривала возможности поступить на сцену? Но я только сказала правду, я дѣйствительно объ этомъ думаю.

Николай Викторовичъ покосился на нее не то изумленнымъ, не то испуганнымъ взглядомъ.

— Ты, конечно, не серьезно это говоришь?—сказалъ онъ.

— Напротивъ, совершенно серьезно,— отвѣтила жена.— У меня призваніе, я это знаю, это—моя судьба. И что тутъ необыкновеннаго, что тутъ дурного? Развѣ я одна? И на драматической сценѣ, и въ оперѣ, есть нѣсколько дамъ и дѣвушекъ изъ общества. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, артистки могутъ быть только изъ горничныхъ? Такія понятія годились въ прошломъ вѣкѣ, а не теперь. Теперь мужья гордятся, если ихъ жены—извѣстныя артистки.

Николай Викторовичъ вдругъ расхохотался сухимъ, какъ будто сдавленнымъ смѣхомъ, и раскачался на ногахъ.

— Ха, ха, ха! Ты и меня причисляешь къ такимъ мужьямъ?— проговорилъ онъ почти весело.—Нѣтъ, съ тобой сегодня нельзя разсуждать. Эта Болонина, и эти разные Еловскіе совсѣмъ сбили тебя съ толку. Ты, какъ это называется, утратила мѣру вещей. Вотъ что значитъ сдѣлать одинъ шагъ,—одинъ только шагъ,—въ неподходящее общество. Ты, вертясь у Болониной, перестала понимать перспективы... общественныя перспективы. Тебѣ, я думаю, не показалось бы чудовищнымъ видѣть эту самую Болонину въ нашей гостиной, за нашимъ five-o'clock... Ты перестала понимать наше положеніе въ свѣтѣ, наши связи, знакомства, нашъ тонъ.

На лицѣ Нонны Павловны вспыхнули красныя пятна. И самодовольный смѣхъ, и тягучій голосъ мужа, и все, что онъ говорилъ, казалось ей возмутительнымъ. Она больше не была въ силахъ сдерживать себя.

— А вы начнете когда-нибудь понимать, какъ вы смѣшны съ этими претензіями аристократничающаго начальника отдѣленія?— заговорила она съ горячностью.—Что вы такое изъ себя корчите? Какой вы аристократъ? Что такое вашъ «свѣтъ»? Вы—чиновникъ, и вашъ отецъ былъ чиновникъ, а дѣдъ—выслужившійся изъ хуторянъ полковникъ. И я также простая дворянка, и ничего больше. А что васъ на казенный счетъ впихнули въ привилегированное заведеніе, гдѣ у васъ было два-три титулованныхъ товарища, и гдѣ вамъ начинили голову глупою петербургскою спѣсью, такъ это еще не даетъ вамъ правъ на общественное положеніе. Вы, какъ и всѣ тутъ, всѣ эти канцелярскіе аристократы, сами изъ себя какую-то касту составили и вообразили, что принадлежите къ «свѣту», который точно также вами пренебрегаетъ, какъ вы пренебрегаете своимъ экзекуторомъ, потому что онъ изъ поповичей, имѣетъ лицо въ прыщахъ и не говоритъ по-французски. Поймите же, что это глупо, курамъ на смѣхъ!

Она задыхалась, щеки и глаза ея горѣли. Николай Викторовичъ смотрѣлъ на нее изумленный, нѣсколько даже струхнувшій. Онъ зналъ, что жена способна къ рѣзкимъ, внезапнымъ вспышкамъ, и, оберегая «тонъ» своего дома, старался въ такихъ случаяхъ какъ можно скорѣе успокоить ее. Притомъ, до его слуха долеталъ стукъ прибираемой въ гостиной посуды.

— Пожалуйста, не кричи такъ, тамъ Никаноръ возится,—сказалъ онъ раздраженнымъ, но уже примирительнымъ тономъ.—Съ тобой сегодня не сговоришь. Въ аристократы я не лѣзу, но умѣю

различать бездну между порядочнымъ обществомъ и театральной богемой. И, конечно, не могу допустить жену упасть до такого положенія, въ какомъ ее перестануть принимать въ приличныхъ домахъ.

Послѣднія слова мужа снова точно ударили Нонну Павловну. Она порывисто встала.

— Въ приличные дома, гдѣ мы съ вами бываемъ? Но я тамъ мертвѣю отъ тоски и дрянности, глупѣю, гаже дѣлаюсь!—почти вскричала она, и глубокіе зрачки ея загорѣлись злыми искрами.— Я буду счастлива въ тотъ день, когда меня перестануть принимать тамъ.

Николай Викторовичъ опять бросилъ на нее изумленный взглядъ, но сейчасъ же успокоился и даже усмѣхнулся.

— На тебя нашла какая-то блажь, ты сама не знаешь, что говоришь,—сказалъ онъ, пожавъ плечами.—Твои новые знакомые навязали тебѣ какое-то новое настроеніе, вотъ и все. И все это вздоръ. Никогда тебя не тяготило наше общество, и ты очень пріятно проводишь время въ домахъ, гдѣ ты бываешь, и гдѣ тебя очень ласкаютъ. А хочется тебѣ играть на сценѣ—устраивай любительскіе спектакли, я этому нисколько не препятствую.

И Жадобинъ повернулся на каблукахъ.

XV.

Нонна Павловна съ трудомъ высидѣла въ этотъ день скучный домашній обѣдъ вдвоемъ. Она была очень зла на мужа, и это была странная злость: Нонну Павловну больше всего раздражало, что вспышка ничѣмъ не кончилась, объясненіе ни къ чему не привело, и накопившаяся въ ней энергія словно увязла въ разсудительной пассивности мужа. Еслибъ онъ разгорячился, наговорилъ ей рѣзкостей, объявилъ бы, что запрещаетъ ей видѣться съ Болониной и принимать Еловскаго,— она была бы болѣе довольна. Она хотѣла бороться съ нимъ, а онъ даже не оказывалъ сопротивленія, считая все блажью, которая пройдетъ. И такъ всегда было, во всѣ пять лѣтъ ея замужства...

Только одинъ очень жестокій и раздражающій уколъ вынесла Нонна Павловна изъ происшедшей схватки: ее очень уязвило замѣчаніе мужа, что она съ удовольствіемъ бываетъ въ знакомыхъ домахъ и охотно раздѣляетъ образъ жизни притязательно-чопорнаго круга, въ которомъ вращается съ мужемъ. Разумѣется, это была правда. Сколько ни настраивала себя Нонна Павловна на но-

вый ладъ, она не могла не сознаться передъ собственной совѣстью, что маленькіе балы, журфиксы и five-o'clock, почтительное ухаживанье хорошо воспитанныхъ мужчинъ, коварная, но въ сущности невинная любезность некрасивыхъ и завидующихъ ея красотѣ дамъ, маленькіе успѣхи свѣтскаго тщеславія — все это, въ совокупности, составляло довольно пріятный образъ жизни, къ которому она привыкла и среди котораго она вовсе не «мертвѣла», какъ объявила она мужу.

Да, но вѣдь такъ было потому, что она ничего другого не знала, потому что она до послѣдняго времени не понимала сама себя. Съ тѣхъ поръ, какъ она подружилась съ Болониной и познакомилась съ Еловскимъ, въ ней заговорили другія потребности. У нея сказалось призваніе; она — артистка. Такіе, какъ Еловскій и Болонина, не могутъ ошибиться въ этомъ. Да и она сама не можетъ ошибиться. Откуда налетѣло бы на нее это неодолимое стремленіе, эта лихорадка, этотъ экстазъ, еслибъ она не была рождена артисткой? У нея нѣтъ тѣхъ постороннихъ, пошлыхъ побужденій, которыя заставляютъ другихъ женщинъ рваться на сцену. Почему же она вся разгорается, трепещетъ и тоскуетъ, когда тамъ, у Болониной, ее охватываетъ атмосфера театральныхъ интересовъ, артистическихъ споровъ, закулисныхъ тайнъ?

И ей вдругъ сдѣлалось грустно, невыразимо грустно... Эта скучная столовая, съ аляповатой рѣзьбой по дубовому дереву, съ развѣшанными по стѣнамъ дешевыми медальонами и тарелками, этотъ мужъ, съ которымъ у нея за пять лѣтъ какъ-то ни разу не вышло ни одного интереснаго разговора, который ее постоянно въ чемъ-то направлялъ, выдерживалъ и воспитывалъ, при которомъ она какъ-то вся деревенѣла, потому что все неодеревенѣлое онъ находилъ shocking, — все это представилось такимъ тоскливымъ, нуднымъ, такимъ далекимъ отъ возбуждающихъ, заразительныхъ, уносящихъ впечатлѣній другого міра... Она старалась отворачиваться отъ мужа, потому что чувствовала, какъ въ продолговатомъ разрѣзѣ ея глазъ накоплялись слезы...

Потомъ передъ Нонной Павловной всталъ вопросъ: что она сдѣлаетъ съ своимъ вечеромъ? Къ нимъ сегодня никто не придетъ. Читать она не въ состояніи. Лечь рано въ постель не имѣло смысла, потому что она ни за что скоро не заснетъ. Надо куда-нибудь уѣхать. Ихъ звали сегодня на карточный вечеръ къ Галиновскимъ, гдѣ собирались бывшіе товарищи мужа по училищу. Но развѣ можетъ она туда поѣхать послѣ разговора съ мужемъ? Развѣ она не сказала, что ей нестерпимо бывать въ этомъ кружкѣ?

И ей сдѣлалось невыразимо тоскливо оттого, что она не могла забраться къ Болониной, куда, навѣрное, зашелъ бы также Еловскій, и они проболтали бы нѣсколько часовъ о томъ, что̀ одинаково зажигало и увлекало ихъ всѣхъ. Но сегодня Болонина играетъ и вернется домой только послѣ спектакля.

Часовъ въ девять Николай Викторовичъ заглянулъ въ ея комнату и, заставъ ее непереодѣтою, спросилъ удивленнымъ тономъ:

— Развѣ ты не ѣдешь къ Галиновскимъ?

— Нѣтъ, не ѣду, — отвѣтила она сухо.

Жадобинъ посмотрѣлъ на нее, выразилъ на лицѣ недовольную и укоризненную гримасу и сказалъ, повертываясь:

— Въ такомъ случаѣ, я поѣду одинъ. Я скажу, что у тебя разыгралась мигрень.

— Можешь говорить что̀ хочешь, — отвѣтила она.

XVI.

Тонъ мужа опять разсердилъ Нонну Павловну. «Онъ хочетъ показать, что не обращаетъ вниманія на мою блажь, какъ онъ выражается. Хорошо, я этимъ воспользуюсь. Я буду бывать у Софьи Алексѣевны и даже заставлю ее бывать у меня. Вѣдь не сдѣлаетъ же онъ ей грубости? И Еловскаго буду принимать, и познакомлюсь еще съ кѣмъ-нибудь изъ театральнаго и литературнаго міра. Не можетъ же онъ запретить мнѣ».

Ноннѣ Павловнѣ показалось безсмысленнымъ оставаться дома. Она позвала горничную и приказала подать черное платье. Она рѣшила поѣхать въ театръ, посмотрѣть Болонину въ двухъ послѣднихъ дѣйствіяхъ, въ ея лучшей роли. Очень неудобно входить въ театральную залу одной, но тамъ, навѣрное, нѣтъ никого изъ ихъ знакомыхъ.

Одѣвшись самымъ скромнымъ образомъ, Нонна Павловна вышла, взяла извозчика и поѣхала въ театръ. Въ кассѣ оказался билетъ въ одномъ изъ дальнихъ рядовъ. Немножко смущаясь и внутренно себя ободряя, Жадобина вошла въ партеръ, отыскала свое мѣсто и сѣла. Дѣйствіе приходило къ концу. Болонина стояла у самой рампы, вытянувъ руку, нагнувъ впередъ голову, съ мимикой задержанной и глухо волнующейся страсти, которая такъ шла къ ея выразительному лицу. Потомъ рука ея опустилась, станъ быстро повернулся съ красивымъ взмахомъ складокъ, а сверху уже падали, медленно волнуясь, складки занавѣса. Театръ восторженно хлопалъ.

Нонна Павловна словно вся замерла, подавленная внезапно нахлынувшимъ чувствомъ. Какъ много необъятнаго счастья почувствовалось ей въ этомъ эффектномъ «уходѣ», въ трескѣ рукоплесканій и даже въ быстро усиленномъ для антракта блескѣ электрическихъ лампъ, который какъ бы говорилъ: «то былъ чудный, таинственный сонъ, рой грёзъ наяву, а теперь вы снова возвращаетесь къ дѣйствительности...»

По проходу медленно потянулась публика первыхъ рядовъ. Нонна Павловна издали увидѣла Еловскаго и вспыхнула радостно и смущенно. Онъ тоже ее увидѣлъ, и лицо его оживилось мгновенной, словно загорѣвшейся, влюбленной улыбкой, отъ которой разомъ чѣмъ-то жуткимъ повѣяло на Нонну Павловну...

Подойдя, онъ крѣпко пожалъ ей руку и тотчасъ опустился на очистившееся подлѣ нея кресло, загородивъ ее плечами отъ тянувшейся длиннымъ хвостомъ публики.

— Вотъ неожиданность! Но какимъ образомъ? Вы однѣ? — спросилъ онъ и на послѣднемъ словѣ голосъ его какъ-то странно дрогнулъ.

— Хотѣла еще разъ видѣть Софью Алексѣевну въ этой роли,— отвѣтила Жадобина, обходя прямой вопросъ.

— Она безподобна! — проговорилъ безъ особеннаго одушевленія Еловскій, и тотчасъ повторилъ пониженнымъ и снова дрогнувшимъ голосомъ: — Вы здѣсь однѣ?

— Да. А это неприлично?—отозвалась со смущенной улыбкой Нонна Павловна.

— Ужъ вѣрно не я нашелъ бы это неприличнымъ! — разсмѣялся Еловскій. — Въ театрѣ? Но вѣдь это храмъ! И какъ хорошо, что вамъ пришла такая чудесная идея...

Его глаза поблескивали сдержаннымъ блескомъ, и все лицо свѣтилось жадною радостью. Ноннѣ Павловнѣ и неловко, и жутко, и хорошо дѣлалось отъ этого наэлектризованнаго выраженія...

— А знаете, что изъ этого можетъ выйти? — вдругъ сказалъ Еловскій съ забавною задумчивостью.

— Изъ чего?

— Изъ нашей встрѣчи. Если только вы не побоитесь неудовольствія вашего мужа...

— Въ чемъ дѣло?

— Софья Алексѣевна любитъ послѣ спектакля прокатиться за городъ. Поэтому я уже распорядился, тройка будетъ ждать у артистическаго выхода. Поѣзжайте съ нами? Мы сдѣлаемъ маленькій кругъ по островамъ, и затѣмъ бережно доставимъ васъ къ вашему

подъѣзду. Софья Алексѣевна будетъ чрезвычайно рада такому сюрпризу.

Нонна Павловна подумала, и затѣмъ отвѣтила съ рѣшимостью:

— Я не прочь. Я поѣду.

— Вотъ за это стоитъ вамъ въ ножки поклониться,—радостно воскликнулъ Еловскій.—Но вѣдь я имѣю права на вашу благосклонность, я для васъ нѣчто колоссальное сдѣлалъ...

Нонна Павловна взглянула на него вопросительно.

— Даже самъ не разсчитывалъ на успѣхъ,—продолжалъ Еловскій.—Представьте себѣ, поэтъ Ведринскій согласенъ написать для васъ драму, въ самомъ новомъ родѣ.

— Неужели?—вырвалось у Нонны Павловны, и она густо покраснѣла, не то отъ радости, не то отъ сознанія наивности своего восклицанія.

— Да вотъ онъ самъ идетъ,—произнесъ Еловскій.—Позвольте представить его вамъ?

— Я буду очень рада.

XVII.

Ведринскій, во фракѣ, съ покраснѣвшей отъ туго застегнутыхъ отложныхъ воротничковъ шеей, шелъ подъ руку съ Кобычевымъ и говорилъ ему своимъ сдавленнымъ, сиплымъ голосомъ:

— Человѣчество жаждетъ мистическаго, символическаго. Дайте ему символъ, подымите его до сверхчувственнаго...

— Я вамъ повторяю: Византія, сочетавшаяся съ устоями народнаго русскаго духа...—прервалъ его Кобычевъ.

— Нѣтъ-съ, Востокъ, а не Византія. Востокъ, Востокъ, колыбель человѣчества!—напряженно повторялъ Ведринскій.

— Эрастъ Викторовичъ!—окликнулъ его Еловскій.

Тотъ обернулся и сощурилъ бѣлесоватые глаза.

— Мнѣ разрѣшено представить васъ Ноннѣ Павловнѣ Жадобиной, нашей будущей ingénue dramatique,—сказалъ Еловскій, пересаживаясь на слѣдующее кресло, чтобъ очистить мѣсто поэту.

Ведринскій оглянулъ Жадобину сначала довольно небрежно, но впечатлѣніе ея красоты тотчасъ отразилось на его лицѣ слащавой улыбкой. Онъ присѣлъ бокомъ, какъ-то уходя во фракъ и нервно перебирая ногами, какъ дѣлаютъ мухи, пососавшія сахару.

— У насъ съ Орестомъ Львовичемъ за обѣдомъ шелъ разговоръ о васъ, и это даже навело меня на очень счастливую идею...—сказалъ онъ, вглядываясь въ Нонну Павловну лишенными рѣсницъ

глазами.—Вѣдь вы хотѣли бы что-нибудь въ новомъ родѣ, не правда ли? Я хочу вложить въ вашу роль глубокую мистико-символическую идею.

— Да?—какъ-то неувѣренно отозвалась Жадобина.

— Непремѣнно,— подтвердилъ Ведринскій.— И представьте себѣ, ваши внѣшнія данныя удивительно подходятъ къ моимъ намѣреніямъ. Въ первой картинѣ... я называю такъ по привычкѣ, но надо придумать совершенно новую номенклатуру, болѣе символическую; но это потомъ. Въ первой картинѣ вы являетесь жрицей Астарты, во всей яркой, сладострастной красотѣ. Вы необузданно служите своему таинственному культу; каждый нервъ, каждая капля крови у васъ напоены желаніемъ, соблазномъ, грѣхомъ...

— Да?— еще съ большей неувѣренностью повторила Нонна Павловна. Она начинала недоумѣвать, какъ ей отнестись къ идеѣ Ведринскаго.

— Это ваше первое воплощеніе; но затѣмъ,— продолжалъ поэтъ,—происходитъ ваше перерожденіе, подъ вліяніемъ мистическаго начала, воплощеннаго въ нѣкоемъ сребротѣлесномъ старцѣ.

— Сребротѣлесномъ?—повторила Нонна Павловна, не замѣчая, какъ глаза ея раскрывались все шире.

— Сребротѣлесномъ,— подтвердилъ Ведринскій и, не считая нужнымъ останавливаться на этомъ, продолжалъ:—Вы перерождаетесь наружно и духовно. Въ вашихъ глазахъ появляется прозрачность, ваши щеки блѣднѣютъ, ваше тѣло пріобрѣтаетъ аскетическую худобу. Духъ, начало сверхчувственное, побѣждаетъ плоть. Тутъ вы проходите черезъ рядъ испытаній, ведущихъ къ уразумѣнію высшаго блаженства, заключающагося въ самосожженіи.

Господинъ, кресло котораго занималъ Ведринскій, подошелъ и попросилъ его встать. Поэтъ быстро вскочилъ и, наклонившись къ Жадобиной, проговорилъ:

— Съ такой красавицей, какъ вы, пьеса будетъ имѣть сумасшедшій успѣхъ. Я буду проходить съ вами всѣ сцены... Не прощаюсь, потому что на дняхъ явлюсь къ вамъ. До свиданія.

Еловскій тоже всталъ.

— Это все немножко дико, но для успѣха—геніальная вещь. А ужъ что Ведринскій сумѣетъ составить залу, не сомнѣвайтесь,— сказалъ онъ.—Такъ я васъ найду здѣсь по окончаніи акта, и мы ѣдемъ?

Занавѣсъ взвился, какъ только онъ отошелъ. Но Нонна Павловна уже не могла сосредоточить своего вниманія на томъ, что

происходило на сценѣ. Она вся, недоумѣвая и разгараясь, была поглощена смутно рисовавшейся передъ ней ролью жрицы Астарты. И именно благодаря этой смутности, воображеніе ея работало неотвязчиво, и словно какая-то таинственная музыка слышалась вокругъ, и театральная зала тонула въ мерцающемъ туманѣ...

XVIII.

Поджидать Болонину у артистическаго подъѣзда пришлось довольно долго. Но Ноннѣ Павловнѣ не было скучно. Опираясь на руку Еловскаго и постукивая слегка озябшими ножками, она съ любопытствомъ прислушивалась къ отрывочнымъ словамъ, долетавшимъ до нея посреди непрерывнаго хлопанья дверей, и приглядывалась къ мелькавшимъ мимо бритымъ лицамъ актеровъ и закутаннымъ фигурамъ актрисъ. «Вотъ и я буду такъ выходить въ эти двери послѣ спектаклей...»—думала она, и ей казалось, что даже въ этой подробности есть что-то увлекающее, уносящее...

Вышелъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, озираясь, охорашиваясь на ходу и поводя гладкими смуглыми щеками по пушку боброваго воротника. Онъ пожалъ руку Еловскому и глянулъ на Жадобину вопросительно и смѣло. Еловскій тотчасъ представилъ его:

— Ипполитъ Алексѣевичъ Наинскій, нашъ jeune premier. А эта наша новая ingénue dramatique,—добавилъ онъ.

Наинскій, пожимая руку Жадобиной, продолжалъ смотрѣть на нее все также смѣло, почти дерзко. И глаза, и все лицо его выражали разомъ вспыхнувшее въ немъ отношеніе къ этому новому лакомому куску, попадавшему за кулисы. Нонна Павловна поняла его и вспыхнула.

— Позвольте сейчасъ же записаться въ ряды вашихъ товарищей-поклонниковъ,—сказалъ Наинскій.

Нонна Павловна, чтобы выйти изъ смущенія, разсмѣялась.

— Орестъ Львовичъ такъ объ этомъ говоритъ, какъ будто я уже принята въ труппу,—проговорила она.

— Объ этомъ мы ужъ постараемся,—сказалъ Еловскій, и самоувѣренно подмигнулъ Наинскому.

— Намъ такія нужны, не правда ли?—въ свою очередь подмигнулъ первый любовникъ.—У насъ нѣтъ красавицъ.

— Что вы! а Софья Алексѣевна?—наивно вырвалось у Жадобиной.

Наинскій изобразилъ на лицѣ какую-то загадочную полугримасу.

— Не спорю, а только намъ вотъ такая нужна,—отвѣтилъ онъ, и его красивые глаза опять дерзко и жадно взглянули въ упоръ на Нонну Павловну.

Она на этотъ разъ уже не смутилась. У нея какъ будто уже притупилась впечатлительность ко всѣмъ этимъ взглядамъ, выражавшимъ одно и то же, къ этому скрытно звучавшему въ голосахъ мужчинъ желанію. Она теперь находила даже удовольствіе въ сознаніи, что ея красота дѣйствуетъ такимъ образомъ.

Наконецъ появилась Болонина. Нонна Павловна тутъ же на морозѣ расцѣловалась съ ней.

— Берете меня съ собой кататься?—спросила она весело возбужденнымъ тономъ.

— Неужели ѣдете? Вотъ какая вы прелесть дѣлаетесь!—отвѣтила Болонина.

— А меня не берете?—шутливо напомнилъ о себѣ Наинскій.

— Вамъ не до насъ!—значительно отвѣтила Болонина, намекая на недавно завязавшійся у него новый закулисный романъ.

— Какъ знать, какъ знать!—также значительно возразилъ Наинскій и опять облилъ Нонну Павловну жаднымъ взглядомъ.

Лошади подхватили, легкій морозный вѣтеръ почти ласково ударилъ сквозь вуалетки по лицамъ дамъ.

Еловскій былъ въ духѣ. У него сегодня были какія-то особенно интересныя новости изъ свѣтскихъ сферъ, которыя онъ очень забавно передавалъ, мѣняя голосъ, жестикулируя и немножко гримасничая. Дамы смѣялись. Нонна Павловна чувствовала себя совершенно счастливою.—«Какой онъ милый, и какъ мы съ нимъ одинаково на все смотримъ и ко всему относимся...»—думалось ей.

Когда сани выбрались за Неву, она откинулась на высокую спинку, зажмурила глаза, и ее охватило странное, пріятное отсутствіе мыслей. Ихъ не было, и вмѣсто нихъ въ мозгу, въ нервахъ, во всемъ существѣ ея тихо струились одни только ощущенія... И ей хотѣлось бы ѣхать, ѣхать все вотъ такимъ же образомъ, безъ конца, въ этой пріятной истомѣ, и чувствовать на себѣ любующійся взглядъ Еловскаго, и ни о чемъ не думать, а только сознавать, что они оба, Еловскій и Болонина, словно взяли ее на руки, чтобы бережно донести до этой цѣли, къ которой она стремилась всѣми порываніями души своей...

XIX.

На Каменномъ Еловскій предложилъ зайти въ ресторанъ пить чай. Болонина тотчасъ согласилась за себя и за Нонну Павловну.

Въ ожиданіи чая появилось шампанское.

— Я хочу ѣсть,— заявила Софья Алексѣевна. — Развѣ вы не знаете, что въ дни спектаклей я почти не обѣдаю?

Черезъ четверть часа, въ маленькомъ кабинетѣ ресторана сдѣлалось шумно и весело. Еловскій продолжалъ забавлять дамъ и усердно подливалъ имъ. Нонна Павловна не привыкла къ шампанскому, и оно сразу ударило ей въ голову. Сначала она испугалась этого, а потомъ ей сдѣлалось какъ-то особенно пріятно и легко, словно все кругомъ нея и въ ней самой перемѣнилось и стало именно такимъ, какъ ей хотѣлось. Рука Еловскаго безпрестанно касалась ея руки, и глаза его, обращаясь на нее, усиленно поблескивали, словно въ нихъ вспыхивали искры. Разъ, когда они оба подошли къ піанино, она почувствовала его осторожное объятіе, и сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ.

Но Софья Алексѣевна, повидимому, стала замѣчать, и это на нее дурно дѣйствовало. Шампанское тоже въ концѣ концовъ вліяло на нее раздражительно. На лицѣ ея появилось недовольное, презрительное выраженіе; отвѣты ея становились суше и ядовитѣе.

Еловскій, перебирая клавиши, предложилъ Ноннѣ Павловнѣ спѣть что-нибудь. Она тотчасъ согласилась, и по кабинету пронеслись звуки ея красиваго, свѣжаго, проникнутаго безсознательной страстностью контральто. Еловскій аккомпанировалъ очень ловко и зналъ наизусть весь ходячій вокальный репертуаръ. Жадобина увлеклась, ее охватила потребность кокетничать голосомъ, глазами...

Болонина окончательно нахмурилась. Вѣчнымъ предметомъ ея сокрушеній было отсутствіе голоса и слуха. Она завидовала каждой женщинѣ, умѣющей пѣть.

— У васъ прелестный голосъ, но я совѣтовала бы вамъ поберечь его до поступленія на сцену,—сказала она тѣмъ приторнымъ тономъ, подъ которымъ у нея всегда скрывалось мстительное чувство.—А къ тому же, не знаю какъ вамъ, господа, но мнѣ пора домой. Послѣ спектакля я рано ложусь спать.

И она встала, съ невольнымъ рѣзкимъ движеніемъ отодвигая свой пустой стаканъ.

Еловскій посмотрѣлъ на нее опытнымъ взглядомъ и, поймавъ метнувшуюся въ ея глазахъ молнію, тотчасъ засуетился.

Во всю обратную дорогу Софья Алексѣевна сохраняла дурное расположеніе духа. Еловскій тоже нѣсколько присмирѣлъ. Одна Нонна Павловна не обращала ни на что вниманія, и только досадовала, что этотъ веселый ужинъ такъ скоро окончился. Ей опять

было хорошо, и хотѣлось ѣхать, ѣхать... только не домой, а въ какую-то волшебную страну, въ которую она стремилась всѣмъ существомъ своимъ.

Квартира Болониной была ближе по дорогѣ. Еловскій высадилъ ее изъ саней, Жадобина крѣпко сжала ей руку.

— Забѣгите завтра ко мнѣ, надо же мнѣ когда-нибудь встрѣтить васъ у себя,—сказала она.

— О, вы хотите, чтобъ я перепугала вашего мужа?—воскликнула Софья Алексѣевна.

— Полноте, я пріучаю его совсѣмъ иначе смотрѣть на вещи,— возразила Жадобина.

Болонина обѣщала скороговоркой и скрылась въ подъѣздѣ. Еловскій усѣлся подлѣ Нонны Павловны.

— Софья Алексѣевна почему-то не въ духѣ сегодня, на нее это иногда находитъ,— сказалъ онъ.— Она немножко испортила намъ вечеръ. Мы ни о чемъ и переговорить не успѣли. А такъ было хорошо! Послушайте, вѣдь еще очень рано и погода чудесная,— проѣдемте еще немножко за городъ?

Онъ взглянулъ прямо въ глаза Ноннѣ Павловнѣ своими блистающими, смѣлыми и въ то же время какъ будто покорными глазами.

Нонна Павловна не знала, что отвѣтить. Ей хотѣлось бы продлить до безконечности этотъ вечеръ, съ его новыми, соблазнительно вкрадывавшимися ощущеніями. И переговорить съ Еловскимъ нужно, непремѣнно нужно. Надо, наконецъ, чтобъ онъ дѣйствовалъ, чтобы дѣло было рѣшено окончательно. Но ѣхать съ нимъ вдвоемъ на тройкѣ, ночью, рискуя встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ...

Еловскій словно угадалъ ея мысли и произнесъ негромкимъ, убѣждающимъ тономъ:

— На васъ такая густая вуалетка, а ночной свѣтъ такой обманчивый, что невозможно признать васъ. Да?

— Хорошо,—отвѣтила также негромко Нонна Павловна.

— Пошелъ назадъ!—громко скомандовалъ ямщику Еловскій.

Между нимъ и Жадобиной тотчасъ завязался оживленный разговоръ. Она говорила съ увлеченіемъ, возбужденная всѣми впечатлѣніями дня и выпитымъ шампанскимъ, разспрашивала про Арсенія Ильича, про Ведринскаго и его пьесу, хотѣла знать еще про другихъ драматическихъ писателей, словно ей нужно было сейчасъ же, наспѣхъ составить для себя полный репертуаръ.

— Значитъ, это дѣло рѣшеное? Поступаете на сцену?—почти вскричалъ Еловскій, овладѣвая ея руками.

— Я рѣшилась. Что-нибудь одно! — твердо отвѣтила Нонна Павловна.

— Голубушка! Богиня моя! Да вѣдь это праздникъ!—проговорилъ онъ восторженно, и вдругъ сползъ передъ нею на колѣни.— Вѣдь вамъ въ ножки надо поклониться!

И онъ жалъ и цѣловалъ сквозь перчатки ея руки, а она только щурилась въ морозную полутьму, почти гордая тѣмъ, что вотъ она взяла и рѣшилась, вопреки всѣмъ препятствіямъ, какъ это дѣлали многіе большіе таланты, повинуясь неумолимому и властному призванію.

— Но въ такомъ случаѣ вы непремѣнно должны сейчасъ же, со мной первымъ, выпить бокалъ за ваше рѣшеніе, за вашу будущую блестящую артистическую карьеру...—весело-молящимъ голосомъ обратился къ ней Еловскій. — Голубушка, вы не имѣете права отказать мнѣ. Вѣдь я душу изъ себя вымотаю, весь Петербургъ на ноги поставлю, чтобы вамъ все устроить. Одинъ бокалъ, и я успокоюсь. Вотъ какъ разъ и ресторанъ, гдѣ мы сейчасъ были. Мы вернемся на минутку въ нашъ кабинетъ, и я васъ поздравлю. А лошадямъ надо вздохнуть дать.—Заворачивай вправо!—весело и повелительно крикнулъ онъ ямщику.

XX.

Въ кабинетѣ уже успѣли прибрать. На чистую скатерть поставили бутылку шампанскаго и вазу съ фруктами. Еловскій заставилъ Нонну Павловну выпить разомъ полный бокалъ.

— Я никогда столько не пила!—протестовала она.

— Но вѣдь и такого дня, какъ сегодняшній, въ вашей жизни никогда не было,—возразилъ Еловскій.

У нихъ опять завязался оживленный, неистощимый разговоръ. Нонна Павловна забрасывала вопросами, хотѣла знать подробности. Потомъ рѣчь перешла на будущую пьесу Ведринскаго. Ноннѣ Павловнѣ что-то смутно въ ней нравилось—собственно только то, что тамъ у нея будетъ большая, странная роль, которая на нѣсколько часовъ сосредоточитъ на ней общее вниманіе; но она припоминала, что Ведринскій объяснялъ ей что-то совсѣмъ дикое, чего она не умѣла себѣ усвоить. Еловскій старался растолковать ей, что это совершенно новый жанръ, самый модный, что всѣ пьесы въ такомъ родѣ имѣютъ громадный успѣхъ, что ни въ какой другой роли нельзя ей такъ всепобѣдно сверкнуть своею роскошною красотой.

— Вѣдь тутъ всѣ костюмы будутъ фантастическіе, мы можемъ выдумывать все что̀ угодно,—говорилъ онъ.—Положитесь на меня, я по этой части очень силенъ. И художниковъ привлечемъ. Я со всѣми знакомъ, и самые талантливые изъ нихъ—мои давнишніе пріятели. Для меня они сдѣлаютъ то, чего никто отъ нихъ не дождется. Вы выйдете изъ нашихъ рукъ какъ богиня красоты! Впрочемъ, я вовсе васъ не убѣждаю, не настаиваю. Если пьеса Ведринскаго вамъ не нравится, мы найдемъ другія. Съ литераторами я такъ же близокъ, какъ съ художниками. Я ихъ подниму на ноги.

— Вы такой милый, я вамъ такъ много обязана...—проговорила искреннимъ тономъ Нонна Павловна и протянула ему обѣ руки. Еловскій тотчасъ овладѣлъ ими и покрылъ ихъ поцѣлуями.

— Меня не вы должны благодарить, а публика, пріобрѣтающая такую артистку,—сказалъ онъ, снова подливая ей вина.

Жадобина выпила совершенно машинально.

— Да, я не хочу настаивать, можетъ быть, васъ потянетъ совсѣмъ къ другимъ ролямъ, но пьеса Ведринскаго дала бы вамъ полный, шумный успѣхъ,—продолжалъ онъ, пересаживаясь къ ней на широкій диванъ.—У публики ясно обозначился вкусъ ко всему необычайному, экзотическому, даже нелѣпому. Реализмомъ уже никого не удивишь, надо пускаться на фокусы. Но главное—всепобѣдная выставка красоты, какъ я сказалъ. Согласитесь, что̀ такое въ этомъ смыслѣ самый изящный парижскій туалетъ передъ фантастическимъ костюмомъ? Мнѣ кажется, я уже вижу васъ въ первой картинѣ, или воплощеніи, какъ называетъ новая терминологія символистовъ—жрицей Астарты. Эти ваши глаза, жгучіе и глубокіе, эта яркая, натуральная смуглота, эти роскошные волосы, перехваченные золотымъ обручемъ и разметывающіеся при каждомъ движеніи въ красивомъ безпорядкѣ... Боже мой, вѣдь это надо сойти съ ума! Вѣдь театръ долженъ обезумѣть, вотъ какъ я теперь обезумѣлъ, упиваясь вашей красотой!

Онъ вдругъ порывисто потянулся къ ней и обхватилъ ея талію обѣими руками. Она хотѣла отстраниться, онъ не выпускалъ ея.

— А ваша фигура, вашъ станъ подъ складками фантастическихъ тканей!—продолжалъ Еловскій, все скорѣе дыша, наклоняясь къ ней и заглядывая ей подъ рѣсницы опьяненными глазами.—А контрасты! Послѣ воплощенія сладострастія, строгая бѣлая туника, выраженіе чего-то неземнаго въ поблѣднѣвшемъ лицѣ, скорбный изломъ вотъ этихъ дивныхъ губъ...

Нонна Павловна не шевелилась, охваченная страннымъ, жутнимъ и блаженнымъ ощущеніемъ неподвижности. Она даже не

вслушивалась въ слова Еловскаго; она принимала ихъ какъ музыку, холодкомъ пробѣгавшую по ея нервамъ. Въ вискахъ у нея стучало, глаза слегка застилало туманомъ. Въ утомленномъ мозгу возникали какіе-то смутные страхи, а между тѣмъ губы ея улыбались безсознательной, трепетной улыбкой.

— Вы меня не актрисой, а какой-то безумной представляете себѣ...—проговорила она, наконецъ, съ короткимъ судорожнымъ смѣхомъ.

Еловскій крѣпче привлекъ ее къ себѣ:

— Я не скрываю, вы для меня больше женщина, чѣмъ артистка,—отвѣтилъ онъ почти шепотомъ.—Я потерялъ голову, я влюбился въ васъ до сумасшествія, до бѣшенства... Но еслибъ я не чувствовалъ въ васъ большую, чудесную артистку, я не безумствовалъ бы такъ...

Онъ обхватилъ обѣими руками ея голову и повернулъ ее къ себѣ. Нонна Павловна зажмурила глаза. Словно легкимъ туманомъ заволокло ея сознаніе. Она чувствовала горячее прикосновеніе его губъ, чувствовала, что отдаетъ ему эти поцѣлуи... И какая-то одуряющая отрава все сильнѣе разливалась въ ея крови и пробѣгала по нервамъ.

XX.

Нонна Павловна проснулась поздно на другой день. Голова у нея болѣла, и непріятное, болѣзненное ощущеніе точно сковывало ее всю. Ей казалось, что она расхворалась. Николай Викторовичъ уже всталъ, и, вѣроятно, занимался у себя въ кабинетѣ.

Молодая женщина быстро поднялась съ постели и подошла къ туалетному столику. Зеркало отразило блѣдное, пожелтѣвшее лицо, на которомъ странно горѣли два розовыя пятна.

Расчесывая волосы, Нонна Павловна безпорядочно припоминала происшествія минувшей ночи. Эти припоминанія начинались съ конца. Она вернулась домой за четверть часа до возвращенія мужа. По счастливой случайности, у Галиновскихъ вчера, очевидно, засидѣлись. Она успѣла пробѣжать въ спальную, сбросить платье и улечься въ постель. Когда онъ вошелъ, она притворилась спящею. Онъ не могъ знать, давно ли она вернулась. Но онъ видѣлъ ея разбросанныя вещи и долженъ былъ догадаться, что она куданибудь ѣздила. Въ послѣдній годъ ей иногда случалось выѣзжать безъ него, и это казалось въ порядкѣ вещей. Но сегодня ея нервы были въ такомъ упадкѣ, что необычная робость и безпокой-

ство угнетали ее. Ей чудилось, что вчерашній выѣздъ долженъ показаться ему подозрительнымъ, и что въ ея глазахъ онъ долженъ что-то прочесть.

Она позвала горничную, спросила холодной воды изъ-подъ крана и вторично умыла ею лицо, и крѣпко вытерлась мохнатымъ полотенцемъ. Это освѣжило ее, и какъ будто придало ей увѣренности. Посмотрѣвшись снова въ зеркало, она осталась болѣе довольна собою: лицо ея приняло нахмуренное, строгое выраженіе, брови сердито сблизились, въ зрачкахъ появилась непроницаемая темнота. Она знала, что когда у нея было такое выраженіе, мужъ втайнѣ робѣлъ передъ нею.

Она надѣла домашній корсажъ, стянула талію строгимъ широкимъ поясомъ и вышла въ столовую, гдѣ уже собрали на столъ къ завтраку.

Николай Викторовичъ появился тоже нахмуренный, съ тою кислою складкою рта, которая всегда выдавала его дурное расположеніе духа.

— Я сказалъ Галиновскимъ, что вамъ нездоровилось и вы остались дома,—произнесъ онъ сухимъ тономъ.—Хотя, если не ошибаюсь, васъ не было вечеромъ дома,—добавилъ онъ, бросивъ на жену косой взглядъ.

— Не ошибаетесь, — отвѣтила такимъ же сухимъ тономъ Нонна Павловна.

— И можно узнать, гдѣ именно вы проводили время?—продолжалъ Николай Викторовичъ.

— Въ театрѣ,—спокойно объяснила Нонна Павловна.—А потомъ, если вамъ угодно знать, ѣздила съ Болониной за городъ на тройкѣ. А еще потомъ—пила у нея чай и ужинала.

Жадобинъ покачалъ въ рукѣ тяжелую серебряную вилку.

— Вотъ какъ!—произнесъ онъ.—Слѣдовательно, ваше сближеніе съ госпожей Болониной идетъ впередъ?

— Очень подвигается.

Нонна Павловна была довольна, что мужъ взялъ сухо-ироническій тонъ: ей всего легче было разговаривать въ этомъ тонѣ.

— А вашимъ кавалеромъ, вѣроятно, былъ какой-нибудь актеръ изъ труппы?—снова спросилъ Жадобинъ, и его иронія уже прозвучала злобно.

— Не совсѣмъ такъ: кавалеромъ былъ Еловскій,—возразила Нонна Павловна.

— Разница не особенная... — отозвался Николай Викторовичъ.

Нонна Павловна промолчала. Мужъ тоже молчалъ, сосредоточенно ловя вилкой скользившія по тарелкѣ макароны. Между тѣмъ лицо его постепенно краснѣло и наконецъ приняло бурый цвѣтъ румянца, смѣшаннаго съ желчью.

— И вы находите совершенно приличнымъ, достойнымъ васъ и соотвѣтственнымъ вашему положенію, ѣздить одной въ театръ и потомъ кататься на тройкѣ въ обществѣ Болониной и Еловскаго?—произнесъ Жадобинъ уже съ явными признаками озлобленія.—Васъ не остановило соображеніе, что̀ должны сказать знакомые, которые васъ непремѣнно видѣли?

«О, какъ это глупо! Какъ глупо заботиться, что̀ скажутъ знакомые, когда... Какъ глупо ничего не подозрѣвать!»—пронеслось въ мозгу Нонны Павловны, и что-то хищное, женски-безжалостное шевельнулось въ ней, и она готова была презрительно злобствовать на этого мужа, именно за то, что онъ ничего не подозрѣвалъ.

— Я полагаю, что не сдѣлала ничего дурного,—сказала она спокойно и твердо и мелькомъ повела по лицу мужа такимъ же спокойнымъ и твердымъ взглядомъ.

— Можетъ быть, если отбросить въ сторону всѣ обязательныя понятія о приличіяхъ,—возразилъ Жадобинъ.—Но женщина, пользующаяся именемъ и положеніемъ мужа, не имѣетъ права...

— Прежде всего, вы не имѣете права лишать меня моей личной свободы!—перебила его со вспыхнувшими глазами Нонна Павловна.—Я обязана не дѣлать ничего дурного, и больше никакихъ обязанностей не признаю. Я желаю жить такъ, какъ мнѣ нравится. Я люблю театръ до страсти, до сумасшествія. Я не стану изводить себя ради какихъ-то вашихъ департаментскихъ взглядовъ на приличія. Мнѣ весело съ Болониной, и я буду дружить съ нею. Я даже пригласила ее бывать у меня. И Еловскій будетъ бывать, и литераторы, и нѣкоторые артисты. Только не на вашихъ чиновничьихъ five-o'clock tea, конечно. Вы не смѣете стѣснять мою свободу. Я и такъ точно на воспитаніи у васъ нахожусь, постоянно слышу ваши наставленія, по-по-попреки...

Голосъ Нонны Павловны все болѣе дрожалъ и, наконецъ, перешелъ въ всхлипыванья. Изъ глазъ ея быстро полились слезы. Она достала изъ кармана батистовый платокъ и прижала его къ лицу.

Жадобинъ, какъ многіе мужчины, не могъ переносить женскихъ слезъ. Обыкновенно онъ въ такихъ случаяхъ на все соглашался, и принимался утѣшать и успокоивать жену. Но сегодня

онъ былъ очень раздраженъ и озадаченъ, и потому только молча всталъ изъ-за стола и уѣхалъ на службу.

XXI.

Нонна Павловна сознавала, что ею одержана побѣда. Мужъ еще не уступилъ окончательно, но борьба направилась на тотъ путь нерѣшительныхъ схватокъ, попустительства изо дня въ день, незамѣтнаго прилаживанья съ слабѣйшей стороны, на которомъ всегда торжествуетъ мелкая, но упрямая настойчивость. Ясно было, что въ домѣ будетъ создана обстановка, отвѣчающая ея главной цѣли. Жизнь, до сихъ поръ катившаяся лѣнивымъ общимъ потокомъ, разобьется на два теченія. У нея будутъ свои интересы, свои знакомые, свои выѣзды. Минута для рѣшительнаго протеста упущена мужемъ. Онъ примирится со всѣми перемѣнами, и затѣмъ примирится съ ея поступленіемъ на сцену.

Да и въ какой формѣ онъ могъ бы протестовать? Разойтись съ нею, предложить ей выѣхать изъ его квартиры? Это было бы такимъ же скандаломъ, какъ и поступленіе ея на сцену. Онъ не рѣшится. А тамъ—успѣхъ, слава, новые соблазны самолюбія и тщеславія. Когда за ней будетъ признанъ первоклассный талантъ, онъ найдетъ вкусъ въ своемъ исключительномъ положеніи «мужа знаменитости».

И при всемъ томъ, Нонна Павловна чувствовала себя нехорошо. Она мысленно ссылалась на физическое нездоровье, и сознавала, что обманываетъ себя. Усилія не думать ни о чемъ «вчерашнемъ» также ни къ чему не приводили. Предъ ея нахмуренными глазами неотступно стояла эта пошлая комната ресторана, въ ушахъ звучали разгорающіяся и опьяняющія рѣчи Еловскаго, и словно какой-то нечистый чадъ отдѣлялся отъ безсмысленно пережитыхъ впечатлѣній, и она слегка задыхалась въ этомъ чаду.

Развѣ она любила Еловскаго? Нѣтъ, всего ужаснѣе было именно сознаніе, что любви не было.

Нонна Павловна цѣлое утро не находила себѣ мѣста. Потомъ раздался звонокъ. Это пріѣхалъ Ведринскій.

Молодой поэтъ явился во всемъ черномъ и только громадный свѣтлый бантъ галстука нарушалъ символическую строгость его костюма. Какая-то забавная важность выражалась въ его лицѣ, въ движеніяхъ, въ разговорѣ, точно онъ явился делегатомъ съ посторонней планеты. На Нонну Павловну все это произвело, впрочемъ, скорѣе благопріятное впечатлѣніе. Но осмотрѣвшись и пере

сказавъ все, что онъ считалъ нужнымъ сообщить о себѣ, Ведринскій сразу перешелъ на тонъ ухаживанья. Въ этомъ ухаживаньи тоже выражалась какая-то забавная важность, проникнутая легкимъ мистицизмомъ. Ведринскій распространялся на тему, что въ такомъ произведеніи, какое онъ задумалъ, душа поэта должна слиться съ душою артистки, и что иначе не будетъ достигнуто «воплощеніе». Нонна Павловна начинала сознавать подымавшуюся въ ней откуда-то смѣшливость. А потомъ, когда въ ухаживаньи Ведринскаго стала выражаться настойчивая нетерпѣливость, похожая на обыкновенное приставанье, что-то нестерпимо непріятное пробѣжало по нервамъ Жадобиной, и на нее словно вновь пахнуло нечистымъ чадомъ ресторанаго кабинета. Она отняла руку, которою овладѣлъ было Ведринскій, и выпрямившись, посмотрѣла на него съ удивленнымъ, пренебрежительно-усмѣхающимся видомъ.

Ведринскій поймалъ этотъ взглядъ, и его бѣлосоватые глаза тоже насмѣшливо покосились на нее.

— Въ васъ еще слишкомъ цѣла свѣтская дама, это для артистки самое главное препятствіе къ успѣху,—сказалъ онъ.—Не впадайте въ эту ошибку дебютантокъ изъ такъ называемаго «хорошаго общества». Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ видѣть на сценѣ сквозящую изъ-подъ каждой роли барышню или щепетильную даму. Публика этого терпѣть не можетъ. И совсѣмъ это не нужно для артистки.

— А что же нужно сдѣлать, чтобы не сквозила эта... щепетильность?—спросила слегка ироническимъ тономъ Жадобина.

— Обломаться надо, забыть всѣ эти условности, вернуть себѣ свободу женщины, свободу артистическаго темперамента,—отвѣтилъ Ведринскій.—Я бы больше сказалъ: надо пережить новую, особую, каботинскую любовь, которая лучше всего содѣйствуетъ развитію артистическаго дарованія. Развѣ вы не знаете жизни великихъ артистокъ, знаменитыхъ художницъ, поэтессъ или романистокъ? Искусство никогда не мирится съ буржуазными понятіями. Я вамъ говорю: обломаться надо.

— Очень миленькое выраженіе... Но если у меня нѣтъ склонности послѣдовать вашей теоріи?—сказала Нонна Павловна, засмѣявшись дѣланнымъ смѣхомъ.

— Тогда... тогда вамъ будетъ очень трудно пробивать себѣ дорогу,—отвѣтилъ Ведринскій.—Ваша безупречная репутація не создастъ вамъ успѣха, публика ничего этого не требуетъ отъ артистки. О васъ будутъ забывать, передавать ваши роли другимъ, авторы будутъ обращаться съ вами, какъ съ вѣшалкой, на кото-

рую можно повѣсить все то, что невыгодно надѣть на себя премьершѣ, вамъ будутъ давать выходы, вставляемые въ механизмъ дѣйствія только для удобства другихъ сюжетовъ.

— Но вѣдь вы тоже авторъ, слѣдовательно, и вы такъ же намѣрены поступать относительно меня?—возразила уже тономъ нетерпѣнія Жадобина.

Ведринскій пожалъ плечами и даже взмахнулъ по обыкновенію обѣими руками.

— Одинъ я ничего не могу сдѣлать,—отвѣтилъ онъ;—надо, понимаете, чтобъ образовалась общая волна, подымающая артиста или артистку... Спросите Болонину или Еловскаго, они вамъ то-же скажутъ. Женщина - артистка—о, это совсѣмъ другое, совсѣмъ другое. Вамъ надо обломаться, обломаться надо!

И поболтавъ на эту тему еще съ полчаса, Ведринскій ушелъ, не подозрѣвая, сколько горечи, раздраженія, разочарованія и чувства обиды вызвалъ онъ въ душѣ Нонны Павловны.

XXII.

Еловскій, заѣхавъ передъ обѣдомъ къ Софьѣ Алексѣевнѣ, нашелъ ее въ кисло-насмѣшливомъ настроеніи, которое его всегда обезоруживало.

— Что же пьеса Арсенія Ильича? Я жду,—встрѣтила она его вопросомъ.

— Будетъ, непремѣнно будетъ, я уже говорилъ съ нимъ,—отвѣтилъ Еловскій.—Но, видите ли, ему нуженъ случай какъ-нибудь посмотрѣть Нонну Павловну.

— Ахъ, кстати,—перебила его Болонина, протягивая руку къ столику и беря маленькій портъ-боннёръ съ однимъ сапфиромъ.—Передайте это пожалуйста по принадлежности m-me Жадобиной.

Еловскій взялъ вещь и съ удивленіемъ взглянулъ на Болонину.

— Не догадываетесь?—продолжала та. —Нонна Павловна обронила это въ тройкѣ. Мнѣ ящикъ принесъ сегодня. А васъ, кстати, позвольте поздравить съ быстрою побѣдой!

И Софья Алексѣевна разсмѣялась тѣмъ звучнымъ, уничтожающимъ смѣхомъ, который ея поклонники такъ любили слышать со сцены.

Еловскій положилъ портъ-боннёръ обратно на столикъ, протянулъ ноги и постарался придать себѣ спокойно-развязный видъ.

— Ну, дорогая Софья Алексѣевна, не ревновать же вы меня вздумали,—проговорилъ онъ вкрадчиво.

Болонина еще разъ разсмѣялась.

— Надѣюсь, что нѣтъ,—сказала она.—Вы знаете, что происходящее внѣ нашей труппы, и вообще внѣ театральнаго міра, меня не касается. А Жадобина не артистка.

Еловскій исподтишка взглянулъ на нее своими плутоватыми глазами.

— Я потому и не сталъ бы за нею ухаживать, что она намѣревается поступить въ труппу...—рискнулъ онъ сказать.

У Болониной слегка блеснули глаза.

— Вы меня разозлите, если будете лгать,—произнесла она почти гнѣвно.—Моя горничная поила ямщика чаемъ, и онъ успѣлъ достаточно разговориться. Слѣдовательно, объ этомъ больше ни слова.

И она откинулась на спинку своего «трона», какъ называли ея огромное высокое кресло, и вытянула руки по подлокотникамъ.

Еловскій замолчалъ, потомъ понемногу перевелъ разговоръ на другіе предметы. Когда Болонина немножко оживилась, онъ, на пробу, осторожно произнесъ:

— Не знаю, право, какъ бы это устроить, чтобы показать Нонну Павловну Арсенію Ильичу.

— А зачѣмъ вамъ нужно показать ее?—равнодушно спросила Софья Алексѣевна.

— Да вотъ, въ виду его пьесы; вѣдь тамъ вторая главная роль ей предназначается.

— Какіе вы пустяки можете говорить! Почему же это такъ предназначается? Развѣ даютъ такія роли дебютанткамъ?

Еловскій взглянулъ на Софью Алексѣевну изумленно.

— Но вѣдь вы же сами предполагали... и именно для того, чтобъ эта роль не досталась Высочиной... — возразилъ онъ.

— Напротивъ, это ея настоящая роль; она отлично сыграетъ ее, — спокойно отвѣтила Болонина.

— Высочина? — переспросилъ тономъ величайшаго изумленія Еловскій.

— Разумѣется. Высочина очень недурная актриса. Она была у меня и мы очень много разговаривали, — отвѣтила Софья Алексѣевна. — У насъ съ ней были кое-какія недоразумѣнія, но ихъ легко уладить.

Еловскій замолчалъ, погруженный въ тягостныя соображенія.

XXIII.

Прошло недѣли двѣ. Ноннѣ Павловнѣ до извѣстной степени удалось устроить то особое, свое собственное «теченіе», о которомъ она мечтала. У нея въ домѣ появились новыя лица: нѣсколько литераторовъ, актеръ Наинскій, еще какой-то актеръ, художникъ Боярцевъ. Еловскій и Ведринскій заходили очень часто; Болонина заглянула одинъ разъ съ репетиціи, выпила залпомъ двѣ чашки чаю и, жалуясь на усталость, тотчасъ уѣхала.

Но все это выходило какъ-то не такъ. Чувствовалось что-то неладное, невысказываемое, но сквозившее во всемъ. Еловскій, по мнѣнію Нонны Павловны, держалъ себя странно. Съ нимъ у нея произошло объясненіе. Онъ настаивалъ на новомъ свиданіи; она замкнулась сначала въ суровую холодность, потомъ расплакалась, чуть-чуть не случился съ нею истерическій припадокъ. Еловскій тотчасъ смирился, сдѣлался необычайно сдержанъ, почтителенъ и покоренъ. Нонна Павловна разсудительно одобряла его, но въ то же время находила его покорность непонятною, чувствовала подъ нею какое-то тайное лицемѣріе. Еще болѣе удивляли ее измѣнившіяся отношенія Болониной. Софья Алексѣевна показывала ей очень много вниманія, но въ этомъ вниманіи была какая-то непріятная шутливость. О театрѣ она, видимо, избѣгала говорить. Еловскій скрылъ, что ей извѣстно о потерѣ браслета, сказавъ, что самъ нашелъ его въ саняхъ. Тѣмъ не менѣе, Нонна Павловна подозрѣвала, что Болонина ревнуетъ къ ней Еловскаго, и это еще болѣе ее связывало.

Наинскій съ перваго же появленія принялся ухаживать еще откровеннѣе, чѣмъ Ведринскій. Тотъ дулся, напускалъ на себя пущую важность, говорилъ всѣмъ колкости. Другіе постоянно цѣловали Ноннѣ Павловнѣ руки, курили въ ея будуарѣ, садились верхомъ на стулья, а иногда по цѣлымъ часамъ разговаривали, спорили и кричали между собою, какъ будто забывъ объ ея присутствіи.

Николай Викторовичъ ходилъ нахмуренный и говорилъ съ женой только о самыхъ безразличныхъ предметахъ, изрѣдка лишь позволяя себѣ язвительные намеки на «безобразное каботинство», въ которое она встала. Онъ, повидимому, терпѣливо ждалъ, чѣмъ все это кончится.

Разъ Наинскій, оставшись съ Нонной Павловной вдвоемъ, конфиденціально нагнулся къ ней и, помахивая ленточкой отъ монокля, сказалъ:

— Вы не замѣчаете, а они всѣ надуваютъ васъ.

Жадобина слегка вздрогнула.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросила она.

— Надуваютъ они васъ. Совсѣмъ они не хотятъ, чтобы вы къ намъ въ труппу поступили. Одни не хотятъ, а другіе ничего сдѣлать не могутъ. — пояснилъ Наинскій.

— Кто не хочетъ? — спросила Жадобина, чувствуя, что блѣднѣетъ.

— Да, собственно говоря, никто не хочетъ, — продолжалъ Наинскій. — Болонина вѣдь все это выдумала единственно для того, чтобъ оттереть Высочину. А Высочина, какъ провѣдала, тотчасъ пошла на мировую. Теперь у нихъ полное согласіе водворилось; вмѣстѣ новую пьесу репетируютъ, ту самую, въ которой вашъ дебютъ предполагался.

— «Двѣ или ни одной»?

— Вотъ, вотъ. Съ большимъ успѣхомъ должна пройти.

Губы Нонны Павловны задрожали. Она чувствовала такую гадкую, злую обиду, что готова была сейчасъ расплакаться.

— Для меня Ведринскій пишетъ пьесу... — проговорила она, чтобъ ободрить себя.

Наинскій сложилъ губы съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ засвистать.

— Ведринскій? Ну, навряд ли онъ теперь сунется съ своей пьесой, — сказалъ онъ. — Его сегодня такъ отдѣлали въ одной газетѣ, что вчужѣ становится страшно. Еще и пьеса не написана, а про нее ужъ узнали и вышутили такъ, что теперь только сквозь землю провалиться. Все тамъ приплели: и сребротѣлеснаго старца, и воплощенія, и блаженство самосжиганія... Такая вышла потѣха, что весь Петербургъ хохочетъ.

Нонна Павловна слушала его не шевелясь, почти не дыша. Ей казалось, что надъ нею совершаютъ какую-то безобразную казнь...

Нонна Павловна не поступила на сцену. Ее уговаривали не смущаться неблагопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и подождать болѣе удобнаго момента. Еловскій, съ которымъ у нея произошло большое и тягостное объясненіе, убѣждалъ, что надо остаться вѣрной своему рѣшенію, поступить на сцену во что бы то ни стало и положиться на свой талантъ, который въ концѣ концовъ восторжествуетъ надъ всѣми мелочными препятствіями, интригами, завистью и недоброжелательствомъ. Нонна Павловна два или три раза не приняла его, и онъ пересталъ бывать.

Ведринскій не показывался съ того самаго дня, какъ появилась въ газетѣ шутливая статья объ его пьесѣ. По слухамъ, онъ пред-

принимаетъ новое путешествіе на Востокъ, и даже собирается прожить тамъ много лѣтъ, предаваясь созерцанію.

Нонна Павловна понемногу стала опять показываться въ среднемъ петербургскомъ «свѣтѣ», гдѣ къ ней относятся съ прежнею благосклонностью. О ней говорятъ, что она готова была сбиться съ пути, но сумѣла противостоять искушенію. Это занесено въ ея активъ и ее находятъ еще болѣе интересною послѣ подготовлявшагося, но не разразившагося скандала. Нѣкоторыя дамы увѣряютъ даже, что она нарочно напустила на себя всю эту «блажь», чтобы нашумѣть, и потомъ показать, что умѣетъ сохранить себя передъ соблазномъ. Положеніе безупречной свѣтской Діаны за нею осталось, а между тѣмъ теперь ее должны считать замѣчательною артисткой, которую непремѣнно увлекли бы на сцену, еслибъ она не обнаружила столько непреклонной вѣрности приличіямъ свѣта.

И можно думать, что Нонна Павловна не остается нечувствительной къ благосклонному баловству, съ какимъ относится къ ней этотъ средній петербургскій свѣтъ, такой неблагосклонный вообще, завистливый и злорѣчивый. Понемногу она усвоиваетъ себѣ тотъ же самый взглядъ на свою «блажь», какъ и окружающее ее общество. И только иногда, въ злыя минуты нервнаго возбужденія или нервной истомы, проносится передъ нею, сквозь туманъ, одно ядовитое воспоминаніе, и словно чадомъ тянетъ отъ него на душу...

В. Авсѣенко.

ЖЕННИ ТРЕЙБЕЛЬ *).

Романъ Теодора Фонтана.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

XIII.

На слѣдующее утро коммерціи совѣтница встала ранѣе обыкновеннаго и велѣла сказать Трейбелю, что завтракать будетъ одна. Трейбель приписалъ это размолвкѣ предыдущаго вечера, но ошибся; Женни хотѣла воспользоваться свободнымъ получасомъ, чтобы написать Гильдегардѣ. На этотъ разъ были дѣла поважнѣе мирнаго расписанія кофе или продолженія вчерашней войны. Наскоро проглотивъ чашку кофе, Женни отодвинула подносъ и перешла съ софы къ письменному столу и съ поразительною быстротой принялась исписывать крошечные листочки почтовой бумаги. Письма, когда Женни была въ настроеніи, шли у нея всегда быстро, но никогда, какъ сегодня. Еще часы не успѣли пробить девяти, какъ она сложила листочки и вполголоса перечла написанное.

«Милая Гильдегарда! давно лелѣемъ мы мечту видѣть тебя подъ своимъ кровомъ. До мая у насъ была отвратительная погода и не было намека на весну, мое любимое время года. Но вотъ уже двѣ недѣли, какъ все измѣнилось: въ саду щелкаютъ соловьи, что ты, какъ я прекрасно помню, особенно любишь. Поэтому сердечно просимъ тебя недѣльки на двѣ покинуть очаровательный Гамбургъ и подарить насъ своимъ присутствіемъ. Трейбель присоединяетъ свои просьбы къ моимъ и Леопольдъ также. Говорить объ Еленѣ было бы излишне, потому что ея сердечное расположеніе тебѣ извѣстно не менѣе, чѣмъ намъ; и по моимъ наблюденіямъ это расположеніе растетъ съ каждымъ днемъ. Дѣла стоятъ такъ, что мнѣ, насколько позволяютъ узкія рамки письма, хотѣлось бы поговорить съ тобой о нихъ обстоятельнѣе. Когда я вижу Елену

*) *Русская Мысль* кн. IV, 1899 г.

блѣдной, хотя это къ ней очень идетъ, сердце сжимается у меня въ груди и не хватаетъ мужества спросить ее о причинѣ. Отто тутъ не причемъ; въ немъ я увѣрена, потому что онъ не только добръ, но и внимателенъ; разсматривая всевозможныя причины, я убѣждаюсь, что это тоска по родинѣ. Какъ я ее понимаю! Мнѣ хочется сказать ей: «Елена, поѣзжай, поѣзжай сегодня, завтра и будь увѣрена, что я употреблю всѣ силы, чтобы твое хозяйство и особенно бѣлье были въ порядкѣ; болѣе того, буду заботиться о глаженыхъ вещахъ такъ, какъ бы онѣ предназначались для Трейбеля, который очень прихотливъ по этой части, прихотливѣе, чѣмъ кто-либо въ Берлинѣ». Но я этого не говорю, такъ какъ прекрасно знаю, что Елена готова лишить себя всего, ради добросовѣстнаго исполненія долга. Особенно по отношенію къ ребенку. Взять Лицци съ собой и пренебречь уроками почти такъ же невозможно, какъ оставить ее безъ себя. Прелестное дитя! Какъ тебѣ будетъ пріятно увидать ее снова; я предполагаю, что моя просьба не останется тщетной. Фотографіи, особенно дѣтскія, гдѣ всю прелесть составляетъ прозрачный цвѣтъ кожи, такъ рѣдко даютъ настоящее представленіе. Цвѣтъ лица не только даетъ оттѣнокъ выраженію—это само выраженіе. Потому что, какъ говоритъ Крола, котораго ты, вѣроятно, еще не забыла, между душой и цвѣтомъ лица существуетъ удивительная связь. Какія удовольствія можемъ мы предложить тебѣ, дорогая Гильдегарда? Въ сущности никакихъ. Тебѣ извѣстенъ ограниченный кругъ нашего знакомства. У Трейбеля появилась новая страсть: онъ желаетъ быть избраннымъ въ депутаты отъ одного округа, названіе котораго звучитъ нѣсколько грубо, повендски, и врядъ ли находится въ предѣлахъ твоихъ географическихъ познаній; хотя я знаю, что ваши школы, какъ недавно увѣрялъ Фельгентрей (положимъ, плохой авторитетъ въ этой области) превосходятъ наши. Въ настоящее время у насъ есть только юбилейная выставка, рестораномъ которой завѣдуетъ фирма Дрееръ изъ Вѣны; онъ усиленно посѣщается публикой. Впрочемъ, на что не бросаются берлинцы,—дамамъ нѣтъ дѣла до крошечныхъ размѣровъ пивныхъ кружекъ; онѣ падки только на дешевизну. Что можетъ ихъ плѣнить? Я думаю, онѣ остались бы равнодушны даже къ вашему очаровательному Гамбургу, отъ одной мысли о которомъ у меня начинаетъ радостно биться сердце. Ваша чудная набережная Альстера! Когда вечеромъ огни и звѣзды дрожа отражаются въ водѣ, всякій способный наслаждаться такою красотой невольно отрывается отъ всего земного. Но позабудь, милая Гильдегарда, на время о красотѣ Гамбурга, иначе у насъ будетъ мало шансовъ

увидать тебя въ Берлинѣ, что повергнетъ въ истинное огорченіе всѣхъ Трейбелей, особенно же сердечно любящую тебя тетку

Женни Трейбель».

«P. S. Леопольдъ много катается верхомъ. Ежедневно утромъ въ Трептовъ или къ Яичному домику. Онъ жалуется, что скучно ѣздить одному. У тебя не прошла еще страсть къ верховой ѣздѣ? Такъ и вижу тебя несущейся на конѣ, безстрашная амазонка! Если бы я была мужчиной, то поставила бы себѣ цѣлью жизни догнать и поймать тебя. Впрочемъ, я увѣрена, что и другіе также думаютъ, и если бы ты была менѣе разборчива, у насъ давно было бы доказательство справедливости моихъ словъ. Не сердись и не упрекай меня. Твоя Ж. Т.».

Женни сложила листочки и положила въ конвертъ, на которомъ, вѣроятно, въ доказательство миролюбивыхъ плановъ, изображена была голубка съ масличной вѣткой. Это было тѣмъ умѣстнѣе, что Гильдегарда, находясь въ оживленной перепискѣ съ Еленой, прекрасно знала о положеніи дѣлъ въ виллѣ Трейбель и о чувствахъ къ себѣ Женни.

Совѣтница только что поднялась, чтобы позвонить провинившейся наканунѣ Аннѣ, и мимоходомъ взглянула въ цвѣтникъ. Тамъ она увидала свою невѣстку, быстрою походкой приближавшуюся къ дому. У рѣшетки стояла наемная карета съ поднятыми окнами, несмотря на теплую погоду.

Минуту спустя, Елена ворвалась въ комнату свекрови и порывисто бросилась ей въ объятія. Затѣмъ, сбросила накидку и лѣтнюю шляпу на стулъ и, снова обнимая Женни, воскликнула:

«Развѣ это правда? Не можетъ быть?»

Женни утвердительно кивнула головой и внимательно посмотрѣла на невѣстку. Елена была въ капотѣ и съ заплетенными по ночному волосами. Значитъ, захваченная врасплохъ важною новостью, она въ первомъ попавшемся экипажѣ бросилась къ Трейбелямъ. Это чего-нибудь да стоило; въ виду такого поступка ледяная кора, въ теченіе восьми лѣтъ сковывавшая сердце Женни, начала таять. Слезы показались у нея на глазахъ. «Елена,—сказала она,— всѣ бывшія между нами недоразумѣнія покончены навѣки. Ты доброе дитя, ты заодно съ нами. Мнѣ не нравилось въ тебѣ многое; не будемъ провѣрять, была ли я справедлива; но въ *настоящемъ* дѣлѣ я могу на васъ положиться: вы сумѣете отличить серьезное отъ безсмыслицы. Къ сожалѣнію, не могу сказать того же о твоемъ свекрѣ. Впрочемъ, я думаю, онъ еще сдастся. Во всякомъ случаѣ, будемъ дѣйствовать едино-

душно. О Леопольдѣ безпокоиться нечего, но опасная особа, которая ни передъ чѣмъ не остановится, обладаетъ такою самоувѣренностью, что ея хватило бы на трехъ принцессъ; противъ нея намъ слѣдуетъ вооружиться. Съ ней нелегко будетъ справиться. У нея чисто-профессорское самомнѣніе, и она въ состояніи вообразить, что дѣлаетъ честь семьѣ Трейбелей.

— Ужасная особа! — сказала Елена.— Не могу безъ ужаса вспомнить того дня, когда здѣсь былъ dear m-r Nelson. Мы смертельно боялись, чтобы изъ-за нея Нельсонъ не отложилъ своего путешествія. Не знаю, что-бы изъ этого вышло; въ отношеніяхъ Отто къ ливерпульской фирмѣ, вѣроятно, произошли бы непріятности.

— Слава Богу, что бѣда миновала. Такъ, можетъ быть, лучше; мы все устроимъ en famille. Стараго профессора я не боюсь; онъ у меня съ давнихъ поръ на веревочкѣ. Мы завербуемъ его въ свой лагерь. Мнѣ пора, дитя, надо одѣться. Но вотъ главное: я написала сейчасъ твоей сестрѣ Гильдегардѣ, прося ее въ ближайшемъ будущемъ пріѣхать къ намъ. Пожалуйста, Елена, припиши нѣсколько словъ мамѣ, запечатай все и надпиши адресъ.

Съ этими словами совѣтница вышла изъ комнаты, а Елена сѣла за письменный столъ. Она до такой степени вся поглощена была важностью дѣла, что у нея ни на минуту не появилось чувства торжества, при мысли, что Гильдегарда, наконецъ, достигнетъ цѣли; нѣтъ, въ виду грозящей всему дому опасности, она охвачена была участіемъ къ свекрови, какъ «къ носительницѣ семейныхъ традицій» и ненавистью къ Коринѣ. Она быстро сдѣлала приписку къ письму и прекраснымъ англійскимъ почеркомъ надписала конвертъ: «Госпожѣ Торѣ Мункъ, урожденной Томсонъ. Гамбургъ».

Когда чернила высохли и на увѣсистое письмо наклеено было двѣ марки, Елена встала, тихонько постучала въ дверь къ свекрови и сказала:

«Я ухожу, дорогая мама. Письмо беру съ собой». Затѣмъ быстро прошла черезъ цвѣтникъ и сѣла въ наемную карету.

Между девятью и десятью часами къ Шмидтамъ принесли одно за другимъ два письма; случай небывалый въ ихъ домашнемъ обиходѣ. Одно къ профессору, слѣдующаго содержанія: «Дорогой другъ! Могу ли я надѣяться застать васъ дома сегодня между двѣнадцатью и часомъ? Молчаніе будетъ знакомъ согласія. Преданная вамъ Женни Трейбель». Другое, не болѣе длинное было адресовано къ Коринѣ: «Милая Коринна, вчера вечеромъ я переговорилъ съ мама. Нѣтъ надобности упоминать, что я встрѣтилъ отпоръ, и теперь

болѣе, чѣмъ когда-либо, увѣренъ, что насъ ожидаетъ тяжелая борьба. Но никакія силы не разлучатъ насъ. Въ душѣ моей живетъ великая радость, которая придастъ мнѣ бодрости».

«Въ этомъ тайна и сила любви. Она поведетъ меня дальше и укрѣпитъ. Несмотря на всѣ невзгоды, твой безгранично-счастливый Леопольдъ.» — Коринна положила письмо. — Бѣдный юноша! Все, что онъ пишетъ, вполнѣ справедливо, даже относительно силы. Но такъ вотъ и просвѣчиваютъ всюду заячьи уши. Посмотримъ. Держись того, что имѣешь. Я не сдамся.

Коринна провела утро въ продолжительныхъ разговорахъ съ самой собой. Заходила Шмольке, но ограничилась нѣсколькими хозяйственными вопросами. У профессора было двѣ лекціи: одна по Греціи—Пиндаръ, другая нѣмецкая: романтическая школа (Новалисъ); вскорѣ послѣ двѣнадцати Шмидтъ возвратился домой. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ по кабинету озабоченный, поперемѣнно, то оставшимся для него совершенно непонятнымъ заключеніемъ одного стихотворенія Новалиса, то такъ торжественно возвѣщеннымъ посѣщеніемъ пріятельницы. Незадолго до часа раздался стукъ колесъ по плохой мостовой; вѣроятно, она. Дѣйствительно, пріѣхала Женни, на этотъ разъ безъ Хонигъ и безъ болонки. Она сама открыла дверцу и медленно, точно продумывая роль, поднялась по каменнымъ ступенькамъ крыльца.

Нѣсколько минутъ спустя раздался звонокъ, и Шмольке доложила:

— Госпожа коммерціи совѣтница Трейбель!

Шмидтъ пошелъ гостьѣ навстрѣчу, не такъ спокойно, какъ раньше; поцѣловалъ ей руку и предложилъ мѣсто на софѣ. Онъ самъ помѣстился противъ нея на стулѣ и спросилъ:

— Чему обязанъ я счастіемъ, дорогой другъ? Я предполагаю, что случилось что-нибудь необычайное.

— Совершенно вѣрно, милый другъ. Ваши слова не оставляютъ во мнѣ сомнѣнія, что m-elle Коринна не заблагоразсудила еще познакомить васъ съ происшедшимъ. M-elle Коринна дала вчера слово моему сыну Леопольду.

— А,—сказалъ Шмидтъ такимъ тономъ, въ которомъ трудно было разобрать радость или огорченіе.

— M-elle Коринна во время вчерашней прогулки въ Груневальдъ, которой было бы лучше не состояться, сдѣлала предложеніе моему сыну Леопольду, а не наоборотъ. Леопольдъ не дѣлаетъ ни шагу помимо моей воли и безъ моего разрѣшенія, по крайней мѣрѣ, такого важнаго шага, какъ предложеніе, и поэтому, къ мо-

ему величайшему сожалѣнію, я должна предположить подготовленную ловушку, простите дорогой другъ, хорошо обдуманный планъ.

Послѣднія слова вернули профессору не только присутствіе духа, но и обычную веселость. Онъ увидалъ, что нимало не ошибся въ своей старой пріятельницѣ, что она совсѣмъ не измѣнилась, и, несмотря на поэзію и возвышенныя чувства, все та же Женни Бюрстенбиндеръ, живущая исключительно напоказъ; профессоръ понялъ, что въ предстоящемъ состязаніи ему необходимо взять тонъ самоувѣреннаго превосходства. Онъ долженъ былъ сдѣлать это ради себя и ради Коринны.

— Ловушка, сударыня. Вы, можетъ быть, не совсѣмъ неправы, давая такое названіе случившемуся. Злосчастное мѣсто. Удивительно, что извѣстнаго рода происшествія точно привязаны къ опредѣленному мѣсту. Всѣ усилія съ помощью лебединыхъ домиковъ и кегель произвести реформу остаются тщетными, и прежній характеръ мѣстности неизмѣнно обнаруживаетъ ея свойства. Такъ и съ нашимъ злополучнымъ Груневальдомъ. Непремѣнно жди сюрприза. Разрѣшите, сударыня, позвать сюда юнкера generis feminini, чтобы онъ самъ сознался въ преступленіи.

Женни закусила губы, сожалѣя о неосторожномъ словѣ, подавшемъ поводъ къ насмѣшкѣ. Обращаться вспять было поздно; она только сказала:

— Да, любезный профессоръ, всего лучше выслушать Коринну. Я думаю, она съ гордостью сознается, что одурачила несчастнаго юношу.

— Вполнѣ возможно,—сказалъ Шмидтъ и, подойдя къ двери, крикнулъ:—Коринна!

Не успѣлъ онъ сѣсть на мѣсто, какъ дѣвушка появилась въ дверяхъ, любезно поклонилась коммерціи совѣтницѣ и спросила:

— Ты звалъ, папа?

— Да, Коринна. Прежде чѣмъ продолжать разговоръ, возьми стулъ и сядь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ, такъ какъ я хочу отмѣтить, что ты въ данный моментъ обвиняемая. Сядь въ оконной нишѣ, такъ мы тебя будемъ лучше видѣть. Теперь скажи мнѣ, правда ли, что вчера вечеромъ въ Груневальдѣ ты, со свойственной Шмидтамъ дерзостію, напала на безоружнаго, мирно-прогуливавшагося гражданина Леопольда Трейбеля и ограбила его?

Коринна улыбалась; затѣмъ, отошла отъ окна и, приблизившись къ столу, сказала:

— Нѣтъ, папа, это чистѣйшая ложь. Дѣло шло законнымъ порядкомъ, и мы по всѣмъ правиламъ женихъ и невѣста.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, m-elle Коринна,—сказала Женни.—Самъ Леопольдъ считаетъ себя вашимъ женихомъ. Я говорю только одно, что превосходство, которое даютъ вамъ лѣта...

— Не лѣта... Я моложе его...

— Которое даетъ вамъ умъ и характеръ... что вы воспользовались этимъ превосходствомъ и забрали въ руки безвольнаго юношу.

— Нѣтъ, m-me Трейбель, это невѣрно или лучше не совсѣмъ вѣрно. Можетъ быть, въ концѣ-концовъ, дѣло и сведется къ тому. Позвольте мнѣ разсказать все, какъ было.

— Хорошо, Коринна,—сказалъ старикъ.—Начинай. Какъ было дѣло?

— Дѣло было такъ. Я говорила съ Леопольдомъ о его будущемъ; описала ему свадебный поѣздъ, намѣренно въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ и безъ именъ. А когда подъ конецъ принуждена была назвать имена, то сказала, что торжество происходитъ на Бланкензее и около жениха сидитъ прелестная Гильдегарда Мункъ въ царственномъ нарядѣ. Женихъ былъ Леопольдъ, mr. Трейбель. Но Леопольдъ не хотѣлъ ничего слушать, взялъ меня за руку и сдѣлалъ формальное предложеніе. Когда я напомнила ему о матери, онъ не сталъ меня слушать, и мы порѣшили...

— Я вамъ вѣрю, m-elle Коринна, — сказала совѣтница.—Я вамъ вполнѣ вѣрю. Но въ сущности это была только комедія. Вы прекрасно знали, что онъ предпочитаетъ васъ Гильдегардѣ и знали также, что чѣмъ болѣе будете выставлять на первый планъ бѣдное дитя, Гильдегарду, тѣмъ сильнѣе, чтобы не сказать страстнѣе—Леопольдъ въ сущности совсѣмъ не страстный человѣкъ,—тѣмъ сильнѣе, говорю я, привяжется онъ къ вамъ.

— Да, m-me Трейбель, это я знала или почти знала. Между нами не было сказано въ этомъ смыслѣ ни одного слова; но я давно знала, что онъ будетъ счастливъ, если я соглашусь быть его невѣстой.

— И съ помощью умно и удачно придуманной исторіи о гамбургской свадьбѣ вы добились объясненія.

— Да. И я думаю, что имѣла на то право. Вы, какъ мнѣ кажется, намѣреваетесь серьезно протестовать противъ этого. Меня удивляетъ требованіе, чтобы я отказалась отъ всякаго вліянія на вашего сына. Я не красавица, я только недурна. Допустите на минуту, хотя вамъ это будетъ трудно, что я красавица, une beauté, противъ которой вашъ сынъ не могъ устоять; могли ли вы потребовать, чтобы я испортила лицо сѣрною кислотой, ради того, чтобы вашъ сынъ, мой женихъ, не попалъ въ ловушку, разставленную мною въ видѣ моей красоты.

— Коринна,—засмѣялся старикъ,—не такъ рѣзко. Совѣтница—наша гостья.

— Этого вы не могли отъ меня потребовать; такъ, по крайней мѣрѣ, думаю я въ настоящее время, можетъ быть, преувеличивая ваше расположеніе ко мнѣ, и однако вы требуете, чтобы я отказалась отъ того, чѣмъ одарила меня природа. У меня много здраваго смысла, я чистосердечна и независима, что производитъ впечатлѣніе на мужчинъ, особенно на тѣхъ, которымъ не хватаетъ того, что я имѣю,—и вы хотите, чтобы я заглушила свои качества, чтобы зарыла свои таланты, поставила свой свѣтильникъ подъ сосудъ. Вы желаете, можетъ быть, чтобы при встрѣчахъ съ вашимъ сыномъ я держалась, какъ монахиня, единственно для того, чтобы избавить домъ Трейбелей отъ ненавистной свадьбы? Позвольте мнѣ, милостивая государыня, замѣтить вамъ,—отнесите мои слова на счетъ сильнаго возбужденія, въ которое вы меня повергли—позвольте мнѣ сказать, что я нахожу ваши требованія не только высокомѣрными и неумѣстными, но кромѣ того смѣшными. Что такое Трейбель? Берлинскій фабрикантъ въ чинѣ совѣтника, а я, я—Шмидтъ.

— Настоящая Шмидтъ, — весело подхватилъ старый Вилибальдъ и затѣмъ прибавилъ:—Послушайте, милый другъ, не лучше ли намъ покончить пренія и предоставить дальнѣйшее теченіе событій дѣтямъ и историческому ходу вещей?

— Нѣтъ, дорогой другъ, мы такъ не поступимъ. Мы ничего не предоставимъ историческому развитію и еще менѣе рѣшенію дѣтей, что было бы равносильно рѣшенію m-elle Коринны. Для того я и здѣсь, чтобы помѣшать такому исходу. Я надѣялась, что, въ силу живущихъ въ насъ воспоминаній, найду у васъ поддержку, и жестоко ошиблась; мнѣ придется ограничиться вліяніемъ на Леопольда.

— Боюсь,—сказала Коринна,—что и онъ не оправдаетъ...

— Это будетъ главнымъ образомъ зависѣть отъ того, будете ли вы съ нимъ видаться или нѣтъ.

— Мы будемъ видаться.

— Можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ.

Съ этими словами коммерціи совѣтница поднялась и, не подавая профессору руки, направилась къ дверямъ. Здѣсь она еще разъ обернулась и сказала Коринѣ:

— Коринна, поговоримъ благоразумно. Я готова все забыть. Оставьте только молодого человѣка. Онъ вамъ не пара. Что же касается семьи Трейбель, вы ее характеризовали такъ, что для васъ не должно быть жертвой отъ нея отказаться...

— А мои чувства, m-me Трейбель?...

— Ба! — разсмѣялась Женни, — кто такъ говоритъ, у того ихъ нѣтъ; это только упрямство и настойчивость. Желаю ради васъ и ради себя, чтобы вы уступили. Настойчивость ни къ чему не приведетъ. Мать также имѣетъ вліяніе на безхарактернаго человѣка, и я сомнѣваюсь, чтобы Леопольдъ желалъ провести медовый мѣсяцъ въ хижинѣ рыбака. Въ одномъ могу васъ увѣрить: семья Трейбель не наймет ъ вамъ виллы на Капри.

Затѣмъ она поклонилась и вышла въ переднюю. Коринна осталась въ комнатѣ, а профессоръ проводилъ свою пріятельницу до лѣстницы.

— Adieu, — сказала совѣтница. — Я сожалѣю, дорогой другъ, о всемъ, что произошло между нами и нарушило сердечныя отношенія стольких ъ лѣтъ. Я не виновата. Вы избаловали Коринну, и ваша дочурка позволяетъ себѣ насмѣшливый, высокомѣрный тонъ по отношенію ко мнѣ, забывая мои годы. Непочтительность — характерный признакъ нашего времени.

Хитрецъ Шмидтъ удовлетворился, сдѣлавъ при словѣ «непочтительность» огорченную физіономію.

— Вы, можетъ быть, правы, дорогой другъ, — сказалъ онъ, — но теперь уже поздно; дѣла не поправишь. Я сожалѣю, что наша семья причинила вамъ безпокойство, или вѣрнѣе — огорченіе. Правда, какъ вы совершенно вѣрно замѣтили, наше время... теперь все стремится стать выше своей среды.

Женни утвердительно кивнула головой.

— Дай Богъ, чтобы все измѣнилось къ лучшему.

— Будемъ надѣяться.

И съ этими словами они разстались.

Возвратясь въ комнату, Шмидтъ обнялъ дочь, поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ:

— Коринна, еслибъ я не былъ профессоромъ, то сдѣлался бы въ концѣ-концовъ соціалъ-демократомъ.

Въ эту минуту вошла Шмольке. Она слышала только послѣднія слова и, догадываясь, о чемъ шла рѣчь, сказала:

— Да, то же самое говорилъ всегда Шмольке.

XIV.

Наступило воскресенье. Настроеніе въ семьѣ Трейбелей не улучшалось. Всѣ избѣгали другъ друга. Коммерціи совѣтница занялась разборкою писемъ, приведеніемъ въ порядокъ фотографій; Леопольдъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ Гёте; Трейбель про-

гуливался вокругъ бассейна и болталъ, по обыкновенію, съ Хонигъ. Онъ зашелъ такъ далеко, что совершенно серьезно спросилъ ея мнѣнія объ осадномъ положеніи въ домѣ; само собой разумѣется, предварительно оговорившись, что никто не знаетъ, «даже высшія власти» (къ этой фразѣ онъ привыкъ во время публичныхъ рѣчей), чѣмъ все это можетъ кончиться. Вѣрнѣе всего въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ никто ничего не знаетъ, полагаться на чувство, а въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего выше и надежнѣе женщины. Нельзя отрицать, что женскій полъ имѣетъ нѣчто общее съ фетишами, независимо отъ пророческаго дара низшаго разбора, который, такъ сказать, носится въ воздухѣ. Когда Хонигъ дождалась возможности вставить слово, она призвала на помощь свой политическій тактъ и поставила слѣдующій діагнозъ: «на западѣ виднѣется ясное небо; на востокѣ мракъ, равно густой сверху и снизу».—«Сверху и снизу,—повторилъ Трейбель.—О, какъ вѣрно! И верхъ тяготѣетъ надъ низомъ, а низъ тѣснитъ верхъ. Какъ вы вѣрно попали, m-elle Хонигъ». Собачка Цика одобрительно залаяла. Такъ продолжался разговоръ ко взаимному удовольствію. Наконецъ, Трейбелю прискучило долго черпать изъ кладезя премудрости старой дѣвицы, и онъ вернулся въ кабинетъ къ своимъ сигарамъ, проклиная Галензее, породившее семейныя недоразумѣнія и скучное воскресенье. Около полудня ему подали адресованную на его имя телеграмму: «Благодарю за письмо. Пріѣду завтра послѣ обѣда. Ваша Гильдегарда». Онъ послалъ женѣ телеграмму, изъ которой впервые узналъ о приглашеніи. Хотя онъ находилъ самостоятельный образъ дѣйствій Женни нѣсколько страннымъ, но былъ въ сущности доволенъ, что нашелся предметъ, которымъ можно было занять фантазію. Гильдегарда была очень хорошенькая дѣвушка, и перспектива имѣть для прогулокъ по саду ее вмѣсто Хонигъ улыбалась Трейбелю. Кромѣ того являлся матеріалъ для разговора. Безъ этой телеграммы обѣдъ грозилъ молчаніемъ, а теперь можно было предложить нѣсколько вопросовъ. И онъ, дѣйствительно, предложилъ эти вопросы, такъ что дѣло шло довольно сносно; только Леопольдъ не произнесъ ни слова и былъ радъ, когда могъ вернуться къ себѣ и сѣсть за книгу.

Поведеніе Леопольда показывало, что онъ не позволитъ рѣшать за себя; тѣмъ не менѣе, ему было ясно, что онъ не можетъ уклониться отъ обязанностей представителя семьи и долженъ на слѣдующее утро встрѣтить Гильдегарду на вокзалѣ. Онъ аккуратно явился къ поѣзду, поздоровался съ прелестной belle-soeur и понемногу исчерпалъ всѣ обычные вопросы о здоровьѣ, о планахъ на

лѣто, пока носильщикъ получалъ багажъ и устраивалъ ихъ въ экипажѣ. Багажъ состоялъ изъ одного обитаго желѣзомъ сундука, но такихъ размѣровъ, что когда его воздвигли на верхъ экипажа, то карета приняла видъ двухъэтажнаго зданія.

Дорогой Леопольдъ снова повелъ разговоръ, но съ весьма малымъ успѣхомъ, потому что его необычайное смущеніе только смѣшило Гильдегарду. Наконецъ подъѣхали къ виллѣ. Всѣ Трейбели стояли у рѣшетки и послѣ обмѣна обычныхъ привѣтствій и приведенія туалета въ порядокъ, что потребовало довольно много времени, Гильдегарда появилась на верандѣ, гдѣ сервированъ былъ кофе. Она все находила «божественнымъ» (несомнѣнное вліяніе инструкцій г-жи Торы Мункъ, которая, вѣроятно, предписала восхищаться всѣмъ берлинскимъ и порицать гамбургское). Не было сдѣлано никакихъ сравненій; кофейный сервизъ возбудилъ необычайный восторгъ.

— Берлинскіе рисунки рѣшительно изгнали всѣ остальные, даже севрскіе. Какая прелесть — греческій узоръ по краю.

Леопольдъ стоялъ въ сторонѣ и слушалъ. Гильдегарда неожиданно оборвала рѣчь и прибавила:

— Не браните меня, что болтаю всякій вздоръ: греческая каемочка, севръ, мейссенъ, рисунки. Во всемъ виноватъ Леопольдъ; въ экипажѣ онъ велъ со мной такой строго-научный разговоръ, что я почти впала въ отчаяніе; мнѣ хотѣлось узнать о Лицци, а онъ говорилъ о системѣ берлинской канализаціи; я ничего не поняла, но не рѣшалась спросить объясненія.

Старикъ Трейбель разсмѣялся; совѣтница промолчала; блѣдное лицо Леопольда вспыхнуло.

Такъ прошелъ первый день. Чистосердечіе Гильдегарды, котораго старались не смущать, казалось, будетъ длиться и впередъ, тѣмъ болѣе, что со стороны коммерціи совѣтницы не было недостатка въ предупредительной любезности. Она раскошелилась на очень цѣнные подарки, что̀, вообще, не было въ ея нравахъ. Несмотря на всѣ усилія, натянутость въ домѣ не проходила; даже Трейбель, на быстрое возстановленіе хорошаго настроенія котораго разсчитывала жена, чувствовалъ себя неловко. Да, хорошее настроеніе, по многимъ причинамъ, не возвращалось; одной изъ нихъ было полное крушеніе Фогельзанга на выборахъ Тейпицъ-Цоссена, причемъ усилились личные нападки на Трейбеля. Сначала, благодаря его популярности, совѣтника щадили, пока, наконецъ, безтактность его агента сдѣлала невозможной дальнѣйшую деликатность. «Очевидно, большое несчастіе, — писали во враждебныхъ органахъ,—быть настолько ограниченнымъ, какъ Фогельзангъ, но

брать такую бездарность къ себѣ на службу значитъ сомнѣваться въ умственныхъ способностяхъ нашего кружка. Кандидатура Трейбеля рухнетъ со скандаломъ».

Невесело было у старыхъ Трейбелей. Гильдегарда скоро почувствовала это и большую часть времени проводила у сестры.

Дровяной складъ былъ пріятнѣе фабрики, а Лицци въ своихъ длинныхъ бѣлыхъ чулочкахъ—обворожительна. Однажды она была въ красныхъ. Когда дѣвочка появилась въ такомъ видѣ и сдѣлала реверансъ тетѣ, та шепнула сестрѣ: «quite englisch, Helen»,—и обѣ весело улыбнулись. Да, это были рѣдкіе проблески свѣта. Когда Лицци ушла, между сестрами не завязывалось непринужденнаго разговора, потому что нельзя было касаться двухъ главныхъ пунктовъ: обрученія Леопольда и желанія благополучно выбраться изъ этой бѣды.

Да, невесело было у Трейбелей, но не лучше было и у Шмидтовъ. Положимъ, старый профессоръ вовсе не былъ озабоченъ и огорченъ; онъ жилъ, наперекоръ всему, въ глубокомъ убѣжденіи, что дѣла скоро измѣнятся къ лучшему. Онъ находилъ, что процессъ этотъ завершится въ тишинѣ, и рѣшилъ молчать, чтобы не мѣшать его естественному теченію. Шмольке была совершенно обратнаго мнѣнія. Какъ настоящая старая берлинка, она считала, что всего лучше «высказываться», и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Но всѣ ея старанія, направленныя въ эту сторону, оставались безъ результата. Коринна на ея вопросы: «Что же изъ этого выйдетъ? Что ты думаешь дѣлать?» — упорно молчала.

Коринна не знала, что отвѣтить. Она стояла скрестивъ руки около рулетки и ждала, куда упадетъ шарикъ. Она не чувствовала себя несчастной, но была неспокойна и не въ духѣ; особенно, когда вспоминала сцену ссоры съ совѣтницей, гдѣ, какъ ей теперь казалось, было сказано много лишняго. Она чувствовала, что все произошло бы иначе, если бы совѣтница была менѣе сурова, а она сама болѣе сдержанна. Тогда безъ большого труда можно было бы заключить миръ. Но въ то время, когда она сожалѣла о высокомѣріи совѣтницы и брала значительную долю вины на себя, — въ то самое время ей становилось несомнѣннымъ, что все казавшееся ей важнымъ въ глазахъ совѣтницы не имѣло никакой цѣны. Ужасная женщина, несмотря на свои слова и поступки, упрекала ее вовсе не за игру въ чувства. Это было дѣломъ второстепеннымъ. Преступленіе было бы равно велико, если бы Коринна любила всѣмъ сердцемъ и всею душою ея милаго, добраго сына. «Совѣтница съ своимъ на-

дменнымъ «нѣтъ» попала не туда, куда мѣтила. Она хочетъ разстроить свадьбу не потому, что я недостаточно люблю жениха, а потому, что я бѣдна и не могу удвоить Трейбелевскаго состоянія; и если она увѣряетъ всѣхъ и каждаго, можетъ быть, даже самоё себя, что я для нея слишкомъ самоувѣренна и проникнута профессорской важностью, то говорится это потому только, что такъ удобнѣе. При другихъ условіяхъ профессорскій тонъ не только не повредилъ бы мнѣ въ ея глазахъ, но, наоборотъ, возбудилъ бы ея восхищеніе».

Такъ думала и разсуждала Коринна и, чтобы отвлечься отъ тяжелыхъ мыслей, отправилась съ визитами къ молодымъ и старымъ профессорскимъ женамъ, чего уже давно не дѣлала. Больше всѣхъ понравилась ей, какъ всегда, вся погруженная въ хозяйственныя заботы г-жа Риндфлейшъ, которая, ради своихъ многочисленныхъ пансіонеровъ, отправлялась ежедневно на главный рынокъ, знала лучшія лавки и наиболѣе дешевыя цѣны, — цѣны эти, сообщенныя Шмольке, повергали ее первоначально въ гнѣвъ, но затѣмъ возбуждали благоговѣніе передъ высокими хозяйственными способностями профессорши. М-me Шульце Коринна нашла также милой и разговорчивой, можетъ быть, потому, что предстоящій разводъ Фридберга давалъ богатый матеріалъ для пересудовъ. Но самъ Иммануэль былъ до того циниченъ, что Коринна рѣшила не повторять визита. Однако, въ недѣлѣ такъ много дней, что пришлось посѣтить музеи и Національную галерею, хотя настроеніе было неподходящее. Въ египетскомъ отдѣлѣ ее поразило сходство Рамзеса съ Фогельзангомъ.

Возвращаясь домой, Коринна каждый разъ спрашивала, не былъ ли кто-нибудь, что̀ значило: «Не былъ ли Леопольдъ?» На что Шмольке аккуратно отвѣчала: «Нѣтъ, Коринна, ни живой души».

У Леопольда не хватало духу идти самому, и онъ ограничивался тѣмъ, что каждый вечеръ писалъ коротенькое письмецо, которое на слѣдующее утро подавалось вмѣстѣ съ завтракомъ. Шмидтъ, глядя на него, ухмылялся, а Коринна будто невзначай брала и уходила читать въ свою комнату.

«Милая Коринна, нынѣшній день прошелъ подобно предыдущимъ. Мама, повидимому, закоренѣла въ своемъ упрямствѣ. Посмотримъ, кто побѣдитъ. Гильдегарда проводитъ большую часть времени у Елены, потому что у насъ ей никто серьезно не занимается. Мнѣ жаль ее. Такая хорошенькая, молоденькая дѣвушка! Вотъ результаты подбныхъ затѣй! Душа моя стремится къ тебѣ; на будущей недѣлѣ я приму рѣшенія, которыя все выяснятъ. Мама удивится. Я ничего не боюсь, даже самаго рѣшительнаго. И пятая за-

повѣдь имѣетъ свои предѣлы. У насъ есть также обязанности по отношенію къ себѣ и къ тѣмъ, кого мы больше всего любимъ, къ тѣмъ, кто для насъ жизнь и смерть. Я колеблюсь въ выборѣ мѣста, но, кажется, остановлюсь на Англіи; тамъ Ливерпуль и m-r Нельсонъ, а черезъ два часа мы на шотландской границѣ. Не все ли равно, кто совершитъ внѣшній обрядъ, въ душѣ мы давно принадлежимъ другъ другу. Какъ бьется у меня при этой мысли сердце. Твой на вѣкъ Леопольдъ».

Коринна изорвала письмо въ клочки и бросила въ кухонную раковину. «Такъ лучше. До завтра забуду, что было сегодня написано и не будетъ сравненія. Мнѣ представляется, что онъ каждый день пишетъ одно и то же. Удивительный женихъ! Но развѣ можно дѣлать человѣку упрекъ въ томъ, что онъ не герой? Я даже убѣдилась, что его нельзя подвинуть на геройство. Забитость и приниженность одержатъ верхъ. Заслуженно? Боюсь, что да».

Прошло полторы недѣли, а у Шмидтовъ все было по-старому; старикъ попрежнему молчалъ; Марсель не приходилъ, Леопольдъ также; только письма аккуратно появлялись каждое утро; Коринна давно перестала читать ихъ, просматривала и съ улыбкой опускала въ карманъ утренняго капота, гдѣ они нѣкоторое время валялись. Лучше всего дѣйствовало на Коринну присутствіе здравомыслящей Шмольке, хотя она все еще избѣгала разговоровъ съ ней.

Но и этому насталъ конецъ.

Профессоръ уже въ одиннадцать часовъ возвратился домой, такъ какъ была среда, когда у него часомъ раньше кончались занятія. Коринна и Шмольке слышали, какъ онъ вошелъ и захлопнулъ за собою дверь, но потомъ забыли о немъ и остались обѣ въ кухнѣ, освѣщенной яркими лучами іюньскаго солнца. У одного изъ открытыхъ оконъ стоялъ кухонный столъ. Наружѣ, на двухъ крючкахъ висѣлъ ящикъ для цвѣтовъ, выкрашенный въ зеленый цвѣтъ. Въ немъ помѣщалось нѣсколько горшковъ герани и желтофіолей, вокругъ которыхъ порхали воробьи, доводя свое столичное нахальство до того, что по временамъ влетали въ кухню и садились на столъ. Здѣсь они весело клевали все, что попало, и никому въ голову не приходило гнать ихъ. Коринна, со ступкою на колѣняхъ, толкла корицу; Шмольке разрѣзала вдоль зеленыя груши и клала въ блюдо съ холодною водой; половинки не выходили вполнѣ равными, такъ какъ на одной оставалась вѣточка, что и послужило началомъ разговора, котораго давно жаждала Шмольке.

— Посмотри, Коринна, вотъ вѣточка по вкусу твоего отца, онъ можетъ схватить ее, какъ макарону.

Коринна утвердительно кивнула головой.

— ... Какъ макарону, поднять высоко и объѣсть весь низъ... Удивительный человѣкъ...

— Правда!

— Удивительный человѣкъ, съ причудами, которыя надо изучить. Но самое удивительное, что когда мы дѣлаемъ хлѣбный пуддингъ съ грушами, ихъ нельзя чистить и надо класть съ вѣточками, кожей и зернышками. Вѣдь, вотъ профессоръ и очень умный человѣкъ, а я должна тебѣ сказать, Коринна, что если бы вздумала своему доброму Шмольке подать нечищенныя груши со всѣмъ нутромъ, онъ бы мнѣ задалъ перцу. Онъ былъ гордый человѣкъ, но когда думалъ: «она считаетъ, что мнѣ и такъ сойдетъ», то дѣлалъ служебную мину, точно собирался посадить меня подъ арестъ.

— Да, милая Шмольке, вопросъ о вкусахъ старъ, какъ Божій міръ, и давно извѣстно, что о вкусахъ не спорятъ. А затѣмъ тутъ играетъ роль привычка, можетъ быть, здоровье.

— Здоровье,—разсмѣялась Шмольке.—Ну, послушай, дитя, если сѣмечки и кожура застрянутъ въ горлѣ, ты подавишься и придется обращаться къ постороннему лицу съ просьбой: «поколотите меня хорошенько въ спину»; нѣтъ, Коринна, я согласна ѣсть лучше пюре, которое, какъ масло, проскакиваетъ внутрь. Здоровье!... Вѣточки и кожа—какое ужъ тутъ здоровье...

— Однако, это такъ, дорогая Шмольке. Многіе не переносятъ фруктовъ и чувствуютъ тяжесть; особенно, если они, какъ папа, любятъ жидкость, въ которой варились фрукты. И тогда единственное средство сохранить кожу и вѣточки. То и другое содержитъ въ себѣ вяжущее вещество, которое дѣйствуетъ сначала на губы и на языкъ, а затѣмъ и на желудокъ и такимъ образомъ, предотвращая бѣду, приводитъ все въ порядокъ.

Воробей внимательно слушалъ и, точно убѣдившись доводами Коринны, схватилъ случайно отвалившуюся вѣточку и перелетѣлъ на крышу. Женщины замолчали и только четверть часа спустя снова начали разговоръ.

За это время картина нѣсколько измѣнилась. Коринна очистила столъ, разостлала на немъ листъ синей сахарной бумаги, на который положила куски сухого хлѣба и скалку. Затѣмъ принялась растирать хлѣбъ съ такою энергіей, что крошки летѣли во всѣ стороны. По временамъ она останавливалась, сметала крошки въ кучу, затѣмъ снова ожесточенно принималась за работу. Можно было подумать, что въ головѣ у нея самыя жестокія мысли.

Шмольке смотрѣла на нее сбоку и наконецъ спросила:

— Кого ты такъ терзаешь, Коринна?

— Весь свѣтъ.

— Это слишкомъ... и себя также?

— Себя прежде всего.

— Справедливо. Если тебя хорошенько растереть, да размочить, авось, придешь въ разумъ.

— Никогда.

— Никогда не слѣдуетъ говорить «никогда». Это было главнымъ правиломъ Шмольке. И это правда. Я замѣтила, какъ кто скажетъ «никогда», затѣмъ сейчасъ и уступитъ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ и съ тобой такъ же было.

Коринна вздохнула.

— Видишь ли, Коринна, ты прекрасно знала, что я противъ той свадьбы. Вполнѣ ясно и несомнѣнно, что ты должна выйти за кузена Марселя.

— Дорогая Шмольке, о немъ ни слова.

— Знаю. Ложное чувство. Я ничего больше не скажу, скажу только, что говорила раньше, что я всегда была противъ Леопольда, и страшно испугалась, когда услыхала твое рѣшеніе. Но когда ты мнѣ сказала, что коммерціи совѣтница разсердится, я на зло ей думала, «почему и не быть такъ? Чѣмъ ты не подходишь? Хотя Леопольдъ и младенецъ неразумный, но Коринночка его выняньчитъ и направитъ на путь истинный». Да, Коринна, такъ я думала и даже говорила тебѣ это. Но такъ думать не слѣдовало, не надо даже думать на зло ближнему, хотя бы ненавистному; самое вѣрное чувство—былъ страхъ за твое обрученіе. Тебѣ нуженъ умный мужъ, умнѣе тебя,—ты, вѣдь, вовсе не такъ ужъ умна,—мужественный, какъ мой Шмольке, котораго бы ты уважала. А Леопольда развѣ можно уважать? Или ты его все еще любишь?

— Я о немъ вовсе не думаю, милая Шмольке.

— И пора съ нимъ покончить. Нельзя весь міръ ставить вверхъ дномъ и губить свое счастье, пренебрегая отцомъ, старой Шмольке и многими другими, только изъ-за того, чтобы восторжествовать надъ совѣтницей съ ея пуфами и брилліантами. Это гордая женщина, позабывшая колоніальный магазинъ отца, вѣчно кривляющаяся и заигрывающая съ профессоромъ, котораго называетъ «Вилибальдъ», точно они дѣти и играютъ въ прятки за кучами торфа. То-то черные вылѣзали оттуда, какъ трубочисты. Все это правда, и я на нее злилась, да и ей пришлось немного посердиться. Но, какъ сказалъ пасторъ Томасъ, благословляя насъ съ Шмольке: «Любите другъ друга, потому что человѣкъ долженъ строить свою жизнь не

на ненависти, а на любви». Развѣ ты серьезно ненавидишь совѣтницу?

— Я о ней и не думаю, милая Шмольке.

— Ну, Коринна, тогда скажу я тебѣ, надо порѣшить это дѣло. Если ты *его* не любишь и *ее* не ненавидишь, къ чему же тогда вся кутерьма?

— И сама не знаю.

Съ этими словами Коринна обняла добрую Шмольке, и та по блеску въ глазахъ дѣвушки убѣдилась, что бѣда миновала и буря разсѣялась.

— Ну, Коринночка, теперь все пойдетъ на ладъ и устроится къ лучшему. Подай-ка форму, пора уложить пуддингъ, часокъ-то ему надо посидѣть въ печкѣ. До обѣда ничего не скажу профессору, а то онъ, чего добраго, съ радости ѣсть не станетъ...

— Покушаетъ!

— А послѣ обѣда скажу, хотя бы это помѣшало ему спать. Я и то видѣла хорошій сонъ, только тебѣ не хотѣла говорить. Теперь скажу. Семь каретъ, и дочери профессора Ку провожатыми невѣсты. Всѣ барышни хотятъ быть подругами невѣсты, потому что на нихъ больше смотрятъ. Невѣста ужъ отрѣзанный ломоть. И, по большей части, онѣ скоро выходятъ замужъ. Только пастора не могла хорошенько разглядѣть. Не Томасъ,—нѣтъ! Развѣ Сушонъ? Для него точно немножко толстоватъ.

XV.

Пуддингъ появился на столѣ только въ два часа и пришелся по вкусу Шмидту. Благодушное настроеніе мѣшало ему замѣтить, что Коринна на всѣ его замѣчанія молча улыбалась. Онъ былъ добродушный эгоистъ и не особенно заботился о настроеніи окружающихъ до того момента, когда происходило что-нибудь непосредственно затрагивавшее его лично.

— Вели убирать, Коринна. Хочу, прежде чѣмъ вытянуться, написать письмо или, вѣрнѣе, нѣсколько строчекъ, Марселю. Онъ получаетъ, наконецъ, мѣсто. Дистелькампъ, не порывающій прежнихъ связей, прислалъ мнѣ сегодня утромъ это извѣстіе.

Говоря такъ, старикъ смотрѣлъ черезъ столъ на Коринну, желая узнать, какъ эта важная новость подѣйствуетъ на настроеніе дочери. Онъ ничего не увидалъ, можетъ быть, потому, что нечего было видѣть, а можетъ быть и потому, что онъ былъ плохой наблюдатель, даже въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда объ этомъ старался.

Когда старикъ всталъ съ мѣста, Коринна также поднялась и

вышла изъ комнаты, чтобы приказать Шмольке убирать со стола. Послѣдняя, войдя въ комнату, принялась съ шумомъ, свойственнымъ старымъ слугамъ, давно живущимъ въ домѣ, собирать тарелки, подставки, городить ножи и вилки, такъ что концы ихъ торчали во всѣ стороны. Наконецъ, собравъ все, прижала къ себѣ нагроможденную башню.

— Не наколитесь, милая Шмольке,—сказалъ Шмидтъ, который позволялъ себѣ иногда маленькую заботу о ближнемъ.

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, къ чему колоться? Когда тутъ колоться? Вѣдь, наша свадьба разстроилась.

— Разстроилась. Правда? Развѣ она сказала что-нибудь?

— Да. Терла въ кухнѣ сухой хлѣбъ для пуддинга, да вдругъ и выложила. У нея давно скребло на сердцѣ, только говорить не хотѣлось. Надоѣла ей канитель съ Леопольдомъ. Только и всего, что записочки съ незабудками на конвертѣ и фіалками внутри; ну, она и видитъ, что настоящей смѣлости у него нѣтъ, что страхъ передъ матерью сильнѣе любви къ ней.

— Очень радъ. Я и не ждалъ ничего другого. Вы также, милая Шмольке? Марсель—другого поля ягода. Хорошая партія? Марсель-то археологъ.

— Само собой,— сказала Шмольке, никогда не выдававшая передъ профессоромъ незнанія иностранныхъ словъ.

— Марсель,—говорю я,—археологъ. Въ настоящее время онъ получаетъ мѣсто Гедриха. Онъ давно на хорошемъ счету. Затѣмъ его командируютъ со стипендіей въ Микены.

Шмольке снова выразила на лицѣ одобреніе и полное пониманіе дѣла.

— Можетъ быть, даже прямо къ Шлиманну. А когда онъ возвратится назадъ и привезетъ мнѣ Зевса,—профессоръ показалъ при этомъ на печку, какъ на единственное свободное для Зевса мѣсто,—когда онъ возвратится оттуда назадъ, то профессура обезпечена. Не вѣчно жить старикамъ. Видите ли, милая Шмольке, что я называю хорошей партіей.

— Само собой, господинъ профессоръ. Къ чему бы вели иначе экзамены и все прочее? И Шмольке, хоть не былъ ученый, а всегда говорилъ...

— Сейчасъ напишу Марселю, а тамъ завалюсь на полчасика. Въ половинѣ четвертаго подадите кофе. Не опаздывайте.

Въ половинѣ четвертаго подали кофе. Письмо къ Марселю, на которое послѣ нѣкотораго колебанія рѣшился Шмидтъ, уже съ пол-

часа было отправлено со скорой почтой, и если Марсель былъ дома, то въ настоящую минуту могъ читать три лаконическія строчки, въ которыхъ сообщалось о его побѣдѣ. Старшій учитель гимназіи! До сихъ поръ онъ былъ только учителемъ нѣмецкой литературы въ высшей женской школѣ и подчасъ горько смѣялся надъ собой въ глубинѣ души, когда ему приходилось говорить о Беовульфѣ или Codex argenteus, причемъ молодыя дѣвицы всегда хихикали. Касательно Коринны были въ письмѣ тоже какіе-то темные намеки. Однимъ словомъ, надо было немного погодя идти благодарить дядю.

И дѣйствительно, еще не было пяти часовъ, когда позвонили, и вошелъ Марсель. Онъ сердечно поблагодарилъ дядю за протекцію, и когда тотъ отклонилъ благодарность съ замѣчаніемъ, что если о чемъ-нибудь подобномъ и можетъ быть рѣчь, то всѣ благодарности принадлежатъ Дистелькампу, Марсель согласился:

— Ну, хорошо, положимъ, Дистелькампу, но вы немедленно сообщили мнѣ объ этомъ, да еще со скорой почтой.

— Да, Марсель, скорая почта, можетъ быть, говоритъ въ мою пользу, потому что пока мы, старики, привыкнемъ къ чему-нибудь новенькому, да еще стоящему тридцать пфенниговъ, много воды можетъ утечь. Ну-съ, а что скажешь о Коринѣ?

— Дорогой дядя, ты употребилъ такой темный намекъ, что я даже хорошенько не понялъ. Рѣчь идетъ объ отступленіи Леопольда? И Коринна наказана тѣмъ, что Леопольдъ, въ которомъ она такъ была увѣрена, отъ нея отвернулся?

— Хорошо, кабы такъ! Тогда униженіе,—надо называть вещи своими именами,—было бы степенью выше. Какъ я ни люблю Коринну, но всегда скажу, что ее слѣдовало проучить.

Марсель хотѣлъ заступиться...

— Нѣтъ, не защищай ее, она получила заслуженное. Но боги обошлись съ ней очень милостиво. Она не потерпѣла полнаго пораженія, которое выразилось бы въ добровольномъ отступленіи Леопольда; ее постигла только неудача: мать не хочетъ; моя милая Женни, несмотря на поэзію и слезы, имѣетъ бо́льшую власть надъ сыномъ, чѣмъ Коринна.

— Можетъ быть, потому, что Коринна во-время одумалась и не пустила въ ходъ всѣхъ минъ?

— Можетъ быть. Какъ бы то ни было, но намъ съ тобой надо выяснить, какъ ты отнесешься къ этой траги-комедіи. Что Коринна, которую ты такъ великодушно хотѣлъ защитить, непріятна тебѣ или нѣтъ? Считаешь ли ты ее опасной особой, тщеславной и пу-

стой? Или ты не считаешь все случившееся серьезнымъ, а пустяками, которые можно позабыть? Въ этомъ все дѣло.

— Да, дорогой дядя, я знаю, какъ отнестись къ случившемуся. Но откровенно сознаюсь, что мнѣ хотѣлось бы раньше слышать твое мнѣніе. Ты всегда хорошо относился ко мнѣ, и Коринну превозносить не будешь. Отчасти изъ себялюбія, потому что тебѣ хотѣлось бы удержать ее дома. Вѣдь, ты немножко эгоистъ. Прости, я хочу сказать, въ пустякахъ.

— Говори смѣло—во всемъ. Я это самъ знаю и только утѣшаюсь тѣмъ, что эгоизмъ часто встрѣчается въ жизни. Но это уклоненіе. Я долженъ и буду говорить о Коринѣ. Что-жъ о ней сказать, Марсель? Я думаю, она была вполнѣ откровенна, когда говорила тебѣ о своихъ планахъ. Ты ей повѣрилъ больше, чѣмъ я. Таково было положеніе дѣлъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Теперь все измѣнилось, готовъ спорить. И если бы Трейбели отдали Леопольда, осыпаннаго золотомъ, она бы не взяла его. У нея здоровое, честное, справедливое сердце и утонченное чувство чести; послѣ короткаго заблужденія она поняла, что̀ значитъ претендовать на вступленіе въ богатую семью, имѣя за душой два фамильныхъ портрета и отцовскую библіотеку. Она ошиблась, воображая, что «сойдетъ и такъ». Ея самомнѣніе часто раздували; она и вообразила, что явился претендентъ на ея высокія качества. Ухаживать за ней въ обществѣ ему дозволяли, но соединить съ ней жизнь—это имъ не подходило. Можно вступить въ семью герцога, но никогда въ семью буржуа. Если бы даже *онъ*, самъ буржуа, допустилъ это, скрѣпя сердце, жена не допуститъ, особенно когда имя ей Женни Трейбель нёе Бюрстенбиндеръ. Коротко говоря, въ Коринѣ пробудилась гордость; прибавлю, слава Богу. Что прежде было наполовину разсчетомъ, наполовину упрямствомъ, теперь представляется ей совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Вотъ тебѣ мои соображенія. Теперь скажи мнѣ, какъ ты къ ней отнесешься. Хватитъ ли у тебя силъ и желанія простить ей?

— Да, дядя, на это у меня хватитъ силы. Понятно, мнѣ было бы пріятнѣе, если бы всей этой исторіи совсѣмъ не было; но въ ней есть и хорошая сторона: Коринна, конечно, навсегда покончила съ увлеченіемъ модными новинками, пристрастіемъ къ внѣшнему и вернулась въ ту атмосферу, въ которой выросла.

Старикъ утвердительно кивнулъ головой.

— Многіе отнеслись бы къ дѣлу иначе; для меня это не подлежитъ сомнѣнію; люди такъ различны; мы видимъ это на каждомъ шагу. Напримѣръ, я читалъ очаровательный разсказъ Гейзе, гдѣ

молодой ученый, если не измѣняетъ память, археологъ, до нѣкоторой степени мой коллега, влюбленъ въ молоденькую баронессу и пользуется искренней, сердечной взаимностью, но онъ въ этомъ еще не вполнѣ увѣренъ. Онъ случайно подслушиваетъ разговоръ баронессы съ подругой, которой та повѣряетъ свои тайны, болтаетъ о любви и счастіи, и неосторожно вставляетъ нѣсколько ироническихъ замѣчаній по поводу своей любви. Влюбленный археологъ собираетъ пожитки и—только его и видѣли. Для меня такой образъ дѣйствій совершенно непонятенъ. Я, дядя, поступилъ бы иначе; въ рѣчахъ милой я услыхалъ бы только слова любви, а шутку и насмѣшки пропустилъ мимо ушей; вмѣсто того, чтобы бѣжать, въ припадкѣ безумнаго счастья бросился бы къ ногамъ дорогой баронессы и безъ конца говорилъ ей о своей любви. Вотъ тебѣ мой взглядъ на вещи. Я радъ, что не принадлежу къ числу самодовлѣющихъ. Надо имѣть чувство чести, но не пересаливать, особенно въ любви.

— Браво, Марсель! Я и не ждалъ отъ тебя ничего иного; вижу что ты кровный сынъ моей сестры. Это въ тебѣ говоритъ Шмидтовская натура; отсутствіе мелочности, тщеславія, всегда правильный взглядъ на вещи. Подойди сюда, молодой человѣкъ, я тебя облобызаю. Одного поцѣлуя мало; подумай, ты мой племянникъ, коллега и скоро будешь зятемъ, потому что Коринна тебѣ не откажетъ; надо по меньшей мѣрѣ облобызать тебя дважды. Кромѣ того, Марсель, ты долженъ получить удовлетвореніе: Коринна тебѣ напишетъ, такъ сказать, принесетъ покаяніе и испроситъ отпущеніе грѣховъ.

— Ради Бога, дядя, не устраивай ничего подобнаго. Во-первыхъ, она этого не захочетъ, но даже, еслибъ и захотѣла, мнѣ это было бы непріятно. Фридбергъ разсказывалъ недавно, что у евреевъ есть законъ или обычай, по которому особаго наказанія заслуживаетъ тотъ, кто «посрамилъ своего ближняго». Я нахожу этотъ законъ очень утонченнымъ, почти христіанскимъ. Если законъ запрещаетъ посрамленіе ближняго и даже врага, какъ же ты хочешь, чтобы я подвергъ чему-либо подобному мою милую кузину, которая, можетъ быть, и такъ не знаетъ, куда дѣться отъ смущенія. Люди, рѣдко смущающіеся, особенно тяжело испытываютъ такое положеніе, и долгъ каждаго подать имъ руку помощи. Я напишу ей, дорогой дядя.

— Ты добрый малый, Марсель; поди сюда, я тебя еще разъ поцѣлую. Но не будь слишкомъ добръ,—этого не выносятъ женщины, даже такія, какъ Шмольке.

XVI.

Марсель дѣйствительно написалъ. На слѣдующее утро на столикѣ лежали два письма, адресованныя къ Коринѣ: одно маленькаго формата съ ландшафтомъ въ лѣвомъ углу: прудъ, осѣненный плакучими ивами; Леопольдъ снова повторялъ о своемъ «непоколебимомъ рѣшеніи»; другое, безъ художественныхъ украшеній, было отъ Марселя; онъ писалъ слѣдующее:

«Милая Коринна, папа говорилъ вчера со мной и сообщилъ, къ величайшей радости, что у тебя, прости, приведу его подлинныя слова, «разсудокъ вступилъ въ свои права». Онъ прибавилъ, что разсудокъ находится въ гармоніи съ сердцемъ. Вѣрить ли мнѣ ему? Правда ли произошелъ поворотъ, на который я надѣялся? Папа увѣрялъ даже, что ты готова сама подтвердить мнѣ его слова. Но я горячо протестовалъ, къ чему мнѣ признанія въ заблужденіи, довольно *того*, что я знаю, я безконечно счастливъ; накипѣвшая въ душѣ горечь исчезла. Не всякій въ состояніи понять мое чувство; но я обращаюсь не къ ангелу, напротивъ, меня всегда угнетали полные совершенствъ люди, вѣроятно, потому, что я въ нихъ не вѣрю. Недостатки, понятные мнѣ, какъ человѣку, я нахожу симпатичными, даже если отъ нихъ страдаю. То, что ты мнѣ говорила послѣ обѣда у Трейбелей, еще не изгладилось изъ памяти; но оно осталось только въ памяти, а не въ сердцѣ. Въ сердцѣ у меня неизмѣнно живетъ одно чувство, издавна, со дней моей юности.

Надѣюсь увидать тебя еще сегодня. Твой Марсель».

Коринна передала письмо отцу. Тотъ также прочелъ его, пуская при этомъ двойныя кольца дыма. Окончивъ, онъ всталъ и поцѣловалъ свою любимицу въ лобъ.

— Счастливица,—сказалъ онъ,—вотъ гдѣ высокое, идеальное, не въ смыслѣ моей пріятельницы Женни. Вѣрь мнѣ, классицизмъ, надъ которымъ теперь смѣются, возвышаетъ душу; онъ чуждъ мелочного, учитъ всепрощенію, даетъ, такъ сказать, предчувствіе христіанства. Да, Коринна, классическія изреченія могутъ поспорить съ христіанскими, напримѣръ: «будь тѣмъ, что ты есть». Такъ могъ говорить только грекъ. Право, кому удается исполнить это требованіе, тотъ получаетъ награду. Если меня не обманываетъ отцовское чувство, ты получила награду. Стремленіе къ Трейбелевщинѣ было заблужденіемъ, «уклоненіемъ съ пути», такъ называется одна комедія, написанная членомъ суда. Теперь ты нашла истинный путь и вдобавокъ нашла самое себя... «Будь тѣмъ, что

ты есть», говоритъ великій Пиндаръ. Поэтому и Марсель, чтобы быть тѣмъ, что есть, долженъ увидать свѣтъ, посмотрѣть другія государства, особенно древнія. Самыя древнія влекутъ къ себѣ, какъ Гробъ Господень; туда совершается паломничество людей науки. А когда вы возвратитесь изъ Микенъ, я говорю вы, потому что ты поѣдешь съ нимъ, жена Шлиманна никогда не покидаетъ мужа, когда вы возвратитесь, то много, много черезъ годъ, если на свѣтѣ есть справедливость, получите приватдоцентуру, а тамъ и экстраординатуру.

Коринна поблагодарила отца за то, что не позабылъ ея при производствѣ, хотя на первыхъ порахъ ея обязанности ограничатся хозяйствомъ и дѣтской. Затѣмъ, она встала и направилась въ кухню, гдѣ усѣлась на скамейку и дала Шмольке прочесть письмо.

— Ну, что скажете, дорогая Шмольке?

— Да, что мнѣ сказать, Коринна? Скажу то, что говорилъ всегда Шмольке: «Есть люди, которымъ Господь во снѣ посылаетъ». Ты поступила безразсудно, почти безсовѣстно, и все-таки получила свое. Счастливица!

— То же самое сказалъ папа.

— Значитъ, правда, Коринночка. Потому что профессора не могутъ говорить неправды. Будетъ съ насъ пустяковъ и проволочекъ, довольно мы нашутились съ бѣднымъ Леопольдомъ, котораго мнѣ въ сущности жаль; не самъ онъ создалъ свою природу; каковъ есть, таковъ и есть. Нѣтъ, Коринна, будемъ говорить серьезно. Когда думаешь ты объявить о свадьбѣ, когда напечатать въ газетахъ? Завтра?

— Нѣтъ, дорогая Шмольке, нельзя такъ скоро. Намъ надо прежде повидаться съ Марселемъ, я должна поцѣловать его...

— Само собой, само собой! Раньше нечего объявлять!

— Потомъ мнѣ надо написать бѣдняжкѣ Леопольду. Онъ еще сегодня увѣрялъ, что готовъ жить и умереть за меня...

— О, Богъ мой, бѣдный молодой человѣкъ!

— Я думаю, въ концѣ концовъ, онъ очень доволенъ...

— Возможно.

Въ тотъ же вечеръ, какъ предупреждало письмо, явился Марсель. Онъ поздоровался сначала съ дядей, углубленнымъ въ чтеніе газетъ; тотъ встрѣтилъ его словами (вопросъ о свадьбѣ онъ считалъ вполнѣ покончеинымъ):

— Скажи, Марсель, какъ ты смотришь на Summus Episcopus...

Императоръ, нашъ старый Вильгельмъ, открещивается; чье же это дѣло? Кёгеля? Можетъ быть, Штёккеръ...

— Ахъ, дядя, во-первыхъ, я этому не вѣрю. Во-вторыхъ, мало интересуюсь церковными дѣлами...

— Ты правъ. Я впадаю въ ошибку всѣхъ не политиковъ, забываю все важное, услыхавъ сенсаціонную новость, которая, сверхъ того, почти всегда бываетъ невѣрна. Коринна сидитъ въ своей комнатѣ и дожидается тебя. Всего лучше, если вы уладите дѣло между собою; я еще не кончилъ газетъ; наконецъ, третье лицо всегда стѣсняетъ, даже отецъ.

Когда Марсель вошелъ къ Коринѣ, она радушно и ласково встрѣтила его, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, но, видимо, желая покончить дѣло безъ излишняго трагизма. Въ окно падали вечерніе лучи солнца. Когда молодые люди сѣли, она взяла его руку и сказала:

— Ты такъ добръ, и я увѣрена, что никогда не забуду твоей доброты. То, чего я хотѣла, было глупо.

— Развѣ ты серьезно хотѣла...

Она утвердительно кивнула головой.

— Ты на самомъ дѣлѣ любила его?

— Нѣтъ. Но я серьезно хотѣла выдти за него замужъ. И болѣе того, Марсель, я была увѣрена, что не буду несчастлива,—это не въ моемъ характерѣ. Положимъ, и счастья большого не могло быть. Да, есть ли на свѣтѣ счастливые? Ты знаешь кого-нибудь? Я никого не знаю. Я бы стала учиться живописи, верховой ѣздѣ; подружилась бы на Ривьерѣ съ нѣсколькими англійскими семействами, конечно, съ обладателями Pleasure-Yacht; поѣхала бы съ ними на Корсику или въ Сицилію, чтобъ увидать кровавую месть. Страсть къ сильнымъ ощущеніямъ врядъ ли покинула бы меня. Леопольдъ такъ апатиченъ. Такъ и шла бы моя жизнь.

— Ты всегда вѣрна себѣ и изображаешь себя гораздо хуже, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

— Едва ли только не лучше, чѣмъ есть. И поэтому ты мнѣ повѣришь, что я очень рада покончить со всею этой исторіей. Я всегда любила блескъ и роскошь, но теперь убѣдилась, что, пожалуй, заплатишь за нихъ слишкомъ дорогою цѣной.

Марсель хотѣлъ перебить ее, но она не позволила.

— Нѣтъ, Марсель, я должна договорить. Видишь ли, дѣло съ Леопольдомъ могло бы наладиться. Имѣть около себя слабаго, добраго, ничтожнаго человѣка даже пріятно, даетъ возможность выказать свое превосходство. Но маменька, это ужасная женщина!

Власть и деньги имѣютъ притягательную силу. Иначе, я не впала бы въ ошибку. Но когда деньги—все, а сердце и умъ ограничены и на-ряду съ этимъ сантиментальность и слезы—мнѣ бы плохо пришлось, хотя, вѣроятно, я вынесла бы до конца. Я исхожу изъ убѣжденія, что въ достаткѣ и холѣ человѣкъ можетъ многое вынести.

Два дня спустя въ газетахъ появилось объявленіе о свадьбѣ и одновременно были разосланы карточки. Коммерціи совѣтникъ также получилъ извѣщеніе. Трейбель, бросивъ бѣглый взглядъ на карточку, немедленно оцѣнилъ важность извѣстія, вліяніе его на возстановленіе семейнаго мира и хорошаго настроенія и поспѣшилъ къ дамамъ. Женни и Гильдегарда завтракали. Войдя, онъ поднялъ письмо кверху и провозгласилъ:

— Что мнѣ дадутъ, если разскажу содержаніе письма?

— Требуй,—сказала Женни, у которой затеплилась надежда.

— Поцѣлуй.

— Безъ дурачествъ, Трейбель.

— Ну, если ты не хочешь, можетъ быть, согласится Гильдегарда.

— Согласна,—сказала дѣвушка.—Читайте скорѣе!

Трейбель прочелъ:

— «Честь имѣю сообщить о состоявшейся сегодня помолвкѣ моей дочери»... Да-съ, милостивыя государыни, какой дочери? Дочерей на свѣтѣ много. Еще разъ отгадывайте. Удвоиваю призъ... Итакъ, «моей дочери Коринны съ докторомъ Марселемъ Веддеркопфъ, старшимъ учителемъ и лейтенантомъ резерва въ Бранденбургскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ № 35. Докторъ Вилибальдъ Шмидтъ, профессоръ и старшій учитель гимназіи Св. Духа».

Женни, стѣсненная присутствіемъ Гильдегарды, удовлетворилась тѣмъ, что бросила торжествующій взглядъ на мужа. Гильдегарда, во всемъ искавшая незнанія свѣтскихъ обычаевъ, замѣтила:

— Это все? Обыкновенно принято, чтобъ и помолвленные прибавили нѣсколько словъ. Шмидтъ - Веддеркопфъ избавили себя отъ излишняго труда.

— Ошибаешься, дорогая Гильдегарда. На другой сторонѣ пишутъ помолвленные. Оставляю тебѣ карточку на память о твоемъ пребываніи въ Берлинѣ и въ доказательство, что и мы ушли впередъ на культурномъ пути. Положимъ, мы еще значительно отстали, но понемногу наверстаемъ. Позвольте получить поцѣлуй.

Гильдегарда поцѣловала его два раза и такъ порывисто, что нельзя было сомнѣваться: этотъ день обѣщалъ вторую помолвку.

День свадьбы Марселя и Коринны былъ назначенъ въ послѣднюю субботу іюля мѣсяца.

— Къ чему тянуть дѣло, — настаивалъ Вилибальдъ Шмидтъ; помолвленные также ничего не имѣли противъ ускореннаго исполненія формальностей. Одна Шмольке, такъ жаждавшая помолвки, рѣшительно была противъ ускоренія срока свадьбы. «Что скажутъ люди?» Но ее успокоили, убѣдивъ, что люди будутъ сплетничать, несмотря ни на какіе сроки.

Двадцать седьмого у Шмидтовъ въ домѣ былъ дѣвичникъ, на слѣдующій день свадьба въ англійской церкви. Вѣнчалъ пасторъ Томасъ. Въ три часа свадебный кортежъ проѣхалъ мимо церкви св. Николая. Среди провожатыхъ невѣсты были двѣ дочки Ку и барышни Фельгентрей. Послѣднія были уже обручены съ членами квартета, принимавшаго участіе въ прогулкѣ на Галензее. Іодлеръ былъ также въ числѣ приглашенныхъ и подвергся со стороны Ку жестокой атакѣ, но, какъ человѣкъ бывалый, устоялъ. Дочки Ку отнеслись легко къ неудачѣ. «Онъ не первый и не послѣдній»,— сказалъ Шмидтъ; только мать долго огорчалась.

Вообще, свадьба была изъ веселыхъ; все старое было предано забвенію. Трейбели получили приглашеніе и, кромѣ Леопольда, поѣхавшаго въ этотъ часъ верхомъ къ «Яичному домику», всѣ явились на свадьбу. Сначала коммерціи совѣтница разворчалась, говорила даже о безтактности и скандалѣ; затѣмъ нашла болѣе удобнымъ взглянуть на все происшедшее, какъ на ребячество, и такимъ образомъ заглушить уже поднявшіеся среди знакомыхъ толки. Любезно улыбаясь, вошла совѣтница in pontificalibus и неоспоримо была царицей торжества по блеску и роскоши. По настоятельному желанію Коринны были приглашены даже Хонигъ и Ульстенъ; первая пріѣхала, а вторая написала извинительное письмо; «она не могла оставить Лицци, прелестное дитя». Подъ словомъ «прелестное дитя» было пятно. Марсель сказалъ Коринѣ: «Слеза и, вѣроятно, искренняя». Изъ профессоровъ, кромѣ упомянутаго уже Ку, присутствовали Дистелькампъ и Риндфлейшъ. Семейные разъѣхались на вакаціонное время по дачамъ. Несмотря на немноголюдство, въ тостахъ не было недостатка: лучшій принадлежалъ Дистелькампу, Фельгентрейевскій отличался полнымъ отсутствіемъ логики и сопровождался единодушнымъ хохотомъ.

Когда подавали конфеты и Шмидтъ, переходя отъ старыхъ

дамъ къ молодымъ, всюду разсыпалъ любезности, снова появился, уже не разъ приходившій, телеграфистъ. Шмидтъ, желая по-царски, какъ гётевскаго пѣвца, наградить вѣстника безчисленныхъ сердечныхъ пожеланій, налилъ бокалъ шампанскаго и поднесъ телеграфисту, который, поклонясь молодымъ, съ апломбомъ осушилъ вино. Шмидтъ развернулъ телеграмму и, прочитавъ, сказалъ:

— Отъ родственнаго племени Бриттовъ.

— Читайте, читайте!...

— ... To Dr. Marcell Wedderkopp.

— Громче.

— England expects that every man will do his duty (Англія ожидаетъ, что каждый человѣкъ будетъ исполнять свой долгъ.) Подписано John Nelson.

Весело настроенное общество отъ души смѣялось и радовалось.

— Пожалуй, Марсель ревнуетъ,—сказалъ Трейбель Шмидту.

Коринна была очень обрадована телеграммой, но ей некогда было выражать своего удовольствія, потому что пробило восемь, а въ половинѣ десятаго отходилъ поѣздъ, съ которымъ молодые ѣхали сперва въ Мюнхенъ, оттуда въ Верону или, какъ выражался Шмидтъ, «къ гробницѣ Юліи». Профессоръ называлъ это путешествіе «закусочкой» и предвкушалъ Микены и Тайгетъ, гдѣ, навѣрно, найдутся еще двѣ-три гробницы, если не самого Аристомена, то хоть его отца. Когда онъ, наконецъ, замолчалъ, и Дистелькампъ съ улыбочкой поглядѣлъ на друга, осѣдлавшаго своего конька, всѣ замѣтили, что Марсель и Коринна исчезли.

Гости оставались еще нѣкоторое время. Но около десяти часовъ публики значительно поубавилось. Женни, Хонигъ, Елена простились; съ Еленой уѣхалъ, конечно, и Отто, которому очень хотѣлось побыть еще часокъ. Только эмансипировавшійся совѣтникъ сидѣлъ рядомъ со Шмидтомъ и сыпалъ анекдотъ за анекдотомъ изъ «Сокровищницы германскаго народа», «чистые алмазы, въ неподдѣльномъ блескѣ которыхъ нельзя сомнѣваться». Несмотря на отсутствіе Гольдаммера, Трейбель со всѣхъ сторонъ встрѣтилъ поддержку, особенно со стороны Крола, за которымъ даже спеціалисты, вѣроятно, признали бы пальму первенства.

Давно зажгли лампы. Клубы сигарнаго дыма окутывали комнату. Молодыя парочки разошлись по угламъ, гдѣ разставлены были кадки съ лавровыми деревьями, составлявшими преграду для постороннихъ взоровъ. Дочки Ку, вѣроятно, по совѣту матери, попытались еще разъ атаковать Іодлера, но снова напрасно. Кто-

то забренчалъ на фортепіано. Пора было позабавить молодежь танцами.

Въ эту угрожающую минуту Шмидтъ употребилъ стратегическую хитрость. Онъ поднесъ Крола новый ящикъ съ сигарами и сказалъ:

— Послушай, пѣвецъ и собратъ, carpe diem. Мы, латины, ставимъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Воспользуйся днемъ. Скоро намъ дадутъ почувствовать, что мы лишніе. И поэтому, что хочешь сдѣлать, дѣлай скорѣе. Моментъ насталъ; Крола, доставь мнѣ удовольствіе, спой Женнину пѣсню. Сотни разъ ты аккомпанировалъ ей и, конечно, самъ сумѣешь спѣть. Я думаю, она не представляетъ Вагнеровскихъ трудностей. Трейбель не посѣтуетъ на насъ за профанацію любимой пѣсни его безцѣнной супруги. Я называю профанаціей выставленіе напоказъ всякой святыни. Правъ я, Трейбель, или ошибся въ тебѣ? Я не могу въ тебѣ ошибиться. Въ человѣкѣ, какъ ты, нельзя ошибаться; у тебя ясное, открытое лицо. Идемъ, Крола. «Больше свѣту» — великое слово нашего олимпійца; намъ его больше не нужно, по крайней мѣрѣ сейчасъ; здѣсь свѣту сколько хочешь. Пойдемъ, Крола. Я хотѣлъ бы достойно завершить сегодняшній день; вступить въ дружбу со всѣмъ міромъ, не только съ тобой, Крола.

Послѣдній, привыкшій къ торжествамъ и по сравненію со Шмидтомъ еще вполнѣ владѣвшій собой, твердымъ шагомъ направился къ инструменту. Шмидтъ и Трейбель шли за нимъ подъ руку. Никто еще не успѣлъ замѣтить, что готовится пѣніе, какъ Крола положилъ сигару и запѣлъ:

Счастье, о тебѣ всѣ грёзы
Что мнѣ въ будущемъ сулятъ?
Деньги? Нѣтъ, люблю я розы
И ихъ нѣжный ароматъ.

Вѣтерокъ листвой играетъ,
Милый образъ промелькнулъ,
Нѣжный взоръ меня ласкаетъ,
Я къ рукамъ твоимъ прильнулъ.

Грёзы счастія несутся
Предо мной, какъ чудный сонъ;
Жизнь лишь въ томъ, когда два бьются
Юныхъ сердца въ униссонъ.

Поднялся крикъ общаго восторга. Голосъ Крола былъ еще богатъ звуками и полонъ силы; по крайней мѣрѣ, по сравненію съ

тѣмъ, что привыкли слышать въ этомъ обществѣ. Шмидтъ плакалъ. Но онъ скоро пришелъ въ себя и заявилъ:

— Братъ, ты облегчилъ мнѣ душу. Брависсимо! Трейбель, вѣдь наша Женни права. Въ этой пѣснѣ есть что-то, съ ней что-то соединяется; не могу съ точностью опредѣлить что, но именно что-то — это настоящая пѣсня. Въ настоящей лирикѣ есть что-то таинственное. Мнѣ бы слѣдовало быть поэтомъ...

Трейбель и Крола взглянули другъ на друга и утвердительно кивнули. .

— ... А бѣдняжка Коринна! Теперь она около Требиньи, первая ступень къ гробницѣ Юліи... Юлія Капулетти, какъ звучно! А затѣмъ египетскіе саркофаги; это еще интереснѣе... Не знаю, хорошо ли ѣхать такъ цѣлую ночь; прежде это не было въ обычаѣ, прежде люди были естественнѣе, я бы сказалъ — чище нравами. Жаль, что моя пріятельница Женни уѣхала. Она бы рѣшила намъ вопросъ. Лично для меня не подлежитъ сомнѣнію, что природа — нравственна и въ этомъ все дѣло. Деньги — вздоръ, наука — вздоръ, все вздоръ. Даже профессора. Кто будетъ спорить, тотъ pecus. Правда, Ку? Пойдемте, господа, пойдемъ, Крола. Пора домой.

Н. К.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЖЕНЩИНА.

I.

У Ляховыхъ было много знакомыхъ, какъ среди молодежи: студентовъ, техниковъ, ученицъ и учениковъ консерваторіи, такъ и среди людей пожилыхъ и солидныхъ: военныхъ, актеровъ, докторовъ, художниковъ и адвокатовъ. И всѣ эти знакомые, когда говорили о Ляховыхъ,—бранили ихъ или хвалили,—то имѣли въ виду только Марью Владиміровну. Самимъ же Ляховымъ, Леонидомъ Дмитріевичемъ, никто не интересовался, о немъ ничего не знали; при встрѣчѣ съ нимъ почти не замѣчали его и называли за-глаза просто «мужемъ Марьи Владиміровны». И если иногда Ляхова и приглашали на «чашку чая» или на журфиксъ, то дѣлали это единственно ради Марьи Владиміровны, изъ уваженія къ ея необыкновеннымъ качествамъ. И «мужъ Марьи Владиміровны» отлично зналъ, что онъ ни для кого не интересенъ и тоже, въ свою очередь, мало интересовался знакомыми, тоже не замѣчалъ ихъ и жилъ уединенно и замкнуто, тихо и непримѣтно. Служилъ онъ въ какомъ-то частномъ коммерческомъ обществѣ, получалъ 4 тысячи, былъ занятъ весь день отъ утра и до вечера. Въ шесть часовъ приходилъ домой, цѣловалъ своего единственнаго сына, Котика, обѣдалъ, пилъ чай и затѣмъ запирался у себя въ кабинетѣ и читалъ до полуночи.

Въ послѣдніе два года онъ затворялся у себя въ кабинетѣ уже не одинъ, а съ сыномъ. Они вмѣстѣ читали, разсуждали, спорили. И теперь на столѣ у Ляхова уже не валялись различныя «философіи» и «психологіи», которыми онъ раньше зачитывался, а лежали тоненькія брошюрки въ цвѣтныхъ обложкахъ, разсказы и очерки о землѣ, о небѣ, о далекихъ странахъ, объ электричествѣ, о парѣ и о машинахъ, о морскомъ днѣ и о каменноугольныхъ копяхъ.

Котикъ былъ такой же сосредоточенный и замкнутый, тихій и грустный, какъ отецъ. И такъ же, какъ отецъ, любилъ читать

«серьезныя книги». Несмотря на свои десять лѣтъ, онъ зналъ уже многое о природѣ и о людяхъ, зналъ какъ много на свѣтѣ несчастныхъ, неграмотныхъ и суевѣрныхъ и какъ трудно работать въ рудникахъ и на шахтахъ, на фабрикахъ и заводахъ, и какой вредъ причиняетъ война, и какими дурными безнравственными зрѣлищами тѣшатъ себя испанцы. Въ общемъ десятилѣтній Котикъ былъ гораздо развитѣе и образованнѣе, чѣмъ многіе гимназистки и гимназисты, оканчивающіе гимназіи съ медалями. Онъ понималъ уже пользу просвѣщенія, любилъ уже науку сознательно и глубоко и всѣхъ великихъ людей, мучениковъ и тружениковъ науки, уважалъ и почиталъ благоговѣйно и признательно.

Былъ онъ худенькій и бѣленькій, походилъ лицомъ на мать, а выраженіемъ глазъ на отца; у него были длинныя костлявыя руки и узкая грудь, большая рахитическая голова и тонкія слабыя ноги. Смѣялся онъ тихо и говорилъ тихо. И когда смѣялся, лицо его дѣлалось совершенно какъ у отца. Мать онъ любилъ, но какъ-то холодно, разсудочно и робко. Онъ любилъ слушать ее, когда она читала, декламировала стихи, играла на рояли и пѣла; любилъ смотрѣть на нее, когда она одѣвалась въ театръ, или въ гости, или мѣрила передъ зеркаломъ новое платье. Но не любилъ и страшно конфузился и сердился, когда она брала его книги и рисунки, чтобы показать знакомымъ и похвастаться, какой у нея умный сынъ. Не любилъ, когда она говорила объ его здоровьѣ, объ его внѣшности, разбирала его лицо, манеру держаться, ходить и смѣяться. Всякій разъ послѣ этого она называла его бирюкомъ, упрекала за то, что онъ вяло ведетъ себя съ гостями, не рѣзвится, не шалитъ, не походитъ на ребенка.

— Ты — вылитый отецъ,—всякій разъ заключала она свою рѣчь,—такой же рохля, нелюдимый и скучный.

И Котику было до слезъ обидно и больно, что мать называетъ отца скучнымъ и рохлей. Отца Котикъ любилъ горячо и нѣжно и полагалъ, что лучше, занимательнѣе, добрѣе и умнѣе, какъ его отецъ, нѣтъ человѣка въ мірѣ. И онъ сторонился матери и всѣмъ существомъ своимъ льнулъ къ отцу. А отецъ въ Котикѣ души не чаялъ, только имъ однимъ и жилъ, имъ мечталъ, мыслилъ, надѣялся. И было что-то грустное, трогательное и безконечно милое въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Случалось такъ, что Котикъ почему-то разнервничаетъ, разомлѣетъ, не хочетъ ни читать, ни слушать отца. Послѣдній вспылитъ и назоветъ сына «кисляемъ» и «бабой». Котикъ фыркнетъ и надуется. И отецъ надуется. И оба съ полчаса сидятъ молча. Но вдругъ Ляховъ первый подойдетъ къ сы-

ну, взглянетъ на него глазами грусти и безконечной нѣжности, и Котикъ не выдержитъ, бросится къ отцу и долго-долго лежитъ у него на груди молча.

И Ляховъ молчитъ, и у обоихъ опять станетъ хорошо на сердцѣ, легко и любовно.

Въ тихія звѣздныя ночи они любили гулять на безлюдныхъ улицахъ, площадяхъ и бульварахъ. И во время прогулокъ Ляховъ знакомилъ сына съ географіей неба. Въ праздники ходили въ картинныя галлереи, въ музей, въ зоологическій садъ. Въ будни вечерами вмѣстѣ отправлялись въ библіотеку, въ книжныя лавки, выбирали и покупали книги. Словомъ, у нихъ была своя собственная жизнь, совершенно не похожая на жизнь матери.

II.

Марья Владиміровна видала эту сплоченность между сыномъ и мужемъ—«конфликтъ», какъ она выражалась, между собою и ими обоими, и ровно ничего не дѣлала, чтобы этого «конфликта» не было. Напротивъ, она была рада, что ее наконецъ-то оставили въ покоѣ. Раньше Леонидъ Дмитричъ нѣтъ-нѣтъ да и взбѣситъ ее своими нотаціями, въ которыхъ онъ обыкновенно пытался доказывать Марьѣ Владиміровнѣ ту истину, что она—мать, а Котикъ—ея сынъ. Нотаціи эти раздражали Марью Владиміровну тѣмъ болѣе, что она и сама прекрасно знала, что она—мать, а Котикъ—ея сынъ. Вѣдь не даромъ же читала она книжки по воспитанію, была членомъ родительскаго кружка, слушала рефераты въ педагогическомъ обществѣ, устраивала для Котика ёлки, дѣтскіе праздники съ чтеніями и волшебнымъ фонаремъ! И если она не заходила въ комнату къ сыну въ то время, когда тотъ былъ боленъ скарлатиной, такъ вѣдь это же понятно всякому непредубѣжденному противъ нея человѣку. Ухаживая за Котикомъ, Марья Владиміровна сама могла бы заразиться, схватить скарлатину. А схвативши скарлатину, она рисковала бы навсегда потерять голосъ. И это было бы тѣмъ болѣе непростительно, что совершенно ненужно: за Котикомъ отлично ухаживала сидѣлка изъ больницы, и Марья Владиміровна только мѣшала бы сидѣлкѣ и безъ нужды рисковала бы своимъ голосомъ. Голосъ же—даръ Божій, и не беречь этотъ даръ, бросаться имъ зря, такъ же безнравственно, какъ и то, еслибъ Марья Владиміровна отказалась отъ людей, отъ общества и ушла бы цѣликомъ въ свои семейныя дѣлишки, маленькія, узенькія, скучненькія. Нѣтъ, Котика она любитъ, но любитъ разумно, какъ

и подобаетъ интеллигентной женщинѣ. Если же она мало занимается имъ, не учитъ его сама, не читаетъ съ нимъ книжки и не таскаетъ его съ собой на прогулки, такъ въ видахъ его же пользы: женщина она нервная, нетерпѣливая, порывистая и страстная, и въ обращеніи съ Котикомъ, помимо ея воли, могли бы то и дѣло прорываться разныя нетактичности, разныя нарушенія педагогическихъ правилъ. И лучше будетъ гораздо, если она уступитъ сына кому-либо другому, болѣе сдержанному, тактичному и спокойному, хотя бы тому же Леониду Дмитричу, у котораго нервы—желѣзныя, терпѣнье—воловье и манера держаться съ людьми—елейная.

Да, наконецъ, ей просто некогда возиться съ ребенкомъ отъ утра до ночи. У нея есть другія обязанности, другія цѣли, не менѣе важныя и значительныя. Природа не даромъ же надѣлила ее многочисленными дарованіями и надо утилизировать эти дарованія съ пользой для другихъ, для общества. Иначе какой смыслъ имѣетъ ея жизнь, какую цѣну? Каждый человѣкъ обязанъ по возможности развивать въ себѣ всѣ стороны духа, развивать, воспитывать ихъ, а не убивать. И если Марья Владиміровна родилась съ огромными сценическими дарованіями, съ чудными голосовыми средствами, съ сильнымъ интеллектомъ, съ альтруистическими склонностями, съ тонкой душевной организаціей, а самое главное—съ недюжиннымъ литературнымъ дарованіемъ, то что бы ни дѣлала жизнь, какъ бы она ни комкала, ни пригнетала Марью Владиміровну, а все же природа рано или поздно возьметъ свое. И Марья Владиміровна не только не сопротивлялась природѣ, а напротивъ, помогала ей всячески, споспѣшествовала, чтобы не походить на того евангельскаго раба, лѣниваго и лукаваго, который легкомысленно зарылъ въ землю данный ему Богомъ талантъ.

Съ этою цѣлью Марья Владиміровна брала уроки пѣнія, играла на любительскихъ спектакляхъ, писала стихи, повѣсти и романы, участвовала въ благотворительныхъ базарахъ... И хотя до сихъ поръ старанія ея все еще не увѣнчались должнымъ успѣхомъ,—она еще пока не видала тѣхъ результатовъ, о которыхъ мечтала по ночамъ,—но это мало ее огорчало: она надѣялась на будущее. Теперь же она была безконечно довольна уже и тѣмъ, что ее не смѣшивали съ толпою, выдѣляли изъ массы обыкновенныхъ женщинъ, съ нею всюду носились, о ней говорили, ее находили интересной, необыкновенной—не только мужчины, но и женщины. Она пѣла, играла, декламировала свои стихи и чужіе. Она уже написала съ десятокъ повѣстей, два романа, штукъ двадцать разсказовъ. Если же ее до сихъ поръ нигдѣ еще не печатали, то это

опять же ровно ничего не значитъ. У нея нѣтъ протекціи, безъ которой немыслимо попасть въ журналъ или въ газету. О, протекція и знакомства—это такія вещи!... Безъ протекціи—никуда! А въ журнальномъ и газетномъ мірѣ даже и протекціи одной мало: надо понравиться самому редактору. Это ужъ Марья Владиміровна испытала: съ редакторомъ *Страны* она познакомилась, но почему-то ему не понравилась, чѣмъ-то не угодила ему. И вотъ онъ уже въ четвертый разъ бракуетъ ея вещи; сперва забраковалъ романъ, потомъ повѣсть, потомъ разсказъ и опять романъ. И все только потому, что онъ имѣетъ противъ нея что-то. Навѣрное, ему наговорили про нее какихъ-нибудь гадостей. Да, надо имѣть большую энергію, большую жизненную опытность, чтобы пробиться на настоящую дорогу!...

Но она пробьется!... Она найдетъ и протекціи, и знакомства, а также сумѣетъ понравиться какому-нибудь редактору... Не всѣ же редакторы такіе, какъ редакторъ *Страны*... И она пробьется во что бы то ни стало! Всѣ силы положитъ, а ужъ достигнетъ своего. Ее ни капельки не смущаетъ борьба, трудность того пути, какой она избрала. Напротивъ, отъ препятствій ей только весело. Она любитъ жизнь, любитъ борьбу и вся полна жизнью, желаніемъ борьбы. Для нея гораздо лучше кипѣть день и ночь въ волненіяхъ, испытывать неудачи, лишенія, заноситься въ облака въ своихъ мечтахъ, желать необыкновеннаго, трудно осуществимаго, чѣмъ изнывать въ скучныхъ сѣренькихъ будняхъ, быть тихонькой и смирненькой, незамѣтной и жалкой. Да и невозможно для нея сдѣлаться незамѣтной и жалкой, хотя бы она и желала этого. Съ этимъ тоже надо родиться. Леониду Дмитричу, напримѣръ, ничего не стоитъ быть тихонькимъ и незамѣтнымъ, когда онъ отъ природы безличенъ, отъ природы ему не дано темперамента, яркости, талантливости. Ему такъ же трудно «импонировать», какъ и Марьѣ Владиміровнѣ быть незамѣтной. И въ Леонидѣ Дмитричѣ говорятъ зависть, глубокое непониманіе, отсутствіе художественнаго вкуса, когда онъ скептически относится къ дарованіямъ Марьи Владиміровны. Впрочемъ, Марью Владиміровну это мало безпокоитъ. Съ Леонидомъ Дмитричемъ у нея вѣчные споры и несогласія. Удивительно странный человѣкъ! Кажется, порядочный, неглупый, воспитывался на прекрасныхъ книжкахъ, въ молодости даже пострадалъ за идею, былъ сосланъ на годъ,—словомъ, человѣкъ вполнѣ просвѣщенный, свободомыслящій,—и вдругъ такіе дикіе, татарскіе взгляды на женщину!... Женщина, по его мнѣнію, должна быть нянька, кухарка, кормилица и—только. Женщину же обще-

ственную дѣятельницу онъ не признаетъ. И хотя этихъ своихъ дикихъ мыслей онъ и не высказываетъ вслухъ, тщательно прячетъ въ себѣ, но Марья Владиміровна прекрасно видитъ, какъ онъ весь пропитанъ этими мыслями... Отъ нея не скроешь!... Хорошо еще, что дикость мужа теперь не волнуетъ ее, не разстраиваетъ. Раньше же, въ первые годы замужства, нотаціи Леонида Дмитрича приводили ее въ бѣшенство. Она даже чуть не сбѣжала отъ него. Насилу-то она примирилась, стала спокойнѣе, взглянула на вещи практически и здраво: «на всякій чихъ не наздравствуешься» и «на вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ». И если все принимать близко къ сердцу, то не хватитъ нервовъ, здоровья, состаришься преждевременно. Да и Леонидъ Дмитричъ въ послѣдніе годы почти прекратилъ свои выходки, и теперь они живутъ тихо. Оба стали относиться другъ къ другу равнодушнѣе. Равнодушіе это даже сильнѣе у Леонида Дмитрича, чѣмъ у Марьи Владиміровны. Особенно въ послѣднее время равнодушіе Леонида Дмитрича дошло до высшей точки. Нерѣдко бываетъ такъ, что онъ даже не замѣчаетъ Марью Владиміровну, точно ея и въ домѣ нѣтъ, днемъ не говоритъ съ нею, а на ночь запирается отъ нея на ключъ... И это совершенно излишне... можно было бы держаться вѣжливѣе, приличнѣе... Марью Владиміровну это коробитъ, иногда даже возмущаетъ, но... Богъ съ нимъ! Она не зла и за зло зломъ платить не желаетъ. Богъ съ нимъ!... У него странный, несчастный, прямолинейный характеръ, и больше всего отъ своего характера страдаетъ онъ же самъ. Богъ съ нимъ!... Расходиться съ нимъ она не желаетъ, во всякомъ случаѣ, семью свою она любитъ, главное — ребенка любитъ, а мужъ ни за что не отдастъ ей ребенка. Такимъ образомъ, волей-неволей, а приходится жить вмѣстѣ...

III.

И Ляховы жили по виду очень чинно, мирно, никогда не дѣлали другъ другу сценъ при постороннихъ, никогда не спорили другъ съ другомъ при гостяхъ. Когда Марья Владиміровна почему-либо оставалась безъ кавалера, Леонидъ Дмитричъ провожалъ ее въ театры, въ гости. Изрѣдка онъ появлялся у жены въ гостиной во время обычныхъ субботнихъ журфиксовъ. И всякій разъ, когда онъ входилъ, Марья Владиміровна дѣлала видъ, что она чрезвычайно рада. Весело и кокетливо подхватывала мужа подъ руку, вела къ гостю, который видалъ Леонида Дмитрича впервые, и рекомендовала:

— Мой мужъ... познакомьтесь!

«Мой мужъ» раскланивался конфузливо и, не сказавъ ни слова новому знакомому, отходилъ въ сторонку. Новый знакомый разсматривалъ «мужа» издали и находилъ, что лицо у «мужа» блѣдное, глаза усталые и печальные. И если новый знакомый былъ человѣкъ очень любопытный, то подходилъ къ Леониду Дмитричу и начиналъ съ нимъ разговоръ какъ-то заискивающе, выпытывающе, словно Леонидъ Дмитричъ хранилъ въ себѣ какую-то тайну, чрезвычайно важную для новаго знакомаго. Ляховъ тотчасъ же догадывался, что съ нимъ говорятъ не просто, а его выпытываютъ и, притомъ, выпытываютъ ради все той же Марьи Владиміровны, интимная, домашняя жизнь которой не можетъ не интересовать ея поклонниковъ. Ляховъ сжимался еще сильнѣе, дѣлался неловкимъ, угрюмымъ и скучнымъ. На вопросы отвѣчалъ вяло и неохотно, и собесѣдникъ выносилъ о немъ впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ безцвѣтномъ и вдобавокъ чѣмъ-то разобиженномъ. И самъ Ляховъ находилъ себя скучнымъ и досадовалъ на то, что въ немъ мало простоты и кротости и очень велико самолюбіе, что онъ подозрителенъ, недовѣрчивъ, золъ и несправедливъ къ людямъ. Но, несмотря на это самобичеваніе, все же настроеніе его не измѣнялось къ лучшему. На этихъ оживленныхъ «субботахъ» Марьи Владиміровны что-то мѣшало Ляхову чувствовать себя легко, свободно, искренно и просто.

IV.

Однажды Ляховъ вернулся домой изъ конторы и засталъ Котика одного и въ слезахъ. Марьи Владиміровны не было дома, горничная Глаша куда-то убѣжала. Парадную дверь Ляхову отворилъ Котикъ. Въ комнатахъ было темно, въ окна стучалъ дождь и было жутко.

— Ты что же это въ темнотѣ? — спросилъ Ляховъ сына. — А гдѣ же Глаша?

Но Котикъ ничего не отвѣтилъ: онъ уткнулся въ подушку и плакалъ. Тогда Ляховъ прошелъ по коридору, потомъ по лѣстницѣ спустился внизъ, въ кухню, чтобы позвать Глашу. Въ кухнѣ было тепло, свѣтло, вкусно пахло жаренымъ мясомъ. Кухарка, горничная Глаша и швейка Липочка, всѣ три довольныя и веселыя, сидѣли за самоваромъ и пили чай.

— Что же это вы, Глаша, до сихъ поръ лампъ не зажигаете?— спросилъ Ляховъ.—И Котикъ одинъ... Темно, жутко и онъ одинъ.

— Бачка!—вскрикнула Глаша, выплюнула изо рта сахаръ въ блюдце и опрометью бросилась наверхъ.

И когда лампы были зажжены, Ляховъ подошелъ къ сыну, сѣлъ рядомъ съ нимъ и сказалъ:

— Ну, мальчикъ... того... перестань!... Садись ко мнѣ на колѣни и разсказывай, что съ тобой? Отчего ты въ слезахъ?

— Мнѣ скучно,— вяло сказалъ Котикъ, смотря передъ собою въ одну точку. — Мнѣ скучно...

Ляховъ нервно закашлялъ и завозился на мѣстѣ.

— Скучно?... Гмм... Но почему же? У тебя книги, рисунки... занятія, наконецъ. Уроки мнѣ училъ?

— Училъ... Я не знаю отчего, но мнѣ сегодня весь день нехорошо. Утромъ мама играла въ гостиной и пѣла: «Бѣлѣетъ парусъ одинокій», а я плакалъ вотъ тутъ въ дѣтской. И потомъ весь день все хочу не плакать и не могу не плакать... И все эти слова: «бѣлѣетъ парусъ одинокій»... одинокій — значитъ одинъ... И мнѣ чего-то жаль и больно. И скучно жить...

И опять у Котика задрожали губы, сморщились щеки, и онъ заплакалъ.

— Это у тебя—нервы!—выкрикнулъ Ляховъ съ судорожнымъ вздохомъ, поднялся съ мѣста и принялся ходить по комнатѣ въ разныхъ направленіяхъ съ такимъ видомъ, словно искалъ чего-то и не находилъ.

«Да, нервы, нервы!—думалъ онъ.—Десять лѣтъ... всего только десять лѣтъ и—«скучно жить», и «одинокій—значитъ одинъ»... Да и не мудрено. Вѣдь и правда же онъ—одинокій... вѣчно одинъ со своими книгами и рисунками. Меня цѣлый день дома нѣтъ, а мать»...

— Мама давно ушла?—спросилъ Ляховъ уже громко, перебивая самого себя.

— Ты знаешь, у мамы теперь репетиціи, и она уходитъ съ утра... Часовъ въ одиннадцать ушла. Но мнѣ и при мамѣ скучно... Въ особенности скучно и хочется плакать, когда она поетъ и играетъ...

— Вотъ что, мальчикъ,—сказалъ Ляховъ, присаживаясь къ сыну и смотря на него взволнованно и озабоченно,—вотъ что: надо что-нибудь предпринять. Тебѣ нужны дѣти... дѣтское общество. Хочешь, отдамъ тебя въ школу?

Котикъ вытеръ кулакомъ глаза, немного подумалъ и сказалъ:

— Я бы хотѣлъ, да боюсь. Всѣ мальчики такіе драчуны. Когда я на улицѣ встрѣчаю школьниковъ, они дерутся и бранятся сквер-

ными словами. Но все же имъ, вѣроятно, весело, и я бы поступилъ въ школу...

Ляховъ оживился, опять вскочилъ и заходилъ по комнатѣ.

— Что же, я тебя отдамъ въ школу, — торопливо сказалъ онъ, — завтра же займусь этимъ дѣломъ... Не хотѣлось бы мнѣ тебя такъ рано въ школу отдавать, да что подѣлаешь... Завтра же разспрошу, гдѣ лучше, туда и отдамъ.

И отецъ съ сыномъ принялись вмѣстѣ обсуждать этотъ вопросъ. Котикъ мало-по-малу оживлялся, веселѣлъ. Къ концу вечера онъ уже былъ счастливъ и, засыпая въ постели, мечталъ о школѣ, какъ о чемъ-то радостномъ и безконечно желанномъ.

Черезъ два дня Котикъ поступилъ въ школу, а черезъ недѣлю заразился отъ товарища гриппомъ и слегъ.

Гриппъ тянулся мѣсяца два и вытянулъ у Котика послѣднія жизненныя силы. Исхудалъ онъ страшно, омалокровѣлъ, обезсилѣлъ въ конецъ. И когда снова принялся за книжки, то у него начались головныя боли. Школу пришлось бросить... и опять Котикъ сталъ скучать дома и плакать въ дѣтской въ то время, когда мать въ гостиной пѣла и играла. И онъ таялъ не по днямъ, а по часамъ. Хотя докторъ и увѣрялъ, что гриппозный процессъ давно кончился, но мальчикъ поправлялся плохо и все еще кашлялъ.

V.

Марья Владиміровна огорчалась, сердилась и жаловалась всѣмъ знакомымъ, что нынѣшнія дѣти никуда не годны: худы, хилы, нервны и впечатлительны Богъ знаетъ до чего. И отъ Котикова нытья у нея у самой нервы развинтились. Если же она и успокоивается, такъ только отъ искусства. Но теперь она въ такомъ настроеніи, что можетъ писать, пѣть и играть только печальное... исключительно печальное. Судите сами: мальчикъ сохнетъ у нея на глазахъ, мужъ, глядя на ребенка, тоже сохнетъ, и въ домѣ у нея, какъ въ могилѣ. Поневолѣ въ творчествѣ ея будутъ только печальныя ноты!

И потому Марья Владиміровна разучивала къ предстоящему любительскому спектаклю роль Катерины въ «Грозѣ» голосомъ рыдающимъ и заунывнымъ отъ перваго слова и до послѣдняго. А на журфиксѣ у художника Вульферта спѣла романсъ «Дитятко, милость Господня съ тобою» съ такимъ чувствомъ, особенно слова: «Мама, мнѣ душно, мнѣ страшно!» прокричала съ такимъ ужасомъ, дѣлая безумные глаза, что художникъ Вульфертъ даже пере-

крестился и сказалъ: «Съ нами крестная сила!» А жена его, женщина сырая и жалостливая, даже прослезилась и спросила Марью Владиміровну, улыбаясь сквозь слезы:

— Я слыхала, у васъ мальчикъ боленъ?

— Да, къ сожалѣнію,—отвѣтила Марья Владиміровна съ протяжнымъ и глубокимъ вздохомъ (у нея былъ очень тугой корсетъ, и вздохъ этотъ облегчилъ ее).—Къ сожалѣнію, боленъ,—повторила она,—нервы, малокровіе... Знаете, нашъ нервный вѣкъ... всѣ мы нервны и малокровны...

И Марья Владиміровна горячо заговорила о нервномъ вѣкѣ вообще и о нервозности современной русской интеллигенціи въ частности, причемъ говорила нарочно крикливо и громко, чтобы привлечь вниманіе архитектора Брауна.

Послѣдній замѣтилъ это, подошелъ къ Марьѣ Владиміровнѣ и сталъ смотрѣть ей въ лицо, въ губы и въ особенности въ подбородокъ бѣлый и круглый, глазами, похожими на маслины. А когда «художница» отошла, и Марья Владиміровна осталась съ Брауномъ наединѣ, послѣдній сказалъ шепотомъ вкрадчивымъ и мягкимъ:

— Дуся моя, у васъ—горе... Я давно замѣтилъ, что у васъ горе. Глазыньки у васъ стали томные и личико поблѣднѣло. Но это ничего... Отъ этого вы еще красивѣе. Теперь вы похожи на мадонну.

Марья Владиміровна сдѣлала видъ, что задумалась и не слышитъ комплимента. Глаза у нея были подняты вверхъ и уставлены куда-то въ одну точку, и она дѣйствительно походила на мадонну. А Браунъ потихоньку поймалъ ея руку и сжалъ въ своихъ горячихъ и влажныхъ ладоняхъ тоненькіе и холодные пальчики Марьи Владиміровны съ такою силой, что та даже вскрикнула и сдѣлала уже другое лицо: теперь она походила не на мадонну, а на «дѣтку».

— Вы ужасный человѣкъ... чувственный человѣкъ... совсѣмъ не понимаете душевныхъ настроеній,—сказала она, слегка пришепетывая, по-дѣтски.

— Я понимаю только одно настроеніе,—сказалъ Браунъ, горячо дыша Марьѣ Владиміровнѣ въ бѣлый подбородокъ,—я понимаю только то, что я люблю васъ, какъ сумасшедшій, и готовъ отдать вамъ жизнь... Берите мою жизнь,—она мнѣ не нужна!

Но Марья Владиміровна на этотъ разъ «жизни» Брауна не взяла, а только взглянула на него томно и нѣжно и затѣмъ отошла отъ него и усѣлась за рояль. И опять она стала играть что-то печальное, какой-то похоронный маршъ. И когда играла, то опять глядѣла вверхъ и въ одну точку и походила на мадонну.

За ужиномъ она пила вино съ такимъ мрачнымъ азартомъ, какой бываетъ только у демоническихъ натуръ, когда онѣ думаютъ, что страдаютъ. И художникъ Вульфертъ находилъ ее прекрасной съ бокаломъ въ рукѣ, съ мрачнымъ блескомъ въ прищуренныхъ глазахъ, съ ноздрями раздутыми, какъ у породистой лошади, и съ губами плотно сжатыми отъ внутренней «боли»...

Домой Марья Владиміровна уѣхала поздно, въ третьемъ часу. И по дорогѣ, сидя въ объятіяхъ архитектора Брауна, она смотрѣла на звѣзды, томно склонивъ на плечо архитектора свою хорошенькую головку въ бѣлой барашковой шапочкѣ. Архитекторъ говорилъ все одно и то же, только съ разными варьяціями.

— Я васъ люблю... О, какъ я васъ люблю!... Поймите вы, я васъ люблю, какъ сумасшедшій!...

Марья Владиміровна слушала, молчала и сладостно млѣла. Ей казалось, что все это—во снѣ, а не на яву: тихая, морозная ночь, темное небо, большія звѣзды, трепетныя и яркія, и горячее дыханіе страсти, и слова страсти, и объятія страсти... все, все это—сонъ волшебный и прекрасный. И ей хотѣлось цѣлую жизнь такъ спать и не просыпаться...

Но, однако, проснуться пришлось. Извозчикъ крикнулъ: «Тпру-у!»—и сани стали.

Когда Марья Владиміровна вошла въ переднюю, въ которой пахло нафталиномъ, а затѣмъ въ столовую, въ которой пахло щами и кофіемъ, она сразу же убѣдилась въ томъ, что «спать» въ санкахъ въ тихую и звѣздную ночь, подъ шепотъ пылкой страсти, гораздо интереснѣе, чѣмъ «жить» въ домѣ, въ которомъ пахнетъ щами и нафталиномъ. И ей стало скучно... Лицо ея вдругъ потеряло выраженіе мадонны, а движенія медлительную прелесть. Она сдѣлалась суха, холодна и озабоченна. Быстро раздѣвшись, она принялась завивать папильотки, потомъ чистить зубы, потомъ мазать лицо и руки какою-то мазью изъ баночки. Мазь была пахучая, и на губахъ отъ нея было противно. Но Марья Владиміровна и мазалась, и завивала папильотки съ такимъ видомъ, какъ будто бы безъ этого она не могла уснуть. Потомъ она подошла къ зеркалу, осмотрѣла себя всю съ ногъ до головы и, найдя все въ порядкѣ, легла въ постель. Но спала плохо. Во снѣ она видѣла тотъ «сонъ», который снился ей въ санкахъ: темное небо, яркія звѣзды и это «люблю, люблю», на всѣ лады. Сонъ этотъ ее безпокоилъ, раздражалъ... И потому утромъ она встала съ больною головой, съ блѣднымъ помятымъ лицомъ, хмурая, недовольная.

И больной Котикъ, глядя на нее, какъ-то ежился весь, словно

вдругъ уменьшался, становился еще тише, еще блѣднѣе. Марья Владиміровна подходила къ нему, клала свою бѣлую, холеную руку ему на лобъ, щупала пульсъ. А у Котика дыханіе перехватывало, ему казалось, что мать вотъ-вотъ разсердится на него за то, что головка у него горитъ и пульсъ дурной.

— Ну, что же... особеннаго ничего!... Не надо только нюнить, Котикъ, надо быть мужчиной. Видишь, мама у тебя какая: живая, дѣятельная, энергичная. Не надо нюнить, не надо походить на отца,—говорила Марья Владиміровна серьезно и наставительно.

Котикъ молчалъ и слушалъ, понуря голову и не глядя на мать, и чувствовалъ, какъ отъ сердца у него поднималось что-то круглое и твердое, какъ клубокъ, подкатывало къ горлу и вотъ-вотъ готово было вылиться наружу въ цѣломъ потокѣ слезъ. И онъ бѣжалъ къ себѣ въ дѣтскую, пряталъ голову въ подушку и старался думать о чемъ-нибудь смѣшномъ: о трубочистѣ, который встрѣтилъ на тротуарѣ барыню въ бѣломъ и вымазалъ ее, о собакѣ съ отрубленнымъ хвостомъ, о пьяномъ мужикѣ безъ шапки и въ одномъ сапогѣ... И при этомъ беззвучно шепталъ самому себѣ: «не надо плакать, не надо плакать... нельзя плакать»!..

VI.

На своемъ вѣку Котикъ болѣлъ не разъ. У него была скарлатина, воспаленіе въ легкихъ, была два раза дизентерія. Но никогда еще Ляховъ не испытывалъ такой большой тоски, такого гнетущаго уныніи, отчаянія и безнадежности, какъ теперь. Эти головныя боли Котика, эти якобы безпричинныя слезы, это безсиліе побороть недугъ, который самъ по себѣ вовсе не былъ ужъ такъ тяжелъ, все это краснорѣчиво говорило Ляхову о томъ, что организмъ ребенка расшатанъ въ корнѣ, попорченъ еще въ раннемъ дѣтствѣ, что, собственно говоря, мальчикъ никогда здоровъ и не былъ. Да и не могъ быть здоровымъ, такъ какъ выросъ онъ въ самой нездоровой обстановкѣ, въ самой уродливой. И все то обидное, горькое и безотрадное, что накоплялось въ душѣ Ляхова въ теченіе долгихъ лѣтъ, накоплялось и созрѣвало медленно и постепенно, какъ созрѣваетъ нарывъ, теперь вдругъ достигло высшей степени напряженія и боли. И отъ боли этой онъ даже утерялъ способность мыслить, разбираться въ своемъ душевномъ состояніи. Мозгъ его охватила лѣнь, душу глубокая неподвижность...

Дни ползли сѣрые, тягучіе, длинные. Попрежнему Ляховъ ходилъ въ контору, но теперь въ конторѣ все ему опостылѣло, надо-

ѣло до того, что онъ еле-еле просиживалъ свои часы и возвращался домой раньше обыкновеннаго, когда въ 5, когда въ 4 часа и даже въ 3 и въ 2 часа.

А дома Котикъ кашлялъ, и глаза у него были такіе большіе и умные не по лѣтамъ, и руки тонкія и костлявыя, какъ у мертвеца. А Марья Владиміровна разучивала рыдающимъ голосомъ роль Катерины, и въ комнатахъ было неуютно, неприлично отъ массы дорогихъ и ненужныхъ вещей, темно отъ тяжелыхъ, шелковыхъ занавѣсей. И было невыносимо видѣть участіе горничной Глаши, доброй, ласковой дѣвушки, любившей Котика и барина, какъ родныхъ. Было нудно, тяжко развлекать Котика, бесѣдовать съ нимъ, ласкать его. Ляховъ отъ всѣхъ отворачивался, ложился у себя въ кабинетѣ на диванѣ и, закрывъ глаза, пролеживалъ неподвижно по цѣлымъ часамъ. Онъ постарѣлъ въ эти дни, обрюзгъ, посѣдѣлъ. Марья Владиміровна время отъ времени взглядывала на мужа и сама испытывала нехорошую, жуткую тревогу. Нѣсколько разъ она подходила къ нему и спрашивала: ты боленъ? Мужъ поднималъ на нее тусклые, стеклянные глаза, и тогда Марья Владиміровна читала въ этихъ глазахъ злобу и ненависть къ себѣ.

— Ну, боленъ... а дальше что?—вскрикивалъ Ляховъ, внезапно оживляясь притокомъ какой-то стихійной безсознательной злобы.— Тебѣ-то что до нашей боли, скажи на милость?... Бездушная!...

Такого злобнаго, раздраженнаго тона онъ еще никогда не позволялъ себѣ по отношенію къ женѣ. Марью Владиміровну до того это изумляло, что она даже не находила въ себѣ способности отвѣчать на злость мужа такою же злостью, и удалялась отъ него молча съ чувствомъ глубокой и ничѣмъ не заслуженной обиды.

И обида эта всякій разъ доставляла ей столько же непріятности, сколько и удовольствія. Отъ одной мысли, что ее незаслуженно оскорбляютъ, въ душѣ у нея разливалась поэтическая жалость къ самой себѣ, жалость красивая и пріятная, которая давала ей элегическое настроеніе. Она думала о самой себѣ: такая нѣжная и поэтичная женщина, съ такой красотой, съ такимъ умомъ, съ такими артистическими дарованіями живетъ въ такомъ душномъ склепѣ, съ такимъ мужемъ грубымъ, скучнымъ невыносимо. Гдѣ же справедливость? Кому и на что нужно такое нелѣпое сочетаніе, какъ она и Леонидъ Дмитричъ? Вотъ ужъ именно: «нельзя запрячь въ одну телѣгу коня и трепетную лань»...

И Марья Владиміровна подходила къ зеркалу и подолгу разглядывала всю себя: свое лицо, головку, бюстъ, руки, талію и нахо-

дила, что архитекторъ Браунъ правъ, называя ее мадонной. Именно мадонна. Такіе же большіе и томные глаза, такой же цѣломудренный ротъ и такая же чистота и красота всѣхъ линій. Особенно великолѣпно нарисованъ у нея профиль. Потому-то фотографы ей обыкновенно и совѣтуютъ сниматься въ профиль или въ полуоборотъ.

И постоявъ такъ передъ зеркаломъ съ полчаса, она снова принималась за роль Катерины. Послѣ зеркала и поэтической жалости къ самой себѣ, голосъ ея плакалъ еще безутѣшнѣе, еще заунывнѣе.

VII.

Любительскій спектакль прошелъ для Марьи Владиміровны съ громаднымъ успѣхомъ. Катерина своимъ плачемъ отъ начала до конца привела въ неописуемый восторгъ двухъ студентовъ, трехъ техниковъ, четырехъ гимназистовъ и одного юнкера. И въ маленькомъ частномъ театрикѣ въ теченіе всѣхъ антрактовъ стоялъ неистовый крикъ, гвалтъ, топанье ногами.

Счастливая Марья Владиміровна стремительно откликалась на всѣ вызовы, на всѣ «браво», на всѣ хлопки и топанья ногами. Выйдя на эстраду и подойдя къ самой рампѣ, она долго и низко кланялась на всѣ стороны, и при этомъ лицо у нея было блаженное, какъ у влюбленной, и невинное, какъ у херувима. И руки были сложены на груди молитвенно и благоговѣйно, и вся она казалась кротка, невинна и радостна. А когда въ концѣ спектакля «кто-то» поднесъ ей букетъ изъ розъ и лавровый вѣнокъ, перевитый блѣдно-розовой лентой, на которой значилось: «восходящей звѣздѣ»,— Марья Владиміровна даже прослезилась отъ счастья и долго-долго цѣловала розы, съ материнскою нѣжностью прижимала къ груди лавровый вѣнокъ и блуждала благодарными глазами по публикѣ, ища того, кто такъ трогательно и красиво выразилъ ей свое поклоненіе. Но поиски ея не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ «кто-то» былъ уже за кулисами и ждалъ ее нетерпѣливо, властно и даже чуть-чуть раздраженно. О, Браунъ! Милый архитекторъ! Какъ онъ ее понимаетъ, какъ цѣнитъ...

А послѣ спектакля они съ Брауномъ поѣхали ужинать въ Эрмитажъ. За ужиномъ Марья Владиміровна выпила всего только 2 рюмки вина, но домой она вернулась пьяная... Пьяная отъ счастья, а не отъ вина. Милое искусство! Милый Браунъ! Милые техники и студенты! Чудныя розы и безподобный вѣнокъ! Да, такія минуты не забываются! И счастливъ только тотъ, кто такія минуты испытываетъ...

VIII.

Дома же Марью Владиміровну ждало уже новое счастье, новый тріумфъ. На столѣ у нея лежало письмо отъ редактора еженедѣльнаго жу́рнала *Туда и Сюда*. Редакторъ сообщилъ ей, что повѣсть ея можетъ быть напечатана въ журналѣ *Туда и Сюда* подъ условіемъ сокращенія и нѣкоторыхъ измѣненій. И далѣе редакторъ поясняллъ, что, по его мнѣнію, можетъ остаться и что надо выбросить и измѣнить. И хотя изъ семи печатныхъ листовъ надо было выбросить 4, а изъ оставшихся трехъ листовъ измѣнить 2 листа, но тѣмъ не менѣе Марья Владиміровна была поражена этою новою радостью до того, что она даже какъ будто бы измѣнилась вся, стала проще и добрѣе. Ей вдругъ захотѣлось сдѣлать что-нибудь такое, чего она всю жизнь не дѣлала и что теперь вдругъ сочла нужнымъ сдѣлать—что-нибудь милое, простое, ласковое. Она раздѣлась, накинула на плечи шаль и прошла сперва въ дѣтскую, нѣжно и любовно поцѣловала спящаго Котика и перекрестила его. Потомъ прошла къ мужу въ кабинетъ. Леонидъ Дмитричъ при входѣ жены вздрогнулъ, проснулся и взглянулъ на нее удивленно и испуганно.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ глухо.

— Не сердись на меня, Леонидъ,—сказала Марья Владиміровна такимъ тономъ, какимъ говорила изрѣдка въ ранней молодости, когда она еще не была такъ интересна и такъ «знаменита», какъ теперь.—Не сердись... Я пришла къ тебѣ подѣлиться своею радостью.

И она присѣла къ мужу на постель и сперва разсказала про успѣхъ въ театрѣ, а потомъ про успѣхъ въ литературѣ. Радость ея была такъ горяча и искренна, счастье, тако полно и велико, и вся она показалась Ляхову такою наивной, такою по-дѣтски простодушной и невмѣняемой, что ему стало ее жаль такъ же мучительно, тоскливо и отчаянно, какъ было жаль сына Котика. И опять она показалась ему близка и безпомощна и мила въ этой своей безпомощности, какъ была мила и близка въ юности.

— Какая ты, право!... Вѣдь вотъ какъ настроила себя...—началъ онъ несмѣло и сильно волнуясь.—Какъ будто бы и вправду счастлива... Но какое же это счастье? Впрочемъ, ничего,—спохватился онъ.—Какъ бы тамъ ни было, а я радъ, что ты сейчасъ такая...

Марья Владиміровна или не вникла въ смыслъ его словъ, или умышленно не хотѣла вникать, чтобы не расхолаживать себя, и, ничего не возразивъ на эти слова мужа, кокетливо приблизилась

къ нему и прикоснулась къ его лицу своею щекой, душистой и мягкой.

Что-то дрогнуло въ сердцѣ Ляхова, дрогнуло, разлилось и затопило всю душу жалобою, грустью и какою-то больною нѣжностью. Онъ взялъ ея руку осторожно, конфузливо, поднесъ сперва къ глазамъ, къ пылающему лбу, потомъ къ губамъ.

— Зачѣмъ мы такъ живемъ, Маша?... Зачѣмъ, зачѣмъ всѣ эти муки, боль, тоска, озлобленіе?—воскликнулъ онъ голосомъ, въ которомъ задрожали слезы.

— Конечно, зачѣмъ,—сказала она съ живостью.—Подумай только, сколько счастья предстоитъ намъ обоимъ! Я буду актрисой, писательницей, буду извѣстная, буду зарабатывать много денегъ, и всѣ насъ будутъ уважать, заискивать... И тебя будутъ уважать, передъ тобой заискивать...

— Ахъ, не то!... Не то, не то!—закричалъ онъ нетерпѣливо и страстно, и лицо его опять нахмурилось, вытянулось.

— Послушай меня и пойми хоть разъ,—сказалъ онъ, пересиливая себя и смотря на нее съ мольбой.

Онъ повернулся, сѣлъ ловчѣе, отстранилъ ее немного отъ себя, чтобы лучше было видѣть ее всю, и опять началъ страстно, задушевно и проникновенно до послѣдней степени:

— Ты все говоришь не то... Не такъ мыслишь... неправильно, неразумно... И живешь не такъ и стремишься не туда, куда слѣдуетъ... Все у тебя не такъ... выслушай меня!

— Хорошо,—сказала она, перебивая его и улыбаясь насмѣшливо, покровительственно и самодовольно. — Хорошо, говори, я слушаю.

— Ты смотришь на жизнь глазами дикаря, на счастье—глазами ребенка... Слушай, слушай!... Погоди, не сердись! Да, именно глазами дикаря и ребенка. Вѣдь все, что тебя радуетъ, манитъ, увлекаетъ, чего ты добиваешься—все это такая убогая безсмыслица, такая дешевая мишура!...

— Позволь,—стремительно перебила Марья Владиміровна.— Ты никакъ не можешь согласиться съ тѣмъ, что мнѣ мало одной дѣтской или кухни, что мнѣ нужны люди, широкая общественная жизнь.

И Марья Владиміровна снова стала самою собой. Минутная простота и кротость соскочили съ нея, и она опять заговорила обычнымъ своимъ тономъ, горделивымъ и учительнымъ, заговорила о томъ, что мужчины только на словахъ признаютъ женскую равноправность, что Леонидъ Дмитричъ смотритъ на женщину, какъ

варваръ или татаринъ, не признаетъ за женщиной ея человѣческихъ правъ.

Ляховъ слушалъ и чувствовалъ, какъ въ душѣ его, только что растроганной нѣжностью, опять закопошилось что-то темное, злое. И онъ, чтобы поскорѣе заглушить въ себѣ это темное и злое, перебилъ жену запальчиво и громко:

— Да нѣтъ же, нѣтъ!... Это неправда! Ты сама знаешь, что это неправда и говоришь Богъ знаетъ для чего. Я не только признаю за женщиной ея человѣческія права, но даже больше: я считаю это аксіомой для всѣхъ и потому не дѣлаю изъ этого вопроса, какъ дѣлаешь ты и другіе. Я не знаю ни женщину, ни мужчину, я знаю только человѣка. Хочу и ищу въ каждомъ человѣкѣ только человѣческое. И вотъ этого-то человѣческаго я мало вижу въ тебѣ... Прости мнѣ, но я долженъ тебѣ сказать, что... во всѣхъ этихъ твоихъ порывахъ я вижу только неосновательныя претензіи, раздутое самолюбіе, тщеславіе, суету... И мнѣ больно... О, какъ мнѣ больно!... Какъ грустно, постыло жить!... Грустно за тебя и за себя, что я такъ слабъ и безличенъ и, какъ ты справедливо говоришь, безъ темперамента и безъ дарованій. Еслибъ я былъ силенъ и даровитъ, я бы сумѣлъ повліять не только на тебя, но и на другихъ такихъ же, какъ ты... Но я слабъ, и мнѣ безумно жаль тебя и себя... А главное, мнѣ жаль Котика. Вѣдь онъ выростетъ и будетъ еще слабѣе меня, несчастнѣе. У меня хоть дѣтство-то было здоровое. Мать моя любила меня. Я бѣгалъ по улицѣ съ босоногими деревенскими ребятишками, былъ здоровъ и ловокъ. Грамотѣ научился поздно и мыслить, и понимать жизнь сталъ поздно... А Котикъ? Что мы съ тобой сдѣлали изъ него?... Ахъ, да неужели же тебѣ нужно доказывать, что ребенокъ у насъ растетъ больной, грустный и вся будущность у него несчастная. Если ты ни разу не подумала объ этомъ глубоко и проникновенно, не растрогалась до слезъ, то скажи же, что можетъ тебя тронуть? И тогда къ чему, для чего твое искусство, эти твои роли и повѣсти?

— Позволь, ты опять несправедливъ ко мнѣ, какъ всегда. Опять говоришь все это затѣмъ только, чтобъ унизить меня,— сказала Марья Владиміровна сухо и злобно.—Котика я люблю и, какъ мать, буду любить до могилы. И не моя вина, что онъ растетъ такимъ хилымъ и слабымъ... Все это, повторяю, говорится тобою затѣмъ только, чтобъ сдѣлать мнѣ больно...

Марья Владиміровна на мгновеніе запнулась, гнѣвно раздувая ноздри и презрительно щуря глаза.

— Ради Бога,—горячо и умоляюще вскрикнулъ Ляховъ.—Ра-

ди Бога, не говори такимъ тономъ, не смотри на меня такъ... Клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, клянусь жизнью нашего несчастнаго мальчика, что я не хочу тебя оскорблять, унижать! Я хочу, чтобъ ты поняла и почувствовала...

И опять въ голосѣ Ляхова задрожали слезы.

— Не любимъ мы ребенка,—продолжалъ онъ, волнуясь и дрожа съ головы до ногъ.—Оба не любимъ, ни ты, ни я... Если бы любили, то развѣ бы мы устроили ему такую жизнь?... Вспомни, когда Котикъ былъ маленькій, грудной, ты держала его въ самой плохой комнатѣ, тѣсной и темной, потому что просторныя и свѣтлыя нужны были для журфиксовъ. У Котика не было кормилицы, потому что моихъ четырехъ тысячъ не хватало намъ съ тобой. И его кормили съ рожка, у него была дешевая и невѣжественная нянька, которая пичкала его баранками и хлѣбомъ въ то время, когда ты училась декламаціи, или пѣла, или играла. И все свое дѣтство Котикъ провелъ заброшенно, безпризорно. Онъ не знаетъ, что значитъ сидѣть у матери на колѣняхъ, слушать ея сказки. Онъ всегда тебѣ мѣшалъ, всегда раздражалъ... И онъ выросъ сиротливый и печальный. Теперь ему пора уже серьезно учиться, а онъ не можетъ: у него болитъ головка и онъ плачетъ безпричинно по цѣлымъ часамъ. Ему скучно жить, нѣтъ силъ жить. А мы съ тобой ссоримся, враждуемъ. Я работаю съ утра до вечера, какъ волъ, работаю неинтересную, нелюбимую работу, работаю единственно ради денегъ, которыя нужны намъ съ тобою вотъ на эти глупыя занавѣски, на шляпки, на платья, на извозчиковъ и на гостей. А ты вѣчно мечешься въ суетномъ тщеславіи, въ этой истерической жаждѣ быть не тѣмъ, что ты есть на самомъ дѣлѣ... И обманываешь самое себя и другихъ...

Ляховъ остановился, словно вдругъ спохватился, что зашелъ далеко, еще сильнѣе поблѣднѣлъ и болѣзненно сморщился.

До сихъ поръ Марья Владиміровна слушала мужа хоть и съ досадой, но все же терпѣливо, какъ очень счастливый и довольный собою человѣкъ слушаетъ несчастнаго и озлобленнаго. Отъ послѣдней же фразы его ее взорвало, всю наполнило бѣшенымъ негодованіемъ.

— Не понимаю, для чего ты это говоришь, — сказала она крикливо, смотря на него съ ненавистью.—Если я отъ жизни хочу лучшаго, если я тянусь къ свѣту, къ воздуху, а не сижу въ затхлой норѣ, какъ сидишь ты, такъ значитъ я не желаю быть самой собой? А хоть бы и такъ?... Ну, не желаю... а дальше что? И по-

чему заниматься искусствомъ дурно? Ты или съ ума сошелъ отъ злости, или... или я не знаю что!...

Она порывисто встала и гордая, гнѣвная, негодующая стояла передъ нимъ во весь свой высокій и стройный ростъ, и во всемъ существѣ ея трепетала злорадная готовность отразить каждый ударъ.

— Опять ты притворяешься, что не понимаешь меня...—сказалъ онъ, какъ-то вдругъ затихая. — Ты отлично понимаешь, что занятіе искусствомъ я не считаю дурнымъ и... дѣйствительно, для этого надо сойти съ ума, чтобы думать такъ. Опять ты не то говоришь... извращаешь мои мысли... Ты знаешь отлично, что не то меня мучитъ, что ты тамъ играешь, поешь, что-то пишешь... А то, что цѣли и побужденья у тебя дурныя... Во всемъ, что ты дѣлаешь, побужденья у тебя неблагородныя, неразумныя.

— Значитъ, я глупа и неблагородна? — вскрикнула она, и обрадовалась.—Такъ неужели же потому только, что тебѣ хочется, чтобъ я была умна и благородна, я вдругъ перерожусь вся заново и сдѣлаюсь и умна, и благородна? Какая дичь!...

И Марья Владиміровна расхохоталась раскатисто и красиво, какъ хохочутъ въ театрѣ актрисы.

Ляховъ посмотрѣлъ на нее долгимъ и какимъ-то далекимъ взглядомъ, словно вдругъ вспоминая что-то и о чемъ-то соображая... Потомъ вздохнулъ и сказалъ тихо, едва слышно:

— Ну, довольно!... Иди къ себѣ спать!... А то мы поссоримся еще больше...

IX.

И когда Марья Владиміровна вышла, Ляховъ всталъ съ постели и присѣлъ къ письменному столу. Нервы у него дрожали, какъ туго натянутыя и вдругъ опущенныя струны, и весь онъ какъ-то сразу ослабъ, опустился. Было такое ощущеніе, какъ будто бы его только что избили, и отъ побоевъ этихъ онъ чувствовалъ не столько боль, сколько стыдъ, унизительный, гадкій. И самъ онъ показался себѣ гадкимъ.

Какъ глупо!... Боже мой, до чего глупо, нелѣпо и гадко!... Который разъ онъ уже говоритъ ей все одно и то же, только съ разными оттѣнками, то съ ненавистью и укоризной, то съ плачемъ и мольбою!... И результаты все одни и тѣ же... Глупо, глупо и гадко!... Все отъ начала до конца глупо и дрянно. Глупо то, что онъ, замѣчая въ ней дурные задатки тогда еще, въ юности, же-

нился на ней, не разсчитавъ своихъ силъ въ борьбѣ съ нею. И жилъ въ первые годы съ нею безнравственно, упиваясь страстью, любя въ ней только тѣло и презирая душу, не вѣря ни одному ея слову, ревнуя ее ко всѣмъ и испытывая рабскій трепетъ отъ мысли потерять ее... О, какая гадость!... А теперь онъ отвернулся отъ нея и ужъ не дрожитъ надъ нею, а презираетъ ее всю холодно, спокойно и прочно. И для чего, къ чему онъ сегодня опять говорилъ ей о цѣляхъ и о побужденіяхъ?... Дѣйствительно, «какая дичь»! Нельзя человѣку насильно навязать разумныя цѣли и благородныя побужденья, разъ онъ по натурѣ своей отъ природы неблагороденъ. Да онъ самъ хорошъ! Вѣдь вотъ онъ прекрасно сознаетъ, что живетъ глупо, дрянно и ровно ничего не дѣлаетъ, чтобъ измѣнить жизнь. Такъ чего же онъ хочетъ отъ жены, которая даже не сознаетъ въ себѣ пороковъ, а наоборотъ—влюблена въ себя до безумія, довольна собою и всѣмъ окружающимъ? Какъ глупо! Боже мой, какъ все глупо и ненужно!...

Ляховъ всталъ и въ одномъ бѣльѣ зашагалъ по комнатѣ обычной своей походкой, порывистой, мятущейся, какъ будто бы чего-то искалъ и не находилъ. Больная апатія, что̀ всѣ эти послѣдніе дни сковывала ему душу, теперь исчезла, и снова закипѣли въ немъ горькія, отчаянныя мысли, что̀ скопились за многіе годы.

Нѣтъ, дольше нельзя такъ жить!... Нельзя, нельзя!... Или смерть, или другая жизнь!...

Но какъ практически осуществить эту перемѣну жизни, сейчасъ, Ляховъ также не зналъ, какъ не зналъ и вчера, и третьяго дня и годъ тому назадъ. Главная бѣда — у него не было денегъ. За двѣнадцать лѣтъ тяжелой службы онъ не скопилъ и ста рублей. Они съ Марьей Владиміровной жили отъ одной получки жалованья до другой, и всегда имъ не хватало, всегда они стѣснялись въ деньгахъ. И вотъ теперь Ляховъ опять наткнулся на этотъ проклятый денежный вопросъ, какъ на камень...

До самаго утра онъ все ходилъ по комнатѣ и думалъ о томъ, какъ бы обойти этотъ камень, сдвинуть съ мѣста и выбраться на новую дорогу...

X.

И когда на другой день онъ зашелъ въ комнату къ Котику, то въ лицѣ его было что-то рѣшительное, твердое и упрямое. Онъ не зналъ еще, гдѣ достанетъ денегъ и куда уѣдетъ, но уже зналъ и былъ весь проникнутъ этимъ сознаніемъ, что теперь-то его уже

ничто и никто не остановитъ. И, прощаясь съ сыномъ, онъ сказалъ ему спокойно, какъ будто бы объявлялъ самую обыкновенную вещь:

— А мы съ тобой, братъ, скоро поѣдемъ изъ Москвы.

— Куда? — удивился Котикъ.

— А вотъ посмотримъ... Сегодня я поѣду въ Звенигородъ къ Василь Иванычу... Знаешь доктора Василь Иваныча? Ну, такъ вотъ... Потолкую съ нимъ насчетъ тебя. Навѣрное, онъ насъ пошлетъ куда-нибудь... Лѣчиться, братъ, надо, воздухомъ свѣжимъ дышать, а мы тутъ съ тобой киснемъ за шелковыми занавѣсками, плачемъ да сердимся... Такъ-то, мальчикъ!...

Котикъ посмотрѣлъ на отца еще съ большимъ недоумѣніемъ, хотѣлъ что-то спросить, но отецъ только рукой махнулъ и скрылся.

Вечеромъ онъ не вернулся и ночь дома не ночевалъ. А когда на другой день онъ пріѣхалъ въ сумеркахъ, то лицо его, взглядъ и голосъ были еще рѣшительнѣе и упрямѣе. Къ этой рѣшительности прибавилось еще и нетерпѣніе поскорѣе кончить то, что онъ надумалъ. Нетерпѣніе это выливалось у него въ какую-то странную торопливость, непрерывную и неустанную... Онъ не присаживался ни на минуту, а все бѣгалъ по комнатамъ, суетился чего-то, много и жадно курилъ и говорилъ съ Котикомъ быстро, скороговоркою, тоже непрерывною, неустанною, какъ будто боялся хоть на минуту остаться съ самимъ собою, со своими думами.

— Такъ мы съ тобой, сынокъ, значитъ, ѣдемъ!... Былъ я у Василь Иваныча, говорилъ о тебѣ. Совѣтуетъ ѣхать намъ съ тобой пока до весны въ Финляндію. Есть тамъ, братецъ ты мой, санаторія, больница такая,—свѣтло, тепло, уютно и все вò-время: спать, ѣсть, шалить—все вò-время. И живутъ тамъ всѐ такіе вотъ дохлые, какъ мы съ тобой, пьютъ кефиръ, мясной сокъ, молоко—что кому полагается, занимаются гимнастикой и поправляются... Еще какъ поправляются!... И мы съ тобой поправимся, вотъ увидишь!... А весной — на югъ. Въ Малороссію или въ Крымъ, на Кавказъ... Куда-нибудь, однимъ словомъ, чтобы потеплѣе, поуютнѣе... понимаешь?

Котикъ не только понималъ то, что говорилъ отецъ, но и то, что отецъ скрывалъ отъ него.

Онъ смотрѣлъ на отца большими внимательными глазами, сидѣлъ смирно, какъ-то весь съежившись и сгорбившись, уткнувъ подбородокъ въ воротникъ матросской курточки, и походилъ на маленькую птичку, пришибленную бурею. Пока отецъ говорилъ, онъ молчалъ и только нервно теребилъ дрожащими пальцами кон-

чикъ полы курточки. Когда же отецъ, наконецъ, смолкъ и присѣлъ на диванъ, Котикъ покраснѣлъ и спросилъ, заикаясь и несмѣло:

— А мама какъ же?

— Мама останется здѣсь,—по возможности спокойно отвѣтилъ Ляховъ. — У мамы есть свои дѣла, ей некогда ѣхать съ нами.

Но Котикъ не повѣрилъ этому выдѣланному спокойствію отца. Ему страстно хотѣлось разспросить отца, вывѣдать мучившую его тайну, и въ то же время было неловко, жутко и боязно разспрашивать. И онъ сидѣлъ, молчалъ и думалъ... На душѣ у него было темно и страшно, и больно какъ-то по-новому: отъ этой боли онъ даже плакать не могъ и говорить не могъ. Его словно придушило чѣмъ-то и онъ весь замеръ въ ожиданіи чего-то еще болѣе страшнаго...

Марьи Владиміровны, по обыкновенію, не было дома. Горничная Глаша суетилась въ буфетной, приготовляя чайную и столовую посуду. Вечеромъ предстоялъ обычный субботній журфиксъ.

Часамъ къ семи вернулась Марья Владиміровна съ двумя кульками, которые позади нея несъ дворникъ. Въ кулькахъ были вина, закуски и сласти.

Раздѣвшись и посмотрѣвшись въ зеркало, Марья Владиміровна вошла въ дѣтскую. Увидавъ мужа, она приняла строгую и горделивую осанку королевы. Сцена, которая произошла третьяго дня между нею и Леонидомъ Дмитричемъ, стояла до сихъ поръ въ ея душѣ одною изъ тѣхъ обидъ, которыя Марья Владиміровна почти не прощала. Да и можно ли было такъ скоро забыть и простить? *Этотъ* человѣкъ, вмѣсто сочувствія и удивленія передъ ея талантами,—сочувствія, которое она встрѣтила даже среди постороннихъ,—оскорбилъ ее ни за то, ни за се, отравилъ ей первыя минуты радости... И она, возмущенная, на другой же день поѣхала жаловаться на Леонида Дмитрича къ своей пріятельницѣ Лидіи Ивановнѣ, которую тоже мужъ не понималъ и не признавалъ въ ней человѣческихъ правъ. И вмѣстѣ съ Лидіей Ивановной онѣ рѣшили не обращать ни малѣйшаго вниманія на этихъ «тупицъ и деспотовъ» и жить по возможности независимо, «сохраняя свои индивидуальныя черты отъ всякихъ внѣшнихъ насилій и искаженій».

И вотъ теперь Марья Владимірова, столкнувшись съ мужемъ, котораго не видала двое сутокъ, даже не поздоровалась съ нимъ. Она только поцѣловала Котика холодно и торжественно и вышла изъ дѣтской, зашуршавъ шелковыми юбками.

А Котикъ отъ поцѣлуя матери еще больше съежился и въ задумчивые глаза его налились слезы.

Ляховъ волновался страшно, его тянуло поговорить съ женой и въ то же время что-то удерживало. Ему хотѣлось поскорѣе посвятить ее въ то, что онъ надумалъ, но въ то же время было и жаль «рѣзать» ее такъ вдругъ, не подготовивши.

И онъ опять бѣгалъ по комнатѣ во всѣхъ направленіяхъ, курилъ-курилъ безъ конца и все чего-то ждалъ трепетно, напряженно. Марья Владиміровна заперлась у себя въ спальнѣ и черезъ полчаса вышла такая красивая и нарядная, что Глаша даже ахнула отъ восторга и съ минуту смотрѣла на барыню, какъ на картинку.

На ней было атласное платье, цвѣта чайной розы, съ легкимъ вырѣзомъ на груди, отдѣланнымъ страусовыми перьями. Волосы были высоко взбиты и слегка припудрены, отчего темныя брови Марьи Владиміровны въ сочетаніи съ пепельными волосами казались еще чернѣе. Глаза блестѣли, зубы бѣлѣли, какъ жемчугъ, щеки отливали нѣжнымъ румянцемъ, и вся она съ головы до ногъ сверкала красотою яркою, и въ то же время спокойною, самодовлѣющею. На точеныхъ бѣлыхъ рукахъ ея горѣли брилліанты и алмазы, отъ нея сильно пахло чѣмъ-то сладкимъ, раздражающимъ, что носится весною въ саду, когда цвѣтутъ деревья...

И когда она снова появилась въ дѣтской, Ляховъ какъ-то вдругъ притихъ, сѣлъ на стулъ и смотрѣлъ на жену такъ, какъ будто бы ее видѣлъ впервые. Марья Владиміровна въ этомъ своемъ новомъ нарядѣ, который по карману только купчихамъ да богатымъ кокоткамъ, рядомъ съ худымъ и блѣднымъ Котикомъ показалась Ляхову такою чужою, далекою и непонятною... Ему даже холодно стало отъ мысли, что это—его жена, его, Леонида Ляхова, сына бѣднаго сельскаго фельдшера, человѣка рабочаго, простого и незамѣтнаго. И было странно, удивительно до ужаса, какъ это онъ могъ столько лѣтъ прожить бокъ о бокъ съ этою ослѣпительною красавицей, съ этою свѣтскою расточительной женщиной, кокетливой, обольстительной, легкомысленной и вѣтреной...

XI.

И словно желая еще большей тревоги, большей муки для себя, Ляховъ вышелъ къ гостямъ послѣ того, какъ Котикъ улегся въ постель. Сидя въ гостиной и куря папиросу за папироской, онъ наблюдалъ только то, что было дурно. И умышленно старался закрывать глаза на то, что было безразлично или даже хорошо въ своей простотѣ, наивности и молодости. Въ углу на диванѣ, неподалеку отъ

него, какія-то двѣ барышни не то консерваторки, не то ученицы театральнаго училища съ увлеченіемъ говорили о спектаклѣ для народа и о какихъ-то спѣвкахъ. Обѣ одѣты были просто, у обѣихъ лица были молодыя, свѣжія, и видно было, что спѣвки эти интересуютъ ихъ искренно и безкорыстно. Но безпокойный взоръ Ляхова бѣжалъ мимо этихъ дѣвушекъ и останавливался только на томъ, что казалось ему фальшивымъ и дряннымъ. Онъ смотрѣлъ на актера, жирнаго, обрюзглаго, съ сизымъ носомъ алкоголика, съ большими алчными губами и наглымъ, самодовольнымъ взглядомъ,—и думалъ что актеръ этотъ, вѣроятно, глупъ, играетъ послѣднія роли, живетъ распутно и очень много пьетъ. Смотрѣлъ на «литератора», который работалъ въ *Листкѣ*, и думалъ, что это—пройдоха и циникъ, окончилъ университетъ, либеральничаетъ на журфиксахъ, а въ статьяхъ своихъ поддѣлывается подъ тонъ лакеевъ и салопницъ. Смотрѣлъ на Лидію Ивановну, одѣтую съ тѣмъ же кокоточнымъ шикомъ, какъ и Марья Владиміровна. Онъ зналъ, что Лидія Ивановна занимается спиритизмомъ, вертитъ столы и бесѣдуетъ съ «духами». А мужъ у Лидіи Ивановны работяга-статистикъ, такой же скромный и вѣчно занятый человѣкъ, какъ и онъ, Леонидъ Ляховъ, хватаетъ частную работу направо и налѣво съ цѣлью заработать какъ можно больше денегъ, которыя нужны Лидіи Ивановнѣ на наряды, на театры и на то, чтобы она могла ничего не дѣлать дома и имѣла бы досугъ для бесѣдъ съ «духами».

Вотъ докторъ, который женился на деньгахъ... Вотъ студентъ-крикунъ, фразеръ и тунеядецъ... А вотъ обожатель Марьи Владиміровны, архитекторъ Браунъ. Онъ уменъ, хитеръ и безнравственный. Любитъ Марью Владиміровну за то, что она красивая и «безъ предразсудковъ» насчетъ свободы чувствъ. Вотъ молодой человѣкъ безъ опредѣленной профессіи, льстивый, юркій. За Марьей Владиміровной онъ ухаживаетъ съ единственною цѣлью пробраться черезъ нее въ знаменитости. Онъ тоже играетъ на любительскихъ спектакляхъ и мечтаетъ объ артистической карьерѣ. А у Марьи Владиміровны есть знакомые антрепренеры и содержатели лѣтнихъ садовъ. И юноша льститъ, увѣряетъ Марью Владиміровну, что она—Марія Башкирцева, что она—чудная, несравненная, необыкновенная...

— И это люди?! Какая пошлость! И онъ—Леонидъ Ляховъ, столько лѣтъ прожилъ бокъ о бокъ съ этою пошлостью, съ этою наивной, невмѣняемой безсмыслицей! Жилъ—подчиняясь этой безсмыслицѣ, не протестуя, не возражая...

И въ первый разъ его охватила жгучая, почти звѣрская злость

на то, что эти люди, которыхъ онъ не уважаетъ, съ которыми у него никогда ничего не было общаго, ведутъ себя въ его домѣ такъ весело и развязно, пьютъ вина и ѣдятъ закуски, купленныя на его деньги. Нѣтъ, довольно! Больше этого уже не будетъ, не будетъ!...

И ему безумно хотѣлось сейчасъ же, сію минуту встать и закричать на этихъ людей, оскорбить ихъ, выгнать вонъ изъ дома, показать имъ, какъ онъ ихъ всѣхъ презираетъ и ненавидитъ. Отъ волненія по тѣлу его пробѣгалъ и жаръ и ознобъ въ одно и то же время, но наружно онъ ничѣмъ не выражалъ своего негодованья и сидѣлъ, какъ и всегда, пасмурный, угрюмый и замкнутый. Только лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, да глаза сверкали какъ во время лихорадки...

А гости шумѣли, пили и пѣли, острили и смѣялись, спорили и блистали другъ передъ другомъ своими талантами и познаніями...

Дама-спиритка разсказала нѣсколько случаевъ изъ міра загробныхъ явленій; жирный актеръ изобразилъ Несчастливцева, причемъ кричалъ: «Аркашка, ты, братъ!»—такимъ голосомъ, словно его рѣзали. Льстивый юноша безъ конца умолялъ «божественную» Марью Владиміровну спѣть «Очи черныя». А красивый архитекторъ не спускалъ съ Марьи Владиміровны своихъ горячихъ и острыхъ глазъ, подходилъ къ ней близко, касался своимъ плечомъ ея плеча и дышалъ ей въ шею и затылокъ дыханіемъ знойнымъ и страстнымъ...

Марья Владиміровна была оживлена, возбуждена и приподнята до послѣдней степени... И такъ хороша въ своемъ платьѣ цвѣта чайной розы, такъ изящна въ обращеніи съ гостями, такъ ловка, находчива, краснорѣчива!... Она словно не замѣчала горячихъ глазъ архитектора и блѣднаго больного лица мужа, и говорила, говорила безъ конца!...

Говорила она о томъ, что нельзя быть счастливой среди несчастныхъ... Что нужно работать, работать на пользу родины, не покладаючи рукъ... Нужны школы, университеты... И женскій вопросъ далеко еще не рѣшенъ... Что искусство возвышаетъ, облагораживаетъ, поучаетъ и воспитываетъ... И всѣ мы неоплатные должники передъ народомъ... И что тотъ только достоинъ наименованія человѣка, кто вѣчно въ пути, кто идетъ, идетъ и никогда не останавливается...

Говорила все это она словами хорошихъ газетъ и журналовъ, говорила гладко, безъ запиночки, горячо, убѣдительно и слегка учительно.

И всѣ слушали ее и находили, что она много читаетъ и память у нея удивительная, а манера держаться рѣдкостная по изяществу, по достоинству, по уму и чисто-женской граціи.

И Ляховъ смотрѣлъ на жену и слушалъ, и отъ словъ жены его мутило, какъ отъ морской болѣзни. Въ горлѣ у него щекотало, и голова кружилась постыло и приторно. И желаніе оскорбить, выгнать всѣхъ вонъ съ каждою минутой въ немъ все разгоралось, затемняя разсудокъ, парализуя волю.

И вдругъ онъ поднялся бѣлый, какъ мертвецъ, и, не помня себя, закричалъ пронзительно и громко, обращаясь къ женѣ:

— Все это ложь!... Не само по себѣ ложь, а въ твоихъ устахъ ложь, поза, гнусное притворство!... Вѣдь ты же совершенно не понимаешь и ни на одно мгновеніе не чувствуешь тѣхъ словъ, которыя произносишь. Ты треплешь, сквернишь честныя мысли честныхъ людей... Треплешь такъ же, какъ треплешь вотъ это шелковое платье, что на тебѣ.. Ни ты и никто изъ тѣхъ, что слушаютъ тебя, не имѣютъ ничего общаго ни съ наукой, ни съ искусствомъ, ни съ общественною пользой... Наоборотъ, вы всѣ своимъ душевнымъ распутствомъ тормозите, задерживаете все доброе и разумное гораздо больше, чѣмъ тѣ, кто оффиціально призванъ тормозить и задерживать... Вы—обезьяны, копирующія людей и, какъ обезьяны же, суетливы и... и...

Онъ остановился, широко открылъ ротъ, словно поперхнулся воздухомъ, схватился руками за грудь, потомъ за лобъ, покачнулся и опять сѣлъ, дыша такъ, какъ бываетъ передъ истерикой... Потомъ онъ опять хотѣлъ что-то сказать, но у него задрожали подбородокъ и губы, и онъ не могъ вымолвить слова и только смотрѣлъ вокругъ себя глазами блестящими, какъ у волка.

А въ комнатѣ было тихо, тихо... Съ того момента стало тихо, какъ онъ всталъ и заговорилъ. Всѣ словно окаменѣли отъ его словъ, полныхъ неожиданности, яда и желчи. Марья Владиміровна смотрѣла на мужа и на окружающихъ испуганно и недоумѣвающе, и лицо у нея было такое же бѣлое, какъ и у мужа, и губы бѣлыя. Но она улыбалась насильственно, какъ-то странно кривя ротъ, словно передразнивала кого, и улыбка ея походила на улыбку идіота, или параличнаго.

— Вы больны... выпейте воды,—первый нашелся актеръ, подходя къ Ляхову и подавая ему воду.

— Да, да... Леонидъ, ты боленъ!... Онъ боленъ,—засуетилась Марья Владиміровна, расправляя свою улыбку.—Онъ боленъ... Онъ все время боленъ!

И отъ этого многократнаго повторенія «онъ боленъ», она, наконецъ, пришла въ себя. Сдѣлала скорбное и озабоченное лицо и, подойдя къ мужу, притронулась до его плеча ласково, нѣжно.

— Пойди къ себѣ, Леонидъ! Ты боленъ! Пойдемъ, я уложу тебя.

Ляховъ ничего не соображалъ. Мысли въ немъ путались, горѣли и сжигали его самого. И ему захотѣлось еще что-то сказать, хотѣлось «добить ихъ», но подбородокъ у него дрожалъ, слова не выходили больше у него изъ устъ. Наконецъ, онъ всталъ, рѣзко оттолкнулъ руку актера и, широко шагая, двинулся черезъ всю гостиную въ столовую, а потомъ къ себѣ въ кабинетъ.

И когда гости, перепуганные и смущенные, стали собираться домой,—то Марья Владиміровна ихъ не удерживала. Было бы неблагоразумно сидѣть ей съ гостями, когда мужъ «боленъ».

— Да, онъ боленъ... Онъ уже съ какихъ поръ боленъ,—говорила она на прощанье каждому, пожимая руки и улыбаясь печально и кротко.

XII.

Но когда гости ушли и Марья Владиміровна сняла съ себя платье цвѣта чайной розы, надѣла ситцевую блузу и затѣмъ вошла въ кабинетъ мужа, то лицо ея было уже искажено злобой до того, что она даже какъ будто бы постарѣла вдругъ лѣтъ на десять.

— Что ты надѣлалъ?—спросила она, подходя къ мужу и глядя на него въ упоръ глазами, прыгающими въ орбитахъ, какъ два раскаленныхъ угля.—Что ты надѣлалъ, отвратительный, несчастный человѣкъ? О, какъ я тебя ненавижу!... Если бы ты вотъ сейчасъ, на моихъ глазахъ умеръ бы отъ злости,—я была бы рада.

Ляховъ лежалъ на диванѣ въ позѣ человѣка глубоко уставшаго, безсильно свѣсивъ обѣ руки на полъ и склонивъ голову къ груди.

Марья Владиміровна подошла къ нему еще ближе и, не переставая смотрѣть на него въ упоръ прыгающими глазами, опять повторила уже въ третій разъ:

— Что ты надѣлалъ?

И тогда только Ляховъ отвѣтилъ вяло, изнеможенно, медленно цѣдя слово за словомъ:

— Я уѣзжаю съ Котикомъ черезъ два или три дня. Сегодня я уже говорилъ съ главноуправляющимъ и съ самимъ Песоцкимъ, что служить больше не буду... И досталъ денегъ...

Онъ помолчалъ съ секунду, какъ бы переводя духъ, и затѣмъ добавилъ все такъ же тихо и вяло:

— Тебѣ я дамъ 500 рублей на первое время, а тамъ съ осени устроюсь гдѣ-нибудь и буду высылать помѣсячно.

И онъ закрылъ глаза.

Слова эти еще сильнѣе поразили Марью Владиміровну, чѣмъ то, что она слышала въ гостиной. Она какъ-то вдругъ вся смѣшалась, стихла и инстинктивно попятилась отъ мужа назадъ, словно отъ зачумленнаго.

— Это серьезно?—спросила она, садясь на стулъ. И видъ мужа и все поведеніе его говорило ей, что это—серьезно, и она сама не знала, для чего спросила.

— Совершенно серьезно,—глухо сказалъ Ляховъ,—уже все сдѣлано... Нѣтъ силъ больше такъ... Видишь, до чего я дошелъ... Э, да что тамъ!...

— Да, ты дѣйствительно «дошелъ»,—какъ эхо повторила Марья Владиміровна тоже тихо и глухо.

Она посидѣла еще немного, помолчала.

— Ну, что-жъ,—сказала она раздумчиво скорѣе самой себѣ, чѣмъ мужу.—Ну, что-жъ!

И встала, и пошла изъ кабинета, но уже не грозная и негодующая, а уничтоженная, побѣжденная, жалкая.

Теперь лицо у нея уже горѣло, щеки были красны, какъ кровь, а во рту было сухо и глаза сухи. Она не могла ни укорять мужа, ни негодовать, ни тѣмъ болѣе умолять его измѣнить свое рѣшеніе.

«Да, это такъ»,—думала она и одной этой фразой какъ бы формулировала свое теперешнее положеніе, и въ то же время примирялась съ этимъ положеніемъ сразу же, безъ всякаго протеста и раздумья.

Несмотря на волненье, на жгучее чувство униженія, мысль работала въ ней быстро, отчетливо и ясно. Ей хотѣлось обдумать свое будущее сейчасъ же, все взвѣсить и сообразить.

Что же, можетъ быть, все къ лучшему! Она молода, хороша собой, талантлива. Сколько разъ она желала для себя полной свободы, полной независимости... Теперь—вотъ она, свободна!... Что же, можетъ быть, все къ лучшему! Она наймetъ номеръ и будетъ жить въ номерѣ, какъ актриса Синявина. Но, однако, сколько же онъ ей будетъ высылать? Во всякомъ случаѣ онъ обязанъ обезпечить ее матеріально, если въ немъ есть хоть искра совѣсти. Да, онъ обязанъ! Не даромъ же она отдавала ему свою молодость!... Онъ обязанъ, иначе она потребуетъ отъ него, заставитъ его выдавать ей приличное содержаніе!... Да и сама она будетъ теперь работать гораздо энергичнѣе, чѣмъ раньше. Она ударится

по всѣмъ редакціямъ, по всѣмъ антрепренерамъ... Кромѣ того у нея есть друзья, близкіе люди, которые не оставятъ ее.

И образъ архитектора Брауна ярко пронесся въ ея воображеніи, вызывая во всемъ тѣлѣ легкую нервную дрожь, жуткую и сладкую.

Поѣхать къ нему, сейчасъ же! Ей такъ необходимо посовѣтоваться съ нимъ, облегчить душу. Къ нему, къ нему!

Она подошла къ гардеробу, вынула сперва желтое платье, но бросила, потомъ зеленое и тоже бросила. Потомъ черное...

Да, черное, черное!... Вѣдь у нея сейчасъ горе, ужасъ, позоръ, униженіе!... Непремѣнно черное!... Вся жизнь теперь стоитъ передъ ней, какъ трауръ, черна, мрачна.

И быстро надѣвая передъ зеркаломъ черное шелковое платье, она, хотя и мелькомъ, но все же замѣтила, какъ у нея горятъ щеки и глаза горятъ странно и вся она какая-то странная, озабоченная, опечаленная и въ то же время обаятельная какъ-то по-новому... Такою она себя никогда еще не видала. «И Браунъ будетъ удивленъ, пораженъ... Теперь онъ пойметъ, какъ тяжела, какъ ужасна была ея жизнь съ мужемъ... И сколько у нея силъ, какая нужна жизнеспособность, чтобы столько лѣтъ терпѣть и не жаловаться!... Теперь онъ пойметъ!... И навѣрное съ ума сойдетъ отъ счастья, когда увидитъ ее у себя въ квартирѣ въ этотъ поздній ночной часъ.

И когда она минутъ черезъ 20 подъѣхала къ квартирѣ Брауна и затѣмъ позвонилась и вошла въ переднюю, то все внутри у нея колотилось и дрожало отъ обиды, отъ горя и жалости къ самой себѣ. Но лицо было спокойное, гордое въ своемъ горѣ, и вся осанка гордая, сдержанная и великолѣпная, какъ у королевы, сверженной съ престола.

XIII.

Архитекторъ Браунъ хоть и былъ удивленъ и пораженъ при видѣ Марьи Владиміровны въ «этотъ поздній ночной часъ», но все же «отъ счастья» съ ума не сошелъ. Напротивъ, въ «этотъ поздній ночной часъ» онъ держалъ себя гораздо благоразумнѣе, чѣмъ въ другіе поздніе ночные часы. Онъ слушалъ Марью Владиміровну внимательно, почти благоговѣйно, кивалъ головою предупредительно и сочувственно, былъ вѣжливъ, гостепріименъ до сладости, но... ни «жизни», ни «души» своей онъ въ этотъ ночной часъ Марьѣ Владиміровнѣ не предлагалъ. Что-то сухое, дѣлеческое, разсчетливое и холодное свѣтилось въ его умныхъ карихъ глазкахъ все

время, пока Марья Владиміровна говорила: «Я одна теперь... одна, одна!... И если я сойдусь съ кѣмъ, такъ только въ томъ случаѣ, если буду видѣть полную, прямо-таки рабскую преданность себѣ... Ужъ я теперь не позволю надъ собой издѣваться... Нѣ-ѣ-тъ!»

И когда Марья Владиміровна уѣхала, Браунъ подошелъ къ окну, украшенному морозными узорами, взглянулъ на кусочекъ звѣзднаго неба въ уголку стекла, показалъ небу языкъ и сказалъ:

— Такъ-то оно такъ, да только не очень!... Посади-ка этакую штучку себѣ на шею въ то время, когда она «одна, одна»,—такъ потомъ и не стряхнешь... Нѣтъ, объ этомъ надо поразмыслить!.. А теперь пока спать, спать... до смерти спать хочется!...

Браунъ легъ въ постель съ чувствомъ глубокой благодарности самому себѣ за то, что въ такую критическую минуту сумѣлъ сдержать свои симпатіи по отношенію къ Марьѣ Владиміровнѣ въ предѣлахъ благоразумія. Девизомъ архитектора Брауна было: «имѣй терпѣнье, и будущее вознаградитъ тебя сторицею». И онъ, засыпая, мечталъ объ этомъ щедромъ будущемъ, когда Марья Владиміровна станетъ «не одна», а найдетъ себѣ новаго Ляхова съ окладомъ въ 4 тысячи. Тогда она опять въ качествѣ мадонны и необыкновенной женщины будетъ ѣздить съ Брауномъ ужинать въ «Эрмитажъ» и въ «Московскій», а Браунъ будетъ за это предлагать ей жизнь и душу. Теперь же... Теперь надо пообождать!..

И архитекторъ вытянулся во весь свой богатырскій ростъ и заснулъ, какъ убитый.

А Марья Владиміровна, пріѣхавъ домой, сѣла у себя въ спальной подъ окномъ и просидѣла въ темнотѣ до утра, думая о мужѣ, а главное, объ архитекторѣ Браунѣ, который не только не сошелъ съ ума отъ счастья, но даже, провожая Марью Владиміровну, не цѣловалъ ея перчатокъ и не говорилъ, какъ обыкновенно: «Берите мою жизнь, она мнѣ не нужна»:—думая обо всемъ этомъ, Марья Владиміровна чувствовала, какъ въ душѣ у нея все ходуномъ ходитъ отъ обиды, отъ горя настоящаго, неподдѣльнаго горя, безъ кокетства, безъ гримасъ и самолюбованія, горя жгучаго и неутолимаго, злого и мстительнаго.

Всѣ мужчины — скоты, лицемѣры, тупые, бездушные!... И надо мстить имъ, не давать пощады!... И она отомститъ... О, какъ она отомститъ!... Она покажетъ имъ себя!... Погодите, вы!...

И слезы крупныя и рѣдкія, злыя и мстительныя катились у нея изъ глазъ, обжигали щеки, падали на грудь, на руки, на платье...

15 августа, 1898 г. А. Р. Крандіевская.

ЗЕЛЕНАЯ ГВОЗДИКА *).

Романъ Роберта Хитчинса.

Переводъ съ англійскаго.

XII.

Въ коттеджѣ царила та странная, сдержанная суета сборовъ, которая неизмѣнно сопровождаетъ въ Англіи хожденіе въ церковь. Добродѣтельные люди неизмѣнно суетятся въ этомъ случаѣ, и порочные люди, стараясь быть добродѣтельными, тоже суетятся, такъ, по крайней мѣрѣ, говорила м-мъ Вальтези, стоя въ маленькой свѣтло-зеленой передней, увѣшанной вѣерами и застегивая длинныя шведскія перчатки. Она была въ своей большой шляпкѣ и объявила, что шляпка эта наводитъ ее на религіозныя мысли, чего никто не собирался оспаривать. Томми требовалъ обѣщанную ему зеленую гвоздику, но лордъ Реджи, уважая просьбу лэди Локъ, сказалъ ему, что она завяла ночью, завяла чудно, какъ вянетъ зло, процвѣтая сперва подобно зеленымъ лавровымъ деревьямъ. Томми собирался плакать, но успокоился, когда ему обѣщали, что онъ будетъ сидѣть у органа и поворачивать страницы нотъ во время антифона. Лэди Локъ была серьезна, а м-съ Виндзоръ необыкновенно разсѣяна. Она всегда была особенно разсѣяна въ воскресенье утромъ, хотя сама этого не замѣчала; въ этотъ день она намѣревалась быть необыкновенно простой и насколько возможно преисполниться сельскаго благочестія. Она надѣла невинное платье съ цвѣточками и маленькую шляпку олицетворенной святости, по ея мнѣнію, потому что она состояла изъ очень маленькаго банта и огромнаго пучка колосьевъ. Лордъ Реджи и Амаринтъ отдали должную честь этому дню, одѣвшись въ сюртуки и высокія шляпы. Реджи сильно волновался по поводу своего антифона.

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 99 г.

Звонъ пяти колоколовъ Ченкотской церкви мягко разносился среди тяжелаго лѣтняго воздуха. Не хватало молитвенниковъ, всѣ, кромѣ лэди Локъ, сошли внизъ безъ молитвенниковъ, и м-съ Виндзоръ была въ отчаяніи.

— Мы должны имѣть молитвенники,—говорила она,—а иначе приходъ будетъ ужасно скандализированъ. Приходы ужасно легко скандализируются въ этой странѣ. Нѣтъ ли молитвенниковъ у прислуги? У прислуги всегда есть молитвенники и всякія такія вещи, не правда ли? Я спрошу.

Она позвонила, и появился одинъ изъ высокихъ лакеевъ.

— Симпсонъ, намъ надо четыре молитвенника,—сказала она,—есть они въ домѣ?

Симпсонъ, очевидно, находился въ затрудненіи, но сказалъ, что пойдетъ и поищетъ. Онъ скоро вернулся съ тремя.

— Есть еще одинъ, сударыня, у старшей горничной,—сказалъ онъ, подавая ихъ на подносѣ.—Только она писала на немъ замѣчанія, когда принадлежала къ Арміи Спасенія; она не можетъ стереть ихъ и не хочетъ ихъ показывать.

— Въ самомъ дѣлѣ!—сказала м-съ Виндзоръ, видимо заинтересованная.—Ну, ничего, мы обойдемся и съ тремя. Ахъ, да! Лордъ Реджи, вамъ не нужно молитвенника, потому что вы будете за занавѣской. Я совсѣмъ забыла. Мы пойдемъ пѣшкомъ. Это всего десять минутъ ходьбы, я подумала, что это будетъ рюстичнѣй, особенно еще съ пыльными дорогами. Только ужъ надо идти. Если мы опоздаемъ, это будетъ неприлично, и м-ръ Смитъ придетъ въ ужасъ.

— Какая атмосфера долга царитъ всюду!—сказала м-мъ Вальтези Амаринту, когда они вышли.—Мы такъ пунктуальны, что я чувствую себя точно какъ первые христіане. Удивительно, отчего это христіане были первыми, когда мы еще не родились? Теперь они обыкновенно отсталые.

— Я думаю, что они устали,—отвѣчалъ онъ, задумчиво поправляя гвоздику въ петличкѣ.—Мы, вѣроятно, страдаемъ отъ чрезмѣрной дѣятельности нашихъ предковъ. Когда я устаю отъ ходьбы, я всегда думаю, что мой дѣдъ былъ навѣрное хорошимъ ходокомъ. Какъ это утро похоже на день субботній!

И дѣйствительно, на тихой дорогѣ лежалъ воскресный отпечатокъ. Свѣтскія развлеченія гусей на прудѣ были прекращены, и они размышляли о своихъ прегрѣшеніяхъ въ какомъ-нибудь огороженномъ уголкѣ фермы. Поля стояли зелено-благочестивыя, такъ какъ на нихъ не было ни одного работника. Въ цвѣтущихъ изгоро-

дяхъ птицы чирикали, казалось, сдержаннѣй, и даже лѣтній вѣтеръ пробѣгалъ по путникамъ, какъ епископъ пробѣгаетъ рукою по головамъ колѣнопреклоненныхъ кандидатовъ во время конфирмаціи. Такъ думала лэди Локъ съ милой причудливостью, которую она берегла про себя. Колокола продолжали звонить монотонно, тутъ и тамъ на пути они встрѣчали аккуратно одѣтыхъ поселянъ, которые спокойно шли въ церковь, украшенные всѣмъ блескомъ тонкаго чернаго сукна или разодѣтыя въ накрахмаленную кисею и дешевыя шляпки.

М-съ Виндзоръ была въ восторгѣ.

— Развѣ это не ново?—воскликнула она, поправляя бѣлую вуаль и раскрывая большой зонтикъ отъ солнца.—Я чувствую, что я такъ правдива. Ужасно пріятно чувствовать себя правдивой, не правда ли? Гораздо пріятнѣе чѣмъ быть доброй. Я надѣюсь, что м-ръ Смитъ не будетъ читать длинной проповѣди, хотя онъ имѣетъ видъ человѣка, который говоритъ длинныя проповѣди. Люди, которымъ нечего сказать, всегда говорятъ длинныя проповѣди, не правда ли? Я думаю, что они все надѣются, что вотъ-вотъ сейчасъ они найдутъ, что сказать?

— И они надѣются вслухъ,—сказала м-мъ Вальтези.—Ужасно скучные люди, которые надѣются вслухъ. Господи, какая пыль! Мнѣ кажется, что я утопаю. Мы скоро придемъ?

— Да,—сказала м-съ Виндзоръ,—вотъ общинный лугъ, гдѣ м-ръ Смитъ уничтожилъ буйство. Жаль, что онъ уничтожилъ притоны лѣни до нашего пріѣзда! Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть хоть на одинъ.

— М-ръ Смитъ несомнѣнно поступилъ преждевременно,—серьезно сказалъ Амаринтъ.—Духовныя лица часто такъ поступаютъ. Они лишаютъ насъ нашихъ грѣховъ, прежде чѣмъ мы успѣемъ освоиться съ ними. Это, вѣрно, идетъ школа. Они удивительно чисты. Многіе люди необыкновенно чисты и больше ничего. Это все, что можно про нихъ сказать. Половина тѣхъ людей, которыхъ я знаю, другой характеристики не имѣютъ. У нихъ только одинъ талантъ—они умѣютъ мыться. Вѣрно поэтому геніальные люди такъ рѣдко моются. Они боятся, что ихъ примутъ за талантливыхъ людей. Что произойдетъ, когда мы придемъ въ церковь? Всѣ встанутъ?

— Я надѣюсь, что всѣ вы сядете, чтобы слушать мой антифонъ,—сказалъ лордъ Реджи нервно.—Это будетъ гораздо лучше. Пожалуйста, сядьте! Лэди Локъ, вы обѣщаете мнѣ сѣсть? Люди слушаютъ гораздо внимательнѣе, когда они сидятъ. Стоя они все глядятъ по сторонамъ и думаютъ о томъ, какъ бы сѣсть.

— Точно такъ же какъ люди, которые просятъ васъ остаться, всегда надѣются, что вы уйдете,—сказала м-мъ Вальтези, бросая злобный взглядъ на Томми, который съ наслажденіемъ поднималъ ногами пыль.

— Я, конечно, сяду,—сказала лэди Локъ,—если вы этого хотите, но я могла бы такъ же внимательно слушать и стоя. Я надѣюсь, что Джимми Сендсъ хорошо выполнитъ свое маленькое соло, я буду все время волноваться, пока оно не кончится.

Лордъ Реджи посмотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ и даже съ минутной любовью. Никогда раньше она ему такъ не нравилась.

— Не смотрите на него, никто изъ васъ, пока онъ будетъ пѣть,—сказалъ Реджи,—а то онъ сейчасъ же повышаетъ тонъ. Это всегда съ нимъ дѣлается, я замѣтилъ.

— Какая жалость, что это не имѣетъ того же дѣйствія на всѣхъ насъ,—сказала м-мъ Вальтези.—Лондонъ сталъ бы необыкновенно блестящъ. Иногда я цѣлыми часами смотрю на людей, и они совсѣмъ не усвоивали отъ этого высшаго тона.

— Вотъ начинается перезвонъ,— сказала лэди Локъ. — Мы придемъ какъ разъ во-время.

Когда они дошли до кладбища, лордъ Реджи и Томми пошли кругомъ къ ризницѣ, а остальная компанія направилась къ главному входу среди общаго скрытаго волненія всѣхъ прихожанъ. Особенную сенсацію произвелъ Амаринтъ, но онъ всегда ожидалъ этого. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ составилъ себѣ имя, объявивши, что доволенъ экваторомъ и желаетъ дальнѣйшаго знакомства съ нимъ, о немъ всегда говорили. Чуть только общій интересъ къ нему нѣсколько охладѣвалъ, онъ писалъ неприличный разсказъ, или печаталъ эпиграмму въ одномъ томѣ, на бумагѣ ручной работы съ огромными полями, или ставилъ пьесу наполненную чужимъ остроуміемъ, или говорилъ что-нибудь скандальное о сѣверномъ полюсѣ. Онъ разрушилъ репутацію многихъ знаменитыхъ океановъ, всюду принятыхъ до него, и устыдилъ природу своими постоянными нападками. Въ эту минуту онъ держался на высотѣ зеленой гвоздикой, о которой писали всѣ газеты; когда она выйдетъ изъ моды, онъ собирался выпустить въ свѣтъ пересмотрѣнное изданіе Библіи, исключить изъ нея всѣ не артистичныя мѣста и сдѣлать къ нему посвященіе въ стихахъ м-ру Стеду, журналъ котораго, *Review of Reviews*, всегда поражалъ его какъ вещь только на одну степень болѣе комичная, чѣмъ книги м-съ Эдмы Лайаль или снотворныя фантазіи Оливеръ Шрейнеръ. Деревенскіе жители Ченкота разинули

рты на его зеленую гвоздику и курчавые волосы, и поученіе м-ра Смита, пробормотанное presto, было принято апатично.

Лорда Реджи и Томми совершенно не было видно за занавѣской, отдѣлявшей помѣщеніе органа, но присутствіе перваго и его волненіе обнаруживались странными передвиженіями Джимми Сендса, который безпрерывно бѣгалъ, весь красный, взадъ и впередъ между органомъ и своимъ мѣстомъ, получалъ инструкціи и шепотомъ передавалъ ихъ своимъ товарищамъ пѣвчимъ. Деревенскій органистъ былъ лишенъ своего высокаго званія на этотъ день, и лордъ Реджи всецѣло овладѣлъ органомъ. Это и обнаружилось во время службы постоянными смѣнами громкихъ аккордовъ тихими, полнымъ отсутствіемъ нотъ педалей и непрерывнымъ употребленіемъ *vox humana*, которое тянулось одной нотой во все время пѣнія псалмовъ, что сбивало пѣвцовъ и приводило въ крайнее изумленіе остальныхъ, непривычныхъ къ этому прихожанъ. Въ началѣ второго чтенія Библіи лордъ Реджи обнаружилъ тоже свое присутствіе исполненіемъ шумнаго и неожиданнаго obligato, которое совершенно заглушило начальный стихъ четвертой главы Евангелія Матѳея и заставило цвѣтныя окна на другомъ концѣ церкви задрожать такъ, какъ будто начиналось землетрясеніе и день страшнаго суда.

— Что онъ дѣлаетъ?—шептала м-мъ Вальтези Амаринту.— Это входитъ въ тридцать девять параграфовъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Эзмѣ,—онъ просто встаетъ. Какъ онъ поразителенъ!... Я во всю мою жизнь не слыхалъ ничего болѣе внушительнаго. Въ концѣ концовъ непреднамѣренное искусство— величайшее искусство. Такого эффекта нельзя достигнуть ничѣмъ кромѣ *impromptu*.

Антифонъ прошелъ довольно хорошо, хотя Джимми Сендсъ былъ нѣсколько вялъ, вѣроятно, потому, что никто изъ обитателей коттеджа не бросилъ на него ни малѣйшаго взгляда.

— На него очевидно необходимо было посмотрѣть,—сказала м-мъ Вальтези потомъ.—Но теперь ужъ этому не поможешь, въ другой разъ будемъ знать. Я, впрочемъ, нахожу, что вялое пѣніе придало антифону настоящій характеръ.

М-съ Виндзоръ благодарила м-ра Смита за его очаровательную маленькую обѣдню и сожалѣла вмѣстѣ съ нимъ, что онъ не могъ проговорить благословенія. Эту формальность невозможно было выполнить благодаря лорду Реджи, каторый забылъ о ней совсѣмъ и игралъ на органѣ все время послѣ аминя и предшествовавшей благословенію молитвы, и наконецъ вдругъ началъ громкую фугу Баха, исполняя ее безъ педальной части, какъ разъ въ то мгновеніе, когда пасторъ

рѣшился вставить слово въ промежутокъ сравнительной тишины, когда звучало соло Vox humana безъ аккомпанимента.

— Тѣмъ не менѣе,—сказала м-съ Виндзоръ,—это ничего не значитъ, одинъ разъ! Не стоитъ мучиться изъ-за такихъ пустяковъ сравнительно.

— Пусть онъ выпуститъ одно или два проклятія, когда будетъ служить комминаціонную обѣдню *), такъ одно другимъ и уравновѣсится,—сказала м-мъ Вальтези тихо Амаринту.

— Простота богослуженія была совсѣмъ очаровательна,—продолжала м-съ Виндзоръ благосклонно.—Все такъ подходило! Все было такъ прекрасно выбрано въ стилѣ! Ахъ, мистеръ Смитъ, хотя вы и священникъ, но я увѣрена, что у васъ артистическій темпераментъ.

— Я надѣюсь, что нѣтъ,—сказалъ м-ръ Смитъ серьезно,—я глубоко надѣюсь, что нѣтъ. Артистическій темпераментъ это—грѣхъ, противъ котораго надо упорно бороться и, если возможно, устранить его. Я замѣчаю, что въ наше время всякое совершаемое злодѣяніе извиняется темпераментомъ.

Когда онъ это сказалъ, они всѣ шли домой и проходили по общинному лугу. Лэди Локъ обратилась къ лорду Реджи, который шелъ рядомъ съ ней, все еще воспламененный своими упражненіями.

— Вы принадлежите къ тѣмъ, которые сотворили себѣ божество изъ своего темперамента?—сказала она.—Мнѣ кажется, что слова м-ра Смита отчасти справедливы.

— Я думаю, что нашъ темпераментъ долженъ быть, конечно, нашимъ вожакомъ въ жизни,—отвѣчалъ онъ.

— Слѣпой ведущій слѣпца.

— Быть слѣпымъ великолѣпно. Тотъ, кто видитъ, избѣгаетъ какъ разъ тѣ вещи, которыя доставили бы ему наибольшее удовольствіе. Эзме говоритъ, что умѣть дать руководить собою—искусство болѣе высокое, чѣмъ умѣть самому руководить другого.

— Я не интересуюсь мнѣніями м-ра Амаринта,—отвѣтила она тихо.—Его мнѣнія сводятся къ его эпиграммамъ. Его поступки заключаются въ томъ, что онъ, разговаривая, заставляетъ другихъ говорить о себѣ. Еслибъ ему пришлось молчать, онъ пересталъ бы жить.

---

*) Особая служба, во время которой читаются отрывки св. Писанія, выражающіе Божій гнѣвъ и проклятіе.

— Вы не знаете Эзмѣ, совсѣмъ не знаете!

— А вы знаете его слишкомъ хорошо,—отвѣтила она.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

XIII.

Воскресный день всегда носитъ особый характеръ. Даже нерелигіозные люди, принципы которыхъ не обязываютъ ихъ дремать, или прогуляться разъ въ недѣлю, или написать ненужное письмо въ Новую Зеландію,—почему это ненужныя письма въ Новую Зеландію непремѣнно пишутся въ воскресенье? — даже нерелигіозные люди находятся обыкновенно въ день отдыха въ особомъ расположеніи духа. Они чувствуютъ себя иначе, чѣмъ въ будни. Всюду распространяется особая атмосфера правовѣрія, которая дѣйствуетъ и на нихъ. Возможно, что благодаря этому они чувствуютъ себя особенно не правовѣрными, но дѣйствіе это существуетъ. Въ деревнѣ и особенно лѣтомъ, воскресный день накладываетъ особыя чары на каждаго. Онъ охватываетъ головы и всѣ подпадаютъ подъ его странное вліяніе, противъ воли, становятся непохожими на самихъ себя. Степенные люди дѣлаются игривы, веселые люди часто ложатся спать чуть не со слезами. Простая, отъ души веселая дѣвушка чувствуетъ себя непріятно обузданной какой-то невидимой силой, а простой глуповатый малый боится надѣлать глупостей, впадаетъ въ апоплектическое состояніе и сидитъ неподвижно, опустивши голову на жилетъ, ни о чемъ не думая. Лѣнь стоитъ въ воздухѣ, и какая-то декоративная нескладность охватываетъ человѣчество. Въ общественной атмосферѣ чувствуется какъ-бы приближеніе грозы. Отдыхъ не вполнѣ натуралъ. Люди съ высокимъ положеніемъ, которымъ есть съ чего спуститься, чувствуютъ потребность подражать злополучнымъ мужикамъ, расхаживать по полямъ, сосать соломинки и обнимать за талію дѣвушекъ. Лицъ, лишенныхъ музыкальности, одолѣваетъ желаніемъ свистѣть, а настоящій пѣвецъ чувствуетъ, что нѣмъ какъ дерево. Завтракъ заполоняетъ сознаніе, а ожиданіе чая до того захватываетъ умъ, что вызываетъ подозрѣніе въ неестественной жадности. Собаки храпятъ громче обыкновеннаго, а человѣкъ, завѣдомо страдающій безсонницей, спитъ такъ непристойно крѣпко, какъ не спала никогда знаменитая красавица волшебной сказки. Воскресенье несомнѣнно выбиваетъ міръ изъ обычной колеи и въ этомъ заключается его главная мірская прелесть. Хорошо быть выбитымъ изъ колеи хоть одинъ разъ въ недѣлю.

Воскресный день не пощадилъ и общество, собравшееся въ коттеджѣ, и всякій наблюдательный человѣкъ могъ бы легко въ этомъ убѣдиться, войдя въ красивый, тѣнистый садъ съ аллеями изъ розъ и красивыми тиссовыми деревьями, подстриженными такъ причудливо. М-мъ Вальтези, напримѣръ, вязала,—вещь, которую она не дѣлала съ незапамятныхъ временъ. М-съ Виндзоръ расхаживала въ садовыхъ перчаткахъ съ перочиннымъ ножикомъ и ножницами и портила цвѣточныя клумбы съ такимъ видомъ, будто выполняла священный долгъ и была полна сознанія своей отвѣтственности. М-ръ Амаринтъ читалъ газету, какъ женатый человѣкъ; а лордъ Реджи лежалъ въ гамакѣ и старался убивать мухъ, ударяя въ ладоши. Лэди Локъ находилась въ домѣ и писала ненужное письмо въ Новую Зеландію, о чемъ было уже упомянуто; а Томми, до слезъ утомленный завтракомъ, легъ спать, и ему снились черные тараканы.

Да, несомнѣнно, то былъ воскресный день!

Погода стояла жаркая и томительная, пчелы жужжали не переставая. Бунгъ занимался разслѣдованіемъ угольной кучи, очевидно, подъ вліяніемъ той мысли, что какія-нибудь сокровища могутъ скрываться въ ея нѣдрахъ. Разговоръ умолкъ. М-мъ Вальтези двигала спицами, лорду Реджи не удавалось убивать мухъ, Амаринтъ не понималъ направленія передовыхъ статей. Субботній духъ обнаруживался, а субботній духъ граничитъ съ тупостью. Звонъ колоколовъ, призывавшихъ къ вечерней службѣ, прозвучалъ въ тихомъ воздухѣ и умолкъ, но никто не двинулся. Любовь къ сельской простотѣ въ соединеніи съ религіей, очевидно, отживала свое время. Молчаніе царствовало, и время чая приближалось медленно. Амаринтъ, прочитавъ всѣ объявленія на послѣдней страницѣ своей газеты, медленно отложилъ ее въ сторону и посмотрѣлъ кругомъ съ смѣшнымъ выраженіемъ лица человѣка, который подавляетъ начавшійся зѣвокъ. Онъ посмотрѣлъ на м-съ Виндзоръ, занятую разрушительнымъ садоводствомъ, на лорда Реджи въ гамакѣ и на м-мъ Вальтези, передвигавшую спицы на своемъ низенькомъ стулѣ. Онъ вздохнулъ и заговорилъ:

— Газеты ужасно раздражаютъ,—сказалъ онъ.—Я бы хотѣлъ знать, на что похожъ журналистъ. Я всегда представляю себѣ, что это человѣкъ съ большой головой; знаете, съ большой потому, что она не содержитъ въ себѣ ровно ничего.

— Я думалъ, что журналисты это люди, которые продаютъ газеты на углахъ,—сказалъ Реджи.

— О, не воображайте себѣ, что они такъ живописны,—ска-

залъ Эзме́, снова подавляя зѣвокъ.—М-мъ Вальтези, вы должны ихъ знать, вы всегда бываете въ театрѣ, а люди, которые бываютъ въ театрахъ, знаютъ журналистовъ. Это у нихъ въ крови.

— Развѣ я могу разговаривать,—отвѣчала она.—Развѣ вы не видите, что я вяжу?

— Не понимаю, почему это мы по воскресеньямъ всегда предаемся занятіямъ, которыхъ не любимъ. Я не читалъ газетъ цѣлый годъ. Когда не открываешь ни одной газеты, то гораздо больше знаешь о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Я разъ написалъ статью для газеты, но это было тогда, когда я еще не зналъ Сала. Съ тѣхъ поръ какъ я съ нимъ познакомился, меня преслѣдуетъ страхъ, что напиши я еще одну статью, я стану похожъ на него. Онъ непремѣнно жилъ въ Мексикѣ. Его стиль положительно мексиканскій. Я встрѣтился съ нимъ разъ на обѣдѣ и какъ только я собирался ѣсть, онъ начиналъ разсказывать вещи, которыхъ я раньше не зналъ. Потомъ, въ гостиной, онъ читалъ лекцію. Теперь я забылъ, о чемъ онъ читалъ, только, кажется, «Яйца, которыя я зналъ». Онъ зналъ много. Это было очень поучительно и неинтересно. Онъ, кажется, говорилъ, что взялъ привилегію. Какъ это берутъ привилегію на лекцію?

— Эзме́, вы говорите глупости!—объявила м-мъ Вальтези, вывязывая двѣ петли съ видомъ преднамѣренности.

— Я надѣюсь. Люди, которые говорятъ умныя вещи, похожи на людей разбивающихъ камни на дорогѣ—они покроютъ васъ пылью и осколками. Что это дѣлаетъ м-съ Виндзоръ?

— Ищетъ слизняковъ,—сказалъ Реджи.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ ихъ убить.

— Какой ужасъ! Они ведутъ такую чудную жизнь среди розъ. Давайте говорить объ религіи. Ахъ, вотъ и лэди Локъ, мы только-что хотѣли начать говорить о религіи.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказала она, приближаясь медленно. Она опять приняла нѣсколько колоніальный видъ послѣ окончанія своей работы.—Развѣ вы что-нибудь знаете объ этомъ предметѣ?

— Ничего. Потому-то я и желаю о немъ говорить. Яркое невѣжество такъ артистично.

— Это слишкомъ обыденно, чтобы быть артистичнымъ,—сказала м-мъ Вальтези.—Невѣжественные люди всегда ярки, точно такъ же какъ истинно умные люди никогда не носятъ очковъ. Носить очки это самая старомодная позировка мнѣ извѣстная. Удивляюсь, какъ это нѣмцы все держатся этого обычая.

— Нація, которая держится за свою армію, будетъ держаться за что бы то ни было,—сказалъ Эзмѣ.—Нѣмцы всегда говорятъ объ иностранной политикѣ и о національномъ пивѣ. О! м-съ Виндзоръ только что сохранила жизнь одному слизняку. Я вижу, какъ она снимаетъ перчатки, стараясь не казаться великодушной. М-съ Виндзоръ, скоро будетъ чай?—прибавилъ онъ, когда она подошла, слегка раскраснѣвшись отъ моціона.—Я это спрашиваю только потому, что совсѣмъ не хочу пить. Чай—это одна изъ тѣхъ очаровательныхъ вещей, которыми пользуешься именно потому, что онѣ совсѣмъ ненужны. За это мы его такъ страстно любимъ. Онъ, какъ смерть, безусловно ненуженъ.

— Я нашла много слизняковъ,—торжествуя отвѣчала она,—но я не могу ихъ убивать. Они такъ быстро двигаются, по крайней мѣрѣ отъ испуга. Вы этому ни за что не повѣрите. Я только что напала на одного подъ листомъ, а онъ соскочилъ точно человѣкъ, котораго вдругъ разбудили. Сразу упалъ съ листа. Такъ я его и не нашла потомъ!

— Въ такомъ случаѣ у слизняковъ есть нервы,—сказалъ Реджи, вставая съ гамака,—и они такъ же напрягаются у нихъ, какъ у людей отъ переутомленія. Подумайте только, нервный слизнякъ! Въ самой этой мысли есть что-то волшебное. Слизнякъ, который испугался собственной тѣни. Вотъ и чай! Ахъ, да, мистрисъ Виндзоръ, а гдѣ палатки, приготовленныя назавтра для школьнаго праздника?

— Тамъ, на концѣ лужайки для крокета. М-ръ Смитъ говоритъ, что дѣти страшно волнуются по этому поводу. Эзмѣ, вы должны сказать дѣтямъ рѣчь передъ тѣмъ, какъ они споютъ свой прощальный гимнъ. Они всегда кончаютъ гимномъ, м-ръ Смитъ находитъ, что это ихъ успокаиваетъ.

— Я бы желалъ знать, можетъ ли пѣніе гимна успокоить меня, когда я волнуюсь,—сказалъ Эзмѣ.

— А вы когда-нибудь волнуетесь?—спросила лэди Локъ.

— Иногда, когда я придумалъ совершеннѣйшій изъ парадоксовъ. Совершеннѣйшій парадоксъ—великая вещь. Тогда себя чувствуешь опекуномъ. Вы понимаете это ощущеніе? Вы чувствовали себя когда-нибудь опекуномъ?

— Я не думаю,—сказала лэди Локъ, смѣясь.

— Въ такомъ случаѣ, дорогая лэди, вы еще никогда не жили по-настоящему. Завтра я буду чувствовать себя опекуномъ, потому что я собираюсь выдумать удивительные, свѣтлые парадоксы для дѣтей, парадоксы, похожіе на раннія капли росы, освѣщенныя

солнцемъ. М-съ Виндзоръ, я буду говорить дѣтямъ объ искусствѣ безумствъ, объ удивительномъ искусствѣ дѣлать глупости красиво. Когда они устанутъ отъ игръ и граціозной аркадской рѣзвости, соберите ихъ въ свободную группу подъ этимъ кедровымъ деревомъ, и пока нелѣпое солнце будетъ заходить, стараясь, какъ всегда въ деревнѣ, подражать картинамъ Тёрнера позднѣйшаго періода, я буду говорить имъ удивительныя слова, со страннымъ, тонкимъ значеніемъ, слова, которыя они легко позабудутъ. Только тѣ слова стóитъ говорить, которыя мы забываемъ, и тѣ вещи стóитъ дѣлать, которыя удивляютъ свѣтъ!

— Свѣтъ удивляется почти всему,—сказалъ лордъ Реджи.— Онъ удивлялся, когда Марго Теннентъ вышла замужъ только за министра внутреннихъ дѣлъ! Свѣтъ, который могъ удивляться этому, можно удивить чѣмъ угодно. Свѣтъ удивляется Эзмѣ, потому что онъ не умѣетъ дѣлать каламбуровъ и потому что онъ осмѣливается показать французамъ, что̀ можно сдѣлать изъ драмы. Свѣтъ удивляется мнѣ потому, что я никогда не бываю у Гёрлингама и потому что никогда не читаю трактатовъ м-съ Гёмфрей Уардъ. Свѣтъ удивляется даже, когда оказывается, что Гладстонъ родился въ разныхъ мѣстахъ въ одно и то же время—какъ будто онъ родился въ разныя времена!—и когда Золя вдругъ оказывается до гадости пристойнымъ. Когда же свѣтъ не удивляется?

— Всякій видъ добродѣтели удивляетъ свѣтъ,—сказала м-мъ Вальтези.—Однажды я сдѣлала доброе дѣло. Когда я была очень молода, я вышла замужъ за единственнаго человѣка, который меня не любилъ. Я считала, что его слѣдуетъ обратить. Всѣ мои знакомые были поражены.

— Если свѣтъ удивляется, видя хорошій поступокъ,—сказала лэди Локъ,—въ этомъ мы сами виноваты. Мы пріучили его къ этому.

— Для меня нѣтъ ничего мучительнѣе, какъ открыть добродѣтель въ человѣкѣ, у котораго я прежде не заподозривалъ ея существованія,—сказалъ Эзмѣ, ставя чашку съ граціознымъ жестомъ отреченія.—Это все равно, что найти иголку въ комкѣ сѣна Она колется. Когда у насъ есть добродѣтели, мы должны предупреждать людей отъ нихъ. Я зналъ одну женщину, которая умерла потому, что нашла живую мышь въ карманѣ своего платья. Живая добродѣтель похожа на живую мышь. Право, сюрпризы добродѣтели гораздо сильнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ сюрпризы порока. Мы никогда не удивляемся, что кто-нибудь кончилъ дурнымъ, но кто мо-

жетъ измѣрить глубину нашего изумленія, когда мы должны признать, что кто-нибудь обратился къ добру?

— Я ненавижу добродѣтельнаго мужчину,—сказала м-мъ Вальтези съ нѣкоторымъ достоинствомъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ слѣдовало бы всегда водить его съ собою на веревочкѣ,—сказалъ Эзмѣ.—Это великолѣпно имѣть постоянно около себя того, кого можно ненавидѣть. Это все равно, что провести день среди урагана или родиться сиротой. Я зналъ одного человѣка, который родился сиротой. Онъ былъ настолько счастливъ, что никогда не испыталъ нѣжной заботы матери и покровительственной тревоги отца. Въ немъ было что-то великое, величіе человѣка, не знавшаго безпокойствъ. Отчего мы всѣ не родились сиротами?

— Я могу сказать, что это жаль,—сонно сказала м-съ Виндворъ.—Это избавило бы нашихъ родителей отъ цѣлой кучи заботъ.

— А нашихъ дѣтей отъ безпокойства,—прибавилъ Эзмѣ.—У меня два сына и ихъ неловкость по поводу моего прошлаго родственна той неловкости, которую я чувствую при мысли о ихъ будущемъ. Я боюсь, что они будутъ хорошіе мальчики. Они любятъ крикетъ и чувствуютъ отвращеніе къ поэзіи. Англичане считаютъ, что это добродѣтель въ мальчикахъ.

— А что они считаютъ добродѣтелью въ дѣвушкѣ?—спросила лэди Локъ.

— О, дѣвушки всегда добродѣтельны, пока не выйдутъ замужъ,—сказала м-мъ Вальтези.—А потомъ считается, что это все равно.

— Англійскія дѣвушки,—сказалъ Эзмѣ,—похожи на деревенское масло: онѣ всегда свѣжи. Это все, что можно о нихъ сказать.

— И это очень много,—отвѣтила лэди Локъ.

— Не думаю,—сказалъ лордъ Реджи.—Всякая вещь хороша только тогда, когда она чуточку *faisandée*. Свѣжая душа—почти не душа. Ощущенія даютъ сѣмена лѣсу, глубину и достоинство картинѣ. Нѣтъ худшаго плода, какъ плодъ, на которомъ еще остались слѣды цвѣтка.

— Да,—сказалъ Эзмѣ,—лицо должно быть молодо, но душа—стара. Лицо не должно ничего знать, душа—все. Тогда является привлекательность.

— Можетъ быть, дурная привлекательность,—сказала лэди Локъ.

— Привлекательность—искусство. А въ искусствѣ я не признаю ни добра, ни зла,—отвѣчалъ Эзмѣ.—У насъ въ Англіи нѣтъ

искусства именно потому, что мы дѣлаемъ различіе между добромъ и зломъ. Въ Глазговѣ думаютъ, что стыдно быть голымъ; а между тѣмъ даже въ Библіи сказано, что идеальное состояніе—быть нагимъ и безъ стыда; а такъ какъ Глазговъ находится въ Шотландіи, то онъ естественно даетъ направленіе Англіи. У насъ нѣтъ искусства. У насъ есть Королевская академія, замѣчательная своею плохой *cuisine*, да прической своего благонамѣреннаго президента. Наши артисты, какъ они сами себя величаютъ, похожи на Гренѣ Аллена *), когда они пишутъ плохія вещи, они говорятъ, что дѣлаютъ это «для хлѣба». Имъ ужасно нравится это выраженіе, оно прикрываетъ всѣ прорѣхи. Это бездарности и они сами это признаютъ, но бездарность свою возводятъ въ добродѣтель, указывая на борьбу за существованіе, какъ на Молоха, который вѣчно требуетъ, чтобы геній былъ принесенъ въ жертву. И люди вѣрятъ этому маскараду! Но что пользы говорить о томъ, чего не существуетъ. Въ Англіи нѣтъ того, что называется искусствомъ.

— Давайте говорить о новомъ романѣ,—сказала м-мъ Вальтези.—Къ несчастью я его не читала. Мнѣ говорили, что онъ полонъ непристойныхъ эпиграммъ и не имѣетъ и признака завязки, какъ и жизнь!

— Мнѣ кто-то сказалъ на этихъ дняхъ, что жизнь похожа на французскій фарсъ,—заявила м-съ Виндзоръ,—она полна неожиданностей.

— Надѣюсь не всѣхъ неожиданностей французскаго фарса,—сказала м-мъ Вальтези.—Эзмѣ, я совсѣмъ одеревенѣла отъ долгаго вязанія. Отведите меня въ гостиную и спойте мнѣ французскую пѣсню. Постараемся забыть Англію.

— Лэди Локъ, хотите погулять по тиссовой аллеѣ?—спросилъ Реджи.—Я вижу, что м-съ Виндзоръ старается читать *Monsieur, madame et Bévé*! Она всегда читаетъ это по воскресеньямъ.

Лэди Локъ согласилась.

XIV.

Когда въ воскресенье лордъ Реджи пригласилъ лэди Локъ гулять въ тиссовую аллею, онъ твердо рѣшилъ тогда же сдѣлать ей предложеніе. Ему казалось, что для признанія воскресенье—очень подходящій день, что оно придастъ его словамъ надлежащую торжественность. Но разговоръ сразу сдѣлался неподходящимъ, какъ

*) Авторъ романа *The woman who dit* и естественно-научныхъ сочиненій.

часто бываетъ съ разговорами, и принялъ направленіе, не имѣвшее ничего общаго съ женитьбой. Цѣлымъ рядомъ талантливыхъ модуляцій лордъ Реджи могъ бы несомнѣнно войти въ тотъ тонъ, въ которомъ ему хотѣлось спѣть свою пѣснь любви, но день былъ слишкомъ душный для усилій, и они разговаривали о вліяніи искусства на природу, объ его антифонѣ, пока не настало время одѣваться къ обѣду.

Лэди Локъ была женщина, и поэтому, конечно, отгадала намѣреніе своего собесѣдника; ее даже, можетъ быть, забавляло слегка, что онъ не смогъ его выполнить. Но она этого ничѣмъ не показала и удалилась въ свою комнату, не обнаруживая ни разочарованія, ни удовольствія. Она знала, что̀ лордъ Реджи сдѣлаетъ ей роковой вопросъ и уже твердо рѣшила, что̀ ему отвѣтить.

Она чувствовала странную нѣжность къ этому усталому, не натуральному юношѣ, который казался ей какимъ-то искаженнымъ, точно египетскій калѣка, ползущій вдоль песчаной дороги на рукахъ, потому что ноги у него къ шеѣ привязаны. Три или четыре дня тому назадъ она серьезно думала, что сказать ему, если онъ предложитъ ей навсегда связать ея жизнь съ его жизнью. Материнское чувство приближалось къ чему-то другому и совершенно иному, и когда однажды онъ небрежно прикоснулся къ ея рукѣ, она почувствовала біеніе сердца мучительно сильное. Но рядъ мелкихъ фактовъ какъ звенья сковались въ новую цѣпь, которая удерживала ее отъ безумнаго поступка. Хотя она ясно этого не сознавала, подслушанный ею разговоръ между лордомъ Реджи и Томми опредѣлилъ ея рѣшеніе отказать Реджи. Это открыло ей глаза, сразу показало, какое вліяніе можетъ имѣть простое желаніе порисоваться на тѣхъ, кто не рисуется. Ея материнское сердце запылало гнѣвомъ при мысли, что Томми, сынъ ея умершаго воина, можетъ сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ она окрестила именемъ «современныхъ», и пока сердце пылало, разумъ рѣшалъ безъ ея вѣдома. Ей все еще казалось, что лордъ Реджи просто капризный poseur, укушенный тарантуломъ подражанія, который всегда подстерегаетъ слабыя натуры. Ей все еще казалось именно то, на что она надѣялась. Но неувѣренность укрѣпляла рѣшеніе, и она не намѣрена была принять имя лэди Реджи Гастингсъ. И все-таки ей хотѣлось, чтобы лордъ Реджи сдѣлалъ предложеніе. Онъ ей такъ нравился, что совсѣмъ по-женски она не могла отказать себѣ въ удовольствіи видѣть, какъ онъ будетъ притворяться, что любитъ ее,—она предполагала, что онъ сочтетъ нужнымъ хоть притвориться въ этомъ. Кромѣ того, его предложеніе дастъ ей по-

водъ сказать ему нѣкоторыя вещи, прочитать ему то дружеское наставленіе, которое давно уже сложилось въ ея головѣ.

Нѣжныя женщины любятъ читать наставленія тѣмъ, которые имъ нравятся; лордъ Реджи очень нравился лэди Локъ, и ей сильно хотѣлось имѣть возможность сказать ему объ этомъ.

Но въ этотъ вечеръ онъ ничего не сказалъ, и ей пришлось ждать. Погода, относившаяся все время съ утонченной вѣжливостью къ суррейской недѣлѣ, была еще въ хорошемъ расположеніи духа, когда наступило утро понедѣльника, и въ саду разставили палатки для школьныхъ дѣтей, устроили тетку Селліасъ и другія развлеченія. Эзмѣ Амаринтъ провелъ все утро, обдумывая свою рѣчь и придумывая блѣдные парадоксы, остальные гости «Убѣжища» не дѣлали ничего съ тою покойной увѣренностью, которая, кажется, прирожденной англійской расѣ.

Въ четыре часа изъ пыльной дали раздалось вожделѣнное пѣніе и возвѣстило о приближеніи ожидаемыхъ гостей. Подъ управленіемъ м-ра Смидта, они выражали свои юныя чувства, ожиданіе и волненіе, торжественнымъ гимномъ, слова котораго соотвѣтствовали нѣкоей церковной доктринѣ, а напѣвъ походилъ на мелодіи Гуно, преисполненныя любовной скорби. М-ръ Амаринтъ нашелъ, что гимнъ этотъ звучитъ какъ французское обращеніе къ парижскому Эроту, съ примѣсью любовной музыки Ковентъ-Гардена..

М-съ Виндзоръ встрѣтила гостей съ обычной граціей, и общій поклонъ, которымъ она ихъ удостоила, могъ бы относится ко всѣмъ національнымъ школамъ королевства, такъ онъ былъ широкъ и безличенъ. Она произвела на дѣтей очень сильное впечатлѣніе, а м-мъ Вальтези перепугала ихъ той каменной и сфинксо-подобной важностью, съ которой она принялась разсматривать ихъ въ свой черепаховый лорнетъ. Учителя руководили играми, въ которыхъ приняли живое участіе также лэди Локъ, Томми и лордъ Реджи. Послѣ чая, проглоченнаго съ восторгомъ въ самой большой палаткѣ, м-ръ Смитъ роздалъ маленькіе подарки всѣмъ дѣтямъ, которыя совсѣмъ размякли отъ усилія скрыть свое счастье въ присутствіи «господъ». Пасторъ ушелъ,—ему надо было навѣстить больного прихожанина. Солнце, очевидно, начинало подражать картинамъ Тёрнера позднѣйшаго періода, и м-съ Виндзоръ распорядилась, чтобы дѣтей собрали на лужайкѣ подъ кедровымъ деревомъ, гдѣ они должны были слушать обѣщанную Эзмѣ Амаринтомъ рѣчь.

Весь садъ представлялъ собою въ эту минуту очень интерес-

ную картину. Солнце, какъ я уже сказалъ, склонялось къ западу, сильно напоминая сцену театра Лайсіумъ послѣ многихъ репетицій съ опытнымъ театральнымъ техникомъ. Чудовищныя тиссовыя деревья отбрасывали свои странныя тѣни на гладкія, бархатистыя лужайки. Воздухъ отяжелѣлъ отъ запаха цвѣтовъ. По яркой желтизнѣ неба тянулась черная лента грачей, медленно возвращавшихся къ любимымъ деревьямъ. Подъ раскидистыми вѣтвями кедра стояла пестрая группа раскраснѣвшихся и воспріимчивыхъ дѣтей подъ охраной степенныхъ учителей, а передъ ними сидѣлъ Бунгъ и радостно дышалъ съ высунутымъ на бокъ языкомъ, свѣсившимся почти до земли. Вокругъ, на удобныхъ садовыхъ креслахъ, расположились м-съ Виндзоръ, м-мъ Вальтези, лэди Локъ, лордъ Реджи, а Томми въ широкой бѣлой матросской блузѣ прыгалъ съ мѣста на мѣсто, сіяя отъ удовольствія. Центромъ картины была фигура Эзмѣ Амаринта, который стоялъ, опираясь на трость чернаго дерева съ серебрянымъ набалдашникомъ и глядѣлъ на своихъ слушателей съ той особой улыбкой, полной самодовольства, которая была такъ характерна для его крупнаго лица.

Передъ началомъ рѣчи м-съ Виндзоръ подпорхнула къ нему и прошептала ему на ухо:

— Не дѣлайте никакихъ классическимъ намёковъ, пожалуйста, Эзмѣ! Я обѣщала м-ру Смиту, что ничего подобнаго не будетъ. Онъ считаетъ, что классическіе намеки вредны для нравственности. Онъ, конечно, не правъ,—добродѣтельные люди всегда неправы,—но намъ слѣдуетъ угодить ему, потому что онъ все-таки пасторъ, знаете!

Эзмѣ согласился съ ней, благосклонно кивнувъ своей курчавой головой, и началъ говорить чистымъ, спокойнымъ голосомъ:

«Искусство безумства, — сказалъ онъ, — другими словами, искусство сознательно и красиво безумничать—было до нѣкоторой степени распространено во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, начиная съ блѣдной, ясной зари творенія, когда, какъ сказано, человѣкъ Адамъ въ дивной наготѣ, въ полномъ совершенствѣ, проходилъ по совершеннымъ садамъ Эдема, до золотого полудня этого девятнадцатаго столѣтія, въ которомъ мы такъ утонченно живемъ и такъ утонченно страдаемъ. Всегда, во всѣ протекшія времена, душа человѣка въ нѣкоторой слабой степени жаждала безумства, какъ природа жаждетъ искусства и какъ старикъ и ученый жаждетъ удивительнаго незнанія, сокрытаго въ пурпурномъ переплетѣ страстной книги юности. Всегда на свѣтѣ были

серьезные мужчины и серьезныя женщины, которыя со священной мудростью стремились достигнуть высшихъ формъ безумства, старались упорно и различными путями измѣрить фіолетовыя океановы бездны, гдѣ души избранныхъ рѣютъ отъ вѣка до вѣка. Но хотя съ утра міра существовали серьезные искатели ложнаго, стремленіе къ невѣжеству никогда не обнаруживалось съ такимъ упорствомъ, съ такой милой неразсудительностью, какъ въ наши дни. Мы начинаемъ, только начинаемъ, понимать основы дивнаго искусства безумства»!

Эзмѣ переложилъ свою черную палку изъ одной руки въ другую и посмотрѣлъ на Реджи съ тонкою улыбкой, выражавшей самоодобреніе. Послѣ чего онъ продолжалъ не откашливаясь:

«Тѣмъ не менѣе умъ человѣка съ поэтическою настойчивостью придерживался нѣкоторыхъ заблужденій, которыя препятствовали настоящему прогрессу безумства, ужасно мѣшали эволюціи безпорядка изъ порядка и неразумности изъ разума. Я приведу лишь немногіе примѣры. Изъ столѣтія въ столѣтіе темныя существа, которыхъ называютъ философами, мудрецами, мыслителями, говорили намъ, что дѣти должны повиноваться родителямъ, что старики должны руководить молодежь, что природа—мать красоты, что мудрость родственна настоящему величію. Изъ столѣтія въ столѣтіе въ насъ вкоренилось вредное представленіе, что мы найдемъ душевный миръ въ самоотреченіи и рогъ изобилія въ голодной смерти. Люди жили для молчанія, а жить надо для слова; люди зажимали уши, чтобы не слышать обольстительный призывъ безумства; люди сходили въ могилу и уносили съ собою дивныя нелѣпости недосказанныя, невыраженныя, не повліявшія на дикоблагоразумныхъ людей, которые ихъ окружали со всѣхъ сторонъ. Искусство безумія топталось ногами большинствомъ, а пока бѣдное разсудительное человѣчество приносило жертвы собственности, приличію, здравому смыслу и тысячѣ другихъ уродливыхъ идоловъ, одно имя которыхъ рѣжетъ ухо какъ однообразный, рѣзкій диссонансъ пѣнія соловьевъ, терзающихъ насъ своими переливами около середины мая, — одно названіе которыхъ, написанное на гладкой бумагѣ или, что дѣлалось прежде, на восковой пластинкѣ инструментомъ изъ слоновой кости, уже непріятно глазу, какъ грубо-яркій цвѣтъ Атлантическаго океана, или невообразимое уродство яснаго лѣтняго дня въ Средней Англіи. Но наконецъ зародилась надежда на лучшее, первый рдянецъ великолѣпной зари на облачномъ до сихъ поръ небѣ. Съ востока поднялась звѣзда съ алыми губами, чтобы свести мудрыхъ съ узкаго прямого пути,

вдоль котораго они брели такъ долго. Я вѣрю, я съ трепетомъ осмѣливаюсь вѣрить, что ясная заря несдержаннаго безумства восходитъ надъ современнымъ міромъ, и потому говорю съ вами, прелестные розовые дѣти, и прошу васъ чтить свою юность и свои удивительныя способности къ дурачеству. Только въ юности, только въ нѣжной, прелестной юности мы можемъ освоиться съ основами великолѣпнаго искусства безумства. Когда мы стары, мы такъ отвратительно обросли мохомъ мудрости и опыта, заскорузли отъ мысли, обвѣяны вѣтрами знанія, что намъ остается только учить. Мы утратили тогда способность учиться, что неизмѣнно случается со всѣми учителями».

Въ этомъ мѣстѣ рѣчи Эзмѣ лицо національнаго школьнаго учителя, сѣдого человѣка, скорѣе довольнаго своей мудростью, чѣмъ мудраго въ своей мысли, стало измѣняться; на немъ, какъ картины волшебнаго фонаря, безпрерывно появлялись различныя выраженія, которыя всѣ указывали на большую неловкость и негодованіе. Онъ украдкой посматривалъ кругомъ, пристально и недовѣрчиво останавливалъ взглядъ на дамахъ, переминался съ ноги на ногу, какъ мальчикъ, котораго отчитываютъ. Эзмѣ наблюдалъ за его безпокойствомъ съ видимымъ удовольствіемъ.

«Люди учатъ другихъ, чтобы скрыть свое невѣжество, какъ улыбаются, чтобы скрыть слезы или порокъ и слишкомъ часто для того, чтобъ отвлечь пытливую наблюдательность отъ обширности и стойкости своей добродѣтели. Люди великолѣпнаго поколѣнія упадка учатся дѣлать вещи для самихъ себя, а не для м-съ Грёнди, которая скоро будетъ сидѣть одна одинёшенька въ неряшливомъ безпорядкѣ—покровительница, отчужденная отъ воспитанницы, безнадежный затхлый вожакъ заранѣе потеряннаго скомпрометированнаго дѣла. Да, мудрость почти отжила свои дни, и звѣзды начинаютъ мерцать на фіолетовомъ небѣ безумства.

«Не всѣмъ намъ дано, увы! безумствовать по-настоящему. Для тысячъ и тысячъ изъ насъ традиціи послѣдовательныхъ годовъ сдѣлали мудрость наслѣдственною привычкой; такъ что даже мое разрушительное вліяніе, вліяніе лорда Реджинальда, — здѣсь онъ указалъ на Реджи своею пухлою бѣлою рукой,—и нѣкоторыхъ другихъ, очень немногихъ, въ числѣ которыхъ назову Оскара Уальда, не могло до сихъ поръ вырвать это зачумленное растеніе изъ твердо держащей его почвы человѣчества. Дребедень, которая годилась для нашихъ смѣшныхъ отцовъ, все еще годится для многихъ изъ насъ. Мы все еще довольствуемся старыми добродѣтелями и боимся новыхъ пороковъ. Мы все еще боимся ухватиться за свѣ-

тящіяся руки безумства и потопить свои добрые порывы въ глубинѣ его обворожительныхъ глазъ. Но многіе изъ насъ сравнительно стары, и, вѣрьте мнѣ, старшіе быстро теряютъ божественное могущество способности неповиновенія. Будь то мое первое слово вамъ, дѣти, я бы сказалъ: учитесь неповиноваться. Умѣть неповиноваться—значитъ умѣть жить!»

Въ этомъ мѣстѣ національный школьный учитель съ внезапной яростью поставилъ ногу въ первую позицію и рѣзко кашлянулъ, выразивъ тѣмъ свое живое и невысказанное волненіе. Эзмѣ показалъ, что онъ слышалъ этотъ звукъ, слегка возвысивъ голосъ:

«Учитесь, — сказалъ онъ, — неповиноваться холодному голосу разсудка. Разсудокъ дѣйствуетъ на жизнь, какъ дыханіе мороза дѣйствуетъ на воду и сковываетъ игривыя струйки всего ненормальнаго съ промерзлою ледяною полосой нормальнаго. Всего того, что нормально, надо тщательно избѣгать. Вотъ чему современный ученикъ будетъ въ будущемъ учить своего старомоднаго учителя. Вотъ что вы можете, если у васъ хватитъ смѣлости, внушить пасторамъ и учителямъ, которые должны научиться обращаться къ вамъ за руководствомъ».

Необыкновенное душевное безпокойство обнаруживалось теперь въ тѣхъ фантастическихъ позахъ, которыя принимали всѣ учителя; они начали изворачивать ступни внутрь, дѣлать странные знаки пальцами и всѣми способами выражали другъ другу страшныя предчувствія людей, власть которыхъ ускользаетъ отъ нихъ.

«До сихъ поръ управленіе міромъ составляло привилегію возраста. Въ благословенной эрѣ безумства привилегія эта будетъ отдана молодости. Поэтому не забывайте никогда быть молодыми, молодыми, если возможно, сознательно безумничать.

Лица дѣтей выражали теперь умное пониманіе и согласіе съ этимъ положеніемъ, а лицо Эзмѣ распустилось въ спокойной улыбкѣ.

«Очень трудно быть молодымъ, особенно до тридцати лѣтъ,— продолжалъ онъ,—и очень трудно быть по-настоящему безумнымъ до какого бы то ни было возраста; но отчаиваться не надо. Геній— это есть искусство не обременять себя работой, и геній встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ это думаютъ. Если мы по-настоящему трудиться не будемъ, то нѣтъ причинъ, по которымъ каждый изъ насъ не научился бы современемъ красиво владѣть красивымъ искусствомъ безумія. Всегда хорошо быть личнымъ, а эгоизмъ не менѣе артистиченъ, чѣмъ его родной братъ—тщеславіе; поэтому я не буду извиняться въ томъ, что укажу въ данномъ случаѣ на самого

себя. Я,—онъ началъ говорить съ высокимъ воодушевленіемъ,—я нелѣпъ. Годами я тщетно старался этого не скрывать. Годами я старался привлечь общественное вниманіе на мое удивительное дарованіе, возвѣстить безсердечному міру его существованіе, поднять его какъ мракъ, видимый для всѣхъ, и годами мнѣ это не удавалось. Мнѣ это не удавалось, но не вся падежда потеряна. Я думаю, что моей нелѣпости начинаютъ воздавать должное. Я думаю, что нѣкоторые тонкіе умы начинаютъ понимать, что артистическая нелѣпость, совершенство въ безумствѣ имѣютъ передъ собою блестящее и славное будущее. Я нелѣпъ и былъ такимъ много лѣтъ и на многіе манеры. Я былъ эстетомъ. Я лежалъ на коврикѣ передъ каминомъ и ѣлъ цвѣты passiflora *). Я носилъ панталоны изъ бѣлой венеціанской парчи и друзьямъ своимъ вмѣсто вечерняго чая подавалъ желтыя жонкили. Но когда эстетизмъ сдѣлался популярнымъ въ Бейсватарѣ,—часть Лондона, построенная для нуждающихся богачей,—я почувствовалъ, что онъ уже нелѣпъ и обратился къ другимъ вещамъ. Тогда, въ золотой лѣтній день, въ цвѣтущихъ лѣсахъ Ричмонда, я изобрѣлъ новое искусство, — искусство пустого разговора. Буржуазная страна лишила меня возможности взять патентъ на мое дивное изобрѣтеніе, и ему стали десятками подражать люди, которые гораздо старше и гораздо глупѣе меня; но и до сихъ поръ никто не можетъ соперничать со мною въ моей области, и мои выходки на парадныхъ завтракахъ и обѣдахъ, на балахъ и вечерахъ неизмѣнно встрѣчаютъ одобреніе, почти стѣснительное и едва ли нужное для человѣка столь восхитительно-довольнаго собою, какъ я».

Въ этомъ мѣстѣ рѣчи Эзмѣ, лицо котораго постепенно принимало мучительное и раздраженное выраженіе, остановился и, посмотрѣвъ на западъ, сіявшій зеленоватыми золотистыми тонами и усѣянный кучками розовыхъ облачковъ, воскликнулъ ослабѣвшимъ голосомъ:

«Небо это становится до того подражательнымъ, что я почти не могу продолжать! Почему это современные закаты такъ ужасно похожи на Тёрнеровскіе?»

Онъ посмотрѣлъ вокругъ, какъ бы ожидая отвѣта; но такъ какъ никто ничего не отвѣтилъ, онъ провелъ рукою по глазамъ какъ бы желая удалить какое-нибудь ужасное зрѣлище и продолжалъ съ меньшимъ жаромъ:

«Потому что настоящій артистъ всегда доволенъ собою, точно

*) Кавалерпкъ.

такъ же какъ настоящій филистимлянинъ всегда любитъ посѣщать королевскую академію. Я довелъ искусство пустого разговора до высшаго совершенства, но мои усилія были въ значительной степени побиты отъявленной мудростью свѣта, которая непремѣнно желаетъ относиться ко мнѣ серьезно. Ни къ чему не надо относиться серьезно, кромѣ развѣ дохода или кафе-шантана, а я и не доходъ, и не кафе-шантанъ, хотя и отличаюсь глубокимъ и страннымъ изяществомъ. И все-таки ко мнѣ относились серьезно черезъ всю мою карьеру. О моихъ лекціяхъ серьезно разсуждали. На мои пьесы писались торжественныя критики тѣми забавными неудачниками литературы, которые любятъ называть себя «господами журналистами»; мои поэмы не принимались навязчивыми издателями, а мой романъ «Душа Берти Браунъ» погубилъ репутацію одного журнала, которому удалось на цѣлыя столѣтія шокировать нечестивыхъ. Епископы объявляли, что я чудовище, а чудовищи объявляли, что я долженъ бы былъ сдѣлаться епископомъ. И все это случилось со мною, потому что я артистъ въ нелѣпомъ, человѣческое существо, которое осмѣливается быть смѣшнымъ. Я служу тонкому искусству безумства, — искусству, которое въ будущемъ займетъ мѣсто, равное живописи, музыкѣ, литературѣ. Я родился, чтобы быть нелѣпымъ. Я жилъ, чтобы быть нелѣпымъ. Я умру, чтобы быть нелѣпымъ, потому что ничто не можетъ быть нелѣпѣе смерти человѣка, который жилъ для порока, вмѣсто того, чтобы жить для страданья. Я женился для абсурда, потому что бракъ есть величайшій абсурдъ, когда-либо изобрѣтенный богатой фантазіей. Мы всѣ нелѣпы, но не всѣ мы артисты, потому что не всѣ мы сознательны. Артистъ долженъ быть сознателенъ. Когда мы женимся серьезно, когда мы живемъ торжественно, когда мы умираемъ съ приличной важностью,—мы нелѣпы, но мы сами этого не знаемъ, и поэтому нелѣпость наша никакой цѣны не имѣетъ. Я артистъ, потому что я нелѣпъ сознательно. Сегодня я хочу внушить вамъ, что если вы желаете жить не какъ всѣ, вы должны тоже быть сознательно нелѣпы. Вы должны совершать безумства, но не должны при этомъ думать, что совершаете разумные поступки, иначе вы станете въ ряды разумныхъ людей, которые неизмѣнно и безнадежно буржуазны».

Въ этомъ мѣстѣ рѣчи произошелъ перерывъ: одинъ изъ маленькихъ мальчиковъ, стоявшій въ первыхъ рядахъ группы подъ кедромъ, внезапно залился слезами и его должны были увести успокаивать въ отдаленный уголъ сада. Эзмѣ слѣдилъ глазами за его удалявшейся рыдающей фигурой и потомъ замѣтилъ:

«Этотъ ребенокъ велъ себя нелѣпо, но ребенокъ не артистъ и не сознаетъ своей нелѣпости. Итакъ, помните, надо быть сознательнымъ, откинуть все нормальное, быть молодымъ и вѣчно безумствовать. Не относитесь серьезно ни къ чему, кромѣ самихъ себя, если это возможно. Не обманывайтесь мыслью, что умъ выше лица или что душа возвышеннѣе тѣла. Выкиньте прочь изъ своего лексикона слова добродѣтель и порокъ. На свѣтѣ нѣтъ ничего ни дурного, ни хорошаго. Есть только одно искусство. Пренебрегайте всѣмъ естественнымъ, убѣгайте отъ всего, что освящено обычаемъ, какъ бы вы убѣгали отъ семи смертныхъ добродѣтелей. Держитесь ненормальнаго. Отшатнитесь отъ холоднаго, замораживающаго прикосновенія природы. Одно прикосновеніе природы—и цѣлый свѣтъ дѣлается общимъ мѣстомъ. Забудьте катехизисъ и помните слова Флобера и Вальтера Петера; помните также, что единственно существующая мудрость—это безумство сознательныхъ безумцевъ! А теперь спойте намъ гимнъ, спойте намъ сознательно подъ кедровымъ деревомъ, а мы будемъ слушать сознательно, какъ Улиссъ...»

Но здѣсь раздалось мягко, но повелительно: «шш!...»—со стороны м-съ Виндзоръ. Эзмѣ остановился.

— Пойте намъ,—сказалъ онъ,—а мы будемъ слушать, какъ старики слушаютъ голосъ молодости, какъ соловьи слушаютъ хорошихъ пѣвцовъ, какъ природа прислушивается къ искусству. Пойте намъ, прекрасныя розовыя дѣти, пока мы не забудемъ, что вы поете гимнъ, и будемъ помнить только, что вы молоды и что когда-нибудь, въ отдаленномъ пространствѣ и времени, вы уже не будете невинными.

Послѣднія слова онъ произнесъ тономъ нѣжнымъ, привлекательнымъ, голосомъ слаще меда, а потомъ стоялъ неподвижно и мечтательно смотрѣлъ на дѣтей, которыя раскраснѣлись и становились безпокойны,—они не привыкли, чтобъ имъ читали рѣчи, да еще въ такой необыкновенной формѣ. Учителя почувствовали видимое облегченіе, когда Амаринтъ кончилъ свою рѣчь. Они снова поставили ноги въ естественное положеніе, выраженіе томленія исчезло съ ихъ лицъ, они уже не сжимали пальцевъ. Національный школьный учитель просвѣтлѣлъ, снова принялъ привычный ему видъ гордой авторитетности, выступилъ впередъ и приказалъ пѣть гимнъ. Въ мягкомъ вечернемъ воздухѣ знакомый напѣвъ поднимался къ темнѣющему небу, какъ благоуханіе курильницы. Звонкіе молодые голоса усиливались и затихали и наконецъ совершенно стихли послѣ аминя. Послѣ этого весь маленькій отрядъ выстроился попарно, отвѣсилъ коллективный поклонъ м-съ Винд-

зоръ и ея гостямъ и быстрыми шагами вышелъ изъ сада на дорогу, визгливо выполняя на ходу: «Впередъ! Христовы солдаты!» Мало-по-малу звукъ дѣлался менѣе полнымъ, перешелъ въ длинное diminuendo и наконецъ какъ бы стаялъ въ молчаніе.

М-съ Виндзоръ вздохнула.

— Дѣти страшные прилипалы, — замѣтила она. — Я очень рада, что у меня ихъ никогда не было.

— Да, — согласилась м-мъ Вальтези, — они пристаютъ какъ почтовыя марки. Въ которомъ часу мы сегодня обѣдаемъ?

— Не раньше половины девятаго.

— Я пойду и посижу спокойно и постараюсь чувствовать себя старой. Молодость—вещь ужасная, несмотря на все то, что говоритъ объ этомъ Эзмѣ. Эзмѣ! молодость совсѣмъ не страстна, она просто назойлива и взбалмошна.

— Жаль, что она не сознательно назойлива, — пробормоталъ онъ, провожая ее до дому.—Не знаю, достану ли я стаканъ рейнвейна съ сельтерской водой. Я чувствую себя, какъ томъ проповѣдей, ужасно сухимъ.

XV.

Вечеръ былъ поэтичный; и хотя лордъ Реджи гордился тѣмъ, что онъ не доступенъ вліяніямъ природы, онъ зналъ, что теплыя фантастическія сумерки предрасполагаютъ среднюю женщину благопріятнѣе встрѣтить сватовство, къ которому она отнеслась бы иначе раннимъ утромъ или при яркомъ солнечномъ свѣтѣ лѣтняго дня. Онъ былъ увѣренъ, что лэди Локъ—женщина средняя, просто потому, что онъ считалъ всѣхъ женщинъ людьми чрезвычайно средними. Поэтому, увидя, что на ея темномъ лицѣ появилось нѣжное выраженіе, когда она глядѣла на вянущую бирюзу неба, онъ рѣшилъ, что сдѣлаетъ предложеніе сейчасъ же и въ наиболѣе милой формѣ. Но сначала Томми тормошился вокругъ, волнуемый дѣтскимъ возбужденіемъ, и Реджи нельзя было ничего сказать.

— Томми, — сказала наконецъ лэди Локъ, — поцѣлуй меня и бѣги ужинать. Только прежде слушай меня серьезно. Ты слушалъ лекцію м-ра Амаринта?

— Да, да, да, мама! Конечно, конечно, конечно! — кричалъ Томми, прыгая по лугу и стараясь увлечь за собою Бунга.

— Хорошо, такъ помни, что она была сказана для смѣху. Это были просто глупости, — ну, какъ книжка Эдварда Лира, книжка глупостей. Понимаешь? Тамъ все было повернуто кверху ногами,

такъ что надо дѣлать все обратное тому, что совѣтовалъ м-ръ Амаринтъ. Ты понялъ, мальчикъ?

— Хорошо, мамочка,—сказалъ Томми.—Только я все забылъ, что онъ говорилъ.

Лэди Локъ казалась довольной, она поцѣловала его раскраснѣвшееся маленькое личико и отпустила его.

— Я надѣюсь, что школьныя дѣти тоже забудутъ, — сказала она лорду Реджи, когда Томми ушелъ. — Какое счастье иногда имѣть плохую память!

— Такъ вамъ не понравилась лекція? — спросилъ Реджи. — Я нашелъ ее великолѣпной, полной воображенія и дивной по языку и чувству.

— И такой сознательной.

— Да, какъ должно быть всякое искусство.

— Искусство! Искусство! Вы можете заставить меня возненавидѣть это слово!

На этотъ разъ Реджи былъ искренно скандализированъ.

— Вы могли бы ненавидѣть искусство?—сказалъ онъ.

— Да, если бы я вѣрила, что оно противникъ природы, а не вѣрный другъ ея. Нѣтъ, мнѣ не понравилась лекція, если, впрочемъ, простая нелѣпица можетъ нравиться или ненравиться. Скажите, лордъ Реджи, вы тоже сознательно нелѣпы?

Онъ подвинулъ свой стулъ ближе къ ней.

— Не знаю,—сказалъ онъ,—я надѣюсь, что я нелѣпъ красиво. Если я красивъ, это все, что мнѣ надо. Быть красивымъ, значитъ, быть совершеннымъ. Быть талантливымъ довольно легко. Быть красивымъ такъ трудно, что даже у Байрона при всемъ его геніи была хромая нога. Талантливость можно пріобрѣсти. Въ наше время столько дураковъ дѣлаются талантливыми. Вотъ отчего въ обществѣ такъ скучно. Куда бы вы ни пошли, вы всюду встрѣчаете людей, которые разыгрываютъ умственныя гаммы или упражненія для пяти пальцевъ. Истинный артистъ никогда не упражняется. Какія славныя сумерки, хотя далеко не такія деликатныя и тонкія, какъ въ «Angelus» Милле. Лэди Локъ, мнѣ надо вамъ что-то сказать и я скажу это теперь, пока загараются звѣзды и пока тѣни крадутся изъ своихъ жилищъ къ деревьямъ. Эзмѣ сказалъ сегодня, что бракъ это блестящая нелѣпость. Хотите быть блистательно нелѣпой? Хотите выйти за меня замужъ?

Онъ нагнулся впередъ и нѣсколько небрежно взялъ ея руку своей, маленькой и нѣжной рукой. Его лицо было покойно, онъ го-

ворилъ яснымъ, ровнымъ голосомъ. Лэди Локъ оставила свою руку въ его рукѣ. Она тоже была совершенно покойна.

— Я не могу выйти за васъ замужъ,—сказала она.—Хотите знать почему? Вѣроятно, не хотите, но я все-таки скажу. Во мнѣ нѣтъ ничего блестящаго и поэтому я не имѣю никакого желанія быть нелѣпой. Если я выйду за васъ замужъ, я просто сдѣлаю нелѣпость и ничуть не сдѣлаюсь блестящей. Вы меня не любите. Я думаю, что вы не любите ничего. Вы мнѣ нравитесь, вы меня интересуете. Еслибъ у васъ была другая природа, я бы, можетъ быть, даже полюбила васъ. Но я не могу любить отголосокъ, а вы просто отголосокъ.

— Отголосокъ часто прекраснѣе того голоса, который онъ повторяетъ.

— Но если голосъ совсѣмъ безобразенъ, то отголосокъ не можетъ быть прекраснымъ,—отвѣчала она.—Я бы не хотѣла быть слишкомъ откровенной, но разъ вы мнѣ дѣлаете предложеніе, вотъ что я вамъ скажу: мнѣ кажется, что вашъ характеръ простое эхо характера м-ра Амаринта. Онъ, я думаю, просто рисуется; ну, а тѣ, которые подражаютъ ему, просто ли они рисуются? Сами вы—просто рисуетесь? Что такое м-ръ Амаринтъ, этого невозможно сказать. Можетъ быть, въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего настоящаго. Можетъ быть, какъ онъ самъ говоритъ, настоящій человѣкъ въ немъ дѣйствительно только м-съ Херрисъ. Онъ можетъ быть ненормаленъ *au fond*, но не вы! Каково ваше настоящее *я?* Таково ли оно, какимъ я его вижу, какимъ я его знаю?

— Выраженіе составляетъ мою жизнь,—сказалъ лордъ Реджи нѣсколько обиженнымъ голосомъ и отнялъ свою руку. На щекахъ у него выступили красныя пятна. Онъ начиналъ понимать, что ему отказали, потому что имъ не восхищались. Это казалось почти невѣроятнымъ.

— Значитъ, то выраженіе, которое я вижу, это и есть вы?—просила она.

— Я полагаю,—овѣчалъ онъ съ оттѣнкомъ необыкновенно мальчишеской обидчивости.

— Въ такомъ случаѣ, пока вы не освободитесь отъ него, никогда не предлагайте никакой женщинѣ выйти за васъ замужъ. Мужчины, подобные вамъ, не понимаютъ женщинъ. Они и не стараются, да, вѣроятно, еслибъ и старались, то не могли бы. Мужчины, подобные вамъ, такъ исковерканы и извращены, что сами не замѣчаютъ своей извращенности. Мнѣ кажется, что м-ръ Амаринтъ создалъ культъ. Назовемъ его культомъ зеленой гвоздики. Я

думаю, что культъ этотъ можетъ быть названъ современнымъ. Мнѣ онъ представляется очень глупымъ и нѣсколько порочнымъ. Если бы вы вынули этотъ отвратительный цвѣтокъ изъ петлицы своего фрака, не потому, что я васъ прошу объ этомъ, а потому, что вы сами искренно возненавидѣли его, тогда я бы иначе отвѣтила на ваше предложеніе. Если бы вы могли забыть то, что вы называете искусствомъ, если бы вы могли смотрѣть на жизнь вообще прямыми, незатемненными глазами, если бы вы могли быть мужчиной, а не чѣмъ-то ни на что на свѣтѣ не похожимъ, кромѣ этого крашенаго цвѣтка, тогда я, можетъ быть, любила бы васъ по-настоящему. Но душа ваша искусственно окрашена,—она только что вышла изъ красильни. Это зеленая гвоздика, а я хочу носить въ своемъ сердцѣ естественный цвѣтокъ.

Она встала.

— Вы не сердитесь на меня?—спросила она.

Лордъ Реджи былъ совершенно красенъ.

— Вы говорите, какъ говорятъ заурядные люди,—сказалъ онъ нѣсколько грубо, жестоко оскорбленный въ своемъ самолюбіи.

— Я очень заурядный человѣкъ, — сказала она, — и очень рада. Я думаю, что послѣ этой недѣли я постараюсь сдѣлаться еще зауряднѣе, чѣмъ была до сихъ поръ.

Она медленно пошла къ коттеджу.

Въ этотъ вечеръ Реджи сказалъ м-съ Виндзоръ, что онъ на слѣдующее утро долженъ уѣхать въ городъ.

Она ужаснулась и была совсѣмъ потрясена, когда Амаринтъ высказалъ намѣреніе его сопровождать.

— Это хуже профессорскаго удара въ прошломъ году,—жалобно сказала она.—Пожалуй, лучше всего всѣмъ намъ уѣхать завтра въ городъ? Вѣдь вы не пожелаете вести рюстичную жизнь безъ мужчинъ, не правда ли, м-мъ Вальтези?—прибавила она.

— Нѣтъ,—отвѣчала она.—Это все равно, что брать ванну съ морской солью, вмѣсто купанья въ океанѣ. Это было бы вяло. Мы, три женщины здѣсь, въ этомъ коттеджѣ, походили бы на Грай, только намъ не пришлось бы даже дѣлить между собою ни глаза, ни зуба. Кажется, мы были рюстичны, поскольку это было намъ нужно. Я завтра поѣду во французскій театръ. Я очень это люблю, мнѣ это страшно вредно.

— А я поѣду съ Томми на берегъ моря, — сказала лэди Локъ.

— Любезная лэди!—сказалъ Эзмѣ,— какъ это поразительно нормально!

— И какъ здорово!—прибавила она.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ глубокимъ сожалѣніемъ.

На другое утро, прощаясь съ лордомъ Реджи, она тихо сказала ему:

— Когда-нибудь вы, можетъ быть, бросите зеленую гвоздику.

— О, она скоро выйдетъ изъ моды,—отвѣчалъ онъ, граціозно влѣзая въ экипажъ.

— Итакъ, Реджи, вамъ отказали!—сказалъ Эзмѣ, когда они ѣхали на станцію.—Какъ вы оригинальны! Я никогда не подозрѣвалъ въ васъ этого. Но вы всегда удивительны, удивительны и совершенны. Когда вы рѣшили, чтобъ вамъ отказали? Только вчера вечеромъ? Отлично вы все это устроили. Мнѣ кажется, что я радъ. Я не хочу, чтобы вы измѣнялись, а утонченное вліяніе дѣйствительно хорошей женщины разъѣдаетъ какъ кислота. Ахъ, Реджи, вы не будете пѣть въ лѣсахъ близъ Эшера, когда докучливая кукушка будущей весной начнетъ подражать Гайдневской симфоніи! Вы все еще будете жить своей безподобной пурпурной жизнью, все еще будете учить лондонскихъ купцовъ, знать точную цѣну вашей высшей аристократичности. Сдѣлайся вы капиталистомъ, вы бы отростили бакенбарды и могли бы стать почтеннымъ. Почему это бакенбарды и почтенность растутъ вмѣстѣ? Вотъ мы и пріѣхали на станцію. Желѣзнодорожныя станціи всегда напоминаютъ мнѣ актера Терриса,—онѣ такъ же шумны. Кончилась Суррейская недѣля. Скоро мы снова увидимъ нѣжно-сѣрую мостовую Пиккадили и тонкая музыка Ольдъ-Бондъ-Стрита незамѣтно будетъ услаждать нашъ слухъ. Положите ноги на противоположную скамейку, милый мальчикъ, а я высунусь въ окошко и буду улыбкой отгонять отъ вагона пассажировъ. Когда люди имѣютъ намѣреніе войти въ мой вагонъ, я имъ всегда улыбаюсь, а они всегда уходятъ прочь. Они думаютъ, что я сумасшедшій. Ошибаются ли они? Кто знаетъ? Есть только одно здравомысліе на свѣтѣ—быть артистично помѣшаннымъ. Реджи, дайте мнѣ папироску съ золотымъ наконечникомъ, и я сдѣлаюсь блестящъ. Я буду блестящъ для васъ, помня своего Уистлера, какъ заурядные люди помнятъ свои обязательства или какъ м-мъ Вальтези помнитъ, что надо забывать день своего рожденія. Ахъ, мы уже тронулись! Посмотрите скорѣе въ это окно, милый мальчикъ, вы увидите двухъ пожилыхъ джентльменовъ, которые опоздали на поѣздъ. Они это дѣлаютъ премило. Я думаю, что они въ этомъ раньше упражнялись. Опоздать на поѣздъ тоже надо съ искусствомъ, Реджи. Но одинъ изъ нихъ еще не достигъ въ этомъ совершенства. Онъ началъ ругаться немножко раньше времени.

А. Г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛЕРИ *).

Повѣсть.

XIV.

Онъ долженъ былъ остаться доволенъ, войдя въ гостиную. Здѣсь былъ цѣлый цвѣтникъ: никакого болѣе подходящаго выраженія нельзя было бы найти. На темномъ фонѣ стѣнъ и мебели обширной гостиной перемѣшались всевозможные цвѣта и оттѣнки дамскихъ туалетовъ; только два или три мундира рѣзкими пятнами бросались въ глаза. Шумъ переплетавшихся голосовъ, почти все совсѣмъ молодыхъ и звонкихъ, пріятно ошеломилъ его; нѣсколько отдѣльныхъ отрывистыхъ словъ и восклицаній такъ и стали у него въ ушахъ. Онъ остановился въ дверяхъ, между раздвинутыми складками портьеры, любуясь этимъ множествомъ молодыхъ лицъ, изящныхъ туалетовъ, этими живыми восхитительными группами, расположившимися въ комнатѣ. И у камина, и за столомъ, и подъ лапчатыми листьями какой-то пальмы—вездѣ онъ видѣлъ воздушныя фигурки, оживленныя интересныя лица, кое-гдѣ обнаженныя почти дѣтскія руки, полудлинныя платья, позволявшія видѣть стройныя, узкія, изящно-обутыя ножки. Смѣшанный запахъ духовъ, и тонкихъ, и сильныхъ, легкій игривый смѣхъ, звучавшій то въ томъ, то въ другомъ углу, шелестъ колыхавшихся вѣеровъ,—все ударяло его по нервамъ, слегка кружило ему голову. Нѣсколько лицъ обернулось къ нему; онъ видѣлъ любопытные взгляды, вспыхнувшія щечки, полузастѣнчивыя, полукокетливыя улыбки, обращенныя въ его сторону. И когда его, наконецъ, замѣтилъ Володя и пошелъ къ нему навстрѣчу,—всѣ эти блестящіе глазки слѣдили за ними. Володя подводилъ его къ каждой, и онъ передъ каждой вы-

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 1899 г.

ражалъ свое удовольствіе и восхищеніе красивымъ наклономъ головы и почтительно-любующимся выраженіемъ глазъ; въ этомъ онъ не зналъ себѣ соперниковъ. Онъ разсчитывалъ уже остаться подлѣ послѣдней барышни, которой его представили, хорошенькой блондинки съ нѣсколько холодной красотой англійскаго типа. Но его окликнули изъ дверей смежной комнаты, и онъ долженъ былъ встать, повинуясь фразѣ:

Maman васъ проситъ на минуту, Сергѣй Николаевичъ!...

Онъ всталъ сейчасъ же, со своей всегдашней вѣжливостью, но позволилъ себѣ взглядомъ, обращеннымъ къ блондинкѣ, выразить легкую досаду. Въ глазахъ молодой дѣвушки онъ тоже подмѣтилъ выраженіе сожалѣнія и порѣшилъ вернуться къ ней, какъ только освободится.

Лери ждала его, стоя въ дверяхъ, не сводя съ него восторженнаго, любующагося взгляда. Онъ подошелъ, еще не зная, кто его звалъ, повинуясь знакомому голосу машинально и разсѣянно и, только остановившись передъ ней лицомъ къ лицу, узналъ Лери.

— Вы?... Это вы?! — пробормоталъ онъ.

Но ее не трудно было узнать. Та же красивая головка съ вьющимися, чуть-чуть сжатыми гофрой волосами; тѣ же ясные и уже жаркіе глаза, взглянувшіе на него съ нѣмымъ тревожнымъ вопросомъ. Но, безъ сомнѣнія, онъ впервые замѣтилъ и оцѣнилъ тонкія черты ея лица, гибкую талію, постоянно прежде спрятанную въ широкихъ складкахъ ея блузъ, и матовую бѣлизну молодыхъ рукъ и шеи, открытой низкимъ вырѣзомъ ворота. Онъ смѣялся надъ длиннымъ платьемъ, но не могъ не признать, что оно очень красивыми складками касалось пола, увеличивало ростъ Лери и придавало ей что-то особенное, новое, еще невиданное въ ней. Какъ своеобразно-красиво были сложены тяжелыя косы на маленькой головкѣ, какъ характерны были мелкіе капризные локоны, выбившіеся на лобъ, какъ рельефно выдѣлялись въ темныхъ прядяхъ двѣ чайныя розы, благоухающія, раскрывавшія свои блѣдно-желтые лепестки. Асмолинъ долженъ былъ признаться въ своей глупости давеча, когда онъ смѣлъ увѣрять Лери, что она будетъ смѣшна и некрасива въ своемъ вожделѣнномъ длинномъ платьѣ. Онъ хотѣлъ сказать ей объ этомъ, но она повернулась и пошла впередъ, повторивъ:

— Maman васъ звала на минутку.

И голосъ былъ все тотъ же, съ еще дѣтской звонкостью, выразительный, грудной, но онъ опять-таки только сейчасъ замѣтилъ его и удивился, точно сдѣлалъ открытіе. Ему все казалось, что съ

спѣшилъ согласиться съ ней. Что такое тамъ было? Маленькая шалунья, выпрашивавшая себѣ мороженаго и хохотавшая съ братьями весь обѣдъ, — что тутъ особеннаго? Гораздо интереснѣе думать о ней теперь, когда она такъ граціозна и мила въ своемъ новомъ платьѣ, съ голыми прелестными ручками, съ обнаженной шеей, выступающей изъ пышныхъ кружевъ. Онъ улыбнулся ей особенной, ласковой и чуть-чуть дерзкой улыбкой, которая, какъ онъ зналъ, очень нравилась женщинамъ (а онъ уже смотрѣлъ на нее какъ на женщину), и тихо спросилъ:

— А о себѣ-то вы что же не подумали? Вѣдь вы будете скучать.

— Ну, что я?—беззаботно воскликнула она, и ему почему-то показалось, что эта беззаботность была напускная.—Во-первыхъ, мнѣ никто особенно не нравится,—она вдругъ густо покраснѣла и спѣшила договорить:—а во-вторыхъ, есть нѣсколько молодыхъ людей... вы ихъ увидите. Они всѣ очень милы, умѣютъ танцовать и разговаривать. Лучше всѣхъ—Дубенскій, такой драгунъ, высокій... А вотъ юнкера вы увидите, съ большимъ носомъ, такъ этотъ изъ-за меня даже поэтомъ сдѣлался. Танцуетъ кадриль, и самъ стихи сочиняетъ, да все такіе бездарные. Изъ Володиныхъ товарищей двое со мной знакомы, тоже немного ухаживаютъ. Можетъ быть, еще кто-нибудь найдется, я всѣмъ рада.

И она разсмѣялась и смутилась, что онъ приметъ ея слова за напрашиванье. Но онъ только былъ радъ имъ, потому что могъ предложить за ними свой вопросъ:

— Значитъ, и мнѣ можно?

Ахъ, какъ трудно скрыть радость! Она дрожала и билась въ каждой чертѣ ея поспѣшно отвернутаго лица, въ улыбкѣ, въ глазахъ, которые она старательно прикрыла рѣсницами. Неужели онъ правда хочетъ ухаживать за ней? Можетъ быть, лишь на этотъ вечеръ, не дальше? Но и это хорошо, и это счастье. А можетъ быть, онъ сказалъ это изъ вѣжливости, послѣ того, какъ она сама навязалась? И послѣ этой мысли она безбоязненно могла поднять на него глаза: въ нихъ была одна тревога.

— Знаете ли,—начала она несмѣло,—вы и они разница. Вѣдь они такъ еще молоды, почти мальчики. А вы...

Онъ посмотрѣлъ на нее молча и, слегка нахмурившись, отвѣтилъ:

— Пожалуй, вы правы, Лери. Да, конечно, вы правы.

«Я старъ для нея,—сказалъ онъ себѣ, съ неожиданнымъ досадливымъ чувствомъ.—Съ мальчиками она гораздо веселѣе проведетъ время. Развѣ я имѣю право мѣшать ей своимъ ухаживани-

емъ? Это правда. Она просила меня подойти къ ней только въ несчастныхъ обстоятельствахъ: если ее не пригласятъ. Я хотѣлъ бы, чтобъ такъ было, но врядъ ли это случится».

Онъ сказалъ, смотря на нее взглядомъ сожалѣнія и покорности:

— Хорошо, я постараюсь не мѣшать вамъ.

— Да чѣмъ же вы помѣшаете?—спросила Лери, широко открывая глаза и готовясь возмутиться.—Вѣдь вы сами находите, что я смѣшна въ длинномъ платьѣ. Имъ, мальчикамъ, ничего, все равно, съ кѣмъ ни танцовать; я юнкера заставлю съ Аринушкой танцовать, и онъ будетъ, потому что для меня онъ все сдѣлаетъ... А ужъ вы знаете, какая наша Аринушка чудная, съ ней никто не согласится танцовать. Вы сами представьте.

— Для васъ... хотите я съ ней протанцую?—улыбнулся Асмолинъ.

— Вы? Съ Аринушкой?—въ изумленіи вскрикнула Лери, пропуская мимо ушей его первыя слова.—Съ Аринушкой?

— Ну да, съ Аринушкой и еще съ кѣмъ-нибудь... съ кѣмъ хотите!—смѣялся онъ.—Пари хотите? идетъ?

Онъ протягивалъ ей руку, продолжая смѣяться; но Лери еще не могла прійти въ себя.

— Вы? Съ Аринушкой? — растерянно повторяла она. — Да вѣдь она точно стѣнка движется, и вся въ крендельках!

— Ну что-жъ изъ этого? Я и съ кренделькаами, и со стѣнкой. Вотъ увидите,—стоялъ на своемъ Асмолинъ.—Я вамъ предлагаю пари.

Лери вдругъ неудержимо расхохоталась. «Что же это будетъ? Аринушка стѣнкой затанцуетъ и съ нимъ... съ лучшимъ кавалеромъ бала. Вотъ всѣ удивятся!... Маmаш, пожалуй, прогонитъ Аринушку изъ залы».

Но потомъ въ ея смѣхѣ зазвучали горькія нотки. Ей стало не то завидно Аринушкѣ, не то жаль его, что надъ нимъ тоже будутъ смѣяться. Пусть Бѣгуновъ, а не онъ.

— Нѣтъ, не надо съ Аринушкой,—просительно сказала она.—Лучше... Развѣ вы не хотите со мной?

Она стояла, низко опустивъ голову, стараясь спрятать зардѣвшееся лицо. Даже слезы стыда и смущенія выступили на глазахъ. Она нервно смяла въ рукахъ нѣсколько вѣточекъ ландышей, которыя держала все время, и раздумывала, не лучше ли убѣжать сейчасъ со всѣхъ ногъ и стараться не показываться ему на глаза весь вечеръ. И она продолжала стоять на мѣстѣ, рѣшительно не зная, что дѣлать, и слезы попрежнему застилали ей глаза. Что она надѣлала?

«Что съ ней?—подумалъ полковникъ.—Вѣдь это не простое смущеніе; она чуть ли не плачетъ... Неужели?»

И эта внезапная мысль была такъ правдоподобна, а главное—такъ пріятна ему, что онъ повторилъ ее радостно и увѣренно:

«Неужели я ей нравлюсь? Я нравлюсь?...»

«Боже, какъ я глупа!—думала Лери.—Надо что-нибудь сказать, а у меня въ головѣ ни одной мысли. А онъ-то что думаетъ? Ахъ, какъ стыдно! Но если онъ понялъ, и... и сейчасъ станетъ на колѣни? Это было бы отлично. Нѣтъ... это некстати и слишкомъ глупо. А если поцѣлуетъ?... Ну, что же онъ будетъ дѣлать?»

Полковникъ не сталъ на колѣни и не поцѣловалъ ее, хотя послѣднее приходило ему въ голову, когда онъ склонился къ вьющимся чернымъ волосамъ опущенной головки.

— Такъ вы хотите, чтобы я танцовалъ съ вами, Лери? Съ чего же вы начали говорить о молодости вашихъ кавалеровъ и объ Аринушкѣ? Я понялъ, что вы не желаете танцовать съ такимъ старикомъ, какъ я, и что я годенъ только для Аринушки?

— Ахъ, какой вы... непонятный!—мгновенно возмутилась она, вся вспыхивая и поднимая на него еще влажные глаза.—Вольно-жъ вамъ стараться понимать, когда вы къ этому совсѣмъ неспособны! Я только хотѣла сказать, что если я, по-вашему, еще смѣшна, такъ развѣ можно вамъ, такому блестящему и важному, танцовать съ такой смѣшной особой, какъ я?...

— Да, вы все это о тѣхъ моихъ словахъ... Но если бы вы знали, какъ я о нихъ сожалѣю. Я былъ глупъ, говоря это, просто глупъ.

Лери чувствовала, что онъ говорилъ правду, что ему нельзя не вѣрить, и притомъ ей такъ хотѣлось вѣрить. Она скромно спросила, выдавая себя счастливой улыбкой:

— Такъ, значитъ, я... не смѣшна?

А онъ отвѣтилъ вполнѣ искренно и стараясь исправить свою вину:

— Вы... вы сегодня просто очаровательны, Лери. И къ чему спрашивать? Вѣдь вы сами это знаете, маленькая плутовка.

Лери не отвѣчала. Вся сіяющая, съ жутко и сладко бившимся сердцемъ, она спѣшила къ дверямъ залы, еле сознавая, что повторяетъ третій разъ свою фразу:

— Мы забыли, что maman звала васъ, Сергѣй Николаевичъ!

XV.

Большая и высокая комната казалась бы еще больше, если-бы не была вся заставлена изящной, разнообразной мебелью.

Толстый коверъ скрадывалъ шаги, по стѣнамъ висѣли картины, пейзажи и портреты, освѣщенные лампами съ рефлекторами. Весь будуаръ былъ залитъ красноватымъ свѣтомъ, шедшимъ откуда-то сверху и бросавшимъ на лица сидѣвшихъ здѣсь горячій оттѣнокъ. Асмолину сразу бросилась въ глаза типичная голова графа К., съ коротко-остриженными сѣдыми волосами и сѣдыми же щетинистыми усами. Необыкновенно представительная въ темномъ, строгаго покроя платьѣ, Павла Михайловна съ довольнымъ видомъ дождавшагося человѣка указала графу на Асмолина. Сергѣй Николаевичъ уже понялъ, зачѣмъ его звали, увидавъ графа К., этого стариннаго друга своего отца, къ которому онъ все медлилъ ѣхать. Онъ понялъ, что ему, можетъ быть, придется провести цѣлый вечеръ въ полумракѣ этой комнаты, за серьезными разговорами и за воспоминаніями добраго стараго времени, и онъ не могъ подавить вздоха досады, думая о Лери и о хорошенькой блондинкѣ въ гостиной. Еще бы! полковника, хотя и въ его годы, должны интересовать только важныя и почетныя лица, значительные и серьезные вопросы, а не какая-нибудь мазурка, не кто-либо изъ барышенъ. И его какъ-будто немного кольнуло то, что его считаютъ здѣсь такимъ старымъ, отжившимъ человѣкомъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ сѣдовласъ и утомленъ жизнію. Глупое убѣжденіе у людей приписывать лѣта и взгляды человѣку, сообразно съ чиномъ!

И волнуясь онъ самъ не зналъ, что̀ заставляетъ его волноваться. Старый графъ бодро и радушно поднялся ему навстрѣчу, Павла Михайловна ласково улыбалась изъ глубины мягкаго кресла, а сзади нея сіяющіе молодые глаза слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Развѣ всѣ эти люди не любили его, не относились къ нему какъ къ родному, близкому человѣку? Асмолинъ наклонилъ голову, готовясь отдать оффиціально-почтительный поклонъ; но графъ весело вскричалъ своимъ еще звучнымъ голосомъ:

— Намъ можно просто обняться, по-родственному. Что за церемонія? Когда-то обнимались, какъ братья, съ Николаемъ.

Расцѣловавъ старика въ мягкія душистыя щеки, Сергѣй Николаевичъ долженъ былъ сѣсть съ нимъ рядомъ. Графъ смотрѣлъ на него со старческимъ волненіемъ, точно отыскивая въ его лицѣ черты стараго друга. Асмолинъ находилъ его очень симпатичнымъ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— А молодецъ!...—тихо началъ графъ, еще не оправившійся отъ волненія.—Только у Николая Асмолина и могъ быть такой

сынъ. И какъ онъ быстро впередъ идетъ... полковникъ уже! Ну, что, отецъ какъ?

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ полковникъ,—чувствуя почти раскаяніе при мысли, что онъ все отказывался отъ знакомства съ этимъ славнымъ старикомъ.—Онъ здоровъ, еще бодръ; немного скучаетъ по столицамъ. Вѣдь онъ не то, что я: онъ съ ногъ до головы—столичный житель.

— Да, М. вѣдь это ужасно!—покачала головой Павла Михайловна, откидываясь глубже въ кресло и задѣвая руку облокотившейся на спинку Лери.—Когда Сергѣй Николаевичъ разсказывалъ намъ... Ахъ, Боже мой, Лери, зачѣмъ ты остаешься тутъ?—прервала она сама себя, вдругъ замѣтивъ дочь.—Ступай къ подругамъ, къ молодежи... Я тебя просила только привести Сергѣя Николаевича; теперь ты можешь идти.

Да, очень мнѣ нужны подруги и молодежь безъ него!—подумала Лери, принужденная повиноваться.—Противный графъ! держитъ его тутъ. Хоть бы танцы скорѣе.

Однако она вышла, недовольно надувая губы и сознавая въ то же время, что maman права. Оставшіеся опять помолчали нѣсколько минутъ. Павла Михайловна вспомнила, что никто не знакомъ съ Асмолинымъ.

— Я считаю Сергѣя Николаевича какъ бы сыномъ,—сказала она съ легкимъ смѣхомъ,—и поэтому мнѣ въ голову не приходитъ, что кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ могъ бы его не знать. Однако, позвольте исправить мою ошибку.

Она назвала Асмолину своихъ гостей и разговоръ могъ уже сдѣлаться общимъ. Одна изъ барынь разсказала о предполагаемомъ на Масляницѣ любительскомъ спектаклѣ, въ которомъ будутъ участвовать ея сынъ и дочери; а графъ съ добродушнымъ юморомъ началъ припоминать въ подробностяхъ давно минувшіе спектакли въ офицерскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ. Асмолинъ долженъ былъ разсказать о житьѣ-бытьѣ М—ской военной молодежи, что онъ и исполнилъ, сумѣвъ заинтересовать слушателей. Павла Михайловна только слушала, изрѣдка внимательными и интересными вопросами поддерживая разговоръ.

— Итакъ, вы говорите, у васъ дамъ мало...—улыбаясь сказалъ графъ, отвѣчая на замѣчаніе Асмолина.—Зато теперь вы имѣете полное право и возможность пользоваться случаемъ наверстать потерянное. Вотъ, напримѣръ, сегодня!...

Онъ съ улыбкой повернулся къ Павлѣ Михайловнѣ, какъ бы

предлагая согласиться съ нимъ. Но Асмолинъ позволилъ себѣ протестовать въ почтительномъ тонѣ и съ легкимъ кокетствомъ:

— Сегодня въ этомъ домѣ особенный праздникъ. Мнѣ даже кажется, что я не имѣю права принимать въ немъ какое-либо участіе, развѣ только какъ зритель. Это праздникъ—первой молодости графъ, а я... уже полковникъ.

— А вы уже полковникъ!—согласился графъ.—Но и только!... Я надѣюсь видѣть васъ и генераломъ; что-жъ изъ этого? Сейчасъ наша милая Павла Михайловна почти назвала васъ сыномъ; а вѣдь ея сыновья могутъ быть только мальчиками.

Павла Михайловна улыбнулась съ недовѣрчивымъ и признательнымъ видомъ; остальные поддерживали мнѣніе графа. Разговоръ теперь перешелъ на самого полковника; никто не удивлялся, что такой блестящій и любезный молодой человѣкъ всегда стоитъ на виду. Старикъ графъ смотрѣлъ на Сергѣя Николаевича съ сочувствіемъ отжившаго побѣдителя женщинъ, тронутый его скромностью и умѣньемъ держать себя среди этихъ дамъ. Павла Михайловна, можетъ быть, и дѣйствительно любила его какъ сына, какъ сверстника своихъ сыновей; остальныя дамы смотрѣли на полковника восхищенными глазами и дарили его пріятными улыбками, чего другой врядъ ли могъ отъ нихъ добиться.

— Боже мой! какъ идетъ время, Боже мой!—сказалъ графъ, снова уносясь въ свои воспоминанія.—Я помню, какъ женился Асмолинъ—отецъ, а теперь уже сынъ—такая блестящая партія. Что еще сердце свободно?...

Онъ съ ласковою фамильярностью похлопалъ по плечу молодого человѣка.

Полковникъ хотѣлъ отвѣтить. Въ смежной комнатѣ послышались голоса.

— Это опять Лери,—сказала Павла Михайловна съ улыбкой, которую она старалась сдѣлать строгою, но которая такъ и дышала любовью.—Вѣчно споры и шумъ!

Всѣ стали прислушиваться къ шуму за дверью; говорило сразу нѣсколько человѣкъ. Ихъ всѣхъ покрылъ убѣдительный и звонкій голосъ Лери, вѣроятно, стоявшей ближе всѣхъ.

— Я спрошу... я спрошу! Вотъ вы увидите.

И вслѣдъ за этимъ она вбѣжала въ комнату, раскраснѣвшаяся, слегка запыхавшаяся, шумно спрашивая позволенія начать танцы. Графъ открыто любовался дѣвочкой; дамы лорнировали и безцеремонно и восторженно; всѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на нее. И Асмолинъ тоже смотрѣлъ и любовался. Онъ уже успѣлъ поймать

раза два быстрый взглядъ черныхъ глазъ, блестѣвшихъ жизнью и молодымъ весельемъ. Мысль, которая давеча въ залѣ пришла ему въ голову, незамѣтно укрѣплялась тамъ, наполняя его какой-то особенною кипучею радостью, точно и онъ молодѣлъ для дѣвочки на нѣсколько лѣтъ.

Радостная увѣренность въ своемъ предположеніи росла въ немъ, и онъ уже не считалъ это пустякомъ, сознавая, что всякому лестно быть и танцовать съ прелестною маленькою хозяйкой. Онъ теперь ни на минуту не сводилъ съ нея краснорѣчиво-любующихся глазъ, ловя и ея взгляды, которыми уже начиналъ дорожить. И она посмотрѣла на него разъ, другой и третій, смутилась и обрадовалась, замѣтивъ, что не ускользнулъ ни одинъ изъ этихъ взглядовъ и, наконецъ, получивъ позволеніе, исчезла такъ же шумно, какъ и появилась, ожививъ замолкшіе было голоса въ смежной съ будуаромъ гостиной. Всѣ прислушивались, какъ замерли мало-по-малу звонкіе голоса, вѣрно, дѣвочки побѣжали въ залу, спѣша вознаградить себя за потерянное драгоцѣнное время. Всѣмъ вдругъ показалось невозможнымъ и непростительнымъ равнодушіемъ—сидѣть въ этой тихой, полутемной комнатѣ, когда въ залѣ будетъ царствовать оживленное и беззаботное веселье. Асмолинъ, крутя усы, уже придумывалъ способъ деликатнымъ образомъ избавиться отъ этихъ значительныхъ и серьезныхъ разговоровъ, которые казались ему въ тысячу разъ болѣе пустыми и безсодержательными, чѣмъ одинъ короткій взглядъ выразительныхъ глазъ Лери. Вѣроятно, и хозяйка, со своимъ обычнымъ тактомъ свѣтской женщины, почувствовала, что Лери разстроила своимъ появленіемъ наладившійся было разговоръ и что теперь ея гостямъ все покажется скучнымъ. Она обратилась къ графу съ предложеніемъ взглянуть на танцы, и старикъ согласился тотчасъ же.

— Не откажусь!—сказалъ онъ съ своимъ отчетливымъ произношеніемъ словъ.—И особенно хочу посмотрѣть вашу дочку. Она у васъ такая прелесть!

Пожилыя дамы отказались идти въ залу: имъ было такъ удобно тутъ, и кромѣ того онѣ достаточно насмотрѣлись на танцы на своемъ вѣку.

Асмолинъ всталъ, выпрямляя плечи, извинился передъ дамами, снисходительно уронившими свое: «пожалуйста!» и вышелъ вслѣдъ за графомъ и Данаевой. Какое-то молодое волненіе овладѣвало имъ. Онъ не узнавалъ комнатъ, по которымъ они проходили, хотя достаточно привыкъ къ нимъ за свое четырехмѣсячное пребываніе въ этомъ домѣ; удивлялся массѣ прислуги, почтительно дававшей

дорогу хозяйкѣ. Въ кабинетѣ Андрей Ивановичъ, сидѣвшій за партіей винта, крикнулъ ему: «А, Сергѣй Николаевичъ! не забивайте моихъ-то молодцовъ!» И хотя генералъ вслѣдъ за этимъ сейчасъ же напалъ на своего партнера, очевидно, совсѣмъ забывъ объ Асмолинѣ и о своихъ молодцахъ,—это восклицаніе все-таки порадовало Сергѣя Николаевича. Попавшіяся на поворотѣ въ «зеленую» гостиную двѣ барышни стрѣльнули въ него глазками, покраснѣли и улыбнулись, но въ его глазахъ почему-то сейчасъ же встала фигурка сегодняшней Лери, и онъ подумалъ:

«Далеко вамъ...»

И не докончилъ своей мысли. Звуки вальса, въ довольно медленномъ темпѣ, въ pianissimo, точно дуновеніемъ вѣтерка донеслись до нихъ.

— Что-то новое...—уронилъ графъ, полуоборачиваясь къ Павлѣ Михайловнѣ, шедшей теперь рядомъ съ нимъ.—И мастерски начато...

Они заговорили, кажется, объ оркестрѣ. Асмолинъ продолжалъ ловить жаднымъ слухомъ томные медлительные переливы мелодіи. Они повернули опять и очутились передъ высокою круглою аркой, только на этотъ день открытой въ залу. Звуки музыки слышались теперь совсѣмъ ясно, и видны были мелькавшія по паркету пары, число которыхъ все увеличивалось. У арки сгруппировалось очень много молодыхъ людей, большею частью, видимо приготовившихся танцовать; многіе надѣвали перчатки. Павла Михайловна съ присущею ей изящной величавостью, шумя дорогимъ платьемъ, прошла между этими мужчинами, разступавшимися передъ нею. Нѣкоторыхъ изъ нихъ она еще не видала сегодня и привѣтливо отвѣчала на многочисленные поклоны. Графъ пробирался вслѣдъ за ней, извиняясь, щурясь отъ яркаго свѣта залы и покровительственно кивая головой знакомымъ; Асмолинъ шелъ серьезно, съ обычною выправкой, повторяя на каждомъ шагу:

— Pardon!... Простите. Позвольте, пожалуйста.

Наконецъ, онъ пробрался въ залу и сталъ рядомъ съ графомъ. Павлѣ Михайловнѣ сейчасъ же откуда-то подкатили chaise-longue, явился и стулъ для графа. Асмолинъ сталъ за кресломъ Данаевой и смотрѣлъ. Нѣжащіе звуки вальса слегка возбуждали его.

— La voila!—сказалъ графъ.—Но, право, она лучше всѣхъ сегодня. Браво!—онъ легко похлопалъ руками, посылая эти аплодисменты вслѣдъ Лери, только что бывшей около нихъ и теперь улыбавшейся съ другого конца залы.—Нѣтъ, нѣтъ, она мнѣ очень нравится. И когда она успѣла вырасти?

— А она, напротивъ, находитъ, что ей слишкомъ долго не давали вырасти,—сказала Павла Михайловна, любовнымъ взглядомъ слѣдя за дочерью и сознавая, что она необыкновенно мила сегодня.—Еслибъ вы знали, сколько было мечтаній и разговоровъ объ этомъ вечерѣ, о платьѣ, о прическѣ! Иногда, право, мнѣ кажется, что она еще слишкомъ ребенокъ для своихъ шестнадцати лѣтъ.

— Шестнадцать лѣтъ?—пробормоталъ графъ.—Только шестнадцать лѣтъ? Дивный возрастъ!

Они продолжали любоваться танцующими. Въ самомъ дѣлѣ, было очень много хорошенькихъ, большею частью совсѣмъ молодыхъ барышень, которыя, подобно Лери, только что бросили короткія платья. Это не былъ обыкновенный балъ высшаго круга, куда являются танцовать дамы неопредѣленныхъ лѣтъ, гдѣ блестятъ красотою открытыхъ, вполнѣ развившихся плечъ, гдѣ поражаютъ роскошью туалетовъ и брилліантовъ. Здѣсь все было отдано въ распоряженіе юности; даже молодыя дамы, явившіяся въ скромныхъ, до горла застегнутыхъ платьяхъ, не рисковали смѣшаться съ толпой этихъ невинныхъ, беззаботныхъ дѣвушекъ, порхавшихъ по залѣ. Обнаженныя, трогательныя своими крайне молодыми формами плечи, руки, дѣтскія, бѣлыя шейки; легкія воздушныя матеріи платьевъ, напоминавшихъ разноцвѣтныя облачка, двигавшіяся по залѣ, и никакихъ почти украшеній. Главнымъ изъ нихъ была молодость, и это съ избыткомъ замѣняло все. Мужчины почти всѣ были старше и опытнѣе, да именно такихъ и нужно было этимъ малолѣткамъ, изъ которыхъ многія выступали до сихъ поръ только на дѣтскихъ балахъ. Лица дышали восторгомъ, танцы исполнялись съ увлеченіемъ. Большая зала казалась мала для такого количества паръ, а ихъ все прибывало еще. Вальсъ продолжался болѣе получаса, и всѣмъ еще не хотѣлось разставаться съ его плавнымъ движеніемъ.

— La petite tombera de fatigue!—сквозь зубы проронилъ графъ.

Асмолинъ не удивился, замѣтивъ, что старикъ все время слѣдилъ за Лери. Даже и въ этой массѣ молоденькихъ и красивыхъ дѣвушекъ она замѣтно выдѣлялась. Въ каждомъ па ея маленькихъ ногъ, выставлявшихся изъ-подъ свѣтлаго подола платья, въ каждомъ поворотѣ изящной, уже растрепавшейся, головки чувствовалось что-то своеобразное, новое, что отличало ее отъ толпы. Среди всевозможныхъ цвѣтовъ платьевъ, пестрѣвшихъ вокругъ, глаза почему-то дольше останавливались на граціозно колыхавшихся складкахъ платья Лери изъ шелковистой блестящей ткани, цвѣта crême, на ея закинутой назадъ, смѣющейся головкѣ съ темными

локонами, въ которыхъ бѣлѣли розы. Можетъ быть, просто пріятно было смотрѣть на дѣвушку, съ такимъ искреннимъ удовольствіемъ отдавшуюся медленному вихрю, подъ томный лепетъ музыки. Она танцовала со всѣми, не разбирая, не отказывая, даже не колеблясь ни передъ кѣмъ. Становилось почти жарко, вальсъ подходилъ къ концу, пары рѣдѣли, а ее все не оставляли въ покоѣ. Даже Володя, все время усердно трудившійся, рѣшился дать себѣ отдохнуть и присѣлъ въ углу залы, подлѣ хорошенькой рыженькой барышни, съ большими, точно удивленными чѣмъ глазами. Дирижеръ отиралъ съ лица потъ, ритмъ вальса сталъ еще медленнѣе.

— Вотъ и мы,—сказалъ Гриша, входя черезъ арку въ залу и необыкновенно гордо ведя подъ руку m-elle Paton.—Мы будемъ танцовать кадриль. Ахъ, мое почтеніе, ваше сіятельство! Да гдѣ же наша Леричка? Ну, совсѣмъ замучили бѣдняжку.

M-elle Paton сіяла и безпрестанно поправляла безчисленныя кудряшки, спускавшіяся на ея большой лобъ. Она была довольно интересна сегодня, вся въ черномъ; совершенно утратила свой обыкновенный видъ строгой наставницы и напропалую кокетничала съ Гришей, который, впрочемъ, ничего не замѣчалъ въ простотѣ души. Онъ объявилъ Асмолину, что намѣренъ танцовать съ француженкой цѣлый вечеръ, а въ благодарность за это она будетъ сидѣть подлѣ него за ужиномъ и отдавать ему всѣ свои порціи кушаній.

— О, это слишкомъ! — расхохотался прислушивавшійся графъ.—Бѣдная барышня останется совсѣмъ безъ ѣды. .

— Ваше сіятельство, зато я буду безъ ногъ,—защищался Гриша.—Вы думаете, мнѣ легко? Вѣдь никогда не танцовалъ, только ужъ для сестрина рожденія. Вотъ сейчасъ передъ кадрилью страхъ беретъ! Вѣдь подумай, мамочка, ничего не помню.

Мать слушала его болтовню съ любовнымъ вниманіемъ. Послѣ Лери онъ былъ ея любимцемъ, хотя она сама не могла понять, чѣмъ онъ лучше ея остальныхъ сыновей. Ей вовсе не по вкусу были вѣчныя насмѣшки въ домѣ надъ M-elle Paton и ея любовью къ Гришѣ, но зная, что это чистѣйшій вздоръ, она ради Гриши смотрѣла на это сквозь пальцы и только обвиняла француженку въ недостаточномъ умѣньѣ поставить себя въ домѣ. Впрочемъ, и для самой поэтической любви Гриша требовалъ какого-нибудь прозаическаго доказательства въ видѣ чего-нибудь съѣстного и вкуснаго. Страдала больше всѣхъ Аринушка, прибѣгавшая жаловаться на похищеніе припасовъ изъ кладовой, но развѣ можно было сердиться на Гришу, который къ тому же упрямо отрицалъ свою вину? За m-elle Paton

обыкновенно вступалась Лери, и все дѣло кончалось къ общему удовольствію, чтобы опять возобновиться черезъ нѣсколько дней.

Павла Михайловна нашла возможнымъ разсказать все это графу, пока Гриша, по ея настоянію, пошелъ за Лери. Графъ хохоталъ, Асмолинъ тоже улыбался, хотя для него это была слишкомъ знакомая исторія. M-lle Paton вертѣлась около нихъ, нѣсколько жеманничая и громко выражая свой восторгъ, по поводу чрезвычайно удавшагося вечера. Ее никто не слушалъ, но это не заставляло ее прекратить свои разсужденія. Зала пустѣла, пары проходили мимо. Володя, гремя шпорами, пролетѣлъ къ оркестру и обратно; черезъ минуту вальсъ оборвался полнымъ аккордомъ. Скоро вернулся Гриша, объявивъ, что Лери придетъ сію минуту, и увелъ m-lle Paton, по дорогѣ упрашивая, на не совсѣмъ правильномъ французскомъ языкѣ, не сердиться на него, если ему случится спутать всю кадриль. Володя подвелъ къ матери рыженькую барышню, она оказалась той самой Лизой Павловой, которую такъ расхваливала Лери. Кружокъ около нихъ все увеличивался, подошли еще двѣ барышни, и Асмолинъ, узнавъ въ одной изъ нихъ свою новую знакомую, хорошенькую блондинку, пригласилъ ее на кадриль. Она покраснѣла вся отъ удовольствія и наклонила бѣлокурую головку, благодаря его. А полковнику опять вспомнились бѣлыя поникшія розы, запутавшіяся въ темномъ шелку волосъ другой головки.

— Пьютъ ужъ чай,—говорилъ Володя,—я совѣтую и вамъ, полковникъ, вести туда m-elle Казаринову. Еще есть свободные столики.

Павла Михайловна позвала къ себѣ застѣнчиво стоявшую подлѣ Асмолина блондинку и стала разспрашивать ее объ институтѣ, который она окончила въ прошломъ году. Слушая тихіе односложные отвѣты дѣвушки, смотря на блѣдное личико со скромно опущенными рѣсницами, Сергѣй Николаевичъ почувствовалъ къ ней что-то вродѣ жалости. Какая разница съ этимъ бѣсенкомъ Лери, такой привлекательной и опасной сегодня. Однако надо было идти. Володя отыскалъ столикъ, гдѣ они могли сидѣть en quatre, и приглашалъ полковника.

— Прошу васъ,— сказалъ Асмолинъ, предлагая руку снова вспыхнувшей блондинкѣ.—Мы за вами, Владиміръ Андреевичъ.

— Славная дѣвочка!—сказала Павла Михайловна.—Умненькая, хорошенькая и скромная. Очень милая дѣвочка.

— Можетъ быть, но вотъ эта лучше,—отвѣтилъ графъ, смотря глазами знатока на приближавшуюся Лери.—Къ тому же вѣдь это юная виновница торжества.

Но «юная виновница торжества» не обращала еще на него вниманія. Она остановилась посреди залы, опираясь на руку высокаго драгуна, съ которымъ должна была танцовать кадриль, и, вся жаркая, искрящимися темными глазами слѣдила за удалявшимся полковникомъ. И недоумѣніе, и тревога были написаны на опечаленномъ личикѣ, и какое-то новое неопредѣленное еще чувство сжимало ея сердце. Потомъ она вздохнула, повернулась къ ожидавшимъ ее графу и матери, и веселая улыбка пробѣжала по ея подвижному лицу. Маленькая Лери умѣла уже притворяться, умѣла скрывать отъ постороннихъ свои горести и печали.

— Ну, что, большая?—спрашивала ласково Павла Михайловна.—Какъ ты раскраснѣлась! Довольна?

И графъ, и драгунъ улыбались, и никто не сомнѣвался, что сегодня дѣвочка на верху блаженства. И сама Лери, пряча лицо на груди матери, повторила вздрагивающимъ шепотомъ:

— Я счастлива, мама, очень счастлива!...

XVI.

Ужинъ былъ назначенъ въ половинѣ второго, а затѣмъ предполагались опять танцы. Оживленіе еще возросло. Володя былъ отличнымъ распорядителемъ, кричалъ во всю силу легкихъ, изобрѣталъ самыя затѣйливыя фигуры,—словомъ, старался во-всю и вносилъ много жизни въ танцы. Лери поддалась общему веселью, ея природная энергія взяла верхъ надъ опасеніями, и она рѣшила не падать духомъ, несмотря ни на какіе дурные признаки. Ея всегдашняя находчивость вернулась къ ней, и она стала дѣйствовать, не теряя времени. Самые рискованные, самые невозможные планы зашевелились у нея въ головѣ, когда ей сказали младшіе братья, что за ужиномъ будутъ сидѣть по билетамъ, и что они уже запаслись этими билетами, чтобы сидѣть рядомъ со своими барышнями. О Володѣ нечего было и говорить: какъ распорядитель, онъ могъ сидѣть гдѣ угодно со своей дамой. Лери, озабоченная, протанцовала кое-какъ третью кадриль съ влюбленнымъ въ нее юнкеромъ Бѣгуновымъ и поспѣшила къ Володѣ, вытиравшему мокрое лицо.

— Фу! что-то очень тепло, сестренка! — сказалъ Володя.— Что угодно? Говори скорѣе, а то я улетучусь.

— Да знаешь ли? — начала Лери, съ негодующимъ лицомъ оборачиваясь къ юнкеру, который не имѣлъ достаточно такта, чтобъ удалиться на время этого разговора. — Мнѣ очень хочется сидѣть за ужиномъ рядомъ съ однимъ господиномъ. Дай мнѣ билетикъ, Володя, милый.

Но Володя только развелъ руками.

— Ты поздно хватилась; я всѣ билеты роздалъ, которые у меня были. Ѳедя съ Костей взяли, Барвенковъ, Мулль, Китцеръ... Всѣ по парѣ взяли, для себя и для барышни. Да тебѣ для кого нужно-то? Можетъ быть, онъ тоже взялъ?

— А если не взялъ?—тревожно спросила Лери.

— Если тебѣ не принесъ, то что же дѣлать? Значитъ, хочетъ сидѣть съ другой какой-нибудь барышней; нельзя же разлучать человѣка съ его симпатіей. Вѣдь ты сама хотѣла, чтобъ у тебя на балу всѣ были довольны и счастливы.

— Да, это такъ,—согласилась Лери, чуть не плача.—Но вѣдь и мнѣ самой тоже хочется быть довольной и счастливой и сидѣть рядомъ съ симпатіей. Сдѣлай для меня, Володя, сегодня мое рожденіе.

— Да скажи, кто?—добивался Володя.—Скорѣе, зовутъ меня.

— Я бы тебѣ сказала,—отвѣтила Лери, почти съ ненавистью оглядывая неотстававшаго отъ нея Бѣгунова. — Да ты догадайся: его фамилія на *А* начинается...

Но Володя махнулъ рукой и исчезъ. Лери осталась одна передъ своимъ поклонникомъ, робко смотрѣвшимъ на нее. Одинъ видъ его длинной фигуры и большого носа раздражилъ ее. Она сказала мрачно:

— Не смотрите на меня съ такимъ глупымъ видомъ, Вася Бѣгуновъ. У меня свои планы.

— О, знаю, — пробормоталъ Вася Бѣгуновъ, съ уваженіемъ смотря на ея наморщившійся отъ умственнаго усилія лобъ.—А я вотъ, Калерія Андреевна, что за третьей кадрилью сочинилъ. Послушайте! И экспромтомъ, главное—экспромтомъ!

Несмотря на ея недовольное лицо, онъ началъ возвышеннымъ голосомъ:

О, не тоскуй мечтатель бѣдный,
Надъ погребенною судьбой;
Твой видъ унылый, ликъ твой блѣдный
Не понимаются толпой.
Не лучше-ль будетъ, если розы
Ты на ланитахъ оживишь,
Презришь насмѣшки и угрозы
И милой сердце посвятишь!

— Хороши вы будете, когда у васъ на ланитахъ выростутъ розы! Замѣчательно! — вскричала Лери съ нескрываемой насмѣшкой.—Удивительно, какой у васъ глупый умъ, Бѣгуновъ. То-есть

вы понимаете, я хочу сказать, что онъ у васъ все надъ самыми глупыми вещами трудится. Вотъ лучше бы было, если бы вы помогли мнѣ найти билеты... только парочку, одну парочку. Найдите, милый, прекрасный! Я тогда вамъ позволю написать себѣ въ альбомъ стихи, какъ бы они ни были глупы. Вы только подумайте: на моемъ собственномъ балу и вдругъ я несчастна и грустна. Неужели ваше сердце не обливается слезами?

— Конечно, обливается!—отвѣтилъ Бѣгуновъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, такъ какъ онъ не чувствовалъ ничего подобнаго.—Но для этого мнѣ нужно знать его имя.

Лери разсердилась.

— Ну что вы повторяете Володины слова? Мало ли что вамъ нужно. Убирайтесь отъ меня и не смѣйте подходить никогда, никогда!... И стиховъ мнѣ не смѣйте сочинять.

Очень ужъ ее огорчила невозможность сидѣть съ полковникомъ за ужиномъ. Еще ни разу за весь вечеръ ей не удалось ни встрѣтиться, ни поговорить съ нимъ. Она видѣла его издали танцующимъ сперва съ Зиной, потомъ съ Катой, и хотя это было по ея просьбѣ, такое послушаніе не радовало ее. Даже четвертая кадриль, на которую она такъ надѣялась, была дамская, и она видѣла, какъ его пригласила хорошенькая Лиза Павлова. А теперь еще ее постигло разочарованіе съ билетиками, и она срывала свою досаду на бѣдномъ поэтѣ. Но увидавъ его вытянутое, даже испуганное лицо, она сейчасъ же раскаялась и сказала гораздо мягче:

— Да нѣтъ, я нарочно. Ну, что ужъ! Сочиняйте лучше свои стихи, а я буду дѣйствовать. Не сердитесь!...

Конечно, онъ и не думалъ сердиться. Они мирно пошли отыскивать Аринушку, отъ которой Лери надѣялась узнать кое-что о билетахъ. Юнкеръ даже соглашался протанцовать съ этою дамой пятую кадриль, если она дастъ сейчасъ билеты.

— Что за важность!—уговаривала его Лери, замѣтивъ колебаніе въ его голосѣ.—А зато я васъ, можетъ быть, приглашу на четвертую, хорошо? Только, можетъ быть. А Аринушка ничего себѣ, дама, какъ дама, только чудная немножно. Но съ ней многіе собирались танцовать, вотъ даже Асмолинъ. Знаете вы Асмолина?

— Ахъ, это сердитый полковникъ такой!—вспомнилъ Бѣгуновъ и щурился. — Онъ съ Аринушкой?! Ну, что-жъ, и я тогда буду, даже съ удовольствіемъ.

Лери разсѣянно посмотрѣла на него.

— А развѣ онъ сердитый?—спросила она, заинтересованная, стараясь представить себѣ сердитымъ всегда ласковаго и ровнаго

полковника.—Да развѣ онъ бываетъ сердитый?—повторила она, смотря на замявшагося юнкера.

Онъ, наконецъ, долженъ былъ разсказать ей, въ чемъ дѣло. Это вышло такъ глупо! Бѣгуновъ съ товарищемъ стояли у дверей залы, а товарищъ сказалъ, что лучше m-elle Данаевой онъ никого не видѣлъ въ цѣломъ мірѣ. Онъ, Бѣгуновъ, сейчасъ же экспромтомъ сочинилъ стихи и сказалъ ихъ громкимъ голосомъ. И не замѣтили, что сзади нихъ стоялъ этотъ полковникъ, вдругъ онъ выдвинулся впередъ и сказалъ...

— И сказалъ?... Что же онъ сказалъ?—приставала Лери.—Да говорите же, Бѣгуновъ.

— Да что? Право, ничего особеннаго.—Бѣгуновъ еще колебался .— Онъ говоритъ: если вы, молодые люди, еще позволите себѣ такія глупости вслухъ говорить, то я принужденъ буду обратиться къ вашему начальству. Нѣтъ, Калерія Андреевна, не говорите, онъ очень золъ, этотъ полковникъ. И главное—за что? Положимъ, поэтовъ всегда притѣсняютъ, ужъ таковъ нашъ удѣлъ...

— Ахъ, мнѣ дѣла нѣтъ до этого!—перебила безсердечная Лери.—Теперь только бы Аринушку уговорить дать билеты, и дѣло въ шляпѣ.

Съ Аринушкой дѣло уладилось скоро. Сперва она все отнѣкивалась и просила Лери объяснить «молодому юношѣ», что она не генеральша, а просто дама. Но при этомъ она старательно расправляла и выставляла на-показъ всѣ свои крендельки, вѣроятно, желая совсѣмъ ослѣпить неопытнаго молодого человѣка. Узнавъ, что ее, несмотря ни на что, все-таки приглашаютъ на кадриль,—единственный танецъ, который она допускала для дамы «среднихъ» лѣтъ,—она пришла въ умиленіе, принесла изъ кладовой какой-то особенный тортъ; ни Лери, ни Бѣгуновъ не думали отказываться.

Лери, получивъ цѣлыхъ четыре билета, прыгала отъ радости. Аринушка же такъ возгордилась полученнымъ приглашеніемъ, что сейчасъ же надѣла еще двѣ брошки и поправила бантики на головѣ. Юнкеръ отъ ужаса подавился пирогомъ, вспомнивъ, что ему придется вести ее въ залу, ужасъ этотъ еще усилился, когда Лери пошептала что-то Аринушкѣ, и Аринушка сказала съ очаровательною улыбкой:

— Ахъ, молодой человѣкъ! я въ награду тоже васъ аранжирую на дамскую кадриль.

А коварная Лери, давшая ей этотъ совѣтъ, заливалась неудержимымъ хохотомъ, глядя на оригинальную пару. Наконецъ она убѣжала, услыхавъ звуки mignon, только что входившаго въ моду

танца, который она очень любила. Кромѣ того, ей надо было еще пригласить кого-нибудь на кадриль, иначе ей бы пришлось просидѣть весь танецъ.

Едва она вошла, къ ней подлетѣлъ Дубенскій, уже давно искавшій ее по всѣмъ комнатамъ. Лери исполнила mignon такъ удачно, что ее даже наградили апплодисментами и просили повторить. Но она не забывала о своемъ главномъ дѣлѣ и потому многимъ отказывала, ссылаясь на усталость. Она сѣла подлѣ m-elle Paton и начала говорить ей комплименты, самые тонкіе и лестные, какіе она могла придумать. Какъ хорошо это новое платье у m-elle! оно сидитъ, какъ влитое, и m-elle похожа въ немъ на Марію Стюартъ. А Гриша, бѣдный, совсѣмъ увлекся нынче, даже забылъ о своемъ солидномъ вѣсѣ и танцуетъ безъ устали. А если бы m-elle знала, какъ она интересна сегодня, право, она смотритъ ровесницей ея, Лери.

— Многіе находятъ это,—болтала Лери съ самымъ невиннымъ видомъ.—Многіе молодые люди просили познакомить ихъ съ вами, но Гриша не допускаетъ этого. Ахъ, m-elle, вотъ что значитъ быть парижанкой! Чуть вы пріодѣлись и занялись собой, и сразу съ васъ слетѣло лѣтъ двадцать пять. Какое, даже больше!...

Эта неумѣренная лесть чуть-чуть въ концѣ не обидѣла m-elle Paton, но Лери сумѣла поправить дѣла. Она продолжала говорить о Гришѣ и объ его любви къ m-elle, потомъ вдругъ сдѣлала печальное лицо и начала глубоко вздыхать.

— Что такое?—почти испугалась француженка.

Послѣ долгихъ вздоховъ Лери сказала, что у нея нѣтъ кавалера на ужинъ и что она намѣрена взять Гришу, зная, что m-elle не будетъ въ претензіи за это. Но въ то-же время Лери такъ пугала француженку вѣроятнымъ гнѣвомъ Гриши, что та наконецъ пробормотала:

— Но все-таки, Лери, можетъ быть, еще есть кто-нибудь свободный изъ кавалеровъ? Можетъ быть, это еще устроится. Я бы похлопотала.

Лери подумала немного.

— Есть одинъ,—сказала она медленно, точно припоминая.— Кажется, Асмолинъ еще никого не приглашалъ. Хотя имѣть его своимъ кавалеромъ не особенно пріятно, но все равно. Если хотите, похлопочите, m-lle. Узнайте, свободенъ ли онъ; да только не говорите, что это отъ меня. Слышите?... Если онъ никого не приглашалъ, дайте ему этотъ билетъ, скажите, что отъ неизвѣстной дамы. Бѣда вамъ будетъ, если проговоритесь!... А впрочемъ, лучше

я съ Гришей сяду, еще вы, пожалуй, не сумѣете ничего сдѣлать. А то хотите вотъ билетъ для Асмолина?... Да смотрите, ни слова обо мнѣ.

Она вручила француженкѣ одинъ изъ четырехъ билетовъ и сейчасъ же пошла съ Володей, который, по желанію графа и Павлы Михайловны, пригласилъ ее на mignon. Лери опять мастерски исполнила этотъ пластичный, граціозный танецъ, такъ что даже Володя шепталъ ей: Браво, сетричка, браво!—а многочисленные зрители громко выражали свое одобреніе. Но, танцуя, Лери не забывала слѣдить за m-elle Paton, которая озабоченно бѣгала по залѣ и старательно искала кого-то. Лери видѣла, какъ она подошла къ полковнику, что-то поговорила съ нимъ, какъ потомъ m-elle Paton ушла, а онъ остался съ билетомъ въ рукахъ, съ недоумѣніемъ разглядывая его. Лери почувствовала, что духъ у нея захватило отъ радости, она крѣпко сжала руку Володи, такъ что тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Но ноги продолжали выдѣлывать заученныя па; они ни на секунду не сбились.

— Устала?—спросилъ Володя.—А сейчасъ маленькій перерывъ—и кадриль. Почти никто не танцуетъ mignon.

— Кадриль?...—Лери вспомнила, что она не нашла ни кавалера, ни vis-à-vis.

— Да, вотъ что, Володя: у меня нѣтъ никого на кадриль; я боюсь, что я уже опоздала.

— Вовсе нѣтъ!—сказалъ Володя, повертывая ее и продолжая танецъ.—Я хотѣлъ еще сказать тебѣ: невѣжливо будетъ, если ты не протанцуешь ни разу съ Сергѣемъ Николаевичемъ. Къ тому же онъ ждетъ, чтобы ты его пригласила на дамскую; онъ всѣмъ отказываетъ.

Лери раскрыла широко глаза.

— А Лиза Павлова?—спросила она.—Я сама видѣла...

— Что Лиза Павлова?... Лиза Павлова меня пригласила. Впрочемъ, его она хотѣла взять vis-à-vis. Вотъ, если ты съ нимъ будешь... Однако, Леричка, мы сбились.

— Ну, что тутъ!—вскрикнула Лери, дѣлая необыкновенный прыжокъ на самомъ главномъ мѣстѣ.—Мнѣ надоѣло... довольно.

Mignon оборвался такъ же внезапно, какъ внезапенъ былъ ея прыжокъ, удивившій и насмѣшившій публику. Оркестръ прогремѣлъ ритурнель. Теперь уже барышни носились по всѣмъ направленіямъ, а кавалеры скромно стояли по стѣнкамъ. Какой-то молодой офицеръ изъ товарищей Володи заставлялъ свою даму угощать и занимать его.

«И мнѣ такъ же придется!—радовалась Лери, поглядывая на одиноко стоявшаго въ дверяхъ залы полковника.—Однако мнѣ страшно подойти къ нему, страхъ какъ страшно! Чего же боюсь?...»

Она свободно и смѣло подошла къ нему, стараясь скрыть и побороть необъяснимый стыдливый страхъ. Она видѣла по его лицу, по его улыбкѣ, что онъ ждалъ этого приглашенія и радовался ему теперь, и все-таки ей было чего-то страшно. Очутившись передъ нимъ, она еле могла прошептать свое приглашеніе:

— Пойдемте танцовать кадриль со мной.

Онъ улыбнулся, поклонился и сталъ крутить усы, смотря на нее. Ей было попрежнему неловко, и она ждала, что онъ заговоритъ первый. Она видѣла, что за ней слѣдили, тамъ въ группѣ maman, сознавала, что ей нужно сказать что-нибудь, и только молча прерывисто дышала, вся горя подъ его взглядомъ.

— Наконецъ-то!—сказалъ онъ.—И вамъ не совѣстно? вѣдь я видѣлъ, какъ Владиміръ Андреевичъ уговаривалъ васъ пригласить меня. Нехорошо, очень нехорошо, Калерія Андреевна, забывать старыхъ друзей. И чѣмъ я это заслужилъ? вы видѣли, какъ я старался вамъ угодить, танцуя съ Таровскими. Вѣдь это я дѣлалъ только для васъ.

Онъ продолжалъ говорить, чтобы дать ей время оправиться. Онъ больше не сомнѣвался... Блестящіе каріе глаза все время слѣдили за нимъ, и онъ самъ поджидалъ взгляда этихъ глазъ и каждый разъ радовался ему. Ему было понятно и ея теперешнее смущеніе, и стыдливая краска тонкой кожи лица, и мелкая дрожь, пробѣгавшая по молодымъ плечамъ. Его радовало, трогало и забавляло, когда онъ видѣлъ, какъ дѣвочка старательно и наивно прячетъ это свое первое чувство, выдавая себя на каждомъ шагу. Онъ самъ еще не зналъ, что чувствуетъ къ ней; онъ былъ только пріятно пораженъ и почти увѣренъ, что дѣвочка если не влюблена, то «обожаетъ» его. Теперь, когда она подняла на него нѣжные и жаркіе глаза, его взоръ потонулъ въ ихъ бархатистой глубинѣ, и онъ сказалъ себѣ, что имѣть право постоянно глядѣть въ такіе глаза—великое счастье, что для этого счастья стоитъ жить. Онъ удивлялся, какъ онъ раньше не замѣчалъ этихъ глазъ, подобныхъ которымъ нигдѣ не встрѣчалъ. И сама она вся, со своей стройной фигуркой, съ молодой грудью, вздымавшей кружева платья, съ пушистой головкой, съ матово-розовымъ измѣнчивымъ лицомъ,—развѣ не была она прелестна въ своей юной красотѣ?

Лери стояла полуотвернувшись, чувствуя на себѣ его взглядъ, который ее и пугалъ, и радовалъ. Онъ могъ видѣть ея словно точе-

ный профель, полныя полуоткрытыя губки, щеку, залитую горячимъ румянцемъ, конецъ тонкой черной брови и опущенныя трепетныя рѣсницы. Изъ-подъ нависшихъ темныхъ прядокъ растрепавшихся волосъ выглядывало маленькое ухо, нѣжно-розовое, прозрачное; въ мочкѣ переливалась крошечная брилліантовая сережка, словно капелька воды. Онъ смотрѣлъ на бѣлое, соблазнительно-гладкое мѣстечко руки, одно только мѣстечко между коротким рукавомъ платья и завернувшейся длинной перчаткой. Она нервно раскрывала и складывала свой новый бѣлый вѣеръ и казалась еще лучше въ своемъ миломъ замѣшательствѣ.

Ее окликнула Павла Михайловна, совѣтовавшая поторопить Аринушку съ ужиномъ и лучше послѣ ужина танцовать сколько угодно. Она поправила на шеѣ дочери снятыя кружева, заложила за разгорѣвшееся ухо выбившійся локонъ. Лери еще слушала ее, переживая то сладкое и жуткое ощущеніе, съ которымъ она стояла сейчасъ подлѣ Асмолина и котораго она не умѣла объяснить себѣ. Полная, довольно красивая дама неопредѣленныхъ лѣтъ усердно приглашала Лери къ себѣ на костюмированный вечеръ на Масляницѣ, повторяя, что она уже заручилась позволеніемъ Павлы Михайловны.

— Я думаю, она будетъ,—сказала Павла Михайловна въ отвѣтъ дамѣ неопредѣленныхъ лѣтъ.—А непремѣнно всѣ должны быть въ костюмахъ? Вѣдь Володѣ кромѣ домино ничего нельзя.

Она вдругъ замолчала, глядя удивленными глазами на противоположную сторону залы, гдѣ уже начинали устанавливаться пары. Оркестръ второй разъ проигралъ ритурнель. Ѳедя прошелъ мимо съ высокой брюнеткой въ ярко-красномъ газовомъ платьѣ. Оба смотрѣли туда же, куда и Павла Михайловна, и оба звонко хохотали.

— Боже мой!—проговорила Павла Михайловна, хмурясь, и смѣясь, и пожимая плечами:—что же это такое?!...

— Батюшки!—тихонько ахнула Лери, поворачивая туда же голову.

Тамъ, между столпившимися нарядными барышнями, между сторонившимися и еле сдерживавшими хохотъ мужчинами пробирался Бѣгуновъ подъ руку съ великолѣпной Аринушкой. У перваго былъ очень несчастный видъ: онъ шелъ опустивъ глаза, и щеки его длиннаго, еще болѣе вытянувшагося лица пылали. Онъ готовъ былъ видимо провалиться сквозь землю, лишь бы избѣгнуть этихъ взрывовъ отчаяннаго хохота, которымъ всюду встрѣчали его. Аринушка, напротивъ, шла съ важностью, безпрестанно расправляя крен-

дельки на отворотахъ платья и все оглядывалась, хорошо ли тащится шлейфъ сзади. Барышни вытягивали шеи, чтобы взглянуть ей въ лицо; кавалеры отвертывались и неудержимо хохотали, но Аринушка гордо шла впередъ, не обращая ни на кого вниманія, непреклонно и серьезно таща своего оробѣвшаго и сконфуженнаго кавалера. Изъ дверей коридора выглядывало благообразное лицо Петра, очевидно бывшаго въ полномъ недоумѣніи. Хохотъ все усиливался.

— Это все твои штуки!—строго обратилась къ дочери Павла Михайловна, сейчасъ же отвертываясь, чтобы скрыть улыбку.—Надо во всемъ знать мѣру,—продолжала она дрожащимъ отъ сдерживаемаго смѣха голосъ.—Ну, что теперь дѣлать? вѣдь это потѣха.

— Ну пусть, мама, пусть!—шептала Лери, все время хохотавшая до слезъ.—Вѣдь это Бѣгуновъ ее пригласилъ, а она его... Мамочка, зачѣмъ мѣшать ихъ счастью? это несправедливо. Мамочка, у ней и перчатки есть, смотри...

Она обернулась и увидала подходившаго Андрея Ивановича, откровенно хохотавшаго на всю залу. Онъ качалъ головой, держась за бока и тщетно стараясь успокоиться.

— Убилъ бобра... Хо-хо-хо!...—раскатывался Андрей Ивановичъ.—Мало ему молоденькихъ и хорошенькихъ... Ха-ха! на днѣ моря сокровище себѣ отыскалъ, счастливецъ. Уморили вы меня съ этимъ баломъ,—закончилъ онъ, грузно опускаясь на стулъ возлѣ жены.

— А! и ты здѣсь, стрекоза? Ну, какъ прыгаешь?

— Представь, это все она,—сказала Павла Михайловна уже дѣйствительно недовольнымъ голосомъ.—Не знаю, что у нея за страсть всегда всѣхъ воображать влюбленными и покровительствовать имъ. Гриша все время тоже возится съ Патонъ.

— Да я, maman,—начала было Лери:—я...

— Нѣтъ, вы посмотрите, графъ, какое у него лицо!...—снова залился генералъ.—Ха-ха! уморишь ты меня, Лерька, своими проказами. Ну, Аринушка!... отличилась!...

— A vos places!—крикнулъ Володя.

Лери побѣжала къ Асмолину. Снова вся зала, яркая и блестящая, двигавшіеся по ней люди, группа около maman, музыка—все представилось въ другомъ, розовомъ свѣтѣ, когда она оперлась на его руку и пошла съ нимъ на свое мѣсто. Кто-то что-то сказалъ ей, она не поняла. Она только почувствовала, какъ его рука сильнѣе прижала ея руку. Она вспомнила, что у maman забыла перчатки. Но эта мысль мелькнула и исчезла въ массѣ другихъ мыслей, та-

кихъ счастливыхъ и восторженныхъ, что она сама не сумѣла бы ихъ оформить. Она подняла на него взглядъ, уже не сознавая, что̀ дѣлаетъ, и цѣлое море нѣжности заволновалось въ ея глубокихъ глазахъ. Она отдавала ему этимъ взглядомъ и всю себя, и свою любовь; она больше не боролась и не пряталась, она только молила не отталкивать ее прочь. Понялъ ли онъ это? Одну минуту онъ чувствовалъ себя почти безсильнымъ передъ этимъ взглядомъ. Ему вдругъ показалось, что это не та маленькая безличная дѣвочка, ребяческія выходки которой развлекали и забавляли его; не шаловливое дитя, увлекшееся имъ, какъ увлекаются дѣти блестящей игрушкой,—это была сознательно и глубоко-любящая женщина, заглянувшая ему въ душу своими невинными глазами. Онъ нагнулся къ ней близко-близко:

— Милая, маленькая!—прошепталъ онъ.—Хорошо вамъ?

Она только вздохнула счастливымъ трепетнымъ вздохомъ. А онъ, лаская взглядомъ нѣжныя очертанія склоненной головки, ощущая близость Лери, чувствовалъ, что готовъ потерять голову, поддаться маленькой волшебницѣ и махнуть рукой на все. Что-то еще останавливало его.

— Боже мой! Она такой ребенокъ. Что я дѣлаю?

И онъ ближе прижималъ къ груди ея голую ручку и ближе, и нѣжнѣй заглядывалъ въ сіяющій мракъ влюбленныхъ дѣвичьихъ глазъ. Лери въ эти минуты врядъ ли помнила, гдѣ она.

— Сестренка, не задумывайся!—кричалъ гдѣ-то въ пространствѣ голосъ Володи.—A la main, messieurs, à la main! Arrêtez-vous et promenade à une paire!... en avant et plus d'interêt!

XVII.

Ужинъ прошелъ необыкновенно весело. За столомъ сидѣла одна молодежь, и никто изъ старшихъ не смущалъ своимъ присутствіемъ шумной радости, господствовавшей здѣсь. Лери, какъ хозяйку и виновницу празднества, заставили сѣсть во главѣ стола, что̀ вызвало на хорошенькомъ лицѣ довольно откровенную гримаску. Впрочемъ, она не понимала, зачѣмъ она ее сдѣлала; Асмолинъ послѣ кадрили уже не отходилъ отъ нея, и она никого и ничего не замѣчала отъ радости. Толстый Огаревъ, Володинъ товарищъ, напрасно старался обратить на себя ея вниманіе, она взглядывала на него, улыбалась, кивала головой, но всѣ его любезности пропадали даромъ. Драгунъ Дубенскій съ огорченія навалился на ѣду и очень мало занималъ свою хорошенькую даму. Кто-то громко раз-

сказывалъ объ Аринушкѣ и ея манерѣ танцовать, человѣкъ пять слушали и покатывались со смѣху, даже виновникъ всей исторіи, Бѣгуновъ, подъ конецъ развеселился и сталъ описывать въ комическомъ видѣ свое отчаяніе и свой ужасъ. Впрочемъ, никто не осуждалъ его за такое самопожертвованіе, и всѣ единодушно согласились, что желаніе Лери сегодня для всѣхъ законъ. Володя и Гриша по очереди вставали и говорили тосты за «сестренку», встрѣчая горячее сочувствіе со стороны присутствующихъ. Гриша, впрочемъ, говорилъ не очень краснорѣчиво, а подъ конецъ весьма не длинныхъ рѣчей и совсѣмъ терялъ даръ слова, извинялся, садился и принимался за ѣду съ удвоеннымъ усердіемъ. Ему аплодировали съ хохотомъ, и довольнѣе всѣхъ была его дама, m-elle Paton, которая совершенно успокоилась только тогда, когда увидала свою воспитанницу подъ руку съ полковникомъ. Гриша иногда обращался къ ней съ неизмѣнной фразой:

— S'il vous plait, m-elle! L'appetit vient en mangeant.

И m-elle Paton сіяла, довольная его любезностью. Она тараторила громко и весело, такъ что даже Лери, сидѣвшая довольно далеко, обратила вниманіе на необычное оживленіе своей наставницы.

— Какъ мила сегодня наша Патошечка!—тихо сказала она Асмолину, не поднимая глазъ съ тарелки и отлично зная, что онъ на нее смотритъ.—Правда?

— Да, мила очень,—отвѣтилъ онъ, машинально припоминая, кто такая эта Патошечка, и удивляясь, кто тутъ можетъ быть еще милъ кто-нибудь, кромѣ Лери.—Вы мало кушаете,—замѣтилъ онъ, видя, что она положила ножикъ и вилку и вытерла ротъ.

— Я не хочу,—прошептала Лери.—Я все жду мороженаго, Сергѣй Николаевичъ, ужасная жара!... Однако, посмотрите, какія у всѣхъ счастливыя лица.

— Это все вы,—сказалъ онъ, медля отвести отъ нея глаза, чтобы взглянуть на счастливыя лица.—Вы—само счастье.

За столомъ становилось шумнѣе. На нее никто не обращалъ вниманія.

Всѣхъ уже начинало утомлять это долгое сидѣнье за столомъ, и Володя торопилъ Аринушку съ блюдами, отчего Гриша приходилъ въ отчаяніе и довольно громко начиналъ ворчать. Наконецъ, стали подавать пирожное, и Володя распорядился, чтобы разносили шампанское. Лакеи засуетились съ завернутыми въ салфеткахъ бутылками, передъ каждымъ приборомъ заискрился въ запотѣвшемъ хрусталѣ холодный янтарный напитокъ. Толстый Огаревъ сей-

часъ же началъ приставать къ Лери, чтобы она выпила вмѣстѣ съ нимъ за исполненіе одного изъ его желаній, самаго большого и самаго важнаго. Дубенскій, доѣдая пирожное, не совѣтовалъ Лери соглашаться, разъ желаніе это было ей неизвѣстно. Вслѣдствіе этого у Огарева съ Дубенскимъ возникла маленькая ссора, которая очень насмѣшила окружающихъ. Асмолинъ ничего не говорилъ и глядѣлъ на Лери.

— Вотъ когда настоящее-то время для тостовъ! — сказалъ Володя, дѣлая знакъ лакею дополнить бокалы.—Но я, господа, истощилъ весь запасъ темъ и мыслей.

— А я усталъ!—громогласно заявилъ Гриша, вытирая ротъ.—И кромѣ того, господа: l'appetit vient en mangeant.

— C'est ça!—нѣжно подтвердила француженка подъ всеобщій смѣхъ и, подозвавъ лакея съ пирожнымъ, положила на тарелку сосѣда цѣлую гору суфле.

Но всѣ замолчали и насторожились, когда всталъ сидѣвшій на серединѣ стола молодой человѣкъ съ задумчивымъ и симпатичнымъ лицомъ и застѣнчивыми манерами. Онъ, конфузясь и краснѣя, оглядѣлъ сидѣвшихъ своими добрыми глазами и остановилъ ихъ на оживленномъ лицѣ Лери, признательно улыбавшейся ему; за столомъ какъ-то сразу воцарилась тишина, всѣ приготовились слушать. Володя постучалъ о столъ, хотя этого вовсе не нужно было, и громкимъ шепотомъ объявилъ:

— Вниманіе!—хочетъ говорить Егоровъ.

Въ это время въ дверяхъ столовой появились Павла Михайловна съ графомъ, который уже собирался уѣзжать, ссылаясь на свои годы и болѣзни. Онъ только хотѣлъ проститься съ прелестной Калеріей Андреевной, которой онъ не переставалъ восхищаться все время. Графъ хотѣлъ сейчасъ же подойти къ Лери, которую онъ сразу отыскалъ за столомъ, но напряженное молчаніе, лакеи, застывшіе на своихъ мѣстахъ, и тонкая фигура Егорова, стоявшаго съ бокаломъ въ рукѣ,—заставили его остановиться.

— On va parler,—пробормоталъ онъ.

Вошедшихъ никто не замѣтилъ, только Егоровъ скользнулъ по нимъ застѣнчивымъ и разсѣяннымъ взглядомъ. Затѣмъ онъ откашлялся и началъ тихимъ и внятнымъ голосомъ:

— Извините, господа, я не скажу ничего новаго. Мы всѣ сегодня присутствуемъ на праздникѣ юности, воплощеніе которой мы видимъ въ лицѣ нашей молоденькой хозяйки. Пусть она цѣнитъ и дорожитъ своею юностью, этимъ лучшимъ украшеніемъ человѣка, которымъ она превзошла всѣхъ насъ. Отъ лица всѣхъ я про-

возглашаю ее царицей этого вечера и желаю, чтобы въ продолженіе всей жизни ея было такъ же свѣтло и весело, какъ свѣтло и весело теперь, на ея первомъ балу. Пусть этотъ праздникъ будетъ только первымъ въ ряду тѣхъ будущихъ торжествъ и успѣховъ, которые ждутъ ее впереди, и пусть она смотритъ на жизнь такими же ясными и довѣрчивыми глазами, какими смотритъ и теперь. Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ!... Сегодня наша милая хозяйка только приподняла край завѣсы, только заглянула въ окно жизни... Пусть эта жизнь всегда будетъ свѣтла и счастлива, полна радости и добра!... Я кончилъ, господа. Пью за юность и красоту! Пью за хозяйку и царицу вечера, Калерію Андреевну Данаеву!... Ура!

Все зашумѣло и задвигалось, музыка заиграла тушъ, всѣ присутствующіе вторили Володѣ, кричавшему изо всѣхъ силъ, и всѣ потянулись съ бокалами къ Лери.

Павла Михайловна, еще оставаясь въ сторонѣ, спорила съ графомъ, который казался недовольнымъ рѣчью и все пожималъ плечами. Лери стояла на своемъ мѣстѣ, подставляя подходившимъ краешки своего бокала, смѣясь и благодаря за привѣтствія и пожеланія. Въ ея улыбающихся глазахъ сосредоточилась какая-то мысль, съ которой она продолжала протягивать свой бокалъ и отвѣчать на поздравленія. Длинная вереница гостей огибала столъ, медленно, шагъ за шагомъ подвигаясь къ ней. Но она вдругъ поставила свое вино на столъ, выпрямилась и, смотря на Володю и серьезно, и шаловливо, спросила нерѣшительно:

— Володя, а мнѣ можно отвѣтить?

— Ну?! Вотъ такъ мы!—удивился и восхитился Володя и тотчасъ же крикнулъ на весь столъ, точно боясь, что сестра испугается и передумаетъ.

— Господа! по мѣстамъ... Хозяйка говоритъ.

Лери немного смутилась, видя обращенныя на нее лица гостей, удивленныхъ ея смѣлостью. Асмолинъ, продолжая сидѣть, смотрѣлъ на нее снизу вверхъ, держа одною рукой бокалъ, а другой—пощипывая красивые усы. Огаревъ и Дубенскій подняли на нее внимательные, заинтересованные глаза. Ничего! она тряхнула головой и улыбнулась виноватою и плутовскою улыбкой, точно извиняясь заранѣе и уже смѣясь надъ ними за то разочарованіе, которое они всѣ получатъ сейчасъ. Вольно-жъ имъ ждать чего-то особеннаго! Она постаралась принять серьезный видъ и заговорила:

— Я вѣдь не умѣю хорошенько говорить, но вы меня, вѣрно, ужъ поймете. Я очень довольна, что всѣ говорятъ рѣчи, какъ на

настоящемъ торжественномъ ужинѣ, — и говорятъ одинъ другого лучше. Гриша тоже говорилъ бы очень хорошо, но вѣдь онъ не виноватъ, что онъ не ораторъ...

Многіе засмѣялись. Гриша поперхнулся отъ удовольствія и послалъ сестрѣ воздушный поцѣлуй. Павла Михайловна покачала головой, удивленная смѣлою затѣей дочери; графъ ждалъ съ нетерпѣливою улыбкой. Лери продолжала увѣреннѣе:

— Мнѣ желаютъ счастливой жизни... Конечно, если она будетъ такою веселой и прекрасной, какъ этотъ балъ, то лучше и желать нечего. Я нынче отъ всего счастлива, и отъ того, что мнѣ шестнадцать лѣтъ, и я совершенно взрослый человѣкъ, и отъ того, что музыка такъ хорошо играетъ и что всѣ приглашали меня танцовать. Сколько бы лѣтъ я на свѣтѣ ни прожила, я никогда, никогда не забуду ни этого бала, ни этихъ рѣчей и пожеланій!... И васъ всѣхъ никогда не забуду... потому что больше всего меня радуютъ мои милые гости. Я никогда не видала людей лучше васъ... и благодарю васъ отъ всего сердца, какъ умѣю, за вашу доброту ко мнѣ... Все!

— Браво-о!—первый закричалъ Ѳедя.—Браво, сестренка! молодецъ... Ура!...

И опять всѣ зашумѣли и закричали, и задвигали стульями, поднимаясь со своихъ мѣстъ. Барышни цѣловали раскраснѣвшуюся, слегка растерянную Лери, трое мужчинъ около нея искренно завидовали имъ. Володя бросалъ для чего-то вверхъ свою салфетку и кричалъ: «Гипъ-гипъ!« И каждый разъ это «гипъ-гипъ» покрывалось дружнымъ общимъ «ура». Оркестръ гремѣлъ гдѣ-то. Гриша въ восторгѣ вылѣзъ изъ-за стола, растолкалъ столпившихся около Лери и вывелъ ее на середину комнаты. Она стояла выпрямившись, съ закинутою назадъ смѣющейся головкой, блестя изъ-подъ темной каймы рѣсницъ прелестными торжествующими глазами. Да, она торжествовала, эта молоденькая дѣвочка,—торжествовала, какъ ребенокъ, которому позволили наконецъ быть взрослымъ; какъ женщина, которая видѣла свой успѣхъ надъ всѣми и надъ однимъ, и какъ вообще человѣкъ съ удовлетвореннымъ тщеславіемъ. Царица вечера! Вѣдь это что-нибудь да значитъ. Такая молоденькая, едва показалась, и ужъ царица!... Никто изъ этихъ барышень еще никогда не былъ царицей.

— Кто хочетъ видѣть царицу?! — гремѣлъ Гриша, указывая на Лери.—Подходите, несите ей дань покорности и уваженія.

Онъ придумалъ еще поставить Лери на стулъ, и ея шелковолосая головка возвышалась надъ шумѣвшей и тѣснившейся толпой

и наклонялась съ такою гордою граціей, точно и въ самомъ дѣлѣ принадлежала не простой смертной. Бокалы еще продолжали звенѣть тонкими краями; отдѣльныя отрывистыя поздравленія вырывались изъ общаго гула.

— Будьте счастливы!—говорилъ тихо полковникъ, подходя и поднимая къ Лери бокалъ. — Какъ мнѣ далеко до васъ! — продолжалъ онъ шутливо:—А когда-то вы были моимъ маленькимъ другомъ... За кого же вы выпьете этотъ послѣдній глотокъ?

У нея оставалось на донышкѣ нѣсколько капель, и она только чокалась со всѣми, не поднося вина ко рту. Теперь она разомъ осушила бокалъ, показала его Асмодину и съ глубокою лаской въ голосѣ отвѣтила:

— За не родного братца!

Она отлично замѣтила, какъ что-то зажглось въ его взглядѣ. Въ ту же минуту она легко спрыгнула на полъ и прошептала:

— Вотъ мы и равны. Даже, нѣтъ! я теперь ниже, гораздо ниже.

Она смѣялась, пробираясь навстрѣчу матери, подходившей къ ней съ графомъ. Старикъ что-то хотѣлъ сказать, но Лери этого не замѣтила. Она радостно взвизгнула, совсѣмъ по-дѣтски, бросилась къ Павлѣ Михайловнѣ и, охвативъ руками ея шею, приникла къ ея груди сіяющимъ и растерянным лицомъ. Мать взволнованно гладила ее по волосамъ и все повторяла дрожащимъ голосомъ:

— Славная моя большая дѣвочка!... Славная моя Лери!

Подошелъ Андрей Ивановичъ, протягивая дочкѣ руки, и Лери сейчасъ же перешла въ его объятья. Графъ говорилъ что-то, мѣшая французскій языкъ съ русскимъ; какой-то старикъ съ красивою библейскою головой потрепалъ Лери по щекѣ и посовѣтовалъ ей «веселиться». Точно она этого не намѣревалась дѣлать? Она уже ничего хорошенько не сознавала; кто-то поцѣловалъ ее, кто-то жалъ ей руку, кто-то подалъ ей букетъ. Дубенскій кланялся и просилъ ее на вальсъ; двѣ барышни, проходя мимо, бросили ей отрывистые комплименты; Огаревъ просилъ цвѣточекъ изъ букета на память. Она дала ему, дала графу; потомъ инстинктивно обернулась и встрѣтила горячій взглядъ любимыхъ глазъ. «Ему дамъ!»— подумала она и тоже вынула для него маленькую розу, не выбирая, почти не глядя, повинуясь безотчетному чувству. Онъ принялъ цвѣтокъ серьезно, кланяясь въ отвѣтъ, но зато другіе улыбались: и maman, и графъ, и оба офицера, и сама Лери смѣялась отъ всей души.

А изъ залы медлительно-томные звуки вальса звали и манили ее на блестящій просторъ, въ это яркое море ослѣпительно-бѣлаго

свѣта, лившагося съ высокихъ стѣнъ. Она пошла съ Дубенскимъ, улыбаясь встрѣчнымъ, чувствуя, что всѣ любуются ею, и наслаждаясь этимъ. Гордость росла у нея въ груди, когда она видѣла это нескрываемое восхищеніе ею. А звуки яснѣй и яснѣй. Она положила уже на плечо Дубенскаго руку,—вотъ и высокая дверь, изъ которой льются потоки свѣта. Они пробрались черезъ двойной рядъ столпившихся мужчинъ и начали. Лери скользитъ легко, не чувствуя, гдѣ она и что съ ней; ей кажется, что она носится гдѣ-то высоко-высоко, подъ бѣлымъ потолкомъ залы, въ волнахъ яркаго бѣлаго свѣта. Звуки плывутъ, рѣютъ въ воздухѣ, и она безъ мыслей, безъ думъ отдается ихъ нѣжащему могуществу. А впереди все танцы, безъ конца танцы, цѣлая волшебная ночь танцевъ.

Барышни стали разъѣзжаться въ пятомъ часу утра. Составилась еще кадриль, еще вальсъ, и музыкантовъ отпустили. Комнаты опустѣли, все оживленіе перешло внизъ, въ прихожую, гдѣ суетились Филиппъ и его два помощника. Лери съ матерью стояли на площадкѣ лѣстницы, слѣдя за суматохой разъѣзда внизу, гдѣ хлопотали также и братья Данаевы. Потомъ Павла Михайловна ушла, такъ какъ у нея оставались свои гости, а въ кабинетѣ Андрея Ивановича еще шла игра. Прислуга бѣгала взадъ и впередъ по лѣстницѣ, и Лери казалось, что все кругомъ нея движется и кружится, и сама лѣстница то ползетъ наверхъ, то снова убѣгаетъ внизъ, а внизу все шатается, шатается...

Барышни прощались съ Лери, кричали ей что-то снизу, но она только машинально кивала головой, уже не различая ихъ въ общей массѣ темныхъ фигуръ. Только теперь, когда она могла оглянуться спокойно вокругъ и на себя, она поняла, какъ она страшно устала. Тяжелая наружная дверь скрипѣла отворяясь и хлопала затворяясь, и послѣ каждаго такого стука струя холоднаго воздуха доходила до Лери и заставляла плотно прилегать къ колѣнамъ ея легкія юбки. Холодъ мало-по-малу забирался подъ тонкія кружева ея вырѣза на груди, распространялся по плечамъ, по шеѣ и заставлялъ вздрагивать обнаженныя руки. Но она не уходила и продолжала посылать внизъ поклоны и привѣты, опираясь голыми локтями на перила, обитыя бархатомъ, и то и дѣло перемѣняя усталыя ноги. Ей казалось ужасно невѣжливымъ уйти, не проводивъ послѣдней гостьи, а ихъ еще оставалось порядочно. Ея братья тамъ внизу помогали одѣваться дамамъ, а Гриша, сидя на ларѣ, держалъ чью-то муфту и спрашивалъ каждую барышню:

— Ваша?...

Но хозяйки муфты все не находилось, и всѣ смѣялись надъ Гришей; Лери тоже было смѣшно, и она знала, что, не устань она такъ, и она бы смѣялась вмѣстѣ съ другими. Но теперь всѣ мысли ея, всѣ чувства подавлялись однимъ желаніемъ, чтобы все это поскорѣе кончилось и чтобъ она могла поскорѣе уйти отъ этого пронизывающаго холода. Она вздрогнула, когда сзади кто-то набросилъ на ея плечи что-то теплое и мягкое, и обрадованно почувствовала ласку тепла, прокрадывавшагося по ея спинѣ. Она не оборачивалась, отвѣчая на поклоны послѣднихъ дамъ, матери и дочери Забавскихъ, которымъ Филиппъ уже отворялъ дверь.

— До свиданья, Лери, милочка! Когда увидимся?

— Не забывайте насъ!—просительно добавила мать.

И снова Лери вздрогнула всѣмъ тѣломъ отъ притока холоднаго воздуха и крѣпко натянула темную плюшевую мантильку, прижимая подбородокъ къ согрѣвшейся уже шеѣ. Внизу стало тихо и пусто. Филиппъ тушилъ лампы, стоя на ларѣ; молодой парень въ поддевкѣ, помогавшей ему, отодвигалъ къ стѣнѣ пустую вѣшалку. Все сразу приняло свой обыкновенный видъ, и Лери облегченно вздохнула. Гриша что-то говорилъ со швейцаромъ вполголоса, Аринушка мелкими шажками сбѣжала внизъ.

— Et voila tout!—сказала m-elle Paton, все время стоявшая за Лери. — Мы такъ долго ждали этого бала, а вотъ онъ и прошелъ уже, и нечего больше ждать. Кончено!...

— О, нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!—Лери вся взволновалась.— Напротивъ, это только начало, m-elle. Да, да, я увѣрена, что начало сдѣлано.

Она искала глазами Асмолина и немного огорчилась, что его не было подлѣ нея. Ей ужасно хотѣлось спать, и она шаталась отъ усталости; но уйти сейчасъ же, не простившись съ нимъ...

— Кто хочетъ чаю, идите къ мамѣ,—сказалъ Гриша, медленно входя по лѣстницѣ.—Впрочемъ, маленькіе могутъ отправиться спать.

— Я тоже хочу чаю, пожалуйста! — отвѣтила Лери, уже не имѣя силъ обижаться. — Я еще разъ хочу видѣть эти комнаты, свѣтлыя и нарядныя, въ которыхъ мнѣ было такъ хорошо...

Они медленно прошли коридоръ, столовую, гдѣ еще не успѣли сложить стола, гостиную, гдѣ уже догорали нарядныя лампы; въ библіотекѣ раскрытые журналы и альбомы точно жаловались на небрежное обращеніе съ ними. Они остановились въ залѣ, пустой, громадной и освѣщенной, которая точно еще сохраняла что-то послѣ такого множества людей. Безпорядочно выдвинутые на сере-

дину стулья, забытый платокъ на плюшевомъ креслѣ, потерянная изящная шпилька, брошенный полузавядшій букетъ, разноцвѣтные листочки и ордена послѣ котильона, пестрѣвшіе на полу,—все это напоминало о недавнемъ оживленіи и шумѣ, которые теперь уступили мѣсто тишинѣ и покою. Комната, казалось, отдыхала, еще убранная, свѣтлая и безлюдная. Лери оглянулась, вздохнула и сказала:

— Да гдѣ-жъ онъ?!...

И замѣтивъ, что Ѳедя и Гриша смотрятъ на нее, прибавила живо:

— Я хочу сказать: мой балъ, мое царство...

— Иди-ка ты спать! — сказалъ Гриша. — Заговариваешься ужъ... Туда же рѣчь за ужиномъ: я — взрослый человѣкъ!... Пиголица ты, и больше ничего.

— Кого вы это такъ называете? — засмѣялся Асмолинъ, подходя къ нимъ сзади. — А! это наша увѣнчанная, но усталая царица...

— Пойдемъ спать!—сказала m-elle Paton одну изъ немногихъ русскихъ фразъ, которыя она знала, и взяла Лери подъ руку.— Au revoir, messieurs.

Асмолинъ церемонно раскланялся, а Гриша послалъ француженкѣ привѣтствіе изысканнымъ жестомъ руки. Лери съ нѣжностью посмотрѣла на полковника затуманенными отъ усталости глазами, но ничего не могла сказать, только кивнула головой. M-elle Paton уже уводила ее, но ея милое сонное личико еще нѣсколько разъ обернулось къ нему.

— Allons, mon amour! — повторяла француженка.

Лери медлила. Вдругъ, точно вспомнивъ что-то, послѣднимъ усиліемъ она вырвала руку изъ рукъ m-elle Paton, постояла нѣсколько времени на мѣстѣ, потомъ повернулась и подошла къ Асмолину.

— Мои розы... — прошептала она съ той же милой усмѣшкой. — Возьмите! Я вамъ берегла все время. Возьмите розы...

Ея головка клонилась къ нему; измѣнившійся отъ усталости голосъ продолжалъ упрашивать его взять цвѣты. Взволнованный, слегка тронутый, онъ сталъ бережно выпутывать изъ вьющихся волосъ Лери обѣ смятыя, полуоблетѣвшія розы. Пальцы его вздрагивали, касаясь шелковистыхъ прядокъ; нѣсколько лепестковъ, точно снѣжинки, остались бѣлѣть въ темныхъ завиткахъ. Она стояла передъ нимъ, совсѣмъ засыпающая, съ трогательнымъ видомъ утомленной малютки, довѣрчиво прощаясь съ нимъ; а онъ,

не отвѣчая, нервно сжималъ въ пальцахъ бѣдныя полуоблетѣвшія розы.

— Ну, вотъ!—сказала Лери, встряхивая головой по-своему.— До завтра! Право, я уже ничего не понимаю, у меня точно голова кружится... Ахъ, chère mademoiselle! si vous saviez, si vous saviez, comme je suis heureuse, moi. Вы, мои милыя розочки, поцѣлуйте его...

И въ своей комнатѣ она еще долго бормотала что-то, обращаясь то къ Патонъ, то къ Ѳенѣ, помогавшей ей раздѣваться. Наконецъ, когда ее совсѣмъ уложили и она сладко потянулась подъ мягкимъ одѣяломъ,—на одинъ мигъ все снова прояснилось въ изнемогшей головкѣ. Музыка, музыка... блестящая зала, нарядныя подруги, танцы, ужинъ. Онъ, ласковый, притихшій, его послѣдній взволнованный взглядъ, цвѣты... музыка, музыка...

Лери заснула.

XVIII.

Прошло около двухъ недѣль. Въ воздухѣ уже чувствовалась весна, и никакіе морозы и вьюги не могли заставить забыть о ней. Царство зимы кончалось и ослѣпительно-яркій непрочный снѣгъ лишь на нѣсколько дней появлялся на улицахъ, а тамъ снова начинали блестѣть веселыя, грязныя лужи, въ которыхъ отражалось солнце, по-весеннему яркое и теплое. Незамѣтно подкралась Масленица, шумная, грязная, солнечная, съ рыхлымъ снѣгомъ на мостовой, съ жидкимъ звономъ бубенчиковъ на загнанныхъ лошадяхъ троечныхъ саней, съ безпрерывнымъ визгомъ полозьевъ по оголеннымъ почти булыжникамъ... Люди старались и спѣшили веселиться, готовясь къ долгому затишью Великаго поста.

Въ четвергъ на Масленой Лери съ утра была въ самомъ дурномъ расположеніи духа и не переставала искусно выводить изъ себя злополучную m-elle Paton. Аринушкѣ, которая рискнула было вмѣшаться въ шутливомъ тонѣ, такъ досталось, что она совершенно разсердилась и, придя на кухню, самовольно отмѣнила меренги, которыми хотѣла порадовать барышню. Ѳеня состроила необыкновенно серьезную мину, которая совсѣмъ не шла къ ея румянымъ, толстымъ щекамъ и вздернутому носу, и старалась поскорѣе покончить съ уборкой комнаты. Лери, стоя передъ туалетнымъ столикомъ, въ бѣлой юбкѣ и кофточкѣ, съ гребенкой въ рукѣ, сердито и быстро продолжала говорить что-то себѣ подъ носъ. M-elle Paton сидѣла у окна, полуотвернувшись, и усердно стряпала какой-то бантъ.

— Это, наконецъ, невыносимо!—вскрикнула Лери, выпуская изъ рукъ гребенку, которая повисла, запутавшись въ длинныхъ косахъ. — Что вы, потеряли даръ слова, m-elle? Я вамъ говорю, кажется, на вашемъ собственномъ тарабарскомъ языкѣ, что я не хочу и не могу сидѣть дома. Что это, правда? Нынче масленица, и мнѣ повеселиться хочется, какъ другіе веселятся. Не останусь дома, ни за что не останусь, и не думайте. Если мнѣ не позволятъ выйти сегодня гулять, то я одна уйду, честное слово: надѣну Аринушкину шубу и платокъ и убѣгу. Я знаю, куда идти: въ тотъ театръ, гдѣ Ѳеня была недавно. Она мнѣ разсказывала, это просто страхъ какъ интересно. Уйду, да и все... Да гдѣ же гребенка? Вотъ еще досада-то. Ахъ, ну, гдѣ же она?...

— Одѣвайтесь, пожалуйста, скоро чай!—сказала равнодушно Патонъ, усердно скрипя ножницами.—Къ чему вы это все мнѣ говорите? Это зависитъ только отъ madame.

Но Лери, найдя гребенку, снова вошла въ азартъ, продолжала махать руками и волноваться. Все дѣло началось съ того, что Лери, простудившейся послѣ своего вечера, запрещено было выходить изъ дому до Масленицы; и теперь она ни за что не хотѣла сидѣть дома, нетерпѣливо уговаривая француженку попросить за нее maman. Громкій разговоръ этотъ кончился слезами, криками и упреками; наконецъ Лери пригрозила даже, что изрѣжетъ этотъ ненавистный галстукъ, который поглощаетъ все вниманіе m-elle. Лери стремительно направилась къ окну и протянула уже было руку, чтобы исполнить свою угрозу, но m-elle Paton вскочила, спрятала бантъ за спину и закричала:

— Вы—ужасный ребенокъ, Лери! Если я пожалуюсь madame, то уже не въ состояніи буду просить за васъ.

— А все-таки попрòсите, попрòсите? — спросила мгновенно притихшая Лери и вся просіяла.—Я знаю, что вы—душка, m-elle, но вѣдь я ничего не могу съ собой подѣлать: такой ужъ у меня характеръ. Однако,—прибавила она мечтательно и внезапно для себя самой,— если одно мое большое, громадное желаніе исполнится, мнѣ придется передѣлывать себя.

И она повторила, вся измѣнившись, съ задумчивымъ, поблѣднѣвшимъ лицомъ:

— Да, придется... Но еслибъ это было!

M-elle Paton могла спокойно оканчивать свой галстукъ, узенькіе глазки Ѳени опять радостно стали улыбаться, и въ комнатѣ водворилась тишина. Лери спѣшила одѣться. Уже привычной, умѣлой рукой она заложила волосы на затылокъ, надѣла платье, не

преминувъ полюбоваться его длиной, улыбнулась нѣсколько сконфуженной улыбкой и пошла въ столовую. По дорогѣ она помирилась съ Аринушкой, расцѣловала ее, и почтенная дама опять стала подумывать о только что отмѣненномъ пирожномъ.

Лери опоздала: въ столовой всѣ были въ сборѣ. Шелъ необыкновенно оживленный споръ, котораго Лери долго не могла понять; это давно надоѣло бы ей, и она махнула бы на нихъ рукой, но въ этомъ спорѣ полковникъ одинъ представлялъ протестующую сторону, и Лери непремѣнно нужно было узнать его мнѣніе. Павла Михайловна медленно, крошечными глотками, пила кофе, генералъ, съ газетой въ рукахъ, видимо заинтересованный, посматривалъ на молодыхъ людей со своей обычной доброй усмѣшкой. Пришла и m-elle Paton, мелькомъ оглянула столъ, потупилась, вздохнула и скромно попросила себѣ чашку кофе.

Лери всей душой была на сторонѣ полковника, находила необыкновенно умными его немногія слова и старалась отгадать, побѣдилъ онъ или нѣтъ. Потомъ вдругъ ей стало смѣшно, какъ всѣ недавно кричали и шумѣли, и какъ у папа подпрыгивали очки на носу, и какъ Ѳедя безъ конца говорилъ о мелочахъ и никто его не слушалъ. Она взглянула на m-elle Paton, а та, какъ нарочно, въ это время преуморительно чихнула. Это переполнило чашу; Лери расхохоталась такъ громко, что всѣ обернулись на нее.

— Ахъ, ты, егоза!—сказалъ Андрей Ивановичъ, развертывая газету. — Насмѣшница! Только шалости на умѣ... Ну, какъ здоровье?

— Отлично! — сказала Лери, и ея темные живые глаза блеснули новой мыслью. — Я думаю, папа, сегодня можно тебѣ исполнить свое обѣщаніе.

— Какое, выдумщица?

— А ложа, папочка, ложа!—Лери порывисто вскочила съ мѣста. — Право, ты обѣщалъ. На Масленицѣ, какъ только поправлюсь. А я, право, совсѣмъ здорова теперь.

— Нѣтъ, рано, рано, — сказала, шутя, Павла Михайловна и улыбнулась на вытянувшееся лицо дочери. — Денька черезъ два!...

— О, мама! — сказала Лери, чуть не плача. — Черезъ два дня... на первой недѣлѣ какой же театръ? Мамочка, ты шутишь?

Она шаловливо заглядывала ей въ лицо, стараясь разгадать спокойную и ласковую улыбку. Опять поднялся маленькій споръ: Гриша доказывалъ, что немыслимо достать билетъ въ Императорскіе, а ѣхать на какую-нибудь дрянь не стоитъ. Лери совсѣмъ

впала въ уныніе и придумывала, что бы сказать Гришѣ понепріятнѣе. Асмолинъ разговаривалъ съ Володей.

— Ну, вотъ!—ныла Лери,—какъ хорошо! Сиди вѣкъ дома. Теперь Масленица, Ѳеня и то ходила на какое-то представленіе.

— Ѳеня ходила подъ Дѣвичій вмѣстѣ съ моимъ солдатикомъ,—вмѣшался полковникъ,—кажется, оба остались довольны. Мой, по крайней мѣрѣ, только и говоритъ, что о московскихъ театрахъ.

— Фуй, фуй, подъ Дѣвичій, это неприлично!—сказалъ Гриша, пресмѣшно надувая губы.—Мы съ Лери можемъ ѣхать только въ Большой, въ ложи бенуара.

— Пожалуйста, не выдумывай!—отозвалась Лери.—M-elle Paton, пойдемте подъ Дѣвичій сегодня? Мама, позволишь? Пойдемте, m-elle, а?

— Si vous voulez!—покорно откликнулась гувернантка.

— Я слышалъ, тамъ катаются,—вставилъ полковникъ.—Это интересно посмотрѣть. Не собраться ли намъ компаніей? Какъ вы думаете, господа?

Павла Михайловна поморщилась, но все-таки уступила общимъ просьбамъ и согласилась отпустить Лери, съ условіемъ, что та надѣнетъ длинную шубу и башлыкъ по шапочкѣ. Лери это не особенно было по вкусу, но она не спорила, покорно повторяя: très bien, maman! Подъ шумокъ она подсѣла къ отцу и заставила его обѣщать достать назавтра ложу, на что-нибудь интересное. Андрей Ивановичъ, смѣясь и отшучиваясь, обѣщалъ употребить всѣ старанія, и Лери отстала, довольная, хотя и не увѣренная, что отецъ не забудетъ обѣщанія. Рѣшили *ѣхать* подъ Дѣвичій послѣ завтрака, причемъ оказалось, что отправится вся молодежь, за исключеніемъ Кости, отозваннаго къ товарищу.

— Вотъ прелесть-то!—восторженно вскрикивала Лери, усѣвшаяся между полковникомъ и Гришей,—насъ будетъ цѣлыхъ три извозчика. Кто же съ кѣмъ поѣдетъ, говорите?

Но вдругъ Павлѣ Михайловнѣ показалось, что она дѣлаетъ непростительную ошибку, отпуская дочь подъ Дѣвичій. Она начала было уговаривать.

— Ну, что это, подумай, Володя! Вѣдь я вспомнила теперь: это мужики, грязные, пьяные, толкающіеся; театръ вродѣ сарая, гдѣ Лери продуетъ, непремѣнно продуетъ. Я думаю, можно подождать до завтра, вѣдь папа обѣщалъ.

— Папа всегда надуваетъ!—вскричала огорченная Лери, не стѣсняясь присутствіемъ отца.—Ну, что это? Вотъ всегда такъ.

Вѣдь ты ужъ пустила, пустила, мы ужъ совсѣмъ собрались и вдругъ...

Въ ея измѣнчивомъ личикѣ опять прошла тѣнь улыбки, и она поспѣшно выговорила свою мысль:

— А не хочешь, чтобы мы ходили въ толпѣ,—дай намъ лошадей. О, мы сумѣемъ кататься, развалившись, какъ принцы.

— Ого, какъ важно, — сказалъ Андрей Ивановичъ. — Мама нынче ѣдетъ къ Волковымъ, ей нужна пара.

— Положимъ, къ Волковымъ завтра,—сказала Павла Михайловна, которой понравилась мысль дочери.—Конечно, кататься гораздо приличнѣе.

— Такъ можно, мамочка, можно?—прыгала Лери.

Павла Михайловна махнула рукой, слабо отбиваясь отъ ея бурныхъ ласкъ, у Андрея Ивановича опять стали прыгать очки на носу, такъ какъ онъ хохоталъ. Остальные шутили и улыбались, вообще всѣ были довольны.

— Ахъ, хоть бы скорѣе завтракъ!—вслухъ мечтала Лери, вернувшись къ себѣ,—а то maman опять передумаетъ. Только, m-elle, этого не будетъ, чтобы все время мы сидѣли въ саняхъ,—я замерзну. Мы сейчасъ же пойдемъ въ самую давку, гдѣ насъ стиснутъ вотъ такъ,—Лери начала усердно сдавливать плечи своей гувернантки,—а потомъ мы пойдемъ въ театръ, вообще будемъ вовсю веселиться. Ахъ, какъ я рада! Только, какъ хотите, я должна заключить съ вами договоръ.

— Что такое, Лери? У васъ вѣчно что-нибудь на умѣ!...

— Ничего особеннаго на этотъ разъ,—возразила необыкновенно серьезно Лери.—Видите ли, если я все время буду ѣхать съ вами, то для меня пропадетъ все удовольствіе. Не обижайтесь, m-elle, я думаю, что и вы будете чувствовать то же самое. Отсюда-то придется ѣхать намъ съ вами, а они всѣ вмѣстѣ поѣдутъ, а то maman будетъ смотрѣть изъ окна и еще разсердится, пожалуй. Но ужъ обратно—шалите! Я вамъ даю Гришу, а сама возьму одиночку и кого-нибудь изъ братьевъ...—она усмѣхнулась.—Согласны?

— Ахъ, Лери! Madame...

— Madame ничего не узнаетъ,—нетерпѣливо перебила Лери.—Вѣдь мы вернемся поздно, въ сумерки, не раньше семи часовъ. Ну, да, что вы удивляетесь? Раньше половины седьмого я не сяду въ сани. Вотъ, какъ хотите, m-elle, только, если вы не согласитесь, то я сейчасъ, когда мы будемъ ѣхать съ вами, на полной рыси, вытолкну васъ въ снѣгъ, а онъ теперь такой грязный!... Будьте увѣ-

рены, что я это сдѣлаю и притомъ тамъ, гдѣ больше всего будетъ стоять публики.

У бѣдной m-lle Paton занялся духъ отъ страха при одной мысли быть выброшенной въ снѣгъ. Она заранѣе согласилась на всѣ условія, и Лери, окинувъ ее побѣдоноснымъ взглядомъ, пошла упрашивать maman позволить ей надѣть шляпу, которая шла къ ней гораздо больше, чѣмъ шапка съ башлыкомъ. Но эта просьба окончилась неудачей, и Лери возвратилась надутой, и все время до завтрака не переставала ссориться съ гувернанткой.

Къ завтраку пріѣхали m-me Мулль съ дочерью, что чрезвычайно напугало и разсердило Лери. Вотъ еще прекрасно, если эта дѣвица вздумаетъ остаться обѣдать. Лери все время сидѣла, какъ на иголкахъ, хмурилась и была ужасно неразговорчива съ гостьей. Но, слава Богу, онѣ удалились сейчасъ же послѣ блиновъ, даже не дождавшись чаю, и Лери позволено было идти одѣваться. Ѳедоровъ прибѣжалъ сказать, что лошади поданы. Внизу уже дожидались готовые Асмолинъ и Володя; Павла Михайловна, стоя на лѣстницѣ, посылала дочери послѣднія наставленія.

— Не шали, Лери! Слушайся, не суйся въ толпу. M-elle Paton, вы ее отъ себя не отпускайте. Да ты не много болтай на воздухѣ, слышишь?

— Хорошо, хорошо!— скороговоркой откликалась Лери.— До свиданія, maman, спасибо. Идемте, всѣ тутъ?

День былъ совсѣмъ весенній. Выскочивъ на подъѣздъ, Лери съ удовольствіемъ подставила лицо свѣжему вѣтерку, жмурясь въ то же время отъ яркихъ лучей. Съ крышъ капало. Черезъ весь дворъ по скважистому, осѣвшему, но еще бѣлому снѣгу, вилась почернѣвшая талая дорожка; по дорожкѣ важно разгуливалъ желтый дворняга Громъ, котораго Лери съ самаго дѣтства ужасно боялась. Кучеръ Ефимъ, видный рыжебородый мужикъ, подобравши полы кафтана, оправлялъ что-то въ сбруѣ лошадей, лязгавшихъ подковами по лужамъ.

— Мы съ вами на бѣленькой,—сказалъ Гриша полковнику.— Ахъ, хороша лошадка! Чего? Ну, чего?—говорилъ онъ, гладя лошадь по мордѣ и оправляя ей чолку.—Тпру!... Сахару тебѣ?

Молодой кучеръ Илюшка, правившій одиночкой, ухмылялся во весь ротъ. На подъѣздъ выбѣжалъ Ѳедоровъ, безъ шапки, и, прикрывъ глаза рукой отъ солнца, слѣдилъ за своимъ бариномъ, пробиравшимся ко вторымъ санямъ.

— Э, ваше благородіе, полѣвѣе, полѣвѣе!—кричалъ онъ,—эхъ вы. По самой то-есть мокротѣ шествуете. Ахъ, ваше высокородіе!...

Наконецъ, всѣ разсѣлись и тронулись. Лери возсѣдала въ парныхъ саняхъ рядомъ съ m-lle Paton, надѣвшей ради торжественнаго случая самую громадную парижскую шляпу. Напротивъ помѣщались Володя, сосредоточенно раскуривавшій папиросу, и Ѳедя, уже начавшій хохотать безъ всякой видимой причины.

— Трогай, трогай!—крикнулъ Гриша изъ заднихъ саней.—Подъ Дѣвичій! Да не мучь лошадей, имъ нынче работы будетъ.

Лошади взяли впередъ, полозья взвизгнули по чуть прикрытымъ снѣгомъ камнямъ. Громъ разсердился и залаялъ хриплымъ голосомъ старой собаки. Ефимъ крякнулъ кому-то: «берегись!» — и сани выѣхали, наконецъ, на улицу и покатились по глубокому разсыпающемуся снѣгу.

Народу было много. Лери улыбалась и то и дѣло толкала m-lle Paton, указывая ей разныя достопримѣчательности, вродѣ бабы въ ярко-желтомъ фартукѣ или татарина, торговавшаго кружевами. Проѣхалъ полицеймейстеръ на парѣ съ лихо-гнувшей голову пристяжной. Провели какое-то училище, мальчики длинной лентой чернѣли и извивались по тротуару. Извозчики кричали, звонко ругались; городовые баскомъ отдавали свои приказанія и распоряженія. Въ одномъ мѣстѣ собралась толпа надъ упавшей лошадью, и возчикъ, молодой парень, ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ «животныхъ покровителей». Ѳедя замѣчалъ больше самые смѣшные случаи, заставляя хохотать сестру, а Володя, покручивая усы, вглядывался въ проходившихъ дамъ и увѣрялъ m-lle Paton, что весной каждая женщина хорошѣетъ.

Наконецъ, они пріѣхали. Извозчики и собственные экипажи, большей частію купеческіе, тянулись вереницей, шагомъ; толпа то и дѣло перебѣгала дорогу, ныряя подъ самыя морды лошадей. Часто лошадей брали прямо подъ уздцы и заставляли пятиться назадъ, чтобы дать дорогу пѣшимъ. Мимо нихъ все спѣшили, все куда-то бѣжали мужики, ребятишки испуганно жались къ старшимъ. Нѣсколько нищихъ окружило сани, что очень испугало m-lle Paton. Въ другихъ саняхъ Гриша разспрашивалъ городового, какъ попасть въ кругъ катающихся.

— Это, ваше высокоблагородіе, далече!—говорилъ городовой, держа руку у шапки.—Придется вамъ эвона какой объѣздъ дѣлать, съ той стороны надоть...

— Ну, что-жъ, поѣдемъ. Не все ли равно?—отозвался Володя.—Куда ты говоришь, любезный?... Пошелъ, Ефимъ.

Сани опять тронулись и опять остановились. Это наскучило Лери. Ея оживленное личико, въ бѣлой рамкѣ башлыка, приняло

недовольное выраженіе, она начала вертѣться, оглядывать толпу, вслухъ завидовать ей и, наконецъ, заявила, что она не желаетъ больше сидѣть въ саняхъ. M-lle Paton тщетно старалась уговорить ее.

— Да пойдемте, пожалуй,—сказалъ Володя.—А все-таки ты дуришь, Лерька. Тебѣ maman велѣла слушаться!

Однако всѣ примкнули къ ея желанію и, въ свою очередь, прошли между экипажами и очутились въ толпѣ, которая глазѣла на катавшихся. Имъ пришлось пройти еще немного вдоль каната, протянутаго вокругъ площади гулянья, и наконецъ стремившаяся толпа энергично протолкнула ихъ во внутренній кругъ.

Наконецъ, это было настоящее гулянье!... Говоръ, шумъ, брань, толчки, крики продавцовъ, игра мальчишекъ на пищикахъ, вся эта давка, эта толпа, безсознательная и могучая, оглушили Лери. Ей было такъ жутко и непривычно. Фигуры мужиковъ въ сибиркахъ, тулупахъ, поддевкахъ, бабъ съ отчаянно красными и зелеными платками на головахъ, солдатъ съ ихъ грубыми лицами, еще какихъ-то мужчинъ въ распахнутыхъ овчинныхъ шубахъ, всѣ они лѣзли на Лери со всѣхъ сторонъ, окружали, напирали, толкали, и смѣнялись такими же, шумливыми и движущимися; звуки гармоники, пѣсенъ, шарманки, игравшей у каруселей, шумъ скатывающихся вагончиковъ на русскихъ горахъ, пронзительные свистки,—все такъ и стояло въ воздухѣ. Точно легкій дымъ носился надъ топтавшейся и гудѣвшей толпой, изрѣдка слышались выстрѣлы въ театрѣ «Взятіе Плевны», и чувствовался запахъ гари. Бабы щелкали подсолнухи и что-то горланили, проталкиваясь впередъ; какой-то мужикъ съ краснымъ пьянымъ лицомъ, пошатываясь и бормоча что-то, пустилъ прямо въ лицо Лери струю ѣдкаго дыма махорки, который точно окуталъ ее всю. Она сморщила носъ, фыркнула и закашлялась; а въ это время съ другой стороны кто-то съ силой наперъ на нее, и она вдругъ очутилась въ самой давкѣ, между мужиками съ ихъ неопредѣленнымъ запахомъ, стиснутая десяткомъ локтей. Ѳедя и Гриша помогли ей выбраться. Она, точно ошеломленная, съ широко раскрытыми глазами, боязливо слѣдила за окружающими, получая каждую минуту толчки, отлетая въ сторону, со страхомъ отыскивая своихъ и снова оглядываясь на ту же влекущую къ себѣ толпу. Попадались изрѣдка интеллигентныя лица, старикъ въ темно-синихъ очкахъ, пожилая барыня съ большимъ ридикюлемъ или барышни, державшія другъ друга подъ руки, хохотавшія, чувствовавшія себя прекрасно въ этой давкѣ. Студенты, реалисты и другіе учащіеся, засунувъ руки по кар-

манамъ, шагали по лужамъ, лѣниво и покачиваясь, съ выраженіемъ скуки на безусыхъ лицахъ.

— Вы нынче блѣдны!—замѣтилъ Асмолинъ, выбираясь на болѣе просторное мѣсто и останавливаясь рядомъ съ Лери.—Вы устали? или васъ пугаетъ толпа?

— Нѣтъ, мнѣ очень это нравится,—отвѣчала Лери и вдругъ повернулась къ нему лицомъ, почти притиснутая къ нему какимъ-то малымъ, пробиравшимся къ своимъ землякамъ, которыхъ онъ громогласно окликалъ издали.

— Здорово, Павлунька!—о?! ай и ты здѣсь, Митрей? Во! я те, братецъ, должно съ лѣтошной масляной... чаво тутъ?

Онъ принялся такъ работать локтями, что толпа, уступая силѣ, съ хохотомъ и руганью раздалась передъ нимъ на обѣ стороны. Полковникъ долженъ былъ обнять Лери, чтобы защитить ея голову отъ этихъ локтей и плечъ, давившихъ со всѣхъ сторонъ; и безъ того уже лицо дѣвочки совсѣмъ плотно прижалось къ его груди, и онъ видѣлъ только ея лукавые глаза, поднятые къ нему. Давка продолжалась, ихъ влекли еще нѣсколько времени, и когда, наконецъ, они выбрались изъ общаго теченія,—ни Володи, ни Гриши, ни громаднаго пера m-elle Paton нигдѣ не было видно.

— Ну вотъ!—сказалъ полковникъ.—Всѣ растерялись.—Да чего ты лѣзешь, почтенный?—обратился онъ къ огромному подгулявшему мужику.—Мало тебѣ мѣста развѣ? обходи, обходи! Вотъ еще толкаются... Дайте сюда вашу руку, Лери. Попытаемся пробраться къ театру, можетъ быть, встрѣтимъ тамъ нашихъ. Удобно вамъ такъ? идите ближе.

Лери была въ восторгѣ и благословляла парня, нашедшаго земляковъ. Теперь, подъ руку съ Асмолинымъ, ей совсѣмъ не было страшно: напротивъ, она гордо и спокойно посматривала кругомъ, прислоняясь своей плоской шапочкой къ его плечу. Онъ велъ ее очень медленно, заботливо отталкивая прочь спины и груди проходившихъ зѣвакъ. Интеллигентные гуляющіе заглядывались на эту пару, и Лери нѣсколько разъ съ удовольствіемъ ловила восхищенные взгляды барышень на красиваго офицера.

У каруселъ стояла толпа, дивившаяся на деревянныхъ лошадокъ съ густыми гривами и на потрепанные красные съ золотомъ балдахины необыкновенныхъ колясокъ. Черезъ каждыя пять минутъ раздавался дребезжащій звонокъ, и новые желающіе проталкивались къ каруселямъ. Молодая баба, подбоченясь, важно сидѣла на сѣдлѣ, не держась, поглаживая маленькую голову лошади съ

выпученными стеклянными глазами. Въ колясочкѣ размѣстилось цѣлое семейство: дѣвочка бойко огладывала стоявшихъ кругомъ, а мальчишка лѣтъ трехъ съ перепуганной рожицей крѣпко держался за ручки. Но, но! эхъ, ты! закричалъ въ восторгѣ кто-то изъ зрителей, когда все завертѣлось быстрѣе и быстрѣе, подъ звуки вальса «Невозвратное время». Мальчишки, бабы, дѣти, напиханные въ колясках, уродливыя лошади съ толстыми, вскинутыми на воздухъ ногами, золотыя кисти на занавѣскахъ, какіе-то фонарики замелькали безостановочно... Лери отвернулась.

— Пойдемте,— сказалъ полковникъ.— Правда, на это смотрѣть, такъ голова кружится? Вотъ еще карусель, тутъ уже гармоники. Что за чудесная музыка!...

Здѣсь играли «По улицѣ мостовой», и оба мотива смѣшивались, переплетались, ужасной дисгармоніей терзая уши. Народъ былъ доволенъ. Нѣсколько мужиковъ подпѣвало пѣснѣ, ухитряясь примѣшивать сюда варіаціи избитаго вальса, звучавшаго рядомъ. Старикъ въ шапкѣ на затылкѣ плясалъ, пошатываясь и возбуждая смѣхъ.

— Эхъ, ходи изба, ходи печь! фу ты! ну ты!—подговаривалъ мужикъ, тоже перебирая на мѣстѣ ногами.

Они шли дальше. Тутъ возвышался «Народный театръ», обширный балаганъ съ рѣзными украшеніями и съ красной ситцевой занавѣской, изъ-за которой каждую минуту выходилъ зазывальщикъ и произносилъ надтреснутымъ голосомъ одну и ту же рѣчь. Отъ времени до времени на балконъ выходили странныя фигуры: старикъ, дѣвушка въ боярскомъ костюмѣ и въ кокошникѣ, клоунъ и какая-то карлица съ громадной головой. Клоунъ зазывалъ народъ плоскими шутками, карлица и дѣвушка кланялись, толпа гоготала въ отвѣтъ.

— Дальше!—сказалъ Асмолинъ:—сюда не стоитъ. Непріятно вамъ тутъ, Лери? Тише, тутъ лужа!

— Театръ пантомимъ и фееріи!—громко читаетъ молодой парень, съ виду похожій на лавочника или на кого-нибудь въ этомъ родѣ.—Идемъ что ли, Паша? штука занятная.

Громадныя афиши были вывѣшены съ обѣихъ сторонъ входа, на нихъ аршинными буквами было напечатано названіе пьесы— «Гибель ада» (далѣе слѣдовали безконечныя «или»). Тутъ же было разсказано содержаніе пьесы и выставлены были цѣны мѣстамъ, а въ самомъ низу афиши упоминалось, что въ театрѣ дѣйствуетъ электричество и играетъ военный оркестръ музыки. Во всю стѣну

балагана была нарисована сцена изъ «Гибели ада», изображавшая зеленую лужайку, по которой шелъ бѣлый медвѣдь съ самой пріятной улыбкой на мордѣ, съ облаковъ опускалась дѣвица необыкновенно большого роста, въ бѣломъ платьѣ и съ короной на распущенныхъ волосахъ. Въ нижнемъ углу картины стояли два пресимпатичныхъ красненькихъ чортика, а въ самомъ центрѣ помѣщался, растопыривъ руки, толстый парень въ высокой шапкѣ и въ бѣлой рубахѣ съ красной вышивкой. Народъ глазѣлъ и удивлялся вслухъ, и подошедшая Лери тоже заинтересовалась.

— Вотъ такъ чудеса тамъ показываютъ!—громко воскликнула она, не обращая вниманія на двухъ обернувшихся къ ней очень приличныхъ барышень.—Пойдемте, пойдемте туда, Сергѣй Николаевичъ! я этого никогда еще не видывала. Вѣрно, тамъ интересно. Пойдемте!...

Полковникъ улыбнулся, а барышни вздернули носики, шокированныя этой наивной откровенностью. Удивляться на балаганъ? желать пойти въ этотъ жалкій сарай? называть глупую пьесу интересной? По ихъ мнѣнію, это ясно доказывало всю неблаговоспитанность барышни, стоявшей подъ руку со щеголеватымъ офицеромъ. Онѣ оглядѣли съ ногъ до головы Лери, ея изящную шубу, скромную шапочку, бѣлоснѣжный башлыкъ, и съ хохотомъ отвернулись въ сторону при ея новой фразѣ.

— Пойдемте же, Сергѣй Николаевичъ! тутъ, навѣрное, и артисты хороши.

Полковникъ пожалъ плечами, холодно взглянувъ на хохотавшихъ дѣвицъ. Его не раздражала неосмотрительная болтовня Лери, но все-таки брала досада на этихъ барышень, потѣшавшихся надъ нею. Уйти имъ было некуда: кругомъ сплошной стѣной стоялъ народъ, стремившійся къ кассѣ. Какой-то пожилой брюнетъ, прилично одѣтый, стоялъ рядомъ съ Лери, такъ близко и пристально смотря ей въ лицо, что она не знала, куда дѣваться отъ его нахальныхъ взглядовъ. Полковникъ отвелъ ее немного въ сторону; но и господинъ, и барышни продолжали упорно держаться около заинтересовавшей ихъ пары.

Громкій звонокъ возвѣстилъ, что представленіе окончилось, и народъ цѣлыми волнами хлынулъ изъ театра.

— Вонъ, вонъ наши!—звонко кричала Лери.—Видите, вонъ перо плыветъ: это m-elle Paton. А вотъ и Гриша! Ахъ несносные, они были въ театрѣ. Ѳедя, видишь ли ты насъ?

Тѣ уже пробирались къ нимъ, обрадованные встрѣчей; m-elle

Paton тотчасъ же напала на Лери. Всѣ говорили вмѣстѣ. Ѳедя хвалилъ и пьесу, и исполненіе, и оркестръ; Гриша всѣмъ возмущался.

— Теперь мы всѣ вмѣстѣ пойдемъ!—хлопотала Лери.—Двигайтесь понемногу къ кассѣ. Да смотри, Володя, бери первый рядъ: вѣдь это такъ интересно смотрѣть. Гриша и для меня ты не можешь пойти еще разъ?

Она успокоилась только тогда, когда обтрепанная занавѣска поднялась передъ ними и открыла внутренность большого полутемнаго сарая съ крошечной, тускло-освѣщенной сценой. Занавѣсъ, изображавшій неуклюжую музу, былъ опущенъ; оркестръ, изъ пяти человѣкъ солдатъ, настраивалъ свои инструменты. Гдѣ-то наверху раздавался шумъ, и все зданіе театра скрипѣло и пошатывалось.

Лери изумленно раскрыла глаза и оглянулась. Ѳедя, она и m-elle Paton сидѣли въ первомъ ряду на холодной, чѣмъ-то обитой скамейкѣ, сзади помѣщались три офицера въ выступавшихъ во мракѣ блѣдно-сѣрыхъ пальто. Въ глубинѣ сарая, у задней стѣны волновалась и шумѣла галерка, раздавались брань, грубыя остроты и хохотъ. Занавѣсъ у входа все качался и откидывался, пропуская новыхъ и новыхъ посѣтителей вмѣстѣ съ яркимъ дневнымъ свѣтомъ. А наверху все что-то работало съ глухимъ и безпрерывнымъ шумомъ.

— Что, страшно?— спросилъ сзади полковникъ.— У меня, признаться, волосы на головѣ шевелятся. Да и то ли еще будетъ?

Лери не могла отвѣтить. Всѣ пять солдатъ схватили трубы и заиграли что-то вродѣ польки; черезъ минуту поднялся занавѣсъ. Три дѣвицы, въ красныхъ костюмчикахъ, съ громадными вилами въ рукахъ, скакали съ увлеченіемъ по сценѣ подъ звуки польки.

— Это адъ!—объяснилъ мрачно Гриша.

Вдругъ трубы замолкли, и сверху спустилась еще дѣвица, необыкновенно толстая и густымъ басомъ провозгласила:

— Повинуйтесь мнѣ, вѣрные слуги!

— Ого! вотъ уже сама бабушка! — произнесъ съ ужасомъ полковникъ.—Что за балетъ! Ну, прелесть что такое!

Начальница что-то долго говорила съ своими подчиненными; наконецъ, опустился занавѣсъ, и солдаты опять принялись за польку.

Это было нѣчто вродѣ пролога. Опять открывшаяся сцена представляла уже не что иное, какъ малороссійскій видъ со стоявшими

вдали бѣлыми мазанками и съ колодцемъ на первомъ планѣ. Изъза кулисъ вышелъ молодой парень въ бѣлой свиткѣ и, протянувъ руки къ публикѣ, жалобно произнесъ:

— Боже мой! какой я несчастный!

— Это мы всѣ видимъ!—громогласно согласился Гриша,—потому что тебѣ холодно.

Сидѣвшіе кругомъ расхохотались. Актеръ сконфузился даже и сталъ торопливо объяснять, что онъ несчастенъ изъ-за того, что не можетъ жениться на любимой дѣвушкѣ. Вдругъ изъ колодца выскочила дѣвица и пробасила:

— Я помогу тебѣ въ твоемъ горѣ!

— Ахъ, хорошо!—иронически умилялся Гриша.—Вонъ у насъ какъ въ Малороссіи-то!

Содержаніе пьесы становилось все болѣе и болѣе туманнымъ. Толстая дѣвица обѣщалась помогать несчастному жениху, что не мѣшало остальнымъ дѣвицамъ колоть его вилами въ спину и въ бока при всякомъ удобномъ случаѣ. Женихъ кричалъ и бѣгалъ; публика была въ восторгѣ. Съ неба спустился столъ съ кушаньями и женихъ утѣшался ѣдой; потомъ неизвѣстно для чего пришла его невѣста, совершенно безгласная, и ушла, не сказавъ ни слова; наконецъ, выскочилъ бѣлый медвѣдь и началъ ловить жениха. Солдаты трубили польку, женихъ кричалъ и метался по сценѣ, въ небесахъ висѣлъ столъ, и медвѣдь махалъ по воздуху лапами.

— Фу ты, какой талантливый медвѣдь!—восклицалъ полковникъ.—Право, онъ лучшая сила здѣсь... Какъ вы находите, Гриша?

— Да, да, конечно!—говорилъ Гриша.—Но и невѣста очень твердо знала свою роль; ей только бы въ Маломъ театрѣ играть. Браво, медвѣдь! bis!

«Гибель ада» совершилась, но совершенно непонятнымъ для зрителей образомъ. Публика была довольна, рукоплескала и кричала сверху, актеры выходили и кланялись, музыканты трубили финальную польку, и надо всѣмъ этимъ гамомъ разливался жидкій звонокъ, приглашавшій удаляться. Народъ выходилъ шумя и толкаясь; блѣдный свѣтъ угасавшаго дня падалъ на довольныя, смѣющіяся лица мужиковъ.

— Ну, что это?...—ворчалъ Гриша.—Чепуха, а не пьеса, право! Пойду туда, гдѣ палятъ. Ахъ, здорово палятъ.

— Ишь, сразу видно военную природу!—указывалъ на него мужикъ двумъ краснощекимъ молодицамъ.—Тянетъ его къ пальбѣ-то.

Гриша гордо оглядѣлъ его, засунулъ руки въ карманы и пошелъ впередъ своею лѣнивой, развалистою походкой. Володя предложилъ руку m-elle Paton. Ѳедя засмотрѣлся на мальчишекъ, шумною ватагой игравшихъ въ снѣжки на широкой полянѣ, съ утоптаннымъ, еще крѣпкимъ снѣгомъ. Съ другой стороны вдоль всей поляны тянулись русскія горы, и слышался грохотъ скатывающихся вагончиковъ и визгъ сидѣвшихъ тамъ женщинъ. Народъ потѣшался даровымъ зрѣлищемъ... Словно стонъ стоялъ надъ поляной.

А. Эръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРЕСТОНОСЦЫ*).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

V.

Отрядъ жмудиновъ къ утру дошелъ до Невяжи и переправился кто верхомъ, кто схватившись за конскій хвостъ, кто на вязанкѣ хвороста. Дѣло шло такъ скоро, что Мацько, Збышко, Глава и тѣ мазуры, которые явились въ качествѣ охотниковъ, дивились ловкости этого народа и только теперь поняли, почему ни лѣса, ни болота, ни рѣки не могутъ служить преградами литовскимъ нападеніямъ. Выйдя изъ воды, никто не снялъ одежды, не сбросилъ покрывающей его волчьей шкуры, всѣ сушились, поставляя спину подъ солнечные лучи, — такъ что ото всѣхъ шелъ паръ, какъ изъ смолокурни; — послѣ небольшого отдыха, поспѣшно двинулись на сѣверъ, и уже темнымъ вечеромъ достигли берега Нѣмана. Тутъ переправа представляла болѣе значительныя затрудненія: рѣка была гораздо шире, а весенній разливъ еще не спалъ. Бродъ, знакомый Скирвоиллѣ, мѣстами превратился въ топь, такъ что лошади должны были проплыть болѣе четверти мили. Теченіе унесло двухъ людей на глазахъ у Збышка и чеха, которые напрасно пытались спасти ихъ, потому что тотчасъ утратили ихъ изъ вида, а утопающіе не смѣли взывать о спасеніи, потому что вождь еще раньше отдалъ приказъ, чтобы переправа совершилась въ глубочайшемъ молчаніи. Всѣ остальные благополучно добрались до противуположнаго берега, на которомъ и просидѣли до утра безъ огня.

При первыхъ лучахъ разсвѣта, все войско раздѣлилось на два отдѣла. Съ однимъ—Скирвоилло пошелъ вглубь страны навстрѣчу рыцарямъ, везущимъ живность въ Готтесвердеръ, другой Збышко

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 1899 г.

повелъ къ острову, чтобы преградить дорогу гарнизону, если онъ захочетъ выйти. Вверху день начинался ясный и погожій, а внизу боръ, болота и пни были окутаны густымъ бѣлымъ туманомъ, который совершенно скрывалъ даль. Для Збышка и его людей это обстоятельство являлось чрезвычайно благопріятнымъ, потому что нѣмцы, идущіе со стороны замка, не могли увидать врага и вовремя отступить. Молодой рыцарь неимовѣрно былъ радъ этому и такъ говорилъ ѣдущему съ нимъ рядомъ Мацьку:

— Мы прежде наткнемся другъ на друга, чѣмъ увидимъ другъ друга въ такомъ туманѣ. Далъ бы только Богъ, чтобъ онъ не разсѣивался хотя бы до полудня.

Онъ поскакалъ впередъ, чтобъ отдать приказъ сотникамъ, идущимъ впереди, но вскорѣ возвратился и сказалъ:

— Мы вотъ... вотъ выйдемъ на дорогу, которая идетъ отъ перевоза вглубь края. Тамъ мы засядемъ въ зарослях и будемъ ихъ ждать.

— Откуда ты знаешь о дорогѣ?—спросилъ Мацько.

— Отъ здѣшнихъ крестьянъ. Ихъ въ нашемъ отрядѣ нѣсколько человѣкъ. Они-то и ведутъ насъ.

— А въ какомъ разстояніи отъ замка мы засядемъ?

— Не ближе мили.

— Это хорошо. Если было бы ближе, то они могли бы выслать изъ замка кнехтовъ на помощь своимъ, а такъ они даже и крика не услышатъ.

— Конечно. Я уже подумалъ объ этомъ.

— Ты подумалъ объ одномъ, подумай же и о другомъ. Если крестьяне люди вѣрные, вышли двоихъ или троихъ впередъ, чтобы первый, кто увидитъ нѣмцевъ, тотчасъ же далъ бы знать объ этомъ.

— И это уже сдѣлано.

— Тогда я тебѣ скажу еще вотъ что: прикажи сотнѣ или двумъ сотнямъ людей, какъ только начнется битва, не мѣшаться въ нее, а отрѣзать дорогу отъ острова и перевоза.

— Дѣло важное, — отвѣтилъ Збышко, — но и такой приказъ уже отданъ. Нѣмцы попадутъ словно въ ловушку.

Услышавши это, Мацько благосклонно посмотрѣлъ на племянника. Онъ былъ радъ, что Збышко, несмотря на свои раннія лѣта, такъ хорошо понималъ военное дѣло. Старикъ улыбнулся и проворчалъ:

— Наша кровь!

Но оруженосецъ Глава былъ въ душѣ обрадованъ еще больше Мацька, потому что для него не было большаго удовольствія, чѣмъ битва.

— Не знаю, — сказалъ онъ, — какъ наши люди будутъ сражаться, но идутъ они тихо, въ порядкѣ, и охоту, видимо, имѣютъ большую. Если Скирвоилло все хорошо обдумалъ, ни одинъ нѣмецъ не уйдетъ живымъ.

— Дастъ Богъ, мало ихъ вырвется,—отвѣтилъ Збышко.—Но я приказалъ брать какъ можно больше плѣнниковъ, а если попадется какой-нибудь рыцарь или орденскій монахъ, тѣхъ не убивать ни въ какомъ случаѣ.

— А почему это, господинъ?—спросилъ чехъ.

Збышко отвѣтилъ:

— Смотрите и вы, чтобъ такъ было. Рыцарь, если онъ изъ числа гостей, таскается по городамъ, по замкамъ, видитъ множество людей, слышитъ множество новостей, а если онъ орденскій, то и еще больше. Клянусь Богомъ и правдой, я за тѣмъ и пріѣхалъ сюда, чтобы захватить кого-нибудь поважнѣй и сдѣлать обмѣнъ. Мнѣ осталась только одна дорога... если только осталась какая-нибудь.

При этихъ словахъ онъ пришпорилъ коня и снова поскакалъ впередъ, чтобъ отдать распоряженія и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжать отъ грустныхъ мыслей. Впрочемъ, для этого не было и времени, потому что мѣсто, выбранное для засады, было уже не далеко.

— Какъ это молодой господинъ надѣется, что его жена еще жива и что онъ найдетъ ее въ здѣшнихъ мѣстахъ?—спросилъ чехъ.

— Если Зигфридъ въ первомъ порывѣ бѣшенства не убилъ ее въ Щитнѣ, то можно разсчитывать, что она еще жива,—отвѣтилъ Мацько.—А еслибъ она была убита, то щитненскій ксёндзъ не разсказывалъ бы намъ такихъ вещей, ихъ и Збышко слышалъ. Даже и для величайшаго насильника страшное дѣло поднять руку на безоружную женщину, а тѣмъ паче на невиннаго ребенка.

— Страшное, но не для крестоносца. А дѣти князя Витольда?

— Правда, что сердце у нихъ волчье, но правда и то, что Зигфридъ не убилъ ее въ Щитнѣ, а повезъ ее въ эту сторону и спряталъ въ какомъ-нибудь замкѣ.

— Эхъ, еслибъ удалось взять этотъ островъ и этотъ замокъ!

— Ты посмотри на этихъ людей,—сказалъ Мацько.

— Вѣрно, вѣрно! Но у меня есть одна мысль, и я скажу о ней молодому господину.

— Хотя бы у тебя было десять мыслей, копьями стѣнъ не развалишь.

И Мацько показалъ на рядъ копій, которыми была вооружена большая часть жмудинскихъ воиновъ, а потомъ спросилъ:

— Ты видалъ когда-нибудь такое войско?

Чехъ, дѣйствительно, никогда не видалъ ничего подобнаго.

Передъ ними тянулся густой отрядъ воиновъ и тянулся безпорядочно, потому что въ лѣсу, среди кустовъ, трудно было смыкаться рядами. Пѣшіе были перемѣшаны съ конными и чтобы не отставать отъ нихъ, держались за гривы, хвосты и сѣдла. Плечи воиновъ были покрыты шкурами волковъ, рысей, медвѣдей, на головахъ торчали то оленьи рога, то кабаньи клыки, то косматыя уши, такъ что еслибъ не оружіе, не осмоленные луки и колчаны со стрѣлами, то зрителю могло бы показаться, что это цѣлая громада дикихъ лѣсныхъ звѣрей двинулась изъ глубины лѣсныхъ зарослей и идетъ куда-то напроломъ, гонимая жаждой крови или голодомъ. Въ этомъ было что-то страшное и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайное, какъ будто глазамъ представлялось странное явленіе, называемое гономъ, во время котораго, какъ вѣрятъ простые люди, снимаются съ мѣста и идутъ, куда глаза глядятъ, не только звѣри, но и каменья и кусты.

При видѣ этого зрѣлища одинъ изъ ленкавицкихъ дворянъ, прибывшихъ съ чехомъ, приблизился къ нему, перекрестился и сказалъ:

— Во имя Отца и Сына! Мы идемъ со стадомъ настоящихъ волковъ, а не съ людьми!

Глава, хотя самъ въ первый разъ видѣлъ подобное войско, отвѣтилъ, какъ человѣкъ опытный, который все узналъ и ничему не удивляется:

— Волки стадами ходятъ только зимою, а кровь крестоносцевъ и весною вкусна.

Дѣйствительно, стояла весна,—май! Лощина, составлявшая опушку лѣса, покрылась яркой зеленью. Изъ пушистыхъ, мягкихъ мховъ, по которымъ безшумно ступали ноги жмудиновъ, пробивались бѣлые и голубые цвѣтки и зубчатые папоротники. Увлаженныя обильными дождями деревья благоухали сырою корою, а снизу доходилъ запахъ опавшей хвои и гнилыхъ листьевъ. Солнце играло радугой на капляхъ росы, птицы радостно щебетали на верхушкахъ деревьевъ.

Жмудины все ускоряли шагъ, потому что Збышко поминутно подгонялъ ихъ. Спустя немного времени онъ опять возвратился къ Мацьку и чеху. Надежда на добрую стычку видимо оживила его, потому что на лицѣ его не было и слѣда обычной заботы, а глаза свѣтились попрежнему.

— Ну,—крикнулъ онъ,—теперь намъ нужно быть впереди, а не позади.

И онъ повелъ ихъ во главу отряда.

— Слушайте! — сказалъ онъ имъ еще,—можетъ быть, мы нападемъ на нѣмцевъ врасплохъ; но если они найдутся и успѣютъ стать въ порядкѣ, то мы ударимъ первые, потому что панцыри на насъ крѣпче и мечи наши лучше.

— Такъ оно и будетъ, — сказалъ Мацько.

Другіе крѣпче сѣли въ сѣдла, какъ будто стычка должна была произойти сейчасъ. То тотъ, то другой набиралъ въ грудь побольше воздуха и пробовалъ, хорошо ли кортикъ выходитъ изъ ножонъ.

Збышко еще разъ повторилъ приказъ не убивать взятыхъ въ плѣнъ рыцарей, потомъ снова подскакалъ къ проводникамъ и вскорѣ остановилъ отрядъ.

Они дошли уже до дороги, которая отъ пристани, лежащей противъ острова, бѣжала вглубь страны. Собственно, то была еще не настоящая дорога, а скорѣе тропа, недавно проложенная по лѣсу и устроенная только для того, чтобы по ней кое-какъ могли пробираться войска и телѣги. По обѣимъ сторонамъ красовался высокій лѣсъ, торчали пни старыхъ сосенъ, срубленныхъ для того, чтобы очистить мѣсто дорогѣ. Опушка мѣстами была такъ густа, что совершенно заслоняла глубину лѣса. Збышко выбралъ мѣсто на поворотѣ, чтобы приближающіеся нѣмцы не могли ни отступить во-время, ни построиться въ боевомъ порядкѣ. Тамъ онъ занялъ обѣ стороны дороги и приказалъ ждать непріятеля.

Жмудины, сжившіеся съ боромъ и съ лѣсной войною, такъ ловко спрятались за пни и кусты лощины, что какъ будто ихъ земля поглотила. Ни человѣческаго голоса, ни конскаго фырканья. Отъ времени до времени мимо притаившихся людей проходилъ то мелкій, то крупный лѣсной звѣрь и, только наткнувшись на нихъ, со страхомъ шарахался вбокъ. Отъ времени до времени поднимался вѣтеръ и наполнялъ лѣсъ торжественнымъ и важнымъ шумомъ, потомъ вновь стихалъ и тогда слышно было только отдаленное кукованье кукушки, да близкіе удары дятла.

Жмудины съ радостью прислушивались къ этимъ отголоскамъ,—дятелъ въ особенности былъ для нихъ добрымъ предвѣстникомъ. А дятлами весь лѣсъ такъ и кишѣлъ, и удары ихъ доходили со всѣхъ сторонъ, усиленные, быстрые. Точно у всѣхъ у нихъ были свои кузницы и они съ ранняго утра дѣятельно принялись за работу. Мацьку и мазурамъ казалось, что они слышатъ, какъ

плотники прибивают стропила къ новому дому, и это напоминало имъ родимую сторону.

Но время шло и шло, а кромѣ лѣсного шума и птичьихъ голосовъ ничего не было слышно. Туманъ, лежавшій на землѣ, порѣдѣлъ, солнце поднялось высоко и начало сильно пригрѣвать, а жмудины все лежали. Наконецъ, Глава, которому надоѣло молчать и лежать, наклонился къ уху Збышка и шепнулъ:

— Господинъ... Если, Богъ дастъ, ни одинъ изъ собачьихъ сыновъ не уйдетъ живымъ, развѣ мы не могли бы подобраться къ замку, переправиться и взять его врасплохъ?

— А ты думаешь, что тамъ нѣтъ сторожевыхъ лодокъ, а въ замкѣ нѣтъ пароля?

— Лодки есть и пароль есть, — отозвался чехъ, — но плѣнники подъ ножомъ выдадутъ пароль, — я съ ними поговорю по-нѣмецки. Насъ только бы на островъ пустили, а то этотъ замокъ...

Онъ остановился, потому что Збышко закрылъ ему ротъ ладонью. Съ дороги послышалось карканье ворона.

— Тише! — сказалъ онъ. — Это знакъ!

Нѣсколько минутъ спустя на дорогѣ появился жмудинъ верхомъ на маленькой, кудлатой лошади, копыта которой были обернуты бараньей шкурой, такъ что не издавали ни малѣйшаго шума и не оставляли слѣдовъ на грязи.

Проѣзжая, онъ проницательно осматривался на обѣ стороны, но вдругъ, услыхавши отвѣтъ на карканье, нырнулъ въ лѣсъ, а черезъ минуту уже очутился около Збышка.

— Идутъ!... — сказалъ онъ.

VI.

Збышко торопливо началъ разспрашивать, какъ они идутъ, сколько у нихъ конницы, сколько пѣшихъ кнехтовъ, а главное—въ какомъ разстояніи они находятся. Жмудинъ отвѣтилъ, что отрядъ не превышаетъ полутораста воиновъ,—въ томъ числѣ пятьдесятъ конныхъ,—ведетъ ихъ не крестоносецъ, а какой-то свѣтскій рыцарь, идутъ они въ боевомъ порядкѣ, съ пустыми телѣгами, на которыхъ находятся запасныя колеса. Передъ отрядомъ, на два полета стрѣлы, идетъ «стража», состоящая изъ восьми человѣкъ, и эта стража часто съѣзжаетъ съ дороги и изслѣдуетъ лѣсъ и заросли. И все это находится въ четверти мили отъ нихъ.

Збышко не очень обрадовался тому, что они идутъ въ боевомъ порядкѣ. Онъ по опыту зналъ, какъ въ такомъ случаѣ трудно

разорвать сплоченную цѣпь нѣмцевъ и какъ такая «куча» умѣетъ, отступая, обороняться и разить на подобіе кабана, окруженнаго собаками. Зато ему было пріятно извѣстіе, что они находятся только на четверть мили разстоянія. Изъ этого онъ заключилъ, что отрядъ людей, которыхъ онъ выслалъ раньше, расположился уже въ тылу у нѣмцевъ и, въ случаѣ ихъ пораженія, не пропуститъ ни одной живой души. О стражѣ, идущей впереди, онъ заботился не много, потому что зналъ заранѣе, что такъ и должно быть, и приказалъ своимъ жмудинамъ или спокойно пропустить ее, или, если люди, составляющіе ее, захотятъ изслѣдовать внутренность бора, потихоньку переловить ихъ всѣхъ до одного.

Но это послѣднее приказаніе оказалось излишнимъ. Отрядъ долженъ былъ появиться съ минуты на минуту. Жмудины, притаившіеся ближе къ дорогѣ, отлично видѣли этихъ кнехтовъ, какъ, остановившись на заворотѣ дороги, они начали разговаривать другъ съ другомъ. Начальникъ, крѣпкій рыжебородый нѣмецъ, знаками приказалъ имъ молчать, а самъ сталъ прислушиваться. Съ минуту было замѣтно, что онъ колеблется, не свернуть ли ему въ боръ, но, обративъ вниманіе на однообразный стукъ дятловъ, онъ, видимо, сообразилъ, что птица не работала бы такъ свободно, еслибъ въ лѣсу скрывался кто-нибудь, махнулъ рукою и повелъ отрядъ дальше.

Збышко подождалъ, пока они не скрылись за послѣднимъ поворотомъ, потомъ тихо приблизился къ самой дорогѣ во главѣ воиновъ, обладавшихъ лучшимъ вооруженіемъ. Въ томъ числѣ былъ Мацько, чехъ, два дворянина изъ Лѣнкавицы, трое молодыхъ рыцарей изъ-подъ Цеханова и нѣсколько болѣе важныхъ жмудинскихъ бояръ. Дальше скрываться уже не представлялось надобности, и Збышко имѣлъ намѣреніе, какъ только появятся нѣмцы, тотчасъ же выступить на середину дороги, ударить на нихъ и разорвать ихъ цѣпь. Еслибъ это удалось и еслибъ общая борьба смѣнилась рядомъ отдѣльныхъ единоборствъ, онъ былъ увѣренъ, что жмудины справятся съ нѣмцами.

И снова наступила минута тишины, которую нарушалъ только обычный шумъ лѣса. Но вскорѣ до ушей воиновъ съ восточной стороны дороги долетѣли звуки человѣческихъ голосовъ. Сначала смѣшанные и довольно отдаленные, они мало-по-малу приближались и становились все яснѣе и яснѣе. Збышко въ эту минуту вывелъ свой отрядъ на середину дороги и установилъ его въ клинъ. Самъ онъ сталъ во главѣ, а Мацько и чехъ непосредственно за нимъ. Въ слѣдующемъ ряду стояло три человѣка, потомъ четыре.

Вооружены были всѣ хорошо; правда, имъ недоставало могучихъ «древесъ» или рыцарскихъ копій, которыя въ лѣсныхъ походахъ представляли значительную помѣху, зато въ рукахъ у нихъ были болѣе короткія и легкія жмудинскія пики, на случай перваго натиска, а у сѣделъ мечи и топоры для битвы въ общей свалкѣ.

Глава насторожилъ уши, прислушался и потомъ шепнулъ Мацьку:

— Поютъ, провалиться бы имъ!

— Но мнѣ странно, что боръ вонъ тамъ точно смыкается передъ нами и что ихъ не видно до сихъ поръ, — отвѣтилъ Мацько.

Збышко, который дальнѣйшую осторожность и даже тихую рѣчь считалъ уже излишними, повернулся назадъ и сказалъ:

— Потому что дорога идетъ вдоль ручья и дѣлаетъ частые завороты. Мы свидимся сразу, но это и лучше.

— А какъ весело поютъ! — повторилъ чехъ.

Дѣйствительно, нѣмцы пѣли не духовную пѣснь, что, впрочемъ, легко было понять по самому напѣву. Вслушавшись хорошенько, можно было различить, что поютъ лишь нѣсколько человѣкъ, а остальные повторяютъ только одно слово, и этотъ припѣвъ, какъ громъ, раскатывался по лѣсу.

И такимъ образомъ они, веселые и полные бодрости, шли къ смерти.

— Вотъ сейчасъ мы ихъ и увидимъ, — сказалъ Мацько.

Его лицо померкло и приняло выраженіе свирѣпости, свойственной волку. Въ старомъ рыцарѣ жила неумолимая и жестокая душа, а кромѣ того, онъ до сихъ поръ не расплатился за стрѣлу, которая вонзилась въ него тогда, когда онъ, для спасенія Збышка, ѣхалъ къ магистру съ письмомъ Витольда. И сердце его начало бурлить, а жажда мести заливала его какъ кипятокъ.

«Не хорошо будетъ тому, кто первый сцѣпится съ нимъ», — подумалъ Глава, смотря на стараго рыцаря.

Въ это время вѣтерокъ донесъ припѣвъ, который нѣмцы повторяли хоромъ: «Tandaradei! Tandaradei!» — и вслѣдъ затѣмъ чехъ услышалъ слова знакомой ему пѣсни:

«Bi den rôsen er wol mac,
Tandaradei!
Merken wa mir'z houlet lac...»
. . . . . .

Вдругъ пѣсня оборвалась, потому что по обѣимъ сторонамъ дороги раздалось такое шумное и громкое карканье, какъ будто въ

этомъ лѣсномъ уголку собрался цѣлый сеймъ вороновъ. Нѣмцевъ удивило то, откуда ихъ взялось такое множество и почему всѣ голоса доносятся съ земли, а не съ верхушекъ деревьевъ. Въ эту минуту первая шеренга кнехтовъ только что появилась на поворотѣ дороги и остановилась какъ вкопанная, при видѣ незнакомыхъ всадниковъ, стоящихъ противъ нея.

Збышко тотчасъ же наклонился на сѣдлѣ, пришпорилъ коня и крикнулъ:

— На нихъ!

За нимъ поскакали и другіе. Съ обѣихъ сторонъ бора поднялся страшный кличъ жмудинскихъ воиновъ. Около двухсотъ шаговъ отдѣляло людей Збышка отъ нѣмцевъ, которые во мгновеніе ока наклонили навстрѣчу всадникамъ цѣлый рядъ копій, тогда какъ дальнѣйшіе ряды съ такою же быстротою повернулись лицомъ къ бору, чтобъ опезпечить себя отъ нападенія съ боковъ. Польскіе рыцари удивились бы такой ловкости, если бы имѣли время и если бы кони не несли ихъ во всю мочь къ блестящимъ остріямъ, направленнымъ противъ нихъ.

По случайности, благопріятствующей Збышку, нѣмецкая конница находилась позади, возлѣ телѣгъ. Правда, она тотчасъ же двинулась на помощь къ своей пѣхотѣ, но не могла ни пройти сквозь нее, ни обойти и, такимъ образомъ, охранить отъ перваго натиска. Притомъ, ее самоё окружилъ муравейникъ жмудиновъ, которые начали высыпать изъ зарослей, какъ ядовитый рой осъ, за гнѣздо которыхъ неосторожный путникъ задѣнетъ ногою. Збышко тѣмъ временемъ со своими людьми ударилъ на пѣхоту.

И ударилъ безъ пользы для себя. Нѣмцы, воткнувъ въ землю рукояти тяжелыхъ копій и бердышей, держались такъ ровно и крѣпко, что легкія жмудинскія лошади не могли проломить эту стѣну. Конь Мацька, раненый бердышемъ въ голень, взвился на дыбы, а потомъ зарылся ноздрями въ землю. Съ минуту надъ старымъ рыцаремъ висѣла смерть, но онъ, ознакомленный со всякими битвами и искушенный во многочисленныхъ приключеніяхъ, выпустилъ ноги изъ стремянъ, схватилъ могучею рукою за остріе нѣмецкаго копья, которое, вмѣсто того, чтобы вонзиться въ его грудь, послужило ему опорою, потомъ проскользнулъ между другихъ лошадей и, обнаживъ мечъ, началъ крушить имъ копья и бердыши, какъ хищный кречетъ свирѣпо нападаетъ на стаю долгоносыхъ журавлей.

Збышко, когда его конь, внезапно удержанный на всемъ скаку, почти сѣлъ на заднія ноги, попробовалъ было удержаться при по-

мощи дротика, сломалъ его и также взялся за мечъ. Чехъ, который наипаче всего вѣрилъ въ топоръ, бросился съ нимъ въ кучу нѣмцевъ и тотчасъ же оказался безоружнымъ. Одинъ изъ лэнкавицкихъ дворянъ погибъ, другого, при видѣ его смерти, охватило такое безуміе бѣшенства, что онъ завылъ, какъ волкъ, и, поднимая на дыбы окровавленнаго коня, не обращая вниманія ни на что, ломился въ стѣну нѣмцевъ. Жмудинскіе бояре рубили мечами по наконечникамъ и древкамъ копій, изъ-за которыхъ виднѣлись лица нѣмцевъ, удивленныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искаженныя упорствомъ и свирѣпостью. Но линія ихъ оставалась неразорванною. Жмудины, которые ударили съ боковъ, сразу отскочили отъ нѣмцевъ, какъ отъ ежа. Правда, вскорѣ они вернулись еще съ большею назойливостью, но, попрежнему, безъ успѣха.

Нѣкоторые изъ жмудиновъ во мгновеніе ока вскарабкались на придорожныя сосны и начали сыпать стрѣлами въ середину кнехтовъ, предводитель которыхъ, замѣтивъ это, далъ приказъ отступить къ своей конницѣ. Нѣмецкіе лучники начали также отстрѣливаться, и отъ времени до времени не одинъ жмудинъ, скрытый между вѣтвями сосны, вдругъ, какъ созрѣвшая шишка, падалъ на землю и, умирая, раздиралъ руками пласты лѣсного мха или метался на подобіе рыбы, вытащенной изъ воды. Нѣмцы, окруженные со всѣхъ сторонъ, правда, не могли разсчитывать на побѣду, но, видя успѣшность своей обороны, думали, что, можетъ быть, хоть горсть изъ нихъ сумѣетъ выбраться изъ погрома и добраться до берега рѣки.

Сдаться никому не приходило въ голову: нѣмцы сами не щадили плѣнныхъ и знали, что не могутъ разсчитывать на снисхожденіе приведеннаго въ отчаяніе и взбунтовавшагося народа. И они отступали въ молчаніи, одинъ возлѣ другого, плечо къ плечу, то поднимая, то опуская копья и бердыши, коля, рубя, стрѣляя изъ луковъ, насколько это дозволяло боевое смятеніе, и мало-по-малу приближаясь къ своей кавалеріи, которая также на жизнь и смерть билась съ другими толпами враговъ.

Вдругъ произошло нѣчто неожиданное, что разрѣшило судьбу упорной свалки. Лэнкавицкій дворянинъ, обуянный безуміемъ вслѣдствіе смерти брата, наклонился, не слѣзая съ сѣдла, и поднялъ тѣло брата, видимо, желая охранить его отъ конскихъ копытъ и сложить гдѣ-нибудь въ тихомъ мѣстѣ, чтобъ отыскать послѣ битвы. Но въ ту же минуту новая волна бѣшенства хлынула ему въ голову и совершенно затуманила разумъ, потому что, вмѣсто того, чтобы съѣхать съ дороги, онъ ударилъ на кнехтовъ и бросилъ

трупъ на острія копій, которыя вонзились въ его грудь, животъ и бедра, наклонились подъ тяжестью и, прежде чѣмъ кнехты успѣли вновь выпрямить ихъ, безумецъ ворвался въ образовавшійся проломъ, какъ буря опрокидывая людей.

Во мгновеніе ока десятки рукъ протянулись къ нему, десятки копій вонзились въ бока его коня, но тѣмъ временемъ ряды смѣшались и, прежде чѣмъ пришли въ порядокъ, подоспѣлъ одинъ изъ жмудинскихъ бояръ, который стоялъ ближе, за нимъ Збышко, за Збышкомъ чехъ, и страшное смятеніе увеличивалось съ каждой минутой. Нѣкоторые бояре также схватились за тѣла убитыхъ и начали бросать ихъ на острія копій, а съ боковъ вновь стали напирать жмудины. Весь, стройный до сихъ поръ, отрядъ заколебался, затрясся, какъ домъ, въ которомъ лопаются стѣны, треснулъ, какъ дерево подъ входящимъ въ него клиномъ, и, наконецъ, разсыпался.

Битва въ одно мгновеніе смѣнилась рѣзнею. Длинные нѣмецкіе дротики и бердыши въ свалкѣ оказались совершенно безполезными. Зато обухи конницы сыпали рядъ убійственныхъ ударовъ. Лошади вламывались въ стѣснившуюся толпу, опрокидывая и попирая несчастныхъ кнехтовъ. Конным легко было бить сверху, они и били безъ отдыха и передышки. Съ боковъ дороги высыпали все новыя громады дикихъ воиновъ въ волчьихъ шкурахъ и съ волчьей жаждой крови въ груди. Ихъ вытье заглушало голоса, умоляющіе о пощадѣ, и стоны умирающихъ. Побѣжденные бросали оружіе; одни старались скрыться въ лѣсу, другіе, притворяясь убитыми, падали на землю, третьи стояли безъ движенія, съ лицомъ блѣднымъ какъ снѣгъ и съ закрытыми глазами, или молились. Одинъ кнехтъ, который, видимо, помѣшался отъ страха, улыбаясь, заигралъ на пищалкѣ, пока жмудинская булава не размозжила ему черепа. Боръ пересталъ шумѣть, какъ будто устрашился смерти.

Наконецъ, горсть крестоносцевъ растаяла. Только отъ времени до времени въ кустахъ слышался пронзительный крикъ отчаянія. Збышко и Мацько, а за ними и всѣ всадники, двинулись теперь на конницу.

Она расположилась кругомъ и защищалась, какъ это всегда дѣлали нѣмцы, когда непріятелю удавалось напасть на нихъ съ преобладающею силой. Всадники, сидящіе на хорошихъ лошадяхъ и вооруженные еще лучше, чѣмъ пѣхотинцы, бились мужественно, съ упорствомъ, достойнымъ удивленія. Бѣлые плащи совершенно отсутствовали, — тутъ была преимущественно средняя и мелкая прусская шляхта, которая должна была выходить на войну по приказанію Ордена. Кони ихъ по большей части были также закованы

въ желѣзо. Начальство надъ ними держалъ высокій, стройный рыцарь въ темно-голубомъ панцырѣ и въ такомъ же шлемѣ съ опущеннымъ забраломъ.

Изъ лѣсныхъ глубинъ на нѣмцевъ падалъ дождь стрѣлъ, но острія безуспѣшно отражались отъ панцырей и закаленныхъ нараменниковъ. Ихъ окружалъ валъ пѣшихъ и конныхъ жмудиновъ, но они съ такимъ ожесточеніемъ защищались, коля и рубя длинными мечами, что у копытъ ихъ лошадей валялась куча труповъ. Первые ряды нападающихъ хотѣли было отступить, но на нихъ напирали сзади и они ничего не могли сдѣлать. Вокругъ образовалась давка и смятеніе. Кони начали ржать, кусать и брыкаться. Но тутъ подоспѣли жмудинскіе бояре, подоспѣлъ Збышко, чехъ и мазуры. Подъ ихъ могучими ударами «куча» начала колебаться, какъ лѣсъ подъ напоромъ вѣтра, а они, на подобіе дровосѣковъ, расчищающихъ лѣсную глушь, съ великимъ трудомъ и усиліями, мало-помалу подвигались впередъ.

Мацько приказалъ подобрать длинные нѣмецкіе бердыши, и вооруживъ ими око тридцати дикихъ воиновъ, началъ пробираться къ нѣмцамъ. «Лошадей по ногамъ!»—крикнулъ онъ, подойдя ближе, и послѣдствія его приказа оказались страшныя. Нѣмецкіе рыцари не могли достать своими мечами его людей, а бердыши тѣмъ временемъ жестоко калѣчили конскія колѣни. Тогда голубой рыцарь понялъ, что конецъ борьбы приближается и что ему остается только или пробиться сквозь полчище, которое отрѣзывало ему обратную дорогу, или погибнуть.

Онъ выбралъ первое и во мгновеніе ока, по его приказу, вся рыцарская сила обратилась фронтомъ въ ту сторону, откуда пришла. Жмудины насѣли имъ чуть не на спину, но нѣмцы, закинувъ щиты назадъ и размахивая мечомъ направо и налѣво, разорвали окружающее ихъ кольцо и ураганомъ помчались по направленію къ востоку. Навстрѣчу имъ вышелъ отрядъ, который только что подоспѣвалъ къ битвѣ, но смятый превышающею силой, полегъ въ одну минуту, какъ дозрѣвающая нива подъ дуновеніемъ вихря. Дорога къ замку была свободна, но спасеніе еще далеко и невѣрно, потому что жмудинскіе кони были выносливѣе нѣмецкихъ. Голубой рыцарь отлично понялъ это.

— Бѣда!—сказалъ онъ самому себѣ.—Изъ нихъ не спасется никто, если только я своею кровью не искуплю ихъ спасенія.

И онъ крикнулъ ближайшимъ къ нему, чтобъ они удержали коней, а самъ, не обращая вниманія на то, послушался ли его кто-нибудь, сдѣлалъ оборотъ и повернулся лицомъ къ непріятелю.

Впереди преслѣдующихъ былъ Збышко и нѣмецъ ударилъ его по забралу, но не разбилъ его и не размозжилъ лица врага. Тогда Збышко, вмѣсто того, чтобъ отвѣтить ударомъ на ударъ, схватилъ рыцаря поперекъ, сцѣпился съ нимъ и, желая во что бы то ни стало взять его живьемъ, усиливался стащить его съ сѣдла. Но отъ излишняго напряженія подпруга подъ нимъ лопнула, и онъ, вмѣстѣ съ своимъ противникомъ, свалился наземь. Долго они барахтались, но въ концѣ неимовѣрно сильный молодой человѣкъ одолѣлъ врага и, надавивъ ему животъ колѣномъ, держалъ подъ собою, какъ волкъ держитъ пса, который осмѣлился оказать ему сопротивленіе въ непроходимыхъ дебряхъ лѣса.

Впрочемъ, это оказалось безполезнымъ, потому что нѣмецъ лишился чувствъ. Тѣмъ временемъ подбѣжали Мацько и чехъ. Збышко завидѣлъ ихъ и крикнулъ:

— Сюда! вяжите его! Это какой-то важный рыцарь... опоясанный!

Чехъ соскочилъ съ коня, но видя состояніе рыцаря, не только не сталъ вязать его, а, напротивъ, освободилъ отъ панцыря, отстегнулъ нарамянники, снялъ поясъ, съ висящею при немъ мизерикордіею, обрѣзалъ ремни, поддерживающіе шлемъ, но вдругъ вскочилъ на ноги и крикнулъ:

— Господинъ, господинъ! посмотрите-ка!

— Де Лоршъ!—воскликнулъ Збышко.

А де Лоршъ лежалъ съ блѣднымъ, влажнымъ лицомъ, съ раскрытыми глазами, безъ движенія, похожій на трупъ.

VII.

Збышко приказалъ его положить на одной изъ отбитыхъ телѣгъ, нагруженныхъ новыми колесами и осями для того отряда, который шелъ на помощь замку. Самъ онъ пересѣлъ на другого коня и, вмѣстѣ съ Мацькомъ, пустился въ погоню за убѣгающими нѣмцами. Погоня эта была не особенно затруднительна, потому что нѣмецкія лошади не годились для быстрой ѣзды, въ особенности по дорогѣ, сильно размякшей отъ весеннихъ дождей. Мацько, сидя на легкомъ и быстромъ конѣ убитаго ленкавицкаго дворянина, вскорѣ обогналъ почти всѣхъ жмудиновъ и тотчасъ же настигъ перваго рейтера. Правда, по-рыцарскому обычаю, онъ предложилъ ему сдаться въ плѣнъ или вступить въ единоборство, но рейтеръ притворился глухимъ, бросилъ даже щитъ, чтобъ облегчить ношу коня и, наклонившись, рѣзалъ ему бока шпорами. Тогда старый рыцарь

нанесъ ему страшный ударъ широкимъ топоромъ между лопатокъ и свалилъ съ коня.

Онъ мстилъ убѣгающимъ за измѣнническій выстрѣлъ, когда-то полученный имъ, а они бѣжали отъ него, какъ стадо оленей, съ невыносимою тревогой въ сердцѣ, не чувствуя желанія ни къ борьбѣ, ни къ защитѣ и только стремясь уйти подальше отъ страшнаго мужа. Нѣсколько нѣмцевъ своротили въ лѣсъ, но одинъ изъ нихъ упалъ близъ ручья, и жмудины удавили его на веревкѣ. За остальными бросились цѣлыя толпы вооруженныхъ воиновъ, и вскорѣ въ зарослях началась дикая охота, сопровождаемая громкими криками и пронзительными воплями. Долго еще они слышались въ глубинѣ бора, пока нѣмцевъ не переловили всѣхъ до единаго. Потомъ старый рыцарь изъ Богданьца въ сопровожденіи Збышка и чеха возвратился на поле первой битвы, на которомъ лежали погибшіе пѣшіе кнехты. Трупы ихъ были уже обчищены донага, а нѣкоторые даже изуродованы рукою мстительныхъ жмудиновъ. Побѣда была значительная и народъ упоенъ радостью. Послѣ пораженія Скирвоиллы подъ Готтесвердеромъ жмудинами начали овладѣвать зялость и сомнѣніе, тѣмъ болѣе, что подкрѣпленія, обѣщаннаго Витольдомъ, до сихъ поръ не было. Но теперь надежда ожила и бодрость разгорѣлась снова, какъ разгарается огонь, когда въ него подбросишь дровъ.

Павшихъ жмудиновъ и нѣмцевъ было черезчуръ много, чтобы хоронить ихъ, поэтому Збышко приказалъ выкопать копьями ямы только для двухъ ленкавицкихъ дворянъ, которымъ жмудины были обязаны побѣдою, и начерталъ мечомъ крестъ на соснѣ, подъ которой ихъ похоронили. Потомъ, приказавши чеху присматривать за господиномъ де Лоршемъ, до сихъ поръ еще не пришедшемъ въ себя, онъ взялъ людей и поспѣшно двинулся къ Скирвоиллѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, оказать ему существенную помощь.

Послѣ долгаго похода онъ напалъ уже на опустѣвшее поле битвы, также усѣянное трупами жмудиновъ и нѣмцевъ. Збышко сразу понялъ, что грозный Скирвоилло и здѣсь одержалъ важную побѣду, потому что еслибъ онъ былъ разбитъ, то нѣмцы дали бы знать о своемъ существованіи. Но побѣда досталась дорогою цѣной, потому что и дальше, за полемъ битвы, густо лежали тѣла убитыхъ. Опытный Мацько вывелъ изъ этого, что часть нѣмцевъ успѣла спастись отъ погрома.

Преслѣдовалъ ли ихъ Скирвоилло, или нѣтъ, трудно было угадать, потому что слѣды были неясны и перепутаны одни съ другими. Но битва произошла довольно давно, раньше, чѣмъ Збышкина

битва, потому что трупы уже подверглись разложенію, а нѣкоторые уже были покусаны волками, которые, при появленіи всадниковъ, скрывались въ лѣсныхъ зарослях.

Въ виду всего этого, Збышко рѣшилъ не ждать Скирвоилла и возвратиться въ свой безопасный лагерь. Прибывши назадъ позднею ночью, онъ нашелъ у себя жмудинскаго вождя, который пріѣхалъ раньше него. Всегда угрюмое лицо жмудина теперь горѣло зловѣщею радостью. Онъ началъ разспрашивать о битвѣ, и, узнавъ о побѣдѣ, сказалъ голосомъ, похожимъ на карканье ворона:

— Я тобой доволенъ и собой доволенъ. Подкрѣпленіе придетъ не скоро, а если князь придетъ самъ, я буду радъ, потому что замокъ будетъ нашъ.

— Кого изъ плѣнниковъ взялъ ты?—спросилъ Збышко.

— Только плотва, щуки ни одной. Была одна, было двѣ, да ушли. Зубастыя щуки! Людей много перебили и ушли.

— А мнѣ Богъ послалъ одного,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.— Могущественный человѣкъ и знаменитый, хотя и свѣтскій. Гость.

Страшный жмудинъ обхватилъ свою шею руками, потомъ правой сдѣлалъ движеніе, какъ будто показывая на веревку, идущую отъ шеи кверху.

— Съ нимъ будетъ то же, что и съ другими,—сказалъ онъ,— вотъ такъ!

Збышко нахмурилъ брови.

— Слушай, Скирвоилло,—сказалъ онъ,—съ нимъ не будетъ ни такъ, ни этакъ, потому что это мой плѣнникъ и другъ. Князь Янусъ вмѣстѣ опоясалъ насъ рыцарскимъ поясомъ, и я не дамъ тебѣ тронуть его ни однимъ пальцемъ.

— Не дашь?

— Не дамъ.

И они, хмуря брови, начали смотрѣть другъ другу въ глаза, причемъ лицо Скирвоиллы исказилось и стало похоже на голову хищной птицы. Казалось, что они вотъ-вотъ разразятся гнѣвомъ, но Збышко, не желая ссоры со старымъ вождемъ, котораго цѣнилъ и уважалъ, съ душею, взволнованною событіями послѣдняго дня, вдругъ схватилъ его за шею, прижалъ къ груди и воскликнулъ:

— Неужели ты захотѣлъ бы силою вырвать его у меня, а съ нимъ и послѣднюю надежду? За что ты обижаешь меня?

Скирвоилло не вырывался изъ объятій и только, высвободивши голову изъ рукъ Збышка, долго сопѣлъ и смотрѣлъ на него исподлобья.

— Ну, — сказалъ онъ, — завтра я прикажу повѣсить моихъ плѣнниковъ, но если кто-нибудь будетъ нуженъ, то я дарю его тебѣ.

Потомъ они обнялись еще разъ и разошлись въ добромъ согласіи, къ великому удовольствію Мацька.

— Злобою, видно, съ ними ничего не подѣлаешь, а съ добротою ихъ можно мять, какъ воскъ,—сказалъ онъ.

— Таковъ ужъ они народъ,—отвѣтилъ Збышко,—только нѣмцы объ этомъ ничего не знаютъ.

Онъ приказалъ привести къ своему костру господина де Лорша, который отдыхалъ въ шалашѣ. Немного спустя, чехъ привелъ плѣнника, обезоруженнаго, безъ шлема, въ одномъ кожаномъ кафтанѣ, на которомъ отпечатлѣлись панцырные ремни, и съ красною шапочкой на головѣ. Де Лоршъ уже узналъ отъ оруженосца, къ кому онъ попалъ въ плѣнъ, но именно поэтому-то и явился холодный, гордый, съ лицомъ, на которомъ отражались упорство и презрѣніе.

— Благодарите Бога,—сказалъ Збышко,—что вы попались въ мои руки, вамъ ничто не угрожаетъ.

И онъ дружески протянулъ ему руку, но де Лоршъ не тронулся съ мѣста.

— Я не подаю руку рыцарямъ, которые посрамили рыцарскую честь и въ рядахъ сарацинъ сражаются противъ христіанъ,—сказалъ онъ.

Одинъ изъ присутствующихъ мазуровъ перевелъ слова де Лорша, смыслъ которыхъ Збышко, впрочемъ, понялъ и безъ того. Въ первую минуту кровь его заклокотала, какъ кипятокъ.

— Глупецъ!—крикнулъ онъ, невольно хватаясь за рукоять мизерикордіи.

Де Лоршъ поднялъ голову.

— Убейте меня,—сказалъ онъ,—я знаю, что вы не щадите плѣнниковъ.

— А вы щадите ихъ?—воскликнулъ мазуръ, который не могъ спокойно выслушать эти слова.—Это не вы на берегу острова повѣсили всѣхъ, которыхъ взяли въ послѣднюю битву? Потому и Скирвоилло вѣшаетъ вашихъ.

— Такъ было сдѣлано,— сказалъ де Лоршъ,— но то были язычники.

Но въ его отвѣтѣ слышалось смущеніе и не трудно было отгадать, что въ душѣ онъ не одобряетъ подобный поступокъ.

Збышко тѣмъ временемъ остылъ и сказалъ со спокойною важностью:

— Господинъ де Лоршъ! Мы изъ однѣхъ рукъ получили пояса и шпоры, вы знакомы со мною и знаете, что рыцарская честь для меня дороже жизни и счастья, поэтому послушайте, что я скажу вамъ, поклявшись святымъ Георгіемъ: многіе изъ этихъ людей не со вчерашняго дня приняли крещеніе, а непринявшіе его до сихъ поръ, какъ къ избавленію, протягиваютъ руки къ Кресту, но знаете ли вы, кто ставитъ имъ преграды и не допускаетъ ихъ до крещенія?

Мазуръ слово за словомъ переводилъ рѣчь Збышка, и де Лоршъ недоумѣвающимъ взоромъ смотрѣлъ въ лицо молодого человѣка.

А Збышко сказалъ:

— Нѣмцы!

— Не можетъ быть!—воскликнулъ гельдернскій рыцарь

— Клянусь мечомъ и шпорами святого Георгія, нѣмцы! Если бы здѣсь воцарился Крестъ, они утратили бы поводъ къ наѣздамъ, къ обладанію этой землей и къ угнетенію этого несчастнаго народа. Вы ихъ узнали, господинъ де Лоршъ, и вамъ лучше извѣстны, насколько справедливы ихъ дѣла.

— Но я думалъ, что они заглаживаютъ свои грѣхи, сражаясь съ язычниками и побуждая ихъ къ крещенію.

— Они крестятъ язычниковъ мечомъ и кровью, а не водою искупленія. Прочтите это и вы тотчасъ же узнаете, не вы ли сами служите насильникамъ, хищникамъ и адскимъ полководцамъ противъ вѣры и любви христіанской.

Збышко протянулъ письмо жмудиновъ къ королямъ и князьямъ,—письмо, получившее широкое распространеніе, и де Лоршъ началъ пробѣгать его глазами при блескѣ огня.

Онъ прочелъ скоро, потому что искусство чтенія не представлялось ему труднымъ, непомѣрно изумился и сказалъ:

— Неужели все это правда?

— Какъ святъ Богъ, Который видитъ, что я здѣсь служу не только личному дѣлу, но и справедливости.

Де Лоршъ замолкъ на минуту, потомъ сказалъ:

— Я вашъ плѣнникъ.

— Дайте руку,—сказалъ Збышко.—Вы братъ мой, не плѣнникъ.

Они подали другъ другу руку и сѣли за ужинъ, который прислуга приготовила по распоряженію чеха. Во время ужина де Лоршъ съ неменьшимъ изумленіемъ узналъ, что Збышко, несмотря на письма магистра, не разыскалъ Данусю, и что комтуры, по поводу войны, объявили охранныя грамоты недѣйствительными.

Вдругъ онъ ударилъ рукой по своей шапочкѣ и воскликнулъ:

— Клянусь всѣми ахенскими реликвіями! Вѣдь во главѣ подкрѣпленій, которыя шли къ Готтесвердеру, находились Арнольдъ фонъ-Баденъ и старикъ Зигфридъ фонъ-Лёве. Мы знаемъ это по письмамъ, которыя пришли въ замокъ. Развѣ и ихъ взяли въ плѣнъ?

— Нѣтъ!—вскричалъ Збышко, вскакивая съ мѣста,—никого изъ важныхъ рыцарей! Но, на милость Бога, какую новость вы сообщаете мнѣ! Есть другіе плѣнники и я, прежде чѣмъ ихъ повѣсить, узнаю, не было ли съ Зигфридомъ какой-нибудь женщины.

Онъ крикнулъ слугамъ, чтобъ они свѣтили ему лучиной, и побѣжалъ въ ту сторону, гдѣ находились плѣнники, захваченные Скирвоиллой. Де Лоршъ, Мацько и Чехъ пустились вслѣдъ на нимъ.

— Слушайте!—говорилъ ему по дорогѣ рыцарь изъ Гельдерна.—Вы отпустите меня на слово, я буду искать ее по всей Пруссіи, а когда найду, возвращусь къ вамъ, и вы ее вымѣняете на меня.

— Если только она жива, если только она жива!—отвѣтилъ Збышко.

Они уже добѣжали до кучи плѣнниковъ Скирвоиллы. Одни изъ нихъ лежали навзничь, другіе стояли, безжалостно привязанные лыками къ стволамъ сосенъ. Лучина ясно освѣщала голову Збышка, и глаза всѣхъ страдальцевъ обратились къ нему.

Вдругъ изъ глубины послышался какой-то громкій голосъ, преисполненный ужаса:

— Господинъ мой и покровитель, спасите меня!

Збышко выхватилъ изъ рукъ слуги пару горящихъ щепокъ, подскочилъ съ ними къ дереву, отъ котораго исходилъ голосъ, и крикнулъ:

— Зандерусъ!

— Зандерусъ!—съ удивленіемъ повторилъ чехъ.

А тотъ, не имѣя возможности пошевелить связанными руками, только вытянулъ шею и снова закричалъ:

— Милосердія!... Я знаю, гдѣ дочь Юранда!... Спасите меня!

VIII.

Слуги тотчасъ же отвязали его, но онъ не могъ владѣть одеревенѣлыми членами и упалъ наземь, а когда его подняли, то упалъ въ обморокъ, потому что помятъ онъ былъ страшно. Напрасно его подвели къ огню, дали ѣсть и пить, натерли саломъ и потомъ тепло укрыли шкурами, Зандерусъ не могъ придти въ себя и погрузился въ такой глубокій сонъ, что чехъ едва могъ добудиться его лишь въ серединѣ слѣдующаго дня.

Збышко, котораго сжигало нетерпѣніе, тотчасъ же пришелъ къ нему. Сначала, однако, онъ ничего не могъ добиться, потому что то ли отъ страха послѣ ужасныхъ приключеній, то ли отъ чувства облегченія, которое всегда овладѣваетъ слабою душою при сознаніи, что грозящая опасность уже миновала, Зандерусъ расплакался такъ, что, несмотря на усилія, не могъ отвѣчать на задаваемые ему вопросы. Рыданіе стискивало его горло, губы дрожали, а изъ глазъ лились такія обильныя слезы, какъ будто вмѣстѣ съ ними должна была уплыть и вся его жизнь.

Наконецъ, онъ нѣсколько сдержался, подкрѣпился кумысомъ, пить который литвины научились отъ татаръ, и началъ жаловаться, что «сыны Веліала» избили его копьями, какъ лѣсное яблоко, отняли у него лошадь, на которой были навьючены реликвіи исключительной силы и цѣны, и подъ конецъ привязали къ дереву, гдѣ муравьи настолько обгрызли его ноги и все тѣло, что его непремѣнно ждетъ смерть, если не сегодня, такъ завтра.

Збышка въ концѣ охватилъ гнѣвъ. Онъ вскочилъ и крикнулъ:

— Отвѣчай, проходимецъ, на то, о чемъ я спрашиваю, и смотри, чтобъ съ тобой не приключилось что-нибудь горшее!

— Невдалекѣ отсюда муравейникъ рыжихъ муравьевъ,—сказалъ чехъ.—Прикажите, господинъ, положить его на муравейникъ, у него тотчасъ же развяжется языкъ.

Глава говорилъ не въ серьезъ и даже улыбался, потому что въ душѣ былъ расположенъ къ Зандерусу, но тотъ перепугался и завопилъ:

— Милосердія! Милосердія! Дайте мнѣ еще этого языческаго напитка и я разскажу о томъ, что видѣлъ, и о томъ, чего не видалъ.

— Если ты солжешь хоть въ одномъ словѣ, то я вобью тебѣ клинъ въ горло!—сказалъ онъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ приставилъ къ его рту баклагу съ кобыльимъ молокомъ, а Зандерусъ припалъ къ нему, какъ ребенокъ къ груди матери, и началъ глотать, поперемѣнно то открывая, то закрывая глаза. Но когда онъ вытянулъ кварты двѣ, а можетъ быть и больше, то встряхнулся, опустилъ на колѣна баклагу и сказалъ, какъ бы подчиняясь необходимости:

— Мерзость!

И тотчасъ же обратился къ Збышку:

— А теперь разспрашивай, избавитель!

— Была ли моя жена въ томъ отрядѣ, съ которымъ ты шелъ?

На лицѣ Зандеруса отразилось изумленіе. Правда, до него до-

ходили слухи, что Дануся была женою Збышка, но такъ какъ свадьба происходила въ тайнѣ, а вслѣдъ затѣмъ Данусю тотчасъ же похитили, то онъ всегда думалъ о ней только какъ о дочери Юранда.

Тѣмъ не менѣе онъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Да, воевода, была, но Зигфридъ де Лёве и Арнольдъ фонъ-Баденъ пробились сквозь непріятеля.

— Ты видѣлъ ее?—съ сильно бьющимся сердцемъ спросилъ Збышко?

— Господинъ, лица ея я не видалъ, но видѣлъ ивовыя носилки, совсѣмъ закрытыя. Носилки находились между двумя конями, и въ нихъ кого-то везли, и стерегла ихъ та же самая ящерица, та орденская послушница, которая пріѣзжала отъ Данфельда въ Лѣсной дворецъ. И пѣсню слышалъ, какъ та жалобно выходила изъ носилокъ.

Збышко поблѣднѣлъ отъ волненія, сѣлъ на пень и съ минуту не зналъ, о чемъ спрашивать больше. Мацько и чехъ были также безмѣрно взволнованы, и они услыхали большую и важную новость. Чехъ, можетъ быть, притомъ вспомнилъ о своей возлюбленной госпожѣ, которая осталась въ Спыховѣ и которую это извѣстіе обрекало на несчастіе.

Наступила минута молчанія.

Наконецъ, хитрый Мацько, который Зандеруса не зналъ и только мелькомъ слышалъ о немъ кое-что раньше, подозрительно посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Что ты за человѣкъ, и что ты дѣлалъ среди крестоносцевъ?

— Что я за человѣкъ, вельможный рыцарь, пусть объ этомъ разскажетъ вотъ этотъ достойный князь (тутъ бродяга указалъ на Збышка) и мужественный чешскій графъ, которые знаютъ меня издавна.

Кумысъ, видимо, началъ на него дѣйствовать, потому что онъ оживился, и, обратившись къ Збышку, началъ говорить громкимъ голосомъ, въ которомъ уже не было и слѣда прежней слабости:

— Господинъ, вы вдвойнѣ спасли мнѣ жизнь. Безъ васъ меня съѣли бы волки или постигла бы кара епископовъ, которые, введенные въ заблужденіе моими врагами (о, сколь недостоинъ этотъ міръ!), издали приказъ преслѣдовать меня за продажу якобы фальшивыхъ реликвій. Но вы, господинъ, пріютили меня; благодаря вамъ и волки меня не съѣли, и преслѣдованіе не могло настигнуть, потому что меня принимали за одного изъ вашихъ слугъ. Когда я былъ при васъ, у меня никогда не было недостатка ни въ ѣдѣ, ни въ напиткѣ,—лучшимъ, чѣмъ это кобылье молоко, которымъ я

гнушаюсь, но котораго выпью еще глотокъ, чтобы доказать, что убогій, но благочестивый пилигримъ не отступаетъ ни передъ какимъ умерщвленіемъ плоти.

— Говори скорѣе, скоморохъ, что ты знаешь, и не дури!— крикнулъ Мацько.

Но Зандерусъ вторично приставилъ баклагу къ губамъ, выпилъ весь остатокъ кумыса и, какъ бы слушая Мацька, снова обратился къ Збышку:

— За это и я полюбилъ васъ, господинъ. Святые, какъ говоритъ Писаніе, грѣшили девять разъ въ часъ, случается и Зандерусу иногда согрѣшить, но Зандерусъ никогда не былъ и не будетъ неблагодарнымъ. И вотъ, когда свалилось на васъ несчастіе, помните, господинъ, что я сказалъ вамъ: я пойду изъ замка въ замокъ и, поучая по дорогѣ людей, буду искать то, что вы утратили. Кого я не спрашивалъ, гдѣ я не былъ,—долго было бы разсказывать, довольно, что я нашелъ и съ той минуты какъ репейникъ прицѣпляется къ епанчѣ, такъ и я прицѣпился къ старику Зигфриду. Я сдѣлался его слугою и отъ замка до замка, отъ комтуріи до комтуріи, отъ города до города ходилъ за нимъ безъ устанку, вплоть до послѣдней битвы.

Збышко подавилъ волненіе и сказалъ:

— Я признателенъ тебѣ и награда не минуетъ тебя. Но отвѣчай о томъ, о чемъ я спрошу: поклянешься ли ты спасеніемъ души, что она жива?

— Клянусь спасеніемъ своей души, что она жива!— важно сказалъ Зандерусъ.

— Зачѣмъ Зигфридъ оставилъ Щитно?

— Не знаю, господинъ. Я только догадываюсь. Онъ никогда не былъ стардостой въ Щитнѣ, а оставилъ его, можетъ быть, изъ боязни магистра, который, какъ говорили, писалъ къ нему, чтобъ онъ отдалъ плѣнницу княгинѣ мазовецкой. Можетъ быть, онъ бѣжалъ отъ распоряженія магистра, потому что душа его окостенѣла отъ горя и мести за Ротгера. Говорятъ, что это былъ его сынъ. Мнѣ неизвѣстно, что тамъ произошло, но отъ ярости у него что-то испортилось въ головѣ, и пока живъ, до тѣхъ поръ дочь Юранда,—я хотѣлъ сказать молодую госпожу,—онъ изъ своихъ рукъ не выпуститъ.

— Странно мнѣ все это кажется,—вдругъ прервалъ Мацько:— если бы старый песъ былъ такъ возстановленъ противъ Юранда, то онъ убилъ бы Данусю.

— Онъ и хотѣлъ сдѣлать это,—отвѣтилъ Зандерусъ,—но его

что-то встрѣтило, отъ чего онъ тяжко захворалъ и чуть не испустилъ духъ. Его люди много болтаютъ объ этомъ. Одни говорятъ, что когда онъ шелъ въ башню убить молодую госпожу, то встрѣтилъ злого духа, а другіе говорятъ, что ангела. Довольно сказать, что его нашли на снѣгу передъ башней совсѣмъ безъ чувствъ. И теперь еще, когда онъ вспомнитъ объ этомъ, то у него волосы становятся дыбомъ, поэтому онъ и самъ не смѣетъ поднять на нее руку и другимъ приказать боится. Онъ возитъ съ собою нѣмого, бывшаго щитненскаго палача, но неизвѣстно для чего.

Слова эти произвели большое впечатлѣніе. Збышко, Мацько и чехъ приблизились къ Зандерусу, который перекрестился и продолжалъ такъ:

— Нехорошо быть среди нихъ. Не разъ я слышалъ и видѣлъ вещи, отъ которыхъ у меня пробѣгали мурашки по кожѣ. Я говорилъ уже вашимъ милостямъ, что у стараго комтура что-то испортилось въ головѣ. Да и какъ же можетъ быть иначе, коли его навѣщаютъ духи съ того свѣта? Лишь только онъ останется одинъ, какъ вокругъ него начинаются какіе-то тяжелые вздохи, точно у кого-то не хватаетъ дыханія. А это—Данфельдъ, котораго убилъ страшный панъ изъ Спыхова. Тогда Зигфридъ говоритъ ему: «Чего тебѣ нужно? Обѣдня облегченія тебѣ не приноситъ, зачѣмъ же ты сюда приходишь?» А тотъ поскрежещетъ-поскрежещетъ зубами и снова завздыхаетъ. Но еще чаще приходитъ Ротгеръ (послѣ него всегда остается запахъ сѣры) и съ нимъ комтуръ бесѣдуетъ дольше: «Не могу,—говоритъ онъ,—не могу!» Одинъ разъ я слышалъ, какъ онъ спрашивалъ: «Развѣ это облегчитъ тебя, сынокъ?» И все такъ, все такъ. А то бываетъ, что два или три дня онъ ни съ кѣмъ ни словомъ не обмолвится, а на лицѣ у него страшная скорбь. Носилки оберегаютъ и онъ, и орденская послушница, такъ что молодую госпожу никто видѣть не можетъ.

— Они не издѣваются надъ ней?—глухо спросилъ Збышко.

— Я скажу истинную правду вашей милости, что ударовъ и крикобъ я не слыхалъ, но жалобное пѣніе слышалъ, а по временамъ точно какая-то птичка стонала...

— Горе!—сквозь стиснутые зубы отозвался Збышко.

Но Мацько прервалъ дальнѣйшій допросъ.

— Довольно этого,—сказалъ онъ... Теперь говори о битвѣ. Ты видѣлъ, какъ они ушли и что съ ними сталось?

— Видѣлъ,—отвѣтилъ Зандерусъ,—и разскажу все, какъ было. Сначала они бились жестоко, но когда поняли, что ихъ окружили со всѣхъ сторонъ, то начали подумывать, какъ бы вырвать-

ся. Рыцарь Арнольдъ, совершенный богатырь, первый разорвалъ кольцо враговъ и прочистилъ такую дорогу, что по ней прошелъ старый комтуръ съ нѣсколькими людьми и носилками, которыя были утверждены между двумя лошадьми.

— А развѣ погони не было? Какъ же могло случиться, что ихъ не преслѣдовали?

— Погоня была, но ничего не могла подѣлать,—какъ она приближалась, рыцарь Арнольдъ оборачивался и бился со всѣми. Боже сохрани всякаго встрѣтиться съ нимъ, потому что онъ человѣкъ страшной силы, и ему ни почемъ биться хоть съ цѣлою сотнею враговъ. Три раза онъ оборачивался такимъ образомъ и три раза удерживалъ погоню. Люди, которые были съ нимъ, всѣ погибли. Кажется, онъ и самъ былъ раненъ, и коня его ранили, но ему удалось спастись и, кромѣ того, дать старому комтуру время для бѣгства.

Мацько, слушая этотъ разсказъ, подумалъ, что Зандерусъ говоритъ, видимо, правду. Начиная съ того мѣста, гдѣ происходила битва Скирвоиллы съ нѣмцами, дорога на длинное разстояніе была усѣяна трупами жмудиновъ, такъ страшно изрубленныхъ, какъ будто ихъ поразила рука исполина.

— Однако, какъ же ты могъ видѣть все это?—спросилъ онъ у Зандеруса.

— Я видѣлъ это,—отвѣтилъ бродяга,—потому что ухватился за хвостъ одной изъ лошадей, которыя несли носилки, и бѣжалъ вмѣстѣ съ ними, пока не получилъ ударъ въ животъ копытомъ. Тогда я потерялъ чувство и достался въ руки вашей милости.

— Это могло случиться,—сказалъ Глава,—но смотри, не солги чего-нибудь, а то еще хуже будетъ.

— Знакъ еще остался,—сказалъ Зандерусъ,—кто хочетъ, можетъ видѣть, но во всякомъ случаѣ лучше вѣрить на слово, чѣмъ быть осужденнымъ за маловѣріе.

— Хотя ты иногда противъ воли и скажешь правду, но все-таки будешь вытъ въ аду за святотатство.

И они начали переругиваться по старой привычкѣ, но Збышко прервалъ ихъ:

— Ты шелъ по той странѣ, значитъ, знаешь ее. Какіе здѣсь по-близости замки и гдѣ, какъ ты думаешь, могли укрыться Зигфридъ и Арнольдъ?

— Замковъ по-близости нѣтъ никакихъ, кругомъ одна пуща, сквозь которую недавно прорубили вотъ эту дорогу. Деревень и поселеній тоже нѣтъ, что было, сами нѣмцы сожгли, чтобы тамош-

ній народъ,—а онъ того же племени, что и здѣшній,—тоже не поднялся бы противъ нѣмецкаго господства. Я думаю, господинъ, что Зигфридъ и Арнольдъ скитаются теперь по бору и будутъ стараться возвратиться назадъ или тайкомъ добраться до крѣпости, куда мы шли.

— Должно быть, оно такъ и есть!—сказалъ Збышко.

И онъ глубоко задумался. По его нахмуреннымъ бровямъ и сосредоточенному лицу легко было понять, съ какимъ усиліемъ дается ему дума. Но длилось это не долго. Черезъ минуту онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Глава! пусть люди и лошади будутъ готовы, мы сейчасъ же двигаемся въ путь.

Оруженосецъ, который никогда не имѣлъ обыкновенія разспрашивать о томъ, зачѣмъ ему приказываютъ, поднялся съ мѣста и, не говоря ни слова, побѣжалъ къ лошадямъ, зато Мацько вытаращилъ глаза и съ изумленіемъ спросилъ:

— А... Збышко? Куда же ты? Что?... Да какъ же это?

Но Збышко отвѣтилъ также вопросомъ.

— А вы что думаете? Развѣ я не долженъ?

Старый рыцарь умолкъ. Изумленіе мало-по-малу исчезало съ его лица. Онъ кивнулъ головою разъ и другой, наконецъ, вздохнулъ изъ глубины груди и сказалъ, какъ бы отвѣчая самому себѣ:

— Ну, коли такъ... Тутъ ничего не подѣлаешь!

И онъ также пошелъ къ лошадямъ, а Збышко возвратился къ господину де-Лоршу и при помощи мазура, умѣющаго по-нѣмецки, сказалъ ему:

— Я не могу требовать отъ васъ, чтобъ вы помогали мнѣ противъ людей, съ которыми служили подъ одними знаменами, поэтому вы свободны и можете ѣхать, куда хотите.

— Я не могу помогать вамъ мечомъ съ ущербомъ для своей рыцарской чести, но что касается свободы, то я отказываюсь. Я остаюсь вашимъ плѣнникомъ на слово и предстану, куда вы скажете, по первому вашему слову. Въ случаѣ чего бы то ни было, помните, что Орденъ вымѣняетъ меня на любого плѣнника, потому что мой родъ оказалъ значительныя услуги крестоносцамъ.

Они начали прощаться. По тогдашнему обычаю для этого нужно было положить другъ другу руки на плечи и поцѣловаться. При этомъ де-Лоршъ сказалъ:

— Я поѣду въ Мальборгъ или на Мазовецкій дворъ, и знайте, что вы можете найти меня если не здѣсь, то тамъ. Вашъ посолъ пусть скажетъ мнѣ только два слова: Лотарингія-Гельдернъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ Збышко. — Я пойду къ Скирвоиллѣ, чтобъ онъ далъ вамъ пропускъ.

Старый вождь пропускъ далъ и не дѣлалъ никакихъ препятствій къ отъѣзду гельдернскаго рыцаря. Онъ зналъ, въ чемъ дѣло, любилъ Збышка, былъ признателенъ ему за послѣднюю битву и притомъ не имѣлъ никакого права задерживать рыцаря, который принадлежалъ другой странѣ, а сюда пришелъ только по собственной охотѣ. И, поблагодаривъ Збышка за оказанную услугу, онъ снабдилъ его живностью, которая могла пригодиться въ опустошенномъ краю, и проводилъ пожеланіемъ встрѣтиться еще разъ въ великой и рѣшительной битвѣ съ крестоносцами.

Збышко страшно торопился, его томило нетерпѣніе. Но, прійдя на сборный пунктъ, онъ засталъ всѣхъ людей готовыми, въ томъ числѣ и Мацька. Старый рыцарь, въ кольчугѣ и шлемѣ, сидѣлъ уже на конѣ. Збышко приблизился къ дядѣ и сказалъ:

— Такъ и вы со мной?

— А что же мнѣ дѣлать?—сердито спросилъ Мацько.

Збышко не отвѣтилъ ничего, поцѣловалъ только желѣзную перчатку дяди и сѣлъ на коня.

Зандерусъ также ѣхалъ съ ними. Дорогу до поля битвы они знали хорошо, но дальше проводникомъ долженъ быть бродяга. Разсчитывали и на то, что если гдѣ-нибудь встрѣтятъ мѣстныхъ людей, то они, изъ ненависти къ своимъ господамъ-крестоносцамъ, помогутъ преслѣдовать стараго комтура и того Арнольда фонъ-Баденъ, о нечеловѣческой силѣ и мужествѣ котораго такъ много разсказывалъ Зандерусъ.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Земное.

Касаясь нехотя земли своей стопой
И крылья чистыя брезгливо подбирая,
Онъ проходилъ передъ толпой—
Дитя небесъ, питомецъ рая.
Узналъ я взоръ его, узналъ я этотъ ликъ
И снѣжной бѣлизной мерцающія крылья.
И ясный взоръ его проникъ
Мнѣ въ душу, полную безсилья.
Мнѣ говорилъ тотъ взоръ: «Есть дивные края,—
Тамъ вѣчно золотитъ лучами райской грёзы
Неугасимая заря
Неувядаемыя розы;
Тамъ дали свѣтлыя безгранно залегли;
Торжественныхъ капеллъ ликуетъ строй пѣвучій,
И ни единый стонъ земли
Не нарушаетъ ихъ созвучій...»
Онъ говорилъ... А я... Припавъ къ землѣ сырой,
Къ отверженной землѣ, съ любовью и тоскою,
Въ отвѣтъ на голосъ неземной
Молилъ сыновнею душою:
«Ее, моихъ страстей и мукъ моихъ Содомъ,
Со всѣми язвами, позоромъ и скорбями,
Насилій наглымъ торжествомъ
И правды узницы слезами,
Владычицу мою, страдалицу мою,
Любить мнѣ ниспошли терпѣніе и силу;
Мой духъ отъ сна и тьмы—молю—
Спаси, о дивный, и помилуй!
Но, уходя въ свои блаженные края,
Гдѣ грѣетъ и живитъ сіяньемъ райской грёзы
Неугасимая заря
Неувядаемыя розы,
Въ холодной мглѣ земли, въ ея нѣмой тѣни,
Ты, утоляя скорбь сердецъ осиротѣлыхъ,
Хоть лучъ единый оброни
Изъ глазъ лазурныхъ, съ крыльевъ бѣлыхъ...»

С. Фругъ.

Біологическія воззрѣнія и вопросы жизни.

I. Воспитаніе и наслѣдственность.

I.

Воспитаніе—это все: оно способно создать человѣка такимъ, какимъ хочетъ, если поставлено раціонально, проведено систематически и умѣло.

Такъ говорили и продолжаютъ говорить тѣ, для которыхъ исходнымъ пунктомъ разсужденій служитъ старый афоризмъ о томъ, что «дитя—воскъ мягкій», а матеріаломъ для рѣшенія вопроса: архивы исторіи, архивы школъ и соотвѣтствующая литература вопроса.

Какъ реакція такому одностороннему направленію явилось другое, не менѣе одностороннее, ученіе, котораго девизомъ было и есть: воспитаніе—ничто, все создается и опредѣляется наслѣдственностью, борьба съ которой безнадежна. Такая противоположная крайность могла возникнуть только вслѣдствіе совершенно очевидной несостоятельности сторонниковъ всеобъемлющаго значенія воспитанія отвѣтить на множество явленій жизни съ одной стороны, а съ другой—вслѣдствіе слишкомъ ограниченнаго числа фактовъ, добытыхъ наукою по вопросу о наслѣдственности,—фактовъ, которымъ сторонники этого крайняго воззрѣнія поторопились придать несоотвѣтствующее имъ значеніе и сдѣлать изъ нихъ слишкомъ поспѣшные выводы.

Компромиссъ долженъ былъ явиться очень скоро на смѣну этихъ двухъ крайнихъ ученій, и онъ выразился въ слѣдующей доктринѣ: наслѣдственность—факторъ могучій, но не единственный,—кое-что въ дѣлѣ формировки человѣка должно быть отведено и на долю воспитанія.

Таковы въ хронологической послѣдовательности три формулы, изъ которыхъ каждая до настоящаго времени имѣетъ своихъ горячихъ защитниковъ. Число сторонниковъ послѣдней изъ нихъ съ каждымъ годомъ, однако, становится все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ рядахъ этихъ сторонниковъ возникаютъ и крупныя разногласія. Эта особенность «новой школы» является очень характерной и поучительной. Въ то время, какъ между сторонниками доктрины: «дитя воскъ мягкій» царствовало и

царствуетъ единодушіе, которое ничѣмъ и не можетъ быть нарушено, такъ какъ для всѣхъ нихъ принципіальный вопросъ о значеніи воспитанія рѣшается одинаково и разногласіе сводится лишь къ его методу и его цѣли; въ то время какъ для сторонниковъ доктрины:—«все дѣло въ одной наслѣдственности», принципіальному разногласію также не можетъ быть мѣста;—для представителей новой школы, сверхъ указанныхъ, открывается еще нескончаемый рядъ вопросовъ чисто-принципіальнаго характера. Оно и понятно: сказать, что наслѣдственность въ формировкѣ человѣка играетъ извѣстную роль, на-ряду съ воспитаніемъ, значитъ отвѣтить на вопросъ только отчасти, такъ какъ за этимъ тотчасъ же возникаетъ другой вопросъ: *какую* роль?

Рибо и Гюйо, напримѣръ, оба принадлежатъ къ школѣ ученыхъ, полагающихъ, что воспитаніе играетъ извѣстную роль въ формировкѣ человѣка, какъ и наслѣдственность, а между тѣмъ, посмотрите, какъ далеко расходятся они между собою принципіально по самымъ основнымъ вопросамъ ученія, т.-е. и по вопросу о томъ: что можетъ и не можетъ наслѣдоваться, и по вопросу о томъ: съ чѣмъ изъ унаслѣдственнаго можетъ и не можетъ бороться воспитаніе?

Врожденныхъ нравственныхъ *понятій* нѣтъ,—говоритъ Гюйо,—но врожденныя *наклонности* нравственныя и безнравственныя существуютъ.

Авторъ полагаетъ при этомъ, что такія наклонности можно не только *вызвать* путемъ воспитанія, но и *сдѣлать ихъ наслѣдственными*. Въ подтвержденіе этой своей идеи Гюйо (*Воспитаніе и наслѣдственность* стр. 106 и 107)—ссылается на Дарвина, «который *доказалъ*, что у нѣкоторыхъ дикихъ животныхъ пугливость дѣлается наслѣдственною *).

Если бы, однако, мы и допустили, что положенная Гюйо въ основу его взгляда на роль воспитанія гипотеза Дарвина о наслѣдуемости благопріобрѣтенныхъ признаковъ, оказалась справедливой,—самый вопросъ о роли воспитанія, ею, какъ полагаетъ Рибо, отнюдь еще не предрѣшается. Ученый этотъ полагаетъ прежде всего, что психическія свойства существуютъ у каждаго человѣка *раньше* его воспитанія, которое уже вслѣдствіе одного этого создать ихъ *не можетъ*.

«Всѣмъ извѣстно,—говоритъ, между прочимъ, авторъ,—какъ d'Alembert, будучи найденышемъ и воспитанный вдовою бѣднаго стекольщика, безъ

*) Факты, которыми доказывается это положеніе таковы: при первой высадкѣ людей на Фоклендскіе острова, дикія собаки (canis antarcticus) подходили къ матросамъ безъ всякаго страха. Еще недавно можно было убивать ихъ ножомъ, приманивая къ себѣ кусками мяса. На одномъ изъ острововъ Аральскаго моря, антилопы, обыкновенно очень пугливыя, рѣшались подходить къ человѣку и разсматривать его, какъ курьезъ. Ламантины, на островѣ св. Маврикія, сначала совсѣмъ не боялись человѣка, также какъ моржи, тюлени и птицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земного шара. „Въ Галапагосскомъ архипелагѣ,—говоритъ Дарвинъ,—я могъ стволомъ своего ружья сталкивать соколовъ съ вѣтокъ, на которыхъ они сидѣли, и поилъ разныхъ птицъ изъ чашки, которую держалъ въ рукахъ". Значитъ, только долгимъ опытомъ птицы научаются бояться человѣка, и страхъ этотъ передается у нихъ наслѣдственно.

всякихъ средствъ, подъ градомъ насмѣшекъ своей пріемной матери, товарищей и учителей, которые его не понимали, все же не оставилъ излюбленной научной карьеры и въ 24 года сдѣлался членомъ академіи, что было только началомъ его дальнѣйшей славы». «Представьте себѣ»,—говоритъ далѣе Рибо,—«что онъ былъ воспитанъ въ салонѣ родной матери, интеллигентной дамы, въ такомъ салонѣ, гдѣ онъ встрѣчался бы съ просвѣщеннѣйшими людьми своего времени, былъ бы еще въ юношествѣ посвященъ ими во всѣ тайны научной и философской мысли и изощрилъ бы свой умъ въ ученыхъ спорахъ,—противники врожденности не преминули бы тогда видѣть въ его геніальности продуктъ воспитанія».

Что же въ такомъ случаѣ должно быть отведено на долю воспитанія? Рибо отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такимъ образомъ:

Допустимъ, что различныя степени человѣческаго интеллекта расположены въ линейномъ порядкѣ; причемъ на одномъ концѣ этого ряда будутъ стоять идіоты, а на другомъ—геніи. На идіотовъ воспитаніе почти совсѣмъ не дѣйствуетъ: всевозможныя усилія, чудеса терпѣнія и ловкости приводятъ обыкновенно къ результатамъ незначительнымъ и эфемернымъ. Но по мѣрѣ поднятія къ среднимъ частямъ линіи вліяніе воспитанія растетъ. Оно достигаетъ своего maximum'а въ тѣхъ натурахъ, которыя не хороши и не дурны, а становятся такими, какими дѣлаетъ ихъ случай. Далѣе, на противоположномъ концѣ линіи вліяніе воспитанія опять уменьшается и доходитъ до minimum'а въ натурахъ геніальныхъ.

Гюйо, придающій воспитанію гораздо большее значеніе, не можетъ, разумѣется, согласиться съ этимъ воззрѣніемъ. Онъ допускаетъ, что идіоты стоятъ внѣ возможности ихъ воспитывать, но что касается геніальныхъ натуръ, то онѣ, по его мнѣнію, и могутъ и должны быть воспитываемы съ пользою и для нихъ, и для человѣчества.

Таковы разногласія между мыслителями, близко стоящими другъ къ другу. Они могутъ быть еще бо́льшими: неопредѣленная *середина* въ глазахъ одного можетъ занимать треть всей прямой линіи, въ глазахъ другого треть эта можетъ превратиться въ половину, въ три четверти, въ $^9/_{10}$ и наоборотъ. Это, однако, лишь одинъ источникъ разногласія и наименѣе значительный.

Другой—гораздо болѣе существенный заключается въ вопросѣ о томъ, *что можетъ и что не можетъ быть унаслѣдовано*, то-есть въ вопросѣ, рѣшеніе котораго должно быть установлено раньше, чѣмъ говорить о самой роли воспитанія.

Въ самомъ дѣлѣ: если ребенокъ представляетъ собою носителя *всѣхъ* признаковъ, которыми обладали родители, какого бы происхожденія эти признаки ни были, то значеніе воспитанія получаетъ формулу весьма для него выгодную, такъ какъ стоитъ развить у дѣтей однѣ наклонности за счетъ другихъ,—пріобрѣтенные ими признаки передадутся по наслѣдству, и мы съ каждымъ новымъ поколѣніемъ будемъ, или, по крайней мѣрѣ, получимъ теоретическую возможность, приближаться къ идеалу.

Другое дѣло, если наслѣдуются не всѣ признаки родителей, а только такіе, которые имъ прирождены, т.-е. такіе, съ которыми они по причинамъ, намъ мало извѣстнымъ, родились на свѣтъ. Всѣ же особенности, составляющія ихъ личное пріобрѣтеніе, какой бы области пріобрѣтенія онѣ ни касались, потомствомъ не наслѣдуются. Значеніе воспитанія при такихъ условіяхъ, очевидно, получаетъ уже другую формулу; оно не въ состояніи измѣнить наклонностей такимъ образомъ, чтобы новыя поколѣнія были свободны отъ дурныхъ и порочныхъ и получали взамѣнъ ихъ хорошія. Воспитаніе сводится къ тѣсной задачѣ непосредственнаго воздѣйствія на подрастающее поколѣніе, безъ надежды оказывать на развитіе культуры болѣе прочнаго вліянія.

На пути къ этому вліянію, сверхъ того, можетъ оказаться еще и новый факторъ: сила прирожденныхъ способностей такова ли, чтобы воспитаніе могло бороться съ ними даже въ интересахъ одного поколѣнія. Можно ли, что можно и какъ можно измѣнять въ этихъ прирожденныхъ особенностяхъ? Въ настоящее время наука далеко еще не владѣетъ средствами для того, чтобы дать на всѣ эти вопросы опредѣленные отвѣты. Чрезвычайная сложность явленій наслѣдственности и крайняя, иногда непреодолимая, трудность ихъ изслѣдованія ставятъ этотъ важный отдѣлъ общей біологіи въ положеніе гипотезы, которой многіе существеннѣйшіе пункты далеки еще отъ того, чтобы стать научною теоріей. Умаляетъ ли это, однако, цѣнность уже имѣющихся свѣдѣній въ вопросахъ о воспитаніи? Скажемъ болѣе: возможенъ ли педагогъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, безъ серьезнаго знакомства хотя бы съ основными воззрѣніями біологіи на явленія наслѣдственности и на громадную роль этого фактора въ его дѣлѣ?

Мы полагаемъ, что нѣтъ. Мы полагаемъ, что безъ знанія педагогики, въ которой ученіе о наслѣдственности составляетъ одну изъ главъ, можетъ быть учитель, болѣе или менѣе удовлетворительно, или даже хорошо знающій предметъ своей спеціальности, но не педагогъ въ настоящемъ значеніи этого слова и даже очень рѣдко хорошій учитель. Случается, конечно, что благодаря природному таланту и хорошимъ знаніямъ, учителю удается завоевать симпатію класса, его вниманіе, и возбудить интересъ къ своему предмету; случается, что разностороннія свѣдѣнія, которыми онъ пополнилъ свое университетское спеціальное образованіе, въ большей или меньшей степени замѣнятъ ему то, что могъ бы ему дать хорошо поставленный университетскій курсъ педагогики. Рѣдкое исключеніе! Въ огромномъ же большинствѣ передъ вами спеціалистъ, удовлетворительно или отлично знающій свой предметъ—и только. Если же вы попробуете сравнить добытые этимъ послѣднимъ результаты съ тѣми, которые достигаются его сосѣдомъ, при запасѣ научныхъ свѣдѣній, можетъ быть, значительно меньшемъ, но у котораго есть то, что даетъ педагогика для уразумѣнія дѣтской души,—результаты окажутся почти несоизмѣримыми. Одинъ, давая знаніе, говоритъ въ то же время и душѣ ребенка: уча—онъ воспитываетъ, воспитывая—учитъ. То и другое, идя рука объ руку, приводитъ къ резуль-

татамъ недостижимымъ для того, кто только учитъ, какъ бы это ученіе ни было совершенно въ научномъ отношеніи. Педагогъ въ классѣ—человѣкъ въ классѣ; учитель—болѣе или менѣе хорошо, болѣе или менѣе умно и доступно написанная книга,—и только. Работа педагога уносится въ жизнь и для многихъ питомцевъ школы остается свѣточемъ въ трудныхъ положеніяхъ жизни; работа учителя забывается иногда съ поразительною быстротой, а нерѣдко и съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

II.

Подъ терминомъ *наслѣдственности* вообще разумѣется свойство организмовъ передавать своимъ потомкамъ тѣ признаки, которые характеризуютъ эти организмы, какъ таковые; наслѣдственность является, такимъ образомъ, началомъ охраняющимъ однажды сложившіяся формы, ей обязаны своимъ существованіемъ: виды, разновидности и породы; благодаря наслѣдственности, благодаря тому, что дѣти наслѣдуютъ свойства родителей, фауна и флора страны сохраняетъ свой опредѣленный характеръ.

Всѣ ли свойства, однако, наслѣдуются дѣтьми отъ родителей, и если не всѣ, то какія именно?

Различаютъ свойства *прирожденныя и благопріобрѣтенныя.*

Что касается первыхъ, то ихъ наслѣдственность сомнѣнію не подлежитъ, а съ этимъ вмѣстѣ не подлежитъ сомнѣнію и то, что наклонности ребенка, его инстинкты представляютъ собою цѣлое, слагающееся изъ наклонностей его родителей ближайшихъ, а иногда и болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ. Мы поэтому скажемъ объ этой сторонѣ вопроса наслѣдственности лишь столько, сколько это необходимо, чтобы указать на общій характеръ явленій этого рода.

Дарвинъ въ одной изъ своихъ книгъ *) говоритъ слѣдующее: у человѣка и домашнихъ животныхъ извѣстныя особенности, появляясь у особи только однажды или дважды въ исторіи земли, тѣмъ не менѣе повторялись затѣмъ у нѣсколькихъ дѣтей или внуковъ. Такъ, Ламбертъ «человѣкъ дикообразъ», имѣлъ кожу, густо покрытую бородавчатыми выступами, періодически линявшими; всѣ шестеро его дѣтей и два внука имѣли подобную же особенность. Покрытое длинными волосами лицо и туловище при недостающихъ зубахъ повторилось въ трехъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ у одного сіамскаго семейства.

На Ламберта указываетъ и проф. Э. Гекели въ своихъ лекціяхъ «О развитіи организмовъ». Онъ говоритъ между прочимъ, что вліяніе наслѣдственности рѣзко проявляется въ строеніи и въ окраскѣ кожи и волосъ. Извѣстно, напримѣръ,—говоритъ онъ,—съ какою правильностью, въ теченіе многихъ поколѣній, передается въ нѣкоторыхъ семействахъ особенное устройство наружной системы, т.-е. болѣе или менѣе тонкая или, напро-

*) *Дарвинъ*: „Пангенезисъ“.

тивъ, грубая кожа,—или усиленное развитіе волосной системы, или же извѣстный цвѣтъ и величина глазъ.

Признаки этой категоріи бываютъ наслѣдственными даже тогда, когда проявляются въ какихъ-нибудь пустячныхъ особенностяхъ.

Такъ Дарвинъ, со словъ д-ра Ходкинга, указываетъ на одно англійское семейство, въ которомъ, въ теченіе многихъ поколѣній, нѣкоторые члены обладали однимъ единственнымъ локономъ, окрашеннымъ иначе, чѣмъ остальные волосы. «Я зналъ одного ирландскаго джентльмена»,—говоритъ Дарвинъ,—«у котораго на правой сторонѣ головы былъ маленькій бѣлый локонъ посреди темныхъ волосъ; онъ увѣрялъ меня, что его бабушка обладала подобнымъ же локономъ съ той же стороны, а его мать имѣла такой же локонъ съ противоположной стороны. Какъ затѣйливы сочетанія тѣлеснаго строенія, душевныхъ свойствъ и обученія, отъ которыхъ зависитъ почеркъ»,—продолжаетъ ученый. «Однако, каждый, вѣроятно, замѣчалъ порою тѣсное сходство почерковъ у отца и сына, хотя бы отецъ не обучалъ сына. Одинъ большой любитель автографовъ увѣрялъ меня, что въ его собраніи есть нѣсколько подписей отца и сына, различимыя между собою развѣ только хронологически. Гофакеръ, въ Германіи, указываетъ на наслѣдственность почерка; утверждали даже, что англійскіе мальчики, когда ихъ учатъ писать во Франціи, естественно стремятся писать на англійскій манеръ; но для такого изумительнаго факта требуются дальнѣйшія подтвержденія. Походка, жесты, голосъ, общія манеры—все это наслѣдуется, какъ настойчиво утверждали знаменитый Гонтеръ и Карлэйль. Мой отецъ сообщилъ мнѣ нѣсколько удивительныхъ примѣровъ: въ одномъ случаѣ, одинъ человѣкъ умеръ во время ранняго дѣтства своего сына; мой отецъ, не видѣвшій этого сына, пока тотъ не выросъ и не потерялъ здоровья, утверждалъ, что ему представился старый другъ, вставшій изъ гроба, со всѣми его чрезвычайно характерными привычками и манерами. Своеобразныя привычки переходятъ въ странныя ужимки, и можно привести много примѣровъ ихъ наслѣдственности. Такъ, въ одномъ, часто цитируемомъ случаѣ, отецъ обыкновенно спалъ на спинѣ, перекрестивъ правую ногу черезъ лѣвую; его дочь, когда еще была въ колыбели, въ точности слѣдовала той же привычкѣ, хотя была сдѣлана попытка отучить ее. Я приведу лишь одинъ примѣръ, который наблюдался лично мною, любопытный потому, что здѣсь ужимка сочеталась съ особымъ душевнымъ состояніемъ, а именно — съ пріятнымъ волненіемъ. Одинъ мальчикъ обладалъ странною привычкой: когда онъ испытывалъ удовольствіе, то быстро двигалъ пальцы параллельно другъ другу, а въ сильномъ возбужденіи приподнималъ обѣ руки, все-таки двигая пальцами, къ сторонамъ лица, на одномъ уровнѣ съ глазами. Когда мальчикъ сталъ почти старикомъ, то едва могъ удержаться отъ такой ужимки, если испытывалъ удовольствіе; но по нелѣпости этой привычки онъ скрывалъ ее. У этого человѣка было восемь дѣтей. Изъ нихъ одна дѣвочка, испытывая удовольствіе, въ возрастѣ $4^1/_2$ лѣтъ, двигала пальцами совершенно такимъ же образомъ; и, что еще болѣе странно, въ состояніи

сильнаго возбужденія она также поднимала обѣ руки, все еще двигая пальцами, къ сторонамъ лица, совершенно такимъ же образомъ, какъ дѣлалъ отецъ, и порою продолжала дѣлать это даже оставаясь одна. Я никогда не слышалъ ни о комъ, исключая этого человѣка и его маленькой дочери, кто имѣлъ бы эту странную привычку; подражаніе, навѣрное, не играло въ данномъ случаѣ никакой роли».

«Нѣкоторые авторы сомнѣвались въ томъ, наслѣдуются ли тѣ сложныя душевныя особенности, отъ которыхъ зависятъ геній и талантъ, даже въ томъ случаѣ, если оба родителя одарены такимъ образомъ. Тотъ, кто изучитъ талантливый трудъ Гальтона *Наслѣдственность генія,* отложитъ въ сторону свои сомнѣнія».

Къ этой же категоріи явленій наслѣдственности, должно отнести наслѣдственность уродствъ и болѣзней. Нерѣдко можно встрѣтить цѣлыя семейства людей, имѣющихъ по шести пальцевъ на каждой рукѣ и каждой ногѣ, и передающихъ это уродство своимъ потомкамъ въ теченіе многихъ генерацій. Люди о семи и о четырехъ пальцахъ хотя и встрѣчаются, но рѣже. Неправильность эта возникаетъ обыкновенно въ одномъ человѣкѣ, который, въ силу неизвѣстныхъ причинъ, родится съ лишними пальцами и передаетъ эту особенность своимъ потомкамъ. Шестипалость, въ одномъ и томъ же семействѣ, можетъ устойчиво сохраняться въ продолженіе трехъ-четырехъ поколѣній, и даже болѣе. Въ одномъ испанскомъ семействѣ насчитывали не менѣе 14-ти человѣкъ, имѣвшихъ эти придаточные пальцы. Впрочемъ, наслѣдственная передача шестого и седьмого пальцевъ совершается далеко не всегда, такъ какъ шестипалые люди обыкновенно вступаютъ въ бракъ съ людьми, имѣющими нормальное число пальцевъ.

Каждый знаетъ, какъ часто сумасшествіе бываетъ наслѣдственнымъ въ семьѣ. Нѣкоторые изъ случаевъ, приведенныхъ Сиджуикомъ, ужасны: такъ, у одного врача братъ, отецъ и четверо дядей по отцу сошли съ ума, а послѣдній покончилъ самоубійствомъ; у одного еврея—отецъ, мать, шестеро братьевъ и сестра всѣ сошли съ ума; въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣсколько членовъ той же семьи, въ трехъ или четырехъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, совершали самоубійства. Поразительные случаи сообщаются относительно эпилепсіи, чахотки, астмы (удушья), рака.

Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы наслѣдственность особенностей этого рода, по мнѣнію ученыхъ, была безусловной. Дарвинъ, приведя цѣлую серію фактовъ, характеризующихъ явленія наслѣдственности, говоритъ, что существуютъ серіи другихъ фактовъ, которые доказываютъ, что наслѣдственность представляетъ явленіе очень капризное.

По отношенію къ уродливости въ частности онъ пишетъ, что хотя многія врожденныя уродливости наслѣдственны, Спрауля, напримѣръ, свидѣтельствуетъ о передачѣ, въ теченіе цѣлаго столѣтія, заячьей губы при расщепленномъ нёбѣ, въ собственной семьѣ этого автора,—зато другія рѣдко передаются, или даже никогда не наслѣдуются».

Таковы данныя по вопросу о наслѣдственности признаковъ прирожденныхъ.

III.

Что касается до *вопроса о наслѣдственности признаковъ благопріобрѣтенныхъ*, подъ вліяніемъ ли механическихъ поврежденій, климатическихъ или функціональныхъ особенностей, то онъ встрѣчаетъ столько трудностей для своего рѣшенія, что въ основныхъ частяхъ до сего времени остается открытымъ. Дарвинъ полагаетъ, что наслѣдуются не только функціональныя особенности, но и такія, которыя образовались вслѣдствіе механическихъ поврежденій или вліянія климата, принимая этотъ терминъ въ широкомъ смыслѣ слова. Онъ полагаетъ, однако, что наслѣдуются эти особенности не безусловно, какъ это по недоразумѣнію ему приписывается нѣкоторыми авторами. Такъ, по отношенію къ наслѣдственности механическихъ поврежденій мы читаемъ: «нѣкоторыя увѣчья наносились въ теченіе огромнаго числа поколѣній, безъ всякаго наслѣдственнаго результата. Такъ различныя человѣческія племена съ незапамятныхъ временъ выбивали себѣ верхніе рѣзцы, обрѣзывали суставы пальцевъ, продѣлывали чудовищныя дыры въ ушныхъ мочкахъ или въ ноздряхъ, татуировались, проводили глубокіе рубцы на разныхъ частяхъ тѣла,— и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы эти увѣчья когда-либо наслѣдовались» *).

Вейсманнъ и его сторонники идутъ еще далѣе; они полагаютъ, что механическія поврежденія не наслѣдуются никогда и ни въ какомъ случаѣ; въ защиту свого мнѣнія они выставляютъ не только новые факты, но и тѣ, которые ихъ противниками приводятся въ защиту воззрѣній противуположныхъ **).

---

*) Извѣстно,—говоритъ Дарвинъ,—что мизинецъ человѣческой ноги меньше другихъ пальцевъ, согнутъ и часто, вслѣдствіе сліянія своего второго сустава съ третьимъ, оказывается двухчленистымъ (а не трехчленистымъ, какъ 4-й, 3-й и 2-й пальцы). Другими словами, извѣстно, что мизинецъ ноги человѣка представляетъ собою всѣ признаки органа, стремящагося къ редукціи. Признаки эти обнаруживаются не только у взрослаго человѣка, но и у дѣтей того возраста, когда обувь не могла вліять на измѣненіе пальца, его искривленіе и величину.

Ученые, раздѣляющіе основные принципы дарвиновскаго ученія о наслѣдственности, въ указанномъ фактѣ видятъ подтвержденіе ученія о наслѣдственности механическихъ поврежденій: въ теченіе вѣковъ обувь сдавливала мизинецъ и вотъ это механическое дѣйствіе, вліяло на организмъ родителей, вызывало соотвѣтствующія измѣненія у потомства.

Докторъ Шмидтъ въ 1888 г. описалъ наслѣдственную передачу разрыва нижней части ушной раковины матери,—одному изъ ея 8 дѣтей и т. д., и т. д.

**) Въ Сѣверной Америкѣ, по словамъ Вилькенса, въ теченіе 6 лѣтъ (писано въ 1893 году) коровамъ начали отпиливать рога, и вотъ за все это время не было ни одного случая, чтобы лишенная роговъ корова принесла комолаго теленка. Лошадямъ, гдѣ это въ модѣ, обрѣзаютъ послѣдніе хвостовые позвонки вотъ уже 100 лѣтъ, а быть можетъ и больше, но, сколько извѣстно, ни разу не было обнаружено рожденіе короткохвостой лошади. Далѣе мы узнаемъ, что овцеводы съ давняго времени практикуютъ обрѣзываніе хвостовъ у племенныхъ овецъ и барановъ, такъ значительно, что вмѣсто хвоста остается придатокъ въ 6—8 сантиметровъ. Никогда не было констатировано ни одного случая, чтобы лишенная хвоста овца дала безхвостое потом-

Что касается до наслѣдственности измѣненій, происходящихъ подъ вліяніемъ, такъ называемыхъ, климатическихъ условій, то, по мнѣнію Дарвина, наслѣдственность ихъ устанавливается не только для вліянія климата, какъ суммы различныхъ факторовъ: тепла, свѣта, степени сырости, рельефа мѣстности, и пищи, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для каждаго изъ этихъ факторовъ, отдѣльно взятыхъ *); по мнѣнію же Вейсманна, эти измѣненія не наслѣдуются вовсе, въ томъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, въ которомъ это предполагалось раньше **). Такимъ образомъ вопросъ о наслѣдственности

ство. Самъ Вилькенсъ имѣлъ возможность прослѣдить до тысячи такихъ операцій. Извѣстны породы собакъ, которымъ систематически отрѣзаютъ хвосты и уши, и которыя продолжаютъ давать нормальное потомство.

Къ категоріи этой же группы фактовъ относится и тотъ общеизвѣстный охотникамъ-голубеводамъ фактъ, что деформированные черепа голубей не наслѣдуются потомствомъ. Дѣло въ томъ, что у охотниковъ голубеводовъ выработался, такъ сказать, идеальный типъ головы, которымъ должны обладать лучшіе представители данной породы. Чтобы получить преміи на выставкахъ, нѣкоторые изъ нихъ искусственно создаютъ формы черепа голубю, стѣсняя, помощью различныхъ приспособленій, ея нормальное развитіе. Такія фальсификаціи строго преслѣдуются именно потому, что полученные искусственнымъ путемъ экземпляры не передаютъ такимъ образомъ пріобрѣтенныхъ свойствъ потомкамъ. Наконецъ наблюденія надъ человѣкомъ представляютъ цѣлую серію фактовъ, подтверждающихъ справедливость сказаннаго заключенія. Деформація черепа дѣтей, которая практикуется у многихъ народовъ, съ цѣлью придать ихъ головѣ модную форму; деформація ногъ у китаянокъ, которая въ интересахъ моды производится уродующими ногу пріемами и т. п.—всѣ эти операціи никогда не вызывали появленія подобныхъ же особенностей у потомства.

Вейсманъ и его послѣдователи не только приводятъ новыя данныя, но, какъ сказано, объясняютъ въ свою пользу и тѣ факты, которые выставлялись сторонниками противуположныхъ имъ воззрѣній.

Такъ, сравнивая фотографію матери и ребенка, унаслѣдовавшаго, по мнѣнію д-ра Шмидта, разрѣзъ нижней части ушной раковины, Вейсманъ утверждаетъ, что выемка на ушной раковинѣ сына находится вовсе не на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ разрывъ у матери, и что, вѣроятно, эта аномальная форма ушной раковины наслѣдована имъ отъ отца или дѣда.

*) Вилькенсъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій утверждаетъ, что рога коровъ и овецъ, живущихъ въ болѣе тепломъ и сухомъ климатѣ, какъ зебу, степныхъ коровъ Венгріи, испанскихъ мериносовъ и др., длиннѣе и толще, чѣмъ рога породъ, живущихъ въ холодномъ климатѣ, между которыми мы встрѣчаемъ безрогихъ коровъ Исландіи, Шотландіи, Швеціи, безрогихъ овецъ Великобританіи и сѣв. Германіи.

Роговой слой кожи особенно толстъ у коровъ, живущихъ въ тепломъ климатѣ, и тонокъ у живущихъ въ сыромъ и холодномъ климатѣ горныхъ странъ. У венгерскихъ коровъ роговой слой болѣе чѣмъ вдвое толще такового, наприм., зальцбургскихъ, но зато у послѣднихъ гораздо толще подкожный слой соединительной ткани. Вилькенсъ, между прочимъ, даетъ такое наблюденіе. Одна альгауская корова, изъ Баваріи, была вывезена въ Венгрію. Ея дочь, рожденная въ Венгріи, имѣла рога на 3 сантиметра длиннѣе, чѣмъ у матери, внучка имѣла еще на 2 сант. болѣе длинные и притомъ болѣе толстые рога. Пропорціонально этому шло утолщеніе рогового слоя кожи, а молочность уменьшалась и т. д.

**) Вотъ основанія для такого заключенія. Бабочка—Polyommatus Phlaeas—представляетъ случай диморфизма, стоящій въ связи съ климатическими условіями въ

механическихъ поврежденій и особенностяхъ вызываемыхъ климатическими условіями, остается, если не рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ, какъ это заставляютъ думать нѣкоторыя изслѣдованія Вейсманна и его сторонниковъ, то сполна открытымъ. Такъ какъ, однако, эта сторона предмета для вопроса о роли воспитанія имѣетъ второстепенное значеніе, то мы не станемъ останавливаться на ея разсмотрѣніи и перейдемъ къ той части вопроса о наслѣдственности, которая для насъ имѣетъ самое важное значеніе,—къ ученію о наслѣдственности признаковъ, такъ называемаго, функціональнаго пріобрѣтенія, т.-е. признаковъ полученныхъ отъ упражненія или неупражненія.

Дарвинъ, какъ сказано, считаетъ такіе признаки наслѣдственными и вотъ какъ аргументируетъ свое мнѣніе въ области морфологіи и психологіи.

Домашняя утка отличается отъ дикой, между прочимъ, слѣдующими особенностями въ строеніи скелета: кости крыльевъ домашней утки легче относительно вѣса всего тѣла, чѣмъ у дикой, а кости ногъ относительно тяжелѣе. Особенности эти стоятъ въ прямой связи съ образомъ жизни этихъ животныхъ, т.-е. съ ихъ особенностью къ летанію, и объясняются Дарвиномъ такимъ образомъ.

Кости ноги домашней утки тяжелѣе, чѣмъ у дикой, потому что она упражняетъ ноги больше, чѣмъ это дѣлаютъ ихъ дикіе родичи; особенности въ развитіи этихъ конечностей передавались потомству, и вотъ мы имѣемъ ихъ такими, каковы онѣ есть. Крыло же сдѣлалось легче потому, что эти органы домашняя утка упражняла менѣе дикой, вслѣдствіе наслѣдственности они дѣлались все менѣе и менѣе развитыми. Если наслѣдственно передаются такія особенности организаціи, которыя пріобрѣтаются вслѣдствіе упражненія того или другаго органа, то наслѣдственными будутъ,

---

Германіи. Обыкновенно она имѣетъ два поколѣнія—оба съ ярко-красными крыльями южнѣе, и въ той же Германіи, въ болѣе жаркія лѣта она имѣетъ одно поколѣніе—съ красными, а другое—съ темными крыльями; наконецъ на югѣ (Сицилія, Японія) оба поколѣнія имѣютъ черныя крылья. Изъ этого слѣдуетъ выводъ: черная окраска этихъ бабочекъ стоитъ въ связи съ температурой климата,—другими словами, что передъ нами имѣется какъ разъ такой случай, на основаніи котораго Вилькенсъ утверждаетъ наслѣдуемость измѣненій, вызываемыхъ особенностями климатическихъ условій. Однако,—возражаетъ Вейсманнъ,—это не совсѣмъ такъ: если подвергать куколокъ краснокрылаго поколѣнія дѣйствію повышенной температуры, то хотя окраска крыльевъ у вышедшихъ изъ этихъ куколокъ бабочекъ оказывается темнѣе, чѣмъ у родителей, тѣмъ не менѣе, однако, никогда не получалось настоящей, южной, чернокрылой разновидности. Наоборотъ: привезенныя изъ Неаполя въ Германію закуклившіяся личинки давали особей съ болѣе красной окраской крыльевъ, но никогда не получалось сѣверной разновидности.

Вейсманнъ заключаетъ отсюда, что незначительныя измѣненія, которыя можетъ вызвать непосредственное дѣйствіе внѣшнихъ условій, въ данномъ случаѣ—температура, не наслѣдственны. Чтобы получить наслѣдственныя измѣненія, мы должны подвергнуть вліянію новыхъ условій не куколку, а родителей ея. Измѣненіе въ окраскѣ обусловливается въ послѣднемъ случаѣ не непосредственнымъ вліяніемъ на органы матери, а вліяніемъ на яйцо, которое даетъ начало новой бабочкѣ.

разумѣется, и послѣдствія неупражненія. Этою наслѣдственностью неупражненія объясняется существованіе такихъ животныхъ, какъ протей (Proteus anguineus)—хвостатая амфибія, живущая въ темныхъ пещерахъ Истріи, и потерявшая, вслѣдствіе неупражненія органовъ зрѣнія, способность функціонировать этими органами.

Изучая скелетъ нижнихъ конечностей европейцевъ и населенія Пенджаба, проф. Чарльзъ, замѣтилъ между прочимъ, различіе въ расположеніи гребней, служащихъ для прикрѣпленія мускуловъ. Онъ констатируетъ сверхъ того, что это различіе проявляется у жителей Пенджаба очень рано и можетъ быть замѣчено уже во время утробной жизни. Это послѣднее обстоятельство и тотъ фактъ, что они стоятъ въ прямой связи съ различіемъ въ образѣ жизни, т.-е. въ способѣ сидѣнія (жители Пенджаба сидятъ на землѣ, поджавши ноги), доказываетъ, по мнѣнію послѣдователей Дарвина, что мы въ этомъ фактѣ имѣемъ дѣло съ однимъ изъ случаевъ функціональнаго унаслѣдованія у людей: упражняясь въ извѣстной манерѣ сидѣнія, и вызывая этимъ упражненіемъ извѣстное развитіе гребней на костяхъ конечностей,—народности эти выработали особенности, которыя въ концѣ-концовъ сдѣлались наслѣдственными и стали обнаруживаться въ періодъ эмбріональнаго развитія.

Въ подтвержденіе своей идеи о наслѣдственности благопріобрѣтенныхъ признаковъ, Дарвинъ ссылается и на извѣстные опыты Броунъ-Секара надъ морскими свинками *).

Вейсманнъ и сторонники его воззрѣній трактуютъ, однако, факты, которые послѣдователи ученія Дарвина выставляютъ въ качествѣ аргументовъ за наслѣдственность *функціональныхъ измѣненій*, въ свою пользу.

Ноги домашнихъ утокъ,—говоритъ Вейсманъ,—прогрессировали въ развитіи вовсе не потому, чтобъ онѣ ихъ упражняли, а потому что человѣкъ *подбиралъ* такихъ особей въ потомствѣ одомашниваемыхъ утокъ, у которыхъ обнаруживалась наклонность къ прогрессивнымъ колебаніямъ въ

*) Результатъ этихъ опытовъ формулируется имъ такимъ образомъ: появленіе падучей болѣзни у животныхъ, рожденныхъ родителями, которыхъ сдѣлали эпилептиками посредствомъ поврежденія спинного мозга. Появленіе падучей болѣзни у животныхъ, рожденныхъ отъ родителей, ставшихъ эпилептиками, вслѣдствіе перерѣзыванія N. sciaticus. Перемѣна формы уха у животныхъ, рожденныхъ родителями, у которыхъ подобная же перемѣна была слѣдствіемъ разрѣза шейнаго симпатическаго нерва. Частное замкнутіе вѣкъ у животныхъ, рожденныхъ родителями, у которыхъ то же состояніе вѣкъ было слѣдствіемъ либо перерѣза шейнаго симпатическаго нерва, либо удаленія верхняго шейнаго нервнаго узла. Экзофтальмія у потомства родителей, у которыхъ сотвѣтствующее поврежденіе въ мозгу было причиною такого же выпячиванія глазного яблока. Отсутствіе двухъ или трехъ пальцевъ задней ноги, а порою и всѣхъ трехъ у животныхъ, чьи родители обгрызли себѣ пальцы заднихъ ногъ, ставшіе нечувствительными вслѣдствіе разрѣза одного лишь сѣдалищнаго нерва (N. sciaticus) или также нерва голени (N crutalis). Порою, вмѣсто полнаго отсутствія пальцевъ, у дѣтенышей не хватало лишь части двухъ или трехъ пальцевъ, хотя у родителей отсутствовали не только пальцы, но и цѣлыя лапы, частью онѣ были обгрызены, частью разрушены воспаленіемъ, изъязвленіемъ или гангреной и т. д.

строеніи ногъ въ ущербъ развитію крыльевъ, и которыя, вслѣдствіе этого, проявляя меньше стремленія къ летанію, были удобнѣе въ домашнемъ хозяйствѣ.

Крыло же подвергалось регрессивному развитію тоже не потому, чтобы оно менѣе упражнялось: особенности благопріобрѣтенныя не наслѣдуются; а потому, что сдѣлавшись ненужными въ домашней жизни, органы эти не поддерживались на извѣстномъ уровнѣ вліяніемъ борьбы за существованіе, которымъ поддерживаются у дикихъ особей.

Особенности скелета жителей Пенджаба являются, по мнѣнію этой школы, не слѣдствіемъ упражненія извѣстной группы мышцъ, а представляли прямое наслѣдіе отъ первоначальныхъ предковъ человѣка; у европейцевъ же мы не наблюдаемъ этихъ особенностей вслѣдствіе того, что они ихъ утратили.

Такимъ образомъ упражненіе и неупражненіе органовъ не имѣютъ къ наслѣдственности никакого отношенія и все дѣло сводится исключительно къ борьбѣ за существованіе и подбору—въ случаѣ прогрессивнаго развитія *положительному*, а регрессивнаго — отрицательному, или, какъ это называетъ Вейсманнъ—*панмиксіи*. Потомки, по мнѣнію этого ученаго, проявляютъ одни—прогрессивныя, другіе — регрессивныя наклонности: если такія наклонности оказываются выгодными въ борьбѣ за существованіе, онѣ удерживаются, и въ ряду поколѣній накопляются и закрѣпляются за видомъ; если онѣ невыгодны, то, не поддерживаясь борьбой за существованіе въ ряду поколѣній,—исчезаютъ. Исчезаютъ вслѣдствіе того, что не поддерживаются болѣе въ борьбѣ за существованіе и такіе органы, которые сначала были полезны, а потомъ, вслѣдствіе измѣнившихся условій жизни, сдѣлались безполезными. Такъ утратили первоначальные гребни на костяхъ заднихъ конечностей европейцы, такъ утратили первоначальное развитіе своихъ крыльевъ домашнія утки, такъ потеряли свои органы зрѣнія, болѣе неспособные функціонировать, протеи и т. д. и т. д.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ главнымъ факторомъ является не ослабленное, или вовсе оставленное упражненіе органа, а переживаніе тѣхъ потомковъ, которые проявляли регрессивныя наклонности въ развитіи органа, какъ наиболѣе, въ данныхъ случаяхъ жизни, благопріятнаго.

Оставимъ, однако, факты изъ области анатоміи и морфологіи. Какъ ни важны они въ вопросѣ о наслѣдственности благопріобрѣтенныхъ признаковъ вслѣдствіе упражненія или неупражненія, для насъ гораздо важнѣе тѣ факты, помощью которыхъ пытаются выяснить вопросъ въ области явленій психологическихъ.

Этотъ пунктъ ученія о наслѣдственности имѣетъ для насъ величайшій интересъ и огромную важность, такъ какъ именно въ немъ заключается ключъ къ рѣшенію самаго вопроса о роли воспитанія. Если психическія особенности, пріобрѣтенныя путемъ упражненія, наслѣдственны, то, очевидно, что насаждая или развивая пріемами школьнаго воспитанія тѣ или другія наклонности ребенка, мы можемъ закрѣпить за ними желаемыя

особенности, которыя, послѣ ряда воспитываемыхъ въ извѣстномъ направленіи поколѣній, могутъ привести къ полученію дѣтьми этихъ особенностей *наслѣдственно*.

Это отлично понялъ Гюйо, когда, въ подтвержденіе своей идеи о значеніи воспитанія, ссылается на мнѣніе Дарвина о происхожденіи страха у птицъ передъ человѣкомъ въ мѣстахъ, гдѣ онѣ его не видали раньше, и потому не обнаруживали передъ нимъ никакой боязни. Человѣкъ, по этой гипотезѣ, перевоспиталъ птицъ; *научилъ* ихъ осторожности, путемъ преслѣдованія; пріобрѣтенный опытъ передавался изъ поколѣнія въ поколѣніе, а въ концѣ-концовъ *превратился* въ *инстинктъ* осторожности. У людей опытъ и упражненіе, въ извѣстной сферѣ душевной жизни, могутъ привести къ появленію *новыхъ наклонностей*, закрѣпляемыхъ органически и потому являющихся наслѣдственными.

Эта точка зрѣнія имѣетъ въ своей основѣ если не хорошо обоснованную, то законченно построенную и хорошо продуманную гипотезу, раздѣляемую большинствомъ писателей по вопросу о генезисѣ *наслѣдственныхъ душевныхъ способностей*.

Въ ея основѣ лежитъ взглядъ, по которому наслѣдственныя душевныя способности, инстинкты, прежде чѣмъ сдѣлались таковыми, въ свое время были актами сознательными, разумными, и составляли пріобрѣтеніе не *вида*, а отдѣльной особи, не группы, а индивида*). Вотъ что говоритъ Дарвинъ по этому предмету.

Нѣкоторые инстинкты развиваются при участіи разума такимъ путемъ. Упражненіе способностей особи, въ силу тѣхъ или иныхъ условій, накопленіе индивидуальнаго опыта и заимствованіе чужихъ въ этомъ отношеніи пріобрѣтеній, чрезъ подражаніе, дѣлали эти умственныя способности болѣе и болѣе сильными. Первоначально сознательныя дѣйствія переходили въ привычку, благопріобрѣтенное передавалось по наслѣдству, и такимъ образомъ появлялся новый инстинктъ. Нижеслѣдующіе факты выясняютъ и, по мнѣнію Дарвина, подтверждаютъ сказанное.

Извѣстно, что птицы острововъ, никогда не видавшія человѣка, сначала его не боятся, а потомъ инстинктивно его избѣгаютъ.

Дарвинъ такъ объясняетъ это явленіе: обдуманныя дѣйствія, которыми онъ считаетъ первыя попытки дикихъ птицъ избѣгать человѣка, «будучи повторяемы нѣсколькими поколѣніями, превращаются, наконецъ, изъ привычекъ въ инстинктъ».

Остановимся на этомъ воззрѣніи съ тою внимательностью, на которую оно имѣетъ право.

---

*) Въ своей книжкѣ „*Вопросы зоопсихологіи*“ я имѣлъ случай останавливаться на фактахъ этой категоріи, въ связи съ аналогичными явленіями въ жизни безпозвоночныхъ животныхъ, о которыхъ говорить здѣсь считаю излишнимъ: если можно говорить о вліяніи *разумныхъ* способностей на способности прирожденныя, такъ, разумѣется, только тамъ, гдѣ наличность разумныхъ способностей не подлежитъ сомнѣнію, а несомнѣнными онѣ являются только у высшихъ животныхъ.

Прежде всего необходимо указать, что птенцы разныхъ птицъ, живущихъ вблизи человѣка, изъ числа подвергающихся и не подвергающихся его преслѣдованію, обладаютъ разными инстинктами по отношенію къ человѣку, причемъ чувство страха къ нему, повидимому, не стоитъ въ какомъ-либо отношеніи къ дѣйствительно существующей опасности.

Въ своей статьѣ объ акклиматизаціи дрофъ *) я указывалъ на слѣдующій поразительный фактъ. Извѣстно, что въ дикомъ состояніи дрофа очень подозрительна и осторожна; она тщательно избѣгаетъ близости человѣческихъ жилищъ. Въ этомъ между прочимъ заключается причина того, что дрофа выбираетъ себѣ для жилья обширныя поля, гдѣ уже издали видно приближеніе человѣка. А между тѣмъ птенцы ея, высиженные въ неволѣ курицей, на другой же день своей жизни принимаютъ изъ рукъ человѣка кузнечиковъ, стрекозъ, бабочекъ, червей, и какъ въ началѣ, такъ и потомъ, охотнѣе принимаютъ пищу изъ его рукъ, чѣмъ изъ клюва высидѣвшей ихъ курицы. Позднѣе, 3—4 мѣсячные, они слѣдуютъ за тѣмъ, къ кому привыкли на прогулкахъ, и не отстаютъ отъ него всю дорогу. Когда человѣкъ садится отдохнуть подъ дерево, дрофы размѣщаются около на траву; услыхавъ лай собакъ, онѣ быстро поднимаются, тревожно бѣгаютъ вокругъ сидящаго, но не убѣгаютъ отъ него; домой возвращаются еще охотнѣе, чѣмъ шли изъ дому.

Гудсонъ **) говоря о чувствѣ страха у птицъ, пишетъ слѣдующее:

«Rhea—южно-американскій страусъ, «по мнѣнію естествоиспытателей, очень древняго происхожденія. Его крупный ростъ, отсутствіе способности летать, вкусное мясо (особенно для дикарей, которые любятъ жирную и душистую пищу) дѣлали Rhea постояннымъ объектомъ охоты въ продолженіе длиннаго періода времени, вѣроятно, болѣе длиннаго, чѣмъ для какой бы то ни было другой птицы».

«Поэтому, если страхъ передъ человѣкомъ есть дѣйствительно инстинктивное чувство, то слѣды его непремѣнно должны быть замѣтны на птенцахъ Rhea, взятыхъ въ тотъ ранній періодъ, когда они не могли научиться страху отъ взрослыхъ, тогда какъ я не могъ ни разу замѣтить ни малѣйшихъ признаковъ этого чувства».

«Одно время я держалъ у себя выводокъ Rhea, взятый тотчасъ по вылупленіи изъ яицъ. За мной они слѣдовали буквально, какъ за ихъ собственною матерью, и стоило мнѣ издать звукъ, похожій на крикъ тревоги Rhea, чтобы птенцы немедленно, съ выраженіемъ ужаса, сбѣгались къ моимъ ногамъ и старались спрятать голову въ моей одеждѣ, хотя никакой рѣшительно опасности не было».

Эти и другіе, подобные, факты заставляютъ насъ сомнѣваться въ томъ, чтобы у птенцовъ вообще существовалъ страхъ къ человѣку; напротивъ, факты эти, какъ и многочисленные другіе, заставляютъ насъ сомнѣваться

---

*) *Природа и Охота*, 1880 г.

**) *W. H. Hudson:* „Naturalist in la Plata“, 1892 г.

въ существованіи у птицъ такого опредѣленнаго инстинкта. Вотъ нѣкоторыя изъ относящихся сюда наблюденій Гудсона.

Птенцы совъ и голубей обнаруживаютъ больше наклонности къ гнѣву, чѣмъ къ страху; если ихъ потревожить, то они надуваются, щелкаютъ клювами и даже бьютъ ими непрошеннаго гостя. Птенцы другихъ птицъ, въ подобномъ случаѣ, только глубже прячутся въ гнѣздахъ, или приникаютъ къ землѣ, стараясь скрыться въ травѣ. Степень испуга птенцовъ всегда зависитъ отъ того, насколько неожиданно животное, или неодушевленный предметъ, приближается; если врагъ болѣе сообразителенъ и приближается съ большею или меньшею осторожностью, какъ, напримѣръ, это дѣлаютъ змѣи (а змѣи должны считаться очень древними врагами птицъ), то птенцы не проявляютъ ни малѣйшаго признака страха даже тогда, когда врагъ уже совсѣмъ на виду и готовъ схватить жертву. Но этотъ послѣдній фактъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если родители отсутствуютъ и птенчики не слышатъ ихъ тревожныхъ криковъ, въ противномъ случаѣ они обнаруживаютъ всѣ признаки страха передъ угрожающей имъ опасностью.

Въ высшей степени интересно, рядомъ съ этимъ послѣднимъ фактомъ, наблюденіе Гудсона надъ разницей между поведеніемъ обыкновенныхъ и паразитическихъ птенцовъ, какъ во время ихъ нахожденія въ общемъ гнѣздѣ, такъ и въ послѣдующій періодъ, когда птенцы уже оставили гнѣздо, но неспособны къ самостоятельной жизни. Сигналы тревоги, издаваемые родителями-кормильцами, не производятъ никакого впечатлѣнія на птенца-пріемыша южно-американской кукушки. Находясь еще въ гнѣздѣ, они очень охотно берутъ пищу изъ рукъ человѣка даже въ то время, когда хозяева гнѣзда, гдѣ они вскормлены, въ безпокойствѣ вьются надъ гнѣздомъ, издавая тревожный писк, подъ вліяніемъ котораго собственно ихъ птенчики (если таковые уцѣлѣли) въ ужасѣ приникаютъ на дно гнѣзда. И послѣ оставленія гнѣзда молодыя кукушки продолжаютъ быть до глупости ручными и безстрашными. «Я много разъ наблюдалъ»,—говоритъ Гутитъ,—«какъ онѣ дѣлались добычею коршуновъ, открыто сидя на высокихъ мѣстахъ тогда, когда имѣли полную возможность скрыться въ кусты, или въ траву, если бы только во-время поняли крики предостереженія своихъ кормильцевъ. Но лишь только молодыя кукушки дѣлаются самостоятельными и начинаютъ обращаться съ другими представителями своего вида, какъ образъ жизни ихъ быстро мѣняется, и онѣ дѣлаются пугливыми и осторожными, какъ и другія дикія птицы».

Вслѣдствіе произведенныхъ наблюденій Гудсонъ полагаетъ, что молодые птенцы обладаютъ инстинктивнымъ страхомъ общаго характера, опредѣленно выражающимся лишь въ томъ, что ихъ пугаетъ всякій внезапно приближающійся къ гнѣзду незнакомый предметъ; а тотъ страхъ къ человѣку, который мы наблюдаемъ у взрослыхъ птицъ, является продуктомъ опыта и наученія. Въ этомъ смыслѣ весьма поучительны наблюденія Гудсона надъ птенцами, еще не вылупившимися изъ яйца.

«Мнѣ приходилось наблюдать,—говоритъ авторъ,—какое дѣйствіе ока-

зываетъ крикъ тревоги на птенцовъ въ моментъ ихъ вылупленія. Маленькій плѣнникъ уже постукиваетъ носикомъ въ стѣнки скорлупы яйца, издаетъ слабый писк и совсѣмъ готовъ вылѣзть на свѣтъ Божій, какъ вдругъ, хотя бы издали, доносятся крики тревоги, издаваемые родителями,—постукиванье и писк прекращаются и птенчикъ замолкаетъ въ своей скорлупѣ до тѣхъ поръ, пока измѣнившіеся звуки родительскаго голоса не извѣстятъ его, что опасность миновала».

Эти факты, взятые въ ихъ совокупности, приводятъ насъ къ заключенію, что роль инстинкта въ вопросѣ о чувствѣ страха къ человѣку, если и можетъ быть допущена, то развѣ въ видѣ того общаго чувства осторожности дикихъ птицъ, которое онѣ обнаруживаютъ при видѣ незнакомаго предмета.

Если бы намъ при этомъ и удалось доказать, что такое общее, инстинктивное чувство осторожности увеличивается путемъ наслѣдственности, то и тогда вопросъ о значеніи разумнаго фактора въ образованіи новаго инстинкта, оставался бы далеко не рѣшеннымъ. Можно даже утверждать, что мы располагаемъ гораздо большимъ числомъ данныхъ для его рѣшенія не въ положительномъ смыслѣ, какъ это думаетъ Дарвинъ, а въ отрицательномъ, какъ полагаетъ Вейсманнъ, который, принимая, вслѣдъ за Дарвиномъ, что островныя птицы сначала не боятся человѣка, а потомъ инстинктивно его избѣгаютъ, даетъ этому факту иное объясненіе, чѣмъ Дарвинъ. Онъ полагаетъ, что между птицами, о которыхъ идетъ рѣчь, существовали особи, отъ природы одаренныя различною степенью пугливости. Съ появленіемъ человѣка начинается истребленіе птицъ, причемъ менѣе пугливыя отъ природы истребляются съ большею успѣшностью, а болѣе пугливыя оставляютъ потомство. Другими словами, указываемый Дарвиномъ фактъ объясняется отнюдь не образованіемъ (съ появленіемъ человѣка) новаго инстинкта у дикихъ островныхъ птицъ путемъ разумной дѣятельности, подражанія и передачей по наслѣдству благопріобрѣтеннаго, а просто переживаніемъ особей, наиболѣе одаренныхъ чувствомъ осторожности.

Воззрѣніе Вейсманна, вытекая непосредственно изъ ученія Дарвина о естественномъ подборѣ и борьбѣ за существованіе, ни въ одномъ моментѣ не нуждается въ предположеніяхъ субъективнаго характера и въ догадкахъ, ни на чемъ не основанныхъ. Что птицы одного вида обладаютъ не тождественными психологическими способностями, это признаетъ и Дарвинъ, это доказывается и большимъ числомъ точныхъ изслѣдованій; что такія уклоненія и особенности наслѣдственны,—объ этомъ было сказано выше. Дѣло, такимъ образомъ, оказывается совершенно простымъ: инстинктъ островныхъ птицъ измѣняется согласно тѣмъ самымъ законамъ, которые Дарвинъ положилъ въ основу своего ученія о генезисѣ инстинктовъ, называемыхъ Ромэнсомъ первичными, и не нуждается ни въ какихъ дополнительныхъ соображеніяхъ.

Въ иныхъ условіяхъ оказывается вопросъ, если мы признаемъ инстинкты островныхъ птицъ редукціей первоначально разумныхъ дѣйствій. Такое признаніе обязывало бы насъ допустить, во-первыхъ, что тѣ немногія остров-

ныя птицы, которыя выказывали недовѣріе къ человѣку, поступали обдуманно, и что такія обдуманныя дѣйствія перешли у нихъ въ привычку; во-вторыхъ, что привычка эта оказалась одною изъ тѣхъ, которыя наслѣдуются (Дарвинъ считаетъ не всѣ привычки способными передаваться по наслѣдству), и, наконецъ, въ-третьихъ, что онѣ, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе превратились въ инстинктъ.

Такимъ образомъ, для того, чтобъ объяснить измѣненіе инстинкта островныхъ птицъ этимъ послѣднимъ путемъ, потребовалось бы три положенія, изъ которыхъ ни одно не можетъ считаться установленнымъ строго-научно. Я полагаю въ виду сказаннаго, что приводимый Дарвиномъ примѣръ доказываетъ прежде всего, что въ изысканіи другого способа возникновенія инстинктовъ, кромѣ указаннаго имъ самимъ для группы первичныхъ инстинктовъ, нѣтъ надобности.

Другой фактъ: Дарвинъ говоритъ, что молодые цыплята совершенно утратили страхъ передъ собаками и кошками (который у нихъ первоначально былъ) въ силу *наслѣдственной привычки*. Сдѣлавъ по отношенію къ этой группѣ инстинктовъ ту же оговорку, которая была сдѣлана по отношенію къ инстинктивному страху островныхъ птицъ къ человѣку, и разумѣя подъ нимъ бо́льшую или меньшую степень общаго чувства осторожности, мы считаемъ себя вправѣ и здѣсь сомнѣваться въ справедливости даваемыхъ Дарвиномъ объясненій явленію. Привычка здѣсь не могла имѣть, а вѣроятно и не имѣла, мѣста,—явленіе могло обусловливаться только однимъ подборомъ. Въ сущности мы имѣемъ здѣсь случай совершенно аналогичный съ тѣмъ, который нами только что былъ разобранъ. Вся разница лишь въ томъ, что у островныхъ птицъ не одинаковое у особей вида чувство осторожности привело путемъ подбора къ тому, что съ появленіемъ человѣка менѣе осторожныя погибли, а болѣе осторожныя уцѣлѣли, тогда какъ здѣсь наоборотъ: болѣе осторожныя, какъ неудобныя въ хозяйствѣ, истреблялись человѣкомъ, а менѣе осторожныя сохранялись имъ. Что дѣло шло дѣйствительно такимъ, а не инымъ образомъ, удостовѣряютъ факты изъ акклиматизаціи фазановъ въ наши дни. Любители, которые разводятъ кавказскихъ фазановъ и въ клѣткахъ, и на дворѣ съ другими домашними птицами, отлично знаютъ, что молодые не одинаково пугливы и что самые пугливые почти всегда бываютъ жертвою этой пугливости, даже если хозяинъ и не уничтожаетъ ихъ самъ, подбирая наиболѣе ручныхъ, какъ наиболѣе подходящихъ для дѣла. Въ виду этого аргументація, которая была сдѣлана Вейсманномъ по вопросу объ островныхъ птицахъ, имѣетъ мѣсто и здѣсь, а потому, чтобы не повторять еще разъ того же самаго, я ограничусь приведеніемъ уже сдѣланнаго вывода, а именно, что привычка въ качествѣ фактора новаго инстинкта этимъ, какъ и предшествующимъ примѣромъ, не доказывается, ибо явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, безъ всякихъ натяжекъ объясняется данными одного подбора родичей *).

*) Послѣ того, какъ статья эта была написана, я познакомился съ интересною

Къ какому же заключенію приводятъ насъ разсмотрѣнныя явленія, въ которыхъ черпаютъ свои доводы сторонники ученія о наслѣдственности благопріобрѣтенныхъ признаковъ въ области психологіи, путемъ превращенія личнаго индивидуальнаго опыта сначала въ привычку, а потомъ въ наслѣдственную прирожденную особенность? Ближайшее изученіе фактовъ, нами разсмотрѣнныхъ, т.-е. развитія боязни къ человѣку у островныхъ птицъ, котораго первоначально у нихъ не наблюдалось, исчезновеніе этой боязни у домашнихъ птицъ, и многихъ другихъ аналогичныхъ,—одинаково доказываютъ намъ, что ни одинъ изъ этихъ фактовъ не можетъ служить сколько-нибудь прочнымъ основаніемъ для сказаннаго воззрѣнія. Ни одинъ изъ нихъ, (скажу кстати: и ни одинъ изъ другихъ, мнѣ извѣстныхъ), не только не доказываетъ возможности генезиса инстинктовъ изъ актовъ разумныхъ, вслѣдствіе ихъ редукціи, но доказываетъ какъ разъ обратное: *невозможность возникновенія ихъ этимъ путемъ.*

Какой выводъ слѣдуетъ отсюда для вопроса о роли воспитанія, въ смыслѣ пониженія и даже полнаго искорененія дурныхъ прирожденныхъ наклонностей животнаго характера, и насажденія другихъ гуманныхъ, альтруистическихъ инстинктовъ, путемъ насажденія соотвѣтствующихъ понятій, въ разсчетъ превратить ихъ сначала въ привычки, а потомъ въ инстинкты,—понятно само собою.

Къ нему же приведетъ насъ разсмотрѣніе и той стороны ученія Дарвина, въ которой рѣчь идетъ о возникновеніи инстинктовъ путемъ смѣшаннымъ: изъ актовъ, первоначально непроизвольныхъ, а потомъ, прежде чѣмъ перейти въ инстинкты, прошедшихъ стадію сознательныхъ, произвольныхъ состояній.

Если бы наука біологіи располагала точно установленными фактами въ этомъ направленіи, то педагогика располагала бы прочными основами для рѣшенія многихъ вопросовъ воспитанія.

Есть ли они однако? Располагаетъ ли наука такими данными? Уже изъ того обстоятельства, что участіе разума въ образованіи инстинктовъ не можетъ быть допущено принципіально, а priori слѣдуетъ, что рѣшеніе поставленнаго вопроса на лучшій конецъ можетъ имѣть отвѣтомъ: *пока нѣтъ.*

Въ самомъ дѣлѣ, что мы имѣемъ по этому предмету?

Весьма немногое и весьма мало убѣдительное. Приведу здѣсь два, изъ числа наиболѣе подробно описываемыхъ Дарвиномъ, явленія *).

книжкою Моргана: „Привычка и инстинктъ“. На основаніи многочисленныхъ, частью своихъ, частью чужихъ изслѣдованій, авторъ приходитъ къ заключеніямъ, которыя сполна подтверждаютъ приведенныя выше. Свои выводы ученый формулируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: „Частое повтореніе дѣйствій пріобрѣтенныхъ, вызываетъ другого рода автоматизмъ — автоматизмъ привычки, который слѣдуетъ отличать отъ первоначальнаго автоматизма инстинкта“. И далѣе: мы не имѣемъ убѣдительныхъ доказательствъ того, что автоматизмъ привычки передается по наслѣдству и порождаетъ, такимъ образомъ, автоматизмъ инстинкта.

*) *Дарвинъ*: „О выраженіи ощущеній“.

Извѣстно, что многія животныя, стараясь представиться болѣе страшными, ощетиниваютъ шерсть, тѣмъ самымъ увеличивая объемъ тѣла. Какъ развилась у нихъ эта способность и какова ея психическая природа?

О произвольности этого рода движеній, казалось бы, нечего и говорить: фактъ, что движенія эти производятся гладкими, а не поперечнополосатыми мышечными волокнами, исключаетъ всякую возможность такого предположенія, тѣмъ болѣе, что если переходъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ въ поперечнополосатыя возможенъ, то обратное превращеніе самъ Дарвинъ считаетъ не имѣющимъ за себя никакихъ фактическихъ основаній. Но вопросъ «о координированіи сокращеній arrectores pili съ сокращеніемъ различныхъ произвольныхъ мышцъ для одной и той же спеціальной цѣли» представляется Дарвину фактомъ, заставляющимъ пріискивать его объясненіе въ первоначальномъ участіи здѣсь воли. Ученый предполагаетъ, что первоначально сокращеніе arrectores pili было непроизвольнымъ и совершалось вслѣдствіе прямого дѣйствія нервной системы подъ вліяніемъ страха или ярости; потомъ, вслѣдствіе повторенія, способность сокращенія усилилась; далѣе животныя «должны были замѣтить», что приподнятые волосы и перья увеличиваютъ объемъ тѣла соперниковъ, и потому «сами могли пожелать» казаться бо́льшими и болѣе страшными для своихъ враговъ, произвольно принимая угрожающую позу и издавая хриплые звуки. Позы же эти могли сдѣлаться, по прошествіи нѣкотораго времени, инстинктивными, и такимъ образомъ движенія, производимыя сокращеніемъ произвольныхъ мышцъ, могли комбинироваться для той же спеціальной цѣли съ движеніями, зависящими отъ мышцъ непроизвольныхъ». Другими словами: первоначально непроизвольное движеніе волосъ, потомъ, вслѣдствіе желанія животнаго казаться бо́льшимъ размѣра, стало произвольнымъ, и наконецъ сдѣлалось инстинктивнымъ. Таковъ сложный путь развитія явленія, которое, повидимому, можетъ быть объяснено гораздо проще.

Начнемъ съ общепринятаго положенія о томъ, что во всякую данную минуту существующее количество нервной силы, которое вызываетъ въ насъ то, что мы называемъ чувствованіемъ, должно вылиться въ какомъ-нибудь направленіи, должно породить эквивалентное проявленіе силы гдѣ-нибудь, что такимъ образомъ, когда нервная система очень возбуждена и названная сила выдѣляется въ избыткѣ, она должна быть издержана сильнымъ чувствованіемъ, дѣятельнымъ мышленіемъ, сильными движеніями, усиленнымъ отправленіемъ железъ, подниманіемъ накожныхъ покрововъ, и т. д. Чувства страха и гнѣва суть именно такія чувствованія, которыя могли независимо и безъ всякаго отношенія къ волѣ и сознанію вызывать движеніе шерсти или перьевъ животнаго, какъ могутъ вызывать усиленное выдѣленіе железъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что первоначально такія движенія не только не были правильно координированы съ другими движеніями, выражающими то или другое чувствованіе, но что страхъ, напримѣръ, у одного и того же животнаго могъ одинъ разъ поднять перья дыбомъ, въ другой, напротивъ, необычно плотно прижать ихъ къ тѣлу.

Сущность лишь въ томъ, что усиленное возбужденіе нервной системы, вызывается ли оно гнѣвомъ, страхомъ, болью—все равно, должно было привести въ болѣе или менѣе сильное дѣйствіе тѣмъ большее число мышцъ, чѣмъ сильнѣе было ощущеніе. Въ такомъ случаѣ, если подниианіе шерсти, сопровождавшее чувство страха или гнѣва у животнаго, оказалось ему полезнымъ, то подборъ упрочилъ бы этотъ родъ движенія и координировалъ его съ другими движеніями, сопровождающими эти чувствованія, безъ малѣйшей заботы объ этомъ животнаго, безъ наблюденія своихъ товарищей, которое могло не имѣть мѣста, и безъ направленія сюда волевыхъ импульсовъ, которые не могли имѣть приложенія. Если же подниманіе шерсти при чувствѣ ужаса было не полезно, а вредно, если болѣе полезной оказалась противуположная дѣятельность, обусловливаемая избыткомъ нервнаго раздраженія, то подборъ координировалъ бы съ дѣйствіями, выражающими страхъ, именно способность прижимать перья къ тѣлу. Съ этой точки зрѣнія является совершенно понятной координація съ движеніями, сопровождающими чувство страха, у вьюрковъ и овсянокъ, напримѣръ, взъерошиванье перьевъ, такъ какъ для нихъ такое взъерошиванье оказывается цѣлесообразнымъ, а у перепеловъ и нѣкоторыхъ другихъ, живущихъ на открытыхъ мѣстахъ, птицъ, наоборотъ, плотное прижатіе перьевъ къ тѣлу, такъ какъ для нихъ, разумѣется, полезнѣе при видѣ ястреба, напримѣръ, уменьшиться въ объемѣ до возможно меньшей величины и такимъ образомъ остаться незамѣченными, чѣмъ взъерошить свои перья и тѣмъ обратить на себя вниманіе хищника. Подборъ закрѣпилъ за ними эту особенность, какъ закрѣпилъ за ними ихъ окраску.

Можно полагать, въ виду изложеннаго, что подниманіе шерсти представляетъ собою дѣйствіе—инстинктивное и по своей природѣ, и по своему происхожденію; воля никогда здѣсь не принимала участія, и для выясненія координаціи этихъ дѣйствій съ дѣйствіями произвольными нѣтъ надобности предполагать ея участія въ какой бы то ни было періодъ ихъ развитія.

Къ тѣмъ же заключеніямъ приведетъ насъ ближайшее разсмотрѣніе и другого ассоціированнаго движенія: издаванія голосовыхъ звуковъ *). Первоначальная способность издавать голосовые звуки, по мнѣнію Дарвина, возникла непроизвольно, какъ и сокращеніе мышцъ, поднимающихъ волосы и перья. «При сильномъ возбужденіи чувствительныхъ центровъ мышцы тѣла приводятся обыкновенно въ усиленную дѣятельность, вслѣдствіе чего начинаютъ издаваться громкіе крики, какъ бы тихо животное ни было вообще и какъ бы звуки эти въ данномъ случаѣ ни были для него безполезны». И далѣе: «возбужденныя такимъ образомъ непроизвольныя и безполезныя сокращенія груди и глотки могли впервые повести къ издаванію голосовыхъ звуковъ» (стр. 68 и 69). Затѣмъ издаваніе звуковъ ассоціируется съ различными ощущеніями и чувствованіями. Въ этотъ именно пе-

*) *Дарвинъ*: „О выраженіи ощущеній", стр. 229.

ріодъ оно, по мнѣнію Дарвина, дѣлается произвольнымъ. Авторъ выясняетъ это слѣдующимъ образомъ: «Голосъ, употреблявшійся вначалѣ какъ вспомогательное средство, при нѣкоторыхъ состояніяхъ, обусловливающихъ радость, боль, ярость и т. д., сталъ употребляться обыкновенно, какъ только тѣ же ощущенія или чувствованія появлялись вновь, при совершенно различныхъ условіяхъ или же въ слабѣйшей степени» (стр. 69). «Многія животныя въ злости стараются напустить ужасъ на враговъ своимъ ревомъ; соперничающіе самцы вызываютъ другъ друга взаимно и стараются превзойти соперника голосомъ». «Такимъ образомъ,—заключаетъ Дарвинъ,—употребленіе голоса ассоціировалось съ ощущеніемъ гнѣва», и т. д.

Возможно однако, что и здѣсь дѣло объясняется гораздо проще. Ассоціація, о которой идетъ рѣчь, могла образоваться такимъ же путемъ, какимъ образовался, напримѣръ, брачный нарядъ у птицъ, т.-е. путемъ естественнаго подбора, или какъ установилась цѣлесообразная координація подъема покрововъ тѣла съ дѣятельностью поперечнополосатыхъ мышцъ. Въ періодъ ухаживанія возбужденіе самцовъ, хотя и менѣе сильное, чѣмъ, напримѣръ, при ярости, должно было, однако, отличаться такою силой, что могло служить стимуломъ для движенія мышцъ вообще и всего ближе тѣхъ, которыми обусловливается сокращеніе груди и глотки, какъ это полагаетъ Дарвинъ. Никакихъ «попытокъ очаровать самку» помощью голоса,—для чего автору необходимо было допустить произвольность въ изданіи извѣстнаго рода звуковъ,—въ этотъ періодъ не было. Дѣло могло идти такимъ образомъ: возбужденіе служило стимуломъ къ изданію голосовыхъ звуковъ, которыхъ свойство и качество опредѣлялись анатомическимъ строеніемъ органовъ. Если эти звуки оказались для самца полезными, подборъ безъ всякаго участія воли особей вида совершенствовалъ и закрѣплялъ напѣвы, которые и въ началѣ, и въ серединѣ, и въ концѣ, были одинаково непроизвольными. Не только гораздо труднѣе, но вообще едва ли и возможно представить, какимъ образомъ самецъ, произвольно располагая различными голосовыми звуками, будетъ «пытаться плѣнять самку», «всегда выбирая для этого, конечно, звуки пріятные для уха особей ихъ вида». Допуская этотъ путь образованія напѣва, мы должны допустить, что было время, когда самцы даннаго вида птицъ произвольно распоряжались голосовыми звуками, пытаясь плѣнять самокъ, и, выбирая для этого соотвѣтствующіе звуки, пѣли различно, что болѣе чѣмъ сомнительно.

Къ тому же заключенію приведетъ насъ, наконецъ, ближайшее изученіе и послѣдней группы фактовъ генезиса инстинкта изъ сознательныхъ дѣйствій путемъ такъ называемыхъ «принудительныхъ привычекъ». Этихъ привычекъ,—говоритъ Дарвинъ,—иногда однѣхъ бываетъ достаточно, чтобы произвести наслѣдственныя психическія измѣненія, т.-е. дать начало инстинктамъ. Авторъ приводитъ нижеслѣдующее доказательство въ подтвержденіе сказаннаго: «всѣ волки, лисицы, шакалы и виды кошачьяго рода, когда ихъ приручаютъ, жадно бросаются на куръ, овецъ и свиней». «Какъ рѣдко, съ другой стороны,—говоритъ онъ,—представляется надобность оту-

чать нашихъ цивилизованныхъ собакъ, даже самыхъ молодыхъ, отъ нападокъ на куръ, овецъ и свиней! Безъ сомнѣнія, такія нападки случаются, и тогда собакъ бьютъ, и если это не помогаетъ, ихъ убиваютъ, такъ что наслѣдственная привычка, по всей вѣроятности, цивилизовала нашихъ собакъ при нѣкоторомъ содѣйствіи подбора».

Приведенный фактъ едва ли можетъ служить доказательствомъ того способа возникновенія инстинктовъ, въ удостовѣреніе котораго онъ приводится. Въ самомъ дѣлѣ, если бы такой способъ генезиса существовалъ, то почему же принудительныя мѣры ни къ чему не привели по отношенію къ собакамъ Огненной Земли и Австраліи? Извѣстно, что повадка бросаться на куръ и свиней оказалась неизлѣчимой у собакъ, привезенныхъ изъ мѣстъ, гдѣ дикари не держатъ сказанныхъ домашнихъ животныхъ. Дѣло объясняется именно тѣмъ, что подборъ былъ слишкомъ кратковременнымъ. Мы и до сихъ поръ продолжаемъ этотъ подборъ на нашихъ цивилизованныхъ собакахъ, какъ это справедливо отмѣчаетъ Дарвинъ, убивая тѣхъ, у которыхъ старый инстинктъ прокидывается съ нѣкоторою силою. Множество фактовъ, напротивъ, заставляютъ насъ признать за истину, что измѣненіе инстинкта принудительными или какими бы то ни было иными мѣрами рѣшительно невозможно. Все, что мы можемъ—это подавить одни и развить другіе инстинкты за счетъ подавленныхъ; въ данномъ случаѣ — инстинктъ преслѣдованія домашнихъ животныхъ мы можемъ подавить, развивая за его счетъ инстинктъ страха передъ человѣкомъ. Надежды на то, однако, чтобы этимъ путемъ мы могли получить потомство щенятъ съ пониженными инстинктивными способностями къ преслѣдованію животныхъ будутъ тщетными надеждами: *одного воспитанія, безъ подбора цѣлесообразныхъ уклоненій, недостаточно для рѣшенія задачи.*

«Можно усомниться,—читаемъ мы у Дарвина (стр. 174),—чтобы кто-либо вздумалъ научить собаку дѣлать стойку, если бы не нашлось особи съ естественнымъ къ тому расположеніемъ. А это иногда случается». Лишь только обнаружилась «первичная склонность» къ дѣланію стойки, подборъ долженъ былъ довершить остальное. Но что же такое представляютъ собою эти, внезапно появляющіяся, естественное расположеніе и первичная склонность, какъ не «прокидывающіяся случайно» уклоненія организаціи, которыя въ случаѣ своей полезности «подхватываются подборомъ» и закрѣпляются за видомъ? Роль человѣка не идетъ далѣе и не можетъ претендовать на большее противъ того, что̀ доступно самой природѣ въ вопросѣ о выработкѣ новыхъ инстинктовъ.

Не стану останавливаться на разсмотрѣніи другихъ относящихся сюда фактахъ. Скажу лишь, что всѣ они, какъ и разсмотрѣнные, отнюдь не доказываютъ участія сознанія въ образованіи инстинктовъ.

А если это такъ, если благопріобрѣтенныя психическія особенности не наслѣдуются, то очевидно, что добытое лично тою или другою особью, ея опытъ, усвоенное ею вслѣдствіе принужденія и проч.,—другими словами, все то, что сдѣлано вслѣдствіе большей или меньшей доли ея разумныхъ

способностей,—дѣтьми не наслѣдуется и не можетъ служить факторомъ въ образованіи новыхъ инстинктовъ.

Таковы данныя науки нашихъ дней по вопросу о наслѣдственности благопріобрѣтенныхъ признаковъ вообще и функціональныхъ въ частности.

IV.

Что же они даютъ въ своихъ конечныхъ выводахъ для основныхъ вопросовъ воспитанія?

Положеніямъ Гюйо—почти ничего: на основаніи данныхъ біологіи, мы, если не можемъ отрицать категорически, то не можемъ и утверждать, чтобы путемъ воспитанія можно было оказывать такое вліяніе на передаваемые по наслѣдству инстинкты и наклонности, благодаря которому, одни можно было бы замѣнить другими, хотя бы и въ очень длинномъ рядѣ поколѣній.

Зато воззрѣнія Рибо и его школа, предъявляющая къ воспитанію болѣе ограниченныя требованія, пріобрѣтаютъ въ заключеніяхъ науки по вопросамъ о наслѣдственности незамѣнимый матеріалъ.

Особую цѣнность для нихъ представляютъ данныя біологовъ—эмбріологовъ *). По ихъ ученію, въ клѣткѣ существуютъ многіе зачатки, изъ которыхъ въ каждомъ частномъ случаѣ развивается только нѣкоторая ихъ часть. Причина, вслѣдствіе которой развивается та или другая изъ этихъ частей, заключается, по мнѣнію этихъ ученыхъ, во-1-хъ, въ постоянно измѣняющихся взаимныхъ отношеніяхъ, въ которыя клѣтки организма вступаютъ между собою по мѣрѣ того, какъ послѣдовательно размножаются дѣленіемъ, и, во-2-хъ, въ воздѣйствіяхъ на организмъ окружающаго внѣшняго міра, причемъ итогъ первыхъ постоянно вырастаетъ за счетъ послѣднихъ, такъ какъ то, что было условіемъ процесса развитія въ болѣе ранней стадіи, на слѣдующей стадіи переходитъ въ зачатокъ и становится его составной частью. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же зачатокъ, подъ вліяніемъ различныхъ условій, можетъ привести къ различнымъ результатамъ, изъ чего само собою слѣдуетъ, что причина измѣненій лежитъ въ условіяхъ, сопровождающихъ развитіе, а не въ заложенныхъ въ зародышъ его родителями, пріобрѣтенныхъ ими при жизни или унаслѣдованныхъ отъ предковъ особенностей.

На долю же наслѣдственности выпадаетъ, по мнѣнію Гертвига, напримѣръ, лишь опредѣленіе того: *какимъ образомъ* клѣтки отвѣчаютъ на внѣшнія *условія и раздраженія ими вызываемыя* **).

---

*) Де-Фризъ („Intracelulare Pangenesis“), Дришъ („Entwicklungsmechanische“ Zeitschr. f. Wissensch. Zool. Bd. LIII, LV), Оск. Гертвигъ („Altere und neuere Entwickelungstheorien“) и др.

**) Вотъ примѣры, выясняющіе сказанное. Возьмемъ листъ бегоніи. Онъ функціонируетъ способомъ очень отличнымъ отъ корня бегоніи. Разрѣжемъ его на 5, на 10 частей; положимъ эти обрѣзки на землю; мы убѣдимся скоро, что однѣ клѣточки листа дадутъ начало корнямъ, другія—другимъ частямъ растенія, а въ концѣ концовъ

Ребенокъ съ указанной точки зрѣнія—есть клѣточка соціальнаго организма, снабженная наслѣдственными «возможностями», изъ которыхъ условія среды и взаимоотношеніе съ другими «клѣтками» соціальнаго организма могутъ развить однѣ и подавить другія. Намъ приводятъ факты, удостовѣряющіе даже, что эти «возможности», передаваясь наслѣдственно, въ среднемъ остаются неизмѣнными. Все дѣло въ томъ лишь: какое мѣсто въ соціальномъ организмѣ занимаетъ данная его клѣточка, по отношенію къ другимъ клѣточкамъ его составляющимъ, и какъ будетъ вліять среда на ихъ развитіе.

Я не предлагаю (здѣсь по крайней мѣрѣ) видѣть въ указанной параллели, что нибудь бо́льшее, чѣмъ простую аналогію, но она представляется мнѣ не лишенной интереса.

Для того же, чтобы сдѣлать изъ нея конечное заключеніе, мнѣ остается отвѣтить на слѣдующій вопросъ: тождественны ли законы, управляющіе развитіемъ *клѣтокъ* организма въ тѣсномъ смыслѣ слова *біологическаго*, и организма соціальнаго, или они не одинаковы, и если не одинаковы, то въ чемъ заключается различіе?

Я полагаю, что не тождественны, и что различіе заключается въ томъ между прочимъ, что основнымъ закономъ развитія клѣтокъ біологическихъ организмовъ (какъ и самихъ этихъ организмовъ) является естественный подборъ, а въ развитіи клѣтокъ организма соціальнаго (какъ и самого этого организма), рядомъ съ подборомъ естественнымъ, совершается еще *отборъ* искусственный, причемъ: чѣмъ выше цивилизація, тѣмъ больше превалируетъ послѣдній надъ первымъ, и наоборотъ, у дикарей, до нашего времени, руководитъ развитіемъ, если не исключительно естественный подборъ, то руководитъ онъ съ подавляющею силою.

Вмѣстѣ съ этимъ я полагаю, что наши школы,—не русскіе только, а вообще школы Европы, за рѣдкими, единичными попытками выйти на новый путь,—представляютъ собою такой типъ искусственнаго отбора, который давно оставленъ въ другихъ сферахъ жизни тѣхъ-же самыхъ цивилизованныхъ обществъ.

Попавшій въ школу ребенокъ—сразу перестаетъ считаться за то, чѣмъ до сихъ поръ былъ, то есть за человѣка *съ опредѣленнымъ запасомъ унаслѣдованныхъ, прирожденныхъ склонностей: жадности, подозрительности, любопытства, мечтательности, ревности, любви къ ближнему и т. д. и т. д., изъ которыхъ однѣ надо ослабить, другія развить и сдѣлать способными отвѣчать и приспособляться къ жизни, все болѣе и болѣе усложняющейся,* а принимается за какой-то фабричный матеріалъ

изъ маленькаго отрѣзка листа получатся всѣ органы и всѣ части сложнаго растенія. Или: отрѣжемъ вѣточку ивы и положимъ ее на землю; изъ клѣточекъ той поверхности вѣтки, которою она обращена къ землѣ, вытянутся корешки, вѣтка прорастаетъ и дастъ новый экземпляръ ивы. „Возможности“ клѣтокъ, которыя никогда не проявились бы при нормальныхъ условіяхъ, оказавшись въ другихъ,— обнаружились и проявили себя съ полною силою.

особой марки, къ которому надлежитъ примѣнять исключительно для него придуманные, и въ особую книжку занесенные техническіе пріемы.

Входите вы въ классъ, все равно какого предмета, и въ большинствѣ случаевъ васъ поражаетъ тождественность требованій ко всѣмъ ученикамъ класса: ни малѣйшаго измѣненія пріемовъ, ни малѣйшаго упрощенія въ объясненіяхъ, ни малѣйшаго послабленія въ требованіяхъ. Учителя озабочены только тѣмъ, чтобы всыпать какъ можно больше зерна, иногда совершенно добросовѣстно радѣя о лучшемъ качествѣ этого зерна, рѣшительно не заботясь при этомъ объ индивидуальныхъ свойствахъ мельницъ, которымъ его доставляютъ; они какъ будто и не подозрѣваютъ той сложности, которую представляетъ собою каждая изъ нихъ, и той важности, которую имѣетъ, для рѣшенія задачи, знаніе этихъ интеллектуальныхъ мельницъ. Посидѣвъ часа 2—3 на такихъ урокахъ, вы начинаете чувствовать, наконецъ, что сидите не въ классѣ, не въ комнатѣ, въ которой собраны люди учащіе и учащіеся, а въ какой-то мастерской, гдѣ пытаются изъ живыхъ людей, какъ изъ «воска мягкаго», лѣпить болванчиковъ опредѣленнаго образца. Болванчики брыкаются, разумѣется,—брыкаются изо всѣхъ силъ тѣми орудіями, которыя имъ по уставу разрѣшаются: они плачутъ, они не спятъ ночей, они блѣднѣютъ и болѣютъ, всего-же болѣе и всего чаще—лѣнятся и становятся безгранично апатичными, а ихъ за это бьютъ единицами и двойками. Жизнь требуетъ отъ школы ослабленія вредныхъ наслѣдственныхъ элементовъ a, b, c, d,—и усиленнаго развитія элементовъ цивилизаціи: m, n, p, q, а школа ослабляетъ первые, не усиливаетъ вторыхъ, а за счетъ тѣхъ и другихъ развиваетъ элементы, которые ведутъ къ обезличенію, къ нивелировкѣ, къ уничтоженію физіогноміи, къ изчезновенію индивидуальности. Само собою разумѣется, что такая «обработка» живого матеріала гладко идти не можетъ, и вотъ орудіемъ необходимыхъ коррективовъ являются *«педагогическіе совѣты»*, которые, для введенія гармоническаго единства въ дѣло, систематически исключаютъ изъ школы неудобоваримый для нея матеріалъ.

Эти исключенія получаютъ особый смыслъ и особое значеніе, если мы признаемъ (а не сдѣлать того нельзя), что актъ этотъ представляетъ собою не болѣе не менѣе, какъ подборъ, не естественный, въ его біологическомъ значеніи, а искусственный, который въ прогрессѣ цивилизованныхъ расъ играетъ такую высшую роль.

Оглядываясь назадъ съ той точки зрѣнія, мы поймемъ почему и какъ должна была возникнуть идея о *слабости* современнаго человѣка сравнительно съ его предками, въ головѣ не только такихъ эксцентричныхъ скептиковъ, какъ Ницше, но и такихъ осторожныхъ и покойныхъ мыслителей, какимъ былъ Гладстонъ, утверждавшій, что мы *не сильнѣе, а слабѣе* людей среднихъ вѣковъ.

Владиміръ Вагнеръ.

Изъ жизни К. Д. Кавелина во Франціи и Германіи въ 1862—1864 гг.

(По его перепискѣ за это время.)

„... Лестнѣе было бы для моего самолюбія драпироваться... героемъ. Я не хочу и не могу этого сдѣлать ни передъ собою, ни передъ вами. Лжи и безъ того въ мірѣ слишкомъ много. Узнайте же слабыя и сильныя мои стороны, смотрите мнѣ въ душу. Горе и неудачи меня не сломили, но сосредоточили мысль, выработали крѣпче убѣжденія, привязали къ правдѣ передъ собой и передъ другими".

К. Д. Кавелинъ, въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ, отъ 23 сентября (4 октября) 1862 г., изъ Парижа.

I.

Вмѣсто введенія.

Поводъ къ поѣздкѣ К. Д. Кавелина за границу въ 1862 г.—А. В. Головнинъ и баронесса Э. Ѳ. Раденъ.

Въ октябрѣ 1861 года К. Д. Кавелинъ оставилъ профессорскую каѳедру въ Петербургскомъ университетѣ; въ декабрѣ того же года министръ народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ получилъ отставку и долженъ былъ уступить свое мѣсто статсъ-секретарю А. В. Головнину. Новый министръ, озабоченный прежде всего упорядоченіемъ высшаго преподаванія въ Россіи и улучшеніемъ нашего университетскаго строя, предложилъ Кавелину заграничную командировку срокомъ на полгода, для изученія современнаго состоянія западно-европейскихъ университетовъ. Принявъ эту командировку, Кавелинъ въ исходѣ февраля 1862 г. выѣхалъ изъ Петербурга и до конца 1864 г. пробылъ въ Парижѣ, въ Швейцаріи и Германіи; только въ 1863 г. на нѣсколько мѣсяцевъ пріѣзжалъ онъ въ Россію,—въ Петербургъ и въ свое Самарское имѣніе.

За эти три года Кавелинъ велъ со своими друзьями, жившими въ Россіи и за границей, обширную переписку, которая представляетъ большой инте-

ресъ не только для изученія воззрѣній и личнаго характера Кавелина, но и для исторіи русской общественности «шестидесятыхъ годовъ», столь памятныхъ въ исторіи умственнаго развитія Россіи XIX в. Переписка Кавелина за 1862—1864 гг. знакомитъ насъ со многими умственными и общественными теченіями этихъ годовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выясняетъ обстоятельства, при которыхъ измѣнились воззрѣнія самого Кавелина, вслѣдствіе чего онъ, по возвращеніи изъ-за границы, очутился въ рядахъ «отцовъ», на которыхъ «дѣти», люди шестидесятыхъ годовъ, стали смотрѣть черезъ плечо, оттѣсняя людей сороковыхъ годовъ изъ передовыхъ рядовъ. Въ 1862—1864 гг. сложился у Кавелина тотъ умѣренно-либеральный и вполнѣ независимый образъ мыслей, который заставилъ его съ одной стороны разойтись со многими изъ своихъ старыхъ друзей, начиная съ Герцена, и отшатнуться отъ крайнихъ новыхъ русскихъ воззрѣній, съ другой — отдалиться отъ оффиціальныхъ сферъ, гдѣ на его самостоятельность смотрѣли весьма недовѣрчиво и неблагосклонно.

Печатая матеріалы для біографіи К. Д. Кавелина, «изъ *семейной* переписки и воспоминаній», двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ *Вѣстникѣ Европы*, я лишь въ общихъ чертахъ, мимоходомъ, коснулся этой поры жизни Кавелина. Въ настоящее время располагая большимъ собраніемъ писемъ за 1862 — 1864 гг. какъ самого Кавелина, такъ и многими письмами къ нему, я въ значительной степени пополняю прежній пробѣлъ въ моихъ матеріалахъ,—говорю: въ значительной степени, а не вполнѣ, во-первыхъ, потому, что переписка со многими лицами Кавелина въ моемъ собраніи не имѣется и, во-вторыхъ, потому, что все безъ исключенія, чѣмъ я располагаю, въ настоящее время не можетъ подлежать обнародованію. Препятствіями къ тому служатъ какъ относительная къ намъ близость шестидесятыхъ годовъ, такъ и нѣкоторыя подробности, касающіяся личныхъ, частныхъ вопросовъ изъ жизни Кавелина и его корреспондентовъ. Вотъ причины, почему въ предлагаемыхъ очеркахъ «Изъ жизни К. Д. Кавелина за границей въ 1862—1864 гг.» встрѣчается неравномѣрность въ распредѣленіи частей и нѣкоторая отрывочность въ самомъ изложеніи.

Для того, чтобъ уяснить читателю подробности, встрѣчающіяся въ перепискѣ К. Д. Кавелина за 1862 — 1864 гг., и познакомить съ обстоятельствами, при которыхъ эта переписка возникла и происходила, необходимо остановиться, прежде всего, на двухъ личностяхъ, имѣющихъ въ данномъ случаѣ большое значеніе. Первой изъ этихъ личностей является министръ народнаго просвѣщенія того времени *Александръ Васильевичъ Головнинъ*, благодаря которому Кавелинъ попалъ за границу и вслѣдствіе недоразумѣній съ которымъ долженъ былъ совершенно измѣнить условія своей послѣдующей дѣятельности, второй — баронесса *Эдита Ѳедоровна Раденъ*, гофмейстерина двора великой княгини Елены Павловны, главная и самая усердная корреспондентка К. Д. Кавелина.

Александръ Васильевичъ Головнинъ (р. 25 марта 1821 г., † 3 ноября 1886 г.) принадлежитъ къ числу выдающихся государственныхъ людей

«эпохи реформъ» Императора Александра II, сначала какъ дѣятельный сотрудникъ великаго князя Константина Николаевича, затѣмъ какъ министръ народнаго просвѣщенія (съ 1861 по 1866 годъ), не мало потрудившійся на пользу высшаго преподаванія и средняго обученія въ Россіи. Получивъ прекрасное воспитаніе и образованіе сначала дома, подъ руководствомъ матери (по смерти отца онъ остался десятилѣтнимъ ребенкомъ), а затѣмъ въ 1-й Петербургской гимназіи и Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ, Александръ Васильевичъ Головнинъ обладалъ большимъ запасомъ знаній и привычкой къ усидчивому труду для того, чтобы не остаться заурядnымъ департаментскимъ чиновникомъ, а наоборотъ, чтобы серьезно и плодотворно работать на широкомъ полѣ политической дѣятельности. Сынъ извѣстнаго моряка эпохи Александра I и человѣка большого общаго и спеціальнаго образованія, вице-адмирала Василія Михайловича Головнина, Александръ Васильевичъ, окончивъ курсъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ, провелъ десять лѣтъ на службѣ по учрежденіямъ императрицы Маріи и по министерству внутреннихъ дѣлъ, а въ 1848 г. поступаетъ чиновникомъ особыхъ порученій къ начальнику главнаго морского штаба, адмиралу кн. Ал. Серг. Меншикову, и одновременно съ тѣмъ избирается въ члены русскаго Географическаго Общества. Эти двѣ должности сближаютъ его съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, генералъ-адмираломъ и президентомъ Географическаго Общества. Въ 1850 г. Головнинъ является уже домашнимъ секретаремъ великаго князя, сохраняя этотъ постъ до самаго своего назначенія министромъ народнаго просвѣщенія въ декабрѣ 1861 г.

Съ воцаренія Александра II великій князь Константинъ Николаевичъ пріобрѣтаетъ политическое значеніе, оказывая въ особенности большое вліяніе на главнѣйшее дѣло всего царствованія — освобожденіе крестьянъ, и вокругъ него сосредоточивается «либеральная» партія петербургскихъ бюрократовъ, въ числѣ которыхъ А. В. Головнинъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Благодаря такому положенію дѣлъ, морское вѣдомство въ царствованіе Александра II прежде другихъ вѣдомствъ поднимаетъ вопросъ о реформахъ въ своемъ управленіи и ставитъ его на почву гласнаго обсужденія путемъ печати, на страницахъ своего органа *Морского Сборника*, который подъ непосредственнымъ руководствомъ вел. кн. Константина Николаевича и А. В. Головнина становится, кромѣ того, проводникомъ въ русскую публику вообще просвѣтительныхъ общественныхъ идей. Крѣпостное право, проявлявшееся не въ однихъ отношеніяхъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ, а подтачивавшее всѣ стороны нашего общественнаго быта, подвергается на страницахъ *Морского Сборника* весьма рѣзкимъ, хотя и косвеннымъ обличеніямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подымаются въ немъ вопросы о реформахъ въ различныхъ отрасляхъ государственнаго управленія и общественной жизни: въ центральномъ и мѣстномъ управленіи вообще, въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, въ воспитаніи и обученіи и т. д., и т. д. Въ *Морскомъ Сборникѣ* появляются педагогическія статьи знаменитаго Пирогова и цѣлой группы русскихъ писателей, къ мнѣніямъ которыхъ обра-

щается вел. кн. Константинъ Николаевичъ по разнымъ вопросамъ и на которыхъ возлагаетъ «особыя порученія» для изслѣдованія народнаго быта и экономическаго положенія разныхъ мѣстностей Россіи. Этнографы Даль и Максимовъ, Аѳанасьевъ-Чужбинскій, Писемскій, Мельниковъ (Печерскій), Островскій—вотъ эти изслѣдователи Россіи по почину великаго князя! Посылаются литераторы и на военныхъ корабляхъ, съ цѣлью познакомить русскую публику и съ отдаленными иноземными краями, такъ, напримѣръ, извѣстный авторъ «Обломова» Гончаровъ и талантливый бытописатель крестьянства и провинціальнаго быта Григоровичъ. Весьма естественно, что такое направленіе оффиціальнаго органа морского министерства не могло не отразиться въ благопріятномъ смыслѣ вообще на судьбѣ тогдашней русской печати. И дѣйствительно, благодаря участію вел. кн. Константина Николаевича, разрѣшаются новыя періодическія изданія (какъ, напримѣръ, *Русскій Вѣстникъ*) и ослабляются цензурныя требованія не только для газетъ и журналовъ, но и для многихъ книгъ. Такъ явилась возможность новыхъ изданій сочиненій Пушкина, Лермонтова и Гоголя, напечатанія «Исторіи Петра Великаго» Устрялова и т. д. По разнымъ вопросамъ о внутреннихъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ, въ особенности же по вопросу крестьянскому, къ вел. кн. Константину Николаевичу поступаетъ множество «записокъ», «мнѣній», «проектовъ», изъ которыхъ иные пишутся по его иниціативѣ. Всѣ эти работы предварительно разсматриваетъ А. В. Головнинъ, онъ же ведетъ и обширную корреспонденцію великаго князя.

Съ Кавелинымъ Головнинъ знакомится въ Географическомъ Обществѣ, но болѣе близкія ихъ отношенія начинаются съ 1857 г., когда вел. кн. Константинъ Николаевичъ обращается черезъ Головнина къ Кавелину съ просьбой представить ему свои соображенія о мѣрахъ къ немедленному улучшенію положенія крѣпостныхъ крестьянъ.

Направленіе всей предшествовавшей дѣятельности Головнина давало возможность людямъ прогресса предполагать, что широкіе просвѣтительные принципы будутъ положены въ основу его министерской программы. И дѣйствительно, первые шаги новаго министра народнаго просвѣщенія какъ бы подтверждали такія предположенія. А. В. Головнинъ обратился за помощью къ людямъ науки и литературы и настойчиво подвинулъ къ разрѣшенію новый университетскій уставъ. Проектъ устава, составленный еще до Головнина, въ послѣднее время министерства графа Путятина, былъ отпечатанъ и разосланъ на заключеніе къ представителямъ мысли и знанія какъ въ Россіи, такъ и за границей; затѣмъ нѣсколько выдающихся ученыхъ и педагоговъ было командировано министромъ за границу для изученія устройства западно-европейскихъ университетовъ, спеціальныхъ училищъ и институтовъ и среднихъ школъ. Въ числѣ такихъ лицъ былъ и Кавелинъ.

Такое же положеніе, какое занималъ А. В. Головнинъ при вел. кн. Константинѣ Николаевичѣ, при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ занимала фрейлина ея двора, а позднѣе гофмейстерина, *баронесса Эдита Ѳедоровна Раденъ*.

Великая княгиня Елена Павловна, супруга великаго князя Михаила Павловича, отличалась большимъ умомъ и многостороннимъ образованіемъ, была также какъ и ея племянникъ, вел. кн. Константинъ Николаевичъ, одной изъ выдающихся прогрессивныхъ личностей въ царской семьѣ императора Николая I и оказывала сильное вліяніе на ходъ дѣлъ при его преемникѣ, императорѣ Александрѣ II. Но кромѣ среды политической, великая княгиня выражала свое вліяніе и во многихъ другихъ культурныхъ и общественныхъ явленіяхъ русской жизни въ теченіе обоихъ царствованій. Интересы науки, высшаго и профессіональнаго образованія, искусства, воспитанія, въ особенности женскаго, а также и широкія филантропическія заботы наполняли ея существованіе и возбуждали къ плодотворной дѣятельности. Императоръ Николай I высоко цѣнилъ умъ и образованность своей невѣстки и во многомъ слѣдовалъ ея совѣтамъ, а при императорѣ Александрѣ II великая княгиня Елена Павловна была до нѣкоторой степени вождемъ прогрессивной партіи «эмансипаторовъ», какъ тогда называли сторонниковъ освобожденія крестьянъ. Въ салонѣ ея Михайловскаго дворца еще въ царствованіе Николая Павловича сходились просвѣщенные русскіе люди и выдающіеся иностранцы самыхъ разнообразныхъ направленій и общественныхъ слоевъ; послѣ 1855 года Михайловскій дворецъ сталъ сборнымъ пунктомъ друзей крестьянскаго освобожденія. Въ Николаевское время въ салонѣ Елены Павловны встрѣчались съ маркизомъ де-Кюстиномъ и Франсуа Араго такіе изъ тогдашнихъ просвѣщенныхъ русскихъ сановниковъ, какъ графы Уваровъ, Блудовъ и Киселевъ; бароны Александръ фонъ-Гумбольдтъ и Августъ Гакстгаузенъ сидѣли рядомъ съ молодыми русскими «либералами» сороковыхъ годовъ, остзейскіе бароны вели бесѣду съ «опальными» въ то время славянофилами.

Кавелинъ былъ введенъ въ «салонъ» вел. кн. Елены Павловны въ 1849 г. Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ, который съ своими братьями: Дмитріемъ Алексѣевичемъ, въ то время профессоромъ Военной академіи, и Владиміромъ Алексѣевичемъ, профессоромъ Петербургскаго университета, были еще раньше хорошо извѣстны великой княгинѣ. Къ этому-то времени, т.-е. къ исходу сороковыхъ годовъ, относится начало знакомства Кавелина и съ баронессой Раденъ, принадлежавшей къ интимному, домашнему кружку вел. кн. Елены Павловны и принимавшей горячее участіе во всѣхъ ея дѣлахъ и заботахъ. Кавелинъ съ начала пятидесятыхъ годовъ весьма радушно принимается и великой княгиней, и баронессой Раденъ, у которой знакомится и съ другими фрейлинами Елены Павловны: княжною Львовою и Елиз. Павл. Эйлеръ. Въ 1857 г. вел. кн. Елена Павловна была озабочена освобожденіемъ своихъ крестьянъ въ ея большомъ имѣніи «Карлово», въ Полтавской губерніи. Проектъ этого освобожденія написанъ Кавелинымъ и имѣетъ большое значеніе въ исторіи крестьянскаго дѣла потому, что послужилъ программой для послѣдующихъ мѣропріятій въ «редакціонныхъ коммиссіяхъ». Въ 1857 г. вел. кн. Елена Павловна вызвала Кавелина въ Вильдбадъ, гдѣ тогда сама находилась, для обсужденія этого проекта. Оставленіе Кавели-

нымъ преподаванія у Наслѣдника Цесаревича въ 1858 г. нѣсколько отдалило его отъ вел. кн. Елены Павловны, но не нарушило и не измѣнило его отношеній ни къ баронессѣ Раденъ, ни къ княжнѣ Львовой и Е. П. Эйлеръ.

Имѣется нѣсколько отзывовъ о личности баронессы Раденъ и изъ нихъ наиболѣе точнымъ и наиболѣе правдивымъ представляется мнѣ отзывъ человѣка, близко знавшаго баронессу Эдиту Ѳедоровну и часто посѣщавшаго Михайловскій дворецъ. Отзывъ этотъ помѣщенъ въ интересной книжкѣ подъ заглавіемъ: «Вѣчная Память, воспоминанія о почившихъ». Москва, 1896 г. Вотъ основныя черты характеристики баронесы Раденъ, въ большинствѣ случаевъ въ подлинныхъ словахъ автора этой книжки.

Баронесса Раденъ, происходя изъ стариннаго курляндскаго дворянскаго рода, унаслѣдовала отъ своихъ предковъ всѣ почтенныя и симпатичныя черты балтійскаго рыцарства, а путемъ самодѣятельности и работы надъ собой сумѣла побороть свойственные баронской нѣмецкой средѣ предразсудки и недостатки. Привычка къ труду, любовь къ порядку, стремленіе къ правдѣ въ жизни, духъ попечительной заботливости о подчиненныхъ людяхъ и, наконецъ, искренняя религіозность—вотъ традиціонныя почтенныя качества, унаслѣдованныя баронессой Раденъ. Обладая большимъ природнымъ умомъ, она была надѣлена также и чуткимъ сердцемъ, отзывчивымъ на все доброе и высокое. «Она искала во всемъ правды, и этимъ чувствомъ отличался образъ ея посреди шатанія умовъ въ нашемъ обществѣ, а благородство души и нравственное чутье помогали ей различать правду среди предразсудковъ и пошлостей. Это налагало на Эдиту Ѳедоровну Раденъ печать достоинства, съ которымъ она являлась въ обращеніи и съ самыми простыми людьми, и съ самыми высокопоставленными лицами. Въ обращеніи съ людьми какъ своего, такъ и высшаго круга, она владѣла въ совершенствѣ внѣшними формами пріемовъ и рѣчи, которыя сближаютъ людей, располагая ихъ другъ къ другу; но она была чужда той распространенной у насъ угодливости, которая, исходя изъ желанія быть пріятнымъ людямъ, побуждаетъ ласкательно относиться къ ихъ желаніямъ, словамъ и мыслямъ, искать согласія съ ними и, наконецъ, снисходительно льстить наклонностямъ ихъ и способностямъ. Всякая лесть была ей противна до раздраженія, и кто подходилъ къ ней самой со льстивыми словами, тотъ возбуждалъ въ ней непріятное, тяжкое чувство; даже когда ближніе друзья, увлекаясь сознаніемъ ея таланта и умѣнья въ томъ или другомъ дѣлѣ, стремились выразить это сознаніе,—она готова была обличить ихъ въ лести»... «Пошлости, увы, столь распространенной во всѣхъ слояхъ нашего общества, она не могла выносить,—и люди, подходившіе къ ней, чувствовали это сейчасъ по тону ея рѣчи, по одной изъ тѣхъ учтивыхъ, но содержательныхъ фразъ, въ которыя она умѣла облекать воспріимчивую мысль свою»...

«Вѣрный другъ для всѣхъ старыхъ друзей, связанныхъ съ нею воспоминаніями цѣлой жизни, она привлекала къ себѣ и молодыхъ, которые стремились къ ней охотно, потому что душа ея отзывалась живо на всякую

въ борьбу съ мѣропріятіями министра народнаго просвѣщенія графа Путятина, возбудившими волненія среди университетской учащейся молодежи; но, видя невозможность бороться дольше, покидаетъ профессорскую каѳедру; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ расходится какъ съ радикальной партіей петербургскихъ журналистовъ, такъ и съ правительственными сферами. При такомъ душевномъ настроеніи Кавелинъ принялъ предложеніе А. В. Головнина изучить состояніе западно-европейскихъ университетовъ и, совершенно измученый нравственно, выѣхалъ изъ Петербурга въ февралѣ 1862 года за границу, гдѣ надѣялся освѣжиться и отдохнуть.

Но этимъ надеждамъ не суждено было исполниться такъ скоро, какъ бы онъ желалъ. Въ первые мѣсяцы пребыванія въ Парижѣ Кавелинъ раздражается печальными извѣстіями, идущими изъ Россіи, а такихъ извѣстій было не мало въ «хаосѣ тогдашней русской дѣйствительности» (по его собственному выраженію). Онъ погружается мыслями въ свое личное прошлое и въ большинствѣ случаевъ находитъ и въ этомъ прошломъ лишь одно безотрадное. Онъ чувствовалъ себя въ Парижѣ одинокимъ, скучаетъ отъ отсутствія близкаго, дружескаго кружка. Переписка съ друзьями и обмѣнъ мыслей съ немногими русскими, проживавшими тогда въ Парижѣ, или пріѣзжавшими туда на время, доставляютъ ему истинное душевное наслажденіе. Много отраднаго находитъ для себя Кавелинъ и въ польскихъ кружкахъ Парижа, главнымъ образомъ среди польской молодежи. Въ то время онъ глубоко вѣрилъ въ возможность примиренія съ поляками русскихъ на почвѣ взаимнаго уваженія національныхъ особенностей и безъ разрыва политической зависимости поляковъ отъ Россіи *).

Прибывъ въ Парижъ, Кавелинъ немедленно послалъ о себѣ вѣсточку на «тотъ берегъ», къ А. И. Герцену, проживавшему въ то время въ Лондонѣ, вмѣстѣ съ Н. П. Огаревымъ и издававшимъ тамъ *Полярную Звѣзду* и *Колоколъ*,—періодическія изданія, имѣвшія въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ большое распространеніе и вліяніе въ Россіи. Герцена соединяла съ Кавелинымъ самая нѣжная дружба съ 1845 года, и въ 1859 г. они, послѣ долгой разлуки, свидѣлись въ Лондонѣ. Это свиданіе сблизило ихъ еще болѣе, и Герценъ посвятилъ Кавелину статью о Робертѣ Оуэнѣ, помѣщенную въ *Полярной Звѣздѣ* на 1860 годъ съ эпиграфомъ: «ты все поймешь, ты все оцѣнишь», а узнавъ о смерти сына Кавелина, написалъ ему очень теплое письмо, называя его въ немъ «братомъ неизмѣннымъ». Теперь Кавелинъ прежде всего стремился къ Герцену, и уже 6 (18) апрѣля 1862 г. онъ снова пишетъ изъ Парижа ему вмѣстѣ съ Огаревымъ дружеское письмо, въ которомъ выражаетъ нетерпѣніе видѣться съ нимъ лично: «Черезъ мѣсяцъ, много полтора, я у васъ, друзья. Много нужно переговорить; пока некогда».

*) Подробности объ отношеніи Кавелина къ полякамъ съ исхода 50-хъ годовъ и за время пребыванія его въ Парижѣ см. въ „Воспоминаніяхъ о К. Д. Кавелинѣ". В. Д. Спасовича. *Вѣстн. Европы* 1898 г., февраль, и при II т. новаго изданія сочиненій Кавелина.

Но не только не суждено было осуществиться этому свиданію, но дальнѣйшая переписка Герцена съ Кавелинымъ за время пребыванія послѣдняго за границей въ 1862—1864 гг. привела къ окончательному разрыву между друзьями. Недоразумѣнія между ними начались изъ-за брошюры Кавелина *Дворянство и освобожденіе крестьянъ*, а обмѣнъ мыслей въ письмахъ доказывалъ ясно тому и другому ихъ полное разномысліе по основнымъ политическимъ вопросамъ *). Кавелинъ глубоко скорбѣлъ объ этомъ разрывѣ, такъ какъ до конца жизни продолжалъ любить Герцена и восхищался его сердечностью и умственными талантами.

20 апрѣля (2 мая) 1862 г. Кавелинъ писалъ въ Петербургъ своему давнишнему пріятелю, *Ал. Дм. Галахову*, составителю нѣкогда столь извѣстныхъ «хрестоматій» и курса *Исторіи русской литературы*, между прочимъ слѣдующее: «Я въ Парижѣ съ 10 марта и не могу изъ него выбраться по сію пору. Хочется дать дѣльный, серьезный обзоръ здѣшней организаціи учебной части, а это не такъ скоро дѣлается, какъ кажется съ перваго взгляда. Между тѣмъ, едва ли гдѣ полезнѣе изученіе устройства учебной части для насъ, русскихъ, какъ во Франціи. Вы здѣсь видите глазами, ощупываете пальцами, въ самомъ источникѣ, то зло, которымъ мы страдаемъ. У насъ оно заслонено нашей непослѣдовательностью, тѣмъ, что мы молоды-зелены, что мы только подражаемъ, что у насъ это зло не родовое, а благопріобрѣтенное, и рядомъ съ нимъ есть другія стороны, которыя отводятъ глаза отъ крайнихъ, логическихъ его послѣдствій и не даютъ оцѣнить и сознать его въ полной мѣрѣ. Здѣсь, во Франціи, другое дѣло. Въ этой классической странѣ революціи—централизація, регламентація, пропятіе каждаго свободнаго движенія, каждой свободной мысли въ дѣлѣ воспитанія и ученія на Прокустовой постели бюрократическихъ формъ, регламентовъ, декретовъ, предписаній и циркуляровъ—есть логическій, строго-необходимый выводъ изъ прошедшаго, оправдываемый событіями, насущными потребностями общества, которому прежде всего нужно существовать, а ужъ потомъ учиться, образовываться и т. под. Вся французская масса пропитана насквозь регламентативнымъ духомъ, такъ какъ онъ не есть воля или желаніе одного человѣка, а произведеніе цѣлаго общества. Зато ужъ и развитъ этотъ духъ за пышными фразами, за программами свободы, равенства и братства! Надобно здѣсь пожить, да посмотрѣть, да ознакомиться со здѣшними порядками, чтобы понять, что это

*) Письма К. Д. Кавелина къ А. И. Герцену, съ 1857 по 1863 годъ, напечатаны въ Женевѣ, въ 1892 г. Письма Кавелина, за время его пребыванія за границей, съ 6 (18) апрѣля по 6 августа 1862 г. къ Герцену и отъ 31 мая 1863 г. къ Огареву—см. на стр. 46—84 этого изданія. Въ этихъ письмахъ подробно излагается исторія разрыва Кавелина съ Герценомъ, измѣняя совершенно мой разсказъ объ этомъ разрывѣ, переданный мною *по памяти*, со словъ Кавелина, въ „Матеріалахъ для его біографіи", *Вѣстн. Европ.* 1886 г., октябрь, стр. 752—756. „Дворянство и освобожденіе крестьянъ" напечатано во II т. „Сочиненій К. Д. Кавелина", новое изд., Спб. 1898 г. стр. 106—142.

такое. Мнѣ и хочется изобразить, хотя въ главныхъ чертахъ, эту картину, въ примѣненіи къ народному просвѣщенію, или, выражаясь по-французски, къ публичному обученію, чтобы дать почувствовать всю ея эсбукетную прелесть. Только здѣсь я вполнѣ оцѣнилъ причины нашихъ неустройствъ по учебной части; здѣсь только я увидѣлъ ясно, что безъ общей, коренной реформы въ духѣ нашей администраціи, безъ рѣшительнаго поворота съ французскаго пути на какой-нибудь другой, у насъ ничего не подѣлаешь, при всей благонамѣренности, искренности и честности. Французскій путь, которому мы такъ усердно подражаемъ, есть заколдованный кругъ, въ которомъ, какъ ни вертитесь, изъ анархіи фразъ, пустого либерализма и дѣйствительнаго рабства не выберетесь. Онъ поддерживаетъ лихорадочное состояніе общества, фальшивыя потуги на революцію, ставитъ все въ головѣ вверхъ ногами и питаетъ искусственную ажитацію, которой жалкіе и печальные слѣды мы видимъ и у насъ. Дай Богъ, чтобъ у насъ это скорѣй поняли, пока еще время и искусственное растлѣніе не прососалось до мозга костей...»

То же пишетъ Кавелинъ *К. К. Гроту* отъ 15 (27) іюня 1862 г. изъ Эмса: «Вы знаете, что я не очень долюбливаю великій народъ, идущій во главѣ цивилизаціи и прогресса. Вдобавокъ къ французской природной вѣтренности и фразамъ прибавился гнетъ ужасающій,—гнетъ, о которомъ трудно составить себѣ понятіе, не видя его въ подробностяхъ, какъ я видѣлъ... И такъ я былъ доволенъ, что нимбъ, скрывающій отъ насъ (русскихъ) дѣйствительное положеніе Франціи, для меня исчезъ, повязка спала съ глазъ. Кромѣ того, я былъ очень радъ другому открытію: множество плохого у насъ скопировано буквально съ французскаго. Такихъ копій гораздо больше, чѣмъ мы вообще думаемъ. Это плохое вездѣ производитъ одинакіе, горькіе плоды. Послѣднихъ у насъ избѣгнуть тѣмъ легче, что они не родовое, а благопріобрѣтенное. Il faut nous defranciser—вотъ выводъ, къ которому приходишь невольно, изучая наши постановленія въ источникѣ, изъ котораго они заимствованы. Если вамъ попадутся мои статьи, напечатанныя въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, въ майской книжкѣ *), особенно извлеченіе изъ моего донесенія министру, то вы увидите, что эти двѣ мысли составляютъ сущность этихъ статей и проходятъ черезъ нихъ отъ начала до конца. Черезъ недѣли двѣ уѣду отсюда въ Парижъ доканчивать работу: остается сказать о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, принадлежащихъ къ университету, написать бѣглый очеркъ французскаго университета и затѣмъ разстанусь съ Франціей и поѣду въ Бельгію». Обращаясь въ томъ же письмѣ къ положенію дѣлъ въ Россіи, Кавелинъ пишетъ: «Какая-то болѣзнь овладѣла молодежью, точно эпидемія, или повѣтріе. Тяжкое время! Я очень радъ, что мнѣ удалось устроиться за границей до февраля. По министерству народнаго просвѣщенія, очевидно, теперь дѣлать пока нечего, а никакой другой службы я не приму. Очень

*) „Объ организаціи учебной части во Франціи".

можетъ быть, что мое пребываніе за границей продолжится гораздо больше, потому что я не жду скораго успокоенія умовъ, а пока молодежь въ волненіи,—ничего не подѣлаешь. Сколько мнѣ извѣстно, Головнинъ самъ понимаетъ, что мнѣ нечего дѣлать въ Петербургѣ, но очень ошибается, думая, что при теперешнихъ условіяхъ я бы могъ быть полезенъ въ Николаевѣ *). Я слишкомъ старъ, чтобы рисковать такими перемѣщеніями, результатомъ которыхъ можетъ быть новая невозможность оставаться и въ Николаевѣ. Поэтому, на первое время я останусь, вѣроятно, и послѣ февраля за границей, сколько придется; буду работать (а работается за границей хорошо), поселюсь въ какомъ-нибудь городкѣ въ Германіи, выжидая благопріятныхъ обстоятельствъ. Ни въ Николаевъ и никуда, кромѣ Петербурга, я ѣхать не намѣренъ ни въ какомъ случаѣ, развѣ въ деревню».

Изъ русскихъ, постоянно проживавшихъ въ Парижѣ, Кавелинъ особенно любилъ проводить время у двухъ высокообразованныхъ людей эпохи Александра I — Н. И. Тургенева и графа П. Д. Киселева.

Н. И. Тургеневъ (р. 1789 г., † 29 окт. 1871 г.), дальній родственникъ знаменитаго русскаго писателя, Ив. Серг. Тургенева,— принадлежитъ къ старинной дворянской семьѣ, которой многимъ обязано русское просвѣщеніе за цѣлое столѣтіе, съ половины XVIII до половины XIX вѣка. Его отецъ, Ив. Петр. Тургеневъ, былъ извѣстный массонъ, другъ Новикова и одинъ изъ первыхъ «кураторовъ» Московскаго университета; а старшій братъ, Александръ Ив. Тургеневъ († 5 дек. 1845 г.), является человѣкомъ большого общаго образованія и просвѣщеннаго пониманія религіозныхъ вопросовъ. Занимая въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія должность директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, онъ имѣлъ возможность проявить на дѣлѣ свои идеи вѣротерпимости, свободы совѣсти и гуманности; проживая затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ за границей, преимущественно въ Парижѣ, онъ посвятилъ свой досугъ на изслѣдованіе источниковъ русской исторіи въ иностранныхъ архивахъ, и русская исторія обязана ему въ этомъ отношеніи собраніемъ весьма цѣнныхъ матеріаловъ, лишь частію изданныхъ впослѣдствіи Археографическою коммиссіею. Алекс. Ив. Тургеневъ былъ школьнымъ товарищемъ отца Кавелина, Дмитрія Александровича Кавелина, обучаясь вмѣстѣ съ нимъ въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ; этимъ обстоятельствомъ обусловливался первоначальный поводъ для Конст. Дм. Кавелина войти въ интимный кругъ его меньшого брата, Николая Ивановича, съ которымъ Александръ Ивановичъ былъ связанъ самой тѣсной дружбой, несмотря на различіе въ ихъ личномъ характерѣ и умственномъ складѣ.

Просвѣтительная дѣятельность Ник. Ив. Тургенева началась въ Россіи на поприщѣ политики и, главнымъ образомъ, въ сферѣ экономическо-фи-

*) До основанія Новороссійскаго университета въ Одессѣ предполагали основать такой въ Николаевѣ, въ [illegible] предлагалась каѳедра Кавелину.

нансовой. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, онъ обучался правовѣдѣнію, политикѣ, статистикѣ и политической экономіи въ университетахъ германскихъ, преимущественно въ Гёттингенскомъ, въ то время, когда подъ гнетомъ французскаго владычества создавалось и крѣпло въ нихъ сознаніе просвѣщеннаго патріотизма и интеллектуально-національнаго германскаго единства. Это общее настроеніе германскихъ университетовъ начала XIX в., а въ особенности сильное вліяніе гёттингенскаго профессора исторіи и статистики, знаменитаго Августа-Людвига Шлёцера,—одушевляютъ Ник. Ив. Тургенева лучшими патріотическими и прогрессивными идеями. Идеи эти получаютъ у Н. И. Тургенева дальнѣйшее развитіе благодаря близости его съ ф.-Штейномъ, извѣстнымъ нѣмецкимъ національ-либераломъ и просвѣщеннымъ прусскимъ министромъ, при которомъ онъ долго состоялъ на службѣ. У Тургенева вырабатывается широкая программа политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ реформъ въ Россіи. «Опытъ теоріи налоговъ» (1818 г.) указываетъ ясно основной принципъ этой программы — освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а вся программа излагается въ мемуарѣ, написанномъ въ 1820-хъ годахъ и изданномъ за границей лишь въ концѣ 40-хъ годовъ—въ мемуарахъ Н. И. Тургенева, подъ заглавіемъ «La Russie et les Russes» (Bruxelles, 1847, 3 vol., 8°). Короткое время (съ 1819 по 1821 г.) Н. И. Тургеневъ состоитъ членомъ «Союза Благоденствія», но его дѣятельная натура не удовлетворяется умѣренными задачами этого общественно-филантропическаго кружка, созданнаго по образу и подобію нѣмецкаго «Союза Добродѣтели» (Tugendbund'a); онъ не раздѣляетъ также цѣлей и стремленій новыхъ «тайныхъ обществъ», возникшихъ послѣ закрытія «Союза Благоденствія» въ 1821 г., и въ 1824 г. удаляется за границу. Изъ «Союза Благоденствія» возникаютъ у насъ новыя политическія общества, большинство участниковъ которыхъ извѣстны въ исторіи подъ именемъ «декабристовъ». Черезъ годъ съ небольшимъ по отъѣздѣ Тургенева за границу умеръ императоръ Александръ I и вслѣдъ затѣмъ произошли печальныя недоразумѣнія о престолонаслѣдіи послѣ него,—недоразумѣнія, имѣвшія трагическую развязку на югѣ Россіи, подъ Бѣлой Церковью, и въ Петербургѣ, на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Все царствованіе императора Николая I Тургеневъ прожилъ за границей, главнымъ образомъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ, и имѣлъ возможность снова побывать въ Россіи только въ началѣ царствованія Александра II, когда «декабристы» получили амнистію и когда завѣтная мысль всей ихъ и его жизни—освобожденіе крестьянъ—явилась совершившимся фактомъ.

Съ графомъ Киселевымъ познакомилъ Кавелина другъ послѣдняго, Н. А. Милютинъ, родной племянникъ графа, сынъ его сестры Елизаветы Дмитріевны, рожденной Киселевой. Ник. Ал. Милютинъ, уволенный въ апрѣлѣ 1861 г. отъ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ и назначенный сенаторомъ въ одинъ изъ московскихъ департаментовъ сената, въ половинѣ мая того же года уѣхалъ съ женою за границу, гдѣ пробылъ годъ

слишкомъ. Зиму 1861—1862 гг. провели Милютины въ Италіи, главнымъ образомъ въ Римѣ, затѣмъ въ Швейцаріи и въ Парижѣ.

Графъ Пав. Дм. Киселевъ (р. 8 янв. 1788 г., † 2 (14) ноября 1872 г. въ Парижѣ)—одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей Александровской эпохи, который сумѣлъ не только сохранить, но до нѣкоторой степени даже приложить къ дѣлу лучшія традиціи либеральныхъ воззрѣній двадцатыхъ годовъ въ суровое царствованіе императора Николая I. Убѣжденный сторонникъ освобожденія крестьянъ, онъ подготовлялъ для этого дѣла почву учрежденіемъ въ 1838 году министерства государственныхъ имуществъ, образованнаго по его почину и плану, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ. Вскорѣ послѣ Парижскаго мира, въ 1857 году гр. Киселевъ былъ назначенъ на отвѣтственный постъ русскаго посла при Тюльерійскомъ Дворѣ и занималъ этотъ постъ до осени 1862 г. Выйдя затѣмъ въ отставку, онъ проживалъ въ Парижѣ частнымъ человѣкомъ до конца своей жизни и былъ очевидцемъ франко-прусской войны, паденія второй имперіи, зачина третьей французской республики и ужасовъ коммуны.

10 (22) іюня Кавелинъ покинулъ Парижъ и уѣхалъ на нѣсколько дней въ Эмсъ, куда прибыли его жена и дочь. Онъ не видался съ семьей почти четыре мѣсяца и былъ очень обрадованъ ея пріѣздомъ за границу и свою радость излилъ въ дружескомъ письмѣ къ К. К. Гроту отъ 15 (27) іюня изъ Эмса. Онъ не могъ, однако, скоро вернуться изъ Эмса въ Парижъ, какъ предполагалъ: перемежающаяся лихорадка задержала его вдали отъ Парижа почти на цѣлый мѣсяцъ, и 7 (19) іюля онъ переѣхалъ съ своей семьей въ Карлсруэ, климатъ котораго оказался для него гораздо здоровѣе эмскаго. Кавелинъ пробылъ въ Карлсруэ недѣлю, отдыхая физически и нравственно среди семьи и посѣтившихъ его русскихъ друзей. Въ числѣ послѣднихъ были: Егоръ Петровичъ Ковалевскій *), первый предсѣдатель общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, незадолго передъ тѣмъ оставившій эту обязанность и недавно, вмѣстѣ съ Кавелинымъ, вышедшій въ отставку профессоръ Петербургскаго университета Борисъ Исаковичъ Утинъ. Хотя вѣсти изъ Россіи, сообщенныя Кавелину тѣмъ и другимъ, были неутѣшительны, но огорченіе отъ нихъ умѣрялось общимъ впечатлѣніемъ тишины и спокойствія, навѣваемаго уютнымъ, живописнымъ нѣмецкимъ городкомъ Карлсруэ, по справедливости заключающимъ въ своемъ названіи «покой», «успокоеніе». Кавелинъ такъ и называетъ его въ шутку въ одномъ изъ писемъ къ А. Д. Галахову—«Карловъ покой». Прокламаціи, поджоги, недружелюбное отношеніе правительственныхъ сферъ къ прессѣ и литературѣ, успѣхъ революціоннаго движенія въ Польшѣ—вотъ на какія темы передавали Кавелину петербургскія новости Ковалевскій и Утинъ, а

*) Егоръ Петровичъ Ковалевскій (р. 1811 г., † 1868 г.), горный инженеръ и оріенталистъ, директоръ азіатскаго департамента мин. ин. дѣлъ, впослѣдствіи сенаторъ, извѣстенъ главнымъ образомъ какъ путешественникъ по славянскимъ землямъ и внутренней Африкѣ. Статьи о немъ см. въ „Справочномъ словарѣ“ Геннади, т. I стр. 145—146.

Кавелинъ писалъ по этому поводу А. Д. Галахову слѣдующее: «Бредъ и горячка въ россійскихъ головахъ разрѣшились, какъ и слѣдовало ожидать, невѣроятными нелѣпостями, за которыя многіе теперь расплачиваются. Кого очень жаль—это молодежь, между которой столько талантливыхъ и умныхъ головъ, и которая сбита съ толку. Нечего себя обманывать: я считаю это поколѣніе погибшимъ; многіе въ немъ дурно кончатъ, искренно считая себя мучениками великаго и праваго дѣла, и найдутся глупцы, которые имъ будутъ въ этомъ поддакивать. Когда кончится это вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ? Я возвращаюсь къ своей любимой мысли: тогда, когда несостоятельность французской системы въ администраціи, въ наукѣ, въ воззрѣніяхъ, совершенно выяснится и станетъ очевидна для всѣхъ. Французской ошибочной системѣ сверху совершенно соотвѣтствуетъ французская путаница въ головахъ снизу. Это корреляты, неизбѣжные, непремѣнные, какъ желчь и разстройство желудка, Путятинъ и Филипсонъ — и накопленіе желчи. Подробнѣе, если желаете, вы прочтете объ этомъ въ моихъ статьяхъ» *). Вотъ какъ сообщалъ Кавелинъ о своемъ пребываніи въ Карлсруэ баронессѣ Эдитѣ Ѳедоровнѣ Раденъ отъ 12 (24) іюля: «Карлсруэ дѣйствуетъ на меня необыкновенно успокоительно. Послѣ Россіи и Франціи здѣсь впервые морщины на лбу распрямились, на душу повѣяло покоемъ, котораго я такъ ищу, который мнѣ такъ нуженъ. Можетъ-быть, окончивъ порученія Головнина, поселюсь здѣсь. Работать можно отлично, гулять тоже, а главное—удивительно тихо».

Пребываніемъ въ Карлсруэ Кавелинъ воспользовался для изученія устройства тамошняго политехническаго института, лучшаго въ то время во всей Германіи. «Здѣсь,— пишетъ онъ изъ Карлсруэ Н. А. Милютину,— существуетъ одинъ изъ первыхъ политехническихъ институтовъ въ мірѣ; болѣе 800 учениковъ изъ всѣхъ краевъ свѣта, даже изъ Бразиліи, Явы, Россіи (51 человѣкъ). Уставы прочны и человѣчны, несмотря на то, что надъ юношами и ихъ занятіями существуетъ близкій надзоръ» **). Ознакомиться съ этимъ учрежденіемъ Кавелину было необходимо, вслѣдствіе намѣренія Головнина преобразовать въ техническія учебныя заведенія два русскихъ лицея: Нѣжинскій, графа Кушелева-Безбородко, и Ярославскій Демидовскій ***).

Въ это время вел. кн. Елена Павловна предприняла свое обычное лѣтнее заграничное путешествіе. Начавъ Карлсбадомъ, она потомъ посѣтила Баденъ-Баденъ, а оттуда проѣхала въ Швейцарію, въ Рагацъ, гдѣ пробыла до конца сентября 1862 г. Вернувшись изъ Рагацца снова въ Баденъ-Баденъ, вел. кн. Елена Павловна, въ началѣ октября, направилась въ Россію.

*) Письмо къ А. Д. Галахову изъ Парижа отъ 18 (30) іюля 1862 г. Графъ Путятинъ—министръ народнаго просвѣщенія и генералъ Филипсонъ—попечитель Петербургскаго учебнаго округа, при которыхъ были университетскіе безпорядки, заставившіе Кавелина оставить профессорскую каѳедру. Здѣсь разумѣются статьи Кавелина „объ организаціи учебной части во Франціи", о которыхъ рѣчь шла выше.

**) Письмо къ Н. А. Милютину отъ 13—15 іюля 1862 г.

***) Письмо къ К. К. Гроту отъ 15 (27) іюня 1862 г.

На второй день своего пріѣзда въ Карлсруэ, 8 (20) іюля 1862 г., Кавелинъ написалъ Эдитѣ Ѳедоровнѣ Раденъ, бывшей съ вел. кн. Еленой Павловной въ Карлсбадѣ, очень большое письмо; онъ начинаетъ его въ шутливомъ тонѣ, ясно доказывающемъ его хорошее расположеніе духа, пріобрѣтенное въ Карлсруэ:

«Въ блаженныя старыя времена одинъ помѣщикъ, нуждавшійся въ помощи или услугѣ другого, писалъ ему такъ: обращаюсь къ вамъ по обстоятельствамъ сходнымъ: вы—Костромитиновъ, а я—изъ Костромы. Я совершенно прилично могъ бы начать вамъ письмо слѣдующими словами: по обстоятельствамъ сходнымъ — вы въ Карлсбадѣ, а я въ Карлсруэ. Но несходство съ страннымъ помѣщикомъ съ моей стороны то, что я пишу къ вамъ безъ всякой нужды, безъ всякой тайной и явной просьбы, единственно изъ удовольствія съ вами побесѣдовать,—поболтать, сказалъ бы я, еслибъ вы были мужчина. Давно уже мысль писать вамъ и, сколько возможно, письмомъ замѣнить разговоръ, преслѣдуетъ меня каждый день... Несмотря на то, что вы—придворная, я вѣрю въ вашу дружбу, вѣрю въ то, что вы хоть и питаете разнаго рода подозрѣнія plus ou moins mal fondés насчетъ моего политическаго образа мыслей и дѣйствій, все-таки, въ концѣ-концовъ, не можете думать обо мнѣ очень дурно, несмотря на то, что многое въ моихъ мысляхъ, понятіяхъ и поступкахъ вамъ очень не нравится. А я изъ всѣхъ двуногихъ существъ, называемыхъ людьми, одно изъ самыхъ способныхъ къ благодарности, привязанности и преданности ко всѣмъ тѣмъ, которые показывали мнѣ, или въ которыхъ я подозрѣваю нѣкоторую тѣнь искренняго ко мнѣ благорасположенія. Мнѣ кажется, что перебирая наединѣ, въ глубинѣ вашего сознанія, безчисленные ряды людей, съ которыми сводила и сводитъ васъ судьба, вы встрѣчаете мое имя не безъ нѣкотораго хорошаго чувства, ставите подлѣ него нѣсколько минусовъ, но и нѣсколько плюсовъ, смягчая тѣ и другіе двумя, а можетъ быть даже и однимъ вопросительнымъ знакомъ. Если я ошибаюсь, вы можете надо мною посмѣяться про себя, втихомолку, и находить меня наивнымъ; но, во всякомъ случаѣ, смѣйтесь добродушно, безъ злости: иначе вы согрѣшите, отвѣчая на хорошее чувство дурнымъ. Я вамъ много довѣряю, пишу къ вамъ безъ всякой цѣли, по влеченію, par épanchement, и потому заслуживаю съ вашей стороны благорасположенія искренняго, хоть на ту минуту, когда вы будете читать это письмо».

Далѣе Кавелинъ передаетъ уже извѣстныя изъ предыдущаго изложенія подробности объ его житьѣ-бытьѣ за границей вообще и въ Эмсѣ и въ Карлсруэ въ частности. Затѣмъ онъ упоминаетъ о намѣреніи Головнина предложить ему мѣсто, но уже не въ Николаевѣ, а въ Одессѣ, и объясняетъ причины, почему такового не можетъ принять. Онъ страшится за свою судьбу при какой-нибудь новой университетской исторіи въ отдаленной отъ Петербурга провинціи.

«... Головнинъ защититъ?—ставитъ Кавелинъ вопросъ.—Хорошо, если при нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ самъ усидитъ долго на своемъ

креслѣ. Мнѣ, человѣку очень небогатому, съ семьей, на подобныя невѣрныя комбинаціи нельзя пускаться. Съ другой стороны, въ Петербургѣ,—я самъ чувствую,—я теперь невозможенъ. Съ такъ называемыми передовыми партіями, т.-е. мнѣніями, всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ я разошелся на очень большую дистанцію и не скрываю этого, какъ ничего не скрывалъ никогда изъ моего образа мыслей. Служить... нѣтъ этого я не могу, это выше моихъ силъ, противно моимъ убѣжденіямъ, моей совѣсти, всему моему прошедшему. Лучше ворочать камни, жить на чердакѣ, обѣдать впроголодь и ходить въ лохмотьяхъ, чѣмъ стать въ такое невозможное, безчестное и безнравственное положеніе! Эти причины, которыя, безъ сомнѣнія, останутся тѣ же въ теченіе многихъ еще лѣтъ, заставляютъ меня помышлять объ очень продолжительномъ пребываніи за границей, съ перерывами, когда буду ѣздить въ Петербургъ для свиданія съ друзьями и къ себѣ въ деревню. Что будетъ дѣлать семья—не знаю. Это будетъ зависѣть отъ здоровья жены и дочери. Если, по окончаніи порученія, даннаго Головнинымъ, мнѣ удастся устроиться о какой-нибудь періодической работѣ съ *Журн. Мин. Юстиціи*, или хоть съ частнымъ, но надежнымъ, прочнымъ журналомъ, тѣмъ лучше; если же нѣтъ, я буду работать что мнѣ вздумается и постараюсь повыгоднѣе сбывать свои труды, но ни въ какомъ случаѣ не пойду въ службу, не поѣду жить въ Петербургъ, не стану забиваться на край Россіи; развѣ, если очень надоѣдятъ чужіе краи, отправлюсь жить въ деревню. Словомъ, буду, сидя у моря, ждать погоды. Если русское небо прояснится прежде, чѣмъ совсѣмъ состарѣюсь и буду неспособенъ работать, стану по найму читать лекціи въ университетѣ по своей спеціальности, хотя, правду сказать, на такое прояснѣніе мало разсчитываю и надѣюсь. Жизнь привела и меня, наконецъ, къ убѣжденію, что надѣяться на сколько-нибудь сносныя условія существованія есть большая наивность, и что гораздо вѣрнѣе разсчитывать на горе, досаду и тяжкую жизнь; такъ по крайней мѣрѣ не обсчитаешься, а если изъ тысячи разъ одинъ и ошибешься, то зато сюрпризъ будетъ пріятный».

Затѣмъ Кавелинъ прикладываетъ къ себѣ слѣдующее стихотвореніе:

Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все, за все я благодаренъ;
У Бога счастья не прошу,
И молча зло переношу.

«Писать стихи въ письмахъ, — продолжаетъ онъ, — теперь ужъ вышло изъ моды; но я не могъ лучше выразить сосредоточеннаго озлобленія, которое давно чувствую, къ которому привыкъ, какъ къ другу. Also lassen Sie es sich gefallen,—хоть изъ снисхожденія.

«Я не коснулся въ этомъ письмѣ еще одного предмета, который васъ и меня равно интересуетъ. Съ тѣхъ поръ, что я оставилъ Россію,—сколько ужасныхъ и прискорбнѣйшихъ событій всякаго рода, какое видимое, неподлежащее сомнѣнію разложеніе и публики, и оффиціальныхъ сферъ... Что за вавилонское столпотвореніе во всѣхъ головахъ... кромѣ только мужи-

ковъ и солдатъ. Точно дѣйствіе происходитъ въ сумасшедшемъ домѣ, гдѣ часто на актеровъ приходится надѣвать усмиряющую рубашку. Всюду, во всѣхъ умахъ... понятія самыя простыя такъ перепутались, такъ исказились, что и здраваго смысла нигдѣ не доищешься. Странное время! Впрочемъ, вы помните, что я иногда бывалъ недурнымъ пророкомъ. Вспомните же мои слова: если оффиціальныя сферы не дадутъ себя окончательно сбить съ толку и не бросятся въ реакцію, то... все теперешнее волненіе мало-по-малу уляжется и бросится на другіе, болѣе плодотворные пути. Для меня ясно какъ день, что оно не имѣетъ корней въ нашихъ народныхъ массахъ, мужицкихъ и солдатскихъ. Надобно совершенно не знать ни тѣ, ни другія, чтобы думать иначе, а безъ нихъ никто ничего не сдѣлаетъ. Потому-то я и считаю безумною нашу революціонную партію, что она дѣйствуетъ, совершенно не зная и не понимая наши массы, очертя голову. Еслибъ она хоть сколько-нибудь ихъ знала и понимала, она пришла бы къ совсѣмъ другимъ убѣжденіямъ. Но рядомъ съ тѣмъ, не могу вамъ выразить, до какой степени мнѣ кажутся жалкими и комичными наши оффиціальныя сферы, которыя, тоже ничего не понимая и не зная, какъ наши радикалы, боятся, мечутся направо и налѣво и не знаютъ какому Богу молиться. Все это ужасная мистификація, которой разгадка въ той пропасти, которую вырыла у насъ исторія между массами народа и такъ называемыми образованными классами.

«На эту тему можно бы написать вамъ цѣлый томъ, но пора же мнѣ и честь знать. Вспомяните только мое пророчество и скажите тогда, правъ ли я былъ или нѣтъ. Разумѣется, если партія старыхъ и новыхъ реакціонеровъ возьметъ верхъ...—могутъ выйти страшныя вещи. Мы живемъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда сдѣлались тоже великія вещи посреди смутъ и странностей всякаго рода. Изъ него вышло потомъ царствованіе Петра, которое имъ подготовлено. Посмотрите, ходъ тотъ же самый.

«... Примите мое письмо, какъ я его писалъ, съ сердечнымъ расположеніемъ, какъ исповѣдь дружескую, какъ необходимость вамъ высказаться. Не будьте ко мнѣ несправедливы, храни васъ Богъ отъ этого».

---

13 (25) іюля Кавелинъ оставилъ Карлсруэ. Черезъ Страсбургъ онъ направился снова въ Парижъ, а его жена съ дочерью уѣхали въ Швейцарію, въ Монтрё.

Возмущеніе въ Византіи VI-го вѣка*).

(Голубые и Зеленые византійскаго ипподрома.)

VIII.

Описанное въ предыдущей главѣ оскверненіе Великой церкви убійствомъ, вызвало настоящій взрывъ давно сдерживаемаго озлобленія противъ династіи варваровъ. Столица приняла видъ города, готовящагося къ возстанію. Сборища народа составлялись на площадяхъ и торгахъ, у Ипподрома и близъ храма св. Софіи. Тамъ и сямъ возникали драки между *Голубыми* и *Зелеными*, слышались призывы къ возмущенію, несмотря на присутствіе полицейскихъ и солдатъ.

Положеніе представлялось крайне опаснымъ. Предстояло одно изъ двухъ: или должна была исчезнуть партія, стоявшая за императора и оказывавшая такое страшное давленіе на него, а съ нею вмѣстѣ долженъ былъ пасть и самъ императоръ, или онъ проявитъ достаточно силы, чтобъ обойтись безъ этой партіи и одержать верхъ надъ разгорѣвшеюся ненавистью народа. Въ общемъ весь вопросъ сводился къ тому, къ чему онъ всегда сводится въ подобныхъ случаяхъ: какъ поступятъ солдаты?

Назавтра, 13 января 532 года, должны были начаться большія скачки, по случаю дня коронованія императора. Въ первый день скачекъ партіи пользовались правомъ публично обращаться къ императору въ Ипподромѣ черезъ своихъ главарей или демарховъ и высказывать свои жалобы и желанія. По древнему римскому и республиканскому обычаю, царь отвѣчалъ не лично, а черезъ особаго уполномоченнаго (*mandator*). Константинъ утвердилъ этотъ обычай закономъ, не допускавшимъ со стороны государя никакихъ преслѣдованій за представленія, сдѣланныя ему этимъ путемъ.

Можно себѣ представить, какія толпы сбѣжались на этотъ разъ, когда во всемъ городѣ страсти были возбуждены до крайности. Болѣе ста тысячъ зрителей размѣстились на ступеняхъ амфитеатра. Члены партій или скаковыхъ обществъ заняли мѣста, ближайшія къ аренѣ. Въ ложахъ, сосѣднихъ съ императорскою трибуной, размѣстилась блестящая толпа высшихъ санов-

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 1899 г.

никовъ, сенаторовъ и патриціевъ, посланникъ Хозроя, окруженный сатрапами, царь лазовъ, послы англо-саксовъ и др. народовъ. Блескъ золота и самоцвѣтныхъ камней за рѣшетчатыми окнами церкви св. Стефана давалъ знать о томъ, что тамъ находится императрица съ своими придворными дамами.

Отрядъ императорской гвардіи со знаменемъ занялъ П *), террасу подъ Каѳизмой **). Кубикуларіи (царскіе спальники) въ бѣлыхъ одеждахъ, вооруженные мечами и держащіе въ рукахъ опахала, входятъ въ Каѳизму, предшествуя императору въ коронѣ, въ длинномъ пурпурно-фіолетовомъ одѣяніи и голубой хламидѣ, отдѣланной золотомъ. Одинъ изъ евнуховъ подбираетъ и подаетъ въ правую руку Юстиніана полу императорской мантіи, и царь троекратнымъ крестнымъ знаменіемъ осѣняетъ свой народъ. Хоры пѣвчихъ, подъ звуки музыки, поютъ славословія. По знаку церемоніймейстера раздаются обычные крики: «Долгіе дни Юстиніану Августу! Да будетъ онъ всегда побѣдителемъ!»

Послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокой тишины, показавшейся, въ силу настроенія минуты, зловѣщею и грозною, поднимается демархъ *Зеленыхъ* и, по древнему обычаю, обращается къ царю:

— Мы страдаемъ отъ несправедливостей, самодержецъ, и болѣе терпѣть ихъ не можемъ, видитъ Богъ! Мы не смѣемъ даже назвать нашихъ притѣснителей изъ опасенія подвергнуться еще большимъ бѣдамъ.

Жалобы на разныя несправедливости, встрѣченныя очень сурово императоромъ, перешли въ рѣзкіе укоры со стороны челобитчиковъ и грозные окрики царя, а за тѣмъ въ настоящую перебранку *Зеленыхъ* съ *Голубыми*, причемъ императоръ явно держалъ сторону послѣднихъ. Выведенные окончательно изъ себя, *Зеленые* шумно поднялись съ мѣстъ и съ угрожающими криками всею массой покинули Ипподромъ. Гигантскій циркъ опустѣлъ болѣе чѣмъ на половину.

На Юстиніана это произвело очень тягостное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе удручающее, что все это произошло въ присутствіи многочисленныхъ знатнѣйшихъ иноземцевъ. Онъ надѣялся, впрочемъ, отклонить грозу и рѣшилъ, не уступая требованіямъ *Зеленыхъ*, успокоить ихъ, оказавши должное правосудіе. Префекту города Евдемону былъ данъ приказъ немедленно принять строжайшія мѣры противъ виновниковъ двухъ послѣднихъ убійствъ, кто бы они ни были.

Въ тотъ же вечеръ были арестованы семь человѣкъ, признаны виновными въ убійствахъ и приговорены къ смерти. Въ ихъ числѣ были *Голубые*, члены партіи, давно пользовавшейся безнаказанностью за усердную поддержку династіи. Это произвело сильное впечатлѣніе въ столицѣ.

На слѣдующее утро приговоренные были выведены изъ тюрьмы пре-

---

*) Такъ называлась терраса потому, что имѣла форму букву П.

**) *Каѳизмой* называли царскую ложу, которую отъ арены и зрителей отдѣляла терраса П, занятая надежнымъ отрядомъ гвардейцевъ на случай нападенія со стороны цирка.

фектуры полиціи и подъ конвоемъ отряда наемной варварской конницы отправлены на мѣсто казни. Тамъ уже заранѣе собралась огромная толпа народа. Она оставалась, повидимому, совершенно спокойною, пока совершалась казнь надъ пятью первыми. Оставалось двое: Калхасъ, *Голубой*, одинъ изъ знаменитыхъ наѣздниковъ партіи, и молодой Барбатъ, пользовавшійся за свою смѣлость большою популярностью среди партіи *Зеленыхъ*.

Ихъ уже вздернули было на висѣлицу, когда веревки оборвались. Хотѣли повѣсить вторично, веревки опять оборвались. Вѣроятно, палачъ былъ подкупленъ. Со всѣхъ сторонъ раздались крики удивленія и жалости, кое-кто вопилъ о чудѣ. Многочисленные друзья приговоренныхъ воспользовались замѣшательствомъ, напали на конвой, захватили обвиненныхъ и увели ихъ въ монастырь св. Конона.

Этотъ случай ускорилъ ходъ событій. Зеленые сознавали, что одни они не достаточно сильны для борьбы съ правительствомъ, пользующимся поддержкою противной партіи и солдатъ. И вотъ *Зеленые* употребляли всѣ средства привлечь *Голубыхъ* на свою сторону.

Судъ и приговоръ надъ нѣкоторыми изъ *Голубыхъ* уже сильно раздражилъ всю ихъ партію, усмотрѣвшую въ этомъ покушеніе на ихъ безнаказанность и явный признакъ того, что Юстиніанъ не желаетъ долѣе быть отъ нихъ въ зависимости, обходящейся ему слишкомъ дорого. Они начали догадываться, что правительство умышленно поддерживало взаимную вражду партій, дабы ему свободнѣе было, пользуясь ихъ распрями, доводить до крайности свою фискальную систему и пускаться въ непомѣрно грандіозныя предпріятія. Эта система, ненавистная рабочимъ классамъ и честнымъ людямъ всѣхъ оттѣнковъ, приносила выгоды только властямъ и чиновникамъ, этой новой аристократіи, безъ добродѣтелей и традицій, занявшей мѣсто древняго римскаго патриціата.

Даровая раздача хлѣба константинопольской черни, по обычаю, заимствованному отъ Рима, была до послѣдней степени сокращена Юстиніаномъ, употреблявшимъ всѣ средства правительства на войну и огромныя постройки. Столичная бѣднота страшно заголодала и ждала спасенія только отъ революціи. Не менѣе возбужденъ былъ противъ Юстиніана и средній классъ населенія Византіи. Правительство, опасаясь умственной независимости людей либеральныхъ профессій, преподавателей, философовъ, адвокатовъ, медиковъ, изыскивало всякія средства ихъ унизить и обѣднить. Разные поборы и монополіи лежали тяжелымъ гнетомъ на коммерсантахъ и на рабочихъ.

Небольшое число развитыхъ людей, преимущественно латинскаго происхожденія, представлявшихъ собою въ Константинополѣ истинно консервативный элементъ, было также враждебно императору за его стремленье пересоздать все общество на восточный ладъ. Новые церемоніалы, введенные при дворѣ, раболѣпные и унизительные, раздражали этихъ потомковъ патриціевъ не менѣе, чѣмъ окончательное уничтоженіе формъ, римскихъ и республиканскихъ, давно утратившихъ свое существенное значеніе, но все еще чтимыхъ и дорогихъ, какъ послѣдній остатокъ былого величія.

Все клонилось къ тому, чтобы соединить всѣ партіи Византіи противъ общаго угнетателя. Случай, спасшій отъ казни двухъ непримиримыхъ враговъ,—если только то былъ случай,—и приведшій ихъ обоихъ молящими о помилованіи въ священное убѣжище, показался очень многимъ указаніемъ свыше на необходимость примиренія двухъ партій и ихъ совмѣстнаго дѣйствія. Соглашеніе состоялось и не замедлило принести свои плоды.

Въ теченіе дня очень многочисленная толпа *Голубыхъ* и *Зеленыхъ* собралась передъ префектурой и громкими криками требовала удаленія стражи отъ церкви, гдѣ укрылись приговоренные. Префектъ Евдемонъ не отвѣтилъ даже на это требованіе, что еще болѣе усилило раздраженіе толпы. Рѣшено было сойтись обѣимъ партіямъ въ Ипподромѣ и просить императора о помилованіи осужденныхъ.

На другой день въ Ипподромѣ было народа еще больше, чѣмъ третьяго дня. Какъ только Юстиніанъ занялъ свое мѣсто въ Каѳизмѣ, со всѣхъ сторонъ раздались крики: «Помилуй, властитель!» Императоръ, молча, далъ знакъ начинать скачки. По окончаніи скачекъ, вмѣсто обычныхъ криковъ вождей партій: «Да здравствуетъ самодержецъ!» — раздались общіе, оглушительные вопли: «Да здравствуютъ *Голубые* и *Зеленые!* Слава милосердію партій!» Люди обоихъ цвѣтовъ обнимались и братались, потомъ всею массой хлынули изъ цирка, опрокидывая полицейскихъ и солдатъ, крича: «Ника!» (побѣда). Это слово превратилось впослѣдствіи въ наименованіе вспыхнувшей тогда междоусобной войны, затронутой историками слишкомъ поверхностно и составляющей переходъ отъ античнаго греческо-римскаго міра къ среднимъ вѣкамъ.

Къ вечеру громадныя толпы, среди которыхъ многіе были вооружены, опять появились передъ префектурой, требуя освобожденія укрывшихся въ убѣжищѣ. Не получая отвѣта, они выбили двери тюрьмы, выпустили заключенныхъ и подожгли префектуру. Зарево этого пожара послужило сигналомъ для всеобщаго возстанія. Палаты высшихъ сановниковъ и богатѣйшихъ приверженцевъ Юстиніана были разгромлены, разграблены и сожжены. Возставшіе прежде всего напали на жилище Іоанна Каппадокійскаго, близъ цистерны Филоксена.

Іоаннъ Каппадокійскій, префектъ преторіи, былъ одною изъ удивительнѣйшихъ личностей того времени. Родомъ онъ былъ плебей и едва умѣлъ читать и писать. Онъ отличался громаднымъ ростомъ и толщиной, но подъ грубой внѣшностью въ немъ скрывался изворотливый умъ, способный завязывать и распутывать самыя сложныя интриги, изобрѣтать и приводить въ исполненіе самые ловкіе способы выжимать изъ народа деньги. Такіе таланты, проявленные имъ, когда онъ былъ правителемъ Филадельфіи, обратили на него особенное вниманіе Юстиніана, и императоръ поспѣшилъ приблизить его къ себѣ, переведя въ Константинополь. Здѣсь, ставши префектомъ преторіи, Іоаннъ пріобрѣлъ скоро преобладающее вліяніе въ совѣтахъ имперіи. Къ несчастью, всѣ его необыкновенныя дарованія

направлены были только на удовлетвореніе порочнѣйшихъ страстей, ненасытной жадности и отвратительной чувственности.

Въ этомъ обществѣ, гдѣ такъ развито было ханжество, Іоаннъ Каппадокійскій слылъ за атеиста и не скрывалъ этого. Свое время онъ дѣлилъ между упорнымъ трудомъ и безумными оргіями въ излюбленномъ имъ обществѣ поваровъ, шутовъ, куртизанокъ и порою замѣняющихъ ихъ юношей. Таковъ былъ человѣкъ, возвеличенный Юстиніаномъ. Впослѣдствіи онъ палъ, когда возмнилъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы противодѣйствовать Ѳеодорѣ. Дабы покарать его особенно чувствительно, она приказала постричь его въ монахи.

Дворецъ Іоанна принадлежалъ когда-то патрицію Лавзу, превратившему свой домъ въ великолѣпнѣйшій музей, гдѣ были собраны дивныя произведенія античнаго искусства: Юпитеръ Фидія, крылатый Амуръ Бупало, Венера Праксителя, Сатурнъ Лизиппа и мн. др. Толпы возставшей черни ворвались въ раззолоченныя залы съ мозаичными полами, въ роскошные цвѣтники, повыкидали мебель и статуи въ окна, переломали и уничтожили все, разыскивая ненавистнаго имъ владѣльца палатъ, и кончили тѣмъ, что подожгли ихъ. Іоаннъ былъ въ царскомъ дворцѣ, гдѣ, подобно многимъ высшимъ чинамъ, имѣлъ особую квартиру и помѣщенія для своихъ канцелярій.

Пожаръ распространялся, какъ въ городѣ, взятомъ приступомъ. Обезумѣвшія отъ ужаса женщины метались по улицамъ съ воплями отчаянія. Переполненныя бѣглецами лодки не успѣвали перевозить ихъ на азіатскій берегъ.

XI.

Юстиніанъ все еще не сознавалъ опасности положенія. Утромъ 14 онъ приказалъ продолжать игры въ циркѣ, надѣясь какъ-нибудь возстановить спокойствіе. Но весь персоналъ ипподрома разбѣжался и отчасти присоединился къ возстанію. Амфитеатръ, вмѣщавшій до 150 тысячъ зрителей, оказался пустымъ. То было уже яснымъ показателемъ силы волненія, охватившаго столицу. Византійцы отказывались отъ зрѣлищъ,—было отъ чего растеряться правительству.

А возмущеніе разросталось, и цѣль его становилась очевидною. Инсургенты разсчитывали оттѣснить своихъ враговъ въ обширныя зданія дворца, окруживъ ихъ кольцомъ пламени, затѣмъ поджечь самый дворецъ и тѣмъ заставить ихъ бѣжать моремъ. Попытки сжечь каменный циркъ оказались неудачными, зато сгорѣли всѣ деревянныя постройки между циркомъ и частью дворца, носившаго названіе Халки. Безчисленныя толпы окружили дворецъ. Юстиніанъ не зналъ, что дѣлать, уступить народу или начать съ нимъ открытый бой.

Съ военной точки зрѣнія не представлялось ничего успокоительнаго. Десятокъ когортъ гвардейцевъ были раскиданы по всему городу, занимали

караулы при различныхъ правительственныхъ зданіяхъ. Главнокомандующій Велисарій, вернувшійся изъ похода противъ персовъ, находился во дворцѣ съ отрядомъ тяжелой кавалеріи и тяжело вооруженныхъ пѣхотинцевъ, по большей части готовъ, надежныхъ солдатъ, беззавѣтно преданныхъ своему вождю. По счастливой случайности во дворцѣ же былъ Мундъ, внукъ Аттилы, только-что назначенный правителемъ Иллиріи, явившійся въ Константинополь съ отрядомъ геруловъ. Эти соединенныя силы состояли не болѣе какъ изъ 5,000 человѣкъ, расположенныхъ въ дворахъ и обширныхъ дворцовыхъ садахъ, доходившихъ до моря.

Кромѣ того, была еще гвардія, проживавшая въ дворцовыхъ казармахъ, въ числѣ 3,500 человѣкъ, очень богато одѣтыхъ и блестяще вооруженныхъ, представлявшихъ собою нѣчто сходное съ преторіанцами прежнихъ цезарей. Ранѣе эта гвардія набиралась изъ армянъ, исаврянъ, аркадійцевъ, надежныхъ воиновъ, испытанныхъ въ бояхъ. Они получали очень большое жалованье, и народъ ихъ терпѣть не могъ. Юстиніанъ имѣлъ неосторожность замѣнить этихъ иноземцевъ гражданами столицы, которымъ за весьма дорогую цѣну продавалъ эти мѣста, освобождавшія ихъ отъ дѣйствительной службы въ войскахъ. Ни въ какіе походы они не ходили, содержали только караулы во дворцѣ, да парадировали на разныхъ торжествахъ. Они, въ свою очередь, могли продавать свои должности, уплачивая за то каждый разъ значительныя суммы въ царскую казну. Эти избалованные и совсѣмъ не воинственные люди скоро сдѣлались опасными для самого императора, такъ какъ раздѣляли всѣ политическія и религіозныя страсти своихъ столичныхъ согражданъ.

Прибѣгать къ оружію съ такими силами было довольно рискованно.

Юстиніанъ, все еще не рѣшаясь согласиться на уступки, попробовалъ сдѣлать на половину мирную, на половину воинственную демонстрацію. Онъ выслалъ отрядъ этихъ войскъ, составленныхъ изъ гвардейцевъ и варваровъ, подъ начальствомъ Мунда Константіола, главнаго кубикуларія, и патриція Василида, очень любимаго въ городѣ, приказавши имъ отнюдь не употреблять въ дѣло оружія, а только оттѣснить инсургентовъ. Впереди колонны шли глашатаи съ пальмовыми вѣтвями, въ знакъ мира, и должны были спросить возставшихъ, чего они хотятъ, на что жалуются и т. под.

Изъ этого ничего не вышло. Уличный бунтъ рѣшительно принялъ характеръ революціи. Народъ уже не жаловался на низшихъ чиновниковъ, забылъ о бѣглецахъ, укрывшихся въ церкви, онъ требовалъ удаленія министровъ и высшихъ сановниковъ. Крики: «Смерть Каппадокійцу! Смерть Трибоніану и Евдемону!» —заглушали голоса посланцевъ императора. Тогда Юстиніанъ согласился, но слишкомъ поздно,—какъ это бывало и въ новѣйшія времена, при такихъ же обстоятельствахъ,—на то, что мы называемъ смѣною министерства.

Три лица, особенно ненавистныя, принуждены были уступить свои мѣста болѣе популярнымъ людямъ. Патрицій Фока замѣнилъ Іоанна Каппадокійскаго, Василидъ—Трибоніана въ должности квестора столицы, Три-

фонъ—Евдемона, префекта полиціи. Эти новыя назначенія были тотчасъ же объявлены народу черезъ глашатаевъ. Но народа они не успокоили, въ отвѣтъ раздались грозные крики: «Долой Юстиніана!».

Враги династіи спѣшили воспользоваться случаемъ. Сторонники Ипатія всячески разжигали возстаніе, раздавали черни оружіе и деньги, но еще не снимали маски, такъ какъ самъ племянникъ Анастасія былъ лишенъ возможности принять личное участіе въ этомъ движеніи. Въ самомъ началѣ безпорядковъ онъ съ нѣкоторыми сенаторами и патриціями былъ потребованъ во дворецъ, и всѣ они были тамъ задержаны подъ благовидными предлогами. Одинъ Провъ, его братъ, не явился на этотъ зовъ. Но онъ былъ человѣкъ не энергичный и для Юстиніана не опасный.

Императоръ не выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ дворца, непрерывно совѣщаясь то съ Ѳеодорой, то съ военачальниками или со своими бывшими министрами, оставшимися при немъ. Отъ времени до времени онъ покидалъ ихъ лишь затѣмъ, чтобы помолиться въ одной изъ дворцовыхъ церквей, въ надеждѣ снискать помощь Всевышняго обѣщаніями настроить храмовъ и монастырей Пресвятой Богородицѣ и наиболѣе чтимымъ угодникамъ. Получивши донесеніе о безуспѣшности всѣхъ уступокъ, онъ рѣшилъ, наконецъ, дѣйствовать энергично.

Велисарію данъ былъ приказъ сдѣлать сильную вылазку во главѣ его готовъ.

Впечатлѣніе получилось весьма внушительное, когда славный вождь Восточной арміи появился изъ дворца съ эскадронами своихъ конныхъ латниковъ, за которыми слѣдовали такія же стройныя когорты пѣхоты. Плохо вооруженныя и совсѣмъ не дисциплинированныя толпы горожанъ попытались атаковать ихъ, но не выдержали натиска варварской кавалеріи и разсѣялись, оставивши на мѣстѣ множество убитыхъ. Но у Велисарія не достаточно было силъ для того, чтобы двинуться далѣе и начать бой въ тѣсныхъ улицахъ огромнаго города. Какъ только онъ отодвигался назадъ къ дворцу, толпа вновь насѣдала на него, осыпая его солдатъ стрѣлами и камнями.

Такія попеременныя нападенія и отступленія то одной стороны, то другой длились до самаго вечера. Когда же готы вошли въ дворцовыя зданія и затворились бронзовыя ворота, народъ опять подступилъ къ палатамъ и, отчаявшись въ возможности въ нихъ ворваться, попытался поджечь переднія строенія Халки. Клубы бѣловатаго дыма взвились надъ кедровою крышей, обложенной позолоченными листами мѣди, за ними начали вырываться огненные языки. Солдаты тщетно лили воду, сбрасывали кидаемые народомъ факелы и забивали копьями летящія во всѣ стороны искры.

Четыре портика Халки, караульня (гауптвахта) гвардейцевъ, маленькій храмъ Марса и нѣкоторыя другія постройки горѣли. Оттѣсненные огнемъ солдаты отошли во дворы и сады и съ большимъ трудомъ воспрепятствовали пожару распространиться на другія зданія дворца, благодаря, быть можетъ, тому, что перемѣнился вѣтеръ. Зато пламя перешло на площадь Августеонъ и уничтожило зданіе сената и храмъ св. Софіи.

X.

Борьба, длившаяся непрерывно сорокъ восемь часовъ, временно пріостановилась на все 15 число, вслѣдствіе крайняго утомленія бойцовъ. У возставшихъ не было ни опредѣленнаго плана дѣйствій, ни признаннаго вождя. Извѣстно было, что Ипатій и Помпей находятся во дворцѣ въ рукахъ императора. На свободѣ въ городѣ оставался одинъ Провъ. Наиболѣе нетерпѣливые люди рѣшили провозгласить его императоромъ, шумною толпой направились къ его палатамъ съ криками: «Да здравствуетъ Провъ, царь и самодержецъ ромеевъ!» Но робкій Провъ вовсе не желалъ выступать въ роли претендента и, предупрежденный во-время, за нѣсколько часовъ до этого уѣхалъ на свою виллу на азіатскомъ берегу. Обозленная этимъ толпа разграбила и сожгла его палаты.

16 января возставшіе напали на префектуру полиціи и на министерство юстиціи, освободили всѣхъ заключенныхъ, уничтожили всѣ текущія дѣла и архивы и сожгли зданія. Поджигая въ разныхъ мѣстахъ, они все разсчитывали, что огонь доберется и до императорскаго дворца. Но сгорѣли двѣ базилики, сосѣднія съ префектурой, великолѣпныя термы Зевисиппа, прилегающій къ нимъ богатѣйшій музей статуй, затѣмъ церковь св. Ирины, лазареты, богадѣльни и пріюты для сиротъ, причемъ погибло много больныхъ и немощныхъ, а тѣмъ временемъ вѣтеръ опять перемѣнился, и дворецъ уцѣлѣлъ и на этотъ разъ.

Юстиніанъ доходилъ до отчаянія,—самыя угрожающія вѣсти слѣдовали одна за другою. Многіе солдаты Августиніанскихъ и Флавіанскихъ когортъ перешли на сторону возставшихъ и, что того хуже было, передали въ ихъ руки арсеналъ Константина (Neorium), наполненный оружіемъ, заготовленнымъ въ огромномъ количествѣ для войны въ Африкѣ. Гвардія держала себя такъ двусмысленно, что ее крайне опасно было пускать въ дѣло противъ возставшихъ. Юстиніанъ могъ полагаться только на готовъ и геруловъ, которыхъ было едва достаточно для того, чтобы защищать дворецъ. Положеніе становилось безвыходнымъ, когда къ вечеру этого дня къ дворцовой пристани подошло нѣсколько кораблей, доставившихъ гарнизоны ближайшихъ городовъ: Эбдомона, Регіума, Аэиры, Калабріи. Отряды эти состояли изъ геруловъ, гунновъ и готовъ. Ободренный прибытіемъ такого важнаго подкрѣпленія, Юстиніанъ рѣшилъ на слѣдующій же день нанести рѣшительный ударъ столицѣ.

17 утромъ сильныя колонны, составленныя исключительно изъ варваровъ, двинулись черезъ развалины Халки на Августеонъ, занятый огромными толпами возставшихъ. Не имѣя возможности устоять на открытомъ мѣстѣ противъ регулярной арміи, они отступили въ узкія и грязныя улицы, заранѣе хорошо забаррикадированныя. Прежде чѣмъ послѣдовать за ними въ эти далеко небезопасныя ущелья, военачальники собрались на серединѣ Августеона, дабы уговориться относительно дальнѣйшихъ дѣйствій.

Вдругъ сцена измѣнилась. Издали послышались священныя пѣснопѣнія,

по широкой улицѣ (Золотой), ведущей отъ центра города къ Августеону, торжественно и медленно шествовалъ большой крестный ходъ. По отданному втайнѣ распоряженію императора, духовенство столицы собралось раннимъ утромъ въ храмъ св. Апостоловъ, дабы устроить эту религіозную манифестацію, которая, по мнѣнію Юстиніана, должна была подѣйствовать успокоительно на народъ.

Впереди шли дѣти съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, за ними—ряды монахинь и монаховъ, потомъ дьяконы со св. иконами, клирики съ зажженными свѣчами, хоругвеносцы съ красными шестами, увѣнчанными золоченными херувимами, и Палладіумъ города—Панагія Одигитрія. Всѣ епископы, находившіеся въ Константинополѣ, предшествовали патріарху Аѳѳиму. Святѣйшій владыка осѣнялъ народъ золотымъ крестомъ и трикиріями. За нимъ слѣдовали священники и игумены столичныхъ монастырей въ блестящихъ облаченіяхъ.

По всему пути народъ благоговѣйно разступался передъ святынями и и колѣнопреклоненно принималъ благословенія патріарха. Крестный ходъ вступилъ на Августеонъ, и тутъ произошло нѣчто совершенно непредвидѣнное и весьма характерное для того страннаго времени. Въ рядахъ войска, стоявшаго на площади, въ ожиданіи приказа двинуться въ ближайшія улицы, было много гунновъ и другихъ азіатцевъ еще язычниковъ. Эти люди, полудикіе и совершенно чуждые византійскихъ религіозныхъ раздоровъ, смотрѣли на ослѣпительное торжество съ нѣкоторымъ суевѣрнымъ страхомъ, невольно охватывавшимъ ихъ наивныя, почти ребячьи души.

Съ инымъ чувствомъ относились ко всему этому гепиды, готы, герулы и другіе германцы, принявшіе христіанство отъ послѣдователей Арія. Для нихъ эти почитатели святыхъ и Богородицы были не христіанами, а идолопоклонниками. И варвары Запада встрѣчали ихъ насмѣшками и даже угрозами. Они не преклоняли колѣна, а ругали священниковъ и грубо передразнивали ихъ пѣніе. Сознавая свою силу, возбужденные подачками и обѣщаніями императора, а также виномъ, которымъ ихъ поили безъ мѣры, эти грубые воины думали, что церковное торжество можетъ прекратить смуты и лишитъ ихъ возможности пограбить богатый городъ.

И вотъ, они не ограничились ругательствами, одинъ изъ готскихъ копейщиковъ схватилъ хоругвь съ изображеніемъ св. Василія, желая вырвать ее изъ рукъ хоругвеносца. Шедшій рядомъ священникъ ударилъ варвара, тотъ отвѣтилъ ударомъ копья. Византійцы вступились за священника, солдаты—за своего товарища и, несмотря на старанія офицеровъ, завязалась отчаянная драка. Продолжать крестный ходъ не было уже никакой возможности. Духовенство, въ величайшемъ смятеніи, кое-какъ вернулось обратно въ храмъ св. Апостоловъ.

Такимъ образомъ вмѣшательство клира, на которое Юстиніанъ возлагалъ большія надежды, принесло его дѣлу не пользу, а весьма существенный вредъ, по милости его же собственныхъ солдатъ. Многіе обыватели, остававшіеся до сихъ поръ безучастными и нейтральными, вступились за своихъ

святыни и за свое духовенство и пристали къ возстанію. Вооружились даже женщины и приняли участіе въ немедленно возобновившемся сраженіи.

Царскія когорты вступили въ улицы, штурмовали баррикады, выбивали инсургентовъ изъ домовъ, которые тѣ поджигали, когда не могли уже въ нихъ удержаться. Съ крышъ на солдатъ сыпались камни и стрѣлы, лилось кипящее масло. Гунны отвѣчали стрѣлами, готы и герулы прикрывались своими щитами и брали дома приступомъ, избивали и сбрасывали съ крышъ всѣхъ, кто не успѣвалъ спастись бѣгствомъ, не щадя ни пола, ни возраста. Въ улицахъ, заваленныхъ обломками всякаго рода, варвары раздѣвали мертвыхъ и раненыхъ и самихъ ихъ бросали въ море. Отрядъ гунновъ, увлекшихся грабежомъ, погибъ въ одной улицѣ, застигнутый со всѣхъ сторонъ пожаромъ.

Войска дошли до Октогона, квартала, обстроеннаго съ восьми сторонъ сводчатыми портиками. Въ немъ засѣло множество возставшихъ, наилучше вооруженныхъ, хорошо укрѣпилось и отбивалось, какъ въ настоящей крѣпости. Наступавшимъ приходилось начинать правильную осаду и прибѣгнуть къ машинамъ. Военачальники не хотѣли терять время и приказали солдатамъ поджечь кварталъ, какъ то дѣлали инсургенты. Отъ бросаемыхъ факеловъ Октогонъ загорѣлся въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Вѣтромъ перекинуло огонь на уцѣлѣвшія пока зданія Августеона и къ морю до церкви св. Ѳеодора. Горѣла самая богатая часть города, и пожаръ принялъ гигантскіе размѣры.

Въ ночь произошло опять землетрясеніе, обрушившее, между прочимъ, статую императора Юліана у пристани, носившей его имя. Эллинствующіе, воодушевленно примкнувшіе къ возстанію, усмотрѣли въ этомъ зловѣщее предзнаменованіе.

Къ ночи войска возвратились въ дворцовыя ограды. Противники остались въ совершенно томъ же положеніи, въ какомъ они были наканунѣ. Уличная война, стоившая такихъ страшныхъ жертвъ, нисколько не утвердила колеблющагося трона, а только увеличила пропасть между Юстиніаномъ и его народомъ.

XI.

Утромъ 18 числа императоръ сдѣлалъ еще одну попытку къ примиренію. Посланные по городу глашатаи звали народъ въ циркъ, чтобы лично отъ государя услыхать условія соглашенія. Кое-кому изъ возставшихъ приглашеніе это показалось подозрительнымъ. Они какъ бы предчувствовали то, что должно было произойти впослѣдствіи, и опасались быть окруженными войсками въ Ипподромѣ, какъ въ ловушкѣ. Собралось все-таки множество народа, въ томъ числѣ не мало людей, рѣшившихся во что бы ни стало помѣшать примиренію.

Настала полная тишина, когда Юстиніанъ, въ сопровожденіи высшихъ сановниковъ, вошелъ въ Кафизму, держа въ рукахъ Евангеліе. Стоя и по-

ложивши руку на священную книгу, онъ громкимъ голосомъ произнесъ слѣдующія слова, записанныя современниками-лѣтописцами:

«Я клянусь на святомъ Евангеліи забыть прошлое. Никто изъ васъ не подвергнется преслѣдованію по моему приказу, если будете вести себя спокойно съ этой минуты. Виноваты не вы, виноватъ я одинъ тѣмъ, что не исполнилъ вашей просьбы, обращенной ко мнѣ на этомъ самомъ мѣстѣ нѣсколько дней назадъ».

Враги Юстиніана, слыша столь смиренную рѣчь, подумали, что у него остается гораздо менѣе средствъ для борьбы, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ, и это увеличило ихъ смѣлость. Тысячи голосовъ закричали въ отвѣтъ:

«Ты лжешь, *Sgaudari* *)! Никто твоимъ клятвамъ не вѣритъ!»

Юстиніанъ хотѣлъ возражать, но неистовые вопли и ругательства толпы заглушили его голосъ. Императоръ торопливо вернулся во дворецъ совершенно обезкураженный, готовый бѣжать изъ столицы. Вечеромъ онъ призвалъ къ себѣ сенаторовъ и другихъ сановниковъ, бывшихъ во дворцѣ, и дозволилъ всѣмъ вернуться въ свои дома. Въ ихъ числѣ, какъ извѣстно, были племянники покойнаго императора Анастасія, Ипатій и Помпей. Юстиніанъ опасался, какъ бы въ самомъ дворцѣ не вспыхнула военная революція въ ихъ пользу, и считалъ болѣе безопаснымъ ихъ удалить. На какое-либо насиліе противъ нихъ императоръ не отважился изъ боязни вызвать тѣмъ взрывъ недовольства находившихся во дворцѣ войскъ. Племянники Анастасія не переставали увѣрять Юстиніана въ вѣрности и преданности, не хотѣли уходить изъ дворца, говоря, что почтутъ за безчестье для себя покинуть царя въ часы опасности. Потребовался настоятельный приказъ, заставившій ихъ вернуться въ ихъ городскія палаты.

Все это было, конечно, притворство. Близкіе родственники бывшаго императора вели свой родъ отъ великаго Помпея, сохранили старинную гордость римскихъ патриціевъ и не только ненавидѣли, но и презирали всю эту семью забравшихся на тронъ оракійскихъ мужиковъ, глава которой Іустинъ не умѣлъ даже подписать свое имя. Передъ смертью Анастасій хотѣлъ передать корону одному изъ племянниковъ, но не успѣлъ это сдѣлать, что и облегчило доступъ къ престолу Юстиніану. Наиболѣе способнымъ къ роли претендента былъ Ипатій. Онъ былъ извѣстенъ за храбраго воина и хорошаго полководца. Въ 524 г. его успѣхи во главѣ восточной арміи возбудили подозрительность Юстиніана, поспѣшившаго смѣнить его и отозвать въ столицу. Но всѣ его блестящія достоинства утрачивали всякое значеніе, по милости его нерѣшительности, дававшей поводъ опасаться, что въ это тревожное время онъ не сможетъ ни дѣйствовать энергично, ни воздержаться, когда то окажется необходимымъ.

Ипатій хорошо сознавалъ всю трудность своего положенія и не могъ

*) Значеніе слова *sgaudari* не выяснено. Существуетъ предположеніе, что это одно изъ ругательствъ, заимствованныхъ византійцами изъ какого-нибудь варварскаго языка. Есть и такое толкованіе, что на уличномъ языкѣ (арго) Константинополя слово *gaudaros*, превращенное въ *sgaudari*, означало „оселъ“.

сохранить должнаго хладнокровія, подчинялся главнымъ образомъ вліянію своего двоюроднаго брата Помпея, который ловко возбуждалъ его честолюбіе, поддерживалъ надежды и склонялъ къ рискованнымъ предпріятіямъ. Онъ имѣлъ особыя, личныя причины злобствовать на императора. Говорили, что Юстиніанъ сильно увлекался красотою его жены Анастасіи, что благочестивѣйшій царь, забывая «благовѣрную, Богомъ данную, супругу», слишкомъ явно выказывалъ свою страсть къ Анастасіи, отвергавшей всѣ его искательства.

Что же касается Прова, честолюбиваго, заносчиваго и трусливаго, готоваго выдать друзей въ минуту опасности и свалить всю вину на нихъ, представлявшаго собою смѣсь деспота и раба, то онъ не имѣлъ никакого значенія, и на него никто не могъ положиться. Впослѣдствіи онъ и показалъ себя въ настоящемъ видѣ, когда послѣ катастрофы, постигшей его семью, онъ принялъ отъ Юстиніана богатства и почести.

Сторонники Ипаѳія уже потеряли надежду на то, что онъ благополучно выберется изъ царскаго дворца. Его возвращеніе привело ихъ въ неописуемый восторгъ и воодушевило ихъ до крайней степени. Едва разсвѣло, какъ громадная толпа явилась къ его палатамъ съ громкими криками: «Ипаѳій Августъ!» Въ залѣ, украшенной статуей его предка Помпея, онъ совѣщался съ родными и ближайшими друзьями. Депутаціи византійскихъ корпорацій и сосѣднихъ городовъ, состоявшія изъ людей среднихъ классовъ, задавленныхъ фискальною системой Юстиніана, приходили одна за другою, упрашивали его тотчасъ же отправиться на форумъ Константина и облечься въ знаки императорскаго сана. На томъ же настаивали почти всѣ его друзья. Помпей, спокойный и рѣшительный, надѣлъ воинскіе доспѣхи и препоясался мечомъ. А Ипаѳій тѣмъ временемъ сыпалъ цвѣты краснорѣчія въ никому не нужныхъ рѣчахъ, не смѣя ни сдѣлать рѣшительный шагъ, ни совершенно отказаться отъ своихъ честолюбивыхъ надеждъ.

Поддержку своимъ колебаніямъ онъ находилъ и въ своей женѣ Маріи, очаровательнѣйшей женщинѣ византійскаго общества, славившейся красотою, выдающимся умомъ и благотворительностью. Эту женщину, глубоко преданную супругу, нисколько не прельщалъ блескъ трона, столь часто потрясаемаго. Она не выпускала мужа изъ своихъ объятій, умоляла его оставаться дома. А у дверей палатъ уже бушевала выходящая изъ себя отъ нетерпѣнія масса народа. Скоро толпы возставшихъ ворвались въ залу, наиболѣе пылкіе сторонники претендента вырвали его изъ объятій супруги и силою увели ее въ геникей. Но Ипаѳій все еще колебался до тѣхъ поръ, пока его тоже насильно не подняли на щитъ и не понесли на Форумъ. Тамъ его всенародно провозгласили императоромъ и самодержцемъ и за неимѣніемъ діадемы короновали золотою цѣпью *).

Многіе сенаторы и патриціи уже обращали свои взоры къ восходящему свѣтилу. Тутъ же, на Форумѣ, состоялось на античный ладъ совѣщаніе о

*) Какъ то сдѣлали когда-то галльскіе легіоны съ Юліаномъ въ Парижѣ.

наилучшихъ средствахъ добиться скорѣйшаго торжества. Большинство стояло за то, чтобы немедленно штурмовать дворецъ.

Сенаторъ Оригенъ, человѣкъ огромной опытности, высказалъ противоположное мнѣніе въ такихъ словахъ, сохраненныхъ лѣтописцемъ:

«Римляне,—заговорилъ онъ (чѣмъ болѣе византійцы утрачивали сходство съ настоящими римлянами, тѣмъ охотнѣе они величали себя такимъ наименованіемъ), — не оружіемъ можемъ мы положить конецъ этому кризису. Добиться побѣды и власти нельзя въ нѣсколько минутъ. Только укрѣпившись и удержавшись, мы одолѣемъ врага. Подвергаютъ себя случайностямъ боя лишь люди, доведенные до отчаянія, не находящіе иного исхода.

«Для чего же всѣмъ рисковать, нападая на Юстиніана въ его палатахъ, когда его всѣми презираемая власть и безъ того разрушается съ часу на часъ, когда тиранъ скоро за счастье почтетъ возможность бѣжать.

«Сосредоточимъ наши силы и будемъ ждать. У насъ есть другіе дворцы, гдѣ новый государь можетъ выжидать конца борьбы и распоряжаться ея веденіемъ».

Если бы народъ послѣдовалъ этому, то Юстиніанъ погибъ бы навѣрное подъ ударами окрѣпшаго возстанія. Но всѣ ораторы, говорившіе послѣ Оригена, осуждали его осторожность и требовали неотложно рѣшительныхъ дѣйствій. Самъ Ипатій присоединился къ ихъ мнѣнію. Рѣшено было всею массой направиться къ Ипподрому и брать дворецъ приступомъ.

Юстиніанъ, узнавши о короноваціи Ипатія, приказалъ усилить военные посты, охранявшіе входы во дворецъ, и призвалъ на совѣтъ своихъ полководцевъ и министровъ. Совѣщаніе происходило въ восьмигранной залѣ Хризотриклинія, изъ которой видны были море и дворцовая пристань, съ готовыми къ отплытію императорскими триремами, нагруженными всѣми сокровищами царской казны.

Юстиніанъ вошелъ въ сопровожденіи спаѳаріевъ, изъ которыхъ одинъ несъ его мечъ, другой—щитъ, украшенный эмалью. Василевсъ былъ одѣтъ въ церемоніальный императорскій костюмъ, только на его головѣ, вмѣсто короны, сверкалъ шлемъ безъ забрала, обнизанный двумя рядами крупнаго жемчуга. Юстиніанъ взошелъ на возвышеніе, гдѣ стоялъ его тронъ между четырьмя колоннами съ золотымъ балдахиномъ. Надъ трономъ статуя побѣды съ распростертыми крыльями держала въ рукѣ лавровый вѣнокъ, которымъ она какъ бы увѣнчивала столь мало воинственнаго государя. Рядомъ съ трономъ Юстиніана стоялъ другой тронъ, на который сѣла Ѳеодора. Немного ниже трона расположены были золотыя кресла для членовъ императорской фамиліи, племянниковъ Юстиніана, Германа, Юста и Воранда.

Великолѣпіе этой торжественной обстановки плохо скрывало смущеніе Юстиніана и трагическое положеніе дѣла. Съ безстрастнымъ видомъ и медлительнымъ голосомъ онъ изложилъ все случившееся и, не давая своего заключенія, потребовалъ мнѣнія присутствующихъ.

Первымъ заговорилъ Іоаннъ Каппадокійскій; онъ сказалъ, что возстаніе

уже властвуетъ надъ Константинополемъ и съ минуты на минуту можетъ поджечь дворецъ, уцѣлѣвшій до сихъ поръ лишь какимъ-то чудомъ. Море еще свободно и этимъ слѣдуетъ скорѣе воспользоваться изъ опасенія, какъ бы и моряки со всѣмъ флотомъ не передались на сторону возставшихъ. Быстрое отплытіе можетъ одно спасти императора и его царскую власть. Слѣдуетъ уйти въ Гераклею во Ѳракіи, ближайшій хорошо укрѣпленный городъ, и собрать туда гарнизоны провинцій. Тѣмъ временемъ Мундъ съ герулами и Константіолъ съ кубикуларіями, съ силою приблизительно въ 3,000 человѣкъ, укрѣпятся въ дворцовыхъ зданіяхъ и будутъ въ нихъ отбиваться. Остальные вожди и войска послѣдуетъ за императоромъ, который вскорѣ возвратится во главѣ грозной арміи, могущей задавить возстаніе.

Общее молчаніе выражало согласіе остальныхъ присутствующихъ съ мнѣніемъ Іоанна. Юстиніанъ, совершенно растерянный, съ трудомъ преодолѣвая волненіе, обратился съ вопросомъ къ Велисарію. И всѣ были поражены до крайности, когда славный вождь восточныхъ армій одобрилъ предложеніе Іоанна Каппадокійскаго. Блестящій полководецъ, превосходнѣйшій тактикъ и неустрашимѣйшій изъ воиновъ, Велисарій легко смущался въ дѣлахъ, не относившихся къ его спеціальности. А съ точки зрѣнія чисто-военной положеніе представлялось на самомъ дѣлѣ отчаяннымъ.

Остальные совѣтники императора поддерживали высказанное мнѣніе, хотя никто изъ нихъ не обольщалъ себя надеждой на возможность возвращенія Юстиніана послѣ такого бѣгства. Всѣмъ ясно было, что для него дѣло идетъ уже не о сохраненіи короны, а о спасеніи собственной жизни и своихъ сокровищъ, да и то лишь на короткое время.

Ѳеодора слушала молча, съ высокомѣрнымъ и презрительнымъ видомъ. Вдругъ она поднялась съ мѣста и заговорила раздраженнымъ голосомъ:

«Никто не удивится тому, что женщина вступается въ разсужденія мужчинъ, когда мужчины слабѣютъ и теряются. Къ тому же въ минуту крайней опасности каждый обязанъ подать свой голосъ.

«Я не уйду, хотя бы бѣгство было единственнымъ средствомъ спасенія жизни. Всѣ живущіе на свѣтѣ должны умереть рано или поздно. Для тѣхъ же, кто царствовалъ, смерть въ тысячу разъ предпочтительнѣе жизни бѣглаго, скитающагося раба.

«Я не уйду, ибо для меня жизнь немыслима безъ пурпура и діадемы, безъ поклоненія тѣхъ, кто призналъ меня своею государыней и владычицею.

«Если ты рѣшился бѣжать, самодержецъ, вотъ — передъ тобою море, твои корабли и массы золота. Но страшись найти, вмѣсто манящаго тебя спасенія, позорную гибель.

«Я остаюсь вѣрною древнему изреченію: властители со славой умираютъ только на тронѣ!»

Эта гордая и смѣлая рѣчь женщины произвела, по сказанію современниковъ, необычайное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Утратившіе бодрость полководцы и напуганные сановники устыдились своей слабости и отвѣтили императрицѣ криками восторга. Рѣшено было остаться и биться...

XII.

Инсургенты собрались большими массами въ циркъ, гдѣ Ипатій занялъ мѣсто въ царской трибунѣ (Каѳизмѣ), поддерживаемой двадцатью четырьмя высокими колоннами и недоступной со стороны арены. Эта трибуна представляла собою родъ миніатюрнаго дворца и была соединена съ царскими палатами длиннымъ переходомъ, приводившимъ къ обширному двору, замкнутому тяжелою бронзовою дверью. При Ипатіи были его родственникъ Помпей и Юліанъ, бывшій префектъ преторіи. Амфитеатръ былъ переполненъ народомъ, привѣтствовавшимъ новаго василевса громкими криками и требовавшимъ немедленнаго нападенія на дворецъ, дабы захватить тамъ корону и другіе знаки царскаго сана.

Претендентъ сидѣлъ блѣдный и угрюмый, мрачно принимая поздравленія приближенныхъ. Онъ такъ плохо вѣрилъ въ удачный исходъ всего этого дѣла, что началъ уже вести двойную игру, поручилъ референдарію Ефрему пробраться въ царскій дворецъ и сообщить Юстиніану, что онъ, Ипатій, подчинялся только силѣ, готовъ исполнить всѣ приказанія императора, употребить всѣ средства для того, чтобы сдержать и обмануть его враговъ. По его разсчету,—весьма нелѣпому,—этимъ способомъ онъ можетъ себя спасти, въ случаѣ пораженія, и ловко разузнать о настроеніи засѣвшихъ во дворцѣ. Но Ефремъ не добрался до Юстиніана. Гвардейцы, охранявшіе входы, не впустили его во дворецъ. Удаляясь, онъ встрѣтилъ врача Ѳому, своего друга, одного изъ личныхъ секретарей Юстиніана, и сказалъ о порученіи, данномъ ему Ипатіемъ.

Ѳома, тайный приверженецъ эллинизма, т.-е. язычества, ненавидѣлъ новую династію ѳракійцевъ, какъ всѣ эллинствующіе. Онъ порѣшилъ ускорить событія и ея паденіе, задумалъ подбодрить претендента и поднять духъ инсургентовъ, и ради этого сообщилъ Ефрему невѣрныя свѣдѣнія, будто Юстиніанъ и Ѳеодора прошлою ночью уѣхали во Ѳракію и что во дворцѣ осталось лишь нѣсколько отрядовъ гвардейцевъ. Ефремъ торопливо бросился въ циркъ, крича издали:—«Государь, Богу угодно, чтобы ты царствовалъ. Тиранъ этою ночью бѣжалъ во Ѳракію!»—Претендентъ, ободренный этою вѣстью, вообразилъ, что онъ уже на самомъ дѣлѣ царствуетъ, и гордо поднялъ голову, при усилившихся крикахъ:—«Многая лѣта Ипатію Августу! Многая лѣта императору римлянъ!»

Всѣ ликовали въ увѣренности, что борьба кончена и что овладѣть дворцомъ удастся безъ сопротивленія. Двѣсти пятьдесятъ Зеленыхъ, въ броняхъ, вооруженные копьями, вызвались первыми ворваться во дворецъ и открыть путь Ипатію.

Тѣмъ временемъ, во дворцѣ тоже готовились къ рѣшительному бою, рѣшено было не ждать нападенія, а самимъ броситься въ циркъ и кончить разомъ съ претендентомъ и съ революціей. Для этого Велисарій и Мундъ должны были съ двухъ противуположныхъ сторонъ ворваться въ циркъ и занять всѣ выходы. Юстиніанъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ сенаторовъ,

вышелъ на террасу дворца, передъ его глазами всѣ силы, которыми можно было располагать, сформировались въ три отряда: Мундъ командовалъ герулами, Велисарій—готами, Константіолъ—спаѳаріями и кубикуларіями.

Мундъ долженъ былъ вступить въ дѣло лишь послѣ того, какъ Велисарій доберется окольнымъ путемъ до Каѳизмы. За этою трибуной находилось зданіе, занятое отрядомъ гвардіи. Этимъ путемъ можно было захватить претендента въ самой трибунѣ. Велизарій повелъ свой отрядъ, но гвардейцы отказались его пропустить. По этому одному легко можно судить о страшной неурядицѣ въ царскихъ палатахъ. Впослѣдствіи открылось, что гвардейцы обѣщали свой нейтралитетъ агентамъ претендента.

Велисарій, въ отчаяніи, вернулся къ Юстиніану, крича, что все погибло, что сама царская гвардія передается инсургентамъ. Но воодушевленіе, вызванное Ѳеодорой, не успѣло еще улечься. Велисарію было приказано пройти въ Ипподромъ другимъ путемъ, черезъ дымящіяся еще развалины портиковъ Халки.

Съ этимъ одновременно были уже пущены въ ходъ и другія, болѣе византійскія средства. Кубикуларій Нарсисъ *) пробрался въ циркъ съ дворцовыми служителями, снабженными изрядныхъ количествомъ золота для привлеченія Голубыхъ опять на сторону Юстиніана. Эти дворцовые эмиссары старались внушить Голубымъ, столь долго пользовавшимся всяческими милостями, что ихъ союзъ съ Зелеными есть гибельная для нихъ ошибка, что паденіе императора будетъ имѣть для нихъ самыя прискорбныя послѣдствія и т. под. Разсыпаемое изъ дворца золото и подобныя рѣчи произвели такое впечатлѣніе, что нѣкоторые вожаки Голубыхъ набрались уже смѣлости кричать:—«Да здравствуетъ Юстиніанъ!»—Крики были скоро заглушены воплями толпы, бросавшей камнями въ агентовъ Нарсиса, но они успѣли произвести смятеніе и рознь. Кое-гдѣ начинались споры, переходившіе въ драки. На аренѣ и въ амфитеатрѣ образовались враждебныя другъ другу группы.

Вдругъ съ сѣверной стороны Ипподрома послышались крики ужаса: тамъ вступалъ на арену Велисарій во главѣ готовъ и геруловъ. Нестройныя толпы народа, безпорядочно наполнявшія циркъ, не въ состояніи были оказать никакого сопротивленія рядамъ хорошо дисциплинированнаго войска, неожиданно появившагося въ аренѣ передъ безпорядочною массой гражданъ, женщинъ и дѣтей. Но и въ этихъ безформенныхъ толпахъ было еще много людей смѣлыхъ и хорошо вооруженныхъ, солдатъ городскихъ когортъ, эллинствующихъ, фанатиковъ религіозныхъ и политическихъ, способныхъ оказать серьезное сопротивленіе. Въ циркѣ закипѣлъ отчаянный бой. Въ немъ приняли участіе нѣсколько сотенъ Зеленыхъ, успѣвшихъ уже сформировать нѣчто вродѣ гвардіи Ипаѳія.

Въ виду небольшого числа нападающихъ, претендентъ могъ еще оболь-

*) Не евнухъ Нарсисъ, извѣстный полководецъ, а другой, не изъ крупныхъ придворныхъ.

щать себя надеждою на побѣду, когда въ Ипподромъ ринулись съ противуположной стороны новые ряды варваровъ,—герулы подъ начальствомъ Мунда. Малое время спустя, изъ всѣхъ другихъ входовъ въ циркъ ворвались гунны и алены, приведенные сыномъ Мунда, за ними—спэваріи и кубикуларіи Константіола, потомъ гвардейцы, увлеченные примѣромъ, подъ предводительствомъ евнуха Нарсиса.

Съ этого момента бой превратился въ сплошную рѣзню, безъ отличія Голубыхъ отъ Зеленыхъ. Кровь лилась потоками съ мраморныхъ ступеней амфитеатра и скоплялась цѣлыми лужами на аренѣ. Въ Ипподромѣ погибло отъ 30 до 40 тысячъ человѣкъ.

Когда въ циркѣ все было покончено, Велисарій приказалъ принести лѣстницы и взять приступомъ Каѳизму. Юстъ и Вораидъ, племянники Юстиніана первые устремились туда, во главѣ гвардейцевъ, и безъ труда овладѣли ею. Захваченные ими Ипаѳій и Помпей были тотчасъ же приведены къ Юстиніану. Помпей бросился къ ногамъ Императора, слезно моля о помилованіи. «Государь, говорилъ,—мы изъ усердія, изъ желанія доставить тебѣ полную побѣду собрали въ циркѣ всѣхъ твоихъ враговъ».

— И хорошо сдѣлали,—отвѣтилъ Юстиніанъ иронически,—только не слѣдовало откладывать этого до тѣхъ поръ, пока сгорѣла половина города.

Ипаѳій держалъ себя съ нѣсколько большимъ достоинствомъ, оправдываясь лишь тѣмъ, что ни онъ самъ, ни Помпей никогда не злоумышляли противъ императора, но, лишь уступая насилію и угрозамъ, приняли участіе въ возстаніи. Само собою разумѣется, что такія рѣчи нисколько не смягчили Юстиніана, и онъ приказалъ ихъ обоихъ отвести въ подземную тюрьму дворца. Тою же ночью отъ дворцовой пристани отошла лодка и выбросила ихъ тѣла въ море. Тотчасъ же во всѣ главные города имперіи были отправлены извѣщенія о полной побѣдѣ правительства.

Къ вечеру въ столицѣ было возстановлено спокойствіе, стоившее Константинополю около сотни тысячъ убитыхъ гражданъ. Половина города была разрушена.

Городскія ворота были заперты, мосты и пристани оцѣплены, отходящія суда задержаны, дабы воспрепятствовать скрываться заподозрѣннымъ. На улицахъ пустынныхъ и молчаливыхъ всѣ лавки заперты. Въ портъ входили одинъ за другимъ корабли, доставлявшіе солдатъ гарнизоновъ Европы и Азіи. Болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ, по большей части варваровъ, расположилось во дворахъ и въ садахъ императорскаго дворца, на площадяхъ и даже въ церквахъ.

На слѣдующій день полицейскіе, подъ предводительствомъ сыщиковъ, сновали по городу и окрестностямъ, преслѣдуя инсургентовъ. Многіе сенаторы, патриціи и знатные люди были схвачены въ церквахъ и монастыряхъ и погибли злою смерью. Подземныя тюрьмы дворца были переполнены арестованными, и къ нимъ подсылали сыщиковъ, переодѣтыхъ монахами, чтобы вывѣдывать ихъ тайны.

Вечерами варвары, собравшись вокругъ большихъ огней, пожирали четвертины жаренныхъ быковъ и барановъ, упивались виномъ съ острововъ Архипелага. Приближенные императора раздавали золото. Дикія пѣсни лѣсовъ Скандинавіи и степей Азіи оглашали греческую столицу. Вновь организовавшійся дворъ толпился вокругъ обожаемаго монарха.

А надъ Ипподромомъ поднимались языки огня и клубы дыма отъ гигантскихъ костровъ изъ цѣльныхъ сосенъ и кипарисовъ, на которыхъ горѣло до сорока тысячъ труповъ.

Въ Византіи возстановлялся порядокъ. Василевсъ былъ спасенъ.

М. Ремезовъ.

Примѣчаніе. Нѣсколько словъ о славномъ полководцѣ Велисаріи. Противъ него нерѣдко возникали злобныя дворцовыя интриги. Но его блестящія доблести и безупречное благородство всегда предохраняли его отъ крамолы враговъ. Онъ два раза спасалъ тронъ Юстиніана, и за то удостоился двухъ тріумфовъ. Ничтожный дворцовый заговоръ, въ которомъ были замѣшаны двое изъ его личныхъ тѣлохранителей, оказался достаточнымъ для того, чтобы онъ впалъ въ немилость, былъ лишенъ сана и имѣній, заключенъ въ тюрьму. Скоро, однако, невинность его была доказана, ему были возвращены всѣ почести и богатства, и онъ дожилъ свой вѣкъ въ роскоши, окруженный византійскимъ великолѣпіемъ. Всѣ легенды о томъ, что онъ былъ ослѣпленъ, дошелъ до нищеты, что для него „малютка, шлемъ нося, просилъ, для Бога, пищи лишь дневныя“,—относятся къ области чистаго вымысла, сложившагося лишь въ XII вѣкѣ, неизвѣстно на какомъ основаніи.

Ближайшія задачи московскаго общественнаго управленія по благоустройству города и средства къ ихъ осуществленію *).

Перейдемъ къ разсмотрѣнію ближайшихъ задачъ города по водоснабженію Москвы, удаленію нечистотъ, освѣщенію города, скотобойнямъ, рынкамъ и, наконецъ, общественнымъ паркамъ и бульварамъ.

Два первые, а равно и послѣдній вопросы имѣютъ для большихъ городовъ такое громадное значеніе, въ смыслѣ оздоровленія городской жизни, что возможно полное и скорѣйшее разрѣшеніе ихъ и для Москвы настоятельно необходимо.

Вопросъ о недостаточномъ въ настоящее время снабженіи Москвы чистою водою для питья и хозяйственныхъ потребностей настолько хорошо извѣстенъ всякому обывателю, что на немъ и нѣтъ надобности останавливаться. Достаточно указать на то, что при милліонномъ населеніи Мытищинскій водопроводъ можетъ доставлять только около 1.500,000 ведеръ воды въ сутки, чтобы понять то ненормальное и нездоровое положеніе, въ которомъ сейчасъ находится Москва. Правда, уже приступлено къ составленію проекта на снабженіе центральныхъ частей города Москворѣцкою водою въ количествѣ 3.500,000 ведеръ въ сутки, но до полнаго осуществленія этого проекта при благопріятныхъ условіяхъ пройдетъ не менѣе 10 лѣтъ, а между тѣмъ и этихъ будущихъ 3.500,000 вед. недостаточно для удовлетворенія потребности въ водѣ. Если въ настоящее время городъ какъ будто и обходится только 1.500,000 вед. воды, то это указываетъ лишь на широкое пользованіе при этомъ водою изъ рѣкъ и колодцевъ. Въ виду того, что рѣки и почва Москвы сильно загрязнены различными нечистотами, пользованіе водою для питья и пищи, кромѣ какъ изъ городского водопровода должно быть безусловно воспрещено; а такъ какъ такое воспрещеніе трудно установить въ дѣйствительности, то, слѣдовательно, необходимо поставить каждаго московскаго обывателя въ такія условія,

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 99 г.

чтобы онъ самъ не находилъ нужнымъ пользоваться другою водой, какъ только изъ городского водопровода, т.-е., другими словами, дать ему въ изобиліи хорошую и дешевую воду.

Если сравнить размѣры водоснабженія Москвы съ западно-европейскими городами, гдѣ потребляется до 15 и даже болѣе ведеръ на человѣка въ сутки, то надо признать, что и въ этомъ отношеніи Москва сильно отстала отъ современныхъ требованій.

Не въ лучшихъ условіяхъ Москва находится и въ отношеніи удаленія нечистотъ изъ города. Только въ прошломъ году закончились работы по устройству уличной канализаціонной сѣти для центральной части города (примѣрно въ предѣлахъ Садовой улицы). Потребовалось 5 лѣтъ на производство уличныхъ работъ и, конечно, потребуется еще большее число лѣтъ на присоединеніе всѣхъ частныхъ владѣній къ построенной сѣти. Но и послѣ этого большая часть города, населенная по преимуществу менѣе богатымъ и, слѣдовательно, болѣе всего нуждающимся въ оздоровленіи людомъ, останется не канализированной, т.-е. въ тѣхъ же невозможныхъ условіяхъ, въ какихъ была и до сихъ поръ.

Къ сожалѣнію, постройка канализаціи за предѣлами Садовой улицы въ настоящее время трудно выполнима. Внѣшнее кольцо города, какъ это было уже указано, очень мало благоустроено, проѣзды его не регулированы, очень часто не замощены и даже не спланированы, набережныя рѣкъ не укрѣплены и вообще очень многія части этого кольца находятся въ такомъ состояніи, при которомъ устройство канализаціи невозможно. Въ виду изложеннаго необходимость скорѣйшаго приведенія въ сколько-нибудь благоустроенный видъ части города, расположенной за чертой Садовой, еще болѣе настоятельна.

Система, принятая для канализаціи центральной части города—раздѣльная, т.-е. въ устроенную сѣть могутъ поступать только хозяйственныя воды изъ ватеръ-клозетовъ, раковинъ, умывальниковъ и проч., для отведенія же дождевыхъ и снѣговыхъ водъ должна служить существующая сѣть водостоковъ, коллекторами которой являются русла рѣчекъ и ручьевъ, а также многочисленные естественные протоки.

Хотя со времени передачи водостоковъ въ вѣдѣніе города, послѣдній очень много сдѣлалъ для ихъ упорядоченія, но еще несравненно больше предстоитъ сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ. Всѣ заботы города до самаго послѣдняго времени сводились главнымъ образомъ къ заключенію многочисленныхъ рѣчекъ и естественныхъ протоковъ, выходящихъ на городскіе проѣзды, въ трубы и къ замѣнѣ деревянныхъ водосточныхъ трубъ бетонными или кирпичными.

Хотя это и очень почтенная для Москвы задача, но она далеко еще не разрѣшаетъ вопроса о надлежащемъ отведеніи поверхностныхъ водъ съ площади города. Современныя требованія ставятъ условіемъ, чтобы поверхностныя воды со дворовъ и улицъ собирались въ небольшомъ количествѣ съ сравнительно незначительной площади и тотчасъ поступали въ

закрытые водостоки, а не неслись грязными и часто бѣшеными потоками по поверхности улицъ до мѣстъ ихъ поступленія въ трубы, находящихся иногда за нѣсколько сотъ саженъ отъ начала, и не производили затопленія низменныхъ частей города.

Для полнаго удовлетворенія этого требованія необходимо, чтобы почти по каждому городскому проѣзду были проложены трубы для отвода поверхностныхъ водъ, а для пріема этихъ послѣднихъ устроены многочисленные сборные колодцы съ рѣшетками. Только въ такомъ случаѣ представится возможность къ правильному сбору и быстрому отведенію поверхностныхъ водъ, только тогда можно будетъ уничтожить тѣ уличные поперечные лотки, которыми такъ богата Москва и которые такъ неудобны для ѣзды и недопустимы при устройствѣ въ городѣ усовершенствованныхъ мостовыхъ и электрическихъ трамваевъ.

Если обратимся теперь къ разсмотрѣнію существующей въ городѣ сѣти водосточныхъ трубъ, то увидимъ, что сѣть эта не только слишкомъ мала протяженіемъ, но и недостаточна по размѣрамъ коллекторовъ, такъ какъ при постройкѣ этой сѣти совсѣмъ не предъявлялось тѣхъ требованій, которыя ставятся теперь при проектированіи трубъ. Можно съ полною увѣренностью утверждать, что почти ни одна изъ построенныхъ до сего времени сточныхъ трубъ не удовлетворитъ требованіямъ самаго ближайшаго будущаго и слѣдовательно рядомъ съ устроенными коллекторами потребуется прокладывать новые или же переустраивать уже существующіе.

Очевидно, что прокладка на проѣздахъ трубъ для различныхъ канализацій должна предшествовать приведенію внѣшняго вида проѣздовъ въ благоустроенный видъ и потому работа эта настоятельно необходима теперь же.

Освѣщеніе проѣздовъ Москвы, въ виду сильно развивающагося городского движенія, тоже требуетъ все бо́льшей и бо́льшей интенсивности силы свѣта и продолжительности его независимо отъ луннаго календаря. Какъ извѣстно число часовъ горѣнія фонарей доведено теперь до 3,200, остальные же ночные часы (числомъ примѣрно 530) должны освѣщаться луной и потому нерѣдко въ пасмурную погоду весь городъ бываетъ погруженъ въ непроглядную тьму. Само собою разумѣется, что въ городѣ съ сильно развитымъ ночнымъ уличнымъ движеніемъ и съ системой газоваго или минерально-маслянаго освѣщенія проѣзды должны освѣщаться круглый годъ съ сумерекъ до разсвѣта и если Москва до сихъ поръ еще не дѣлаетъ этого, то лишь въ виду скудости городского бюджета. Отсутствіемъ необходимыхъ средствъ объясняется также недостаточная, въ большинствѣ случаевъ, сила свѣта отдѣльныхъ уличныхъ фонарей и слишкомъ значительное разстояніе между ними *).

*) Среднее разстояніе между отдѣльными фонарями получится раздѣленіемъ протяженія городскихъ проѣздовъ на число фонарей, т.-е

$$\frac{280{,}038 \text{ п. с.}}{21{,}190} = 13{,}2 \text{ с.}$$

Хорошее освѣщеніе проѣздовъ необходимо для Москвы не только какъ полицейская мѣра, но и какъ средство дать обывателямъ хоть какую-нибудь возможность свободно перемѣщаться по существующимъ скернымъ и грязнымъ мостовымъ и тротуарамъ.

Въ этомъ смыслѣ переходъ въ нѣкоторыхъ частяхъ города съ сильно развитымъ уличнымъ движеніемъ на электрическое освѣщеніе, съ устройствомъ для сего городской центральной электрической станціи большихъ размѣровъ настоятельно необходимъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Вопросъ объ освѣщеніи бойкихъ проѣздовъ города электричествомъ тѣмъ болѣе своевременъ, что въ 1905 г. въ вѣдѣніе города должна перейти безвозмездно газовая сѣть, принадлежащая нынѣ французскому Континентальному обществу. Сѣть эту нельзя будетъ оставить въ существующемъ видѣ, такъ какъ она негодна для эксплоатаціи и опасна для жителей, электрическое же освѣщеніе къ тому времени настолько привьется, по крайней мѣрѣ, въ центральныхъ частяхъ города, что врядъ ли представится выгоднымъ и цѣлесообразнымъ прокладывать здѣсь новую газовую сѣть. Эту послѣднюю, надо думать, придется перенести на второстепенные проѣзды города и замѣнить газовымъ отчасти минерально-масляное освѣщеніе.

Такимъ образомъ и по этому отдѣлу городу предстоятъ въ будущемъ крупныя затраты.

Не останавливаясь на бойняхъ, такъ какъ этотъ отдѣлъ городского хозяйства достаточно удовлетворительно разрѣшенъ уже для Москвы, перейдемъ къ рынкамъ для съѣстныхъ припасовъ.

Благодаря тому, что городское управленіе взяло въ свое вѣдѣніе скотопригонный дворъ и бойни и сосредоточило это въ одномъ мѣстѣ, за мясомъ въ настоящее время установленъ надлежащій ветеринарный надзоръ; что же касается другихъ съѣстныхъ продуктовъ первой необходимости, доставляемыхъ въ городъ, то вполнѣ правильнаго санитарнаго надзора за ними, собственно говоря, не установлено, да и трудно такой надзоръ установить, такъ какъ очень много продуктовъ привозится пока окрестными крестьянами,—продукты эти не сосредоточиваются въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ города, а распредѣляются по многочисленнымъ рынкамъ, складамъ, магазинамъ и отдѣльнымъ лицамъ. Правильный надзоръ за доставляемыми такимъ образомъ продуктами невозможенъ, и если установившійся порядокъ представляетъ нѣкоторыя удобства для жителей, то онъ менѣе всего желателенъ съ санитарной точки зрѣнія. Устройство въ Москвѣ центральнаго рынка для съѣстныхъ припасовъ и установленіе въ этомъ мѣстѣ правильнаго санитарнаго надзора должно сразу улучшить существующее положеніе вещей. Центральный рынокъ явится не только прекраснымъ установителемъ цѣнъ на припасы, но и фильтромъ, черезъ который будутъ проходить только годные къ употребленію продукты.

Съ развитіемъ сѣти входящихъ въ Москву желѣзныхъ дорогъ и усиленіемъ средствъ передвиженія въ предѣлахъ города центральный рынокъ несомнѣнно окажетъ городу немаловажныя услуги въ смыслѣ болѣе удобнаго

полученія и распредѣленія продуктовъ первой необходимости и улучшенія народнаго здравія. Мало того, для общественнаго управленія, рынокъ этотъ дастъ возможность установить за продуктами строгій санитарный надзоръ безъ всякой затраты для этого городскихъ средствъ.

Перейдемъ, наконецъ, къ общественнымъ садовымъ насажденіямъ гор. Москвы. Одною изъ отличительныхъ особенностей Москвы принято обыкновенно считать обиліе въ ней растительности, и дѣйствительно, кромѣ садовъ, парковъ и бульваровъ, находящихся въ общественномъ пользованіи, городъ до сихъ поръ еще имѣетъ множество садовыхъ насажденій, принадлежащихъ различнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Не трудно, однако, видѣть, что парки и бульвары общественнаго пользованія распредѣлены недостаточно равномѣрно по площади города и часто отсутствуютъ въ мѣстностяхъ густо-населенныхъ небогатымъ или рабочимъ людомъ, т.-е. тамъ, гдѣ всего болѣе нуждаются въ возможномъ улучшеніи нездоровыхъ условій жизни. Многочисленные фабричные районы города до сихъ поръ еще не имѣютъ удобно расположенныхъ и хорошо устроенныхъ парковъ для отдыха, прогулки и развлеченія. Несомнѣнно, что ближайшія заботы общественнаго управленія должны быть направлены теперь къ возможному оздоровленію мѣстностей, находящихся въ невыгодныхъ сравнительно условіяхъ существованія. Устройство въ такихъ районахъ обширныхъ и удобныхъ парковъ несомнѣнно подниметъ и общее санитарное состояніе всего города.

Знакомясь съ исторіей того, что было сдѣлано городскимъ самоуправленіемъ по части наружнаго благоустройства Москвы со времени передачи всѣхъ общественныхъ сооруженій въ вѣдѣніе города, т.-е. съ 1867 года, нельзя не замѣтить тѣхъ громадныхъ усилій, которыя городскому управленію пришлось приложить, чтобы достигнуть того относительнаго благосостоянія, которымъ Москва пользуется въ настоящее время. Городъ получилъ въ свое завѣдываніе громадное хозяйство, но не получилъ въ то же время достаточныхъ средствъ для вполнѣ успѣшнаго веденія его. Городъ долженъ былъ изыскивать всевозможныя средства, чтобы хотя отчасти удовлетворить своимъ насущнымъ потребностямъ и свести концы съ концами въ своемъ скромномъ бюджетѣ. Это безденежье обратилось въ хроническое и, несмотря на увеличеніе, по сравненію съ 1867 годомъ, общаго городского бюджета почти въ 6 разъ (съ 2 до 11 милліоновъ рублей), городъ до сихъ поръ остается несостоятельнымъ по отношенію къ удовлетворенію своихъ нуждъ и изъ года въ годъ откладываетъ исполненіе многихъ необходимыхъ работъ и мѣропріятій до болѣе благопріятнаго времени, которое однако вотъ уже 30 лѣтъ какъ не наступаетъ.

Понятно, что при указанномъ тяжеломъ финансовомъ положеніи не представлялось возможности проводить въ жизнь необходимыя широкія реформы и все дѣло сводилось къ тому, чтобы поддержать въ исправности уже существующее, чтобы удовлетворить, по возможности, свои мелкія неотложныя нужды, а это не только поглощало всѣ текущіе доходы города,

но и отнимало все время, трудъ, знаніе и энергію людей, трудившихся на этомъ поприщѣ. Въ случаѣ же настойчиваго желанія сдѣлать какія-либо капитальныя улучшенія въ наружномъ благоустройствѣ города, необходимо было прибѣгать къ болѣе или менѣе крупнымъ займамъ.

Для всякаго города долгосрочные займы для удовлетворенія такихъ нуждъ, которыя не могутъ быть выполнены изъ текущаго бюджета, вещь теперь обыкновенная и безусловно необходимая. Необходимость такой мѣры была однако сознана въ Москвѣ слишкомъ поздно и потому городъ не только потерялъ очень много времени въ заботахъ уложить свои потребности въ узкія рамки текущаго бюджета, что всегда представляло неразрѣшимую задачу, и не удовлетворилъ своевременно многимъ изъ своихъ насущныхъ нуждъ, но и уступилъ частнымъ концессіонерамъ такія выгодныя общественныя предпріятія, какъ конно-желѣзныя дороги, газопроводъ и друг. Только съ 1886 года этому долгому періоду застоя насталъ конецъ, и городъ сразу началъ дѣлать крупные займы на постройку боенъ, водопровода, канализаціи и другія потребности, и дѣятельно изыскивать всевозможныя средства для увеличенія текущаго городского бюджета. Въ числѣ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить недавнюю попытку города получить разрѣшеніе на взиманіе сбора съ привозимыхъ въ Москву товаровъ и строительныхъ матеріаловъ. Многіе иностранные, а также нѣкоторые русскіе города давно уже пользуются подобнаго рода сборами и получаютъ такимъ способомъ крупныя суммы для своего существованія. Такъ, для большинства французскихъ городовъ сборъ отъ ввозной пошлины (octroi) составляетъ преимущественный источникъ городскихъ доходовъ и въ Парижѣ достигаетъ 50% отъ суммы общаго бюджета *).

Налогъ octroi требуетъ громадныхъ издержекъ на взиманіе его и въ настоящее время многими осуждается.

Предполагавшійся сборъ на привозимые въ Москву по желѣзнымъ дорогамъ товары и строительные матеріалы долженъ былъ дать городу около 800,000 р. ежегоднаго дохода. Представленное городомъ ходатайство о допущеніи въ Москвѣ этого сбора было, какъ извѣстно, отклонено высшимъ правительствомъ и взамѣнъ этого было предложено просить о сложеніи части обязательныхъ расходовъ, лежащихъ на городѣ и имѣющихъ общегосударственное значеніе. Если предположить, что въ томъ же примѣрно размѣрѣ городъ будетъ избавленъ на будущее время отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, то не трудно видѣть, что эта, на первый взглядъ, крупная прибавка къ общему годовому бюджету недостаточна по сравненію съ тѣми расходами, которые городу предстоитъ сдѣлать въ ближайшіе 15 — 20 лѣтъ и общая сумма которыхъ опредѣляется не въ одну сотню милліоновъ. Городъ нуждается не въ одномъ только наружномъ благоустройствѣ, онъ не меньше нуждается и во внутреннемъ благоустройствѣ, такъ какъ послѣднее во многихъ отношеніяхъ оставляетъ желать еще очень

*) *А. Шоу*: „Городскія управленія въ Западной Европѣ“. 1899 г., стр. 435.

многаго. Выйти изъ этого крайне тяжелаго положенія можно только проведеніемъ въ жизнь особыхъ мѣръ, которыя могли бы значительно поднять текущій бюджетъ и дали бы городу необходимыя средства для удовлетворенія его насущныхъ потребностей.

Періодическая переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ, хотя и значительно каждый разъ поднимаетъ текущій бюджетъ, но не можетъ еще дать тѣхъ средствъ, которыя городу теперь необходимы. Не слѣдуетъ забывать того, что Москва, какъ уже было указано, сильно отстала въ своемъ благоустройствѣ отъ другихъ городовъ и для приведенія ея въ благоустроенный видъ необходима весьма крупная единовременная затрата.

Разсматривая работы, которыя были намѣчены выше и которыя городу предстоитъ выполнить въ ближайшемъ будущемъ, не трудно замѣтить, что ихъ можно раздѣлить на 2 группы: 1) работы, послѣ выполненія которыхъ городъ будетъ получать доходъ и которыя, слѣдовательно, могутъ быть произведены на заемныя суммы, и 2) бездоходныя работы. Къ первымъ относятся: устройство новыхъ пригородовъ, постройка электрическихъ трамваевъ, водопровода, канализація для хозяйственныхъ водъ, переустройство Бабьегородской плотины и постройка центральнаго рынка; ко вторымъ: приведеніе въ благоустроенный видъ заселенныхъ уже пригородовъ, составленіе плановъ регулированія и постепенное осуществленіе ихъ въ натурѣ, замощеніе проѣздовъ и устройство усовершенствованныхъ мостовыхъ, канализаціи для дождевыхъ водъ съ заключеніемъ существующихъ рѣчекъ и естественныхъ протоковъ въ трубы, освѣщеніе города, постройка мостовъ и набережныхъ, регулированіе и расчистка русла рѣки Москвы, устройство парковъ и бульваровъ и, наконецъ, засыпка Водоотводнаго канала. Послѣдняя работа можетъ быть отнесена, впрочемъ, и къ 1-й группѣ, такъ какъ послѣ засыпки существующаго канала получится значительная площадь свободной земли, цѣнность которой вполнѣ окупитъ всѣ расходы на выполненіе этой работы, не принимая во вниманіе даже многихъ другихъ улучшеній, которыя при этомъ будутъ достигнуты и которыя значительно, такъ сказать, сократятъ издержки на это сооруженіе. Необходимо однако замѣтить, что продажа въ частныя руки свободной городской земли въ данное время крайне невыгодна для города и надо съ крайней осторожностью прибѣгать къ такому способу для увеличенія необходимыхъ средствъ. Напротивъ, въ интересахъ города, теперь же воспользоваться скупкою въ возможно широкихъ размѣрахъ земельныхъ участковъ изъ частныхъ рукъ, такъ какъ такое мѣропріятіе несомнѣнно будетъ служить для города въ будущемъ крупнымъ источникомъ доходовъ.

Первая группа работъ потребуетъ для своего выполненія только очень значительныхъ единовременныхъ затратъ, но не ляжетъ бременемъ на текущій городской бюджетъ, такъ какъ доходами съ нихъ будутъ покрываться не только проценты на затраченный капиталъ, но и постепенное погашеніе его, а потому какъ бы велика ни была сумма займа для этого, нѣтъ основанія бояться, что обязательства по займамъ не будутъ выпол-

нены. Напротивъ, опытъ прежнихъ лѣтъ съ очевидностью доказалъ всю выгодность осуществленія различныхъ крупныхъ предпріятій на заемныя суммы безъ участія концессіонеровъ. Если недавно устроенные бойни и водопроводъ и не приносили городу въ первые годы своего существованія ожидавшихся доходовъ, то это еще не значитъ, что они были тогда не выгодны для города. Если городское управленіе и очутилось временно въ затрудннтельномъ положеніи, не получая никакого дохода съ боенъ и водопровода, и принуждено было расходовать изъ текущихъ средствъ значительныя суммы на эксплоатацію и уплату процентовъ по этимъ сооруженіямъ, то лишь потому, что сумма первоначальнаго займа была невѣрно исчислена: она оказалась недостаточной для полнаго оборудованія и приведенія въ надлежащее соотвѣтствіе и правильное функціонированіе всѣхъ частей сооруженія. Въ настоящее время доходами отъ указанныхъ предпріятій вполнѣ окупаются расходы на ихъ постройку и эксплоатацію. Когда суммы, необходимыя на эксплоатацію и уплату процентовъ по займамъ въ первые годы дѣйствія сооруженія будутъ заранѣе высчитываться и прибавляться къ капитальной суммѣ займа, потребнаго на постройку, то, очевидно, что городской бюджетъ не придется каждый разъ ломать, сокращая расходы на текущія потребности и сложный городской механизмъ будетъ всегда правильно и безъ задержки функціонировать.

До самаго послѣдняго, можно сказать, времени городскія управленія, за неимѣніемъ достаточнаго опыта и спеціальныхъ силъ, не рѣшались браться за осуществленіе многихъ доходныхъ предпріятій и предпочитали выполненіе ихъ концессіоннымъ способомъ безъ всякихъ хлопотъ и затратъ съ своей стороны. Неудобства и невыгоды такого способа не замедлили скоро сказаться. Для выполненія такихъ предпріятій, по преимуществу санитарнаго свойства, которыя не даютъ никакихъ доходовъ, городамъ все равно потребовалось пригласить на службу обширный штатъ спеціалистовъ и затѣмъ терпѣливо ожидать возможности выкупить и монопольныя предпріятія, хотя бы и съ приплатой крупныхъ суммъ. Очень многіе города до сихъ поръ еще испытываютъ неудобства и несутъ значительные убытки отъ концессіонерныхъ предпріятій, другіе же, получивъ въ свои руки доходныя предпріятія, поставили ихъ на коммерческую ногу и стали получать крупные барыши. Эти послѣдніе примѣры были настолько заразительны, что многіе города, въ случаѣ даже отдачи нѣкоторыхъ доходныхъ статей въ руки концессіонеровъ, стали выговаривать въ свою пользу часть будущихъ прибылей и тѣмъ какъ бы устанавливать косвенный налогъ на извѣстную часть обывателей.

Какъ на исключеніе изъ этого общаго правила, нельзя не указать на тѣ взгляды, которыхъ въ этомъ отношеніи сталъ держаться англійскій городъ Глазго *). Въ этомъ необыкновенно быстро разросшемся городѣ истин-

*) См. *К. Гуго*: „Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи". 1898 г., стр. 377.

ныя задачи муниципальнаго самоуправленія въ предпринимательской его дѣятельности поняты иначе. Въ Глазго нашли широкое примѣненіе 2 основные принципа: безусловная муниципализація частныхъ предпріятій, носящихъ монопольный характеръ, и управленіе ими въ интересахъ общества, а не съ цѣлью извлеченія несправедливыхъ барышей, способствующихъ неравномѣрному обложенію косвенными налогами.

Несмотря на такое пониманіе городомъ Глазго задачъ городской предпринимательской дѣятельности, населеніе его, какъ это доказывается статистическими данными, находится не въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ населеніе другихъ англійскихъ городовъ.

Возвращаясь ко второй группѣ работъ, нельзя не замѣтить, что осуществленіе ихъ хотя и возможно на заемныя суммы, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы суммы эти были оплачены впослѣдствіи другими источниками дохода, такъ какъ въ противномъ случаѣ уплата процентовъ и погашеніе по этимъ займамъ, а также расходы по содержанію въ порядкѣ бездоходныхъ сооруженій будутъ настолько велики, что, по всей вѣроятности, превзойдутъ въ суммѣ даже размѣры настоящаго городского бюджета. Крайне безвыходное финансовое положеніе города въ настоящее время заставляетъ подумать и о новыхъ источникахъ дохода, и въ этомъ отношеніи примѣры американскихъ и нѣкоторыхъ англійскихъ городовъ заслуживаютъ полнаго вниманія и подражанія.

Американскіе города давно уже пользуются особой формой обложенія, такъ называемаго «спеціальнаго обложенія» (по-англійски betterment) *), которое взыскивается въ одинъ пріемъ какъ сборъ для покрытія стоимости издержекъ по улучшенію собственности, — улучшенію, предпринятому для общественной пользы,—причемъ этотъ сборъ распредѣляется между отдѣльными частными владѣльцами пропорціонально выгодѣ, полученной каждымъ владѣльцемъ отъ произведеннаго улучшенія. Къ этому сбору прибѣгаютъ при прокладкѣ новыхъ проѣздовъ, устройствѣ мостовыхъ и тротуаровъ, прокладкѣ водопроводныхъ и канализаціонныхъ трубъ, устройствѣ парковъ, бульваровъ, освѣщеніи проѣздовъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ даже и при поливкѣ улицъ. Сборъ этотъ падаетъ не только на земли, непосредственно примыкающія къ новымъ сооруженіямъ, но и на всѣ близлежащія владѣнія, цѣнность которыхъ увеличивается благодаря произведеннымъ улучшеніямъ, т.-е. на всѣ тѣ земли, которыя получаютъ благодаря предпринятымъ сооруженіямъ особыя выгоды. При распредѣленіи этого сбора главное вниманіе обращается на приращеніе цѣнности, созданное произведенными улучшеніями. Этотъ сборъ есть только средство обращать въ пользу общества увеличеніе цѣнности какого-нибудь земельнаго участка, достигнутое затратою общественныхъ средствъ. Онъ беретъ у собственниковъ не то, чѣмъ они уже владѣютъ, а только удерживаетъ часть того, что они получаютъ отъ общества безъ всякихъ хлопотъ и затратъ съ своей стороны.

---

*) См. статью И. Озерова. *Русская Мысль* 1897 г., кн. XI.

При примѣненіи принципа «betterment» не слѣдуетъ, однако, заходить такъ далеко, какъ это доведено многими муниципалитетами въ предпринимательской ихъ дѣятельности. Дѣйствительная потребность въ улучшеніяхъ, созидаемыхъ для общественной пользы, и строгая закономѣрность въ распредѣленіи этого сбора должны служить неизмѣнными правилами при пользованіи указаннымъ обложеніемъ.

Принципъ «betterment» примѣняется въ Соединенныхъ Штатахъ уже болѣе 200 лѣтъ и въ настоящее время получилъ тамъ такое широкое распространеніе и прилагается въ такихъ многочисленныхъ случаяхъ, что для многихъ городовъ служитъ очень крупнымъ источникомъ доходовъ,—такъ, наприм., Чикаго получилъ этимъ путемъ въ 1891 году около 9.000,000 долларовъ.

По примѣру американскихъ городовъ и многіе англійскіе города стали примѣнять у себя «betterment», вынужденные къ тому хроническимъ безденежьемъ и необходимостью создать болѣе или менѣе сносныя условія жизни для горожанъ. Совѣту лондонскаго графства принадлежитъ заслуга постановки этого вопроса на первое мѣсто въ области реформы городскихъ налоговъ *) и осуществленіе его на практикѣ. Борьба, которую пришлось при этомъ выдержать совѣту графства, была очень продолжительна и только благодаря неослабѣвавшей настойчивости совѣтъ довелъ это дѣло до успѣшнаго конца.

Для Москвы сборъ вродѣ «betterment» не есть нѣчто новое и совсѣмъ несовмѣстимое съ существующей системой обложенія. Дѣйствующія обязательныя постановленія даютъ городскому управленію средство, хотя, конечно, и косвеннымъ образомъ, пользоваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ особымъ обложеніемъ частныхъ лицъ. Такъ, при желаніи отдѣльныхъ частныхъ владѣльцевъ или цѣлой группы ихъ проложить по своей землѣ проѣздъ общественнаго пользованія, открытіе его и передача въ вѣдѣніе города совершаются обыкновенно подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы, кромѣ безвозмездной уступки земли подъ проѣздъ, были внесены также и деньги на его спланировку и замощеніе, а иногда даже и на устройство бульваровъ по сторонамъ проѣзжей части. Такой единовременный взносъ считается вполнѣ справедливымъ, такъ какъ владѣльцы земель, по которымъ проѣздъ прокладывается, получаютъ вслѣдствіе этого несомнѣнныя выгоды отъ увеличенія цѣнности ихъ земельной собственности, и подобныя сдѣлки не разъ уже совершались по взаимному соглашенію.

Принципіальная разница этого единовременнаго сбора отъ «betterment» заключается лишь въ томъ, что при этомъ не обращается никакого вниманія на размѣръ увеличенія цѣнности владѣній, достигнутый сдѣланнымъ улучшеніемъ, т.-е. въ данномъ случаѣ устройствомъ новаго проѣзда.

Точно также при заключеніи нѣкоторыхъ естественныхъ протоковъ въ

---

*) См. *К. Гуго:* „Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи 1898 г.“. Гл. XVII.

трубы съ вынесеніемъ русла ихъ на городскіе проѣзды общественное управленіе теперь предполагаетъ входить въ соглашеніе съ частными лицами о покрытіи части расходовъ по устройству такихъ трубъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ собственники земель, по которымъ проходитъ естественный протокъ, будутъ избавлены отъ обязательныхъ расходовъ на содержаніе его въ порядкѣ и кромѣ того увеличатъ цѣнность своихъ владѣній.

Такимъ образомъ, справедливость подобнаго сбора въ пользу города вполнѣ понятна и отчасти уже сознается обществомъ, и если могутъ быть какія-либо возраженія противъ болѣе широкаго, а слѣдовательно и болѣе справедливаго примѣненія его въ Москвѣ, то лишь со стороны неудобствъ при раскладкѣ его между отдѣльными лицами; но въ виду того, что въ Америкѣ сборъ этотъ установленъ уже давно, причемъ вполнѣ успѣшно обходятъ и всѣ затрудненія при распредѣленіи его, примѣненіе сбора «betterment» въ Москвѣ вполнѣ возможно и удобоисполнимо.

Разсматривая вторую группу работъ въ отношеніи возможности осуществленія ихъ на средства, полученныя отъ примѣненія принципа «betterment», весьма понятная осторожность, являющаяся слѣдствіемъ сложившихся уже взглядовъ, заставляетъ предположить, что нѣкоторыя изъ этихъ работъ, какъ составленіе плановъ регулированія и осуществленіе ихъ въ натурѣ, канализація для поверхностныхъ водъ, освѣщеніе города, постройка мостовъ и набережныхъ, регулированіе и расчистка русла р. Москвы и, наконецъ, устройство парковъ и бульваровъ могутъ быть исполнены только отчасти на средства «спеціальнаго обложенія». Выполненіе перечисленныхъ работъ, по всей вѣроятности, потребуетъ довольно значительныхъ затратъ и со стороны городского управленія, а потому изысканіе для этой послѣдней цѣли средствъ на поднятіе текущаго постояннаго бюджета настоятельно необходимо. Всѣ же остальныя работы, какъ-то: приведеніе въ благоустроенный видъ существующихъ пригородовъ, замощеніе проѣздовъ и устройство усовершенствованныхъ мостовыхъ, а также засыпку Водоотводнаго канала,—возможно будетъ осуществить почти цѣликомъ на средства, полученныя отъ «спеціальнаго обложенія». Такъ, наприм., при выполненіи послѣдней работы значительный районъ города, расположенный по берегамъ Водоотводнаго канала, будетъ приведенъ въ благоустроенный видъ, санитарное состояніе этой мѣстности, служащей очагомъ тифозныхъ и другихъ эпидемическихъ заболѣваній, поднимется, а вмѣстѣ съ тѣмъ сразу возрастетъ и цѣнность недвижимой собственности. Городъ долженъ будетъ затратить на это дѣло очень крупную сумму, и хотя тѣмъ самымъ онъ несомнѣнно улучшитъ свое общее санитарное состояніе и получитъ многія другія выгоды, но главные барыши отъ этого предпріятія достанутся на долю собственниковъ земель, расположенныхъ въ этой мѣстности, безъ всякой затраты съ ихъ стороны. Вполнѣ справедливо поэтому, чтобы то увеличеніе цѣнности частной земельной собственности, которое будетъ достигнуто указаннымъ улучшеніемъ съ затратою общественныхъ суммъ, и считалось общественною собственностью, а не раздаривалось совершенно слу-

чайнымъ лицамъ. Подобные подарки не имѣютъ оправданія съ моральной стороны и безусловно вредны въ общественной жизни.

Резюмируя все вышесказанное, слѣдуетъ придти къ заключенію, что гигантскій ростъ, торгово-промышленное развитіе и настоящее значеніе Москвы, какъ крупнаго центра для всей Россіи, вмѣстѣ съ невозможными до сего времени условіями жизни въ ней, заставляютъ не откладывать далѣе выполненіе намѣченныхъ здѣсь задачъ по наружному благоустройству города, давно уже сознанныхъ и такъ запоздавшихъ осуществленіемъ. Необходимо приложить всю энергію, чтобы наверстать потерянное время, дать обывателямъ тѣ удобства, которыми давно уже пользуются многіе другіе города меньшаго значенія, чѣмъ Москва, и не задержать правильнаго развитія города. Чѣмъ шире эти задачи будутъ поставлены и чѣмъ скорѣе онѣ будутъ выполнены, тѣмъ бо́льшихъ выгодъ можно ожидать отъ нихъ для жизни города и тѣмъ съ меньшими издержками для общества онѣ будутъ сопряжены. Самое широкое развитіе городской дѣятельности, полное устраненіе частныхъ лицъ и компаній отъ монопольныхъ предпріятій общественнаго характера, предоставленіе жителямъ всевозможныхъ удобствъ и средствъ къ созиданію здоровыхъ условій жизни и къ облегченію самыхъ разнообразныхъ процессовъ, совершающихся въ городѣ, но безъ взиманія при этомъ предпринимательской прибыли и, наконецъ, возможно справедливая раскладка городскихъ налоговъ—вотъ тѣ основные принципы, которыхъ въ настоящее время рекомендуютъ держаться въ области городской самодѣятельности. Для возможности осуществленія этихъ принциповъ долгосрочные займы и примѣненіе сбора «betterment» являются въ необходимыхъ случаяхъ могущественными средствами для многихъ городовъ и быстро выводятъ ихъ изъ жалкаго и почти безвыходнаго положенія на путь правильнаго развитія и прогресса.

Въ заключеніе остается пожелать, чтобы и Москва широко воспользовалась этими испытанными уже средствами и быстро достигла тѣхъ жизненныхъ удобствъ, въ которыхъ она такъ долго себѣ отказывала по недостатку средствъ и которыя въ настоящее время сдѣлались для нея такъ настоятельно необходимы.

М. Щекотовъ.

Вопросъ о сокращеніи вооруженій.

Современный милитаризмъ: его причины и послѣдствія.—Русскія сообщенія къ державамъ 12 августа и 30 декабря 1898 г. — Способы постепеннаго уменьшенія тягостей „вооруженнаго мира".

I.

Подъ милитаризмомъ слѣдуетъ разумѣть подчиненіе всѣхъ сторонъ и функцій государственной жизни цѣлямъ войны и, притомъ, не только въ военное, но и въ особенности въ мирное время. Въ наши дни это подчиненіе достигло такихъ размѣровъ, что всѣ иныя и при этомъ главнѣйшія функціи общественнаго организма являются парализованными и отсюда—общій застой и недовольство.

Милитаризмъ, въ указанномъ смыслѣ, есть продуктъ нашего XIX вѣка. Хотя и въ прежнія эпохи, въ древности и въ средніе вѣка, война считалась важнѣйшимъ и почетнѣйшимъ занятіемъ свободнаго человѣка и организація многихъ государствъ была чисто-военная (наприм. Спарты, Рима), но о милитаризмѣ въ современномъ смыслѣ слова тогда не могло быть и рѣчи. Тогда, при простотѣ военнаго дѣла, при отсутствіи нужды въ спеціальномъ обученіи солдатъ, при дешевизнѣ вооруженія и т. д., война не требовала сложныхъ и дорогихъ приготовленій въ мирное время. Съ другой стороны, самая культура обществъ стояла сравнительно на гораздо низшей ступени, множество потребностей еще не существовало или находилось лишь въ зародышѣ, а отъизвнѣ всюду грозили враги, которыхъ сдерживать и отражать могла только одна военная сила. Поэтому почетъ, который ей оказывался, и стремленіе всѣхъ способныхъ и лучшихъ людей къ военной славѣ, такъ затмевавшей собою всѣ иные роды славы и служеніе отечеству.

Все это нынѣ глубоко измѣнилось: чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе война теряетъ среди культурныхъ народовъ свой raison d'être, а поддерживаемый ради нея милитаризмъ представляется такимъ для всѣхъ бѣдствіемъ, что вопросъ о способахъ его ограниченія, если не устраненія, является дѣйствительно вопросомъ о томъ: «быть или не быть» для всей нашей цивилизаціи.

II.

Столь сложное явленіе, какъ милитаризмъ, не могло возникнуть вдругъ, но было подготовляемо цѣлымъ рядомъ событій и перемѣнъ, какъ въ

военномъ, такъ и въ политическомъ быту Европы. Сюда слѣдуетъ отнести: изобрѣтеніе пороха, введеніе постоянныхъ армій, а позднѣе общей воинской повинности, усовершенствованіе артиллеріи и вообще орудій и средствъ войны, образованіе въ Европѣ могущественныхъ военныхъ монархій, вступившихъ между собою въ смертельную вражду изъ-за преобладанія и расширенія своихъ владѣній и т. д. Но отцами милитаризма въ XIX в., въ строгомъ смыслѣ слова, должны быть признаны Наполеонъ I и кн. Бисмаркъ. Одинъ изъ нихъ, выйдя изъ французской революціи и укротивъ ее, обагрилъ всю Европу потоками крови, другой — кровью и желѣзомъ спаялъ единство Германіи и водворилъ въ центрѣ нашей части свѣта громадный военный лагерь, представляющій постоянную угрозу общему миру, особенно при затаенной враждѣ между нѣмцами и французами. Непрерывныя ихъ вооруженія заставляютъ и прочіе народы не отставать на этомъ скользкомъ и разорительномъ пути, и до чего дойдутъ они наконецъ всѣ?

Объ этомъ стоитъ подумать серьезно, пока еще не потеряно окончательно время.

Защитники существующаго порядка выдвигаютъ якобы оборонительный характеръ этихъ вооруженій: каждое правительство заявляетъ, что оно и не помышляетъ о нападеніи на сосѣдей, а озабочено-де только поддержаніемъ собственныхъ правъ и не хочетъ очутиться передъ ними въ положеніи слабѣйшаго.

Но для кого не очевиденъ весь софизмъ этихъ разсужденій? Если всѣ правительства одушевлены, какъ они утверждаютъ, любовью къ миру и заботою о самооборонѣ, то откуда же взяться нападателю? Не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что до сихъ поръ, къ сожалѣнію, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, питаютъ другъ противъ друга затаенные помыслы и стремленія къ преобладанію, которые не совмѣстимы ни съ правомъ, ни съ миромъ?

Весьма распространено воззрѣніе, что народы, любящіе свою независимость и безопасность, не должны жалѣть никакихъ расходовъ на свои военныя силы. На это мы, съ своей стороны, можемъ замѣтить, что они достигли уже теперь въ этомъ отношеніи по-истинѣ геркулесовыхъ столбовъ, далѣе которыхъ имъ идти некуда; и, во-вторыхъ, дѣлаемыя ими громадныя затраты на армію и флотъ совершенно не требуются, въ такихъ размѣрахъ, собственно ихъ внутреннею безопасностью. Внѣшнія же ихъ отношенія отъ этого только обостряются и ухудшаются вслѣдствіе рискованныхъ предпріятій, не вызванныхъ никакою серьезною потребностью. Благодаря современнымъ милліоннымъ арміямъ и улучшеніямъ въ военной техникѣ уже теперь фактически второстепенныя государства воевать не могутъ. Роскошь войны доступна только нѣкоторымъ могущественнѣйшимъ державамъ, которыя и держатъ въ своихъ рукахъ политическія судьбы міра. А между тѣмъ страшный кошмаръ милитаризма давитъ всѣхъ и отъ послѣдствій его никому не избѣжать, хотя и въ различные сроки.

Въ непомѣрныхъ военныхъ издержкахъ слѣдуетъ искать одинъ изъ

главныхъ источниковъ экономической неурядицы нашего времени: ежегодно, вмѣстѣ съ возрастаніемъ армій и съ умноженіемъ военно-техническихъ усовершенствованій, вводятся новые налоги, заключаются новые займы и, между тѣмъ не замѣтно, чтобы благосостояніе массъ росло,—напротивъ, иныя неотложныя потребности по народному образованію, здравію, благосостоянію и т. д. ждутъ годами удовлетворенія за недостаткомъ средствъ. Думаютъ громадными арміями охранять внутренній порядокъ въ странѣ, но опытъ показываетъ, что существованіе этихъ армій не мѣшаетъ (на Западѣ) распространенію самыхъ крайнихъ и разрушительныхъ ученій. Нѣтъ ли даже внутренней связи между этими, повидимому, столь между собою различными общественными явленіями, вслѣдствіе объединяющей ихъ и ими обусловленной экономической нужды?

Цифры всего краснорѣчивѣе подтверждаютъ безпрерывный ростъ милитаризма во вторую половину нашего вѣка. Къ началу 1887 года 17 государствъ Европы содержали на мирномъ положеніи 3.031,000 солдатъ и тратили на войско и флотъ немного менѣе 4 милліардовъ франковъ въ годъ, т.-е. почти четвертую часть всѣхъ своихъ доходовъ (достигавшихъ тогда 15.449.384,425 франк.). При мобилизаціи эти государства могутъ выставить 10 милліон. челов., содержаніе которыхъ потребуетъ въ годъ 13 милліардовъ франковъ.

Рядомъ съ этимъ интересно сравнить, въ какой пропорціи растутъ долги государствъ: еще въ 1866 г. они достигали капитальной суммы 66 милліардовъ и процентами 2 милліардовъ 438 милліон. Въ 1886 г. сумма долговъ возрастаетъ уже до 117 милліардовъ 112 милліон. франк., а проценты—до 5 милліард. 343 милліон. франк. Такимъ образомъ, въ эти двадцать лѣтъ сумма долговъ увеличилась на 80%, а самихъ процентовъ—болѣе чѣмъ на 100%. Въ такой ли прогрессіи возросли населеніе и его производительныя силы? *).

Передъ нами другія, болѣе новыя и еще болѣе краснорѣчивыя данныя: за послѣднюю четверть вѣка (1869—97 г.) мирный составъ вооруженныхъ силъ шести великихъ европейскихъ державъ увеличился слишкомъ на 40% и теперь подъ ружьемъ онѣ содержатъ постоянно около 3 милліон. людей. А именно:

	Въ 1869 г.	Въ 1897 г.
Италія	120,000 чел.	211,000 чел.
Великобританія.	180,000 »	223,000 »
Австро-Венгрія.	190,000 »	360,000 »
Германія	380,000 »	585,000 »
Франція.	404,000 »	593,000 »
Россія.	837,000 »	1.000,000 »
Всего . . .	2.111,000 чел.	2.972,000 чел.

*) Записка о разоруженіи, представленная *Ролэнъ-Жакменомъ* институту международнаго права на Гейдельбергскомъ съѣздѣ въ 1887 г. (*Annuaire de l'Institut de dr. int.* 9-ne année, 1888).

Слѣдовательно, во Франціи и Германіи на каждыхъ 20 мужчинъ рабочаго возраста (отъ 21 г. до 60 л.) одинъ находится въ рядахъ арміи; въ Австріи и Россіи—одинъ изъ каждыхъ 30.

Расходы шести великихъ державъ на содержаніе арміи и флота по бюджетамъ 1896—97 гг.:

Италія	139.000,000 р.
Австро-Венгрія	200.000,000 »
Германія.	320.000,000 »
Россія.	344.000,000 »
Франція	350.000,000 »
Великобританія. . . .	374.000,000 »

Во время же войны пять великихъ державъ (кромѣ Англіи) могутъ нынѣ выставить безъ малаго 18 милліон. солдатъ. Въ 1869 г. эти государства располагали на случай войны лишь $6^1/_2$ милліон. чел., такъ что вооруженныя ихъ силы возросли за послѣднія 30 лѣтъ на 185%.

А именно теперь могутъ выставить:

Италія.	2.211,000 чел.
Австрія	2.360,000 »
Франція	3.843,000 »
Германія.	4.085,000 »
Россія.	5.400,000 »

Средній ежедневный расходъ на содержаніе только сухопутныхъ силъ во время войны составитъ:

для Италіи.	5.898,000 р.
» Австріи	6.383,000 »
» Россіи.	8.368,000 »
» Франціи	9.408,000 »
» Германіи.	11.106,000 »

Слѣдовательно, каждая изъ этихъ великихъ державъ будетъ тратить примѣрно отъ 6—11 милліоновъ рублей въ день только на содержаніе своего войска *).

III.

Послѣдствія милитаризма самыя пагубныя въ политическомъ, экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Благодаря ему, въ политической сферѣ поддерживается стремленіе къ преобладанію одного народа надъ другимъ; заставляя государства постоянно готовиться къ войнѣ, онъ искусственно увеличиваетъ классъ людей, въ ней заинтересованныхъ, а чрезъ это онъ усиливаетъ возможность и вѣроятность войны. Прежняя аксіома:

*) *Гулевичъ*: „Война и народное хозяйство“. 1898 г.—*Бліохъ*: „Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ“. 1898 г.

«si vis pacem, para bellum»—превратилась въ софизмъ вслѣдствіе чрезмѣрности вооруженій, дѣлающихъ самый миръ призрачнымъ и крайне шаткимъ. Въ экономической области мы замѣчаемъ также неблаготворное дѣйствіе милитаризма: гоньба за рынками въ некультурныхъ странахъ, расширеніе колоніальныхъ владѣній, что отражается на антагонизмѣ народовъ Европы. Не безъ основанія указываютъ на тѣсную связь современнаго милитаризма съ капитализмомъ: въ силу его существуютъ громадныя оружейныя и пороховыя фабрики, въ которыя положены крупные капиталы и на которыхъ работаетъ значительное количество рабочихъ рукъ. Но такого рода оживленіе промышленности не можетъ быть названо здоровымъ и желательнымъ, если принять въ соображеніе, что оно мало оказываетъ вліянія на повышеніе заработной платы, ибо парализуется, съ другой стороны, обязательностію воинской повинности, которая, въ свою очередь, нерѣдко разоряетъ цѣлыя семьи и выбрасываетъ на рынокъ рабочія руки малолѣтнихъ. Вообще расходы на милитаризмъ несутъ главнымъ образомъ не тѣ классы населенія, которые получаютъ отъ него выгоды и отъ которыхъ обыкновенно зависитъ его существованіе. Не удивительно, поэтому, что милитаризмъ, поддерживаемый привилегированными сословіями, члены которыхъ имѣютъ возможность поступать на военную службу въ офицерскихъ чинахъ,—находитъ себѣ противника въ современной демократіи. Впрочемъ, даже Соединенные Штаты на нашихъ глазахъ не устояли противъ нѣкотораго его натиска, хотя можно надѣяться, что опьяненіе ихъ «военными лаврами» не будетъ продолжительно.

Милитаризмъ проявляетъ и извѣстную дозу своего вліянія на вырожденіе человѣческаго рода. Отрывая лучшую, въ физическомъ отношеніи, часть молодежи, въ лучшіе годы жизни, отъ брака, ставя ее, въ жизненной борьбѣ, въ худшія условія сравнительно съ частью населенія малорослаго, слабаго, уродливаго или больного, давая послѣдней части населенія большую чѣмъ первой, возможность передавать черты своей физической организаціи въ наслѣдство потомству,—милитаризмъ содѣйствуетъ ухудшенію человѣческой расы, пониженію средняго роста, развитію болѣзненности. На это послѣднее онъ вліяетъ еще и тѣмъ, что скучиваетъ массы народа въ тяжелыхъ условіяхъ казарменной обстановки и жизни, благопріятствующихъ развитію заразныхъ болѣзней, которыя потомъ разносятся солдатами и въ остальное населеніе Однимъ словомъ, въ настоящее время вліяніе милитаризма на человѣческую расу діаметрально противоположно вліянію на нее военнаго подбора въ болѣе раннюю эпоху, когда физически болѣе здоровые пользовались на войнѣ большими выгодами, чѣмъ физически слабые *).

Наконецъ, съ нравственной стороны милитаризмъ является однимъ изъ сильнѣйшихъ стимуловъ къ поддержанію среди народовъ взаимнаго недо-

*) Ст. *В. Водовозова*: „Милитаризмъ“ въ *Энцикл. Слов.* (Брокгауза и Эфрона). Т. XIX, стр. 293—295.

вѣрія и вражды, что мѣшаетъ имъ сговориться, наконецъ, какъ должно, насчетъ общаго и справедливаго для всѣхъ мира.

Но главнымъ зломъ милитаризма, какъ показываетъ опытъ, является его тенденція къ непрерывному и быстрому росту. Въ несчастной погонѣ правительствъ за тѣмъ, чтобы не отстать въ этой области другъ отъ друга, не предвидится конца и между тѣмъ лихорадочныя ихъ усилія напрягаются все вновь и вновь. Едва съ большими затратами проведено новое вооруженіе войска, построены дорогія морскія чудовища, какъ смотришь, кто-либо изъ сосѣдей насъ въ этомъ уже опередилъ, и снова приходится заботиться о перевооруженіяхъ, усиленныхъ военныхъ кредитахъ и т. д. Техническія изобрѣтенія и улучшенія, сообразно послѣднему слову науки, плохо хранятся въ тайнѣ и быстро становятся достояніемъ всѣхъ. Шпіонство, широко практикуемое нынѣ, помогаетъ раскрытію военныхъ и политическихъ тайнъ. Отсюда—еще большее общее недовѣріе и недовольство.

Предоставленный своему естественному ходу, милитаризмъ логически долженъ привести народы къ одному изъ двухъ бѣдствій, а вѣрнѣе—къ обоимъ вмѣстѣ, хотя и, быть можетъ, не въ одинъ и тотъ же моментъ всѣхъ: либо къ общему закрѣпощенію чрезъ войну или рядъ войнъ, либо къ общему разоренію и банкротству.

Къ войнѣ должно будетъ обратиться то государство, которое, не имѣя силъ болѣе продолжать эти вооруженія, предпочтетъ войну медленному кровоистеченію. Но при современномъ политическомъ раздѣленіи Европы на два большіе союза—тройственный и двойственный—война не будетъ единоборствомъ между двумя какими-либо противниками, а страшною коалиціонною борьбой, въ которую вовлекутся всѣ прочіе народы. Трудно даже представить себѣ бѣдствія, которыя отсюда возникнутъ. При громадности военныхъ силъ противниковъ и извѣстномъ даже ихъ равенствѣ *), весьма возможно, что побѣдителя не будетъ въ этой стихійной борьбѣ народовъ, а всѣ выйдутъ изъ нея разоренные и истощенные до послѣдней степени, или же побѣдитель, если таковой окажется, наложитъ на всю Европу цѣпи рабства несравненно худшія тѣхъ, которыя для нея ковалъ Наполеонъ Бонапартъ. При указанныхъ условіяхъ война,—говоритъ одинъ изъ ея новѣйшихъ изслѣдователей **),—превратилась бы въ катастрофу, какой еще не видалъ міръ; это было бы грандіозное самоубійство культурнаго человѣчества, немыслимое даже въ порывѣ безумія.

Но даже безъ войны вѣчныя приготовленія къ ней ведутъ современныя государства къ неизбѣжному и систематическому разоренію. Ихъ колоссальные долги, въ значительной степени вызванные этими приготовленіями, суть уже теперь расхищенія нами экономическаго благосостоянія на счетъ нашего потомства.

---

*) По даннымъ 1896 г. державы тройственнаго союза: Германія, Австро-Венгрія и Италія могутъ выставить 5.135,000 чел., а Франція и Россія—5.354,000.

**) Бліохъ, н. с.

Какъ же выйти изъ этого положенія? Очевидно, ни одно отдѣльное государство, какъ бы оно ни было могущественно и доброжелательно, тутъ ничего не подѣлаетъ, пока сосѣди кругомъ него не перестанутъ увеличивать свои вооруженія. Тутъ необходимо общее соглашеніе между правительствами, которое установило бы извѣстный планъ ихъ совмѣстнаго и постепеннаго разоруженія. Заслуга Россіи въ томъ и состоитъ, что она обратилась къ державамъ съ приглашеніемъ обсудить возможность выработки такого плана дружными ихъ усиліями. Это она сдѣлала, какъ извѣстно, въ двухъ циркулярныхъ сообщеніяхъ къ кабинетамъ, отъ 12 августа и 30 декабря 1898 г. *).

IV.

Предлагая созвать конференцію изъ делегатовъ правительствъ, имѣющихъ своихъ представителей въ Петербургѣ, русское правительство выставляетъ въ первомъ своемъ сообщеніи (12 августа), въ яркихъ чертахъ, весь духовный и матеріальный вредъ отъ непрерывнаго роста вооруженій и указываетъ на безплодіе до нынѣ преобладающаго въ политикѣ направленія къ образованію могущественныхъ союзовъ и увеличенію собственно военныхъ силъ. «Если бы такое положеніе продолжилось,—читаемъ мы въ этомъ циркулярѣ,—оно роковымъ образомъ привело бы къ тому бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и предъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка».

Поэтому «Императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благопріятно *для изысканія, путемъ международнаго обсужденія, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный и прочный миръ, и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій.* Таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ».

Заключая въ идеѣ цѣлую программу мира, нота 12 августа ни въ какія подробности не входитъ. Впечатлѣніе, ею произведенное на населенія, было громадное, какъ по ея неожиданности, такъ и по самому ея содержанію: она коснулась самаго больного мѣста въ нашей общественной жизни, давно взывающее къ его посильному обсужденію и врачеванію.

Не такъ отнеслись къ русскому приглашенію правительства: за обычными фразами дипломатической вѣжливости и уклончивости, кабинеты не скрыли нѣкоторой холодности и даже скептицизма къ дѣлу, которое якобы практическіе люди привыкли обзывать «мечтою», «утопіею» и т. д. Лишь государства второстепенныя, которыя не держатъ миръ въ своихъ рукахъ, отвѣчали съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Мало того, нѣкоторыя изъ великихъ державъ поспѣшили особенно демонстративно увеличить свои вооруже-

*) Оба эти документа напечатаны въ недавно вышедшемъ общедоступномъ сборникѣ *Миръ* (подъ ред. М. Л. Леонова. Москва, 1899 г.).

нія, усилить военный бюджетъ и заговорить въ дипломатическихъ своихъ канцеляріяхъ особенно задирающимъ языкомъ, пользуясь тѣмъ, что пока еще онѣ де имѣютъ свободныя руки (!).

Все это является какимъ-то рѣжущимъ диссонансомъ къ пресловутому оффиціальному миролюбію кабинетовъ. Поневолѣ скажешь: сколько словъ и какъ мало дѣла! Не оттого ли, что лицемѣріе царитъ на мѣстѣ добродѣтели?

Указанными печальными фактами наше правительство, однако, не смутилось: не предрѣшая работъ будущей, задуманной *мирной* конференціи, оно во второмъ сообщеніи (30 декабря) выставило *тѣ пункты*, которые, по его мнѣнію, могли бы послужить программою для занятій этой конференціи. Эти пункты сводятся къ слѣдующимъ пяти главнымъ рубрикамъ:

1. *Ограниченіе вооруженій.* Наше правительство тутъ предлагаетъ «соглашеніе, которое опредѣляло бы *на извѣстный срокъ сохраненіе настоящаго состава сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и бюджетовъ на военныя надобности*»; но затѣмъ оно рекомендуетъ «предварительное изученіе средствъ, при помощи коихъ могло бы въ будущемъ осуществиться даже *сокращеніе* означенныхъ военныхъ силъ и бюджетовъ».

2. *Смягченіе способовъ и орудій войны.* Путемъ кодификаціи тутъ имѣется въ виду продолженіе великаго дѣла *гуманизаціи войны* за невозможностью совершеннаго пока ея уничтоженія. Намѣчены слѣдующіе вопросы: а) запрещеніе вводить въ употребленіе въ арміяхъ и во флотѣ какое бы то ни было *новое огнестрѣльное оружіе и новыя взрывчатыя вещества*, а также *порохъ, болѣе сильно дѣйствующій* принятаго въ настоящее время какъ для ружейныхъ, такъ и для орудійныхъ снарядовъ.

б) Ограниченіе употребленія въ полевой войнѣ разрушительныхъ *взрывчатыхъ составовъ*, уже существующихъ, а также запрещеніе пользоваться *метательными снарядами* съ воздушныхъ шаровъ или инымъ подобнымъ способомъ.

в) Запрещеніе употреблять въ морскихъ войнахъ *подводныя миноносныя лодки*, или иныя орудія разрушенія того же свойства; обязательство не строить въ будущемъ *военныхъ судовъ съ таранами*.

г) Примѣненіе къ *морскимъ войнамъ постановленій Женевской конвенціи 1864 г.* на основаніи *дополнительныхъ* къ ней *постановленій 1868 г.*

д) Признаніе на такихъ же основаніяхъ *нейтральности судовъ и шлюпокъ*, коимъ будетъ поручаемо спасаніе утопающихъ во время или послѣ морскихъ сраженій.

е) *Пересмотръ декларации о законахъ и обычаяхъ войны*, выработанной въ 1874 г. на *конференціи въ Брюсселѣ* и до сего времени не ратифицированной.

3. *Улучшеніе мирныхъ способовъ окончанія споровъ между государствами* и въ особенности распространеніе *третейской юрисдикціи*. Имен-

но рекомендуется «принятіе начала примѣненія *добрыхъ услугъ, посредничества и добровольнаго третейскаго разбирательства* въ подходящихъ случаяхъ, съ цѣлью предотвращенія вооруженныхъ между государствами столкновеній; соглашеніе о способѣ примѣненія этихъ средствъ и установленіе *однообразной практики* въ ихъ употребленіи».

4. Вѣдѣнію конференціи не подлежатъ «*всѣ вопросы, касающіеся политическихъ соотношеній* государствъ и *существующаго на основаніи договоровъ порядка вещей*».

5. *Мѣстомъ* собранія конференціи, по мысли русскаго правительства, не должна быть «столица одной изъ великихъ державъ, гдѣ скрещиваются многосложные политическіе интересы, которые могли бы имѣть вліяніе на ходъ дѣла, въ одинаковой степени важнаго для всѣхъ странъ міра».

Изъ послѣдующихъ переговоровъ выяснилось, что конференція должна состояться въ *Гаагѣ* 6 (18) мая *).

V.

Приведетъ ли эта предполагаемая конференція къ какимъ-либо *практическимъ* результатамъ, или же все на ней ограничится,—что бываетъ нерѣдко,—лишь взаимнымъ обмѣномъ дипломатическихъ любезностей, добрыхъ пожеланій (ничего не стоющихъ) и т. п. Таковы вопросы, живо интересующіе теперь общественное мнѣніе.

Насчетъ успѣховъ гаагской конференціи въ печати сказываются три главныхъ теченія мысли: одни чуть не видятъ въ ней возведеніе зданія вѣчнаго мира. Это—утописты, которые свои желанія смѣшиваютъ съ печальными условіями дѣйствительности. Другіе, наоборотъ, отказываютъ ей въ какой бы то ни было возможности осуществить широкіе, поставленные ей планы. Такъ разсуждаютъ пессимисты, извѣрившіеся въ прогрессъ и, въ сущности, въ недалекомъ будущемъ крушенія всей нашей культуры. Третьи, наконецъ, сводятъ всю задачу конференціи къ скромному дѣлу нѣкоторой гуманизаціи войны, извѣстнаго ограниченія ея орудій и желали бы отъ гаагскаго собранія получить продолженіе неоконченныхъ работъ женевской (1864 г.) и брюссельской (1874 г.) конференцій. Это, конечно, входитъ въ рамки занятій ожидаемаго съѣзда, но не этимъ исчерпываются его задачи и даже не въ этомъ—главная и наиболѣе существенная часть возлагаемой на него работы.

Всѣ три мнѣнія намъ представляются односторонними и недостаточно обоснованными. Къ какимъ результатамъ на практикѣ придетъ конференція въ столицѣ Голландіи, покажетъ ближайшее будущее, но, на нашъ

*) По соглашенію съ Россіей, нидерландское правительство разослало приглашеніе на эту конференцію 6 апрѣля (н. ст.) ко всѣмъ (19) государствамъ Европы (въ томъ числѣ и Болгаріи) и кромѣ того: къ С. Штатамъ, Персіи, Японіи и Китаю съ оговоркою, что на конференціи всякая держава, какъ бы ни было велико число ея представителей, будетъ пользоваться только *однимъ* голосомъ.

взглядъ, вопросъ этотъ стоитъ въ зависимости отъ трехъ слѣдующихъ капитальныхъ условій.

Прежде и болѣе всего отъ *искренности самихъ правительствъ*: обезпечить ли миръ на самомъ дѣлѣ, т.-е. сдѣлать его возможно справедливымъ и прочнымъ, или удовольствоваться одними банальными воздыханіями и возгласами. Противъ всякаго уменьшенія морского бюджета и морскихъ силъ будетъ настойчиво ратовать Англія. Главнымъ очагомъ милитаризма на сушѣ выступаетъ нынѣ Германія. Вѣрная ея ученица, Турція, объявила, что будетъ во всемъ слѣдовать за нею въ Гаагѣ, тѣмъ болѣе, что Коранъ признаетъ войну «священною». (Зачѣмъ было и приглашать туда Турцію?) Франція сѣтуетъ нѣсколько на Россію за то, что она въ этомъ починѣ не снеслась предварительно съ нею, ея вѣрнѣйшимъ другомъ, и боится, съ другой стороны, отстать въ вооруженіяхъ отъ своей ненавистнѣйшей соперницы. По колоніальнымъ вопросамъ у нея постоянный антагонизмъ съ Англіей. Прочія страны мало вѣсятъ въ этомъ вопросѣ, и положеніе ихъ зависитъ отъ рѣшеній названныхъ державъ и Россіи.

Во-вторыхъ, важенъ вопросъ о *личномъ составѣ* мирной конференціи. Туда командируются представители дипломатіи, военнаго, морского вѣдомства и очень немногіе юристы (интернаціоналисты). Какъ бы ни были велики личныя и служебныя заслуги этихъ господъ, но надо помнить, что отъ дипломатовъ, по ихъ традиціямъ, воспитанію и дѣятельности, трудно ожидать смѣлой иниціативы, широкаго кругозора, глубокаго пониманія дѣйствительныхъ нуждъ современнаго общества. Ужъ очень упорно они смотрятъ на міръ чрезъ очки своихъ канцелярій и бумагъ! Военные и моряки склонны отстаивать спеціальную точку зрѣнія ввѣреннаго имъ дѣла и видѣть въ поддержаніи statu quo чуть ли не единственное средство противъ всѣхъ золъ современности. Юристы, какъ показываютъ писанія многихъ изъ нихъ по этому вопросу, выступаютъ поклонниками формализма и исключительнаго государственнаго суверенитета, вслѣдствіе чего имъ представляется самая идея задуманной реформы опасною и неосуществимою.

Поэтому, для выработки и для проведенія въ жизнь этой реформы нужны не столько тѣ или иные *спеціалисты*, сколько прежде всего *люди живые*, сознающіе необходимость задуманнаго преобразованія и вѣрящіе въ его осуществленіе и торжество. Безъ вѣры тутъ дѣла окажутся мертвыми.

Въ-третьихъ, очень много зависитъ отъ *программы*, которой будетъ держаться конференція въ своихъ занятіяхъ. Мы видѣли, что вопросъ о *разоруженіи* ей не поставленъ. Ей предложены (по сообщенію 30 декабря) вопросы троякаго рода: 1) обсужденіе способовъ извѣстнаго *ограниченія вооруженій* на основаніи *международнаго соглашенія* и на *опредѣленный срокъ*; 2) проведеніе *нѣкоторой границы истребительности войнъ на сушѣ и на морѣ* и 3) *усиленія дѣйствія мирныхъ способовъ рѣшенія* международныхъ распрей. Затѣмъ существующіе политическіе порядки

и предметы несогласія между народами, какъ они ни дѣлаютъ самый миръ шаткимъ и для многихъ тяжелымъ, совершенно отъ вѣдѣнія конференціи устранены. Относительно выставленной программы можно сдѣлать два серьезныхъ возраженія, на первый взглядъ другъ другу противорѣчащія, но имѣющія оба достаточное основаніе съ извѣстной точки зрѣнія. Она сложна особенно для начала и при трудности основной задачи. При всемъ томъ она не довольно полна. Природою ея задачи, наприм., требуется расширеніе принципа нейтрализаціи на нѣкоторыя страны и предметы. Данія давно объ этомъ хлопочетъ, но ея правительство и прочіе кабинеты уклоняются отъ исполненія столь естественнаго и законнаго желанія этого небольшого, доблестнаго народа. Долженъ быть признанъ, наконецъ, принципъ неприкосновенности частной собственности въ морской войнѣ; слѣдуетъ позаботиться объ установленіи нѣкоторой правильной международной организаціи съ обязательнымъ третейскимъ судомъ, періодическими конгрессами и конференціями и т. д. Особенно державамъ Европы пора, наконецъ, не поступаясь своею независимостью, соединиться въ одинъ великій *союзъ мира*, направленный къ тому, чтобы съ одной стороны, облегчить себѣ бремя милитаризма внутри нашей части свѣта, а съ другой стороны, путемъ, большого ихъ сплоченія и замиренія, возвысить и усилить свой авторитетъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ свѣта. Спорные между ними вопросы если не теперь, то позднѣе, должны быть разсмотрѣны и рѣшены въ духѣ справедливости и общаго блага и мира, иначе настоящее замиреніе никогда не наступитъ. Между этими вопросами на первомъ планѣ стоятъ эльзасскій и восточный, менѣе жгучъ колоніальный и о внѣ-европейскихъ владѣніяхъ. Эти и нѣкоторые другіе спорные пункты поддадутся тѣмъ скорѣйшему рѣшенію на практикѣ, чѣмъ болѣе сильныя водворятся между державами довѣріе и миролюбіе.

Выходъ изъ обоихъ указанныхъ возраженій противъ программы Гаагской конференціи заключается въ томъ, чтобъ ей былъ приданъ *не окончательный и рѣшающій характеръ*, а лишь *обсуждающій и подготовительный* въ цѣломъ рядѣ *подобныхъ* ей *конференцій*, имѣющихъ собираться въ извѣстные, не далекіе другъ отъ друга, сроки.

VI.

Одну несомнѣнную пользу принесъ уже починъ Россіи: благодаря ему жгучій вопросъ о вооруженіяхъ поставленъ на очередь, онъ успѣлъ уже вызвать цѣлую литературу и общественное вниманіе, видимо, имъ занято. Это въ практическомъ отношеніи не маловажный шагъ впередъ. Правда, въ массѣ появляющихся объ этомъ брошюръ, статей, замѣтокъ и т. п., многое поражаетъ незрѣлостью мысли, избыткомъ оптимизма, или, наоборотъ, пессимизма и вообще преобладаніемъ фантазіи и чувства надъ спокойными и серьезными научными доводами. Но это не должно насъ смущать: отчасти это понятно въ дѣлѣ столь новомъ и такъ жизненно затро-

гивающемъ каждаго изъ насъ; отчасти же слѣдуетъ помнить, что самыя заблужденія помогаютъ проясненію общественной мысли, разъ послѣдняя возбуждена и напряженно работаетъ въ извѣстномъ направленіи.

Многочисленные митинги собирались въ Англіи для выраженія сочувствія и благодарности царю за его починъ; особенно прославился своею неутомимостію въ этомъ отношеніи Стедъ, редакторъ журнала *Война противъ войны*. Одно время онъ носился даже съ мыслію объ устройствѣ международнаго крестоваго похода мира, для чего объѣхалъ столицы Европы. Депутаты отъ разныхъ народовъ должны были съѣхаться въ Петербургъ для выраженія Русскому Государю чувствъ, вызванныхъ въ нихъ нотою 12 августа. Также въ Германіи и другихъ странахъ многочисленныя собранія, особенно по почину друзей мира, привѣтствовали съ восторгомъ предложенія Россіи. Въ первыхъ рядахъ мы видимъ союзы и общества женщинъ. Въ послѣднемъ отношеніи не отстало и наше отечество: въ Петербургѣ возникъ недавно «Русскій женскій комитетъ для сношеній съ международной женской лигой мира», который между прочимъ предлагаетъ устроить 4 мая (въ день назначенный для всѣхъ женскихъ лигъ мира) торжественное собраніе, посвященное вопросу мира.

Этому оживленію не осталось чужда и серьезная литература. Скоро послѣ первой Русской ноты, въ журналѣ *Revue générale de droit international public*, издаваемомъ Пилье и Фошиль въ Парижѣ, явился рядъ отзывовъ о русскомъ предложеніи извѣстныхъ интернаціоналистовъ, членовъ и сотрудниковъ института международнаго права *). Тутъ мы видимъ представителей: Германіи (Штёркъ), Австро-Венгріи (Ламмашъ), Франціи (оба редактора, Деспанье Мериньякъ, Руаръ-дё-Каръ), Италіи (Бруза, Фіоре), Испаніи (Оливаръ), Швейцаріи (Дро) и Сербіи (Весничъ). Въ этихъ мнѣніяхъ преобладаетъ тонъ сдержанности и недоумѣнія. Вполнѣ отрицательно высказывается Штёркъ. Наиболѣе сочувствуютъ въ идеѣ итальянцы, но лучшимъ по краткости и дѣльности представляется мнѣніе Руаръ-дё-Каръ. Дро ратуетъ за расширеніе принципа нейтрализаціи; Весничъ хорошо выдвигаетъ интересы слабыхъ, отчасти еще порабощенныхъ народовъ и напоминаетъ, что по отношенію къ нимъ въ особенности миръ не мыслимъ безъ справедливости.

Въ цѣломъ это собраніе мыслей любопытно вдвойнѣ: въ нихъ отражаются, по одному изъ крупнѣйшихъ вопросовъ современной политики, національныя тенденціи и предубѣжденія ихъ авторовъ и онѣ въ значительной степени другъ друга восполняютъ и исправляютъ. Разборъ ихъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко, но, въ заключеніе, остановимся на мысляхъ какъ бы двухъ антиподовъ: Штёрка и Руаръ-дё-Кара.

Нѣмецкому писателю представляются государства замиренныя и ней-

*) La question du désarmement et la note du Tzar Nicolas II (*Revue* 1898, № 5, p. 687—743). Немного далѣе любопытная замѣтка: „La question d'Alsace-Lorraine est elle insoluble?

трализованныя какими-то искусственными, нежизнеспособными созданіями. Европа, замиренная и разоруженная, предполагаетъ существованіе какой-либо внѣ ея стоящей державы, которая гарантировала бы ей это положеніе. Такими державами могутъ быть только три: Англія, Россія и Турція (!?) Европейскіе государства еще слишкомъ слабо между собою связаны матеріально и духовно, для разоруженія. Невозможно найти критерій для проведенія этой реформы даже въ частичной формѣ. Особенно труденъ былъ бы контроль за нею: это сильно развило бы шпіонство, и безъ того уже процвѣтающее. Государства неограниченныя всегда могутъ увеличивать свои вооруженія тайно. Къ военнымъ силамъ относятся не одни войска и крѣпости, а и желѣзныя дороги, денежные фонды, кредитъ и многое другое. Милитаризмъ—не источникъ экономическаго бѣдствія нашего времени, а одинъ лишь изъ его симптомовъ. Зло лежитъ гораздо глубже и никто не въ состояніи его излѣчить. Словомъ, non liquet!

Много въ этой аргументаціи искусственнаго и натянутаго: мѣстами авторъ намѣренно сгущаетъ краски, мѣстами же не договариваетъ свои мысли. Нельзя ему не противопоставить мнѣнія Пиллье и Фошилля о томъ, что съ успѣхами международной жизни усиливается общеніе среди культурныхъ народовъ, независимость ихъ (суверенитетъ) въ интересахъ всѣхъ фактически умаляется и силою вещей мы поставлены нынѣ передъ грозною дилеммою: или разоруженіе, или погибель!

Гораздо ближе къ истинѣ чѣмъ Штёркъ, подходитъ Руаръ-дё-Каръ. Существующіе между европейскими государствами пункты разногласія (Египетъ, Марокко, Китай) поддаются всѣ мирному и справедливому рѣшенію. Исключеніе, повидимому, составляетъ вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи. Для рѣшенія его авторъ рекомендуетъ плебисцитъ подъ контролемъ международной коммиссіи. Разоруженіе простирается какъ на сухопутныя, такъ и морскія силы; государства соглашаются привести ихъ къ пятой или шестой долѣ ихъ теперешняго контингента; резервныя войска уничтожаются. Постоянная международная коммиссія наблюдаетъ за примѣненіемъ этого соглашенія; она можетъ, въ случаѣ нужды, принимать и мѣры принудительныя. Правительства вознаграждаютъ пенсіями лицъ, которыя пострадали бы отъ этой реформы, а свободному, вслѣдствіе ея, избытку населенія предлагаетъ искать себѣ заработка въ колоніяхъ.

Между крайними воззрѣніями нѣмецкаго и французскаго писателей лежитъ истина: *ограниченіе* вооруженій, какъ предложила это Россія, возможно и необходимо, если будетъ осуществляться государствами одновременно, совмѣстно, постепенно и вполнѣ искренно.

Гр. Л. Камаровскій.

Отношенія А. С. Пушкина къ Москвѣ.

26 мая 1899 года исполняется 100 лѣтъ со дня рожденія А. С. Пушкина. Великій поэтъ не былъ московскимъ поэтомъ, но москвичомъ его до нѣкоторой степени можно назвать; впрочемъ, Москва, Петербургъ, Одесса, Кишиневъ и Екатеринославъ, а далѣе и всѣ остальные города, въ которыхъ онъ былъ и въ которыхъ не былъ, въ одинаковой мѣрѣ вправѣ говорить о Пушкинѣ, какъ о своемъ, потому что для всѣхъ онъ одинаково близокъ, всѣмъ одинаково дорогъ, всѣми одинаково считается національнымъ. Пародируя слова Пушкина же, о немъ вполнѣ естественно сказать:

Какъ много въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

Много отозвалось и слилось въ звукѣ *Пушкинъ* именно для всякаго русскаго сердца, и тотъ или иной городъ тутъ не причемъ. Какъ бы то ни было, однако, къ Москвѣ Пушкинъ имѣлъ отношенія въ теченіе всей своей жизни. Въ Москвѣ онъ родился, въ Москвѣ пріютился на первое время послѣ 6-лѣтняго изгнанія изъ столицы, въ Москвѣ былъ избранъ въ члены Общества любителей русской словесности, въ Москвѣ женился и съ 26 года по 37, т.-е. до самой смерти, чуть ли не ежегодно посѣщалъ Москву на болѣе или менѣе продолжительное время. Такимъ образомъ, Москва не могла не вліять на Пушкина, не могъ какъ-нибудь не воздѣйствовать и онъ на нее, и вопросъ, что Пушкинъ взялъ изъ Москвы себѣ и что далъ другимъ, представляется довольно интереснымъ. Этотъ вопросъ и попробуемъ рѣшить черезъ сто лѣтъ послѣ рожденія Пушкина, какъ сказано, въ Москвѣ же.

I.

Для рѣшенія поставленнаго вопроса прежде всего необходимо дать себѣ отчетъ, какъ смотрѣлъ Пушкинъ на Москву самъ. Въ этомъ отношеніи придется остановиться на заключеніи, что мнѣніе его о Москвѣ какъ бы двоилось. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ нѣкоторыя относящіяся сюда мѣста изъ

его сочиненій и писемъ, наиболѣе, на нашъ взглядъ, характерныя. Въ декабрѣ 1831 года въ письмѣ къ женѣ Пушкинъ выражается о Москвѣ очень ясно: «Не люблю я твоей Москвы *). Въ томъ же 1831 г., только въ январѣ, онъ пишетъ кн. Вяземскому не менѣе опредѣленно: «Я не люблю московской жизни. Здѣсь живи не какъ хочешь—какъ тетки хотятъ... То ли дѣло въ Петербургѣ! Заживу себѣ мѣщаниномъ, припѣваючи, независимо и не думая о томъ, что скажетъ Марья Алексѣевна» **). Осенью 1833 г. поэтъ говоритъ въ письмѣ къ женѣ же изъ Москвы: «Скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва» ***). Таковъ одинъ рядъ отзывовъ Пушкина о Москвѣ, но, кромѣ нихъ, онъ даетъ и совершенно другіе. Въ одной изъ полемическихъ статей своихъ, въ отвѣтъ на рѣзкую выходку Булгарина и Греча относительно Москвы, Пушкинъ высказываетъ такое мнѣніе о столицѣ: «Москва донынѣ центръ нашего просвѣщенія; въ Москвѣ родились и воспитались, по большей части, писатели коренные русскіе, не выходцы, не переметчики, для коихъ ubi bene—ibi patria, для коихъ все равно, бѣгать ли имъ подъ орломъ французскимъ, или русскимъ языкомъ позорить все русское—были бы только сыты» ****). Почти такія же мысли Пушкинъ повторяетъ, расширяя ихъ во II главѣ своихъ «Мыслей на дорогѣ», которую посвящаетъ Москвѣ. Великій поэтъ такъ заявляетъ тамъ о древнепрестольномъ городѣ: «Просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ по предначертанію Ломоносова. Московская словесность выше петербургской. Литераторы петербургскіе по большей части не литераторы, но предпріимчивые откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты, неоспоримо, на сторонѣ Москвы» *****).

Итакъ, Пушкинъ столько же бранитъ Москву, сколько и хвалитъ ее: бранитъ за теченіе, характеръ и обиходъ всей жизни, хвалитъ за просвѣщеніе, любовь къ наукѣ, искусству и литературѣ. Кромѣ приведенныхъ доказательствъ этого, въ произведеніяхъ Пушкина нашлись бы, конечно, и другія; но на нихъ не стоитъ останавливаться, такъ какъ и безъ того взглядъ поэта на Москву вполнѣ ясенъ. Очевидно, Москва для него городъ традицій и преданій во всей силѣ этого выраженія. Такимъ образомъ, если среди традицій различаются пошлыя и ничтожныя, т.-е. такія, которыя давно уже отжили свое и которымъ пора бы ужъ быть сданными въ архивъ, а съ другой стороны—традиціи завѣтовъ, которыми люди дорожатъ десятками и даже сотнями лѣтъ, то Пушкинъ находитъ въ Москвѣ и тѣ и другія. Невозможность жить въ столицѣ, по выраженію Пушкина, «независимо, мѣщаниномъ» и необходимость вести себя согласно желаніямъ «тётокъ» указываютъ на традиціи 1-го сорта, признаніе же за Москвой любви

*) „Сочиненія А. С. Пушкина", въ изданіи В. Н. Маракуева, 1887 года, т. X, стр. 95.

**) „Сочиненія А. С. Пушкина", т. X, стр. 52.

***) „Сочиненія А. С. Пушкина," т. X, стр. 123.

****) „Сочиненія А. С. Пушкина", т. VII, стр. 183.

*****) „Сочиненія А. С. Пушкина", т. VII, стр. 234.

къ учености и искусству, равно какъ и воззрѣніе на Москву, какъ на городъ «коренныхъ русскихъ писателей», имѣютъ въ виду традиціи 2-го сорта.

Само собою разумѣется, что выводы Пушкина о древней столицѣ основаны на фактахъ, и немногія біографическія справки могутъ вполнѣ убѣдить въ этомъ. По свойствамъ своей натуры и по положенію въ обществѣ, поэтъ постоянно пріобрѣталъ новыя знакомства и вращался въ разнообразныхъ кружкахъ. И вотъ, когда онъ попадалъ въ Москву, онъ почти всюду встрѣчался съ грибоѣдовскимъ изображеніемъ ея: не даромъ въ одномъ изъ вышеприведенныхъ писемъ онъ, какъ мы видѣли, вспоминаетъ грибоѣдовскую же Марью Алексѣевну. Вездѣ ему приходилось слышать сплетни и наблюдать никому не нужныя условности и устарѣлые обычаи. Барство, около котораго часто бывалъ поэтъ, было въ полномъ рабствѣ у всевозможныхъ предразсудковъ. Даже въ такомъ семействѣ, каково семейство Ушаковыхъ, гдѣ Пушкинъ, повидимому, чувствовалъ себя совершенно хорошо, онъ постоянно сталкивался именно съ традиціями *). Во всякомъ случаѣ, если поэтъ могъ держаться просто и искренне съ дѣвицами Ушаковыми, то только потому, что на него въ семьѣ ихъ «никогда не смотрѣли, какъ на подходящаго, желаннаго жениха» **). Но этого мало: жизнь семьи Гончаровыхъ, къ которой принадлежала невѣста Пушкина, была полна «преданій старины глубокой». Вотъ, напримѣръ, какъ воспитывались дѣвицы Гончаровы. Имъ всячески и на разные лады внушалось, что въ ихъ лѣта «нельзя имѣть свое сужденіе имѣть». Съ посѣтителями они «никогда не пускались ни въ какія разсужденія, а когда заговорятъ старшіе, молчали и слушали, считая высказываемыя этими старшими мнѣнія непреложными истинами». Вставали дѣвицы Гончаровы «едва ли не съ восходомъ солнца», ложились же спать «даже если у родителей случались гости, не позже десяти часовъ вечера. Что касается до чтенія книгъ, то «книги съ мало-мальски романическимъ пошибомъ вовсе исключались изъ воспитательной программы», а потому «большая часть произведеній мужа Натальи Николаевны Гончаровой оставалась для его суженой неизвѣстной» ***).

Такія и подобныя данныя, конечно, должны были приводить великаго поэта къ его сужденію о Москвѣ, какъ о городѣ традиціонныхъ понятій, вкусовъ и обычаевъ,—другими словами сказать, къ первой половинѣ его мнѣнія о Москвѣ; однако, для второй половины этого мнѣнія существуютъ свои основанія столь же фактическаго свойства.

Когда Пушкинъ говорилъ, что со времени Ломоносова въ Москвѣ не переводились люди просвѣщенія и любви къ просвѣщенію, онъ прежде всего долженъ былъ принимать во вниманіе свои дѣтскіе годы. Еще до поступленія въ Лицей у своего отца въ Москвѣ онъ встрѣчалъ членовъ

*) *Русское Обозрѣніе* 1895 г., № 9: „Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ“, *А. Майкова*.

**) *Русское Обозрѣніе* 1895 г., № 9, стр. 23.

***) „Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ“, *Л. Павлищева*, стр. 210.

«того блестящаго литературнаго круга, который въ началѣ столѣтія образовался тамъ около Карамзина» *), и къ которому принадлежали самъ Карамзинъ, Жуковскій, А. Тургеневъ, И. И. Дмитріевъ и другіе. Вторымъ подтвержденіемъ для Пушкина любви Москвы къ искусству, талантамъ и просвѣщенію была встрѣча его въ столицѣ послѣ того, какъ онъ вызванъ былъ изъ ссылки въ Москву въ 1826 году. «По словамъ моей матери,—сообщаетъ Киселевъ,—впечатлѣніе, произведенное на публику появленіемъ Пушкина въ московскомъ театрѣ послѣ возвращенія изъ ссылки можетъ сравниться только съ волненіемъ толпы въ залѣ Дворянскаго собранія, когда вошелъ въ нее Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, только что оставившій кавказскую армію. Мгновенно разнеслась по залѣ вѣсть, что Пушкинъ въ театрѣ; имя его повторялось въ какомъ-то общемъ гулѣ; всѣ лица, всѣ бинокли обращены были на одного человѣка, стоявшаго между рядами и окруженнаго густою толпой» **). Очевидно, такую встрѣчу могъ оказать поэту только городъ, умѣющій цѣнить таланты и дарованія. Впрочемъ, можетъ быть, этой встрѣчи было бы все-таки недостаточно, чтобы Пушкинъ удостовѣрился въ просвѣщенномъ настроеніи Москвы, но тотъ же 1826 годъ доставилъ ему еще новый матеріалъ для заключеній. Очень скоро послѣ водворенія своего въ столицѣ онъ сошелся съ кружкомъ лицъ, у которыхъ, по выраженію князя Одоевскаго, одного изъ членовъ этого кружка, «сохранялся секретъ никогда не старѣться», такъ какъ они обладали «умомъ, сердцемъ и образованностью» ***). Это были Веневитиновъ, Шевыревъ, Погодинъ, братья Кирѣевскіе, Хомяковы и пр., которыхъ Пушкинъ цѣнилъ въ большей или меньшей степени во всю свою жизнь и съ которыми во всю же жизнь поддерживалъ дружескія сношенія. Этотъ кружокъ молодыхъ людей искалъ въ наукѣ и въ «строгихъ» занятіяхъ удовлетворенія своему благородному стремленію къ идеалу и добру. Здѣсь кстати будетъ указать, что о Шевыревѣ, Кирѣевскомъ и Погодинѣ Пушкинъ отозвался въ цитированныхъ уже выше «Мысляхъ на дорогѣ», какъ о писателяхъ «написавшихъ нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать наряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews» ****), а о безвременно скончавшемся Веневитиновѣ онъ нѣсколько разъ говорилъ друзьямъ покойнаго: «Какъ вы допустили его умереть» *****). Весь кружокъ Веневитинова собирался довольно долго «въ гостепріимномъ домѣ Елагиныхъ и Кирѣевскихъ у Красныхъ воротъ» ******), а въ то же время на Тверской въ домѣ княгини Зинаиды Александровны Волконской нашли себѣ пріютъ,

---

*) „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху", *П. Анненкова*, стр. 16.

**) *Русское Обозрѣніе*, 1895 г., № 9, стр. 11.

***) „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія", *В. Пятковскаго*. Ч. I, стр. 265.

****) „Сочиненія А. С. Пушкина", т. VII, стр. 234.

*****) „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія", *В. Пятковскаго*. Ч. I, стр. 327.

******) „Жизнь и труды М. П. Погодина", *Ник. Барсукова*, кн. 4-я, стр. 37.

кромѣ кружка Веневитинова, и другіе друзья науки и искусства. Салонъ княгини весьма скоро сталъ центромъ умственнаго и литературнаго движенія въ Москвѣ, сплотившимъ самые разнообразные элементы *). Въ домѣ княгини часто бывали домашніе спектакли, извѣстный музыкантъ Геништа посвящалъ ей свои романсы, она украшала свой домъ оригиналами и копіями знаменитѣйшихъ произведеній живописи и ваянія, раскрашивала комнаты своего дома фресками въ стилѣ различныхъ эпохъ и устраивала литературныя забавы. Начало такимъ забавамъ было положено, по разсказу А. И. Кошелева, 10-ю лицами, скучающими на службѣ въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, при чемъ въ число этихъ лицъ входили тѣ же Веневитиновъ, Кошелевъ и проч. Между прочимъ они выдумали сочинять сказки такъ, чтобы каждая изъ нихъ писалась всѣми 10-ю. Для этого никому изъ участвующихъ не позволялось писать болѣе двухъ страницъ и запрещалось разсказывать свой планъ для продолженія. Иной разъ сказки выходили чрезвычайно забавными, и собравшіеся, во главѣ съ самою княгиней, весело проводили время **). Когда въ 1826 г. Пушкинъ появился въ Москвѣ, онъ попалъ, при помощи Веневитинова и Соболевскаго, въ домъ кн. Волконской и, кромѣ различныхъ художниковъ, поэтовъ, ученыхъ и литераторовъ, встрѣчался здѣсь и съ Мицкевичемъ. Здѣсь же возникла первая мысль объ изданіи альманаха *Денница*. Альманахъ этотъ, въ который вошли сочиненія Пушкина, кн. З. А. Волконской и многихъ литературныхъ силъ, былъ изданъ пріятелемъ Погодина, Максимовичемъ, въ 1830 году ***).

Такимъ образомъ, всѣ перечисленные факты заставляютъ думать, что Пушкинъ имѣлъ основанія, когда говорилъ, что на сторонѣ Москвы, «ученость, любовь къ искусству и таланты», имѣлъ основанія и тогда, когда выражалъ свое нерасположеніе къ московской жизни, которая идетъ, «какъ хотятъ тетки».

II.

Жизнь, «какъ хотятъ тетки» или «Марья Алексѣевна», возбуждала къ себѣ нерасположеніе Пушкина, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ стоялъ въ сторонѣ отъ этой жизни. Совершенно напротивъ. Не говоря уже о 1826 годѣ, когда, послѣ шести лѣтъ скитаній и уединенія въ Михайловскомъ, Пушкину весьма естественно было отдаться обаянію столичной жизни со всѣми ея балами, долгими вечерами, обѣдами, прогулками въ компаніи, посѣщеніями знакомыхъ и проч., и проч., онъ и впослѣдствіи ведетъ въ Москвѣ крайне разсѣянный образъ жизни, на всемъ останавливается съ интересомъ и во всемъ принимаетъ участіе. Жадный на разнообразныя впечатлѣнія, приключенія и происшествія и крайне подвижной, великій

*) *Историческій Вѣстникъ* 1897 г., мартъ, стр. 957.

**) *Русскій Архивъ* 1885 г., т. I, стр. 114.

***) „Жизнь и труды М. П. Погодина", *Ник. Барсукова*, кн. 3, стр. 49.

поэтъ на нѣкоторое время словно закрываетъ глаза на утомительную докуку традиціонныхъ московскихъ отношеній, ихъ фальшь и неестественность и не даетъ себѣ отдыху, всюду появляясь и всѣмъ увлекаясь. Это лучше всего обнаруживается изъ его переписки съ разными лицами и главнымъ образомъ съ женой. Однако въ періоды его пребыванія въ Москвѣ его хватаетъ не надолго. Только три мѣсяца проводитъ онъ въ 1826 году въ Москвѣ, и его уже тянетъ въ Михайловское, откуда 9 ноября онъ пишетъ кн. Вяземскому: «Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе...» Болѣе того: въ своемъ, такъ сказать, прозрѣніи онъ идетъ дальше и около этого же времени въ заключеніи VI главы *Евгенія Онѣгина* не можетъ не выразить очень опредѣленныхъ мыслей, весьма нелестно характеризующихъ Москву. Онъ обращается здѣсь къ своему вдохновенію со словами:

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай *остыть душѣ поэта,*
Ожесточиться, очерстѣть
И, наконецъ, *окаменѣть*
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,
Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья *).

Послѣ такой безпощадной оцѣнки «мертвящаго упоенія свѣта», скуки, суеты и пустоты московской жизни становится понятнымъ, почему и въ письмѣ къ женѣ много позднѣе Пушкинъ говоритъ: «Скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва». Значительная часть VII главы *Евгенія Онѣгина* посвящена Москвѣ какъ разъ съ этихъ сторонъ. Здѣсь, между прочимъ, встрѣчается такая картинка по поводу бабушекъ, къ которымъ возятъ Татьяну въ Москвѣ:

Но въ нихъ не видно перемѣны;
Все въ нихъ на старый образецъ:

*) *Евгеній Онѣгинъ*, гл. VI, строфы XLVI и XLVII.

У тетушки княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все также лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семенъ Петровичъ также скупъ,
У Пелагеи Николавны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,
И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ;
А онъ всѣ клуба членъ исправный,
Все также смиренъ, также глухъ,
И также ѣстъ и пьетъ за двухъ *).

Тутъ отъ самаго перваго слова вплоть до самаго послѣдняго собраны яркія черточки именно грибоѣдовской Москвы; здѣсь на-лицо всѣ ея атрибуты: и бѣлила Лукерьи Петровны, и другъ Пелагеи Николаевны, мосье Финмушъ, и непремѣнный шпицъ, и мужъ, какъ исправный членъ клуба, и проч., и проч. А вотъ и описаніе общаго разговора въ гостиной, въ который желаетъ вслушаться Татьяна:

...Всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ;
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой! **).

Опять «скучная, пустая и бѣдная» грибоѣдовская Москва. Далѣе идетъ изображеніе бала въ Собраніи съ «обширнымъ полукругомъ невѣстъ», «съ записными франтами, кажущими свое нахальство, свой жилетъ и невнимательный лорнетъ», «съ гусарами, явившимися прогремѣть, блеснуть, плѣнить и улетѣть» ***). На этомъ балу тетушки не дремлютъ; каждая шепнула Татьянѣ: «взгляни налѣво поскорѣй». Татьяна взглянула, задала въ недоумѣніи вопросъ: «кто? толстый этотъ генералъ?» ****),—но все-таки, по желанію тетушекъ, вышла замужъ за этого толстаго генерала.

Всю эту живую московскую дѣйствительность Пушкинъ подсмотрѣлъ и подслушалъ во время своихъ посѣщеній столицы, и эта послѣдняя обрисована какъ нельзя болѣе выразительно. Итакъ, первое, что поэтъ взялъ изъ Москвы — это изображеніе ея патріархальной и полной отжившихъ традицій жизни, которая такъ не нравилась поэту, но которую онъ понималъ такъ прекрасно.

*) *Евгеній Онѣгинъ*, гл. VII, строфа XLV.
**) *Евгеній Онѣгинъ*, гл. VII, строфа XLVIII.
***) *Евгеній Онѣгинъ*, гл. VII, строфа LI.
****) *Евгеній Онѣгинъ*, гл. VII, строфы LIV и LV.

III.

Пушкинъ готовъ убѣжать отъ «бѣдной» Москвы, хотя и не въ силахъ подчасъ устоять противъ ея соблазновъ, но Москва богата коренными русскими писателями, ученостью, любовью къ искусству и талантами, а все это настолько драгоцѣнно для Пушкина, что ему немыслимо пренебрегать Москвой. Слишкомъ тѣсно былъ связанъ онъ съ русскимъ просвѣщеніемъ, слишкомъ долго и упорно думалъ съ раннихъ лѣтъ о судьбахъ русской литературы. Въ результатѣ московской жизнью онъ воспользовался, какъ матеріаломъ для поэтическаго творчества, московской же любовью къ просвѣщенію и ученостью — какъ орудіемъ для распространенія въ обществѣ серьезной, честной и содержательной литературы,—распространенія, которое было органической потребностью Пушкина. Если такое заключеніе вѣрно,—а что оно имѣетъ основанія быть вѣрнымъ, выяснится изъ дальнѣйшаго,—то становится интереснымъ, въ какомъ же видѣ поэтъ извлекъ пользу изъ московскихъ просвѣщенныхъ людей для своихъ цѣлей.

До появленія Пушкина въ Москвѣ, здѣсь существовало нѣсколько журналовъ, и отъ поры до времени Пушкинъ пользовался услугами этихъ журналовъ. Такъ, въ *Московскомъ Телеграфѣ* были помѣщены двѣ его эпиграммы, отрывокъ изъ *Цыганъ*, стихотворенія *Телега жизни*, *Въ альбомъ*, *Элегія*, а въ *Вѣстникѣ Европы* напечатаны другія эпиграммы *). Тѣмъ не менѣе, внимательно приглядываясь къ дѣятельности названныхъ журналовъ, а равно и журналовъ и газетъ петербургскихъ, вродѣ *Сына Отечества* Греча и *Сѣверной Пчелы* Греча и Булгарина, Пушкинъ пришелъ къ заключенію, что всѣмъ имъ не чужды или безграмотность и непросвѣщенность, или торгашество и недобросовѣстность. Онъ задумался надъ этимъ. Когда, по пріѣздѣ въ Москву, онъ сблизился съ кружкомъ Веневитинова и, при своей наблюдательности, сумѣлъ понять, что кружокъ составляютъ люди съ честнымъ образомъ мыслей, когда, далѣе, онъ сумѣлъ угадать въ этихъ людяхъ «умъ, даровитость и въ особенности искреннюю, безкорыстную преданность интересамъ литературы» **), тогда, при первомъ же возникновеніи среди нихъ мысли объ изданіи журнала, онъ всячески поддерживалъ эту мысль, настаивалъ на приведеніи ея въ исполненіе и рекомендовалъ приниматься за предпріятіе скорѣе. Съ 1827 года, подъ редакторствомъ М. П. Погодина, началъ свое существованіе *Московскій Вѣстникъ*, и Пушкинъ былъ очень доволенъ: теперь «ученость, любовь къ искусству и таланты», издавна сохранявшіеся, по его словамъ, въ Москвѣ, будутъ вліять въ добрую сторону на русскую литературу и русское читающее общество. Во всякомъ случаѣ, основаніе *Московскаго Вѣстника* слѣдуетъ считать хотя до нѣкоторой степени личнымъ дѣломъ Пушкина.

Тутъ, однако, требуются нѣкоторыя оговорки. Многіе изъ изслѣдова-

*) *П. В. Анненковъ*: „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина“, стр. 176.
**) *Л. Майковъ*: „Историко-литературные очерки“, стр. 171.

телей жизни и дѣятельности Пушкина смотрятъ довольно странно на участіе поэта въ московской журналистикѣ и на отношеніе его къ журналу *Московскій Телеграфъ*, съ которымъ, повидимому, у него были нѣкоторое время тѣсныя связи. Прежде всего здѣсь заслуживаетъ вниманія Анненковъ. Онъ утверждаетъ, что Пушкинъ во всю жизнь не могъ привыкнуть къ «новому порядку вещей» въ журналистикѣ, который олицетворилъ собою *Московскій Телеграфъ*, ставшій «открытою ареной для всѣхъ писателей» «съ самыми различными мнѣніями объ искусствѣ». По словамъ Анненкова, Пушкинъ стоялъ за малый «избранный кругъ писателей» въ журналѣ, «уже облеченныхъ уваженіемъ публики» *), а въ общемъ знаменитый біографъ поэта видитъ въ немъ сторонника неподвижности и рутины. Таково первое изъ неожиданныхъ мнѣній объ отношеніяхъ Пушкина къ московской журналистикѣ, представителями же другихъ двухъ являются гг. Кс. Полевой и Л. Майковъ. Кс. Полевой, братъ Н. А. Полевого, издателя *Московскаго Телеграфа*, довольно подробно распространяется на этотъ счетъ въ своихъ *Запискахъ*. «Не невозможно, — пишетъ онъ, — что Пушкинъ, несмотря на свои ребяческія, смѣшныя мнѣнія объ аристократствѣ, простилъ бы моему брату званіе купца, если бы тотъ явился передъ нимъ смиреннымъ поклонникомъ. Но когда издатель *Московскаго Телеграфа* протянулъ къ нему руку свою, какъ родной, онъ хотѣлъ показать ему, что такое сближеніе невозможно между потомкомъ бояръ Пушкиныхъ и между смиреннымъ гражданиномъ. Пушкинъ признавалъ своимъ собратомъ самаго ничтожнаго барича и оскорблялся, когда въ обществѣ встрѣчали его какъ писателя, а не аристократа... Такой образъ мыслей, — повѣствуетъ далѣе Кс. Полевой, — мѣшалъ Пушкину въ сближеніи его съ Н. А. Полевымъ и естественно заставилъ его легко согласиться на предложеніе безвѣстныхъ молодыхъ людей, которые просили его быть не столько сотрудникомъ, сколько покровителемъ предпринимаемаго ими журнала. И онъ, и они разсчитывали на вѣрный успѣхъ отъ одного имени Пушкина, которому все остальное должно было служить только рамою. Пушкину было очень кстати получать большую плату за свои стихотворенія, печатанныя въ журналѣ, покорномъ ему во всѣхъ отношеніяхъ, и въ этой-то надеждѣ онъ имѣлъ новую причину отдалиться отъ *Московскаго Телеграфа*, который не платилъ и не предлагалъ ему ничего за его сотрудничество, потому что до 1825 года такъ поступали всѣ журналисты» **). Такимъ образомъ, по объясненію Кс. Полевого, выходитъ, что Пушкинымъ, при основаніи *Московскаго Вѣстника*, руководили эгоистическія побужденія и чисто-личныя выгоды: аристократическій образъ мыслей, желаніе располагать покорнымъ журналомъ и денежный разсчетъ. Подобное объясненіе, какъ увидимъ ниже, по меньшей мѣрѣ, своеобразно, но нѣсколько своеобразно и разсужденіе г. Л. Майкова. «Пушкинъ,—говоритъ

*) *В. П. Анненковъ*: „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина“, стр. 176.
**) *Ник. Барсуковъ*: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. II, стр. 52—53.

послѣдній,—не считалъ Полевого годнымъ для работы издателя журнала, такъ какъ находилъ его не достаточно образованнымъ и въ то же время легкомысленнымъ и самонадѣяннымъ. Предубѣжденіе его противъ Полевого шло такъ далеко, что онъ готовъ былъ предпочесть ему въ качествѣ редактора мелкую въ литературномъ смыслѣ личность Н. В. Сушкова или даже своего кишиневскаго знакомца Завальевскаго, вовсе неизвѣстнаго на поприщѣ словесности. Очевидно, руководить людьми ничтожными Пушкину казалось удобнѣе, чѣмъ держать въ рукахъ бойкаго и наторѣлаго въ журнальномъ дѣлѣ Полевого» *). Въ послѣднихъ словахъ г. Л. Майкова приводится совершенно новое освѣщеніе участія Пушкина въ *Московскомъ Вѣстникѣ*.

Итакъ, по вопросу объ отношеніи великаго поэта къ московской журналистикѣ Анненковъ видитъ въ Пушкинѣ сторонника неподвижности и рутины, Кс. Полевой склоненъ считать его аристократомъ, желающимъ послушанія и денегъ, а г. Л. Майковъ готовъ думать, что онъ предпочиталъ людей ничтожныхъ сравнительно съ бойкими и наторѣлыми въ журнальномъ дѣлѣ. Посмотримъ, такъ ли все это было на самомъ дѣлѣ. Въ этомъ случаѣ въ перепискѣ Пушкина есть 3 письма, которыя въ состояніи пролить весьма ясный свѣтъ на очень многое.

Еще въ февралѣ 1826 года, т.-е. изъ Михайловскаго, Пушкинъ писалъ Катенину слѣдующее: «Будущій альманахъ радуетъ меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что? *Вмѣсто альманаха, не затѣять ли намъ журнала вродѣ Edinburgh Review?* Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и *дать нашей словесности новое истинное направленіе?* Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня *отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли*. Если бы согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности» **). Второе письмо Пушкина, которое представляется умѣстнымъ привести здѣсь, написано поэтомъ въ ноябрѣ 1826 года къ кн. Вяземскому и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, такія слова: «Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей-Богу грустно. Итакъ, никогда *порядочные люди вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ одиночку*. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, *кто бы ни издавалъ журналъ—все равно*. Дѣло въ томъ, что намъ надобно завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнивы, чтобы переводить, выписывать, объяснять etc., etc. Это—черновая работа журнала, вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ! *Но онъ долженъ: 1) знать грамматику русскую, 2) писать со смысломъ, т.-е. согласовать суще-*

*) *Л. Майковъ*: „Историко-литературные очерки", стр. 168—169.
**) „Сочиненія А. С. Пушкина", т. IX, стр. 180.

ствительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смѣрти Румянцева и Растопчина и *согласись со мной, что ему невозможно довѣрить изданіе журнала,* освященнаго нашими именами» *). Наконецъ, въ послѣднемъ изъ интересующихъ насъ писемъ Пушкинъ говоритъ Погодину о *Московскомъ Вѣстникѣ* на 2-й годъ его изданія, т.-е. въ 1828 году: «Онъ, конечно, будь сказано между нами, первый единственный журналъ на святой Руси: должно *терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности*» **).

Въ только что приведенныхъ 3-хъ письмахъ необходимо разобраться. Пушкинъ, очевидно, искренне и сердечно желалъ появленія въ нашей словесности истиннаго направленія, а такое истинное направленіе возможно было, по его мнѣнію, только при учрежденіи постояннаго журнала, обставленнаго литературными силами и сплоченнаго. Пока, по его наблюденіямъ, «порядочные люди» дѣйствовали всѣ «въ одиночку», и ничего не выходило изъ этого. Потому-то онъ и возставалъ противъ альманаховъ, что̀ видно не только изъ приведеннаго мѣста въ письмѣ изъ Михайловскаго къ Катенину, но и изъ всей исторіи возникновенія *Московскаго Вѣстника.* У Погодина съ Веневитиновымъ, послѣ успѣха, который имѣлъ выпущенный ими въ свѣтъ литературный сборникъ, подъ названіемъ *Уранія,* было рѣшено уже издать новый альманахъ, подъ названіемъ *Гермесъ.* Планъ этого альманаха издатели обдумали уже во всѣхъ деталяхъ; но вотъ они рѣшили обратиться за совѣтомъ по изданію къ пріѣхавшему въ 1826 году въ Москву Пушкину, и тотъ сказалъ: «Альманаха не нало издавать, пусть Погодинъ издаетъ въ послѣдній разъ, а послѣ станемъ издавать журналъ, кого бы редакторомъ?» ***).

Такимъ образомъ, изъ писемъ къ Катенину и кн. Вяземскому ясно, что Пушкину представляется необходимымъ основаніе именно журнала. Но каковъ долженъ быть этотъ журналъ? На это дается отвѣтъ опять-таки въ выше приведенныхъ письмахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ письмѣ къ Катенину поэтъ говоритъ, что «односторонность есть пагуба мысли», въ письмѣ къ кн. Вяземскому распространяется о безграмотности Полевого, а въ письмѣ къ Погодину выражаетъ ту мысль, что журналъ долженъ отличаться «добросовѣстностью и благородствомъ». Другими словами сказать: Пушкину хотѣлось разносторонняго, грамотнаго, добросовѣстнаго и благороднаго журнала: только при соблюденіи всѣхъ этихъ условій журналъ былъ бы выше и совершеннѣе всѣхъ существовавшихъ въ то время и тогда бы «оправдались ожиданія истинныхъ друзей словесности».

Съ установленной письмами Пушкина точки зрѣнія и всмотримся те-

*) „Сочиненія А. С. Пушкина", т. IX, стр. 188.
**) „Сочиненія А. С. Пушкина", т. X, стр. 203.
***) *Ник. Барсуковъ*: „Жизнь и труды М. П. Погодина", кн. II, стр. 38 и 42.

перь въ замѣчанія Анненкова, Кс. Полевого и г. Л. Майкова. Анненковъ указываетъ на неподвижность взгляда Пушкина на журналистику,—неподвижность, которая предполагала будто бы веденіе журнала немногими лицами, и притомъ извѣстными публикѣ. Если бы взглядъ Пушкина былъ дѣйствительно таковъ, то какъ же помирить съ нимъ его отзывъ объ односторонности, которую онъ называетъ «пагубой мысли?» Съ другой стороны, въ письмѣ къ кн. Вяземскому, какъ мы видѣли, онъ соглашается имѣть участниками журнала Завальевскаго и Сушкова, людей совершенно неизвѣстныхъ въ литературѣ, а по Анненкову выходитъ, что Пушкину нужны авторитеты. Можетъ быть, Анненкова смутило въ письмѣ выраженіе: «намъ надобно завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно». Но вѣдь тутъ «намъ», какъ это само собою слѣдуетъ изъ сопоставленія, значитъ «порядочнымъ людямъ», и только.

Отъ Анненкова переходимъ къ Кс. Полевому. Думать, какъ думаетъ онъ, что Пушкинъ соблюдалъ свой аристократизмъ, когда не хотѣлъ имѣть дѣла съ купцомъ Полевымъ, нѣтъ никакихъ основаній: какъ ни рѣшать вопросъ о взглядѣ великаго поэта на себя, какъ на «потомка бояръ Пушкиныхъ», взглядъ этотъ въ отношеніи къ Полевому и *Московскому Телеграфу* остается рѣшительно въ сторонѣ, потому что Полевой, по мнѣнію Пушкина, не зналъ русской грамматики и не умѣлъ писать со смысломъ, въ доказательство чего поэтъ и приводитъ, какъ мы видѣли, первый параграфъ составленнаго Полевымъ извѣстія о смерти Румянцева и Растопчина. Что противъ Полевого, какъ противъ купца, Пушкинъ ничего не имѣлъ, это слѣдуетъ изъ того же письма къ кн. Вяземскому, въ которомъ онъ говоритъ: все равно, кто бы ни издавалъ журналъ—Полевой ли, Погодинъ, или кто другой. Такимъ образомъ, онъ считаетъ Полевого возможнымъ кандидатомъ, но не находитъ способнымъ. Не правъ далѣе Кс. Полевой, когда онъ говоритъ, будто Пушкину нужна покорность. Удивительно, причемъ тутъ покорность, когда Пушкинъ желалъ совмѣстной работы равныхъ силъ, вродѣ кн. Вяземскаго, Катенина и др., и жаловался на то, что всѣ порядочные люди работаютъ «въ одиночку?» Но и кромѣ того, въ не разъ цитируемомъ уже нами письмѣ къ Катенину онъ называетъ односторонность «пагубой мысли», а всякая покорность предполагаетъ именно односторонность. Наконецъ, денежный разсчетъ менѣе всего руководилъ Пушкинымъ при его одобреніи мысли основать *Московскій Вѣстникъ*. Впрочемъ, относительно денежныхъ разсчетовъ, Кс. Полевой совсѣмъ «уклоняется отъ истины», потому что пренебрегаетъ кое-какими фактами. Сохранилось извѣстіе, что, когда, задолго до пріѣзда Пушкина въ Москву въ 1826 году, въ *Полярной Звѣздѣ*, издаваемой Рылѣевымъ и Бестужевымъ, былъ напечатанъ разговоръ Татьяны со старушкой няней изъ *Евгенія Онѣгина*, и поэтъ поручилъ своему брату получить деньги за этотъ разговоръ, тотъ потребовалъ по 5 рублей ассигнаціями за строчку, и такія деньги были даны. Изъ этого слѣдуетъ, что журналисты платили за сотрудничество иногда очень щедро, а Кс. Полевой говоритъ, что до 1825 г.

они вовсе не платили. Но и не въ томъ дѣло. Важно другое: Пушкинъ по самой природѣ своей былъ чуждъ какихъ бы то ни было денежныхъ разсчетовъ и соображеній. Въ этомъ не мудрено убѣдиться изъ всей его біографіи, въ этомъ же не мудрено убѣдиться и изъ того, что онъ занималъ деньги черезъ Погодина у Надеждина въ то самое время, когда былъ литературнымъ врагомъ послѣдняго *): такъ просто смотрѣлъ онъ на денежные разсчеты. Наконецъ, если бы Пушкинъ преслѣдовалъ свои денежныя выгоды, онъ не наставлялъ бы Погодина, т. - е. издателя *Московскаго Вѣстника*, въ такомъ духѣ: «издатель журнала долженъ всѣ мѣры употребить, чтобы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышомъ» **).

Остается еще одно объясненіе вліянія Пушкина на основаніе *Московскаго Вѣстника*, и именно объясненіе г. Л. Майкова, будто поэту казалось «удобнѣе руководить людьми ничтожными, чѣмъ держать въ рукахъ бойкаго и наторѣлаго въ журнальномъ дѣлѣ Полевого». Здѣсь является недоумѣніе. Откуда видно, что кружокъ Веневитинова представлялъ собою ничтожныхъ людей? Эти люди, по словамъ одного изъ нихъ, и именно Погодина, «всѣ бросились навстрѣчу къ Пушкину, потому что поэтъ «представлялся имъ какимъ-то геніемъ, ниспосланнымъ оживить русскую словесность» ***). Этого мало: имъ именно, этимъ людямъ, Пушкинъ впервые читалъ свое излюбленное произведеніе, своего *Бориса Годунова*, и Погодинъ черезъ 40 лѣтъ вспоминалъ: «какое дѣйствіе произвело на насъ это чтеніе, передать невозможно». Достаточно сказать, что когда кончилось чтеніе, всѣ «смотрѣли другъ на друга долго, и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія» ****). Ничтожные люди не могли бы такъ отнестись къ произведенію Пушкина, которое, при своемъ появленіи въ печати, не сразу было понято и не вызвало сочувствія. Очевидно, что первые слушатели Пушкинскаго *Бориса* были цѣнителями, оцѣнилъ ихъ и поэтъ съ своей стороны, оцѣнилъ дѣйствительныхъ любителей литературы и служителей наукѣ и искусству. Кому же, какъ не имъ, было поручить судьбу журнала, столь необходимаго, по убѣжденію Пушкина, въ Россіи, гдѣ до этого времени періодическими изданіями печати руководили, какъ ему казалось, люди несовершенные и недостойные. Что кружокъ Веневитинова и самъ Погодинъ въ концѣ концовъ оказались не на высотѣ своего положенія, это ровно ничего не доказываетъ. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ начала изданія *Московскаго Вѣстника*, а именно въ августѣ 1827 года, Пушкинъ въ письмѣ къ Погодину находитъ, что въ веденіи журнала были ошибки и «главная ошибка наша, — прибавляетъ онъ, — была въ томъ, что мы хотѣли быть *слишкомъ дѣльными*», но о Погодинѣ онъ тутъ же заявля-

*) „Сочиненія А. С. Пушкина“, т. X, стр. 18—19.
**) „Сочиненія А. С. Пушкина“, т. IX, стр. 197.
***) *Русскій Архивъ* 1865 г., стр. 96 и 97.
****) *Русскій Архивъ* 1865 г., стр. 97 и 98.

ет: «вы —честный литераторъ между лавочниками литературы» *). Черезъ годъ, или въ 1828 году, Пушкинъ все еще продолжаетъ настаивать на изданіи журнала и на будущій годъ и отзывается о *Московскомъ Вѣстникѣ* такъ: «надобно, чтобы нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ, конечно, будь сказано между нами, первый единственный журналъ на святой Руси», а черезъ нѣсколько строчекъ восклицаетъ: «Впередъ! и да здравствуетъ *Московскій Вѣстникъ*» **). Итакъ, ошибки издателя и несовершенства журнала нисколько не смущаютъ поэта. Мало того, даже тогда, когда между Пушкинымъ и московскими литераторами обнаружился цѣлый рядъ разногласій, каковыми были нападенія со стороны московскихъ литераторовъ на Карамзина, критика Баратынскаго, непріятная для Пушкина и проч., поэтъ все-таки не мѣняетъ своихъ отношеній къ Погодину и кружку Веневитинова и до конца жизни примѣнительно къ нимъ держится взгляда, который выраженъ въ письмѣ его къ Погодину еще въ 1828 году: «Пора уму и знаніямъ вытѣснить и Булгарина и Ѳедорова» ***).

1830-мъ годомъ кончается изданіе *Московск. Вѣстника*, но для Пушкина по старому имѣетъ значеніе «ученость Москвы, ея любовь къ искусству и таланты», и онъ не прерываетъ съ Москвой журнальныхъ отношеній. Въ 1832 году Ив. Кирѣевскимъ было положено начало подъ его редакторствомъ, новому журналу, подъ названіемъ *Европеецъ*. По словамъ Свербеева, названіе журнала *Европейцемъ* объяснялось тѣмъ, что всѣ московскіе литераторы были въ то время европейцами, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ они оставались «коренными русскими и живо принимали къ сердцу все русское» ****). Около Кирѣевскаго соединилось все, что было въ литературѣ возвышеннаго и благороднаго, а Пушкинъ обрадовался «новому журналу, который долженъ былъ очистить воздухъ, и обѣщалъ свое полное и дѣятельное сотрудничество» *****). Итакъ, «очищеніе воздуха» въ литературѣ предстояло, по мнѣнію Пушкина, все той же Москвѣ, и притомъ опять-таки средѣ, которая впервые обратила на себя вниманіе поэта, по пріѣздѣ его въ столицу въ 1826 г. Кирѣевскій со своимъ журналомъ возбудилъ однако недовольство противъ себя цензуры, и 2-мъ нумеромъ *Европеецъ* покончилъ свое существованіе, но и въ теченіе столь кратковременной жизни его Пушкинъ не оставлялъ журнала своимъ вліяніемъ, сочувствіемъ и поощреніемъ, такъ какъ видѣлъ, очевидно, въ немъ разностороннее, грамотное, добросовѣстное и благородное періодическое изданіе.

Погоня за хорошимъ журналомъ и непремѣнно въ Москвѣ не покидала Пушкина и позднѣе. Въ 30-хъ же годахъ все въ той же столицѣ возникаетъ еще журналъ *Московскій Наблюдатель*. Пушкинъ и въ немъ при-

*) „Сочиненія А. С. Пушкина“, т. IX, стр. 197.
**) „Сочиненія А. С. Пушкина“, т. IX, стр. 203.
***) „Сочиненія А. С. Пушкина“, т. IX, стр. 203.
****) *Ник. Барсуковъ*: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, книга 4-я, стр. 37.
*****) *Ник. Барсуковъ*: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, книга 4-я, стр. 5.

нимаетъ участіе: не даромъ журналъ велся при дѣятельномъ руководствѣ Шевырева, одного изъ представителей московскаго кружка Веневитинова. Правда, въ это же время поэтъ заводитъ уже сношенія съ Бѣлинскимъ *), словно нѣсколько разочаровавшись въ прежнихъ своихъ симпатіяхъ, но окончательно порвать съ ними онъ все-таки не рѣшается. Только тогда, когда онъ принимается за свой журналъ, т.-е. за *Современникъ*, «ученость, любовь къ искусству и таланты» Москвы отступаютъ для него на задній планъ.

Итакъ, Москва для Пушкина за большую часть его жизни является какъ бы средствомъ для борьбы съ разными мутными теченіями въ современной ему журналистикѣ и орудіемъ для постановки на надлежащую высоту умственныхъ и духовныхъ интересовъ. Столь ясно сознаваемое имъ убѣжденіе въ потребности хорошаго журнала онъ нѣсколько разъ пробуетъ осуществить при помощи Москвы, и до нѣкоторой степени получаетъ отъ столицы удовлетвореніе: во всякомъ случаѣ, московскіе журналы всегда вызывали полемику и вносили въ журналистику оживленіе.

IV.

До сихъ поръ приходилось говорить о томъ, что Пушкинъ взялъ изъ Москвы себѣ, теперь должна пойти рѣчь о томъ, что онъ далъ изъ того же источника другимъ. Впрочемъ, распространяться объ этомъ долго едва ли встрѣтится необходимость, такъ какъ только что выдвинутая вторая часть вопроса слишкомъ тѣсно связана съ первой. Изображая на основаніи своихъ наблюденій скучную, пустую и бѣдную Москву и пользуясь для своихъ цѣлей московскими талантами, любовью къ искусству и ученостью, Пушкинъ служилъ далеко не себѣ только. Разумѣется, прежде всего, онъ исполнялъ велѣнія своей природы, слушался своего міросозерцанія, удовлетворялъ свои стремленія, шелъ навстрѣчу своимъ запросамъ, но его природа, его міросозерцаніе, его стремленія и его запросы не могли и не могутъ оставаться безслѣдными для другихъ, потому что Пушкинъ былъ великій поэтъ и великій человѣкъ.

Какъ великій поэтъ, онъ даетъ множество богатыхъ, яркихъ и живыхъ картинъ. Въ этихъ картинахъ живутъ люди, дышитъ природа, рисуются деревни и города, въ томъ числѣ, какъ мы видѣли, и Москва. Всматриваясь по произведеніямъ Пушкина въ эти картины, нельзя не представить себѣ хотя бы жизнь той же старинной Москвы, нельзя не убѣдиться, что въ этой жизни много никому и ни на что ненужнаго, пошлаго и мелкаго. Можно идти и дальше: найдутся и такіе читатели, которые проникнутся смысломъ и значеніемъ дурной стороны традицій и преданій, задумаются о причинахъ и источникахъ подобныхъ явленій, а, можетъ быть, и постараются, чтобы кругомъ нихъ поменьше было всего заскорузлаго, отжившаго и покрывшагося плѣсенью.

*) *Л. Майковъ*: „Историко-литературные очерки", стр. 184.

Но Пушкинъ, какъ великій поэтъ, былъ и великимъ человѣкомъ. Будучи великимъ человѣкомъ, онъ не могъ относиться равнодушно къ вопросамъ просвѣщенія. Онъ совершенно безкорыстно и неподкупно волновался и хлопоталъ изъ-за желанія при помощи журнала улучшить и усовершенствовать литературу Привязавшись съ этою цѣлью къ Москвѣ, онъ не хочетъ отставать отъ нея. Не можетъ быть сомнѣнія, что и здѣсь, прежде всего, ему надо получить личное удовлетвореніе, успокоить органическую свою потребность, но вѣдь и другіе опять-таки остались отъ этого въ выигрышѣ. Чтобы журналу стать органомъ общественнаго мнѣнія, общественной совѣсти и общественныхъ интересовъ, а съ другой стороны—явиться силой, направляющей и руководящей людей, онъ долженъ былъ пройти длинную исторію, и, вѣроятно, эта исторія и сейчасъ еще не приведена къ концу; всѣ мы заинтересованы въ этой исторіи, и если хоть одна или нѣсколько страницъ ея написаны Пушкинымъ, ему нельзя не воздать хвалы. Между тѣмъ онъ одинъ изъ первыхъ писателей русскихъ заговорилъ о «лавочникахъ литературы» *) среди журналистовъ, о неблагородствѣ, недобросовѣстности и торгашествѣ ея, и стоитъ почитать его сочиненія, чтобъ убѣдиться, съ какой рыцарской смѣлостью выражается онъ сплошь да рядомъ противъ различныхъ неблаговидныхъ выходокъ различныхъ дѣятелей журналистики. Въ дѣлѣ воспитанія журнальныхъ нравовъ работа его не можетъ оспариваться рѣшительно никѣмъ. Наконецъ, въ хлопотахъ по поводу судьбы того или иного журнала, ему приходилось много думать, чувствовать и наблюдать, и эти думы, чувства и наблюденія, конечно, отражались на его же произведеніяхъ, которыя становились отъ того зрѣлѣе, выразительнѣе, совершеннѣе.

Итакъ, и въ городѣ традицій, какимъ была для Пушкина Москва, онъ нашелъ какъ для себя, такъ и для другихъ много цѣннаго. Поэтъ не отшатнулся отъ столицы, какъ ни располагала она, повидимому, къ самому невыгодному мнѣнію о себѣ. Напротивъ того, при широтѣ своихъ взглядовъ, Пушкинъ сумѣлъ отдѣлить дурное въ московскихъ традиціяхъ отъ хорошаго и никогда не смѣшивалъ одного съ другимъ. Дурное онъ подвергалъ осмѣянію при помощи своего высокаго дарованія, хорошее же чтилъ всю свою жизнь. Вообще отношенія Пушкина къ Москвѣ представляютъ собою достаточно интереснаго и поучительнаго. Впрочемъ, во всемъ, съ чѣмъ имѣлъ хоть какое-нибудь дѣло поэтъ, и всюду, гдѣ хоть не надолго появлялся онъ, всегда приходится находить и поучительное и интересное,—вѣдь Пушкинъ былъ дѣйствительно великій писатель и великій человѣкъ!

Ив. Казанскій.

---

*) „Сочиненія А. С. Пушкина“, т. IX, стр. 197.

Мужикъ въ русской беллетристикѣ *).

(1847—1897 г.)

Собраніе сочиненій Каронина (Н. Е. Петропавловскаго). Москва, 1899 г.

XI.

Николай Елпидифоровичъ Петропавловскій былъ мало того, что беллетристъ-народникъ, вышедшій, подобно Левитову, Златовратскому и другимъ, изъ среды духовенства и проведшій дѣтство и юность въ селѣ, въ близкомъ соприкосновеніи съ народомъ, но онъ былъ, можно сказать, воспитанъ народническимъ движеніемъ семидесятыхъ годовъ, такъ какъ та окончательная формировка міровоззрѣнія, убѣжденій, принциповъ, какая совершается въ молодомъ человѣкѣ, перешедшемъ за двадцать лѣтъ, произошла въ Петропавловскомъ какъ разъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, въ эпоху общаго стремленія въ народъ, и, можно сказать, что вся мученическая жизнь его была всецѣло посвящена народу до полнаго самопожертвованія, по-истинѣ героическаго.

Въ полномъ собраніи сочиненій приложенъ неизвѣстно кѣмъ составленный біографическій очеркъ Петропавловскаго, по правдѣ сказать, мало обстоятельный и довольно туманный. Тѣмъ не менѣе мы можемъ все-таки по этому очерку составить понятіе о томъ, до какой степени стремленіе къ народу всецѣло поглощало этого въ своемъ родѣ героя своего времени, и какой скорбный путь представляла жизнь его.

Петропавловскій родился 7 октября 1853 года, въ глухомъ захолустьѣ Бузулукскаго уѣзда Самарской губерніи. Отецъ его былъ священникомъ въ деревнѣ Аѳонькиной. Семья была большая, жили бѣдно. Кромѣ отправленія священническихъ обязанностей, отецъ долженъ былъ обрабатывать, единственно силой своей семьи, небольшой кусокъ земли. Одинъ изъ послѣднихъ членовъ семьи, будущій беллетристъ, родился такимъ слабымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, что родные мало разсчитывали, что онъ выживетъ. Росъ онъ такимъ же слабенькимъ, худенькимъ,

---

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 99 г.

болѣзненнымъ мальчикомъ, съ замѣчательно кроткимъ характеромъ, вызывая даже у отца опасенія насчетъ умственныхъ способностей. Величайшимъ наслажденіемъ для ребенка было бродить за отцомъ или братомъ Александромъ по полю, увязаться за кѣмъ-нибудь на рыбную ловлю. Завернутый въ отцовскую рясу, просиживалъ мальчикъ на берегу цѣлые часы, проводилъ иногда въ полѣ всю ночь. Жизнь среди природы поселила въ душѣ Петропавловскаго страстную привязанность къ сельской обстановкѣ на воздухѣ, на свѣтѣ, на травѣ. Къ камнямъ и пыли городовъ онъ не могъ привыкнуть.

Девяти лѣтъ отдали его въ Бузулукское духовное училище, по окончаніи котораго перевезли въ Самарскую семинарію. Учился онъ хорошо, исправно переходилъ изъ класса въ классъ, но самарская жизнь шла для него далеко не весело. Дѣти иногородныхъ небогатыхъ родителей отдавались на хлѣба. Обстановка, въ которой шла жизнь этихъ нахлѣбниковъ, была обыкновенно изъ самыхъ незавидныхъ. Дѣти скучивались толпами въ скверномъ помѣщеніи, кормили ихъ плохо, обращались тоже. На одной изъ такихъ квартиръ Н. Е. опасно заболѣлъ тифомъ. Хозяйка не позаботилась даже предупредить родителей, хотя оказіи въ городъ были нерѣдки. Случайно завернувшій къ нимъ крестьянинъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ отецъ Петропавловскаго, взялъ больного мальчика съ собой и отвезъ къ отцу. Свѣтлыми днями въ это время были для него лишь каникулы, когда онъ уѣзжалъ въ деревню къ родителямъ, гдѣ опять отдыхалъ среди природы, работалъ съ братьями въ полѣ, ловилъ рыбу. Каждый разъ возвращеніе обратно въ городъ стоило ему горькихъ слезъ и тяжелой тоски. Конечно, все это имѣло мѣсто въ младшихъ классахъ семинаріи, а далѣе затѣмъ, въ старшихъ классахъ городская жизнь пріобрѣла, въ глазахъ юноши, свою особенную прелесть. Образовались кружки саморазвитія, съ цѣлью пополненія свѣдѣній по разнымъ областямъ знанія. Принимая участіе въ этихъ кружкахъ, Петропавловскій читалъ запоемъ, съ такою жадностью, что, по его словамъ, не могъ ни пить, ни ѣсть. Родители готовили юношу въ священники, но онъ безповоротно рѣшилъ, что не пойдетъ по этой дорогѣ, и большихъ усилій стоило ему убѣдить родныхъ не противиться его желанію. Заручившись ихъ согласіемъ, Петропавловскій оставилъ семинарію, не кончивши тамъ курса и перешелъ въ гимназію. Тутъ онъ съ тою же страстью продолжалъ читать съ товарищами, ища отвѣтовъ на жгучіе вопросы, которые вставали передъ его пытливымъ, вдумчивымъ умомъ. Это было какъ разъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Именно въ это время онъ познакомился съ нѣкоторыми личностями, глубоко преданными народнымъ интересамъ, очевидно, вполнѣ охваченными движеніемъ того времени. Подъ вліяніемъ этихъ личностей, былъ увлеченъ этимъ движеніемъ и Петропавловскій.

5-го августа 1874 года произошелъ роковой переломъ въ его жизни. Не окончивъ гимназіи, онъ долженъ былъ разстаться и съ семьей, и съ родною деревней, гдѣ онъ проводилъ эти послѣдніе дни. Съ этого именно дня

вся дальнѣйшая жизнь Петропавловскаго представляется одною непрерывною цѣпью бѣдствій. Біографъ не говоритъ опредѣленно, въ чемъ заключались эти бѣдствія, а дѣлаетъ одни темные намеки. Но по этимъ намекамъ читатели все-таки могутъ легко догадаться, что это былъ рядъ заключеній и высылокъ. Первая серія продолжалась четыре года, во время которыхъ онъ побывалъ и въ Самарѣ, и въ Москвѣ, затѣмъ болѣе трехъ съ половиной лѣтъ въ Петербургѣ. За эти три съ половиной года онъ почти не слыхалъ близко человѣческаго голоса, не видѣлъ ни одного знакомаго лица, не получалъ никакихъ извѣстій отъ родныхъ, не имѣлъ денегъ... Единственная польза, какую ему принесли эти годы, заключалась въ томъ, что онъ за это время перечиталъ массу книгъ, изучилъ языки французскій и англійскій.

Въ 1878 году кончилась, наконецъ, эта первая серія бѣдствій. Онъ остался въ Петербургѣ, запасся кое-какими работами, женился, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ началась вторая серія подобныхъ же бѣдствій, и опять потянулись годы разлуки съ женой, друзьями, товарищами... Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ лихорадочно работать, спѣша пользоваться каждою минутой. Въ это время были написаны имъ первые разсказы изъ народнаго быта, которые были помѣщены въ *Отечественныхъ Запискахъ* и другихъ лучшихъ въ то время журналахъ.

Въ декабрѣ 1880 года кончилась вторая серія бѣдствій. Зиму онъ провелъ въ Петербургѣ, а на лѣто уѣхалъ съ семьею на берегъ Волги, въ Канаву, Симбирскаго уѣзда, гдѣ и прожилъ до половины августа. Много гулялъ, ловилъ рыбу, знакомился съ крестьянами, продолжая свои литературныя занятія. А когда кончилась эта не долгая дачная жизнь, напомнившая ему былые, лучшіе дни, и онъ вернулся въ Петербургъ, началась третья серія бѣдствій: ему пришлось ѣхать въ Тобольскую губернію; за нимъ поѣхала и жена. Первые два года они жили въ городѣ Курганѣ, гдѣ у нихъ родился сынъ Борисъ, а затѣмъ остальные три года въ Ишимѣ. Это были самые тяжелые годы въ его жизни. Онъ страшно нуждался съ семьею, потому что прекратилась всякая возможность заработывать средства къ жизни. Журналъ, въ которомъ онъ былъ сотрудникомъ, покончилъ свое существованіе. Въ Курганѣ жена его могла имѣть акушерскую практику; въ Ишимѣ и этого не было. Петропавловскому приходилось стряпать, мыть полы, исправлять возможныя домашнія работы, возиться съ ребенкомъ; для литературной работы оставались только тѣ минуты, которыя удавалось урвать случайно. Знавшіе его въ то время говорятъ прямо, что это была «ужасная жизнь», такая жизнь, въ которой и очень сильные духомъ люди падаютъ и разбиваются. Эти годы легли самою тяжелою гирей на тотъ грузъ, который началъ, въ самыя цвѣтущія поры человѣческой жизни, тянуть его въ могилу. Гиря росла, постепенно надламывая его слабое тѣло.

Лишь въ іюлѣ 1886 года получилъ Петропавловскій возможность вернуться на родину. Въ это время у него родился другой сынъ Степанъ, и почти въ то самое время черезъ нѣсколько дней умеръ Борисъ, его утѣ-

шеніе и гордость. Отъ этого удара Петропавловскій долго не могъ оправиться.

Мы не будемъ входить въ подробности послѣднихъ шести лѣтъ его жизни. Скажемъ лишь въ общихъ чертахъ, что это была жизнь вполнѣ скитальческая, безъ малѣйшаго сколько-нибудь яснаго просвѣта. «Весь этотъ періодъ—читаемъ мы въ біографіи его—съ отъѣзда изъ Ишима, былъ сплошь поисками такого угла, гдѣ онъ могъ бы чувствовать себя спокойно и выбиться изъ необезпеченности. Ни того, ни другого имъ не удавалось. Нужда не покидала его. Его беллетристическія произведенія не давали ему достаточно средствъ. Онъ не могъ работать много и успѣшно и по внѣшнимъ условіямъ его жизни, и по своимъ собственнымъ особенностямъ, какъ писатель. Чтобъ имѣть какой-нибудь хотя незначительный, но постоянный заработокъ, который избавилъ бы его отъ случайнаго существованія, онъ мечталъ пристроиться къ какой-нибудь газетѣ, въ качествѣ редактора или постояннаго сотрудника. Но всѣ попытки въ этомъ родѣ были неудачны. Механическая, срочная газетная работа была совсѣмъ не по его характеру; онъ не умѣлъ писать на заказъ, къ извѣстному часу, положенное число строкъ. Онъ разсказывалъ, что это писаніе составляло для него пытку, которая искажала и слова, и мысли, и написать къ сроку небольшой газетный фельетонъ было для него задачей, которую онъ не могъ осилить. При такихъ условіяхъ, борясь съ нуждою, съ болѣзнью, при вѣчныхъ переѣздахъ, при все болѣе и болѣе слабѣющемъ организмѣ, онъ схватилъ туберкулезъ, заразившись имъ въ домѣ, въ которомъ онъ жилъ на Святыхъ Горахъ, и гдѣ годъ тому назадъ умеръ чахоткою студентъ. У него развилась горловая чахотка, отъ которой онъ и умеръ въ ужасныхъ мученіяхъ 12 мая 1892 г., 38 лѣтъ отъ роду.

XII.

По этому короткому очерку жизни Петропавловскаго вы можете судить вполнѣ несомнѣнно, что въ лицѣ его мы имѣемъ беллетриста-народника, мало того, что воспитаннаго въ народническомъ движеніи семидесятыхъ годовъ, но который до такой степени былъ всецѣло проникнутъ сочувствіемъ и участіемъ къ народу и неуклоннымъ стремленіемъ служить его интересамъ, что въ буквальномъ смыслѣ всего себя положилъ за народъ, вынесъ массу нешуточныхъ гоненій и страданій за него и всю жизнь прожилъ безъ утѣхъ и радостей, положительно не имѣя угла и не зная, гдѣ преклонить голову въ неуклонномъ стремленіи къ осуществленію своихъ идеаловъ. Казалось бы, отъ какого же иного писателя, какъ не отъ подобнаго ультра-народника мы вправѣ были бы ожидать идеализаціи народа и вообще деревенской жизни. И, между тѣмъ, что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Мы видимъ рядъ изображеній, которыя, по своей безотрадной мрачности, далеко оставляютъ за собою краски, встрѣчаемыя нами въ повѣсти г. Чехова. Послѣднія вамъ показались бы бѣлыми, если бы ихъ положить

на черный фонъ тѣхъ красокъ, какими обрисовываетъ народъ Петропавловскій. И замѣтьте при этомъ, что подобныя краски мы встрѣчаемъ въ лучшихъ его очеркахъ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, въ такой періодъ жизни, когда умственныя силы его, еще не надломленныя послѣдующею хилостью организма, находились въ самомъ расцвѣтѣ,—однимъ словомъ, въ очеркахъ, печатавшихся въ *Отечественныхъ Запискахъ*, въ журналѣ, считавшемся народническимъ, редакція котораго не допустила бы мало-мальски фальшивыхъ или умышленно мрачныхъ чертъ въ изображеніяхъ народной жизни.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ характеристикѣ этихъ очерковъ Петропавловскаго, мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ особенномъ характерѣ письма его, въ которомъ онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ прочихъ беллетристовъ-народниковъ, сходясь нѣсколько съ Щедринымъ. Такъ, по словамъ г. Мачтета (*Русскія Вѣд.* 1892 г., № 133), вотъ какъ смотрѣлъ Петропавловскій на задачи литературы:

«Онъ горячо отстаивалъ положеніе, что намъ, беллетристамъ, пора оставить *типы людей*, которыхъ у насъ наберется цѣлая портретная галлерея, а изображать одни *типы общественныхъ явленій*, пользуясь для этого людскими типами лишь какъ средствомъ, очерчивая ихъ слегка, поскольку это нужно для главной цѣли. Онъ думалъ, что каждая общественная эпоха опредѣляетъ собою характеръ и рамки творчества, налагаетъ на художника свои обязанности и задачи. И прилагая такое положеніе къ данному моменту, онъ также горячо отстаивалъ мысль, что задача современнаго художника сводится къ тому, чтобы, главнымъ образомъ, будить и шевелить чувства читателя, а не давать ему одно спокойно-объективное изображеніе. Теорій, схемъ, положеній, портретныхъ типовъ собрано уже много, но мало и плохо *чувствуется*,—*чувство* не развилось еще или спитъ, и нужно будить его картиной, не гоняясь за детальною обрисовкой отдѣльныхъ чертъ каждаго лица, за протокольною правдой явленій или отдѣльнаго типа».

Тирада эта требуетъ маленькаго разъясненія. Слово *типъ* до сихъ поръ не получило у насъ какого-либо одного опредѣленнаго значенія и употребляется часто въ двухъ совершенно противоположныхъ смыслахъ. Иногда подъ типомъ подразумѣваютъ рядъ конкретныхъ особенностей, характеризующихъ одну небольшую группу людей: такъ, напримѣръ, возьмите Собакевича и Манилова; и тотъ и другой помѣщики, но, тѣмъ не менѣе, они рѣзко отличаются одинъ отъ другого. И вотъ, когда мы говоримъ: типъ Собакевича, типъ Манилова,—мы подразумѣваемъ именно *отличительныя особенности* того и другого. Иногда же это самое слово *типъ* мы употребляемъ не въ смыслѣ отличительныхъ особенностей, а напротивъ того—тѣхъ общихъ признаковъ, которые соединяютъ въ одно общее представленіе ту или другую обширную группу людей. Такъ мы говоримъ: типъ помѣщика, купца, мужика.

Петропавловскій, очевидно, подъ *типами людей* подразумѣваетъ типы первой категоріи, а подъ *типами явленій*—второй категоріи, т.-е., очевидно,

онъ хотѣлъ сказать, что беллетристикѣ нашей пора перестать заниматься конкретными типами, вродѣ Собакевича или Манилова, а обратиться къ типамъ общимъ, характеризующимъ обширныя группы людей. И дѣйствительно, подобнаго рода типы преобладаютъ въ его очеркахъ, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь. Хотя дѣйствующія лица этихъ очерковъ и носятъ различныя имена и фамиліи, но подъ этими именами и фамиліями мы видимъ личности собирательныя, подразумѣвающія болѣе или менѣе обширныя группы мужиковъ. Я сказалъ выше, что Петропавловскій въ этомъ отношеніи сходится съ Щедринымъ, потому что и у послѣдняго мы встрѣчаемъ наклонность къ такимъ же широко-обобщающимъ типамъ. Вспомните, напримѣръ, хотя бы его Глуповцевъ, Ташкентцевъ, Молчалиныхъ, Деруновыхъ и пр.

XIV.

Наиболѣе рѣзкій и наглядный примѣръ широты обобщеній Петропавловскаго мы находимъ въ разсказѣ *Мѣшокъ въ три пуда*, гдѣ авторъ вотъ какими чертами характеризуетъ русскаго мужика:

«У каждаго читателя, — говоритъ онъ, — есть извѣстное представленіе мужичка,—не Пахома, не Якова Петрова, а просто мужичка,—и пусть онъ оглядитъ умственнымъ взоромъ это представленіе. Просто мужичокъ одѣвается въ худой полушубокъ, пропитанный Богъ знаетъ чѣмъ, лицо его вообще немытое, руки похожи на осиновую кору, борода обыкновенно пестрая, выраженія на лицѣ его, обыкновенно, нѣтъ никакого, если не считать испуга, постоянно рисующагося на немъ, словно онъ ожидаетъ съ минуты на минуту окрика или затрещины. Это относится и къ глазамъ, которые по большей части и мутны, и равнодушны; они таращатся только тогда, когда въ голову его стараются что-нибудь вколотить, а сама голова никому неизвѣстна по своему содержанію».

Въ такомъ видѣ рисуетъ г. Петропавловскій внѣшность русскаго мужика вообще,—внѣшность, какъ видите, далеко не блистающую красотой и не идеальную. Соотвѣтственно такой печальной и жалкой внѣшности рисуется г. Петропавловскимъ и психологія мужика, его общественное положеніе. На каждомъ шагу, въ его разсказахъ, васъ поражаютъ полная безпомощность, безправность, пришибленность русскаго крестьянина, являющіяся результатами вѣкового рабства, темнаго невѣжества, малокультурности и крайняго обнищанія и разоренія. Надо замѣтить при этомъ, что Петропавловскій изображаетъ вовсе не какихъ-либо неудачниковъ-пропоицъ, вообще обиженныхъ разумомъ людей, а напротивъ того, по большей части, мужиковъ выдающихся своею умственностью, но и въ этой умственности своей они являются еще болѣе жалкими и несчастными, чѣмъ лишенные ея и ни надъ чѣмъ не задумывающіеся ихъ собратія. Таковымъ, напримѣръ, является Фролъ, крестьянинъ села Парашкина, мало того что умственный, но и письменный; по письменной части онъ отдувался за все крестьянское общество: нужно ли было написать какой-нибудь приговоръ или просьбу отъ всего обще-

ства, сейчасъ же обращались къ нему, и онъ мало того что безпрекословно писалъ, что слѣдуетъ, но и являлся затѣмъ ходакомъ отъ крестьянъ по начальству. Но этотъ же самый письменный и умственный мужикъ оказался кругомъ несостоятельнымъ, когда его выбрали гласнымъ въ уѣздное земское собраніе. Прежде всего онъ, какъ парашкинецъ, любилъ лучше сидѣть дома, чѣмъ мыкаться Богъ знаетъ гдѣ, и съ горечью каждый разъ собирался онъ въ уѣздный городъ Сысойскъ. Только дома онъ чувствовалъ себя хорошо, внѣ же дома онъ былъ рыбой вытянутой на берегъ. Вся жизнь его заключалась въ несчетныхъ попыткахъ скрыться, утаить свою душу и тѣло и остаться незамѣченнымъ. Съ самаго рожденія онъ привыкъ не выставлять наружу своихъ внутренностей: болѣютъ ли его внутренности, было ли ему тошно, о чемъ онъ думалъ и думалъ ли о чемъ,—все это онъ скрывалъ въ себѣ. Потому ли, что внутренности его безъ того часто потрошились, въ силу ли свойственнаго парашкинцамъ молчанія, но только Флоръ молчалъ даже и въ то время, когда терпѣніе всякаго другого человѣка лопается. Но вотъ его избрали въ *гласные*. «Ужъ если гласность,—думалъ онъ,—такъ стало быть надо говорить обо всемъ». Прежде онъ приносилъ пользу парашкинцамъ тѣмъ, что во-время умѣлъ молчать и скрыть, теперь онъ долженъ говорить и притомъ гласно; очевидно, его спросятъ теперь: какія нужды имѣютъ парашкинцы? какими способами удовлетворить ихъ? Флоръ представлялъ себѣ это и болѣлъ. Ну, а если проврешься? Если осрамишь только парашкинцевъ? Если вмѣсто пользы принесешь имъ одно только зло?

И дѣйствительно, горемычному Флору пришлось осрамить парашкинцевъ. Какъ каменный истуканъ, сидѣлъ онъ на засѣданіяхъ земскаго собранія, лишь на четвертомъ его, что называется, прорвало. Обсуждали школьный вопросъ, причемъ заботились всячески о сокращеніи расходовъ на школу, одинъ изъ ораторовъ громогласно возгласилъ, что парашкинцы по своему невѣжеству не нуждаются въ школѣ. И вотъ Флоръ поднялся среди мертвой тишины и началъ говорить:

— Ну, ежели невѣжество у насъ...

Онъ остановился на мгновеніе, около него раздался смѣхъ, вѣроятно, потому, что ни одна рѣчь въ сысойскомъ земствѣ не начиналась такъ. Но онъ продолжалъ:

— Невѣжество—это такъ, но невѣжество надо учить, учёба ему надобна.

Раздался хохотъ. Флоръ поблѣднѣлъ, но продолжалъ:

— Парашкинцы и рады бы учить своихъ ребятъ, да силъ-то нѣту.

Новый смѣхъ, хотя болѣе сдержанный, раздался. То смѣялся одинъ баринъ и нѣкоторые другіе: имъ было скучно, и они рады были забавѣ. Флоръ замолчалъ, только съ какою-то странною улыбкой проговорилъ, обращаясь къ сидящему подлѣ него барину:

— Грѣхъ вамъ, баринъ, смѣяться!

Хохотъ усилился, но въ это время со всѣхъ сторонъ удивленной залы послышались повелительные крики:

— Это нехорошо!

— Перестаньте смѣяться!

— Не честно!

А какой-то раздражительный голосъ прямо вскрикнулъ.

— Подло!

Взволнованный предсѣдатель принялся звонить. Когда же возстановилась тишина, онъ обратился къ Фролу:

— Продолжайте, господинъ гласный.

Но Фролъ опять улыбнулся грустною, а больше странною улыбкой и только выговорилъ:

— Нѣтъ ужъ...

И сѣлъ. Предсѣдатель поторопился прервать засѣданіе.

Фролъ посидѣлъ немного, затѣмъ поднялся и пошелъ къ двери. Онъ перешелъ коридоръ, гдѣ поразилъ гренадера Миронова своимъ измученнымъ видомъ, не имѣвшимъ и тѣни своей прежней деревянности, спустился внизъ по лѣстницѣ, утеръ рукавомъ крупныя капли пота на своемъ лицѣ и вышелъ на улицу...

Ни на другой, ни въ слѣдующіе дни онъ не являлся больше на засѣданія; онъ сбѣжалъ домой.

XV.

Въ разсказѣ *Ученый* Петропавловскій изображаетъ одну изъ тѣхъ избранныхъ натуръ, одаренныхъ отъ природы пытливымъ и любознательнымъ умомъ, изъ которыхъ выходятъ Ломоносовы или Шевченки. Но это удается не болѣе какъ по одному разу въ сто лѣтъ. Большею же частью изъ нихъ выходятъ такіе несчастные неудачники, какимъ представляется въ разсказѣ парашкинецъ Иванъ Ивановъ, или, попросту сказать, дядя Иванъ. Вся душа его была устремлена къ наукѣ. Что онъ разумѣлъ подъ наукой, ему одному было извѣстно, но только мучился изъ-за нея онъ нестерпимо-ужасно. Онъ вѣчно задумывался и иногда Богъ знаетъ о чемъ тосковалъ. Часто даже «пищи рѣшался». Въ головѣ его копошились странные вопросы: «откуда вода», или «опять тоже земля... почему?» «куда бѣгутъ тучки?» Всѣ эти вопросы заставили его, несмотря на свои тридцать лѣтъ, сѣсть на школьную скамью, рядомъ съ ребятами семи-десяти, много пятнадцати лѣтъ. Сначала учитель, не очень грамотный человѣкъ, пріѣхавшій въ школу потому собственно, что ѣсть ему было рѣшительно нечего, отказался принять «въ ученіе» такого монстра и съ хохотомъ выпроводилъ его за дверь, когда послѣдній выразилъ свое намѣреніе «почитаться». Но Ванюха умилостивилъ учителя подношеніемъ ему поросенка: школа приняла въ свои нѣдра Ванюху. Ванюха не злоупотреблялъ позволеніемъ; онъ ходилъ на ученіе только разъ, рѣдко два раза въ недѣлю, въ такое время, когда старая его мать Савишна не качала грустно головой и когда его скудное хозяйство не могло пострадать отъ его безразсуднаго намѣренія. Ребята

потѣшались надъ его несообразительностью, такъ какъ только короткія слова удавалось Ванюхѣ произносить однимъ духомъ, а чуть попадалось длинное слово, оно переламывалось пополамъ, и ничего не выходило: выговоритъ Ванюха первую половину слова, а дальше ужъ и нехватаетъ силы, или скажетъ конецъ слова, а начало ужъ забыто. Къ сожалѣнію, учитель имѣлъ странный методъ. Онъ сперва училъ читать, а потомъ уже писать. Вслѣдствіе этого дядя Иванъ считалъ письмо чѣмъ-то въ высшей степени головоломнымъ и недосягаемымъ. Можетъ быть, онъ и одолѣлъ бы свой страхъ передъ письменною азбукою, но черезъ годъ парашкинскую школу закрыли, такъ и не научился дядя Иванъ писать, да и читалъ то онъ съ грѣхомъ пополамъ: онъ былъ принужденъ накладывать на произносимое слово палецъ, иначе ничего не выходило; слово быстро исчезало съ поля его зрѣнія и ему съ мучительнымъ усиліемъ приходилось отыскивать его. Книжки давалъ ему учитель. По отъѣздѣ же учителя пришлось привозить книжки изъ Сысойска, съ базара, причемъ, когда по возвращеніи домой онъ съ виноватой улыбкой вынималъ изъ-за голенища книжку, мать набрасывалась на него съ гнѣвомъ:

— Ахъ ты, дуракъ, дуракъ! Стòитъ-то сколько?

— Пятакъ.

— Ахъ ты, дуракъ, дуракъ!

Но увѣщанія старухи не дѣйствовали на него. Не было силы, которая заставила бы его отказаться водить пальцемъ по книжкѣ, что онъ и дѣлалъ въ свободныя минуты, по большей части, скрытно. Досадно ему было не то, что старуха часто накрывала его на мѣстѣ преступленія и брюзжала, а то, что въ книжкѣ не все давалось ему. Попадались такія словечки, смыслъ которыхъ для него былъ закрытъ, и онъ приходилъ въ глубокое волненіе. Голова его трещала отъ напряженія. Глаза съ тоской смотрѣли въ одну точку, и палецъ такъ и застывалъ на одномъ проклятомъ мѣстѣ. Тогда онъ обращался къ писарю Семенычу, который за косушку водки объяснялъ ему непонятное слово, несмотря на то, что и самъ очень часто понималъ его не лучше дяди Ивана.

Эта страсть «почитаться» привела дядю Ивана къ тому, что хозяйство его мало-по-малу опустилось. Онъ сталъ забывчивъ; на него находила тоска; дѣло валилось изъ рукъ. Савишна все чаще и чаще кивала головой, зловѣще смотря на сына, съ высоты печи. И вотъ въ одинъ прекрасный день дошло дѣло до того, что дядю Ивана, какъ недоимщика, позвали въ волость и произвели тамъ надъ нимъ обычную въ этихъ случаяхъ экзекуцію. Экзекуція эта произвела въ немъ такое нравственное потрясеніе, что онъ готовъ былъ наложить на себя руки—утопиться. Съ этою цѣлью онъ снялъ съ себя шапку, сапоги и кафтанъ, сложилъ все это въ кучу и завязалъ кушакомъ, не желая, чтобъ одежда его пропала даромъ,—зачѣмъ обижать старуху, она и безъ того голодать будетъ. Но въ ту самую минуту, когда онъ готовъ былъ броситься въ воду, внезапно окликнулъ его староста, позвавши идти вмѣстѣ со всѣмъ міромъ чинить

мость. Повинуясь приказанію старосты, съ укоромъ озиравшаго лѣнтяя, дядя Иванъ развязалъ свой узелъ, надѣлъ сапоги, архалукъ и шапку, и пошелъ за топоромъ.

Такъ и не вышло новаго Ломоносова. «Прошло съ тѣхъ поръ довольно времени,—читаемъ мы въ заключеніи повѣсти,—а дядя Иванъ о книжкахъ и чудесныхъ мысляхъ больше не вспоминалъ. Онъ думалъ только о недоимкахъ; и цѣлый годъ изо дня въ день по тѣлу его пробѣгалъ морозъ, а внутри все мучительно ныло. Книжекъ въ пятакъ онъ не носилъ больше за голенищами; онъ зарылъ ихъ въ яму, выкопанную нарочно на огородѣ, и старался никогда не вспоминать о нихъ. Если же на него нападала тоска, то онъ шелъ къ Семенычу и отправлялся вмѣстѣ съ нимъ въ кабачокъ. Черезъ полчаса, много черезъ часъ, оба закадычные выходили оттуда уже готовыми. Держась другъ за друга и заплетаясь ногами за землю, они шли по улицѣ и размахивали руками. Семенычъ въ такомъ случаѣ говорилъ: «бррр!» воображая, что произноситъ цѣлую рѣчь, а дядя Иванъ молчалъ; онъ только шевелилъ губами, все желая сплюнуть горечь, но ему никогда не удавалось переплюнуть черезъ губу.»

XVI.

Но и грамотный ходокъ по крестьянскимъ дѣламъ—«безгласный» гласный Фролъ Пантелѣевъ, и неудавшійся Ломоносовъ Иванъ Ивановъ, представляются, во всякомъ случаѣ, хотя и часто встрѣчающимися типами среди мужиковъ, но во всякомъ случаѣ не такими всеобъемлющими, какъ дядя Минай, въ разсказѣ *Фантастическіе замыслы Миная*. Дядя Минай является представителемъ русскаго крестьянства во всемъ его цѣломъ, именно, со стороны той мечтательности, которая является однимъ изъ существенныхъ свойствъ русскаго мужика. Мужикъ и розовый мечтатель, казалось бы, эти два понятія не могутъ имѣть ничего общаго между собою, а тѣмъ не менѣе оно именно такъ. Нѣтъ въ Россіи ни одного мужика, который не былъ бы вѣчно погруженъ въ радужныя мечты. При этомъ мечтательность мужика обратно-пропорціональна его хозяйственному благосостоянію. То-есть чѣмъ онъ бѣднѣе и разореннѣе, чѣмъ безвыходнѣе его положеніе, тѣмъ фантастичнѣе его мечты; онъ живетъ, упивается ими, онъ забываетъ въ нихъ ужасъ своей дѣйствительности. Таковъ передъ нами дядя Минай.

Казалось бы, досугъ ли ему было бы о чемъ-либо мечтать? Все лѣто и осень онъ совался и дурѣлъ, какъ подхлестываемая лошадь. Онъ едва успѣвалъ отмахиваться отъ всевозможныхъ кредиторовъ, раздиравшихъ его на части, такъ что у него не оставалось ни одной свободной минуты, чтобы опомниться. Зимою онъ отправлялся въ извозъ, утопалъ въ ухабахъ, привозя домой пряниковъ дѣтишкамъ, да заѣзженную лошаденку,—однимъ словомъ, думать было мало времени. Тѣмъ не менѣе, тутъ-то и одолѣвали его мечты.

«Пріѣдетъ онъ,—читаемъ мы,—съ зимняго извоза, раздѣнется, разуется, ляжетъ на полати и начинаетъ фантазировать. Придумываетъ онъ тутъ разныя измышленія, высчитываетъ безчисленные счастливые случаи и самъ восхищается своими созданіями. Прежде всего, его занимаетъ ожидающійся урожай. Полосы уже засѣяны; теперь только ждать надо. У Миная какъ-то выходитъ, что и дождичекъ льетъ во-время, и сухое время настаетъ въ пору,—однимъ словомъ, урожай будетъ превосходный. Съ этого осьминника онъ получитъ столько-то, а съ этого вотъ сколько. Хлѣба будетъ довольно. Потомъ Минай начинаетъ распредѣлять баснословный урожай. Туда онъ заплатитъ, этому отдастъ, сюда сунетъ, а на подати опять продастъ, и все выходитъ какъ нельзя лучше. Но Минай не хочетъ наобумъ рѣшать сложныя задачи, онъ высчитываетъ. «Р-разъ!»—шепчетъ онъ про себя, отыскивая счастливый случай, и загибаетъ на ладони палецъ. Загѣмъ начинаетъ прибирать другіе неестественные случаи хлѣбныхъ остатковъ... «Два!»—радостно шепчетъ онъ, загибая другой палецъ. Онъ непремѣнно смотритъ на пальцы и выказываетъ необычайное волненіе, когда ему не удается загнуть слѣдующаго пальца. Но это рѣдко бываетъ. Фантазія его ни передъ чѣмъ не останавливается, лишь бы загнуть всѣ пальцы. Въ концѣ-концовъ, всегда оказывается, что пятерня вся загнута, хлѣба достанетъ и подати будутъ уплачены».

Разумѣется, онъ не въ состояніи скрыть отъ себя плохого качества землишки, которую онъ нынче расковырялъ и засѣялъ. У парашкинцевъ вся земля истощена, они выжали изъ нея все, что было можно. Минай отлично знаетъ, что безъ навозу «никакъ невозможно», поэтому главнымъ предметомъ его мечтаній является именно навозъ.

«Скотины у него осталось мало; изъѣзженная лошаденка, которую онъ въ своихъ разъѣздахъ измоталъ такъ, что у ней круглый годъ наружу торчали ребра, коровенка, нѣсколько овчишекъ, одна свинья—вотъ и весь скотъ. Какой тутъ навозъ? Но Минай все-таки ухитряется создать въ своемъ воображеніи несмѣтное число навозныхъ кучъ; передъ его умственными взорами носится даже самая картина возки навоза на поля и удобреніе имъ земли. Конечно, изъ всего этого ровно ничего не выходитъ, и онъ только успокоиваетъ себя несмѣтными кучами».

Въ дѣйствительности, когда Минай оглядывался вокругъ себя, онъ не могъ не убѣждаться, что навозу у него нѣтъ и быть не можетъ, что изба его совершенно изветшала; ткни ее пальцемъ—и она, казалось, разсыплется, что въ плетнѣ его двора постоянно образовывались дыры, въ которыя пролѣзали чужія свиньи, забирались на дворъ и поѣдали все, что попадало подъ рыло. Возъ хворосту всего стоилъ гривенникъ въ барскомъ лѣсу, но у Миная не только гривенника, а часто и заржавленнаго гроша не было. Такъ дыры и оставались не загороженными. Тѣмъ не менѣе Минай не отчаивался. Неизвѣстно какъ, но у него въ результатѣ размышленій всегда выходило, что навозъ у него будетъ, земля удобрится, рожь уродится преотличная и проч., и проч.

Беззаботность Минай еще болѣе поддерживалась тѣмъ, что какъ ни много у него было бѣдъ и какъ ни велики были онѣ, онъ ежеминутно чувствовалъ за своей спиною силу. Этою силой былъ міръ; онъ въ него такъ вѣрилъ, что когда у него ничего не оставалось, то все-таки оставался міръ, на который онъ обращалъ глаза и ждалъ: вотъ-вотъ міръ что̀ ни на есть придумываетъ. Міръ для него былъ крѣпостью, гдѣ онъ спасался отъ непріятелей. Нельзя сказать, чтобы парашкинское «общество» было особенное укрѣпленное мѣсто,—часто Минай подвергался участи страуса, спрятавшаго голову подъ крыло, тѣмъ не менѣе, онъ вѣрилъ въ крѣпость, и потому не могъ навсегда упасть духомъ, лечь и начать помирать.

Но съ нѣкотораго времени Минай пересталъ всѣ свои надежды возлагать исключительно на одну эту крѣпость, и мечты его, помимо сознанія, начали направляться въ другую сторону. Такъ, большимъ соблазномъ для Миная былъ кулакъ Епишка, поселившійся по сосѣдству и опутавшій всѣхъ парашкинцевъ. Давно ли этотъ самый Епишка былъ не болѣе какъ прощалыгою, который въ Сысойскѣ продавалъ воблу, вырабатывая за весь день не болѣе гривны. И вдругъ этотъ самый Епишка, по волѣ попутнаго вѣтра, приносится къ парашкинцамъ, садится на хребты ихъ и самоувѣренно говоритъ: «Н-но, милыя, трогай!»—и парашкинцы везутъ его, и навѣрно вывезутъ. У Епишки всегда есть хлѣбъ. Епишка не нуждается въ гривенникѣ; цѣлковые сами текутъ къ Епишкѣ. Епишка пользуется уваженіемъ, ему всѣ парашкинцы шапки снимаютъ. Епишку никто не трогаетъ; напротивъ, онъ самъ всѣхъ задѣваетъ. Епишку не сѣкутъ; у Епишки никогда нѣтъ недоимокъ, да и платитъ ли онъ какія-нибудь подати? Епишка содержитъ кабакъ... ну, это ужъ отъ его паскудства; но еслибъ онъ и кабака не держалъ, то и тогда онъ катался бы, какъ сыръ въ маслѣ. Но, главное, Епишка самъ по себѣ владѣетъ землей,—вотъ чего Минай не могъ переваривать. Какъ ни раскидывалъ Минай умомъ, оказывалось, что для полученія удачи необходимы слѣдующія условія: не имѣть ни сродственниковъ, ни знакомыхъ, ни «обчества», жить самому по себѣ, быть отъ всего оторваннымъ и болтаться, гдѣ хочешь. Такой выводъ приводилъ въ изумленіе самого Миная, а изъ этого вывода слѣдовало прямое заключеніе: чтобы достигнуть того, чего достигъ Епишка, безпремѣнно удрать надо, только до лѣта дотянуть, а тамъ... поминай, какъ звали.

«Придетъ время,—говоритъ авторъ,— когда парашкинское общество растаетъ, потому что Епишка не даромъ пришелъ. Какъ лазутчикъ сысойской цивилизаціи, онъ знаменуетъ собою пришествіе другого Епишки, множества Епишекъ, которые загадятъ парашкинское общество».

Впрочемъ, нужно сказать правду, не одна участь Епишки вдохновляла мечты Миная. Иногда онѣ принимали совсѣмъ болѣзненный видъ и со стороны казались просто глупыми и невѣжественными. То онъ выдумаетъ, что ему позволятъ переселиться въ Азію, то онъ вѣритъ, что недоимки будутъ съ него сняты, то онъ убѣждаетъ себя, что земли прирѣжутъ. Онъ ловилъ малѣйшій слухъ, который не былъ очевидною нелѣпостью, и фантазировалъ на

его счетъ. Показывая видъ, что онъ нисколько не вѣритъ болтовнѣ бабъ, онъ втайнѣ предавался мечтаніямъ насчетъ какой-нибудь утки, пущенной какимъ-нибудь солдатикомъ, и въ то же время съ ужасомъ ловилъ новую утку, волнуясь при ея появленіи до глубины души. Въ этомъ случаѣ онъ даже и не лгалъ передъ собой,—онъ вѣрилъ. Это спасало его на время, позволяя ему ожидать чего-то.

Кончилось, конечно, все это тѣмъ, что домечтался Минай до того, что всѣ строенія и хозяйство его были описаны за долги. Жена его Ѳедосья, вмѣстѣ съ Яшкой и Дунькой, осталась на улицѣ, не зная, куда ей дѣться, а Минай ушелъ на заработки въ одну изъ столицъ, никакихъ инструкцій на этотъ счетъ не оставивъ. И лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прислалъ письмо, въ которомъ, попрежнему, строилъ фантастическіе замки и выглядѣлъ беззаботнымъ.

XVII.

Уходъ Миная изъ деревни не представляется, конечно, исключительнымъ случаемъ, такъ какъ и самъ Минай является передъ нами не какимъ-либо исключительнымъ Минаемъ, а, по вышеобозначенному способу обобщенія Петропавловскаго, представителемъ большинства русскихъ крестьянъ, дошедшихъ до крайняго разоренія. Въ разсказѣ *Послѣдній приходъ Демы*, авторъ касается этой самой темы бѣгства парашкинцевъ изъ родного села, въ еще болѣе широкомъ смыслѣ. Такъ въ разсказѣ изображаются тотъ ужасъ и уныніе безпомощности, какіе овладѣли парашкинцами при мысли о томъ, что если всѣ разбѣгутся, то кто же будетъ платить. И дѣйствительно, было отъ чего придти въ ужасъ. Число парашкинскихъ бродягъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Образовался особенный кочевой классъ, который только числился на міру, а жилъ уже другой жизнью. Вотъ Климъ Дальній, Петръ Безпаловъ, Семенъ Бѣлый, да ихъ и не перечтешь всѣхъ. По опыту парашкинцы знали, какъ легко и внезапно покидаетъ нынче человѣкъ насиженное мѣсто. «Онъ нынче здѣсь, а на слѣдующій годъ уже за тысячу верстъ, откуда пишетъ оглушительное письмо, что онъ платить больше не можетъ и не будетъ. Разъ же онъ выскочилъ изъ своего мѣста, онъ рѣдко возвращается обратно; онъ такъ и остается въ числѣ «кочевыхъ народовъ». Бывали ли прежде такіе случаи? Слыхано ли было когда-нибудь, чтобы парашкинцы только и думали, какъ бы наплевать другъ на друга и разбѣжаться въ разныя стороны? Не бывало этого, и парашкинцы объ этомъ не слыхали.

Тогда ихъ гнали съ насиженнаго мѣста, и они возвращались назадъ; ихъ столкнутъ, а глядишь—они опять лѣзутъ въ то мѣсто, откуда ихъ вытурили.

Прошло это время. Нынче парашкинецъ бѣжитъ, не думая возвращаться; онъ радъ, что выбрался по-добру, по-здорову. Онъ часто уходитъ затѣмъ, чтобы только уйти, провалиться. Ему тошно оставаться дома, въ деревнѣ,

ему нуженъ какой-нибудь выходъ, хоть вродѣ проруби, какую дѣлаютъ зимой для ловли задыхающейся рыбы.

Къ этому надо присоединить, что не одни только безвыходно-экономическія положенія гнали парашкинцевъ изъ деревни. Такъ, по словамъ автора, «какъ ни жалки были условія фабричной жизни героя разсказа Демы, но, сравнивая ихъ съ тѣми, среди которыхъ онъ принужденъ былъ жить въ деревнѣ, онъ приходилъ къ заключенію, что жить на міру нѣтъ никакой возможности. Сравненіе было рѣшительно и безповоротно.

«Внѣ деревни Дему, по крайней мѣрѣ, никто не смѣлъ тронуть, и то мѣсто, гдѣ ему было не подъ силу и гдѣ ему не нравилось, онъ могъ оставить, а изъ деревни нельзя было уйти во всякое время. Внѣ деревни онъ кормился, а деревня давала ему только одну траву. Но важнѣе всего: внѣ деревни его не оскорбляли, деревня же предлагала ему рядъ самыхъ унизительныхъ оскорбленій. Страдало человѣческое достоинство, проснувшееся отъ сопоставленія двухъ жизней, и деревня для Демы, въ его представленіяхъ, стала мѣстомъ мученія. Онъ безсознательно началъ питать къ ней недоброе чувство. И чувство это возрастало и крѣпло».

Въ результатѣ общаго бѣгства изъ деревни получилась ужасающая картина страшнаго запустѣнія, изображенная въ разсказѣ «Какъ и куда они переселились». Прежняя деревня далеко тянулась въ два порядка, вдоль рѣки, а теперь остались отъ улицы одни только слѣды. Рѣка тихо катила свои мутныя струи. Берега ея поросли мелкимъ кустарникомъ, а ея поверхность покрылась лопухами и кашкой; нигдѣ не видно было тропинокъ, даже дорога, ведущая къ мосту, поросла травой. На мѣсто большинства избъ виднѣлось пустое пространство, заваленное навозомъ, щепками, мусоромъ и поросшее крапивой. Кое-гдѣ вмѣсто избъ—просто ямы; нѣсколько десятковъ избъ—вотъ все, что осталось отъ прежней деревни. Немного осталось и жителей въ ней. Все это были люди, сросшіеся съ землей, на которой они и жили такъ крѣпко, что связали свою судьбу съ ней. Поля вокругъ деревни уже не засѣвались сплошь, какъ было прежде; во многихъ мѣстахъ желтѣли большія заброшенныя плѣшины; тамъ и сямъ земля покрылась верескомъ; кое-гдѣ вновь появились, незамѣтныя раньше, болота; засѣянныя же поля были тощи по качеству и незначительны по количеству. А бродившій по кустарнику скотъ едва волочилъ ноги, паршивый, худой, съ ребрами наружи и съ обостренными спинами, на которыя часто садились галки и клевали мясо.

Но парашкинцы были равнодушны ко всему; равнодушіе это проявлялось во всемъ, что не предпринимали они. На улицахъ громоздились горы щепъ, золы и сора, и никто не думалъ чистить это, хотя бы передъ своимъ домомъ. Строенія также стояли безпорядочно среди всякаго разрушенія. Если стѣна косилась, ее не думали подпирать; иная крыша ежеминутно грозила рухнуть и задавить находящихся подъ ней обитателей, но и на это не обращалось вниманія. Рушился сарай, его не поднимали, онъ такъ и лежалъ, постепенно растаскиваемый на растопку печей. Падала

въ колодецъ курица, ея не вытаскивали, а воду начинали брать изъ мутной рѣки или изъ другого колодца. Разбивалось окно, его затыкали тряпицей, соломеннымъ чучеломъ, или просто ничѣмъ не затыкали. Валилась труба, хозяинъ ея только равнодушно удивлялся такой странности: «Труба... экъ ее угораздило! Дивное это дѣло, братецъ ты мой! Все стояла аккуратно, какъ быть должно, и вдругъ хлопъ!» Труба оставалась неисправленною, и достаточно было одной искры, вылетѣвшей изъ нея, чтобъ истребить огнемъ всю деревню «отъ случайности».

Парашкинцы были спокойны. Такъ они жили изо дня въ день, ко всему равнодушные, кромѣ дневного пропитанія, да и на пропитаніе обращали лишь незначительное вниманіе, приспособляясь и привыкая къ такой жизни, которая въ иныя времена заставила бы ихъ жестоко убиваться. Существованіе ихъ за это время было просто сказочное. Они и сами не сумѣли бы объяснить сколько-нибудь понятно, чѣмъ они жили. Попадалась имъ невзначай какъ съ неба свалившаяся работа, они хватались за нее и перемогались; не попадалось работы, также перемогались. Ихъ оставалось уже немного, и въ деревнѣ царствовала мертвая тишина. Жены ихъ ходили и работали машинально, истомленныя, угрюмыя и вялыя; дѣти не играли, совсѣмъ не показываясь на улицѣ. Мужики не собирались на сходъ, или соберутся, но молчатъ, а если начнутъ говорить, то о пустякахъ; когда же кто хотѣлъ заговорить о дѣлѣ, на того накидывались и чуть не силой затыкали ему ротъ,—до такой степени они дорожили своимъ спокойствіемъ. Свѣжему человѣку просто жутко было жить среди такого народа.

Пріѣхалъ къ нимъ губернскій гласный, посланный земствомъ спеціально посмотрѣть на парашкинцевъ. Еще не доѣзжая до села, онъ уже все понялъ и почувствовалъ желаніе поскорѣе уѣхать изъ зачумленнаго мѣста. Но онъ волей-неволей долженъ былъ исполнить свою обязанность и собралъ всѣхъ парашкинцевъ около волостного правленія. Парашкинцы, однако, молчали и каждое слово надо было насильно вытягивать изъ ихъ устъ. Постоялъ, постоялъ на крыльцѣ гласный и самъ замолкъ. Задалъ было онъ еще нѣкоторые вопросы парашкинцамъ, да они отвѣчали ему до такой степени ни съ чѣмъ несообразную чепуху, что онъ сталъ собираться къ отъѣзду; довольно насмотрѣлся! На него нахлынуло то тяжелое, хотя и безформенное чувство, когда руки опускаются и противно глядѣть на все окружающее... И хочется закрыть глаза, все забыть и хоть на минуту забыться, а силъ на это нѣтъ. Тогда первое, что представляется уму, это—бѣжать скорѣе, если возможно.

— А что, ежели спросить вашу милость, къ примѣру, насчетъ, будемъ прямо говорить, ссуды... будетъ намъ ссуда, ай нѣтъ?—спокойно освѣдомились парашкинцы, когда гласный садился въ телѣжку.

— Ничего вамъ не будетъ!—мрачно отвѣтилъ онъ и уѣхалъ.

Кончается этотъ мрачный разсказъ попыткою переселенія парашкин-

цевъ, по наущенію солдата Ершова, на какія-то фантастическія новыя мѣста и возвращеніемъ на старое пепелище злосчастныхъ бѣглецовъ послѣ погони за ними станового.

XVIII.

Я не знаю, нужно ли приводить еще какіе-либо факты изъ разсказовъ Петропавловскаго къ дополненію къ этой по-истинѣ трагической картинѣ деревенской жизни, картинѣ, далеко превышающей своимъ ужасомъ не только всѣ тѣ факты, которые выставляетъ Чеховъ въ своемъ разсказѣ, но и *Подмиповцевъ* Рѣшетникова. Ко всему вышеизложенному остается развѣ что прибавить лишь два факта, являющіеся послѣдствіями общаго обнищанія и раззоренія, рисующихся въ очеркахъ Петропавловскаго.

Первый фактъ является въ видѣ хроническихъ, изъ году въ годъ повторяющихся голодовокъ, которыя начались не съ 1891 г. только, а существовали еще задолго до того времени, но никто не обращалъ на нихъ вниманія. Разсказъ Петропавловскаго *Мѣшокъ въ три пуда* появился болѣе чѣмъ за десять лѣтъ назадъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, и вотъ что между прочимъ мы читаемъ въ этомъ разсказѣ:

«Въ изображаемой мѣстности каждую весну мужики колотились. Приходила весна и приносила съ собой нужду, которая свирѣпствовала безпощадно и неумолимо; прилетали ласточки и появлялись ребятишки съ кошелями, гулявшіе по всѣмъ деревнямъ за кусочками. Хлѣбъ къ этому времени у всѣхъ выходитъ, а травы еще не поспѣли. Взрослые рѣдко ходили въ кусочки; только нѣкоторыя старухи не смущались и христарадничали. Зато ребята поголовно кормились кусочками, подобно жаворонкамъ, клевавшимъ скудный кормъ наступающей весны. Это было правило, съ давнихъ поръ оставшееся безъ исключеній. Половина населенія пропитывалась на общій счетъ, взаимно помогая себѣ, вынося нужду подъ круговою порукой. Когда наставала оттепель и съ горъ катились ручьи, дѣти шатались изъ деревни въ деревню и питались. Имъ никто не отказывалъ; та баба, у которой были испечены *послѣдніе хлѣбы,* не считала себя уже вправѣ гнать маленькихъ, хроническихъ нищихъ; отказывала только та, у которой и *послѣдняго хлѣба* не было. Съ давнихъ временъ это вошло въ обычай, переставшій быть предметомъ стыда, потому что и стыдиться было некому. Стыдъ былъ общій, слѣдовательно, его не существовало».

Второй фактъ, являющійся результатомъ обнищанія и раззоренія, представляется въ видѣ нравственнаго разложенія семьи, потери той духовной связи, которая соединяетъ тѣсный и неразрывный союзъ взаимной любви и поддержки, уваженія къ старшимъ или заботъ о младшихъ. Подъ гнетомъ нужды члены семьи, напротивъ того, начинаютъ тяготиться другъ другомъ и смотрѣть на каждаго немощнаго старика или лишняго ребенка, исключительно, какъ на лишній ротъ, для котораго нужна своя доля хлѣба, и отъ котораго очень было бы пріятно избавиться. Въ этомъ

отношеніи Петропавловскій далеко оставляетъ за собою Чехова. У Чехова больной половой Николай Чикильдѣевъ, какъ никакъ, а находитъ пріютъ въ домѣ своихъ деревенскихъ родныхъ, которые, какъ бы ни были обнищалы и разорены, все-таки ни разу не попрекнули его тѣмъ, что онъ даромъ объѣдаетъ ихъ, и онъ имѣлъ возможность умереть подъ роднымъ кровомъ. Посмотрите же теперь, какъ изображаетъ семейныя отношенія въ крестьянскомъ быту Петропавловскій въ разсказѣ *Праздничныя размышленія*. Здѣсь изображается борьба отца съ сыномъ въ одномъ крестьянскомъ семействѣ:

«Между отцомъ и сыномъ шла вѣчно битва, потухавшая только въ тѣ дни, когда обоимъ ѣсть было нечего, т.-е. когда главнѣйшая причина ссоры отсутствовала. Прежде, когда старикъ былъ моложе и могъ работать, онъ нещадно колотилъ сына; обезсилѣвъ и переставъ работать, онъ принужденъ былъ выносить нещадные побои отъ сына—вотъ и все. Онъ жилъ въ банѣ, пристроенной здѣсь же, возлѣ избы на берегу пруда, но врозь отъ сына; питался чѣмъ попало, преимущественно же картофелемъ, но вѣчно голодалъ. Онъ былъ жаденъ, какъ ребенокъ, и забирался въ избу для хищенія съѣстного. За это въ избу его не пускали, а если онъ забирался и похищалъ что-нибудь, сынъ билъ его. Въ сущности онъ былъ свирѣпый старикъ, плакалъ отъ безсилія, при удобномъ же случаѣ кусался и царапалъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ жаловался сходу—оффиціальному или случайному, собравшемуся изъ нѣсколькихъ человѣкъ по близости ихъ избы. «Вотъ, господа православные, опять Васька меня прибилъ!»—говорилъ онъ. Но сочувствія никогда не было на его сторонѣ. Ему прямо говорили: «Теръ, теръ ты свои кости-то, и все конца тебѣ нѣту». Онъ не работалъ,—слѣдовательно, не имѣлъ права жить; онъ объѣдалъ,—слѣдовательно, долженъ быть истребленъ изморомъ. «Помирать бы давно надо, честь бы надо знать, а ты все мотаешься»,—говорили ему въ глаза.

«Въ описываемомъ округѣ семейная жизнь вообще устраивалась по этому образцу: братъ корилъ сестру за ея безполезность и старался ее *спихнуть*; мужикъ сживалъ со свѣту больную жену. Это была страшная, но неизбѣжная логика, и другой не можетъ быть тамъ, гдѣ египетская работа доставляетъ лишь сухую корку и медленно вгоняетъ работника въ гробъ. Тотъ идеалъ, который мы привыкли пріурочивать къ деревнѣ, обладаетъ свойствомъ внушать *нервную* дрожь всякому, кто никогда не видалъ ея. Законъ, право, справедливость принимаютъ здѣсь до того поразительную форму, что съ перваго разу ничего не понимаешь. Законъ представляется въ видѣ здоровеннаго Васьки; право переходитъ въ формулу: *долженъ честь знать;* справедливость вдругъ превращается въ похлебку, а орудіями осуществленія этихъ понятій являются: чугунъ, кулакъ, зубы и ногти».

XIX.

Я полагаю, что всѣхъ вышеприведенныхъ выдержекъ изъ разсказовъ Петропавловскаго вполнѣ достаточно, чтобы читатель могъ уразумѣть, въ какой степени этотъ писатель, считавшійся по всей справедливости ультранародникомъ, идеализировалъ народъ и представлялъ его въ какомъ бы то ни было ипомъ видѣ, чѣмъ г. Чеховъ въ своемъ разсказѣ *Мужики*.

Изъ этого слѣдуетъ прямой логическій выводъ, что люди, воображающіе, что до Чехова всѣ писатели, изображавшіе деревенскую жизнь, обязательно идеализировали народъ и что только съ появленія его *Мужиковъ* начинается реальное, правдивое изображеніе его, очевидно, не читали всѣхъ прежнихъ беллетристовъ-народниковъ и не имѣютъ о нихъ никакого понятія. Они разсуждаютъ чисто a priori, строя такого рода умозаключеніе: народникамъ свойственно идеализировать народъ. Поэтому, разъ беллетристъ является народникомъ, да еще принадлежитъ къ семидесятымъ годамъ, то его и читать нечего, такъ какъ навѣрно впередъ можно сказать, что народъ изображается у него въ идеализованномъ видѣ.

Но тутъ можетъ представиться вотъ какого рода недоумѣніе: беллетристика послѣднихъ тридцати лѣтъ, стоящая на вполнѣ реальной почвѣ и претендующая къ тому же затрогивать всѣ стоящіе на очереди вопросы и вѣянія, очевидно, должна отражать все, чѣмъ живетъ образованное общество въ данный моментъ и что его волнуетъ. Не можемъ же мы отрицать, чтобы въ интеллигентномъ обществѣ не было людей, идеализирующихъ народъ и что особенно такихъ людей много было въ семидесятые годы. Неужели же подобное очень важное общественное явленіе было опущено беллетристикою и прошло ею незамѣченнымъ? Неужели беллетристика, вѣрная своему призванію изображать одну реальную правду, только и дѣлала, что мужественно шла противъ общественнаго теченія и не только сама не идеализировала народъ, но не сочла нужнымъ въ то же время отнестись отрицательно къ тѣмъ попыткамъ идеализаціи, какія встрѣчала на каждомъ шагу въ жизни?

Ничуть не бывало: идеализація народной жизни не осталась незамѣченною беллетристикой и нашла въ ней очень широкое и видное мѣсто. Но представьте себѣ: какъ это ни можетъ показаться съ перваго взгляда нелѣпымъ и неправдоподобнымъ, обильную идеализацію народа мы встрѣчаемъ не въ тѣхъ беллетристическихъ произведеніяхъ, въ которыхъ изображается этотъ самый народъ, а въ тѣхъ, которыя посвящены изображеніямъ жизни русской интеллигенціи. И это отнюдь не парадоксъ, а несомнѣнный фактъ, и притомъ одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ нашей современной беллетристики.

Кое-какіе задатки этого факта мы видимъ уже въ семидесятыхъ годахъ, но наибольшее развитіе его принадлежитъ восьмидесятымъ годамъ. Въ восьмидесятые годы, эти мрачные годы—всеобщаго одичанія и забвенія всѣхъ прежнихъ *словъ*, отрицанія и цивилизаціи, и культуры, и науки,

стремленія къ такъ называемому *опрощенію,* съ другой стороны возвращенія къ дореформенному патріархальному режиму, вплоть до закрытыхъ судовъ и розогъ въ учебныхъ заведеніяхъ,—какъ извѣстно, воздвигнуто было общее гоненіе на такъ называемую *интеллигенцію.* Слово это иначе не печаталось, какъ въ ковычкахъ и сдѣлалось чуть что не браннымъ. Къ этому надо прибавить, что гоненіе это принадлежало не одному какому-нибудь направленію и лагерю, а практиковалось публицистами самыхъ противоположныхъ образовъ мыслей. Въ то время, какъ консерваторы и реакціонеры проклинали на всѣхъ соборахъ злосчастную *интеллигенцію,* считая ее огульно проникнутою ненавистнымъ имъ либерализмомъ, люди радикальнаго образа мыслей представляли ее не иначе, какъ въ видѣ баръ, воспитанныхъ на почвѣ крѣпостного права, унаслѣдовавшихъ отъ отцовъ и дѣдовъ нравственное и физическое растлѣніе, избалованныхъ городскимъ комфортомъ, изнѣженныхъ, нервно развинченныхъ, безхарактерныхъ психопатовъ. И вотъ, противъ этого скопища выродковъ, никуда не годныхъ и ни на что не способныхъ, начали выставлять дѣтей народа, пышащихъ нравственнымъ и физическимъ здоровьемъ и таящихъ въ своихъ нѣдрахъ океанъ непочатыхъ стихійныхъ и духовныхъ силъ. Можно положительно сказать, что, начиная съ конца семидесятыхъ годовъ и въ продолженіе всѣхъ восьмидесятыхъ, рѣдкое произведеніе изъ интеллигентнаго быта обходилось безъ того, чтобы рядомъ съ интеллигентными тряпицами не выставлялись деревенскіе атлеты съ спеціальною цѣлью оттѣнять и въ концѣ концовъ посрамлять эти тряпицы.

Замѣчательно при этомъ, что очень часто одни и тѣ же писатели, когда принимались за изображеніе деревенскаго быта въ его чистомъ видѣ и безъ отношенія къ интеллигенціи, выставляли мужиковъ совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ при сопоставленіи этихъ мужиковъ съ интеллигентами. Въ чистомъ видѣ мужикъ являлся, какъ мы видимъ у Петропавловскаго, въ худомъ полушубкѣ, пропитанномъ Богъ знаетъ чѣмъ, съ немытымъ лицомъ, съ руками похожими на осиновую кору, съ мутными и равнодушными глазами и вѣчнымъ испугомъ на лицѣ. Въ сопоставленіи же съ интеллигенціею этотъ же самый мужикъ чуть что не облекался въ виссонъ и бархатъ, умывался, прихорашивался и поражалъ своимъ благолѣпіемъ. Къ тому же, въ такомъ случаѣ являлся не заурядный мужикъ Пахомъ или Сидоръ, а нѣкій иксъ, именуемый *народомъ,*—въ собирательномъ и отвлеченномъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, возьмите хотя бы такого изобразителя народнаго быта, какъ Н. Н. Златовратскій. Даже и онъ, когда имѣетъ дѣло съ однимъ только народнымъ бытомъ, тогда признаетъ, что крестьяне оказываютъ полное довѣріе къ деревенскимъ кулакамъ, и любуются на нихъ, какъ на лучшихъ своихъ представителей, а когда тотъ же г. Златовратскій желаетъ посрамить интеллигенцію, тщетно добивающуюся довѣрія народа, то онъ устами Башкирова въ *Золотыхъ сердцахъ* сентиментально заявляетъ, что для пріобрѣтенія народнаго довѣрія нужно *быть несчастнымъ.* Вотъ тутъ и разбирайтесь, какъ хотите: съ одной стороны, деревенскій кулакъ, съ другой—

несчастный. Казалось бы, можно ли себѣ представить кого-либо несчастнѣе Лизы Дрекаловой, въ качествѣ сельской учительницы; но, относительно народнаго довѣрія, ей, какъ интеллигентной особѣ, пришлось спасовать передъ Петромъ Вонифантьевымъ, а казалось, что во всемъ романѣ трудно найти человѣка болѣе счастливаго этого умственнаго героя. Или вы возьмите этого самаго Петра Вонифантьева въ сопоставленіи его съ московскою интеллигенціей, во время его поѣздки въ столицу, и какъ ни мало симпатиченъ онъ, самъ по себѣ, но московская интеллигенція совершенно пасуетъ передъ нимъ. Онъ мечталъ набраться отъ нея ума-разума; его встрѣтили съ распростертыми объятьями, какъ *сына народа, дитя деревни, непосредственную натуру*, начали развивать, читать лекціи и кончили тѣмъ, что обобрали его, довели до кутузки и онъ возвратился въ родную деревню, тая въ душѣ своей глубокую злобу *ко всѣмъ, ко всѣмъ имъ*.

XX.

То же самое мы видимъ и у Петропавловскаго. Тѣ же самые мужики, которые являлись въ его разсказахъ изъ народнаго быта обнищалыми, разоренными, въ рваныхъ полушубкахъ и съ выраженіемъ вѣчнаго страха въ лицахъ, совершенно преображаются въ произведеніяхъ второго періода литературной дѣятельности Петропавловскаго, когда онъ началъ сопоставлять мужиковъ съ интеллигенціей. Этотъ второй періодъ начался съ половины восьмидесятыхъ годовъ. Въ біографіи, приложенной къ сочиненіямъ Петропавловскаго, глухо и совершенно неосновательно сказано относительно наступленія этого періода, что «кое-какіе взгляды его къ этому времени измѣнились, потому что сама жизнь привела къ необходимости этихъ измѣненій, развернувъ шире такія стороны, на которыя не достаточно много обращалось вниманія въ первую половину семидесятыхъ годовъ. Но тѣ идеалы, которые свѣтили ему въ юности, свѣтили въ тяжелое для него время съ 1874—80 г. и теперь горѣли и ихъ свѣтъ не слабѣлъ, несмотря на эту ужасную жизнь». На самомъ дѣлѣ, если мы и допустимъ, что дѣйствительно къ измѣненіямъ въ характерѣ творчества привела Петропавловскаго жизнь, то вовсе не вслѣдствіе того, что она развернула будто бы шире такія стороны, на которыя не обращалось вниманія въ семидесятые годы, а просто повліяла на Петропавловскаго тѣми вѣяніями восьмидесятыхъ годовъ, которымъ невольно подчинился писатель. Вѣянія эти и не думали развертывать шире какія-либо стороны, не замѣченныя прежде, а были довольно тлетворнаго характера, и подчиненіе этимъ вѣяніямъ, по нашему мнѣнію, представляетъ вовсе не шагъ впередъ въ жизни и творчествѣ Петропавловскаго, а, напротивъ того, нѣкоторое отступленіе отъ лучшихъ завѣтовъ семидесятыхъ годовъ и постепенное паденіе таланта. Очень можетъ быть, что виноватыми въ этомъ отношеніи оказываются не одни 80-е годы, а вмѣстѣ съ ними и странническая, необезпеченная жизнь Петропавловскаго, не дававшая возможности ни оглядѣться вокругъ себя, ни вдуматься во все окружающее, ни почитать и по-

учиться. Наконецъ недугъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе подтачивавшій физическія силы писателя, вліялъ несомнѣнно и на его силы умственныя.

Первый разсказъ Петропавловскаго, въ которомъ обнаружился новый духъ, не замѣчавшійся въ прежнихъ его произведеніяхъ, былъ *Снизу вверхъ*, напечатанный въ №№ 6 и 7 *Сѣвернаго Вѣстника* (1886 года). Прежде всего этотъ новый духъ сказался въ самомъ характерѣ главнаго героя разсказа, Михаила Лунина. Петропавловскій рѣзко измѣнилъ своему прежнему пріему изображать собирательные типы. Лунинъ является передъ нами уже не мужикомъ вообще, каковы были Савоська, Дема и пр., это — натура исключительная, выдающаяся изъ всего крестьянскаго міра, — не типъ, а характеръ. И судьба его не имѣетъ ничего общаго съ судьбою всѣхъ прочихъ парашкинцевъ. Всѣ прочіе парашкинцы, какъ остающіеся въ деревнѣ, такъ и бросавшіе ее, колотились, тщетно борясь съ безъисходною нуждою, и, ничего не достигая, или смирялись душою, или гибли, какъ мухи, — Лунинъ же, борясь съ гнетущими обстоятельствами, достигъ такой высоты, о которой не снилось ни одному парашкинцу, при всей ихъ мечтательности. Главною же преобладающею чертой въ характерѣ Лунина является сознательная независимость и чувство собственнаго достоинства, выражающееся въ строптивомъ стремленіи ни передъ кѣмъ не преклониться и постоять за себя.

Я вовсе не утверждаю, чтобы такіе гордые и строптивые типы не встрѣчались среди мужиковъ, и выставленіе подобнаго характера въ лицѣ Лунина является не первою попыткой Петропавловскаго. Уже въ первый періодъ своей литературной дѣятельности онъ успѣлъ выставить подобный типъ въ разсказѣ *Вольный человѣкъ* въ образѣ кузнеца Егора Панкратова. Такъ мы видимъ, что Егоръ Панкратовъ весь былъ преисполненъ презрѣнія къ давно минувшему, т.-е. къ временамъ крѣпостного права, когда люди *жили безъ правилъ*, а нынче, по его мнѣнію, господствуетъ *«законъ, такъ-то!»* И вотъ, во имя этого убѣжденія, внушеннаго ему новымъ временемъ, равно какъ и по врожденной строптивости, онъ строго охранялъ свою неприкосновенность. Помимо желанія быть неприкосновеннымъ у себя дома, онъ еще держался правила быть по возможности дальше отъ деревенскаго и другого начальства: начиная съ десятскаго, онъ былъ со всѣми крутъ, если кто-нибудь изъ всѣхъ этихъ посягалъ на его личность. Онъ ни во что не вмѣшивался, зналъ только свое хозяйство и не желалъ, чтобъ его трогали. Но строптивость Егора Панкратова импонировала лишь въ нѣдрахъ деревни, передъ деревенскимъ начальствомъ. Деревенское начальство, дѣйствительно, побаивалось Егора Панкратова. Такъ десятскій, приглашая его на сходъ, никогда не барабанилъ въ его окно, а приглашалъ его издали, становясь саженяхъ на три отъ избы. Когда Егоръ Панкратовъ опаздывалъ взносомъ податей на день или на два, староста приходилъ къ нему и смиренно напоминалъ ему объ этомъ. Отъ болѣе же высшаго начальства Егоръ Панкратовъ «хоронился», а если приходилось сталкиваться съ нимъ, онъ мол-

чалъ, затаивая свои сокровенныя мысли и чувства, и это молчаніе приносило ему существенную пользу,—никому не приходило въ голову, что онъ строптивый, и онъ оставался нетронутымъ, потому что трогать его было не за что. Но однажды Егоръ Панкратовъ не выдержалъ, защищая свои права отъ барина, затянувшаго отдачу заработанныхъ денегъ, нагрубилъ исправнику и ему не замедлили показать, какія онъ имѣлъ права, или, какъ онъ выражался, «правила», засадили его въ кутузку и продержали тамъ дня два. Эта наука такъ потрясла Егора Панкратова, что съ нимъ сдѣлалась горячка; когда же онъ выздоровѣлъ, всю его строптивость какъ рукой сняло. Онъ стыдился за все свое прошлое, сознаваясь, что его тогда «нечистый попуталъ», и такимъ остался навсегда. Сдѣлался ко всему равнодушенъ; ему было, повидимому, все равно, какъ ни жить; если онъ жилъ—то потому, что другіе живутъ. Однимъ словомъ, онъ былъ приведенъ къ такому же знаменателю, къ которому были приведены и всѣ прочіе парашкинцы. И согласитесь сами, что это, какъ нельзя болѣе, реально и правдиво. Строптивые люди у насъ даже и такіе, которые не какимъ-нибудь забитымъ и запуганнымъ парашкинцамъ чета, а образованные и передовые, очень легко и быстро укрощаются и, подобно Егору Панкратову, конфузясь всего своего прошлаго, дѣлаются ко всему равнодушными.

XXI.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ повѣсти *Снизу вверхъ*. Герой этой повѣсти Михаилъ Лунинъ—не чета Егору Панкратову. Это—сознательный протестантъ, который не ограничиваетъ свою строптивость затаиваніемъ и молчаніемъ передъ высшимъ начальствомъ. Онъ отважно борется сначала съ отцомъ, затѣмъ съ сельскими властями и богатѣями, и наконецъ убѣгаетъ въ городъ, мечтая нажиться. На первыхъ порахъ онъ чуть не гибнетъ, вовлеченный землякомъ въ уголовное воровское дѣло. Другой бы на мѣстѣ Михайлы и дѣйствительно погибъ, но Михайло вышелъ сухимъ изъ воды; попалъ затѣмъ на кирпичный заводъ Пузырева, и здѣсь такъ его поразило жалкое рабство, въ которомъ находились рабочіе, что онъ, выйдя изъ себя, прочиталъ одному изъ нихъ слѣдующаго рода нотацію:

«— Эхъ, вы, крѣпостные!—вскричалъ онъ.—Отъ васъ, отъ чертей, и всѣмъ-то жить худо, потому вы сами не желаете хорошаго себѣ. Набьетъ, идолъ, брюхо свое соломой—и доволенъ, больше не требуется, сытъ! Деруть его, какъ мерина, а у него хоть бы стыдъ былъ—ничего!... Что ему, идолу, когда онъ сызмальства привыкъ, чтобы драли его по заду? Вотъ Пузыревъ ужъ на что, и тотъ покрикиваетъ. Жаловаться на него — какъ же можно? Господинъ! Осерчаетъ! А этотъ самый господинъ еще и лицо-то не успѣлъ умыть, еще пахнетъ отъ него мужикомъ, а онъ ужъ ломается, кричитъ, обсчитываетъ, пхаетъ ногой въ бокъ... Да и какъ же ему не ломаться, коли онъ видитъ крѣпостныхъ истукановъ? Эхъ, ты, рабъ! А тоже жалуешься, что плохо!... Да что же тебѣ плохо, когда ты не имѣешь по-

нятія, что хорошо, что плохо, что радость, что пиво, что счастье, что битье по заду... когда ты не различаешь хлѣба отъ соломы,—чего же тебѣ нужно? Нѣтъ, еслибъ ты самъ хотѣлъ хорошее, понималъ бы, что есть хорошее, стыдился бы худого, такъ никто бы не смѣлъ ломаться надъ тобой. Кто же меня приневолитъ дѣлать, когда я скажу: не хочу!»

Какъ бы ни былъ востеръ разумомъ Михайло, а согласитесь, что это все произноситъ не онъ, а устами его гласитъ самъ авторъ. И невольно вамъ приходитъ въ голову, что авторъ сходитъ уже съ реальной почвы, и что Михайло его не взятъ непосредственно изъ дѣйствительности, какъ всѣ прочіе парашкинцы, а сочиненъ.

И чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ мы болѣе находимъ дровъ. Послѣ вышеприведенной тирады Михайло не замедлилъ оставить Пузырева, не желая подчиняться его самодурству, и пришелъ къ окончательному убѣжденію, что онъ открылъ глубочайшій секретъ жизни: волю! «Какъ онъ прежде не догадался, чего ему надо? И какъ люди не знаютъ, что лучше всего на бѣломъ свѣтѣ? Смотря на идущихъ и ѣдущихъ людей по улицамъ, онъ радовался до глубины души, что онъ держитъ секретъ, который вотъ тутъ, подъ ситцевою рубашкой, лежитъ у него, а они не нашли и не знаютъ его. Ахъ, дураки!»

Сознавъ, что ему ничего болѣе не надо, кромѣ воли, и что въ волѣ все счастье человѣка, онъ «принялся благоразумно обдумывать, что дѣлать. Если въ одномъ мѣстѣ ему покажется подло, если тутъ вздумаютъ на него надѣть веревку, онъ оторвется и уйдетъ. Никто не въ силахъ его остановить, обратать и взять, если онъ самъ не захочетъ влопаться куда-нибудь въ рабство изъ-за хлѣба или изъ-за денегъ. Чтобы не сдѣлаться рабомъ, онъ будетъ ходить изъ одного мѣста въ другое, изъ губерніи въ губернію, побываетъ вездѣ, посмотритъ на все... Для житья ему не много надо, а богатство не обольщаетъ больше его».

Вслѣдъ затѣмъ Михайло отправился къ какому-то интеллигентному слесарю-самоучкѣ изъ мѣщанъ Алексѣю Ѳомичу, который пользовался такою широкою извѣстностью среди народа, что даже недавно пришедшіе на заработки уже черезъ нѣсколько времени слышали о немъ; причемъ, говоря о немъ, рабочіе дѣлались серьезными. Этотъ самый таинственный Алексѣй Ѳомичъ отнесся къ Михайлѣ съ большимъ участіемъ, принялъ его въ свою мастерскую и началъ обучать его слесарному мастерству, а жена его Надежда Николаевна (изъ благородныхъ) и другъ, сердитый баринъ Колосовъ, занялись съ нимъ разными науками.

Все это прекрасно, и является пока лишь рѣдкимъ исключительнымъ случаемъ, но далѣе затѣмъ мы положительно вступаемъ въ область фантастическаго. Я понимаю, что при такихъ экстраординарныхъ условіяхъ лѣтъ въ десять полуграмотный парашкинецъ могъ пообтесаться настолько, чтобы смахивать на интеллигентнаго человѣка, хотя въ головѣ все-таки былъ бы порядочный ералашъ. Но представьте себѣ, что въ четыре года онъ превратился и по наружности, и по уму совсѣмъ въ образованнаго джентель-

мена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько усвоилъ не только слесарное, но и механическое ремесло, что могъ занять мѣсто помощника машиниста на одномъ заводѣ. Встрѣченная имъ внезапно деревенская зазноба Паша, въ свою очередь пришедшая въ городъ на заработки, испугалась, увидя, что ея Мишка превратился въ настоящаго барина, и притомъ франтоватаго. Но онъ не сталъ высокомѣрничать передъ нею и относиться съ презрѣніемъ къ необразованной и неотесанной деревенщинѣ, какъ это надо было ожидать отъ быстро-выскочившаго вверхъ парашкинца (парашкинцамъ, извѣстное уже дѣло, стоитъ попасть въ солдаты или на фабрику, чтобы сейчасъ же задрать голову и начать третировать свысока своихъ деревенскихъ земляковъ). Напротивъ того, онъ сейчасъ же женился на ней и послѣ женитьбы относился къ ней съ любовью и преданностью истинно образованнаго и развитого человѣка.

Но этимъ не ограничивается трогательная идиллія, заканчивающая разсказъ. Въ заключеніе Михайло дошелъ до такого высшаго пункта развитія, что его начала посѣщать свойственная лишь избраннымъ натурамъ міровая тоска.

«Быть можетъ,—по словамъ автора,—въ самомъ процессѣ отчаянной борьбы, начатой съ малыхъ лѣтъ за свое «я», онъ захватилъ душевную немощь, истощилъ и развѣялъ силы и сталъ неспособнымъ на довольство и счастье?... А быть можетъ, Миша принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ людей, которые, дойдя до предположенной цѣли, не могутъ остановиться и отдохнуть, неумолимо движимые какой-то страшной силой все дальше, дальше впередъ, къ неизвѣстному концу?

Какъ высока была эта безпредметная тоска, мы можемъ судить по тому, что она по самой формулировкѣ своей напоминала тоску Льва Толстого,—формулировкѣ, которая, какъ извѣстно, вся построена на вопросахъ: «а что же дальше?» «Все свое,—читаемъ мы,—онъ сталъ считать чѣмъ-то недорогимъ, неважнымъ или вовсе ненужнымъ. Даже его умственное развитіе, добытое съ такими усиліями, стало казаться ему сомнительнымъ. Онъ спрашивалъ себя: «Да кому какая польза отъ этого?» «И что же дальше?» Что же дальше? Онъ носитъ хорошую одежду, онъ не сидитъ на мякинѣ и не ѣстъ отрубей; онъ пишетъ, читаетъ, мыслитъ, знаетъ, что земля стоитъ не на трехъ китахъ, знаетъ кромѣ этого въ милліонъ разъ больше. Но зачѣмъ все это? Онъ читаетъ ежедневно, что въ Уржумѣ—худо, что въ Белебеѣ—очень худо, а въ Казанской губерніи татары пришли къ окончательному капуту; онъ читаетъ все это и въ милліонъ разъ больше этого, потому что каждый день ѣздитъ по Россіи, облетая въ то же время весь земной шаръ... Но какая же польза отъ всего этого? Онъ читаетъ, мыслитъ, знаетъ... но что же, что же дальше? Скучно, скучно!...»

Какъ ни востеръ разумомъ былъ Михайло Лунинъ, а еще разъ повторяю: трудно повѣрить, чтобы парашкинецъ, пробывшій въ городѣ не болѣе четырехъ-пяти лѣтъ, могъ философствовать совсѣмъ какъ есть à la Толстой. Я убѣжденъ въ томъ, что многіе люди, родившіеся въ городѣ и съ

дѣтства интеллигентные, приходили къ подобнымъ мыслямъ не сами собою, а лишь по прочтеніи *Исповѣди* Толстого.

XXII.

Но разсказъ *Снизу вверхъ*, при всей своей фантастичности, все-таки представляется лишь переходомъ къ позднѣйшимъ произведеніямъ Петропавловскаго. Писатель въ немъ уже не тотъ, чѣмъ былъ прежде, но еще и не тотъ, чѣмъ сдѣлался впослѣдствіи. Парашкинецъ является уже въ этомъ разсказѣ богатыремъ, способнымъ въ четыре года мало того что усвоить техническую спеціальность до такой степени, чтобы занять мѣсто помощника машиниста, но, сверхъ того, додуматься до міровой тоски и философіи Л. Толстого; тѣмъ не менѣе интеллигенція не противопоставляется еще этому богатырю, какъ нѣчто мизерное и жалкое. Напротивъ того, возвыситься до самыхъ завидныхъ верховъ развитія помогли Лунину все-таки интеллигентные люди, являющіеся въ разсказѣ вполнѣ симпатичными и дѣльными.

Но вотъ въ разсказѣ *Мой міръ* (1888 г.) начинается уже противопоставленіе интеллигенціи и народа не въ пользу первой. Разсказъ ведется отъ лица героя и на первыхъ же страницахъ онъ сообщаетъ читателямъ, что всю жизнь преслѣдовала его мучительная раздвоенность, съ самаго дѣтства угнетала невозможность быть цѣльнымъ существомъ съ опредѣленною цѣлію, принципомъ, руководящею мыслію, которая наполняла бы его жизнь. И вокругъ себя онъ видѣлъ людей, которые всѣ были подобно ему расщеплены надвое; ни одного чиновника не встрѣчалъ онъ, который представлялъ бы полный замкнутый міръ; кого онъ ни наблюдалъ, всѣ казались ему двуязычными, лѣнивыми и вѣроломными, у каждаго мысли были одно, а дѣло—другое.

Но всѣ ближніе героя мирились съ этою раздвоенностью и устраивали свои дѣлишки, а онъ не могъ, и дошелъ до такого физическаго и душевнаго изнеможенія, что принужденъ былъ, по совѣту друзей, ѣхать въ деревню къ незнакомому человѣку, чтобъ освѣжиться, развлечься, освободиться отъ хандры и возстановить душевное и тѣлесное равновѣсіе.

Но на дорогѣ герой схватилъ тифъ. Мужикъ, который везъ его отъ желѣзнодорожной станціи, сжалился надъ нимъ, привезъ его въ свою избу, а бабы начали ухаживать за больнымъ бариномъ. Надо полагать, что это были не парашкинцы, потому что гдѣ же было бы выходиться изнѣженному барину, занемогшему такою опасною болѣзнью, у парашкинцевъ съ ихъ хлѣбомъ съ мякиной и лебедой, въ продувныхъ, плохо-отапливаемыхъ избахъ, со щелями во всѣхъ углахъ и проч., и проч. Ничего не было бы удивительнаго, что у нихъ явилось бы алчное стремленіе поживиться на счетъ барина, и мы не могли бы быть въ претензіи на нихъ, если бы, при общей безкормицѣ, они обобрали его послѣ его смерти, а по выздоровленіи были бы не прочь получить отъ него щедрую мзду. Но въ томъ именно и дѣло, что это были не парашкинцы, а особеннаго рода миѳическія существа, исполненныя всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, олицетворяющіе

собою *народъ* вообще. «Хозяинъ Петръ Митрофанычъ поражалъ своимъ открытымъ лицомъ, которое само по себѣ возбуждало веселье. Экспансивная натура его способна была оживить, кажется, мертваго. Каждое слово его, само по себѣ не смѣшное, вызывало въ окружающихъ смѣхъ и счастливое настроеніе. Едва онъ открывалъ свой широкій ротъ, какъ всѣ улыбались, и проч., и проч. Молодая хозяйка съ перваго же взгляда казалась одною изъ тѣхъ умныхъ женщинъ, съ которыми такъ легко говорить и къ которымъ чувствуешь невольное уваженіе. Ловкая въ движеніяхъ, тихо, но съ необычайною быстротой работающая, Василиса все дѣлала съ величайшимъ тактомъ. На лицѣ ея блуждала чуть замѣтная улыбка, глаза свѣтились лаской, и въ то же время каждое движеніе ея было твердое, какъ результатъ заранѣе обдуманнаго плана, а каждое ея слово, повидимому, незначительное, вытекало логически изъ цѣлаго ряда разумныхъ мыслей. Никого въ семьѣ не насилуя, она пользовалась неоспоримымъ вліяніемъ», и проч., и проч.

Что касается до молодой дѣвушки Даши, дочери Петра Митрофаныча, то, не дѣлая восторженныхъ описаній ея, разсказчикъ даетъ чувствовать вамъ, что во лбу ея сіялъ мѣсяцъ.

Оправившись отъ болѣзни, герой до такой степени свыкся съ хозяевами своими, какъ съ родными, что не хотѣлъ разставаться съ ними. «Участіе всей семьи,—говоритъ онъ,—ко мнѣ проявлялось ежеминутно въ сотнѣ мелочей; мы какъ будто нѣсколько лѣтъ жили вмѣстѣ и привыкли другъ къ другу». Далѣе затѣмъ начинается идиллія совершенно сказочнаго характера. Подобно тому, какъ парашкинецъ Лунинъ въ какіе-нибудь четыре года сдѣлался механикомъ и доразвился до Шопенгауэра, такъ, наоборотъ, городской герой, до того времени возившійся исключительно съ книгами, въ одно лѣто усвоилъ до совершенства всѣ крестьянскія работы. «Недѣля занятія,—хвалится самъ онъ,—сдѣлала меня образцовымъ работникомъ, нетребовательнымъ, выносливымъ и ни о чемъ не думающемъ. Я чувствовалъ себя сильнымъ, т.-е. деревяннымъ и нервно-крѣпкимъ, т.-е. вовсе не ощущалъ въ себѣ нервы. Митрофанычъ былъ въ восторгѣ отъ меня...» Въ то же время герой совсѣмъ втянулся въ деревенскую жизнь, впутался руками и ногами въ деревенскій мірокъ, разбиралъ деревенскія тяжбы, мирилъ, грозилъ, лаялся, судился. «Самъ того не желая и не ожидая,—говоритъ онъ,—я скоро очутился въ центрѣ какой-то каши и уже не имѣлъ возможности вылѣзти изъ нея. Это еще крѣпче прикрѣпило меня къ деревнѣ». Зимою онъ занимался съ хозяевами чтеніемъ бывшихъ при немъ книжекъ, училъ Дашу и брата ея Васятку грамотѣ, составилъ даже планъ завести въ деревнѣ вскладчину библіотеку для всѣхъ грамотныхъ крестьянъ.

Какъ вдругъ онъ получилъ письмо изъ столицы отъ пріятеля съ приглашеніемъ возвратиться скорѣе въ городъ: тамъ ему выходило мѣсто съ окладомъ въ 1.200 р. Но это не обрадовало его. Съ ужасомъ подумалъ онъ, что по возвращеніи въ городъ снова придется ему заняться квартирой, заказывать визитныя карточки, приличный костюмъ. «И снова,—ду-

малъ онъ,—эта ложь, насквозь, какъ ржавчина, проѣдающая людей, будетъ окружать меня со всѣхъ сторонъ».

И вотъ рѣшился онъ остаться навсегда въ деревнѣ, арендовать мельницу и обратиться въ настоящаго мужика. Деревенскіе друзья его, повѣсившіе было голову при мысли, что онъ уѣдетъ отъ нихъ, пришли въ восторгъ отъ его рѣшенія.

Но недолго продолжалась эта идиллія чисто въ аркадскомъ духѣ. Вдругъ случилось нѣчто такое непредвидѣнное, вслѣдствіе котораго онъ долженъ былъ внезапно уѣхать.

Случилось это не по его волѣ. Конечно, подсолили ему въ томъ отношеніи враги, которыхъ онъ не въ маломъ количествѣ нажилъ, разбирая деревенскія тяжбы. При отъѣздѣ его обнаружилось вдругъ, что провелъ онъ время въ деревнѣ не безъ романа, такъ какъ выразила стремительное намѣреніе ѣхать съ нимъ хозяйская дочь Даша, при чемъ рѣшительно заявила, что не боится ничего, ни нужды, ни скитальческой жизни, ожидающей его. Однимъ словомъ, будетъ жить тамъ, гдѣ онъ, дѣля съ нимъ радость и горе.

Но это все-таки пока въ предѣлахъ возможности. Извѣстно, что дѣвушки всѣхъ сословій имѣютъ наклонность влюбляться въ своихъ учителей и развивателей. Но статочное ли дѣло, чтобы темный парашкинецъ безъ малѣйшихъ колебаній отпустилъ на всѣ четыре стороны свою дочь съ чужимъ человѣкомъ безъ пирка и свадебки, въ качествѣ не то невѣсты, не то полюбовницы!

— Ну, ничего... поѣзжайте!—сказалъ онъ въ отвѣтъ на ихъ объясненіе:—Дай вамъ Богъ счастія!... Пущай!

А какъ приняла подобный внезапный отъѣздъ дочери съ молодымъ бариномъ степенная Василиса, объ этомъ умалчивается..

Верхъ же курьеза представляетъ собою прощаніе героя съ крестьянами.

«Я не подразумѣвалъ,—разсказываетъ онъ,—какая сильная привязанность связывала насъ; большинство выражало свое сожалѣніе и сочувствіе мнѣ съ такою наивною простотой, что я едва удерживался отъ слезъ. У меня не было денегъ на дорогу,—мнѣ сейчасъ же собрали ихъ. Я сдѣлалъ небольшой долгъ въ лавочку, долгъ приняли на себя...»

Читаете вы все это и только дивитесь: въ какой блаженной странѣ могло все это происходить и куда дѣлось глубокое знаніе Петропавловскимъ народной жизни!

XXIII.

Я не намѣренъ долго останавливаться на повѣсти Петропавловскаго *Борская колонія*, (1890 г.). Правда, это самое обширное изъ всѣхъ произведеній Петропавловскаго и имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, тѣмъ не менѣе она мало подходитъ къ предмету моей статьи, такъ какъ имѣетъ дѣло не съ мужиками, а почти исключительно съ интеллигентными людьми.

Взглядъ на интеллигентныхъ людей проводится въ повѣсти, конечно, ужъ отрицательный, свойственный послѣднему періоду дѣятельности Петропавловскаго. Изображается одна изъ тѣхъ интеллигентныхъ колоній, которыя во множествѣ возникали въ теченіе 80-хъ годовъ подъ вліяніемъ идей Л. Толстого. Исторія этой колоніи ничѣмъ не отличается отъ исторіи всѣхъ другихъ предпріятій въ такомъ же родѣ. Собрались интеллигентные люди со всѣхъ концовъ Россіи, съ борки да съ сосенки, съ прекрасными намѣреніями, не только заняться земледѣліемъ, отрѣшившись отъ всѣхъ городскихъ суетъ, но и преподать народу поучительный примѣръ кооперативнаго хозяйства. Къ сожалѣнію, у предпринимателей не оказалось ни знаній, ни опытности въ дѣлѣ, за которое они взялись, ни хотя бы маленькаго капитала, при помощи котораго можно было бы начать дѣло; а главное дѣло—ни у кого изъ нихъ не оказалось ни умѣнья, ни привычки, ни любви къ труду. Вполнѣ естественно, что колонія распалась раньше, чѣмъ принялись колонизаторы за работу, причемъ распаденіе не обошлось безъ трагическаго эпизода самоубійства молодой женщины изъ крестьянокъ, имѣвшей несчастіе выйти замужъ за одного изъ членовъ колоніи, опростившагося интеллигента Кучина и не вынесшей измѣны мужа, вздумавшаго ухаживать за легкомысленною барышней Вѣрочкою, которая вошла въ колонію не столько для того, чтобы работать, сколько кружить головы молодымъ колонизаторамъ.

Все это разсказано талантливо, умно, обстоятельно и не безъ злости. Но мы не станемъ вдаваться въ подробности всей этой исторіи, а ограничимся лишь однимъ мѣстомъ, въ которомъ особенно ярко рисуется міровоззрѣніе Петропавловскаго въ этотъ періодъ его дѣятельности.

Однимъ изъ членовъ колоніи является нѣкто Грубовъ, бывшій земскій статистикъ, единственная мало-мальски симпатичная личность въ повѣсти. Выведенъ онъ, повидимому, исключительно для того, чтобъ играть роль хора древнихъ трагедій и чтобы авторъ имѣлъ возможность устами его высказывать свои мысли. Такъ вотъ однажды, разговаривая съ Грубовымъ, вышеупомянутый ловелась Кучинъ спросилъ его:

— Назовите такое явленіе въ мужицкой жизни, передъ которымъ бы я долженъ преклониться?

— Назвать едва ли можно,—отвѣчалъ Грубовъ,—пришлось бы разбирать всю жизнь. Но въ общихъ чертахъ—отчего же, можно. Между прочимъ, знаете, какая разница между нами и ими? Это то, что мы живемъ чувствомъ пріятнаго и прекраснаго, мужикъ же чувствомъ должнаго и. неизбѣжнаго. Мы дѣлаемъ то, что намъ нравится, мужикъ—то, что должно дѣлать. Не думаю, чтобъ эта разница была къ нашей выгодѣ. Нигдѣ жизнь намъ не даетъ того, чего мы желаемъ, что кажется намъ пріятнымъ; мы считаемъ ее неудавшеюся, мужики же считаютъ скверною ту жизнь, которая дала ему одни только грѣхи. Мы страдаемъ отъ того, что не удовлетворяемъ своихъ желаній, мужикъ же—отъ того, что не исполнилъ какой-то высшей воли, нагрѣшилъ...»

Нужно ли и распространяться о томъ, насколько, при всей своей красивости, параллель, проведенная Грубовымъ, является, фальшивымъ парадоксомъ. Статочное ли дѣло, что между интеллигентными людьми такъ ужъ и не имѣется ни одного праведника, который помышлялъ бы объ обязанностяхъ, о должномъ, а всѣ только о томъ и заботятся, какъ бы срывать цвѣты удовольствія, и наоборотъ, неужели всѣ мужики огуломъ считаютъ большимъ грѣхомъ позволить себѣ какое бы то ни было удовольствіе, даже если имѣютъ къ тому досугъ и средства: ни въ кабакъ они не ходятъ, ни пѣсенъ не распѣваютъ, не пляшутъ, не ѣдятъ блиновъ на масленицѣ и не пьютъ пива на свадьбахъ, а все только и помышляютъ о спасеніи своихъ душъ. Не правда ли, тирада Грубова по своей парадоксальности напоминаетъ вышеупомянутое изреченіе Башкирова, что народъ питаетъ довѣріе только къ «несчастнымъ»?

Но я привелъ тираду эту вовсе не съ цѣлію оспаривать ее, а какъ яркую иллюстрацію той идеализаціи народа, которая очень часто встрѣчалась въ теченіе 80-хъ годовъ въ повѣстяхъ, изображающихъ нравственную несостоятельность интеллигенціи. Иллюстрація эта не только знакомитъ насъ съ тенденціями Петропавловскаго въ концѣ его жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію того, какъ образовался предразсудокъ, господствующій въ наше время, будто беллетристы народники только и дѣлали, что идеализировали народъ, пока г. Чеховъ не открылъ намъ глаза своею повѣстью *Мужики*. Предразсудокъ этотъ очевидно явился вслѣдствіе того, что, живя исключительно сегодняшнемъ днемъ, смутно вспоминая, что было вчера, и совсѣмъ выпустивъ изъ головы все, что было третьяго дня, мы помнимъ лишь ту беллетристику 80-хъ годовъ, вродѣ вышеозначенныхъ повѣстей Петропавловскаго послѣднихъ лѣтъ его жизни, которая, дѣйствительно, идеализировала народъ; беллетристику же изъ народнаго быта 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ мы забыли—она для насъ какъ бы совсѣмъ не существуетъ. А очень жаль. По реальности, правдивости, глубинѣ и существенности изображеній деревенской жизни она значительно превосходитъ все то, что пишется о народѣ въ наше время. Болѣе же всего поучительна эта забытая беллетристика тѣмъ, что при всѣхъ мрачныхъ краскахъ, какими рисовали народъ прежніе беллетристы, они любили этотъ народъ, скорбѣли о немъ, призывали интеллигенцію заботиться и радѣть о его благѣ и жизнію своею жертвовать за него. Ну, а нынѣ мы имѣемъ большее расположеніе совсѣмъ отвернуться отъ него и махнуть на него рукой, предоставивъ его на жертву фатально-неизбѣжныхъ яко бы экономическихъ процессовъ. И очень можетъ быть, что самое забвеніе произведеній Рѣшетникова, Левитова, Гл. Успенскаго и Златовратскаго происходитъ не отъ чего иного, какъ изъ стремленія усыпить больную совѣсть...

А. Скабичевскій.

Поэтическая оцѣнка Пушкина.

(1815—1837 гг.).

«Поразительное и необычайное явленіе представляютъ первые шаги Пушкина въ литературѣ. Онъ выступалъ точно восходящій лучезарный богъ, вызывающій своимъ появленіемъ общую радость, единодушный сердечный привѣтъ. Никто не оспаривалъ его генія. Никто не сомнѣвался въ великомъ будущемъ, ожидающемъ юнаго поэта. Рядъ его первыхъ опытовъ—рядъ его первыхъ успѣховъ. Жуковскій и Державинъ, пѣвецъ Людмилы и пѣвецъ Фелицы, авторъ балладъ и авторъ одъ, съ одинаковымъ интересомъ прислушивались къ пѣснямъ новаго пѣвца; представители двухъ литературныхъ поколѣній мирно сходились въ привѣтствіяхъ и благословеніяхъ начинавшему поэту. Есть что-то трогательное и знаменательное въ этомъ союзѣ боровшихся противоположностей,—союзѣ, скрѣпляемомъ рукою 16-лѣтняго поэта. Тутъ какъ будто навсегда намѣчена была та высокая, примирительная, объединяющая роль, которой Пушкинъ оставался вѣренъ во всю свою жизнь» *).

За рѣдкими исключеніями, передъ мощью генія умолкали зависть и соперничество, личные счеты и литературные предразсудки. Самые ярые враги великаго поэта рѣшались обвинять его произведенія въ безнравственности и грубости, но не отрицали глубины и мощи его творческихъ силъ,—хулили его новыя произведенія, безмѣрно превознося старыя... Когда Пушкинъ въ своемъ творческомъ развитіи переросъ своихъ современниковъ, когда его новыя произведенія, классически отточенныя по формѣ и глубоко реальныя по содержанію, рѣзко столкнулись съ литературными вкусами «любителей россійской словесности», даже тогда критики, угождавшіе низменнымъ вкусамъ толпы, не забывали его прежнихъ заслугъ и признавали яркія вспышки генія въ неудачныхъ будто бы произведеніяхъ послѣдняго періода.

Поэты держались самостоятельнѣе, не измѣняли своему признанному главѣ. Многихъ изъ нихъ влекло къ Пушкину непросвѣтленное сознаніемъ

*) *Жданов*: „Нѣсколько словъ о значеніи Пушкина". Спб., 1887 г., стр. 5.

внутреннее чувство, которое шло въ разрѣзъ съ установившеюся системою мнѣній. Не замѣчая всей глубины пропасти, раздѣлявшей ихъ теоретическіе взгляды и свѣтлое, широкое, гармонически-свободное міровоззрѣніе Пушкина; придерживаясь изжитыхъ и осужденныхъ на безславное вымираніе литературныхъ формъ и пріемовъ,—они, какъ болѣе чуткія все-таки натуры, преклонялись передъ геніемъ, въ словахъ котораго звучала новая, таинственная, непонятная поклонникамъ и тѣмъ болѣе привлекательная правда. Не многіе старались и умѣли поспѣвать за быстрымъ ходомъ развитія великаго поэта, идти съ нимъ въ ногу. Благодаря всему этому дружно несутся хвалебные гимны изъ всевозможныхъ поэтическихъ лагерей, которые заглушаютъ рѣдкое и безсильное шипѣніе вражды и позднѣе скрашиваютъ замѣтное охлажденіе средняго читателя къ своему прежнему любимцу. Классики, сантименталисты, романтики разныхъ оттѣнковъ—всѣ вплетаютъ свою посильную дань въ лавровый вѣнокъ великаго поэта.

«Старикъ-Державинъ» «замѣтилъ и, въ гробъ сходя, благословилъ» нашего поэта, по его собственному выраженію. Отецъ Пушкина, С. Л., разсказываетъ *): «За обѣдомъ (послѣ акта въ лицеѣ), на который я былъ приглашенъ гр. А. К. Разумовскимъ, бывшимъ тогда министромъ просвѣщенія, графъ, отдавая справедливость молодому таланту, сказалъ мнѣ: «Я бы желалъ однако же образовать сына вашего въ прозѣ».—«Оставьте его поэтомъ!»—отвѣчалъ ему за меня Державинъ съ жаромъ, вдохновенный духомъ пророчества». По свидѣтельству Ѳ. И. Глинки **), пѣвецъ Фелицы, «прочтя первые стихи Пушкина, понялъ будущаго поэта и сказалъ С. Т. А(ксако)ву: «вотъ кто замѣнитъ Державина!» Батюшковъ дивился сказочно-быстрому росту его дарованія—и подчасъ мучительно завидовалъ: прочитавъ его элегію «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», онъ воскликнулъ: «Злодѣй! Какъ онъ началъ писать!»—и судорожно скомкалъ бумагу. Бережно слѣдятъ за каждымъ его шагомъ, заботливо опекаютъ его А. И. Тургеневъ и кн. Вяземскій. В. Л. Пушкинъ съ дѣтства предсказываетъ ему блестящую участь—

И съ сочувствіемъ роднымъ,
Съ властью, нѣжностью отцовской,
Карамзинъ слѣдилъ за нимъ! ***).

За одинъ стихъ своего юнаго друга, кн. Вяземскій готовъ былъ отдать «все... движимое и недвижимое»; Жуковскій даритъ ему свой портретъ съ знаменательной надписью: «ученику отъ побѣжденнаго учителя». Его воспѣваютъ классики Катенинъ и гр. Хвостовъ, слезливый кн. Шашковъ, пылкій руссофилъ Глинка и вся многоцвѣтная «Пушкинская плеяда».

Сначала поэтическая оцѣнка Пушкина была отчасти отраженіемъ оцѣнки общественной и, въ свою очередь, вліяла на нее; позднѣе онѣ разошлись,

*) „Замѣчанія С. Л. Пушкина"—*Отеч. Зап.* 1841 г., т. IV, стр. 3.
**) „Воспоминаніе о поэтической жизни Пушкина". М., 1837 г., стр. 13.
***) Кн. Вяземскій: „Поминки".

но общество не могло не считаться съ устойчивымъ мнѣніемъ большинства поэтовъ, хотя не всегда соглашалось съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, когда русское общество, подхваченное второй и болѣе сильной волной романтическаго теченія, охладѣло къ реальной музѣ своего прежняго любимца, поэты не оставили его. Только у нихъ находилъ онъ поддержку въ самыя трудныя минуты своей многострадальной жизни.

Это, несомнѣнно, самая свѣтлая страница его трагической въ общемъ личной исторіи, и въ свѣтлые дни лучшаго изъ нашихъ національныхъ праздниковъ, во время глубокихъ по своему общественному смыслу юбилейныхъ торжествъ, отраднѣе остановиться именно на ней...

II.

Эта поэтическая оцѣнка начинается рано—съ 1815 г.

Первымъ отозвался «сынъ лѣни вдохновенный», «парнасскій волокита», баронъ Дельвигъ, которому Пушкинъ позднѣе (1830 г.) писалъ:

Мы рождены, мой *братъ названый*,
Подъ одинаковой звѣздой;
Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный
Играли нашею судьбой.
Явилися мы разно оба
На ипподромъ, а не на торгъ,
Вблизи державинскаго гроба,
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ...

По свидѣтельству самого поэта, «никто на свѣтѣ не былъ для него ближе Дельвига», «съ нимъ толковалъ онъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томитъ».

Кого осѣнило божественное дуновеніе поэзіи, тотъ, по словамъ посланія Дельвига къ Пушкину, съ младенчества

обучается
Воспѣвать красоты поднебесныя,
И ланиты его отъ привѣтствія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ.
И Паллада туманное облако
Разсѣваетъ отъ взоровъ,—и въ юности
Онъ ужъ видитъ священную истину
И порокъ, исподлобья взирающій!
Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется,
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпѣ торжествующій *).

Въ 1817 г. онъ обращается къ своему «брату по музѣ», своему «Оресту»:

Но въ тряской, скачущей телѣгѣ,
Мой другъ, свободно ли мечтать?

*) *Россійскій Музеумъ* 1815 г., т. III, стр. 260—1; *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* 1819 г., т. XII, стр. 103—4.

И только мысль тебя обнять,
Съ тобой дѣлить вино, мечтанья
И о быломъ воспоминанья—
Меня въ ней можетъ утѣшать *).

Когда поэты заговорили о преемникахъ умершаго Державина, Дельвигъ прямо указалъ на своего задушевнаго друга **):

Державинъ умеръ! Чуть факелъ погасшій дымится, о Пушкинъ!
О, Пушкинъ! Нѣтъ ужъ великаго! Музы надъ прахомъ рыдаютъ...
. . . . . .
Кто-жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою лирою? Кто?—Пушкинъ,
Атлетъ молодой, кипящій летѣть по шумной аренѣ,
Въ порывѣ прекрасной души ее свѣжимъ вѣнкомъ увѣнчаетъ.
Молися Каменамъ! И я за друга молю васъ, Камены!
Любите младого пѣвца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный умъ, окрыляйте юные пѐрсты!
Но и въ старости грустной пускай онъ, пріятно по лирѣ
Гремящей сперва ударяя, уснетъ исчезающимъ звономъ!...

Пророчество было подсказано тѣмъ таинственнымъ внутреннимъ голосомъ, который прекрасно опредѣленъ самимъ Дельвигомъ въ его прелестномъ сонетѣ, посвященномъ Языкову ***):

Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасный
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.
Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть, и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье
И за себя боговъ благословилъ!

Когда Пушкинъ, уставшій отъ клеветъ и преслѣдованій, хотѣлъ «укрыться въ безвѣстности», Дельвигъ поддержалъ его бодрымъ и сильнымъ словомъ****):

Какъ? Житель гордыхъ Альпъ, надъ бурями парящій,
Кто кроетъ солнца ликъ развернутымъ крыломъ,
Услыша подъ скалой ехидны свистъ шипящій,
Раздвинулъ когти врозь и оставляетъ громъ?
Тебѣ-ль, младой вѣщунъ, любимецъ Аполлона,
На лиру звучную потокомъ слезы лить,
Дрожать предъ завистью и, подъ косою Крона
Склоняся, даръ небесъ въ безвѣстности укрыть?
Нѣтъ, Пушкинъ! Рокъ пѣвцовъ—безсмертье, не забвенье!...

Почти одновременно съ Дельвигомъ отозвался «братъ Виля» или «Кюхля»—нескладный, смѣшной и наивный, но въ высшей степени благодушный и честный Кюхельбекеръ.

---

*) *Благонамѣренный* 1818 г., т. II, стр. 13 — 14; *Современникъ* 1854 г., т. I, стр. 3—4.

**) *Гротъ:* „Соч. Державина“, т. IX, стр. 552.

***) *Труды вольнаго общ. люб. рос. слов.* 1823 г., XXI, стр. 58; *Новости литературы* 1824 г., т. V, стр. 79.

****) „Соч. Дельвига“. Спб., 1893 г., стр. 110—111.

Въ своихъ *Запискахъ* (Спб., 1886 г., стр. 382—3) Гречъ далъ очень яркую его характеристику:

«Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ — комическое лицо мелодрамы (14 декабря 1825 г.). Онъ воспитывался въ лицеѣ съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, Корфомъ и др., успѣлъ хорошо въ наукахъ и отличался необыкновеннымъ добродушіемъ, безмѣрнымъ тщеславіемъ, необузданнымъ воображеніемъ, которое онъ называлъ поэзіею,—раздражительностью, которую можно было употреблять въ хорошую и въ дурную сторону. Онъ былъ худощавъ, долговязъ, неуклюжъ, говорилъ протяжно, съ нѣмецкимъ акцентомъ. По выходѣ изъ лицея, былъ онъ учителемъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій; потомъ поѣхалъ въ чужіе края секретаремъ при А. Л. Нарышкинѣ, который было полюбилъ его, но вскорѣ принужденъ былъ съ нимъ разстаться. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ свелъ знакомство съ какими-то либеральными литераторами и вздумалъ читать на французскомъ языкѣ лекцію въ «Атенеѣ» о литературѣ и политическомъ состояніи Россіи... Часть публики смѣялась надъ нимъ; другая рукоплескала его выходкамъ. Въ концѣ рѣчи онъ сдѣлалъ какое-то размашистое движеніе рукою, сшибъ свѣчу, стаканъ съ водою, хотѣлъ удержать и самъ слетѣлъ съ каѳедры. Одинъ сѣдой якобинецъ слушалъ его внимательно и поддержалъ его словами: «ménagez-vous, jeune homme! votre patrie a besoin de vous! (берегите себя, молодой человѣкъ! Ваше отечество нуждается въ васъ!)»

Отношенія Пушкина къ нему были очень сложны: тутъ было искреннее уваженіе къ благородству личнаго характера пріятеля и честности его убѣжденій, снисходительно-насмѣшливое отношеніе къ его обидчивости и мелочности. Упрекая Кюхельбекера за болѣзненную обидчивость, Пушкинъ однажды ему сказалъ *): «тяжелый у тебя нравъ, братъ Кюхля! Вспомни мое слово: ни любовницы, ни друга не познать тебѣ во вѣкъ». Въ эпиграммахъ Пушкинъ называлъ его «внукомъ Тредьяковскаго», утверждая, что онъ

Какъ Геркулесъ, сатиры пишетъ,
Влюбленъ, какъ Буало.

Подчасъ Жуковскому, какъ и другимъ пріятелямъ и знакомымъ, приходилось «кюхельбекерно и тошно» **). Въ вакхической пѣснѣ Пушкинъ ему предлагалъ:

Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ, прочти свои стихи—
Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.

Систематически преслѣдуетъ его великій поэтъ за претенціозное геніальничанье, головную, надуманную любовь и неудачную имитацію сильныхъ чувствъ:

---

*) „Соч. кн. П. П. Вяземскаго". Спб., 1893 г., стр. 486.

**) Эта цитата изъ собственной эпиграммы очень часто встрѣчается въ письмахъ Пушкина.

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;
Тебѣ пріятно слезы лить,
Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе таить.
Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!...

Съ другой стороны, онъ считалъ своего «Кюхлю» «человѣкомъ дѣльнымъ съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумасбродомъ», и жалѣлъ, что у него «отбили охоту къ журналамъ» (письмо къ кн. Вяземскому 1825 г.), называлъ его своимъ «братомъ по музѣ, по судьбамъ» («19 октября 1825 г.») и трогательно прощался съ нимъ въ 1817 г.:

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.
Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.
Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ!
Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:
И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ-бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.
И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?),
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

На рукописи своего «Шенье» онъ приписалъ сбоку «Кхбкр (т.-е. Кюхельбекеръ). Да сохранитъ тебя твой добрый геній подъ бурей». Когда Кюхельбекеръ былъ арестованъ по дѣлу декабристовъ и заключенъ въ крѣпость, Пушкинъ освѣдомляется о немъ съ нѣжной заботливостью и не можетъ хладнокровно вспомнить объ его несчастной судьбѣ. Въ бумагахъ Пушкина сохранилось трогательное описаніе его случайной встрѣчи съ Кюхельбекеромъ въ 1827 г., на станціи Залазахъ, когда его перевозили изъ Шлюссельбурга въ Сибирь: «Я вышелъ взглянуть на нихъ (тройки съ фельдъегеремъ). Одинъ изъ арестантовъ стоялъ, опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человѣкъ, съ черною бородой, во фризовой шинели... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ телѣжку и ускакали».

Бывшій при этомъ фельдъегерь подалъ по начальству любопытный ра-

портъ, дорисовывающій намѣченную Пушкинымъ сцену свиданія *): «Отправленъ былъ я... въ г. Динабургъ съ государственными преступниками, и по пути, пріѣхавъ на станцію Залазы, вдругъ бросился къ преступнику Кюхельбекеру ѣхавшій изъ Новоржева въ С.-Петербургъ нѣкто г. Пушкинъ и началъ послѣ поцѣлуевъ съ нимъ разговаривать. Я, видя сіе, наиспѣшнѣйше отправилъ какъ перваго, такъ и тѣхъ двухъ за полверсты отъ станціи, дабы не дать имъ разговаривать, а самъ остался для написанія подорожной и заплаты прогоновъ. Но г. Пушкинъ просилъ меня дать Кюхельбекеру денегъ; я въ семъ ему отказалъ. Тогда онъ, г. Пушкинъ, кричалъ и, угрожая мнѣ, говорилъ, что, по прибытіи въ С.Петербургъ, въ ту же минуту доложу его императорскому величеству, какъ за недопущеніе распроститься съ другомъ, такъ и дать ему на дорогу денегъ; сверхъ того, не премину также сказать и ген.-адъютанту Бенкендорфу. Самъ же г. Пушкинъ, между прочими угрозами, объявилъ мнѣ, что онъ посаженъ былъ въ крѣпость и потомъ выпущенъ, почему я еще болѣе препятствовалъ имѣть ему сношеніе съ арестантомъ; а преступникъ Кюхельбекеръ мнѣ сказалъ: это тотъ Пушкинъ, который сочиняетъ».

Высоко цѣнилъ эту дружбу Кюхельбекеръ, гордился своею близостью къ Пушкину и его поэтическому кружку **):

Такъ! Не умретъ и нашъ союзъ,
Свободный, радостный и гордый,
И въ счастьи, и въ несчастьи твердый,
Союзъ любимцевъ вѣчныхъ музъ!

Назвавъ Дельвига и Баратынскаго, онъ особенно подробно остановился въ цитированномъ выше стихотвореніи на Пушкинѣ:

...ты, нашъ юный корифей,
Пѣвецъ любви, пѣвецъ Руслана!
Что для тебя шипѣнье змѣй,
Что крикъ и филина, и врана?
Лети и вырвись изъ тумана,
Изъ тьмы завистливыхъ временъ...
О, други! Пѣснь простого чувства
Дойдетъ до будущихъ племенъ.
Весь вѣкъ нашъ будетъ посвященъ
Труду и радостямъ искусства.
И что-жъ? Пусть презритъ насъ толпа:
Она безумна и слѣпа!

«Родимые своды» вязовъ Царскаго Села главнымъ образомъ тѣмъ святы и дороги для него, что съ ними связаны первыя впечатлѣнія слагавшейся дружбы и формировавшагося «тройственнаго союза» ***). Онъ пишетъ «изъ Царскаго Села»:

---

*) См. берлинское изданіе стихотвореній Пушкина 1861 г.

**) *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія* 1820 г., IV, стр. 78.

***) *Сынъ Отечества* 1818 г., ч. 48, № 33, стр. 129—130; *Благонамѣренный* 1818 г., III, стр. 133—5.

Здѣсь мирныя мѣста, гдѣ возвышѣнныхъ музъ,
Небесный пламень ихъ и радости святыя,
Порывъ къ великому, любовь къ добру—впервые
Узнали мы, и гдѣ нашъ тройственный союзъ,
Союзъ младыхъ пѣвцовъ, и чистый, и священный,
Волшебнымъ навыкомъ, судьбою заключенный,
Былъ дружбой утвержденъ!
И будетъ онъ для насъ до гроба незабвенъ!
Ни радость, ни страданье,
Ни лѣта, ни корысть, ни почестей исканье—
Ничто души моей отъ васъ не удалитъ!
И въ пѣснях сладостныхъ, и въ славѣ состязанье
Друзей-соперниковъ тѣснѣй соединитъ!
Зачѣмъ же нѣтъ васъ здѣсь, избранники харитъ—
Тебя, о, Дельвигъ мой, поэтъ, мудрецъ лѣнивый,
Безпечный и въ своей безпечности счастливый,—
Тебя, мой огненный, чувствительный пѣвецъ
Любви и добраго Руслана,—
Тебя, на чьемъ челѣ предвижу я вѣнецъ
Арьоста и Парни, Петрарки и Баяна?
О, други! почему не съ вами я брожу?
Зачѣмъ не говорю, не спорю здѣсь я съ вами?
Или, сплетясь руками,
Зачѣмъ не вмѣстѣ мы внимаемъ шуму водъ,
Біющихъ искрами и пѣною о камень?
Не вмѣстѣ смотримъ здѣсь на солнечный восходъ,
На потухающій на краѣ неба пламень?

Обрадованный вѣстью о женитьбѣ Пушкина и не предчувствуя ея роковыхъ послѣдствій, онъ обращается къ великому поэту съ трогательнымъ привѣтомъ *):

... данъ ты въ честь,
Въ утѣху данъ родному краю;
Въ подругѣ ангела обрѣсть
Умѣлъ ты—и, подобно раю,
Отнынѣ днямъ поэта цвѣсть.
Расторгъ ты козни вѣроломства...
Итакъ, впередъ, и въ слухъ потомства
Пролейся въ пѣсняхъ вѣковыхъ!
Талантъ, любимцу небомъ данный,
Въ унылой ночи нѣдръ земныхъ
Да не сокроется! Избранный!
Примѣръ и вождь пѣвцовъ младыхъ!
Въ эоиръ свободный и просторный **)
Полетъ тебѣ ли не знакомъ?
Впередъ же, доблестнымъ орломъ!

Изъ далекой ссылки, изъ-за «страха Европы—сѣдого Урала», Енисея, степей и Байкала откликнулся онъ въ 1836 г. на лицейскую годовщину ***).

*) „Избранныя стихотворенія Кюхельбекера", Шо-де-фонъ, 1880 г., стр. 92—94.
**) Пространный?
***) „Избранн. стихотв., стр. 43—44; *Отеч. Зап.* 1863 г., кн. XI, стр. 38—39.

... На крылахъ печали
Любовью къ вамъ несусь изъ темной дали.
Поминки нашей юности—и я
Ихъ праздновать хочу. Воспоминанья!
Въ лучахъ дрожащихъ тихаго мерцанья
Воскресните! Предстаньте мнѣ, друзья!
Пусть созерцаетъ васъ душа моя—
Всѣхъ васъ, лицея нашего семья!
Я съ вами былъ когда-то счастливъ, молодъ,—
Вы съ сердца свѣете туманъ и холодъ.
Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
Предъ взорами моими? Какъ перуны
Сибирскихъ грозъ, его златыя струны
Рокочутъ... Пушкинъ, Пушкинъ! Это ты!
Твой образъ—свѣтъ мнѣ въ морѣ темноты.
Твои живыя, вѣщія мечты
Меня не забывали въ ту годину,
Какъ пилъ и ты, уединенъ, кручину.
Тогда и ты, какъ нѣкогда Назонъ
Къ родному граду простиралъ объятья,
И надъ Невой затрепетали братья,
Услышавъ гармоническій твой стонъ.
Съ сѣдого Пейпуса, волшебный, онъ
Раздался, прилетѣлъ и прервалъ сонъ,
Дремоту нашихъ мелкихъ попеченій—
И погрузилъ насъ въ волны вдохновеній.
О, братъ мой! Много съ той поры прошло,
Твой день проснѣлъ, мой покрылся тьмою;
Я сталъ знакомъ съ Торкватовой судьбою...

Страшнымъ ударомъ было для него внезапное извѣстіе о трагической судьбѣ друга *):

... Я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей
Стою въ ночи, безпомощный и хилый,
Надъ страшной всѣхъ надеждъ моихъ могилой,
Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ друзей!
Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сраженный,
Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ—
И вотъ опять лицея день священный,
Но Пушкина уже межъ вами нѣтъ!
Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
Отъ нихъ не затрепещутъ груди ваши,
Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши—
Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ.
Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ,
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нихъ, по нихъ душа моя тоскуетъ;
Я жадно руки простираю къ нимъ!...

*) „Избранн. стих., стр. 46—47; *Отеч. Зап.* 1863 г., кн. XI, стр. 40; *Русская Старина* 1870 г., кн. I, стр. 293—294. Это стихотвореніе—Лицейская годовщина.

Онъ такъ часто и много думаетъ о своихъ безвременно погибшихъ друзьяхъ, Грибоѣдовѣ, Дельвигѣ и Пушкинѣ, «жертвахъ сердца своего, страдальцахъ и поэтахъ», «вызывая ихъ изъ дальнихъ могилъ», что на берегахъ «угрюмаго сына степей, хранительницъ Китая, Онона», даже увидѣлъ, въ минуту поэтическаго экстаза, дорогіе призраки и, очнувшись, еле совладалъ съ своимъ сердцемъ—надеждою на «свиданіе *тамъ*»...

Третій членъ этого тѣснаго поэтическаго кружка—Баратынскій.

Пушкинъ высоко цѣнилъ его поэтическій талантъ и нравственный характеръ.

Въ 1822 г. онъ писалъ кн. Вяземскому: «Но каковъ Баратынскій? Признайся, что онъ превзойдетъ и Парни, и Батюшкова, если впредь зашагаетъ, какъ шагалъ до сихъ поръ. Вѣдь 23 года счастливцу! Оставимъ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону, а то спасенья нѣтъ».

Онъ негодовалъ на критику за ея холодность къ Баратынскому и въ въ 1827—1831 гг. носился съ планомъ статьи, которая должна была выяснить значеніе этого «Гамлета русской поэзіи». Отъ нея сохранились только отрывки. «Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ, ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть и столь неудачно поминутно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками... Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды», т.-е. Батюшкова.

Благодаря своему философскому и эротическому характеру, лирика Баратынскаго даетъ мало реальныхъ отголосковъ. Характерное упоминаніе о Пушкинѣ мы нашли только въ знаменитыхъ «Пирахъ» *).

Мы, тѣ же сердцемъ въ вѣкъ иной,
Сберемтесь дружеской толпой
Подъ мирный кровъ домашней сѣни:
Ты, вѣрный мнѣ, ты, Дельвигъ мой,
Мой братъ по музамъ и по лѣни,—
Ты, Пушкинъ нашъ, кому дано
Пѣть и героевъ, и вино,
И страсти молодости пылкой,—
Дано съ проказливымъ умомъ
Быть сердца вѣрнымъ знатокомъ
И лучшимъ гостемъ за бутылкой,—
Вы всѣ, дѣлившіе со мной
И наслажденья, и мечтанья,

*) „Полное собраніе сочиненій". Спб., 1894 г., II, стр. 153—154.

О, поспѣшите въ домикъ мой
На сладкій пиръ, на пиръ свиданья!
. . . . . .
Со дня разлуки, знаю я,
И дни, и годы пролетѣли,
И разгадать у бытія
Мы много тайнаго успѣли:
Что̀ ни ласкало встарину,
Что̀ прежде сердцемъ ни владѣло,—
Подобно утреннему сну
Все измѣнило, улетѣло!
Увы! на память намъ придутъ
Тѣ пѣсни, за веселой чашей,
Что̀ на Парнассѣ берегутъ
Преданья молодости нашей:
Собранье пламенныхъ замѣтъ
Богатой жизни юныхъ лѣтъ;
Плоды счастливаго забвенья,
Гдѣ воплотить умѣлъ поэтъ
Свои живыя сновидѣнья...
Не обрѣсти замѣны имъ!
Чему же вѣру мы дадимъ?—
Пирамъ! Въ безжизненныя лѣта
Душа остылая согрѣта
Ихъ утѣшеніемъ живымъ.
Пускай навѣкъ исчезла младость,
Пируйте други: стукомъ чашъ
Авось приманенная радость
Еще заглянетъ въ уголъ нашъ.

III.

Завязанныя въ «Арзамасѣ» дружескія отношенія Пушкина и кн. Вяземскаго окрѣпли, сдѣлались тѣсными и интимными еще въ началѣ 20-хъ годовъ. Только что опубликованная переписка кн. Вяземскаго и А. И. Тургенева 1812—1819 гг. *) даетъ много драгоцѣнныхъ чертъ для характеристики этихъ отношеній, въ которыхъ такъ много рѣдкой у насъ теплоты и деликатности.

Когда другіе, оскорбленные въ лучшихъ чувствахъ своей филистерской морали, метали въ Пушкина громы за его увлеченія и ошибки, кн. Вяземскій писалъ **): «Ему нужно волненіе и сотрясеніе: пускай трясетъ онъ себѣ!» Тургеневъ, всю жизнь нянчившійся съ мятежнымъ поэтомъ, какъ курица съ высиженнымъ утенкомъ, по характерному выраженію кн. Павла Вяземскаго, вторилъ своему другу ***) и оправдывалъ его увлеченія условіями домашняго и школьнаго воспитанія.

---

*) *Остафьевскій Архивъ*, т. I, Спб., 1899 г.
**) Ibid., стр. 206.
***) Ibid., стр. 280.

Много гуманности и широты взгляда у этихъ старыхъ «арзамасскихъ гусей»!

По поводу «Руслана и Людмилы» Тургеневъ извѣщалъ о Пушкинѣ *): «Племянникъ почти кончилъ свою поэму, и на сихъ дняхъ я два раза слушалъ ее. Пора въ печать. Я надѣюсь отъ печати и другой пользы, личной для него. Увидѣвъ себя въ числѣ напечатанныхъ и, слѣдовательно, уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станетъ уважать себя и нѣсколько остепенится. Теперь его знаютъ только по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ; но по выходѣ въ печать его поэмы будутъ писать (?) на немъ если не порокъ академическій, то по крайней мѣрѣ не первостепеннаго повѣсу. А кто знаетъ, можетъ быть, схватятъ и въ академію».

Въ то время какъ другіе, въ порывѣ чисто-русской дружбы, о которой такъ горько отзывался Пушкинъ и которая, какъ извѣстно, освобождаетъ отъ всякой нравственной сдержки **), даетъ право грубаго вмѣшательства въ самыя интимныя дѣла и чаще всего выражается въ радостномъ подхватываніи самыхъ невѣроятныхъ позорящихъ слуховъ о пріятеляхъ,—когда другіе своими сплетнями усложняли и безъ того трудное положеніе гонимаго поэта, вооружали противъ него глубоко чтимыхъ имъ Карамзиныхъ и взводили на него всевозможныя небылицы,—Вяземскій пишетъ отъ его лица сильный, продуманный и прочувствованный протестъ ***): «Гдѣ гнѣздо, гдѣ улей сплетней, составляемыхъ на мой счетъ въ столичномъ городѣ Петра? Хорошо ли было встревожить Карамзиныхъ насчетъ человѣка, коего они любятъ горячо,—не предваривъ прежде всего человѣка, уже немалолѣтняго? Дружба хороша, но если она при слабоуміи, то можетъ иной часъ накутить болѣе непріятностей, чѣмъ сама непріязнь. Позволительно ли изъ шалостей случайныхъ, не имѣющихъ никакой связи съ жизнью, не имѣющихъ на нее и на все, что есть въ ней высокаго, никакого обратнаго дѣйствія, составить себѣ о человѣкѣ мнѣніе, постоянное, исключительное?»...

«Положимъ, что иные поступки, иныя слабости въ пріятеляхъ моихъ и кажутся мнѣ предосудительными, но хорошо ли сдѣлаю, если пойду трезвонить о нихъ на городскихъ колокольняхъ? И составлю хоръ, единогласный съ городскими кумами и заодно буду ругать изъ дружбы того, котораго другіе ругаютъ изъ злости?» Когда другіе широко распространяли стихотворенія Пушкина, сильно тогда нуждавшагося, и этимъ тормозили продажу его изданій, тотъ же Вяземскій настаивалъ ****): «не надобно же дать грабить Пушкина: довольно и того, что его давятъ».

---

*) „Соч. кн. П. П. Вяземскаго“, стр. 481.

**) *Пріятель* Арк. Родзянка, наприм., написалъ на *ссыльнаго* Пушкина сатиру, въ которой приписывалъ ему „гимнъ Занду (убійцѣ Коцебу) на устахъ, въ рукѣ портретъ Лувеля“ (убійцы герцога Беррійскаго); свободолюбивое и атеистическое письмо Пушкина, послужившее одной изъ причинъ его ссылки въ Михайловское, получило огласку благодаря пріятелямъ и т. д.

***) „Соч. Вяземскаго“, стр. 505—506.

****) Ibid., стр. 497.

Когда изъ Одессы доходили тревожные слухи о неугомонномъ поэтѣ, онъ пишетъ ему «секретное письмо» *): «Сдѣлай милость, будь осторожень на языкъ и на перо. Не играй своимъ будущимъ. Теперешняя ссылка твоя лучше всякаго мѣста. Что тебѣ въ Петербургѣ?... Вѣрные люди сказывали мнѣ, что уже на Одессу смотрятъ, какъ на champ d'asyle, а въ этомъ полѣ вѣрно никакая ягодка болѣе тебя не обращаетъ вниманія. Въ случаѣ какой-нибудь непогоды Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ, если правда, что и онъ подозрѣваемъ въ подозрительности (по отношенію къ Пушкину)? Да къ тому же, признаюсь откровенно, я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова. Онъ человѣкъ пріятный, благонамѣренный, но не пойдетъ донкихотствовать противъ власти ни за *лицо*, ни за *мнѣніе*, какія бы они ни были, если власть поставитъ его въ необходимость объявить себя за нихъ или за нее. Ты довольно сыгралъ пажескихъ штукъ съ правительствомъ, довольно подразнилъ его, и полно! А вся наша оппозиція ничѣмъ инымъ ознаменоваться не можетъ, que par des espiègleries. Намъ не дается мужествовать противъ него; мы можемъ только ребячиться. А всегда ребячиться надоѣстъ...»

Въ стихотвореніяхъ и письмахъ Пушкина можно найти много отголосковъ его искренней пріязни къ арзамасскому «Асмодею»—Вяземскому, уваженія къ его поэтическому таланту, острому уму и многостороннему, добытому самостоятельнымъ трудомъ, образованію.

Наиболѣе характерный изъ нихъ—начало недоконченнаго посланія:

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,
Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить анаѳемой игривой...

Въ поэзіи Вяземскаго эта дружба оставила глубокіе слѣды. Всю свою долгую жизнь, даже переживши свой талантъ, свою славу и самого себя, потерявъ всякое чутье дѣйствительности и съ увлеченіемъ отдаваясь пошлому брюзжанію на новыя идейныя теченія,—онъ оживляется при имени Пушкина, и въ его дряхлѣющемъ стихѣ просыпается сила, воскресаетъ прежняя яркость.

Въ 1826 году онъ писалъ сестрѣ поэта **):

Насъ случай свелъ; но не слѣпцомъ меня
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой:
Поэта другъ, сестра и геній милый,
По сердцу ты и мнѣ давно родня.
Такъ, въ памяти сердечной безъ заката
Мечта о немъ горитъ теперь живѣй:
Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата,
Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.

*) Отчетъ Публичной библіотеки. Спб., 1898 г., стр. 52—3.
**) „Сочин.“, т. III, стр. 405.

Удѣлъ его—блескъ славы вѣчно льстивой,
Не часто намъ сіяющей изъ тучъ;
И отъ нея ударитъ яркій лучъ
На жребій твой въ безпечности счастливый.
Но для него ты благотворной буль;
Свѣтя ему звѣздою безмятежной,
И въ бурной мглѣ отрадой, дружбой нѣжной
Ты услаждай тоскующую грудь.

Потрясенный смертью Пушкина, онъ посылаетъ *) кому-то за границу (повидимому, А. О. Россетъ-Смирновой) свои стихи «на память»:

Одною думой, однимъ событьемъ полный,
Когда на чуждый брегъ васъ переносятъ волны,
И звуки родины должны въ послѣдній разъ
Печалью врѣзаться и отозваться въ васъ,
На память и въ завѣтъ о прошломъ въ мірѣ новомъ,
Я васъ напутствую единымъ скорбнымъ словомъ,—
Затѣмъ, что скорбь моя превыше силъ моихъ,
И, вѣрный памятникъ сердечныхъ слезъ и стона,
Вамъ затвердитъ одно рыдающій мой стихъ:
Что яркая звѣзда съ родного небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой,—
Что пѣсни лучшія поэзіи родной
Внезапно замерли на лирѣ онѣмѣлой,—
Что тамъ во всей порѣ красы и славы зрѣлой
Нашъ лавръ, нашъ вѣщій лавръ, услады нашихъ дней,
Который трепетомъ и сладкозвучнымъ шумомъ
Отъ сна воспрянувшихъ пророческихъ вѣтвей
Вѣщалъ глаголъ боговъ на сѣверѣ угрюмомъ,—
Что навсегда умолкъ любимый нашъ поэтъ,
Что скорбь постигла насъ, что Пушкина ужъ нѣтъ!

Въ 1853 году передъ его творческимъ воображеніемъ въ «Поминкахъ» воскресаетъ все тотъ же дорогой образъ **):

Поэтической дружины
Смѣлый вождь и исполинъ!
Съ дѣтства твой полетъ орлиный
Достигалъ крутыхъ вершинъ
. . . . . .
Отрокъ съ огненной печатью,
Съ теплымъ заревомъ лучей
Вдохновенья и призванья
На пророческомъ челѣ,
Полномъ думы и мечтанья—
Крыльевъ нашихъ на землѣ;
Вѣщій отрокъ, отрокъ славы...
. . . . . .

Зя. Каллашъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

*) „Сочин.“, т. IV, стр. 207—8.
**) Сочин., т. XI, стр. 17.

Пропадающія силы.

М. Горькій. Очерки и разсказы. Два тома. Спб., 1898 г.

Вѣдь надо ужъ все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?

То-то, кто виноватъ?

Достоевскій („Записки изъ мертваго дома").

I.

Въ глухомъ провинціальномъ трактирѣ идетъ кутежъ. Затосковалъ одинъ купецъ по случаю того, что не можетъ понять «чего его душа хочетъ», и вотъ онъ объявилъ: «желаю я разгуляться и чтобы съ трескомъ... понятно? Сто цѣлковыхъ брошу, но чтобъ былъ отдыхъ душѣ. Чтобы вихрь былъ!» Въ трактиръ, по приглашенію купца, являются вольнопрактикующіе пѣвцы изъ фабричныхъ и между ними нѣкій «паренекъ» Костя, котораго особенно рекомендуютъ купцу: «вотъ, купецъ, человѣкъ, такъ сказать талантъ! Вотъ душа!» Между пѣвцами идетъ совѣщаніе о томъ, какъ лучше пронять купеческую душу. «Нужно начинать съ грусти, чтобы привести душу въ порядокъ и заставить ее прислушаться. Понимаете? Вотъ вы ей сейчасъ и закиньте удочку «Лучинушкой», къ примѣру, или «Заходило солнце красное»,—она и пріостановится, замретъ. А тутъ вы ее хватите сразу «Чоботами» али «Во лузяхъ», да съ дробью, съ пламенемъ, съ плясомъ, чтобы жгло! Ожгете ее, она и встрепенется! Тогда и пошло все въ дѣйствіе. Тутъ ужъ начнется прямо бѣшенство: чего-то хочется и ничего не надо! Тоска и радость—такъ все и заиграетъ радугой!» Очевидно, дѣло излѣченія купеческой тоски попало въ надежныя руки. А пока идетъ предварительная выпивка. Шумъ въ трактирѣ становился все болѣе хаотичнымъ, оглушающимъ, пьянымъ. И вдругъ въ него впилась высокая теноровая нота, болѣзненно вибрирующая, протяжная, унылая:

Эхъ, да въ непогоду-у...
Вѣтеръ воетъ, завываетъ...

Публика сразу притихла и уставилась на Костю, сидѣвшаго на диванѣ съ блѣднымъ лицомъ и судорожно открытыми губами, изъ которыхъ, дрожа и взвиваясь все выше, лились одинъ за другимъ звуки, сильные, но надломленные и,—было ясно,—рожденные больною грудью:

А мою голо-овушку
Злая грусть терзаетъ!

Продолжалъ Костя, неподвижный и весь углубившійся въ себя. Маленькій онъ былъ, сухой, желтый, и было странно убѣждаться, что это именно въ его съеженной и изогнутой фигуркѣ хранятся такіе красивые, сильные звуки. Пѣсня лилась нота за нотой. Голосъ Кости, высокій, металлическій теноръ, вибрировалъ, какъ бы рыдая, и замиралъ. Пѣсня звучала, то мрачная и страстная, какъ молитва кающагося грѣшника, то печальная и кроткая, какъ плачъ больного ребенка, то полная отчаянной и безнадежной тоски, какъ всякая хорошая русская пѣсня.

Э-я сижу-у-мо-оря-а...

рыдалъ Костя, у котораго отъ напряженія выступилъ потъ на лбу и катился по щекамъ, какъ слезы.

Доли себѣ жду-у!
Душу мою слезы-и-и...
Слезы жгучи моютъ...

Купецъ не выдержалъ: «Братцы!—глухо крикнулъ Тихонъ Павловичъ, вскакивая со стула. — Больше не могу! Христа ради, больше не могу! Душу мою пронзили! Будетъ — тоска моя! Тронули вы меня за больное сердце, то-есть часу у меня такого не было еще въ жизни!»

Я заимствовалъ этотъ эпизодъ у г. Горькаго, изъ его разсказа *Тоска*, и считаю долгомъ извиниться передъ авторомъ, что испортилъ его прелестную картину своими невольными и неизбѣжными купюрами. На самомъ дѣлѣ, пѣлъ не одинъ Костя, пѣло трое («тріё»), и каждаго изъ пѣвцовъ г. Горькій сумѣлъ обрисовать такими же яркими штрихами, какъ запѣвалу—Костю (см. разсказъ). Намъ нуженъ собственно только Костя. Зачѣмъ нуженъ? На первый разъ хотя бы только затѣмъ, чтобъ отрекомендовать читателю г. Горькаго въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ которыхъ былъ отрекомендованъ купцу Костя: «вотъ, читатель, человѣкъ, такъ сказать талантъ! Вотъ душа!» Именно, не только талантъ, но и душа, и какъ разъ такая душа, о которой съ такою силой говорится въ пѣснѣ Кости, душа тоскующая, ищущая и неудовлетворенная:

Душу мою слезы,
Слезы жгучи моютъ.

Эти два удивительныхъ стиха (и кто только сочиняетъ ихъ!) г. Горькій могъ бы по праву взять эпиграфомъ къ своимъ произведеніямъ, которыя онъ скромно называетъ (въ посвященіи) *набросками*. Если хотите, это дѣй-

ствительно не болѣе какъ наброски, и именно поэтому намъ *было странно убѣждаться,* что въ этихъ маленькихъ, *съеженныхъ* наброскахъ *хранятся такіе красивые, сильные звуки,* заключено такое серьезное и живое содержаніе. Мы не раздѣляемъ тоски г. Горькаго, но понимаемъ ее. Не раздѣляемъ, потому что въ основѣ ея лежитъ, какъ намъ кажется, нѣкоторое теоретическое недоразумѣніе, съ которымъ никакъ, повидимому, не можетъ справиться молодая мысль автора. Но мы понимаемъ всю законность этой тоски въ томъ или для того, кому противорѣчія жизни представляются неразрѣшимою загадкой. Еще бы живой душѣ не тосковать отъ жизни, въ которой не видится смысла! Еще бы не стонать ей, какъ стоналъ въ той же пѣснѣ Костя:

Матушка пустыня,
Пріюти сиротку!

Это искренно и логично: нельзя жить съ людьми, надо искать утѣшенія на лонѣ матери-природы, уйти, по-южно-русски, въ степи, къ морю или, по-великороссійски, въ непроходимыя лѣсныя дебри. Другой вопросъ—разумно ли это? Точно ли съ людьми жить нельзя? Въ *сиротствѣ* человѣка нѣтъ ли его собственной вины? И что собственно значитъ жить съ людьми? Поставить эти вопросы значитъ подойти къ самой сердцевинѣ образовъ г. Горькаго и къ самому источнику его завѣтнѣйшихъ убѣжденій. Мы, однако, съ этимъ дѣломъ еще повременимъ.

Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ. Для литературной критики (въ особенности для русской) это—золотое правило, но на этотъ разъ мнѣ хотѣлось бы отступить отъ него. У г. Горькаго такъ много увлекательнаго, горячаго и искренняго лиризма, что нельзя, кажется, сомнѣваться въ жизнеспособности его литературнаго дарованія. Съ увеличеніемъ житейскаго опыта и расширеніемъ умственнаго кругозора, міропониманіе человѣка постепенно и неизбѣжно видоизмѣняется, но его *отношеніе* къ жизни находится въ прямой зависимости отъ его природной впечатлительности. Этой впечатлительностью г. Горькій обладаетъ въ высокой степени. Онъ мало жилъ, но много пережилъ, мало видѣлъ, но много перечувствовалъ. Кругъ его наблюденій не широкъ и очень однообразенъ, но за то это и не простыя наблюденія, а нѣчто большее и высшее, переработанное не только въ горнилѣ его таланта, но и въ тайникахъ его души. Можетъ быть, что, къ нашему огорченію, г. Горькому такъ и не удастся справиться съ своими теоретическими недоразумѣніями, освободиться отъ пессимистическаго налета, который теперь несомнѣнно покрываетъ и омрачаетъ его взгляды, но не можетъ быть того, чтобы г. Горькій когда-нибудь самодовольно успокоился на какой-нибудь идейкѣ или даже идеѣ. Это какъ-то непосредственно чувствуется. Можетъ случиться, что пѣвецъ—Костя такъ или иначе пропадетъ, наприм., сопьется съ кругу и умретъ подъ заборомъ, но врядъ ли можетъ случиться, что онъ «остепенится», войдетъ въ колею благоразумныхъ людей и начнетъ копотливо устраивать свое благосостоя-

ніе. Это тоже чувствуется. Слишкомъ ужъ страстно отдается Костя пѣснѣ, слишкомъ ужъ сильно его волнуютъ такія чувства, которыя совсѣмъ, совсѣмъ не ладятъ съ тономъ и строемъ будничной жизни. Приблизительно то же я скажу и о г. Горькомъ: по всей вѣроятности, онъ навсегда останется въ литературѣ писателемъ «града взыскующихъ», т.-е. такимъ, который ничему читателя прямо не научитъ, но будетъ постоянно побуждать его къ ученію, къ исканію истины. Такое литературное амплуа совсѣмъ не неблагодарно. Дѣловитости, разсудительности, положительности въ нашей литературѣ достаточно, но «священнаго безумія», увлекающей страсти, бодрящей и поднимающей духъ *поэзіи* совсѣмъ немного. Г. Горькій обладаетъ этимъ даромъ *идейнаго миризма*, — обладаетъ въ такой степени, что именно этою чертой опредѣляется главная сущность его замѣчательнаго литературнаго дарованія. Опредѣленнаго идеала у г. Горькаго нѣтъ никакого, ни личнаго, ни общественнаго, но стремленіе къ идеалу никогда его не покидаетъ. Онъ не сознаетъ, но онъ какъ бы предчувствуетъ возможность идеала и это инстинктивное предчувствіе окрыляетъ его даже въ тѣ, нерѣдкія у него, минуты, когда имъ всецѣло овладѣваютъ тоска и уныніе. Это особаго рода тоска и уныніе: тоска со злобой и съ негодованіемъ, и уныніе не грустное, не пассивное, а протестующее. Да, *протестующее уныніе*, воинствующій во имя идеала пессимизмъ—вотъ что я усматриваю въ духовной физіономіи г. Горькаго. Ничего страннаго тутъ нѣтъ. Вѣру г. Горькаго, согласно опредѣленію Достоевскаго («Братья Карамазовы»), я назвалъ бы вѣрой по преимуществу русской: всѣ люди грѣшники или, какъ обыкновенно выражаются герои г. Горькаго, — «скоты», но гдѣ-то тамъ, въ пустынѣ, за тридевятью землями, ужъ навѣрно есть два-три такихъ праведника, что по ихъ слову даже горы сдвигаются съ своихъ мѣстъ. Вотъ почему г. Горькій—лирикъ, и очень хорошій лирикъ, но совсѣмъ не элегикъ.

Для характеристики г. Горькаго, какъ его таланта, такъ и его міросозерцанія, лучше всего можетъ служить его аллегорическій разсказъ «О Чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ—любителѣ истины». Это столько же красиво написанная, сколько и плохо продуманная аллегорія. Лирическій талантъ г. Горькаго выразился въ этой аллегоріи очень ярко; но достаточно немного вдуматься въ смыслъ яркихъ образовъ аллегоріи, чтобы понять всю несостоятельность философіи автора. Г. Горькій заставляетъ своего чижа пѣть такую пѣсню:

Я слышу карканье воронъ,
Смущенныхъ холодомъ и тьмой...
Я вижу мракъ—но что мнѣ онъ,
Коль добръ и ясенъ разумъ мой?
За мной, кто смѣлъ! Да сгинетъ тьма!
Душѣ живой въ ней мѣста нѣтъ!
Зажжемъ сердца огнемъ ума,
И воцарится всюду свѣтъ!

Соловьи разсказа, слушая эту пѣсню, отлично ее комментируютъ: «Сильно спѣто! Молодо, самонадѣянно, не музыкально, но сильно... У этого пѣвца есть искорка!» Именно это самое должна сказать и наша критика. Лично я, впрочемъ, удовлетворенъ стихами г. Горькаго и со стороны ихъ музыкальности,—чего еще, въ самомъ дѣлѣ? Но послушаемъ дальше.

Кто честно смерть пріялъ въ бою,
Тотъ развѣ палъ и побѣжденъ?
Палъ тотъ, кто робко грудь свою
Прикрывъ, ушелъ изъ битвы вонъ...
Друзья! и тотъ палъ, кто, боясь
Труда, волненій, боли ранъ,
О битвѣ судитъ, погрузясь
Въ философическій туманъ...
Друзья! пусть падшіе молчатъ,
Имъ очи съѣлъ сомнѣній дымъ;
Въ сердцахъ ихъ честь и гордость спятъ...
Друзья! давайте крикнемъ имъ:
Прочь! вашихъ мудрствованій чадъ
Темнѣе сдѣлалъ эту ночь,
И отравляетъ онъ, какъ ядъ,
Умы и души юныхъ... Прочь!

Если бы вамъ, читатель, удалось пропѣть такую пѣсню, т.-е. написать такое стихотвореніе,—стали бы вы смѣяться надъ собою или нѣтъ? О себѣ скажу—не сталъ бы. Напротивъ, я былъ бы радъ и гордъ своею удачей, потому что найти для вѣковѣчной и потому самому избитой темы новыя и сильныя слова—это въ самомъ дѣлѣ большая удача. А вотъ г. Горькому смѣшно: «*Прочь*! Когда это кричитъ орелъ, соколъ, ястребъ, наконецъ,—это и красиво, и мощно, но чижъ... тутъ есть нѣкоторое несоотвѣтствіе, что-то странное и смѣшное». Странность заключается здѣсь въ очевидномъ непониманіи г. Горькимъ условій и требованій искусства, хотя онъ самъ поэтъ и даже хорошій поэтъ. Орелъ, соколъ, ястребъ—птицы не пѣвчія, а хищныя. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, если ужъ раскрывать аллегорію, орлами и соколами не въ птичьихъ, а въ человѣческихъ обществахъ мы привыкли, благодаря своей цивилизаціи, признавать не тѣхъ, кто живетъ насиліемъ и хищничествомъ, а напримѣръ, тѣхъ, кто умѣетъ громко крикнуть «прочь» всему, что отравляетъ умы и души юныхъ... Трудно сказать, какими признаками руководствуется г. Горькій въ своихъ іерархическихъ представленіяхъ объ относительномъ достоинствѣ людей, но несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что его понятія объ этомъ пока еще очень смутны. Въ нашей человѣческой средѣ, г. Горькій, истинная сила не есть сила физическая, ястребиная, а сила нравственная и разумная, сила права и правды, та самая, во имя которой и пѣлъ вашъ чижъ. Осмѣивая своего смѣлаго героя за его физическую слабость, вы обнаруживаете такія тенденціи, которыя, къ чести вашей сказать, вамъ рѣшительно не къ лицу.

А дальше бѣдный чижъ, по волѣ скептически настроеннаго автора,

терпитъ полное пораженіе отъ здравомысленнаго дятла. Чижъ, пропѣвши свою пѣсню, обратился къ птицамъ съ прозаическою рѣчью такого содержанія: «Мы не должны уставать и должны всегда бороться и все побѣдить, чтобъ оправдать самихъ себя въ своихъ глазахъ, чтобъ имѣть право сказать: все прошедшее, настоящее и будущее—это мы, а не слѣпая сила стихіи. Путь, по которому мы должны идти, мнѣ незнакомъ, но я увѣренъ, что нужно идти впередъ. Тамъ страна, достойная быть наградой...» и проч. и проч. Птицы были увлечены пѣснью и рѣчью Чижа,—«всѣ птицы пѣли и всѣмъ стало такъ легко, хорошо, всѣ чувствовали, что въ сердцахъ родилось такое страстное желаніе жизни и счастья». Но противъ Чижа выступилъ «съ фактами въ рукахъ» Дятелъ, который охладилъ общее увлеченіе такою трезвенною рѣчью: «Разсмотримъ безпристрастно, что есть тамъ—впереди, куда зоветъ насъ г. Чижъ. Всѣ вы вылетали на опушку лѣса и знаете, что сейчасъ же за нею начинается поле, лѣтомъ голое и сожженное, зимой покрытое холоднымъ снѣгомъ; тамъ, на краю его, стоитъ деревня и въ ней живетъ Гришка, человѣкъ, занимающійся птицеловствомъ. Вотъ первая станція по пути «впередъ», о которомъ такъ много наговорилъ здѣсь г. Чижъ. Предполагая, что мы устремимся впередъ сообразно его желанію, что мы благополучно минуемъ сѣти Гришки и пролетимъ мимо деревни, мы опять-таки очутимся въ полѣ, а на концѣ его снова встрѣтимъ деревню, а потомъ снова—поле, деревня, поле... и такъ какъ земля кругла, то мы и должны будемъ необходимо долетѣть до той самой рощи, въ которой въ данный моментъ я имѣю высокую честь говорить съ вами. Это ли та страна, въ которой, по словамъ г. Чижа, мы получимъ награду за наши труды? Это ли она?»

Рѣчь Дятла произвела подавляющій эффектъ: «Птицы молча смотрѣли на Чижа и видѣли, какъ изъ его глазъ одна за другой скатывались слезинки. О чемъ онъ могъ плакать, какъ не о своей винѣ передъ ними? Такой мизерный, сѣренькій и лживый чижъ!» Оставшись въ полномъ одиночествѣ, Чижъ думалъ: «Я солгалъ, да, я солгалъ, потому что мнѣ неизвѣстно, что тамъ за рощей, но вѣдь вѣрить и надѣяться такъ хорошо! Я же только и хотѣлъ пробудить вѣру и надежду и *вотъ почему* (курсивъ нашъ) я солгалъ... Онъ, Дятелъ, можетъ быть, и правъ, но на что нужна правда, когда она камнемъ ложится на крылья и не позволяетъ высоко взлетать въ небеса?»

Вотъ и вся аллегорія. Вы, читатель, смѣю спросить, на чьей сторонѣ—Чижа или Дятла? Я буду очень радъ, если мой вопросъ покажется вамъ неприличнымъ или дерзкимъ, но вотъ, однако, послушайте заключеніе самого автора: «Прочитавъ эту исторію, ты, конечно, увидишь, что Чижъ благороденъ, но не имѣетъ вѣры и поэтому нищъ духомъ; Дятелъ благоразуменъ, но пошлъ, а птицы-слушатели отзывчивы лишь потому, что любопытны, но они въ сущности черствы сердцемъ и мелки, мелки, позорно мелки... Увидавъ это, ты подумаешь, что я невѣрно разсказалъ эту, до слезъ смѣшную, исторію. Думай такъ, если это тебя утѣшаетъ, думай!»

Это, по правдѣ говоря, довольно живо напоминаетъ Собакевича: одинъ почтмейстеръ у насъ довольно порядочный человѣкъ, да и тотъ и т. дал. Но не въ томъ дѣло. Не знаю съ точностью, что подумаетъ о философской сторонѣ аллегоріи г. Горькаго читатель, но не подлежитъ сомнѣнію, что свою «до слезъ смѣшную исторію» г. Горькій разсказалъ совершенно невѣрно. Невѣрно исторически или фактически, невѣрно логически и невѣрно психологически. Вся его пессимистическая философія оказывается построенной на пескѣ. Во-первыхъ, гдѣ видѣлъ г. Горькій такихъ пѣвцовъ, воспѣвавшихъ вѣру и надежду и звавшихъ другихъ впередъ, которые бы внутренно сознавались, что ихъ призывъ не болѣе какъ ложь? Авгуры-жрецы были и всегда могутъ быть, но авгуровъ-проповѣдниковъ не было и быть не можетъ. Правда, однажды мы слышали, что обманъ, возвышающій насъ, дороже тьмы низкихъ истинъ, но это образное выраженіе надо понять правильно. Не о лжи, не о сознательномъ обманѣ была тутъ рѣчь, а о самообманѣ, о тѣхъ иллюзіяхъ, которыя подкрѣпляютъ духъ человѣка, хотя и не могутъ выдержать суда разума. Самообманъ можетъ имѣть вліяніе только при полнѣйшей искренности обманывающагося человѣка—это ясно. Правда и то, что во всѣхъ литературахъ могутъ быть указаны «пѣвцы», которые пѣли очень хорошо, а жили очень дурно, громко звали всѣхъ «впередъ», а сами лично съ мѣста не двигались и не хотѣли двигаться—и это иногда въ такой степени, что приходилось даже приносить публичное покаяніе: «Прости меня, о, родина, прости!» И все-таки *лжецами* они никогда не были. Никогда не сказали бы они о своей дѣятельности, о своихъ пѣсняхъ: «да, я лгалъ», какъ говоритъ аллегорическій Чижъ г. Горькаго. Наоборотъ, ложью они признавали не свою пѣсню, а свою жизнь, которую они устроили себѣ какъ разъ по благоразумной программѣ вашего Дятла. Во-вторыхъ, у г. Горькаго Чижъ-пѣвецъ поетъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ говоритъ Чижъ-ораторъ. Оба они зовутъ «впередъ» но совершенно въ различныхъ смыслахъ, и это прямая вина автора, что онъ не замѣтилъ этой уже чисто-логической несообразности. Чижъ-поэтъ восклицалъ:

За мной, кто смѣлъ! Да сгинетъ тьма!
Душѣ живой въ ней мѣста нѣтъ!
Зажжемъ сердца огнемъ ума,
И воцарится всюду свѣтъ!

Это совсѣмъ не то значитъ, что надо летѣть вонъ изъ рощи, куда глаза глядятъ, летѣть затѣмъ лишь, чтобы, по справедливому замѣчанію Дятла, опять, вслѣдствіе шарообразности земли, въ ту же самую рощу прилетѣть. Зажечь сердца огнемъ ума значитъ побудить себя и другихъ къ нравственному и умственному совершенствованію, къ уничтоженію предразсудковъ, къ упорядоченію и обновленію жизни, а для этого нѣтъ надобности покидать свою рощу. Наоборотъ, именно въ родной рощѣ и надо позаботиться о свѣтѣ, не задаваясь непосильною задачей воцарить свѣтъ *всюду*. Совершенные пустяки говорилъ Чижъ-ораторъ, утверждая, что гдѣ-то «тамъ»

находится «вѣчный, неизсякаемый свѣтъ, невѣдомыя намъ чудеса», и, конечно, Дятлу ничего не стоило разрушить эти фантазіи. Но Дятлу, не покрывая себя срамомъ, трудно было бы возражать Чижу-пѣвцу, призывавшему населеніе рощи на общую работу по устроенію и просвѣщенію своего настоящаго мѣстопребыванія, своей родины. «Впередъ безъ страха и сомнѣнья!» Такіе призывы не означаютъ и никогда не означали собою приглашенія людямъ къ физическому перемѣщенію, къ перемѣнѣ территоріи, а означаютъ и всегда означали воззваніе къ разуму и къ совѣсти людей. Шарообразность земли тутъ совсѣмъ не при чемъ.

Прекрасный поэтъ, но слишкомъ ужъ слабый философъ г. Горькій. Онъ разсуждаетъ совершенно такъ, какъ и его герои, такъ называемые «босяки» или «золоторотцы», которые въ поискахъ лучшей жизни буквально бредутъ впередъ, куда глаза глядятъ, идутъ въ степи, на Кубань, къ морю, добравшись до котораго, останавливаются въ тоскливо-безсмысленномъ ожиданіи чего-то, какъ объ этомъ разсказывается въ пѣснѣ Кости:

„Я сижу у моря,
Доли себѣ жду!“

Не надо быть дятломъ, чтобы сказать, что это занятіе очень неблагодарное. И опять намъ Костя вспоминается: хорошо Костя поетъ и увлекается своимъ пѣньемъ до самозабвенія, но когда пѣсня кончилась, онъ ни умнаго, ни глупаго слова не сумѣлъ сказать купцу, а «наливалъ себѣ водки и пилъ ее рюмку за рюмкой, видя, что за нимъ никто не смотритъ». Право же, нѣчто подобное замѣчается и у самого автора: пока онъ является только художникомъ, пока онъ рисуетъ характеры, или природу, или быль, онъ вполнѣ удовлетворяетъ и даже увлекаетъ читателя. Но едва г. Горькій пустится въ разсужденія, устами своихъ героевъ, которые—отъ бездѣлья, что ли?—чрезвычайно любятъ порезонировать, читателю, въ большинствѣ случаевъ, остается только руками разводить. Что вы скажете, напримѣръ, о такой картинкѣ:

«Море смѣялось.

«Подъ легкимъ дуновеніемъ знойнаго вѣтра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослѣпительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряныхъ улыбокъ. Въ глубокомъ пространствѣ между моремъ и небомъ носился веселый и шумный плескъ волнъ, набѣгавшихъ одна за другою на пологій берегъ песчаной косы. Этотъ звукъ и блескъ солнца, тысячекратно отраженнаго рябью моря, гармонично сливались въ непрерывное движеніе, полное живой радости. Солнце было счастливо тѣмъ, что свѣтило, море—тѣмъ, что отражало его ликующій свѣтъ.

«Вѣтеръ ласково гладилъ мощную, атласную грудь моря, солнце грѣло ее своими горячими лугами, и море, дремотно вздыхая подъ нѣжной силой этихъ ласкъ, насыщало жаркій воздухъ соленымъ ароматомъ своихъ испареній. Зеленоватыя волны, взбѣгая на желтый песокъ, сбрасывали на него

бѣлую пѣну своихъ пышныхъ гривъ, она съ тихимъ звукомъ таяла на горячемъ пескѣ, увлажая его...»

Не знаю, какъ вы, читатель, а я вижу отсюда, изъ туманнаго Петербурга, эту прелестную южную картину, это смѣющееся море, хотя никогда не бывалъ на югѣ. Изъ современныхъ писателей нашихъ мастеромъ на пейзажи считается г. Чеховъ, но эта марина г. Горькаго поспоритъ съ извѣстными степными пейзажами г. Чехова. Но вотъ Костя спѣлъ, вы насладились его пѣніемъ, т.-е., хочу я сказать, вы полюбовались картиною г. Горькаго, и теперь не угодно ли получить порцію хотя бы такихъ умствованій:

«Времена перемѣнчивы... а люди—скоты. Впрочемъ, все держится въ своихъ законахъ, и человѣкъ на землѣ не болѣе какъ ничтожная гнида. Все въ порядкѣ, ныть и плакать не стоитъ,—ни къ чему не поведетъ. Живи и ожидай, когда тебя изломаетъ, а если изломало уже,—жди смерти! Только и есть на землѣ всѣхъ умныхъ словъ. Поняли? Вѣрно-съ! И больше никакихъ! Всякіе разговоры — пустяки и чепуха. Я прежде былъ другого взора на жизнь и очень безпокоился за себя и за другихъ,—какъ, моль, и что, и какой смыслъ, и въ чемъ суть, и зачѣмъ, и почему... Нынче—наплевать! Проходитъ жизнь извѣстнымъ порядкомъ,—ну, и проходи,—такъ значитъ надо, и я тутъ не при чемъ. Законы-съ; противъ нихъ невозможно идти... И не зачѣмъ, потому что даже и тотъ, кто знаетъ, ничего не знаетъ. Ужъ повѣрьте мнѣ въ этомъ случаѣ,—съ умнѣйшими людьми велъ по этимъ дѣламъ бесѣды, со студентами и со многими священнослужителями церкви. Хе, хе. Разсуждаютъ люди о томъ, о другомъ и прочее... глупо-съ! очень глупо! О чемъ разсуждать, когда существуютъ законы и силы? И какъ можно имъ противиться, ежели у насъ всѣ орудія въ умѣ нашемъ, а онъ тоже подлежитъ законамъ и силамъ? Вы понимаете? Очень просто. Значитъ живи и не кобенься, а то тебя сейчасъ же разрушитъ въ прахъ сила, состоящая изъ собственныхъ твоихъ свойствъ и намѣреній и изъ движеній жизни. Это называется—фило-софія-съ дѣйствительной жизни... Понятно?»

О разсужденіяхъ этого рода я, какъ гоголевскій бурсакъ о плетяхъ, скажу, что въ большомъ количествѣ это вещь нестерпимая. А въ послѣднее время они появляются въ нашей литературѣ въ очень большомъ количествѣ: чуть не на-дняхъ намъ пришлось урезонивать г. Меньшикова, который позволяетъ разбойнику выколоть глаза ребенку во имя всепрощающей «святой любви», но въ то же время никакъ не можетъ простить намъ нашего сожительства съ законными женами. У г. Горькаго эту философію квіетизма во имя непреложныхъ законовъ природы (у г. Меньшикова—во имя довѣрія къ мудрости воли) развиваетъ одинъ изъ пѣвцовъ, лѣчившихъ купеческую душу, и мы на мѣстѣ купца спросили бы его: и откуда ты, другъ любезный, набрался такой премудрости? По-нѣмецки ты не знаешь, Гегеля и Шопенгауэра не читалъ, что же это—родной фатализмъ, что ли? Но тогда тебѣ такъ бы ужъ и говорить о «планидѣ», не

касаясь законовъ и силъ природы, тебѣ неизвѣстныхъ. Но и въ этомъ случаѣ я спросилъ бы тебя: зачѣмъ же ты разсуждаешь, если разсуждать вообще, по-твоему, «глупо-съ, очень глупо?» Если же ты не можешь не разсуждать, то будь же послѣдователенъ, продолжай «кобениться» и дальше: борись, учись, работай, вообще не дѣлай изъ себя безотвѣтной жертвы судьбы или, по-твоему, «планиды». Нѣтъ, читатель, это въ самомъ дѣлѣ просто удивительно, что на этомъ діалектическомъ порогѣ у насъ спотыкается мысль столькихъ писателей! Г. Горькій—изъ ихъ числа и его, видимо, измучило это діалектическое противорѣчіе почти въ такой же мѣрѣ, какъ нѣкогда Бѣлинскаго. Самый недогадливый читатель сообразитъ, что въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ, очень многочисленныхъ случаяхъ, не «босякъ» какой-то, а самъ авторъ черезъ его посредство философствуетъ. Мы еще будемъ имѣть дальше случаи, говоря о герояхъ г. Горькаго, встрѣтиться съ этой философіей и тогда скажемъ по ея существу, а теперь я только отмѣчаю: вотъ что мучитъ г. Горькаго! Пессимизмъ на подкладкѣ фатализма, въ соединеніи съ самой страстной жаждой жизни, съ чуткимъ инстинктомъ красоты, съ готовностью къ самому бурному протесту, съ великодушной потребностью подвига и жертвы,—какая удивительная амальгама! Какое странное смѣшеніе свойствъ и силъ, другъ друга нейтрализующихъ и парализирующихъ! Ничего, читатель, не будемъ опасаться за г. Горькаго, будемъ лучше надѣяться: не изъ мутнаго ли броженья творится свѣтлое вино? Но пока что, я все-таки, какъ видитъ читатель, имѣлъ право характеризовать г. Горькаго какъ *идеалиста, не имѣющаго идеала*, не успѣвшаго его себѣ выработать.

II.

Пора обратиться къ героямъ г. Горькаго. Это очень интересные, но нисколько не новые герои.

„Сторона-ль моя сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не самъ ли я на тебя зашелъ,
Что не добрый ли да меня конь завезъ:
Завела меня, добраго молодца,
Прыткость, бодрость молодецкая
Да хмѣлинушка кабацкая".

Когда какое-нибудь явленіе воспѣвается въ народной пѣснѣ, это значитъ, что оно стало очень распространеннымъ и популярнымъ. А такъ какъ цитированная пѣсня хотя и не древняго, но очень все-таки стараго происхожденія, то ясно, что явленіе «босячества» у насъ не новость и никакой такой Америки г. Горькій намъ не открылъ. Я отождествляю наше исконное бродяжничество съ современнымъ босячествомъ въ силу одинаковости ихъ психологической основы. Босякъ характеризуется не босоногостью, не лохмотьями своими, а именно прыткостью, бодростью молодецкою, своимъ инстинктивнымъ отвращеніемъ къ установившимся формамъ

и торнымъ путямъ. Разумѣется, и хмѣлинушка кабацкая играетъ здѣсь не послѣднюю роль. Это обстоятельство, т.-е. непремѣнное соприсутствіе хмѣлинушки, обусловливается опять-таки не физическими (за исключеніемъ случаевъ прямо болѣзненныхъ), а нравственными свойствами людей этого типа: хмѣлинушка—одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ угомонить въ себѣ энергію, для которой нѣтъ правильнаго исхода. Эту сторону дѣла, которую нашимъ проповѣдникамъ противъ народнаго пьянства не мѣшало бы имѣть въ виду, отлично характеризовалъ Некрасовъ:

„Не водись-ка на свѣтѣ вина
Тошенъ былъ бы мнѣ свѣтъ,
И пожалуй,—силенъ сатана!—
Натворилъ бы я бѣдъ".

Въ принципѣ, такимъ образомъ, мы совершенно согласны съ г. Горькимъ: его герои—люди въ своемъ родѣ замѣчательные, а нѣкоторые—пожалуй, многіе изъ нихъ—могли бы быть замѣчательными людьми не въ личномъ только, но и въ общественномъ смыслѣ, не только въ психологическомъ, но и въ историческомъ отношеніи. Однако пьянство есть пьянство и ничего болѣе. Это не подвигъ, даже не протестъ, а самый несомнѣнный порокъ и идеализировать пьяницъ нѣтъ никакого резона. Еслибъ Илья Муромецъ, вмѣсто очищенія дорогъ отъ разбойниковъ и избіенія татаръ, употреблялъ свою богатырскую силу на то, чтобы ежедневно осушать бочку зелена-вина, то, конечно, свою могучесть онъ доказалъ бы, но любимымъ героемъ былинъ не сдѣлался бы. Васька Буслаевъ былъ «босякомъ» чистѣйшей крови, не вѣрилъ онъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣровалъ въ свой червленый вязъ, но онъ, во-первыхъ, какъ гласитъ былина, и кончилъ самымъ жалкимъ, даже дурацкимъ образомъ; а во-вторыхъ, какъ ничтожна его молодецкая, ухорская фигура рядомъ со спокойно-величавой фигурой Ильи! Илья—это земецъ-строитель, Васька—это бунтарь-разрушитель. Такова ихъ роль въ исторіи, а въ будничной, личной жизни Илья—домовитый и заботливый хозяинъ, а Васька—трактирный забулдыга и уличный дебоширъ. Въ процессѣ историческаго развитія Илья нуженъ всегда, Васька—только въ періоды острыхъ кризисовъ. Илья—это хлѣбъ, который самъ по себѣ, безъ всякихъ приправъ, можетъ служить пищею и поддержать силы человѣка; Васька—это соль, питаться которою нельзя, и которая хороша только при хлѣбѣ, да и то въ умѣренномъ количествѣ: недосолъ на столѣ, а *пересолъ на спинѣ*, говоритъ пословица. И ужъ сколько разъ, на протяженіи нашей тысячелѣтней исторіи, попадало Васькѣ по спинѣ отъ Ильи именно за пересолъ, за неумѣнье остановиться во-время!

Это очень удобно, что мнѣ подвернулись подъ перо имена Ильи Муромца и Васьки Буслаева, какъ представителей двухъ коренныхъ нашихъ психологическихъ и историческихъ типовъ. Подъ флагомъ этихъ именъ мы и будемъ продолжать нашу параллель. Въ психологическомъ смыслѣ эти два исконныхъ русскихъ типа оттѣняютъ и во многихъ отношеніяхъ до-

полняютъ другъ друга. Силы у Ильи гораздо побольше, нежели у Васьки, но у него меньше прыткости, бодрости молодецкой, меньше темперамента. Именно потому онъ въ высокой степени обладаетъ тѣмъ качествомъ, котораго Васька совершенно лишенъ: самообладаніемъ. Васька—рабъ, а Илья—господинъ своихъ страстей. Разумѣется, и Илья не аскетъ, и онъ не прочь, при случаѣ, осушить чару зелена вина въ полтора ведра, но, все-таки, не въ удовлетвореніи своихъ инстинктовъ онъ видитъ цѣль и радость своей жизни:

Дворъ твой, княже, мнѣ не диво,
Нѣ пировъ держусь:
Я мужикъ неприхотливый,—
Былъ бы хлѣба кусъ.
Не люблю парадныхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ!

Ну, а Васькѣ все это нужно—и парадныя сѣни, и мраморныя плиты, и царьградскія куренья. Онъ двадцать разъ рискнетъ своей головой, чтобы добыть себѣ эти сокровища, но зачѣмъ?—Отнюдь не затѣмъ, чтобы съ буржуазнымъ спокойствіемъ и самодовольствомъ наслаждаться ими, а какъ бы исключительно затѣмъ, чтобы всенародно и всеторжественно оплевать ихъ. Попросту это называется озорничествомъ, и Васька, дѣйствительно, озорникъ, и вся его безалаберная жизнь — одно сплошное озорство, въ которомъ иногда проявляется великодушіе и всегда—самая безумная смѣлость, но которое, тѣмъ не менѣе, терпимо быть не можетъ. Батюшка, Илья Ивановичъ, усмири его, «ты уйми да супостата великаго!»

Сталъ Илья унимать его по-свойскому:
Онъ схватилъ его да за черны кудри,
Еще билъ его да о сыру землю о матушку и пр.

Такія воззванія и такія (буквально или въ болѣе культурной формѣ) расправы можно наблюдать въ нашей жизни зачастую, потому что Васекъ, безпрестанно порывающихся выскочить изъ рамокъ общепринятыхъ условій, у насъ до сихъ поръ сколько угодно. Но «озорники», все-таки, совсѣмъ не то, что «самодуры». Самодуръ вовсе не лишенъ внутренней дисциплины, тогда какъ у озорника ея нѣтъ вовсе. Самодуръ тише воды и ниже травы передъ сильнѣйшимъ и нравственно распоясывается онъ только передъ людьми отъ него зависимыми, самодурствуетъ надъ слабѣйшими, тогда какъ чистокровный озорникъ чувствуетъ тѣмъ большее удовольствіе отъ своихъ каверзъ, чѣмъ сильнѣе его противникъ. Васька непремѣнно хоть языкъ показалъ бы Ильѣ, когда тотъ беретъ его за черны кудри, чтобы шлепнуть о сыру землю, тогда какъ самодуръ въ такомъ положеніи только бы разнюнился и расхныкался.

Васьки Буслаевы, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо даровитѣе и, въ особенности, блестящѣе Муромцевъ, но если вы хотите погубить, разстроить какое-нибудь практическое дѣло, поставьте во главѣ его Ваську; если же

вы хотите это дѣло укрѣпить, поддержать,—поручите его Ильѣ. Однако, и то безспорно, что если устойчивость дѣлу придаютъ Муромцы, то жизнь и движеніе вносятъ въ него именно Васьки, если только имѣется на-лицо достаточно сильный регуляторъ, чтобы дисциплинировать ихъ буйное своеволіе. Дѣдушка Илья очень степенный, хозяйственный, трудолюбивый, разсудительный, но—грѣха таить нечего—немножко туповатый мужикъ. Онъ—надежный оплотъ всякаго рода «устоевъ», но его кругозоръ очень ограниченъ, и, предоставленный самому себѣ, никѣмъ не возбуждаемый и не безпокоимый, Илья очень скоро задремалъ бы среди охраняемыхъ имъ «устоевъ», которые, въ свою очередь, не замедлили бы покрыться мохомъ и плѣсенью. Къ счастью, нельзя задремать старому богатырю, и онъ знаетъ это: подкрадется къ нему, къ сонному, озорникъ Васька и начнетъ щекотать у него въ носу соломинкой или придумаетъ каверзу еще гораздо похуже—и что тогда? Выдрать Ваську за черныя кудри нетрудно, но какой же въ томъ толкъ? Какъ видите, Илья и Васька просто необходимы другъ другу, первый — какъ регуляторъ второму, второй — какъ возбудитель для перваго. Можно сказать даже больше: эти типы до такой степени родственны между собою, при всей своей противоположности, что главныя ихъ свойства могутъ характеризовать одно и то же лицо, уживаться одновременно въ одномъ человѣкѣ. Въ нашей національной психикѣ это явленіе даже довольно обычное. Чтобы не далеко ходить за примѣромъ, вспомнимъ того купца г. Горькаго, разсказомъ о лѣченіи души котораго мы начали свою статью. Съ чего это у него заболѣла душа? И какими симптомами выражается эта болѣзнь? Тихонъ Павловичъ (имя купца)—солидный и обстоятельный хозяинъ, благополучный семьянинъ, пожилой человѣкъ подъ пятьдесятъ лѣтъ, совершенно, казалось бы, установившійся и уравновѣсившійся—и вдругъ у него, среди такой благодати, является «тоска»! Это совсѣмъ не та тоска, которую испытываетъ долго воздерживавшійся отъ вина пьяница, не физіологическая тоска передъ запоемъ, это именно тоска неудовлетворенной души. Тихонъ Павловичъ совсѣмъ не пьяница и, затосковавши, онъ отправляется не въ трактиръ (это уже потомъ), а къ сельскому учителю за совѣтомъ и наставленіемъ. Этотъ учитель однажды обличилъ дѣлецкіе подвиги Тихона Павловича въ газетахъ, такъ что визитъ къ нему Тихона Павловича представляется какъ бы даже нѣкоторою жертвою. Учитель ничего путнаго не сумѣлъ сказать, и разочарованный Тихонъ Павловичъ раздумываетъ на обратномъ пути: «Х-хе! Учитель! А ты учить-то учи, да и самъ тоже поучивайся, понимай вокругъ-то себя, какъ и что. Какой бы это лѣшій загналъ меня къ тебѣ, кабы душа къ тому не понудила? И долженъ ты, учитель, всегда на такой точкѣ стоять, чтобы человѣку до тебя, не уродуя себя, взобраться можно было. А то—эка вотъ! — вперся со строгостью-то своей выше печной трубы, да и пошелъ оттуда пророчить. Понимай тебя — я тебя понять не могу... Добродѣтели стопудовыя тоже! А ежели я хочу говорить и словъ у меня нѣтъ?» Искренность купца не подлежитъ сомнѣнію. Повторяю, это совсѣмъ не

пьяница,—вѣдь процессъ «возобновленія души» онъ произвелъ не столько съ помощью вина, сколько съ помощью пѣсни,—это просто затосковавшій на своемъ дѣлѣ человѣкъ, это степенный Илья, которому наскучило съ утра до вечера степенничать и захотѣлось окунуться на время въ Васькино безпутство. А Васька, въ свою очередь,—и такихъ примѣровъ у г. Горькаго много,—«возобновляетъ» свою мятежную душу тѣмъ, что на время остепеняется, пристраивается къ какому-нибудь дѣлу, всѣхъ удивляетъ своей энергіей и своей разносторонней даровитостью, но, добившись успѣха, охладѣваетъ и провозгласивши: «убирайтесь вы всѣ къ чорту!» — опять проваливается въ свои любезныя трущобы. Ну, развѣ это не родные братья по духу? Съ точки зрѣнія соціальной экономіи, разумѣется, Илья несравненно выше Васьки: дѣлу время, а потѣхѣ часъ—вотъ девизъ Ильи; дѣлу часъ, а потѣхѣ время—вотъ программа Васьки. То-есть, конечно, оба они живутъ безъ всякихъ девизовъ и программъ, живутъ по своей натурѣ, но въ томъ и дѣло, что въ натурѣ одного преобладаютъ положительные, а въ натурѣ другого—отрицательные элементы. Это,—позволю себѣ такъ выразиться,—одно и то же психологическое снадобье, составленное изъ однѣхъ и тѣхъ же спецій, но спецій, положенныхъ въ разныхъ дозахъ. Чистокровный, выработанный многовѣковой культурой, буржуа работаетъ десятки лѣтъ, ни разу не утративъ своего равновѣсія, никогда не почувствовавши той «тоски», которая одолѣла, наприм., Тихона Павловича. Онъ, какъ и всякій трудящійся человѣкъ, нуждается, конечно, въ отдыхѣ, въ смѣнѣ впечатлѣній, но это не наша россійская «тоска». Онъ и въ отдыхѣ остается тѣмъ же корректнымъ джентльменомъ, какимъ его всегда привыкли видѣть, тогда какъ солидному Тихону Павловичу для «возобновленія души» нужно непремѣнно плюхнуться въ грязную лужу, прохрюкать цѣлую недѣлю и только тогда онъ почувствуетъ «себя виноватымъ предъ всѣми и предъ самимъ собой» (такъ, и очень удачно, характеризуетъ это нравственное состояніе г. Горькій), и *именно потому* съ удвоенной энергіей примется за оставленное на время дѣло. Чѣмъ глубже онъ будетъ чувствовать свою вину, другими словами—чѣмъ больше онъ насрамитъ, наскандалитъ и набѣдокуритъ, тѣмъ съ большимъ жаромъ онъ примется за дѣло. Произведенный Тихономъ Павловичемъ дебошъ явится для него чѣмъ-то вродѣ горячей грязевой ванны. Съ другой стороны, «босякъ», утомившійся безцѣльною растратой своихъ силъ, мечтаетъ о своей реабилитаціи тоже совсѣмъ не по манеру западноевропейскаго пролетарія. Не хорошій заработокъ, не выгодное «мѣсто» нужно ему, а подвигъ, въ точномъ смыслѣ слова. Вотъ, наприм., какъ мечтаетъ у г. Горькаго сапожникъ Орловъ (разсказъ первоначально былъ напечатанъ въ *Русской Мысли*), въ разгаръ холерной эпидеміи: «Горитъ у меня душа... Хочется ей простора... чтобы могъ я развернуться во всю мою силу... Эхма! силу я въ себѣ чувствую необоримую! То-есть, еслибъ эта, напримѣръ, холера да преобразилась въ человѣка... въ богатыря... хоть въ самого Илью Муромца,—сцѣпился бы съ ней! Иди на смертный бой! Ты сила и я, Гришка Орловъ, сила,—ну, кто кого? И при-

душилъ бы я ее и самъ бы легъ... Крестъ надо мной въ полѣ и надпись: Григорій Андреевъ Орловъ... Освободилъ Россію отъ холеры». Больше ничего не надо».—«Ну, да, презрительно скажетъ читатель, старая, извѣстная, давно надоѣвшая эта пѣсня: я-ста, да мы-ста, да наша матушка Россія всему свѣту голова! Мало, видно, насъ еще били за это дурацкое самомнѣніе, мало мы поплатились за него!» Читатель правъ и неправъ въ одно время. Правъ потому, что самомнѣніе, конечно, не то же, что самосознаніе и всякая похвальба, личная и національная, ни чести, ни выгоды хвастуну не приноситъ. Но читатель не правъ въ томъ смыслѣ, что вѣдь наши Гришки Орловы не только бахвалились, но и дѣло дѣлали. Герой г. Горькаго поступаетъ въ холерный баракъ санитаромъ и работаетъ на этомъ мѣстѣ такъ, что докторъ ободрительно говоритъ ему: «Ты человѣкъ нужный», а что касается Орловыхъ вообще, то они имѣютъ полное право указать на нѣкоторый «оправдательный документъ», составленный далеко не безъ ихъ участія. Документъ этотъ имѣетъ въ ширину четыре, а въ длину десять тысячъ верстъ, называется Россійскою имперіей, и сколько Васекъ Буслаевыхъ и Гришекъ Орловыхъ сложили свои буйныя головы какъ бы въ видѣ сертификата къ этому документу! Убѣдительный документъ! Отъ Святослава Игоревича и до Ермака Тимоѳеевича и отъ Ермака Тимоѳеевича до Михаила Дмитріевича, т.-е. черезъ всю нашу исторію идетъ длинный и непрерывный рядъ неугомонныхъ непосѣдовъ и сорви-головъ, которые, ни о чемъ другомъ не думая, какъ объ удовлетвореніи своей страсти къ авантюрамъ, своей прыткости, бодрости молодецкой, безсознательно служили въ то же время рѣшенію великой исторической задачи. Ничего путнаго, разумѣется, изъ ихъ авантюръ не вышло бы, если бы надъ ними или рядомъ съ ними не стояли разсудительные, осмотрительные и хладнокровные хозяева-собиратели, хозяева-скопидомы, вродѣ Мономаха, Невскаго, Калиты, Ивана III, длинный и тоже непрерывный рядъ которыхъ идетъ параллельно съ рядомъ нашихъ историческихъ авантюристовъ. Не только Петербургу, но и Москвѣ бы не быть. Копотливое дѣло историческаго устроенія и созиданія совершается не отвагой, а разсчетомъ, не порывами, а терпѣливымъ трудомъ—это несомнѣнно. Но вѣрно и то, что нашимъ кунктаторамъ не надъ чѣмъ было бы оперировать, еслибъ имъ не поставляли матеріала люди изъ того, другого, параллельнаго ряда и вѣрно то, что они прокунктаторствовали, продремали бы Россію, еслибъ ихъ не возбуждала неугомонная, хотя и безтолковая энергія тѣхъ же людей. Повторяю, они, люди обоихъ этихъ типовъ, были необходимы другъ другу и, къ нашему великому счастью, всегда сопровождали другъ друга, рѣшая одну и ту же задачу, каждый на свой ладъ. Разъ, единственный только разъ, произвела Россія, въ 1672 г., богатыря, въ могучей личности котораго проявились въ лучезарномъ синтезѣ лучшія свойства обоихъ національныхъ типовъ нашихъ: хладнокровіе и хитрость дьяка въ приказахъ посѣдѣлаго съ дерзостью ушкуйника, дальновидная зоркость государственнаго кормчаго съ прыткостью молодецкаго забубен-

паго матроса, терпѣніе и выдержка дипломата съ лихостью и отвагой рядового солдата, прямолинейность фанатическаго новатора съ осторожностью всеотвѣтственнаго главы государства. Но это было только однажды. Тысячелѣтняя исторія Россіи слагалась одновременными усиліями представителей обоихъ главныхъ типовъ нашихъ.

Читатель, смѣю надѣяться, отдастъ мнѣ ту справедливость, что въ опредѣленіи относительнаго удѣльнаго вѣса этихъ типовъ я старался соблюсти всевозможное безпристрастіе. Къ сожалѣнію, онъ не найдетъ такого безпристрастія у г. Горькаго. Очень замѣтнымъ образомъ г. Горькій склоняется на сторону буйнаго русскаго типа, однимъ изъ частныхъ видовъ котораго являются его герои, такъ называемые «босяки». Намъ, однако, важны не личныя симпатіи г. Горькаго, а изображаемые имъ факты, которымъ мы обязаны вѣрить, разъ мы признали за авторомъ и талантъ, и наблюдательность, и искренность. А факты, изображаемые г. Горькимъ, совсѣмъ не оправдываютъ его симпатій. Нашъ, только что развитой выше взглядъ они подтверждаютъ, но взгляда автора не подтверждаютъ нисколько. Въ данномъ случаѣ произошла довольно обычная коллизія между теоретическими убѣжденіями или предубѣжденіями автора и тѣми наблюденіями, которыя онъ даетъ намъ, какъ художникъ. Г. Горькаго называютъ художникомъ-марксистомъ. Жалѣю, что наши марксисты не обзавелись еще собственнымъ литературнымъ критикомъ, которому я съ удовольствіемъ взялся бы объяснить, что образы и наблюденія г. Горькаго—совсѣмъ не вода на ихъ марксистское колесо. Надѣюсь, впрочемъ, что это будетъ ясно и безъ полемики, изъ простого анализа фактовъ, предлагаемыхъ г. Горькимъ.

На *первомъ* мѣстѣ *перваго* тома разсказовъ г. Горькаго стоитъ разсказъ «Челкашъ», и это обстоятельство едва ли случайно. Дѣйствительно, этотъ разсказъ имѣетъ принципіальное значеніе, въ немъ обрисовывается та общая точка зрѣнія, съ которой авторъ смотритъ на своихъ героевъ. Прежде всего—ошибочна сама эта точка: г. Горькій *противопоставляетъ* своихъ бездомныхъ героевъ деревенскому хозяйственному народу, живущему подъ «властью земли». Зачѣмъ противопоставлять то, что соединено между собою органическою духовною связью? Тутъ можно только различать, какъ мы различаемъ выпуклую и вогнутую сторону одной и той же медали, но нельзя усматривать тутъ два какихъ-то враждебныхъ стана, какихъ-то непримиримыхъ данайцевъ и троянцевъ. Никакой войны не происходитъ. Сегодняшній крестьянинъ можетъ залѣниться, разориться, спиться съ кругу—и вотъ вамъ готовъ босякъ-пролетарій, котораго г. Горькій возьметъ и, съ его точки зрѣнія, обязанъ взять подъ свою защиту. Точно также любой изъ теперешнихъ любимцевъ г. Горькаго можетъ опамятоваться и протрезвиться, взяться за работу какъ слѣдуетъ, т.-е. не наскоками, а вплотную,—и г. Горькій долженъ будетъ лишить его своей симпатіи. Какая странная, какая курьезная точка зрѣнія! Я отнюдь не навязываю ее г. Горькому, а просто указываю на нее, какъ на несомнѣн

ный и авторомъ нисколько нескрываемый фактъ. Говоря, наприм., о сапожникѣ Григорьѣ Орловѣ и его женѣ, г. Горькій вотъ какъ выражается: «Они зажили бы сѣрою жизнью полусытой бѣдности, кулацкой жизнью, всецѣло поглощенною погоней за грошомъ, но отъ этого конца ихъ спасло то, что Гришка называлъ своимъ «безпокойствомъ въ сердцѣ» и что по существу своему не могло помириться съ буднями». Кажется ясно? Трудовая жизнь есть жизнь «сѣрая», погоня за заработкомъ есть кулачество, правильное существованіе есть «будни», а все вмѣстѣ представляетъ собою «конецъ...» Конецъ чего? По-нашему, всего только безшабашнаго пьянства, и слава бы Богу, но въ устахъ г. Горькаго это слово «конецъ», очевидно, означаетъ собою нѣчто очень печальное: конецъ безпокойству въ сердцѣ, конецъ милому лихачеству, разудалому молодечеству, конецъ жаждѣ подвига, конецъ человѣческому достоинству. Да, удивительный критерій, необыкновенно странная точка зрѣнія!

Но какъ разъ съ этой точки зрѣнія г. Горькій и дѣлаетъ свои противопоставленія. Замѣтимъ мимоходомъ, что большею частью похожденія героевъ г. Горькаго совершаются на берегахъ Чернаго моря, вѣроятно, въ силу того правила, что les oiseaux de même plumage s'assemblent sur le même rivage. Тамъ же развивается и фабула разсказа «Челкашъ». Челкашъ—это прозвище одного босяка, но босяка необыкновеннаго, такъ сказать оберъ-босяка. «Даже и здѣсь,—говоритъ г. Горькій,—среди сотенъ такихъ же, какъ онъ, рваныхъ и рѣзкихъ босяцкихъ фигуръ, онъ сразу обращалъ на себя вниманіе своимъ сходствомъ съ степнымъ ястребомъ, своей хищной худобой и этой прицѣливающейся походкой, такой же плавной и покойной съ виду, но внутренно возбужденной и зоркой, какъ летъ той нервной птицы, которую онъ напоминалъ». Челкашъ имѣетъ въ виду «солидный заработокъ, требовавшій немного труда и много ловкости». Для насъ осталось неяснымъ—провозъ контрабанды или простое воровство имѣлъ въ виду и затѣмъ совершилъ Челкашъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что «заработокъ» Челкаша имѣлъ очень мало правъ на почетное наименованіе «труда». Но для достиженія цѣли Челкашу необходимъ помощникъ, котораго онъ и наметилъ въ случайно попавшемся ему деревенскомъ парнѣ. «Парень былъ широкоплечъ, коренастъ, русъ, съ загорѣлымъ и обвѣтреннымъ лицомъ и съ большими голубыми глазами, смотрѣвшими на Челкаша довѣрчиво и добродушно». Какъ видите, чистѣйшая великороссійская деревня-матушка. Парень возвращается домой съ косовицы почти съ пустыми руками: «косили версту, выносили грошъ», сознается онъ Челкашу, которому это обстоятельство очень на-руку. Вотъ между этими двумя персонажами, какъ представителями двухъ міровъ, двухъ типовъ и происходитъ столкновеніе, при чемъ симпатіи г. Горькаго явно на сторонѣ Челкаша, а я съ своей стороны приглашаю читателя къ строжайшему нейтралитету: будьте покойны, деревенскій парень сумѣетъ постоять за себя. Нравятся тебѣ босяки?—спрашиваетъ Челкашъ. «Они-то? Какъ же! Ничего, ребята вольные... свободные...», отвѣчаетъ парень.—«А что тебѣ сво-

бода? Ты развѣ любишь свободу?»—продолжаетъ свой допросъ босякъ-Мефистофель.—«Да вѣдь какъ же? Самъ себѣ хозяинъ, пошелъ куда хошь, дѣлай что хошь... Еще бы!» Отвѣтъ совершенно въ духѣ Челкаша, такъ что читатель готовъ уже пожалѣть наивнаго парня, но я опять повторяю: пожалуйста, не безпокойтесь. Парень еще не кончилъ и дѣлаетъ вотъ какое добавленіе къ своему дифирамбу босяцкой свободы: «Коли сумѣешь себя въ порядкѣ держать, да на шеѣ у тебя камней нѣтъ,—первое дѣло. Гуляй знай какъ хошь, Бога только помни»... Это ужъ мотивъ совсѣмъ изъ другой оперы, заслышавъ который, Челкашу оставалось только «презрительно сплюнуть», что̀ имъ съ успѣхомъ и было сдѣлано. За всѣмъ тѣмъ, Челкашъ чувствовалъ себя неловко. «Въ немъ этотъ здоровый деревенскій парень что-то будилъ... Это было смутное, независимо отъ воли назрѣвавшее, досадливое чувство, копошившееся гдѣ-то глубоко»... А дальше дѣло пошло еще хуже или еще лучше: Челкашъ «почувствовалъ нѣчто вродѣ ожога въ груди»,—до такой степени наивный парень разстроилъ его своими неумышленно-оскорбительными рѣчами. Въ отвѣтъ на предложеніе Челкаша помочь ему въ его предпріятіи, парень говорилъ: «Такъ... Что же? Ничего. Работать можно. Только тово вотъ... не влетѣть бы съ тобой во что. Больно ты закомуристъ... теменъ ты... Я не прочь... Я даже радъ. Работы вѣдь и ищу. Мнѣ все равно у кого работать, у тебя или у другого. Я только къ тому сказалъ, что не похожъ ты на рабочаго человѣка... больно ужъ того... драный. Ну, я вѣдь знаю, что это со всякимъ можетъ быть. Господи, разви я не видалъ пьяницъ! Эхъ, сколько! Да еще не такихъ, какъ ты». Каково все это было выслушивать гордому Челкашу отъ наивнаго парня, котораго онъ презрительно называлъ «сосункомъ». Правда, онъ опять взялъ надъ парнемъ верхъ, подпоивъ его въ трактирѣ, и «чувствовалъ себя въ силѣ повернуть его жизнь и такъ и этакъ», но не надолго: возвращаясь послѣ успѣшнаго окончанія «предпріятія», на которомъ онъ «заработалъ полтысячи рублей», Челкашъ самъ увлекается мечтами парня о радостяхъ деревенской жизни («въ которыхъ самъ онъ давно разочаровался», замѣчаетъ отъ себя г. Горькій) и рисуетъ такую идиллію: «Главное въ крестьянской жизни, братъ, это свобода! Хозяинъ ты есть самъ себѣ. У тебя твой домъ,—грошъ ему цѣна, да онъ твой. У тебя земля своя,—всего итого ея горсть, да она твоя! Курица у тебя своя, яйцо свое, яблоко свое! Король ты на своей землѣ! И потомъ порядокъ... Утромъ всталъ—работа, весной одна, лѣтомъ другая, осенью, зимой—опять иная. Куда ни пойди, воротишься въ свой домъ. Тепло! Покой! Король вѣдь? Такъ ли?—воодушевленно закончилъ перечисленія крестьянскихъ преимуществъ и правъ и почему-то запамятовалъ объ обязанностяхъ». Послѣднее ядовитое замѣчаніе принадлежитъ самому автору и, конечно, очень для него характерно, но не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что гордый и въ данную минуту богатый (у него пятьсотъ рублей въ карманѣ) Челкашъ съ *одушевленіемъ* сталъ вторить презираемому имъ деревенскому парню, а не наоборотъ. Парень твердо стоитъ на своей почвѣ, на своей

позиціи и безъ всякаго злого умысла продолжаетъ пригибать Челкаша къ землѣ: «Это, братъ родимый, вѣрно! Ахъ, какъ вѣрно! Вотъ гляди-ка на себя, что ты теперь такое безъ земли? Ага! Землю, братъ, какъ мать не забудешь надолго». Опять спрошу: каково это слушать Челкашу? И кто здѣсь является побѣдителемъ, кто кого заставляетъ пѣть на свой голосъ, подъ свою дудку? Очень естественно, что Челкашъ разсердился. «Онъ почувствовалъ это раздражающее жженіе въ груди, являвшееся всегда, чуть только его самолюбіе, самолюбіе безшабашнаго удальца, бывало задѣто кѣмъ-либо и особенно тѣмъ, кто не имѣлъ цѣны въ его глазахъ. Замололъ!—сказалъ онъ свирѣпо,—ты, можетъ, думалъ, что я все это въ серьезъ... Держи карманъ шире!»—«Конечно, милый, ты говорилъ въ серьезъ,—могъ бы отвѣтить ему Гаврило (парень),—потому что ты говорилъ о радостяхъ крестьянства съ *одушевленіемъ*, а это высшая степень искренности». Но Гаврило отвѣтилъ посвоему,—попрежнему, продолжая съ полною безсознательностью, но и съ полной увѣренностью щелкать по носу самолюбиваго босяка: «Да, чудакъ-человѣкъ!—снова оробѣлъ Гаврило.—Развѣ я про тебя говорю? *Чай такихъ-то, какъ ты, много! Эхъ, сколько несчастнаго народу на свѣтѣ! Шатающихъ*»... Чортъ возьми! Просто вчужѣ становится, наконецъ, жалко Челкаша! Что ему оставалось дѣлать? «Садись, тюлень, въ весла!»—кратко скомандовалъ Челкашъ, почему-то сдержалъ въ себѣ цѣлый потокъ горячей ругани, хлынувшей ему къ горлу. То-есть Челкашъ замолчалъ и, конечно, это было самое лучшее для него, для его самолюбія. Но вотъ мы у развязки. Слушая мечты Челкаша о томъ, какъ хорошо онъ кутнетъ на свои пятьсотъ рублей, Гаврило бросается ему въ ноги съ слѣдующей патетической рѣчью: «Голубчикъ! Дай ты мнѣ... эти деньги! Дай, Христа ради! Что онѣ тебѣ? Вѣдь въ одну ночь... только въ ночь... А мнѣ года нужно... Дай... молиться за тебя буду! Вѣдь ты ихъ на вѣтеръ... а я бы въ землю... Эхъ, дай мнѣ ихъ! Вѣдь, что въ нихъ тебѣ? Али тебѣ дорого? Сдѣлай доброе дѣло! *Пропащій вѣдь ты... Нѣтъ тебѣ путя*... А я бы... охъ, дай ты ихъ мнѣ!» Обращаю вниманіе читателя на подчеркнутыя мною слова: наивный Гаврило даже въ эту минуту самоуниженія продолжаетъ безсознательно колоть болѣзненное самолюбіе Челкаша, и это оказалось самымъ дѣйствительнымъ средствомъ. «На, собака! Жри!»—гаркнулъ Челкашъ, дрожа отъ возбужденія, острой жалости и ненависти къ этому жадному рабу. И, бросивъ деньги, онъ почувствовалъ себя героемъ. Удальство свѣтилось въ его глазахъ, во всей фигурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ не герой? Несомнѣнно тутъ есть великодушіе, хотя и на подкладкѣ тщеславія и бахвальства, но, къ сожалѣнію (г. Горькій талантливый, а стало быть искренній и правдивый художникъ, не уродующій фактовъ ради своихъ симпатій), даже такого великодушія Челкашъ не могъ выдержать до конца: на сорокъ второй страницѣ онъ подарилъ, а на сорокъ третьей опять отнялъ, *силой* отнялъ у Гаврилы подаренныя деньги. Очень естественно, что дѣло кончилось не похорошему: Гаврило пустилъ въ Челкаша камнемъ, разбилъ ему голову, но вмѣсто того, чтобъ ограбить его, со слезами сталъ просить у него проще-

нія. «Оба были блѣдны, жалки и страшны», замѣчаетъ г. Горькій. И, кромѣ того, глупы и нелѣпы, замѣчу я отъ себя. Кончается тѣмъ, что Челкашъ отдѣляетъ себѣ на гульбу одну сторублевку, а прочія отдаетъ Гаврилѣ,— поступокъ, до котораго легко было бы додуматься и безъ кровопролитія. Оставимъ психологамъ разбирать, кто тутъ лучше, или кто хуже—Челкашъ или Гаврило. Въ качествѣ нейтральныхъ зрителей, мы отойдемъ съ читателемъ въ сторону и конфиденціально перешепнемся съ нимъ нѣсколькими словами: вѣдь результатъ недуренъ, не правда ли? Деревенскій тюлень былъ правъ: на что Челкашу деньги? Нѣсколькими разбитыми физіономіями и нѣсколькими полицейскими протоколами больше — вотъ и весь возможный результатъ его внезапнаго обогащенія. А тюлень, хоть онъ и дѣйствительно тюлень, распорядится деньгами производительно, а это только и важно. Интересы общественной экономики, очевидно, въ выигрышѣ, а эстетико-психологическая точка зрѣнія г. Горькаго никакого обязательнаго значенія для насъ не имѣетъ. Пусть Челкашъ въ глазахъ г. Горькаго будетъ хоть разгерой,— все-таки это очень хорошо и для него, и для всѣхъ, что его деньги нашли другое, болѣе подходящее помѣщеніе.

Съ общими выводами надо еще повременить. Передъ нами еще цѣлая коллекція «босяковъ», которую мы должны разсмотрѣть. Эта коллекція распадается на двѣ группы: 1) босяковъ изъ народа, 2) босяковъ интеллигентныхъ, а эти группы распадаются каждая на двѣ подгруппы: 1) босяковъ-фаталистовъ и 2) босяковъ-протестантовъ. Въ этой послѣдовательности мы и приступимъ къ ихъ анализу.

М. Протопоповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Взаимныя отношенія губернскихъ и уѣздныхъ земствъ.—Земская народная школа.—Земство на окраинахъ.—Газета *Право* о положеніи нашей періодической печати.—Вѣсти изъ неурожайныхъ губерній.—Пушкинскій юбилей.—Странный поступокъ *Новостей*.—О статьяхъ Б. Н. Чичерина и кн. Трубецкого.—Десятилѣтіе со дня кончины М. Е. Салтыкова.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, котораго мы коснулись въ прошломъ обозрѣніи, продолжаетъ живо обсуждаться въ нашей печати. Нельзя сказать, однако, чтобъ обсужденіе это дало до сихъ поръ сколько-нибудь существенные результаты. Эта безплодность обсужденья была обусловлена самой постановкой вопроса, на нашъ взглядъ, совершенно неправильной. Дѣло въ томъ, что въ большинствѣ статей, написанныхъ по поводу взаимныхъ отношеній губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, вопросъ былъ поставленъ такъ: или губернское земство, или уѣздное. Одни доказывали, что губернскія земства лишь тормозятъ земскую дѣятельность, внося въ живое земское дѣло духъ мертвящаго бюрократизма, и что наиболѣе дѣятельная роль въ земскихъ дѣлахъ всегда принадлежала уѣзднымъ земствамъ, другіе, наоборотъ, утверждали, что именно губернскія земства выносятъ на своихъ плечахъ все земское дѣло, уѣздныя же только противодѣйствуютъ ихъ благимъ начинаніямъ. Такъ, г. Гр. Шрейдеръ пишетъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*: «Губернскія земства гораздо чаще уѣздныхъ оказываются стоящими на-стражѣ истинно земскихъ интересовъ, проявляя въ то же время несравненно болѣе широкое пониманіе земскихъ задачъ и несравненно бо́льшую чуткость и отзывчивость на нужды и потребности населенія. Уѣздныя же земства, протестующія противъ всякихъ начинаній губернскаго земства на благо и пользу населенія, являющіяся воплощеніемъ обскурантизма и узко-сословныхъ стремленій, въ настоящее время—увы!—не только не рѣдкое, но почти обыденное явленіе... Отсталыя, антиземскія по духу и стремленіямъ, руководящія уѣздныя земскія группы ведутъ ожесточенную борьбу съ прогрессивнымъ направленіемъ дѣятельности губернскихъ земствъ». Съ другой стороны, *Новое Время* продолжаетъ отстаивать прежнюю свою точку зрѣ-

нія, доказывая, что губернскія земства «представляютъ много общаго съ учрежденіями чисто-правительственными, и, если можно такъ выразиться, менѣе земскія, чѣмъ земства уѣздныя». «Губернскія земскія управы,—пишетъ газета—пользуясь своимъ положеніемъ около губернскаго Олимпа и благодушіемъ губернскихъ гласныхъ, дѣйствительно, во многихъ уже мѣстахъ превратили себя исподтишка въ цѣлые департаменты по земскимъ дѣламъ яко бы «для блага населенія» и завели въ земскомъ дѣлѣ такую бюрократическую квашню, которая грозитъ перекваснть все земское дѣло».

Придя въ состояніе запальчивости и раздраженія, «застѣнчивая» газета г. Суворина утверждаетъ, что «надо имѣть большую беззастѣнчивость, чтобы утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Шрейдеръ, будто населеніе и его земскіе представители меньше заботятся о мѣстныхъ нуждахъ и меньше ихъ разумѣютъ, чѣмъ чиновники губернскихъ земскихъ управъ».

Что дѣятельность уѣздныхъ земствъ не сплошь отличается обскурантизмомъ и узко-сословными стремленіями, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Если бы мнѣніе г. Шрейдера о ретроградныхъ стремленіяхъ уѣздныхъ земствъ было справедливо, то, по вѣрному замѣчанію, сдѣланному предсѣдателемъ нижегородской уѣздной земской управы г. Савельевымъ въ *Нижегородскомъ Листкѣ*, пришлось бы поставить крестъ на всемъ земствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, основный принципъ земскихъ учрежденій состоитъ въ томъ, что мѣстныя нужды и интересы должны вѣдаться людьми, близко стоящими къ нимъ. Предполагается, что мѣстныя нужды найдутъ въ этомъ случаѣ лучшее и болѣе полное удовлетвореніе, чѣмъ еслибъ онѣ находились въ вѣдѣніи чиновниковъ, лично въ нихъ не заинтересованныхъ и чаще всего недостаточно знакомыхъ съ потребностями мѣстнаго населенія. Очевидно, что полное послѣдовательное проведеніе земскаго принципа требуетъ, чтобы земскія учрежденія находились какъ можно ближе къ тѣмъ нуждамъ мѣстнаго населенія, которыя входятъ въ кругъ ихъ компетенціи. Этому условію уѣздное земство удовлетворяетъ полнѣе, чѣмъ губернское, и вотъ почему отрицаніе уѣзднаго земства является отрицаніемъ самаго земскаго принципа. Мало того, не разъ указывалось, что и уѣздное земство не достаточно близко стоитъ къ мѣстнымъ интересамъ, что уѣздъ—слишкомъ обширная территорія, которую не можетъ, такъ сказать, равномѣрно и разносторонне обнять своими попеченіями уѣздная управа. Вопросъ о необходимости всесословной земской волости, какъ низшей земской единицы, давно уже назрѣлъ и настоятельно требуетъ своего разрѣшенія.

Правда, что уѣздныя земства нерѣдко проявляютъ и ретроградныя тенденціи, и узко-сословныя стремленія; особенно часто это замѣчается въ послѣднее время. Все же огульно обвинять ихъ въ обскурантизмѣ было бы въ высшей степени несправедливо. Земская Россія много обязана уѣзднымъ земствамъ и въ дѣлѣ народнаго образованія, и въ дѣлѣ медицинской помощи народу, и въ посильномъ улучшеніи дорогъ, и въ различныхъ экономическихъ мѣропріятіяхъ на пользу народа и т. д. Въ большинствѣ

случаевъ уѣздныя земства соревнуютъ съ губернскими въ дѣлѣ возможно болѣе широкаго распространенія народнаго образованія. Послѣднія сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній ознаменовались цѣлымъ рядомъ постановленій о введеніи всеобщаго обученія.

Но, снимая съ уѣздныхъ земствъ огульный упрекъ въ обскурантизмѣ и признавая за ними въ системѣ земскихъ учрежденій важную роль, какъ за учрежденіями близко стоящими къ самому источнику земской дѣятельности, мы, однако, далеки отъ того, чтобъ умалять значеніе губернскихъ. Тотъ самый доводъ, который защитники уѣзднаго земства выдвигаютъ въ доказательство его преимущественнаго значенія, т.-е. близость уѣзда къ мѣстнымъ нуждамъ, служитъ лучшимъ аргументомъ въ пользу важнаго значенія губернскаго земства. Уѣздныя земства не всегда могутъ выйти изъ круга узкихъ мѣстныхъ нуждъ, отдѣльныя земства могутъ столкнуться въ своихъ интересахъ, есть, наконецъ, общегубернскія средства, которыя надо распредѣлять на нужды всѣхъ уѣздовъ. Каждому уѣздному земству весьма естественно защищать свои собственные эгоистическіе интересы, хотя бы въ ущербъ интересамъ его сосѣда. Задача губернскаго земства именно должна состоять въ примиреніи противоположныхъ интересовъ, когда они имѣются въ наличности, въ объединеніи дѣятельности уѣздныхъ земствъ и въ такомъ распредѣленіи общегубернскихъ средствъ, чтобы нужды уѣздовъ въ различныхъ отрасляхъ земскаго хозяйства были по возможности равномѣрно распредѣлены. Всегда лучше идти вмѣстѣ къ одной цѣли, чѣмъ вразрѣзъ. Дружная совмѣстная дѣятельность даетъ въ результатѣ громадную экономію и матеріальныхъ средствъ, и нравственныхъ усилій. Если отрицать губернское земство ради торжества уѣзднаго, то, разсуждая послѣдовательно, придется отрицать и уѣздное земство ради какой-нибудь низшей земской единицы, если, конечно, послѣдняя будетъ учреждена.

Какъ ни серьезенъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, но гораздо серьезнѣе и, главное, гораздо опаснѣе возникшіе въ послѣднее время слухи о существующемъ во вліятельныхъ сферахъ предположеніи изъять народныя школы изъ вѣдѣнья земства. Предположеніе это мотивируется нецѣлесообразностью того порядка вещей, при которомъ школьное дѣло находится въ рукахъ трехъ хозяевъ: земства, синода и министерства народнаго просвѣщенья,—и необходимостью сосредоточить его въ одномъ изъ послѣднихъ вѣдомствъ. Указывая на существованіе этихъ тревожныхъ слуховъ, г. Б. Чичеринъ говоритъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*: «Не хотѣлось бы этому вѣрить, ибо нѣтъ къ этому ни малѣйшаго повода, и подобная мѣра возбудила бы глубокое неудовольствіе среди русскаго общества. У земства былъ отнятъ выборъ мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ. За нимъ оставлена чисто-хозяйственная часть, да и та была поставлена подъ усиленный контроль администраціи. Казалось бы далѣе идти по этому пути невозможно, не превративши вы-

борныя учрежденія въ призракъ; но бюрократическія стремленія на этомъ не останавливаются. Была попытка, до сихъ поръ еще не оставленная, подчинить всю медицинскую часть бюрократическому контролю. А теперь вопросъ идетъ объ отнятіи у земства попеченія о народномъ образованіи... Чѣмъ же заслужило русское земство такое недовѣріе?»

Останавливаясь на вопросѣ о томъ, въ чьихъ интересахъ было бы изъятіе народной школы изъ вѣдѣнья земства, г. Чичеринъ полагаетъ, что ни духовное вѣдомство, ни министерство народнаго просвѣщенія, ни финансовое вѣдомство не заинтересованы непосредственно въ этой мѣрѣ. По его мнѣнію, въ этихъ предположеніяхъ проявляется исконная вражда бюрократіи къ земству. А между тѣмъ только существованіе земства способно удержать бюрократію въ извѣстныхъ границахъ и уменьшить присущіе ей недостатки.

По поводу тѣхъ же слуховъ объ изъятіи народныхъ школъ изъ вѣдѣнія земства *Московскія Вѣдомости* напечатали цѣлый рядъ статей: «Финансовая сторона народно-школьнаго дѣла», «Интересы населенія и интересъ земскихъ дѣятелей», «Единая народная школа» и др. Газета, конечно, стоитъ за изъятіе школъ изъ вѣдѣнія земства или, какъ она деликатно выражается, за «избавленіе земскихъ учрежденій отъ заботъ о народномъ образованіи». Такая трогательная заботливость объ облегченіи бремени, лежащаго на земскихъ учрежденіяхъ, была бы очень похвальна, еслибъ мы не знали, что «умыселъ другой тутъ былъ». Дѣло, разумѣется, не въ облегченіи земскихъ учрежденій отъ расходовъ по народному образованію,—облегчить эти расходы правительство могло бы, оставивъ школы въ вѣдѣніи земства,—а въ томъ, что земство «даже и въ отношеніи народнаго образованія исходило изъ принциповъ, чуждыхъ нашимъ государственнымъ традиціямъ». Вотъ почему школы слѣдуетъ перевести «въ непосредственное и полное завѣдыванье правительственныхъ учрежденій». Что же касается вопроса о томъ, въ какое изъ двухъ вѣдомствъ должна перейти народная школа—въ министерство народнаго просвѣщенія или въ вѣдомство синода, объ этомъ газета прямо не говоритъ, а лишь замѣчаетъ, что «въ основу русской начальной школы могутъ быть положены лишь религіозно-нравственныя основы и тѣ элементарныя знанія и умѣнья, съ которыхъ начинается просвѣщеніе ума и сердца».

Статьи *Московскихъ Вѣдомостей* встрѣтили рѣзкую и справедливую отповѣдь со стороны *Новаго Времени*. Московская газета, какъ мы видѣли, рекомендуетъ перевести школы въ непосредственное и полное завѣдыванье правительственныхъ учрежденій. *Новое Время* по этому поводу замѣчаетъ: «Какъ будто земство не правительствомъ учреждено» и не есть «правительственное учрежденіе?» Что же это, остатокъ самоуправства Пугачева, Разина и донцовъ, или филіальное отдѣленіе тайныхъ иностранныхъ организацій, прокравшееся въ Россію и которое надлежитъ прослѣдить и искоренить? Какъ будто не явно, среди дня, государственные мужи Россіи обдумывали организацію его одинъ разъ, передумывали эту организацію

другой разъ, и, вѣроятно, будутъ еще много и много разъ думать надъ нею!—«Да, но они думали и организовали, не спросивъ насъ и недостаточно внимательны къ нашимъ редакціоннымъ совѣтамъ», могла бы сказать газета. Указывая на то, что понятія *правительство* и *бюрократія* не совпадаютъ, что первое относится ко второму какъ цѣлое къ части, *Новое Время* спрашиваетъ: «Что же представляютъ собою усилія, такъ сказать, насытить правительство 100% чиновничества? Ничего другого, кромѣ какъ усиліе части возобладать надъ цѣлымъ и изъ служебнаго положенія, изъ положенія орудійнаго слагаться въ положеніе господствующее. Безъ сомнѣнія, сознанія обо всемъ этомъ нѣтъ у цитируемой газеты, и она, такъ сказать, зла по наивности, но не по разуму и не отъ излишней хитрости».

Намъ кажется, однако, что желаніе *Московскихъ Вѣдомостей* изъять народныя школы изъ вѣдѣнія земства истекаетъ не изъ однихъ только принципіальныхъ соображеній, не изъ одного только слѣпого поклоненія бюрократическому принципу. Если бы земство было «благоразумно» и не слишкомъ «увлекалось» въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія, то, можетъ быть, Московская газета и не такъ горячо ратовала бы за единоначаліе въ области народной школы. Строго говоря, единоначалія нѣтъ и въ средней и высшей школѣ, которыя также находятся въ вѣдѣніи различныхъ вѣдомствъ,—министерства народнаго просвѣщенія, вѣдомства Императрицы Маріи, финансовъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ т. д., и это обстоятельство ничуть не безпокоитъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Но дѣло въ томъ, что земство всегда употребляло всѣ усилія для возможно болѣе широкаго распространенія образованія въ народѣ.

Мы не знаемъ, каковы истинные мотивы неожиданно возникшаго проекта объ изъятіи народной школы изъ вѣдѣнія земства, но несомнѣнно, что такая мѣра была бы тяжкимъ и, что всего обиднѣе, ничѣмъ не заслуженнымъ ударомъ для земства. Заботы земства въ области народнаго просвѣщенія составляютъ лучшую страницу въ его дѣятельности. За все время своего существованія земство неустанно и неуклонно расчищало дебри народнаго невѣжества, строя школы, открывая библіотеки, книжные склады и т. д. Заслуги земства въ этомъ отношеніи громадны и будутъ по достоинству оцѣнены исторіей русской культуры. Въ послѣднее время многія земства поставили на очередь и вопросъ о введеніи всеобщаго обученія. Какой же, спрашивается, смыслъ имѣло бы при такихъ условіяхъ изъятіе народной школы изъ вѣдѣнія земства? Зачѣмъ понадобилось нашимъ консерваторамъ ломать существующій и твердо установившійся порядокъ вещей, разъ этотъ порядокъ хорошъ? Не они ли сами постоянно вопіютъ противъ ломки того, что прочно вошло въ жизнь? Вѣдь нынѣшняя земская организація школьнаго дѣла не съ неба упала, она создавалась жизнью долго и постепенно. И вдругъ всю эту организацію, на которую потрачено столько труда и усилій, ломать ради отвлеченной идеи единоначалія, которая неизвѣстно еще какіе дастъ результаты...

Мы говоримъ, что еще неизвѣстно, какіе результаты дала бы новая бюрократическая организація дѣла народнаго просвѣщенія. Но можно заранѣе быть увѣреннымъ, что такихъ благотворныхъ результатовъ, какъ земская организація, она не дала бы. Самый лучшій чиновникъ есть все-таки чиновникъ, т.-е. человѣкъ, привыкшій къ формализму и руководящійся въ своей дѣятельности прежде всего циркулярами, распоряженіями и усмотрѣніемъ своего начальства, а дѣло народнаго просвѣщенія дѣло живое, требующее къ себѣ живого, не скованнаго узкими условностями отношенія. Здѣсь нужны отзывчивость, иниціатива и горячая преданность дѣлу, преданность мѣстнымъ интересамъ—качества, которыхъ вовсе нельзя ждать отъ пришлаго чиновника, исполняющаго лишь возложенныя на него обязанности. Мы жалуемся теперь на бездушный формализмъ, царящій въ средней школѣ, на казенное отношеніе учителей къ своимъ обязанностямъ. Учитель, вкладывающій въ свое дѣло живую душу, сталъ величайшею рѣдкостью. Вмѣсто учителей и воспитателей въ истинномъ смыслѣ слова мы имѣемъ лишь чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія. Несостоятельность порядковъ, царящихъ въ средней школѣ, признана самимъ учебнымъ вѣдомствомъ. Неужели же нужно тотъ же духъ и тѣ же порядки насадить въ народной школѣ?

Нельзя забывать и того, что при нашихъ громадныхъ разстояніяхъ, при различіи мѣстныхъ условій центральному управленію въ высшей степени трудно было бы слѣдить за правильной постановкой и развитіемъ школьнаго дѣла, которое волей-неволей попадетъ всецѣло въ завѣдываніе низшихъ органовъ учебной администраціи. Такимъ образомъ постановка и развитіе дѣла народнаго просвѣщенія будутъ зависѣть отъ такихъ случайностей, какъ личныя свойства и усмотрѣніе мѣстнаго учебнаго начальства. Но начальство мѣняется и вмѣстѣ съ нимъ будетъ мѣняться система веденія школьнаго дѣла. Кромѣ того, какое же учебное начальство можетъ быть такъ знакомо съ мѣстными условіями и такъ принимать къ сердцу мѣстные интересы, какъ собраніе лицъ, состоящее изъ представителей мѣстнаго населенія, среди которыхъ есть и представители отъ крестьянъ? А, вѣдь, несомнѣнно, что школа тысячью нитей связана со всѣми многообразными условіями мѣстной жизни, взвѣсить и оцѣнить значеніе которыхъ могутъ только земскіе люди.

Всѣ эти доводы противъ изъятія народной школы изъ вѣдѣнія земства, справедливые сами по себѣ, пріобрѣтаютъ особенное значеніе въ настоящее время, когда почти во всѣхъ земствахъ идетъ энергичная просвѣтительная работа. Вырвать теперь, въ разгаръ этой работы, школу изъ рукъ земства значитъ надолго затормозить у насъ дальнѣйшее развитіе народнаго образованія, а вѣдь кажется, мы и безъ того небогаты просвѣщеніемъ... Будемъ же надѣяться, что слухамъ, обрадовавшимъ враговъ просвѣщенія и наполнившимъ тревогой сердца всѣхъ истинныхъ друзей его, не суждено будетъ осуществиться.

Несмотря на всякіе проекты ограниченія земства, возникающіе время отъ времени въ извѣстныхъ кругахъ, идея земскаго самоуправленія дѣлаетъ все новыя и новыя завоеванія въ общественномъ сознаніи. Въ прошломъ обозрѣніи мы отмѣтили постановленіе чрезвычайнаго собранія тифлисскаго дворянства, рѣшившаго возбудить ходатайство о введеніи земскихъ учрежденій. Въ настоящее время возбужденъ вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій и въ Кубанской области. Въ учрежденной здѣсь для обсужденія современнаго положенія края коммиссіи совѣтникъ областного правленія В. В. Скиданъ представилъ подробно мотивированный докладъ о необходимости введенія въ области земства. По мнѣнію г. Скидана, сочиненные коммиссіей проекты объ увеличеніи школъ, введеніи института агрономовъ и другихъ реформъ въ земско-хозяйственномъ дѣлѣ останутся мертвой буквой, если не будетъ измѣнена коренными образомъ современная система управленія краемъ. Еще въ 1895 г. министерство финансовъ проектировало ввести въ Кубанской Области земскія повинности, причемъ предполагало предоставить распоряженіе земскими капиталами распорядительному земскому комитету. Областное правленіе высказалось тогда противъ распорядительнаго комитета и представило въ штабъ Кавказскаго военнаго округа проектъ введенія въ области земства. Но штабъ нашелъ проектъ преждевременнымъ, причемъ указалъ на неудачный опытъ введенія земства на Дону. Въ виду того, что теперь возникло предположеніе снова ввести земство на Дону, г. Скиданъ находитъ своевременнымъ возбужденіе этого вопроса и на Кубани. Такъ какъ земскія повинности несомнѣнно будутъ введены въ Кубанской области, то коммиссіи остается только рѣшить вопросъ, кто будетъ распоряжаться земскими капиталами, какой порядокъ болѣе обезпечитъ правильное веденіе земскаго хозяйства—распорядительный комитетъ, состоящій изъ нѣсколькихъ чиновниковъ, или земское собраніе, состоящее изъ людей, близко стоящихъ къ мѣстнымъ нуждамъ и интересамъ. По мнѣнію г. Скидана, выполненіе задачъ, лежащихъ на земствѣ, рѣшительно не подъ силу такому бюрократическому учрежденію, какъ распорядительный комитетъ. Дореформенный порядокъ земскаго хозяйства вообще отживаетъ свое время и уступаетъ мѣсто земскому самоуправленію. Правда, земство имѣетъ не мало противниковъ, но ряды ихъ съ каждымъ годомъ рѣдѣютъ, окончательный ударъ былъ нанесенъ въ 1891 г., когда при изданіи новаго земскаго положенія Высочайшею властью была подчеркнута полезная дѣятельность земства.

По словамъ *Пріазовскаго Края*, докладъ г. Скидана произвелъ сильное впечатлѣніе на членовъ коммиссіи, которая и признала единогласно необходимымъ введеніе въ Кубанской области земства, примѣнительно къ положенію о земскихъ учрежденіяхъ 1891 г.

Хорошей иллюстраціей къ мнѣнію г. Скидана о неспособности распорядительныхъ комитетовъ къ выполненію задачъ, лежащихъ на земствѣ, служитъ помѣщенное въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* письмо изъ Оренбургской губерніи г. Лебедева. Въ началѣ 1898 г. мѣстный распорядительный ко-

митетъ приступилъ къ обработкѣ вопроса объ улучшеніи дорогъ и устройствѣ подъѣздныхъ путей въ губерніи. Въ теченіе цѣлаго года производилась сложная и трудная работа по отысканію дорогъ, обслѣдованью и описанію мѣстности и т. д. «Въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года,—сообщаетъ г. Лебедевъ,—вся громадная и сложная предварительная работа по изысканію дорогъ, группировкѣ ихъ, составленію техническихъ смѣтъ и т. п. была закончена, потребовавъ отъ маленькой канцеляріи комитета, и въ особенности отъ непремѣннаго члена его, громадной затраты силъ, 10—15-ти часового труда въ сутки, не исключая и праздничныхъ дней. Данныя предварительнаго изслѣдованія дорогъ обсуждались въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ комитета, при участіи, съ правомъ совѣщательнаго голоса, представителей: войскового (казачьяго) военно-хозяйственнаго вѣдомства, предсѣдателя уѣзднаго съѣзда и мѣстнаго исправника. Послѣ долгаго и внимательнаго обсужденія вопроса, послѣ оживленнаго обмѣна мыслей комитетъ пришелъ къ единогласному заключенію, что улучшеніе путей сообщенія ему не подъ силу, что это дѣло требуетъ серьезной реорганизаціи учрежденія, вѣдающаго въ неземскихъ губерніяхъ дѣлами о земскихъ повинностяхъ.

Такое искреннее и откровенное заявленіе оффиціальнаго административнаго учрежденія о неспособности его справиться съ порученнымъ ему дѣломъ въ высшей степени характерно и наглядно доказываетъ полную несостоятельность нынѣшняго порядка завѣдыванія хозяйствомъ въ неземскихъ губерніяхъ. Члены комитета дѣлали гораздо больше того, что обязаны были сдѣлать. И губернаторъ, и вице-губернаторъ, и управляющій казенной палатой, и непремѣнный членъ проявили выдающееся, далеко не обычное усердіе и добросовѣстность при производствѣ работъ, и если, тѣмъ не менѣе, они заявили о невозможности выполнить удовлетворительно возложенную на нихъ задачу, то виною этому является исключительно тотъ порядокъ управленія хозяйствомъ въ неземскихъ губеніяхъ, который еще въ 1896 г. былъ признанъ государственнымъ совѣтомъ несостоятельнымъ. Не вездѣ должностныя лица заявятъ съ такой же откровенностью, какъ въ Оренбургской губерніи, о невозможности при существующемъ положеніи вещей удовлетворительно справиться съ мѣстнымъ хозяйствомъ; но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что порядки, оказывающіеся несостоятельными въ Оренбургской губерніи при ревностныхъ и добросовѣстныхъ исполнителяхъ, даютъ лучшіе результаты въ другихъ неземскихъ губеніяхъ.

Г. Лебедевъ, въ заключеніе своего письма, выражаетъ пожеланіе, «чтобы дивный и богатый Оренбургскій край поскорѣе увидалъ у себя правильно организованную систему земскаго хозяйства, хорошія школы, медицину, агрономію». Въ такой же организаціи настоятельно нуждаются всѣ неземскія губерніи.

Въ № 14 юридической газеты *Право* помѣщена интересная статья извѣстнаго публициста г. К. Арсеньева «О юридическомъ положеніи нашей повременной печати». «Положеніе русской печати,—говоритъ г. Ар-

сеньевъ,—становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Никогда, даже въ самые критическіе моменты нашей государственной и общественной жизни, даже въ эпоху полновластія генералъ-губернаторовъ, временныхъ и постоянныхъ, ей не приходилось выдерживать, то въ видѣ общихъ мѣръ, то въ видѣ отдѣльныхъ взысканій, такого длиннаго ряда тяжелыхъ ударовъ». Указавъ далѣе на то, что, по мысли составителя закона 6-го апрѣля 1865 г., административныя взысканія должны были имѣть мѣсто лишь тогда, когда въ періодическомъ изданіи является, такъ называемое, вредное направленіе, между тѣмъ какъ въ настоящее время предостереженія нерѣдко даются въ такихъ случаяхъ, когда «даже подъ самымъ сильнымъ увеличительнымъ стекломъ нельзя отыскать слѣдъ вреднаго направленія», авторъ продолжаетъ: «Со времени изданія закона 6 апрѣля 1865 г. прошло тридцать четыре года. Изданіемъ «временныхъ» правилъ 1882 г. эта треть вѣка раздѣляется на двѣ разныя части. Въ продолженіе первыхъ семнадцати лѣтъ права печати подвергаются цѣлому ряду ограниченій, но остаются въ силѣ два краеугольныхъ камня реформы 1865 г.: безповоротность однажды даннаго освобожденія отъ предварительной цензуры и прекращеніе безцензурнаго изданія не иначе, какъ по опредѣленію Сената. Газета могла многократно подвергаться предостереженіямъ и временнымъ пріостановкамъ и все-таки возвращаться каждый разъ къ своему прежнему положенію (припомнимъ, наприм., исторію *Недѣли*, которая въ первыя десять лѣтъ своего существованія была пріостановлена четыре раза и тѣмъ не менѣе сохранила свободу отъ предварительной цензуры). Запрещена была въ установленномъ порядкѣ за тѣ же 17 лѣтъ только одна *Москва*. Путемъ амнистіи два раза были слагаемы всѣ предостереженія, тяготѣвшія надъ печатью. Существенно иную картину представляютъ послѣднія 17 лѣтъ. Амнистіей печать въ это время не воспользовалась ни разу; прекращеніе повременныхъ изданій перешло изъ рукъ Сената въ руки четырехъ министровъ, неоднократно пользовавшихся предоставленной имъ властью; третье предостереженіе обращаетъ газету, ему подвергнувшуюся, если не de jure, то de facto—въ подцензурное изданіе».

Авторъ приходитъ къ заключенію о необходимости скорѣйшаго пересмотра законовъ о печати. Такой пересмотръ ихъ необходимъ въ интересахъ не только столичной, но и провинціальной печати, положеніе которой еще тяжелѣе, чѣмъ положеніе безцензурной печати. Скажемъ болѣе, улучшеніе положенія печати необходимо въ интересахъ самого государства, которому печать всегда оказывала громадныя услуги.

Изъ неурожайныхъ мѣстностей продолжаютъ доноситься вѣсти самаго неутѣшительнаго свойства. Газеты переполнены письмами лицъ, близко наблюдающихъ народную нужду. Съ приближеніемъ лѣта нужда обостряется, а между тѣмъ общественная благотворительность, которая и такъ не отличалась въ текущемъ году широкими размѣрами, не только не увеличивается, но даже уменьшается, и во многихъ мѣстахъ приходится закрывать уже

открытыя столовыя. Такъ, *Сыну Отечества* пишутъ изъ Тетюшскаго уѣзда: «Поотрывали у насъ столовыхъ въ долгъ, въ надеждѣ на присылку денегъ, а денегъ не присылаютъ, и придется закрывать столовыя передъ глазами голоднаго народа. Бѣдствія и нужды неописуемыя: нѣтъ ни хлѣба для себя, ни корма для скотины, ни дровъ, и свирѣпствуетъ цынга. Безъ пищи постепенно начинаютъ пухнуть десны, зубы во рту качаются и вываливаются, пухнутъ ноги, потомъ образуются на ногахъ кровоподтеки, и человѣкъ лишается возможности ходить. Болѣе всего страдаютъ татары. Про несчастныхъ дѣтей и говорить нечего,—это какіе-то голые звѣрки (ибо положительно нечего надѣть»). *Курьеру* пишутъ изъ Симбирска: «Продовольственныхъ ссудъ попрежнему не хватаетъ, народъ переживаетъ мучительное время продолжительнаго недоѣданія. Въ особенности страдаютъ дѣти, какъ и вездѣ... Трудно передать переживаемую населеніемъ и вновь нарождающуюся и все растущую нужду, тяжелую нужду рѣшительно во всемъ. Да и необходимость въ томъ едва ли представляется. Помощь нужна, настоящая, дѣйствительная помощь, а не слова, а отъ словъ о нуждѣ... право, и безъ того «сердце коробомъ ведетъ», по народному выраженію. Протясающее письмо изъ Чистопольскаго уѣзда помѣстила учительница Третьякова въ *Новомъ Времени*: «Положеніе голодающихъ крестьянъ ужасно! На ихъ бѣдныя головы обрушилось новое бѣдствіе: появилась цынга, которая прогрессируетъ замѣчательно быстро, и жертвами которой являются уже не единичныя лица; заболѣваютъ цѣлыя семьи; было нѣсколько случаевъ со смертельнымъ исходомъ. Проѣзжая чрезъ одну татарскую деревню, я, въ качествѣ члена Краснаго Креста, заходила въ избы больныхъ цынгою и была свидѣтельницей возмущающихъ душу картинъ: прихожу въ одну хату, невозможно бѣдную, грязную, темную, освѣщаемую только двумя маленькими, прокопченными окнами; на полу лежатъ корова и двѣ овцы и стоитъ огромная лохань, наполняющая своимъ зловоніемъ безъ того спертый, кислый воздухъ. Въ углу кровать, на которой копошится что-то живое; оказывается лежитъ татаринъ цынготный, съ опухшей, изуродованой физіономіей, рядомъ двое маленькихъ людей, тоже больныхъ цынгою... Въ другой избѣ застала я только четверыхъ маленькихъ дѣтей-сиротъ (матери они лишились давно, а отецъ умеръ недавно отъ цынги) съ распухшими лицами и ногами, съ темными пятнами, подтеками на тѣлѣ, изъ обезображенныхъ десенъ сочилась кровь. Эти несчастныя, разложившіяся почти заживо дѣти были одѣты въ какія-то рубища, грязныя отрепья, и питались только ржанымъ хлѣбомъ, на половину съ желудями. Я обошла пять избъ и въ каждой видѣла подобныя потрясающія картины. За недостаткомъ мѣстъ въ нашемъ селѣ пришлось сократить число столующихся: вмѣсто 70 человѣкъ у насъ обѣдаетъ только 50, остались все дѣти. Велико было горе этихъ маленькихъ ѣдоковъ при отказѣ отъ столовой!»

Подобными сообщеніями изъ газетъ за одинъ только мѣсяцъ можно было бы наполнить цѣлую книгу.

А между тѣмъ, какъ и въ прошлый годъ, нашлись люди, которые тол-

кують о «злоупотребленіи бѣдствіемъ» со стороны крестьянъ, о разлагающемъ вліяніи «царскаго пайка», объ отказѣ крестьянъ отъ работъ и т. д. Лучшимъ отвѣтомъ на эти толки можетъ служить новое пожертвованіе Государемъ Императоромъ 1.500,000 руб. на помощь голодающимъ и напечатанное въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщеніе о командированіи Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной членовъ комитета попечительства о домахъ трудолюбія въ пострадавшія отъ неурожая мѣстности. Въ этомъ оффиціальномъ сообщеніи, въ которомъ яркими красками характеризуется тяжкое положеніе пострадавшаго населенія, между прочимъ, говорится, что голодающее населеніе *тщетно ищетъ заработка въ городахъ*.

Много нужно имѣть мужества, чтобы въ годину народнаго голода говорить о «злоупотребленіи бѣдствіемъ».

Приближаются торжественные дни пушкинскаго юбилея. Мы уже говорили прошлый разъ о предполагаемыхъ формахъ чествованія памяти великаго поэта. Отмѣтимъ проектъ, съ которымъ выступилъ г. Ашешовъ въ *Курьерѣ*. Г. Ашешовъ предлагаетъ основать пушкинскій союзъ народно-просвѣтительныхъ обществъ въ Россіи. Указавъ на то, какъ много тратится въ началѣ каждаго просвѣтительнаго предпріятія безплодныхъ усилій вслѣдствіе неопытности иниціаторовъ и незнакомства ихъ съ дѣломъ, авторъ проекта рекомендуетъ объединеніе всѣхъ просвѣтительныхъ обществъ въ союзъ, который въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходилъ бы на помощь своимъ членамъ, различными свѣдѣніями, указаніями, программами и т. д. Такимъ путемъ можно будетъ сберечь массу непроизводительно растрачиваемыхъ денегъ и направить ихъ съ возможно меньшею затратою энергіи къ возможно болѣе полному достиженію цѣли.

Мысль автора заслуживаетъ сочувствія, хотя нельзя не замѣтить, что осуществленіе проектируемаго союза представляется дѣломъ далеко не легкимъ.

Вообще симпатичная сторона почти всѣхъ проектовъ, появившаяся въ печати по поводу предстоящаго юбилея, состоитъ въ стремленіи пріобщить къ этому просвѣтительному празднику народъ. Это стремленіе въ высшей степени отрадно, какъ доказательство того, какъ глубоко проникла въ послѣднее время въ сознаніе общества идея о необходимости народнаго просвѣщенія. Оно отрадно и какъ доказательство пониманія значенія Пушкина, какъ народнаго поэта, въ самомъ широкомъ и истинномъ значеніи слова.

Имя Пушкина уже разъ объединило русское общество во время открытія въ Москвѣ всероссійскаго памятника великому поэту. Но тогда это былъ праздникъ интеллигенціи, и многіе изъ участниковъ праздника съ грустью замѣчали равнодушное отношеніе народа къ происходившимъ торжествамъ.

Пусть же предстоящія торжества будутъ общимъ русскимъ праздникомъ просвѣщенія. Пусть весь русскій народъ, безъ различія званія, состояній, національностей, сольется въ одномъ чувствѣ любви и благодарности къ

генію, свѣтлая и лучезарная поэзія котораго является проповѣдью гуманности, свободы и просвѣщенія. И пусть благородный подъемъ духа, который вызоветъ въ ближайшіе дни имя поэта въ нашихъ сердцахъ, оставитъ по себѣ прочный и благотворный слѣдъ въ нашей общественной жизни!

Новое Время, отмѣтивъ статью г. А. М., напечатанную въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала, выразило сомнѣніе въ подлинности тѣхъ фактовъ, которые въ ней сообщаются. «За послѣднее время въ печать,—говорила газета,—прошло нѣсколько фактовъ, рисующихъ непорядки нашихъ психіатрическихъ больницъ, однако сообщаемое въ статьѣ намъ кажется мало вѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ, тутъ мало одного «отпечатка правдивости». Надо бы знать, гдѣ и когда все это происходило, и провѣрить сообщеніе, иначе оно не достигаетъ своей цѣли» *).

Въ отвѣтъ на это г. Мордовцевъ напечаталъ горячую статью *Вопіющее дѣло* **). Маститый писатель заявлялъ, что онъ знаетъ г. А. М., учился съ нимъ въ одной гимназіи, два года тому назадъ г. А. М. былъ у него въ Петербургѣ и разсказывалъ о своихъ злоключеніяхъ. Въ столицѣ онъ оказался безпаспортнымъ. «Начались,—краснорѣчиво пишетъ г. Мордовцевъ,—мытарства, хожденіе по властямъ, полетѣли бумаги въ то мѣсто, откуда онъ сбѣжалъ... Длинная это исторія... Врачебныя отдѣленія... Губернское правленіе... Сенатъ... Долго разсказывать...

«Здѣсь онъ самъ явился въ одно изъ лучшихъ психіатрическихъ заведеній, явился добровольно, какъ студентъ на экзаменъ, и получилъ пятерку за мозговое здоровье... Но бумажная волокита продолжалась...

«Тогда онъ написалъ большой трактатъ о психіатрическихъ заведеніяхъ, о примѣненіи къ нимъ законовъ, о злоупотребленіяхъ и т. д., и принесъ эту статью мнѣ на просмотръ съ тѣмъ, чтобъ я помѣстилъ ее въ какой-либо журналъ. И мы общими съ нимъ усиліями помѣстили ее въ одинъ изъ толстыхъ журналовъ, который я не вправѣ теперь назвать, хотя въ этомъ журналѣ А. М. подписался полною своею фамиліей. А такъ какъ теперь въ *Русской Мысли* онъ выступилъ только подъ своими иниціалами, то я и не имѣю права ихъ разоблачать.

«Теперь г. А. М. прибѣгнулъ къ помощи великаго писателя, гр. Л. Н. Толстого, который и выражаетъ надежду, что и «общество, и правительство примутъ мѣры къ тому, чтобы ужасные факты не могли повторяться»...

«Дай-то Богъ!»

Вотъ какъ хорошо и обстоятельно зналъ дѣло своего товарища г. Мордовцевъ въ четвергъ 22 апрѣля.

Но въ тотъ же день съ г. Мордовцевымъ встрѣтился г. Манассеинъ, который заявилъ, что г. А. М. ввелъ маститаго писателя «*въ жесточайшую*

---

*) *Новое Время*, 15 апрѣля.

**) *Новости*, 22 апрѣля.

ошибку». «Я,—пишетъ г. Мордовцевъ *),—выразилъ глубокоуважаемому Вячеславу Авксентьевичу искреннее сожалѣніе, что г. А. М. обманулъ не меня одного, но и такого великаго знатока души человѣческой, какъ Л. Н. Толстой.

«Но несчастная замѣтка моя имѣла и другія послѣдствія.

«Во-первыхъ, замѣткѣ этой я обязанъ удовольствіемъ личнаго знакомства съ однимъ высокопоставленнымъ въ медицинскомъ мірѣ лицомъ, которое оказало мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ все по поводу этой же злополучной замѣтки и, узнавъ, кто былъ этотъ А. М., осталось, кажется, вполнѣ удовлетвореннымъ моими разъясненіями, подтвердивъ окончательно, что г. А. М. законно былъ помѣщенъ въ психіатрическую лѣчебницу какъ несомнѣнно душевно-больной, а сообщенные имъ, по выраженію Л. Н. Толстого, «ужасные факты»—плодъ его ненормально распаленнаго воображенія.

«Во-вторыхъ, въ 17-мъ № *Врача* появилось категорическое опроверженіе моей замѣтки, авторитетно утверждающее, что г. А. М. «*въ больницу былъ помѣщенъ несомнѣнно больнымъ*» (курсивъ *Врача*), что сознавалъ и самъ въ разговорѣ» съ В. А. Манассеинымъ и «что,—добавляетъ *Врачъ*,—пока эти строки были въ наборѣ, мы получили нѣсколько писемъ отъ глубоко возмущенныхъ товарищей: всѣ въ одинъ голосъ требуютъ *полной* (курсивъ *Врача*) гласности и разслѣдованія всѣхъ подробностей дѣла».

«Въ виду такого вполнѣ законнаго требованія гг. врачей, я безусловно обязанъ разоблачить инициалы г. А. М., на что я, мнѣ кажется, имѣю полное право еще и потому, что г. А. М. при моемъ содѣйствіи напечаталъ два года тому назадъ свою статью о дебатируемомъ нынѣ предметѣ въ *Наблюдателѣ* за полною своею подписью».

Г. Мордовцевъ называетъ фамилію автора напечатанной у насъ статьи.

Мы полагаемъ, что онъ не имѣлъ никакого права этого дѣлать. Посѣщеніе высокопоставленнаго лица и требованіе *Врача* не создаютъ для г. Мордовцева такого *права* по отношенію къ его несчастливому товарищу. *Суду* редакція всегда сообщила бы имя автора статьи.

Новое Время восплясало послѣ второго письма г. Мордовцева. По мнѣнію газеты, «не требовалось быть ни великимъ знатокомъ души человѣческой, ни ученымъ психіатромъ, чтобы заподозрить статью злополучнаго Мокшанцева. Въ трехъ четвертяхъ статья наполнена была общими разсужденіями, совершенно безсодержательными, и такому опытному публицисту, какъ г. Мордовцевъ, непростительно такое легковѣріе. Мы полагаемъ, что виной тому—тѣ очки, которыя вообще заставляютъ вѣрить всему худшему, разъ только дѣло идетъ о нашемъ отечествѣ. Конечно, въ нашемъ отечествѣ худого не мало, но вѣчно «воплощенной укоризной — стоять передъ отчизной» тоже не хорошо».

Мы предпочитаемъ, конечно, ошибаться съ графомъ Л. Н. Толстымъ, чѣмъ быть *опытными публицистами*, какъ г. Суворинъ. Напомнимъ

*) *Новости*, 27 апрѣля.

однако вертлявой газетѣ, что она перепечатала многіе изъ фактовъ, о которыхъ говорится въ статьѣ.

Сынъ Отечества совершенно отрицаетъ за г. Мордовцевымъ право назвать имя автора статьи и лѣчебницу, въ которой онъ находился. Газета не видитъ и сколько-нибудь разумнаго повода къ этому. «Это,—говоритъ *Сынъ Отечества,* — до такой степени очевидно, что намъ даже совѣстно объяснять это г. Мордовцеву» *) (опытному публицисту).

Нашъ уважаемый собратъ указываетъ своимъ читателямъ, что г. А. М. въ статьѣ, у насъ напечатанной, *ни единаго слова* не говоритъ о томъ, что *его*, г. А. М., посадили въ домъ умалишенныхъ незаконнымъ образомъ. «О себѣ г. А. М. вообще *ничего* не говоритъ, онъ только сообщаетъ о томъ, что творилось *надъ другими*, личность же самого г. А. М. для читателя все время остается совершенно неизвѣстной, и за чтеніемъ его статьи мы не разъ спрашивали себя: кто ея авторъ, врачъ ли психіатръ, служившій въ больницѣ, или привилегированный больной. До появленія статьи г. Мордовцева мы даже склонны были думать, что врачъ. Такимъ образомъ, является вопросъ, на какомъ же основаніи г. Мордовцевъ берется опровергать то, чего въ статьѣ не говорится. Если г. Мордовцевъ своимъ «разоблаченіемъ» хочетъ сказать, что г. А. М. ввелъ его въ заблужденіе тогда, когда при личномъ свиданіи жаловался ему на незаконное помѣщеніе въ домъ умалишенныхъ, то г. Мордовцеву надо бы такъ и сказать, что вотъ, молъ, мой добрый знакомый, г. А. М., тогда-то и при такихъ-то условіяхъ, ввелъ меня въ заблужденіе, а не касаться статьи г. А. М. въ *Русской Мысли* и не стараться подорвать къ ней довѣріе, на основаніи совершенно постороннихъ обстоятельствъ.

«Г. Мордовцевъ не приводитъ ни одного факта, свидѣтельствующаго о лживости статьи г. А. М., онъ лишь довольно туманно намекаетъ, что вслѣдъ за появленіемъ его первой статьи въ *Новостяхъ*, кромѣ разговора съ г. Манассеинымъ, къ нему на квартиру прибыло еще какое-то компетентное лицо, принадлежащее къ медицинскому міру, и заявило, что всѣ «ужасные» факты, разсказанные въ статьѣ г. А. М., составляютъ «плодъ его ненормально распаленнаго воображенія».

«Мы вполнѣ соглашаемся съ тѣмъ, что свидѣтельство компетентнаго лица имѣетъ значеніе, но думаемъ, что оно одно никоимъ образомъ не даетъ г. Мордовцеву права утверждать, что статья *Русской Мысли* — лживая статья. Для такого тяжелаго обвиненія нужны факты, доказательства, а ихъ у г. Мордовцева, очевидно, нѣтъ. Къ этому необходимо добавить, что въ статьѣ своей г. А. М. не ограничивается передачей своихъ личныхъ наблюденій: онъ, повидимому, весьма основательно ознакомился съ литературой уголовныхъ происшествій въ нашихъ лѣчебницахъ, и общіе выводы, къ которымъ онъ приходитъ, основаны не только на личномъ опытѣ, но и на данныхъ этой литературы, подкрѣпленныхъ ссылками на различныя

*) *Сынъ Отечества*, 28 апр.

періодическія изданія. Такимъ образомъ, чтобы «разоблачить», г. Мордовцеву пришлось бы считаться и съ этими ссылками. Но г. Мордовцевъ этого не дѣлаетъ».

Послѣ сказаннаго нами и приведенныхъ словъ *Сына Отечества* читатели согласятся, что поступокъ г. Мордовцева и редакціи *Новостей* по отношенію къ его товарищу и къ *Русской Мысли* нельзя не признать... страннымъ.

Б. Н. Чичеринъ напечаталъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* большую статью, озаглавленную *Бюрократія и земство*. Къ голосу знаменитаго ученаго и публициста мы охотно и внимательно прислушиваемся и въ тѣхъ случаяхъ, когда его мнѣнія рѣшительно расходятся съ нашими. *Московскія Вѣдомости* такъ характеризуютъ г. Чичерина: «Среди защитниковъ нашего самоуправленія находится не много людей, у которыхъ хватаетъ безпристрастія и смѣлости признать правду, какъ бы горька она ни была. Къ числу ихъ слѣдуетъ, конечно, отнести нашего извѣстнаго ученаго профессора Б. Н. Чичерина, уже неоднократно выступавшаго со справедливою оцѣнкой нашего мѣстнаго хозяйственнаго управленія» *).

Отлично. Вотъ что говоритъ такой компетентный и строго правдивый публицистъ за двѣ недѣли до лестной аттестаціи, данной ему *Моск. Вѣд.*: «Россія болѣе, нежели какое-либо другое государство, нуждается въ бережномъ отношеніи къ общественнымъ силамъ, ибо это—самая слабая ея сторона. Предшествующая исторія,—начиная съ татарскаго ига,—не развила ихъ въ достаточной мѣрѣ, и это наложило печать на все настроеніе русскаго общества.

«Тѣ, которые упрекаютъ земство въ властолюбіи, въ оппозиціонныхъ стремленіяхъ, въ постоянномъ желаніи выйти изъ законной своей сферы и вмѣшиваться не въ свои дѣла,—*завѣдомо клевещутъ*. Когда земство постоянно заподозриваютъ, когда его стараются всячески урѣзать и поставить подъ опеку, когда хотятъ отнять у него то, чѣмъ оно всего болѣе дорожитъ, когда, наконецъ, самое существованіе земства хотятъ признать несовмѣстнымъ съ самодержавною властью, то подобное направленіе со стороны владычествующей бюрократіи можетъ породить лишь всеобщее неудовольствіе и поселить неисцѣлимую рознь между правительствомъ и обществомъ. Врагамъ государства такая политика идетъ совершенно на руку; но отечеству она сулитъ только смуты и раздоръ. Власть отъ этого ничего не выиграетъ, а напротивъ—потеряетъ свой нравственный авторитетъ и опору въ общественномъ сознаніи. Если какую-нибудь страну хотятъ превратить въ запертую со всѣхъ сторонъ клѣтку, въ которой невозможно дышать, то для этого нѣтъ лучшаго средства, какъ отдать ее на жертву

---

*) *Моск. Вѣд.* 28 апр. *Хозяйственное управленіе* въ данномъ случаѣ, по терминологіи газеты,—вопросъ объ отношеніи губернскихъ и уѣздныхъ земствъ.

всеохватывающей и не знающей никакихъ сдержекъ бюрократіи. Да избавитъ насъ Провидѣніе отъ такого исхода!» *).

Итакъ, *Моск. Вѣдом.* признаютъ, что Б. Н. Чичеринъ имѣетъ безпристрастность и смѣлость признавать правду, какъ бы горька она ни была; не догадается ли газета, кто, по убѣжденію г. Чичерина, *завѣдомо клевещетъ* на земство, кто, по его мнѣнію, является *врагомъ государства?*

Б. Н. Чичеринъ въ упомянутой статьѣ говоритъ о проектахъ упраздненія или искаженія земскихъ учрежденій, слухи о которыхъ проникаютъ въ общество и глубоко тревожатъ его. Объ этомъ говоритъ и г. Обнинскій въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Онъ ждетъ опроверженія этихъ слуховъ, которое внесло бы въ общество успокоеніе. «Каждый Божій день,— пишетъ почтенный публицистъ,—раскрывая газету, жаднымъ взоромъ ищешь этого успокоенія, ищешь—и не находишь» **).

Если слухи справедливы,— пишетъ г. Обнинскій,— если мертворожденный проектъ дѣйствительно будетъ обсуждаться, то жизнеспособному земству необходимо высказаться по вопросу объ его существованіи, сказать *послѣднее слово подсудимаго:* «Для этого вовсе не нужно ждать запроса или приглашенія: земство вправѣ заявить свой голосъ *на строго-законной почвѣ «ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ»*, на первомъ планѣ которыхъ является, разумѣется, вопросъ о сохраненіи учрежденій, ихъ вѣдающихъ. Такое ходатайство, самое скромное, самое консервативное, будетъ просить лишь о сохраненіи уже дарованныхъ и существующихъ правъ, о надежной гарантіи въ дальнѣйшемъ и безмятежномъ пользованіи ими для *«вящшаго успѣха порученнаго земскимъ учрежденіямъ важнаго государственнаго дѣла согласно видамъ и намѣреніямъ ихъ Основателя»*, какъ гласитъ о томъ Высочайшій указъ правительствующему сенату 12 іюня 1890 г. Скромное по формѣ, непререкаемо-законное по содержанію, ходатайство это, единодушно исходя отъ каждой земской губерніи, будетъ сильно и властно по существу, оно создастъ отсутствующій пока противовѣсъ бюрократическимъ стремленіямъ и перенесетъ роковой вопросъ съ умозрительной, теоретической почвы на почву живую и реальную, гдѣ давно уже готово ему вѣрное и единственное рѣшеніе.

«Откладывать исполненіе предлежащей задачи до очередныхъ осеннихъ сессій будетъ дѣломъ болѣе чѣмъ рискованнымъ: за это время проектъ можетъ получить санкцію. Необходимы, слѣдовательно, чрезвычайныя земскія собранія, тѣмъ болѣе, что и предстоящая имъ задача также чрезвычайная. Въ этой мѣрѣ уже не предвидится никакого риска: на основаніи 68-й ст. Земск. Полож. чрезвычайныя собранія разрѣшаются министромъ внутреннихъ дѣлъ по представленіи «точнаго списка вопросовъ, подлежащихъ обсужденію»; если проекту не суждено осуществиться, собранія, понятно, не

*) *Петерб. Вѣд.* 13 апр.

**) *Русскія Вѣдомости,* 1 мая.

будутъ разрѣшены и все дѣло ограничится обмѣномъ телеграммъ; въ противномъ же случаѣ нѣтъ никакихъ основаній опасаться отказа въ виду столь законной и столь важной цѣли ходатайства.

«Державною волей незабвеннаго Законодателя дарованы были земству права самоуправленія. На немъ лежитъ поэтому гражданскій долгъ защиты ихъ. Отъ него ждетъ свѣта и помощи темный и болѣющій многомилліонный народъ, привыкшій къ нему, возлюбившій его. Его голоса требуютъ повелѣнія несравнимо высшаго порядка, нежели обычный, формальный запросъ: традиціи и честь учрежденія, благоденствіе родины, исторія... Исполнивъ предлежащую задачу, земство докажетъ тѣмъ, что дорожитъ своими правами, чтитъ священную память своего Отца-Основателя, и нерушимо вѣрно Его великому завѣту».

Это мнѣніе заслуживаетъ тѣмъ болѣе сочувствія и вниманія, что авторъ,—бывшій прокуроръ московскаго окружнаго суда,—принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ юристовъ.

Если бы наша охранительная печать *не клеветала завѣдомо* на земство, не тормозила бы правильнаго развитія русскаго общественнаго самосознанія,—она не заслужила бы той злой и мѣткой характеристики, которую далъ ей князь С. Н. Трубецкой на страницахъ *Петербургск. Вѣдом.* Въ открытомъ письмѣ къ кн. Ухтомскому авторъ говоритъ: «Современное положеніе русской печати невольно напоминаетъ мнѣ пророчество Исаіи о запустѣніи столицы Едомской (XXXIV, 11—15): «... и завладѣютъ ею пеликанъ и ежъ; и филинъ, и воронъ поселятся въ ней; и протянутъ по ней вервь разоренія и отвѣсъ уничтоженія. Никого не останется изъ знатныхъ ея... и всѣ вожди ея будутъ ничто... и будетъ она жилищемъ шакаловъ и пристанищемъ страусовъ. И звѣри пустыни (шакалы) будутъ встрѣчаться тамъ съ дикими кошками и лѣшіе будутъ перекликаться другъ съ другомъ. Тамъ будетъ отдыхать ночное привидѣніе (лилитъ) и находить себѣ покой. Тамъ угнѣздится летучій змѣй, будетъ класть яица, выводить дѣтенышей и высиживать ихъ подъ сѣнью своею; только коршуны будутъ собираться тамъ одинъ къ другому».

«Согласитесь, князь, что эта страшная картина мерзости запустѣнія, какъ нельзя болѣе, подходитъ къ современному положенію нашей печати: среди животныхъ, перечисленныхъ пророкомъ, недостаетъ только тетерева, съ которымъ кн. Мещерскій столь удачно сравнилъ на-дняхъ редактора *Свѣта*. Остальныя—всѣ на-лицо. Завыванье шакаловъ и цырканье коршуновъ, крики филиновъ и дикихъ кошекъ, карканье воронъ, перекликанье лѣшихъ и змѣиное шипѣнье—вотъ что теперь въ нашей печати сплошь да рядомъ замѣняетъ разумное человѣческое слово, и что считается многими не только болѣе дозволительнымъ, но и болѣе полезнымъ, чѣмъ человѣческое слово. Изъ «знатныхъ» нашей печати не осталось почти никого, а если и остались немногіе, такъ и тѣ стали «ничто», обреченные

на молчаніе... Одни змѣи безпрепятственно кладутъ яйца и выводятъ многочисленныхъ поганыхъ дѣтенышей» *).

Новое Время очень обидѣлось...

Быстро идетъ время: минуло десять лѣтъ со дня кончины Салтыкова-Щедрина. Многое пережило за это время русское общество и, кажется намъ, оживаютъ въ его глубинѣ «*забытыя слова*». Память о великомъ сатирикѣ растетъ, онъ изъ могилы продолжаетъ призывать насъ къ бодрой работѣ, къ честной мысли. Злоба его дней въ значительной мѣрѣ остается еще злобою нашихъ дней; мужественный и здоровый смѣхъ Салтыкова продолжаетъ освѣжать нашу энергію. Какъ жаль, что дороги сочиненія Салтыкова, какъ жаль, что ему нѣтъ преемника въ современной литературѣ!

---

*) *Петербургск. Вѣдом.* 13 апр.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Передъ открытіемъ мирной конференціи въ Гаагѣ заключена очень важная конвенція между Великобританіей и нашимъ правительствомъ. Въ *Синей книгѣ* опубликована нота, съ которою обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ англійскій посолъ въ Петербургѣ: «Нижеподписавшійся посолъ Соединеннаго королевства, снабженный на сей предметъ должными полномочіями, имѣетъ честь сдѣлать его сіятельству графу Муравьеву, русскому министру иностранныхъ дѣлъ, слѣдующее заявленіе:

«Великобританія и Россія, одушевленныя искреннимъ желаніемъ избѣгать всякихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ въ Китаѣ, по вопросамъ, гдѣ ихъ интересы могли бы столкнуться, и принимая въ соображеніе экономическое и торговое тяготѣніе въ извѣстныхъ областяхъ этой имперіи, заключили между собою слѣдующее соглашеніе:

«1. Великобританія обязуется не искать никакихъ желѣзнодорожныхъ концессій ни для британскихъ, ни для иныхъ какихъ-либо подданныхъ къ сѣверу отъ Великой китайской стѣны и не препятствовать ни прямо, ни косвенно никакому требованію, касающемуся желѣзнодорожныхъ интересовъ въ означенной области, которое будетъ поддержано русскимъ правительствомъ.

«2. Россія, съ своей стороны, обязуется не искать для себя или для русскихъ подданныхъ, или для кого-либо иного, никакихъ желѣзнодорожныхъ концессій въ бассейнѣ Янъ-Тце и не препятствовать, ни прямо, ни косвенно, никакому требованію желѣзнодорожныхъ концессій въ означенной области, которое будетъ поддержано англійскимъ правительствомъ.

«Обѣ договаривающіяся стороны, не желая никоимъ образомъ нанести ущербъ верховнымъ правамъ Китая, ни нарушать существующихъ договоровъ, не преминутъ сообщить китайскому правительству о состоявшемся соглашеніи, которое, устраняя всякія причины къ осложненіямъ между ними, должно содѣйствовать упроченію мира на Дальнемъ Востокѣ и принести пользу основнымъ интересамъ самого Китая. Подписано: Чарльзъ С. Скоттъ, С.-Петербургъ, 28 апрѣля 1899 г.».

Аналогичная отвѣтная нота была вручена британскому послу графомъ

Муравьевымъ. Дополнительныя соглашенія касаются подробностей и второстепенныхъ вопросовъ.

По справедливому замѣчанію *Курьера*, англо-русское соглашеніе представляетъ фактъ такой высокой важности, что вся европейская печать обсуждаетъ его послѣдствія. «Понятно, что англійскія газеты всѣ довольны мирнымъ окончаніемъ распри, которая могла только послужить на пользу государствамъ, враждебнымъ Россіи и Англіи. Справедливость этой мысли можно видѣть хотя бы изъ отношенія германской печати, которая всячески старается посѣять недовѣріе между обѣими державами, подписавшими соглашеніе о разграниченіи сферъ вліянія въ Китаѣ» *).

Нѣмецкая печать не совсѣмъ довольна устраненіемъ возможности столкновенія Россіи и Англіи на дальнемъ Востокѣ. Она склонна думать, что въ этомъ случаѣ дипломатическая побѣда оказалась на сторонѣ нашего отечества. Результатъ переговоровъ, закончившихся двумя упомянутыми нотами, оказался въ одинаковой мѣрѣ выгоднымъ для обѣихъ сторонъ. Мы, какъ знаютъ читатели, давно отстаиваемъ мысль о сближеніи Россіи и Англіи. Культурныя задачи и историческія затрудненія для ихъ выполненія въ Азіи такъ велики, что соперничество между нами и англичанами грозитъ по-истинѣ бѣдствіями. Мы всегда считали вредными (въ то же время и смѣшными) публицистическія разглагольствованія объ изгнаніи русскимъ мужикомъ англичанъ изъ Индіи, и поэтому привѣтствуемъ и соглашеніе, и поворотъ, который какъ будто начинается въ нашемъ общественномъ мнѣніи въ пользу дальнѣйшаго сближенія Великобританіи и Россіи.

Разграниченіе британскихъ и французскихъ интересовъ въ Африкѣ, о которомъ мы своевременно говорили, является въ свою очередь добрымъ признакомъ для мечтателей объ европейскомъ мирѣ и англо-французскомъ союзѣ.

Зато отношенія между Англіей и Германіей нѣсколько испортились изъза острововъ Самоа. Подробности столкновенія, гдѣ на сторонѣ Англіи были Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, читатели знаютъ изъ газетъ. Американцы и англичане поддерживали одного претендента на престолъ, нѣмцы—другого, произошли кровопролитныя стычки, бомбардировки и т. д. Столкновеніе улаживается. Германскій министръ иностранныхъ дѣлъ Бюловъ обнаружилъ замѣчательное хладнокровіе и тактъ, что признаютъ даже французскія газеты съ такимъ серьезнымъ органомъ во главѣ, какъ *Le Temps*.

Съ Америкой германское правительство обмѣнялось дружественными объясненіями; но американскій имперіализмъ даетъ себя сильно чувствовать. *Temps* посмѣивается надъ этимъ имперіализмомъ, указывая, что дорого бываетъ пройти разстояніе между чашей и губами, до такой степени дорого, что вопросъ пріобрѣтаетъ большое историческое значеніе. До побѣдоносной войны съ Испаніей, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты,

*) *Курьеръ*, 25 апрѣля.

при населеніи въ шестьдесять почти милліоновъ, имѣли постоянную армію только въ 25,000 человѣкъ. Такимъ образомъ, сравнительно съ великими европейскими державами, за послѣднюю четверть вѣка они сдѣлали сбереженіе, — сравнимъ ихъ, хотя съ Германіей, населеніе которой значительно меньше,—приблизительно въ 300.000,000×25, т.-е. на исполинскую сумму въ 7.500.000,000 рублей!

Теперь обстоятельства круто измѣнились. Пенсіи ветеранамъ междуусобной войны и другіе военные расходы уносятъ у Соединенныхъ Штатовъ ежегодно болѣе 800.000,000 франковъ. Чтобы «владѣть» Филиппинами, американцамъ понадобится стотысячная армія. Ихъ войска должны занимать стратегическіе пункты на Кубѣ и Порто-Рико. Въ странѣ, увлеченной было громомъ побѣдъ, все громче и громче начинаютъ раздаваться голоса благоразумія и справедливости. Волонтеры недовольны тѣмъ, что ихъ такъ долго удерживаютъ въ Манильѣ. Губернаторъ штата Миннезота, гдѣ Макъ-Кинлей при избраніи президентомъ получилъ большинство въ пятьдесять тысячъ, сообщилъ законодательному собранію штата, что командиръ 13 полка волонтеровъ Штата сообщилъ ему объ единодушномъ желаніи волонтеровъ вернуться на родину. Сенаторъ южной Дакоты, Pettigrew, обратился къ президенту республики съ просьбою возвратить съ Филиппинъ добровольцевъ этого штата и т. д. Чтобы завоевать чужія территоріи и сохранять ихъ, необходимо, стало-быть, создать большую постоянную армію, а это приводитъ въ Америкѣ въ страшную тревогу,— говоритъ *Temps*,—друзей бережливости и свободы.

Покинувъ теорію *Америки для американцевъ*, янки натолкнулись и на большія международныя затрудненія. Покуда они дѣйствуютъ дружно съ Англіей, но будущее можетъ приготовить имъ много неожиданностей. Внутренняя жизнь великой республики можетъ лишь пострадать отъ нарушенія доктрины Монро, и завоеваніе Кубы, Филиппинъ въ особенности, окажется, пожалуй, столь же вреднымъ для Америки, какъ потеря Эльзаса и части Лотарингіи для Франціи.

Эта потеря продолжаетъ быть болѣзненною причиной, опредѣляющею въ весьма значительной мѣрѣ международное положеніе Франціи. Любопытную статью, находящуюся въ непосредственной связи съ вопросомъ объ Эльзасъ-Лотарингіи, напечаталъ въ майскомъ нумерѣ *Парижскаго Обозрѣнія* (*La Revue de Paris*) XX (Ганото?): *Дилемма нашей внѣшней политики* (*Le dilemme de notre politique extérieure*). Эти два икса или римское двадцать говорятъ, что Франціи необходимо принять, и принять немедленно,—то или другое рѣшеніе, иначе ей придется отказаться отъ будущаго.

Рѣшеніе первое: союзъ Франціи и Россіи съ Англіей. Союзъ съ нашимъ отечествомъ — краеугольный камень французской политики, устойчивая основа международнаго положенія Французской республики. Обѣимъ сторонамъ союзъ этотъ принесъ выгоды. Европѣ обезпеченъ имъ миръ, тройственная лига уравновѣшена. Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что,

кромѣ материка Европы, существуютъ Великобританія, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты,—два фактора, съ которыми лучше считаться дважды, чѣмъ однажды. По отношенію къ Франціи, великая заатлантическая республика не имѣетъ основаній выступать сколько-нибудь непріязненно. Героическое время Вашингтона и Лафайета связываетъ эти націи. Иное дѣло съ Англіей. Двѣ страны,—говоритъ двойной иксъ,—которыя раздѣляются Паде-Кале, считаютъ больше столѣтій враждебности, чѣмъ годовъ искренняго согласія. Франція можетъ опасаться заключенія Англіей союза съ Германіей и войны на морѣ.

Въ формальный англо-германскій союзъ авторъ статьи въ *Revue de Paris* не вѣритъ: торговые и колоніальные интересы Германіи и Великобританіи сталкиваются въ существенныхъ пунктахъ. Не вѣритъ, но все-таки возможности такого союза не отрицаетъ, а онъ можетъ задушить Францію.

Вооруженное столкновеніе съ Англіей легче предвидѣть. Духъ имперіализма, теперь сильно вѣющій въ Соединенномъ королевствѣ, отражается вызывающимъ образомъ въ иностранной политикѣ Великобританіи. Вожди этого имперіализма стремятся, опираясь на морское преобладаніе Англіи *въ настоящее время*, установить въ мірѣ англо-саксонскую гегемонію. Не надо забывать, что французы повсюду сталкиваются съ англичанами: въ Китаѣ, въ Индо-Китаѣ, на Мадагаскарѣ, въ Африкѣ. Уступать всегда, какъ пришлось въ вопросѣ о Фашодѣ,—дѣло невозможное. А морское превосходство Англіи несомнѣнно.

Но Россія? Она, во-первыхъ, не обязана поддерживать Францію противъ Англіи и, во-вторыхъ, соединенный франко-русскій флотъ не можетъ сравняться съ британскимъ. Конечно, на сушѣ Россія можетъ нанести Великобританіи тяжелые удары; но останутся ли Европа и Соединенные Штаты пассивными свидѣтелями этой исполинской борьбы?

Тѣсное сближеніе съ Россіей и Англіей вполнѣ обезпечило бы міровое положеніе Франціи и на материкѣ, и на моряхъ. Три державы заняли бы тогда господствующее положеніе въ мірѣ. Другая комбинація—союзъ Франціи съ Россіей и Германіей. Само собою разумѣется, что такая комбинація предполагаетъ предварительное и окончательное разрѣшеніе эльзасъ-лотарингскаго вопроса. Франція, совершенно успокоенная по отношенію къ Германіи, могла бы направить свои силы на созданіе для себя первенствующаго положенія на Средиземномъ морѣ. Необходимо,—говоритъ XX,—торопиться и выбрать рѣшеніе. Міровая исторія развивается съ необычайною быстротой, и нерѣшительность будетъ имѣть гибельныя послѣдствія.

Внутренняя разладица не прекращается въ Австро-Венгріи. Католическіе епископы выступаютъ съ пасторскими посланіями противъ движенія къ разрыву съ Римомъ (*Los von Rom*), возбужденнаго вождями крайнихъ нѣмецкихъ націоналистовъ Австріи. Кардиналъ-архіепископъ Груша указываетъ, что движеніе возникло на политической почвѣ, не имѣющей ни-

чего общаго съ римско-католическою церковью. Ее упрекаютъ за то, что она не національна. Это справедливо или несправедливо въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что называютъ національностью церкви. Римско-католическая церковь—міровая, установленная безъ всякаго различія племенъ. Но къ каждому племени, къ каждой національности церковь эта относится съ одинаковою любовью. Въ такомъ же духѣ высказываются и другіе епископы.

Neue Freie Presse возражаетъ противъ утвержденія, что католическая церковь въ Австріи совершенно не вмѣшивается въ политическую борьбу. Вѣнская газета говоритъ, что австрійское духовенство идетъ рука объ руку съ славянами, стремящимися отнять у нѣмцевъ господствующее положеніе въ государствѣ. *Neue Freie Presse* указываетъ и на то, что въ Ирландіи, въ чешской Богеміи и въ другихъ странахъ католическое духовенство открыто признаетъ себя національнымъ.

Не встрѣчая достаточной поддержки въ католическомъ духовенствѣ, австро-нѣмецкіе націоналисты не находятъ ее и въ мадьярскихъ либералахъ. Въ пражской *Politik* была недавно напечатана статья, въ которой говорилось, что всѣ серьезные политическіе дѣятели Венгріи не представляютъ возможнымъ возвращеніе цислейтанскимъ нѣмцамъ ихъ привилегированнаго положенія. Дѣлаетъ успѣхи мысль о федерализмѣ въ Австріи, и мадьяры относятся къ ней не враждебно. Если законодательныя права областныхъ сеймовъ будутъ увеличены и компетентность цислейтанскаго парламента сократится, въ мѣру этого увеличенія, то всѣ автономистическія партіи останутся довольны.

Намъ увѣренность автора статьи въ *Politik* въ томъ, что Венгрія будетъ спокойно смотрѣть на превращеніе Цислейтаніи въ федеративное государство представляется недостаточно обоснованною. По отношенію къ славянамъ и румынамъ венгры занимаютъ въ Транслейтаніи положеніе сходное съ тѣмъ, въ которомъ находились и къ которому стремятся австрійскіе нѣмцы по отношенію къ славянамъ и итальянцамъ. Автономія этихъ народовъ естественно усилила бы національностическое движеніе среди трансильванскихъ румынъ и славянъ Транслейтаніи, что по меньшей мѣрѣ нежелательно мадьярамъ *).

Злосчастное дѣло Дрейфуса такъ затормозило развитіе французскаго законодательства и парламентской дѣятельности, что почти не приходится

---

*) Укажемъ здѣсь кстати, что парламентская жизнь Венгріи съ призваніемъ на постъ министра-президента Селла приняла нормальное теченіе. Новый законъ изданъ для предупрежденія и наказанія за злоупотребленія при выборахъ. *Сынъ Отечества* отмѣчаетъ въ этомъ законѣ *Kanzleiparagraph*: онъ „возбраняетъ пользоваться, съ цѣлью политическаго воздѣйствія на избирателей, священными символами. Этотъ параграфъ вызвалъ сильное возбужденіе клерикаловъ, ибо ни въ одной странѣ духовенство не злоупотребляетъ такъ своимъ вліяніемъ для оказанія давленія на избирателей, какъ въ Венгріи. Какъ можно заключить изъ вышесказаннаго, новый законъ

отмѣчать чего-либо значительнаго въ этой области. Въ виду того, что новый президентъ республики не расположенъ, повидимому, мирволить интригамъ генераловъ и происканъ клерикаловъ, не лишенъ важности вопросъ о правахъ главы государства и о дѣйствующей конституціи Французской республики.

Президенту республики предоставленъ законодательный починъ. Онъ наблюдаетъ за примѣненіемъ и обезпечиваетъ исполненіе законовъ. Послы и посланники другихъ державъ аккредитованы при президентѣ республики, котораго, слѣдовательно, нельзя держать въ невѣдѣніи международныхъ сношеній и внутренней административной дѣятельности. Въ рукахъ президента распоряженіе арміей, онъ назначаетъ чиновниковъ и т. д. По замѣчанію Фердинанда Дрейфуса, въ *Revue politique et parlementaire*, неотвѣтственность президента и его право отсрочивать засѣданія парламента два раза, срокомъ по мѣсяцу въ каждую сессію, и право, съ согласія сената, распускать палату депутатовъ, придаютъ конституціи Французской республики монархическій отпечатокъ. Но въ теченіе четверти вѣка ни одинъ президентъ фактически не пользовался полнотою предоставленныхъ ему правъ.

Temps, говоря о стремленіи къ пересмотру конституціи, соглашается съ ея отцомъ, Валлономъ, что она вовсе не плоха и что ее слѣдуетъ только надлежащимъ образомъ примѣнять *). Правильному ходу политиче-

---

не воспрещаетъ безусловно воздѣйствовать на избирателей, но, лишая духовенство священныхъ аттрибутовъ, устраняетъ и исключительное значеніе его. Законъ отнюдь не возбраняетъ духовенству участвовать въ избирательной кампаніи, а только лишаетъ его возможности пользоваться своимъ положеніемъ и вліяніемъ для агитаціи въ церкви, угрожая въ случаѣ неповиновенія трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ и лишеніемъ политическихъ правъ".

*) Нашъ *Правительственный Вѣстникъ* мрачнѣе смотритъ на дѣло. Онъ предвидитъ нападеніе на конституцію 1875 г. „Этой конституціи минетъ въ будущемъ году двадцать пять лѣтъ, и ея непригодность сознается огромнымъ большинствомъ здравомыслящихъ гражданъ, приписывающихъ ей нынѣшній упадокъ парламентарнаго управленія, вызывающій застой въ государственныхъ дѣлахъ. Умѣренные заявляютъ, что было бы достаточно ограничиться одною реформой парламентскаго статута, но коль скоро палата приступитъ къ преніямъ по этому вопросу, то дѣло не обойдется безъ серьезныхъ осложненій. *Journ. de St.-Pétersbourg* предполагаетъ, что оба вопроса—о пересмотрѣ дѣла Дрейфуса и о пересмотрѣ конституціи—войдутъ между собою въ связь. Если кассаціонный судъ выскажется за пересмотръ процесса Дрейфуса, то по всей вѣроятности націоналисты обрушатся на конституцію 1875 года и на этой почвѣ постараются всѣми средствами создать правительству такія затрудненія, въ виду которыхъ кабинету Дюпюи придется волею неволею подать въ отставку; если же кассаціонный судъ выскажется противъ пересмотра процесса Дрейфуса, то всѣ группы лѣвой, состоящія по большей части изъ ревизіонистовъ, сорвутъ свою досаду на правительствѣ и, добившись паденія министерства Дюпюи, потребуютъ пересмотра конституціи въ самомъ широкомъ смыслѣ. Словомъ, все заставляетъ предвидѣть, что на почву вопроса о пересмотрѣ конституціи перенесется борьба партій, вызванная злосчастнымъ дѣломъ Дрейфуса. Судя по тому, что говорится въ газетахъ обоихъ лагерей, трудно ожидать, чтобы французы преклонились передъ послѣднимъ словомъ ихъ верховнаго судилища" (*Правит. Вѣстникъ*, 5 (17) мая).

ской жизни во Франціи вредятъ испортившіеся нравы, и страна ждетъ серьезнаго, вдумчиваго врачеванія ея опасныхъ недуговъ,—въ особенности шовинизма въ союзѣ съ клерикализмомъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать такихъ явленій, какъ оправданіе судомъ присяжныхъ Урбана Гойе, обвинявшагося въ оскорбленіи арміи. Послѣ этого оправданія въ честь смѣлаго и честнаго публициста былъ устроенъ грандіозный банкетъ, на которомъ присутствовали Сеайль, Ранъ, Клемансо, Анатоль Франсъ, Прессансе, Ивъ Гюйо и многія другія знаменитости и извѣстности. Ораторы горячо привѣтствовали Гойе и видѣли въ его оправданіи торжество принципа свободы печати. На банкетѣ долженъ былъ участвовать извѣстный публицистъ-роялистъ, Герве Кероанъ (Hervé de Kérohant). Болѣзнь задержала его и онъ прислалъ письмо, въ которомъ превозноситъ свободу печати *).

Должно отмѣтить возрастающее вниманіе и въ печати, и въ парламентѣ къ колоніальнымъ вопросамъ. Задачи метрополіи и участь туземцевъ живо интересуютъ общественное мнѣніе. Въ *Temps* приведены поучительныя цифры о туземномъ населеніи Алжира. По переписи 1876 года оно опредѣлялось въ 2.462,936 человѣкъ; черезъ двадцать лѣтъ туземцевъ считалось уже 3.764,076. Это населеніе владѣло въ 1876 г. 14.563,174 гол. домашняго скота; въ 1896 г., увеличившись на 1.300,000 человѣкъ, туземцы имѣли въ своей собственности только 12.554,493 головъ (особенно уменьшилось число быковъ и овецъ). Засѣяно было алжирскими туземцами въ 1876 году 2.571,892 гект., а черезъ двадцать лѣтъ—2.297,416 гект. Цифры страшныя. Явились нѣкоторые новые заработки, но они незначительны, кромѣ того—сильно возросли налоги. При такихъ условіяхъ неурожаи въ Алжирѣ ведутъ къ прямо гибельнымъ послѣдствіямъ. Только правительственная помощь спасаетъ въ этихъ случаяхъ населеніе отъ голодной смерти.

---

*) Напомнивъ о томъ, что онъ и монархистъ и католикъ, Кероанъ говоритъ: „Nous voulons la liberté de la presse pleine et entière c'est à dire que nous la voulons pour tous, pour les gens de mauvaise foi comme pour les autres; et il ne peut en être autrement".

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(XXVII выставка картинъ товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ.—7-я выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ.)

Передвижная выставка (въ Училищѣ живописи, ваянія и зодчества, на Мясницкой) въ нынѣшнемъ году богата въ отношеніи количественномъ и очень интересна въ качественномъ отношеніи. На выставкѣ болѣе 250 картинъ и между ними не мало такихъ, передъ которыми посѣтители застаиваются подолгу. Наибольшее вниманіе привлекаетъ огромная картина В. И. Сурикова, *Переходъ Суворова черезъ Альпы въ 1799 году*. Картина имѣетъ 5 метровъ (почти 7 арш.) въ вышину и 3,60 метр. ($4^{2}/_{4}$ арш.) въ ширину, и одна занимаетъ послѣднюю (налѣво) залу выставки. Грандіозный сюжетъ, одинъ изъ величайшихъ подвиговъ русской арміи и ея геніальнаго вождя Суворова, трактованъ художникомъ очень широко, какъ В. И. Суриковъ любитъ и умѣетъ обрабатывать большія историческія картины. Всѣ частности и детали картины исполнены великолѣпно, всѣ фигуры и лица героевъ непобѣдимой арміи замѣчательно характерны, многія—типичны. Самъ славный вождь на конѣ изображенъ мастерски, совершенно какъ живой. По нашему мнѣнію, это одинъ изъ самыхъ лучшихъ и сильныхъ портретовъ Суворова. Но, при такихъ огромныхъ достоинствахъ, картина въ общемъ скомпанована не совсѣмъ удачно: одни говорятъ,—чрезмѣрно смѣло,—мы же думаемъ, безъ достаточнаго изученія художникомъ истиннаго мѣста дѣйствія. Современники итальянскаго похода и съ ихъ словъ потомки называли переходъ черезъ Альпы «баснословнымъ». Воистину такимъ онъ и представляется на картинѣ г. Сурикова. Съ тѣхъ поръ русскія арміи переходили черезъ снѣга Балканъ, русскіе отряды—черезъ снѣжныя дебри Памира, не говоря уже о горахъ Кавказа и трущобахъ Сванетіи. И со словъ очевидцевъ, съ ихъ набросковъ и фотографій, мы считаемъ себя вправѣ думать и сказать, что въ такомъ видѣ, какъ то изображено г. Суриковымъ, переходъ черезъ Альпы не могъ совершиться въ дѣйствительности. Это не воспроизведеніе подлиннаго событія, а художественно-переданное «баснословіе» о событіи. По такимъ отвѣснымъ кручамъ эти нестройныя вооруженныя толпы, имѣющія видъ

бѣгущей и дезорганизованной арміи, неминуемо слетѣли бы въ пропасть съ своею артиллеріей, багажомъ и лошадьми. На томъ снѣговомъ обрывѣ, на которомъ поставленъ Суворовъ на конѣ, не могъ бы удержаться никакой всадникъ, и въ обрывѣ не нашли бы ни его костей, ни его коня. Переходъ Суворова черезъ Альпы тогда же, сто лѣтъ назадъ, создалъ легендарныя сказанія. И эта «легенда», написанная В. И. Суриковымъ, производитъ на многихъ посѣтителей выставки очень сильное впечатлѣніе, но объ историческомъ событіи даетъ имъ не совсѣмъ вѣрное представленіе.

Изъ другихъ историческихъ картинъ обращаетъ на себя большое вниманіе *Путешествіе протопопа Аввакума по Сибири*, С. Д. Милорадовича, т.-е. препровожденіе въ ссылку знаменитаго расколоучителя. На очень хорошо сдѣланномъ пустынномъ пейзажѣ Сибири рельефно выдѣляются характерныя фигуры московскаго «пристава», ведущаго подъ стражей несчастнаго протопопа въ далекое заточеніе, самого Аввакума, типическаго фанатика, непоколебимо убѣжденнаго въ правотѣ своей вѣры, и женщины, напряженно слушающей его воодушевленныя поученія. Весьма выразительны и другія лица второго плана и превосходны блѣднѣющія и теряющіяся вдали фигуры спутниковъ этого печальнаго каравана. Глубокая продуманность всей картины до мельчайшихъ деталей можетъ служить отличнѣйшимъ образцомъ молодымъ художникамъ того, какъ должно писать историческія картины, проштудировавши предварительно всѣ подробности изображаемаго событія и въ точности усвоивши его истинный смыслъ.

Къ «историческимъ» слѣдуетъ отнести картину С. В. Иванова *Въ лѣсу. Памяти Стефана Пермскаго и другихъ просвѣтителей инородцевъ*. Но право называться «исторической» она имѣетъ лишь потому, что написана она, повидимому, по лѣтописнымъ не совсѣмъ яснымъ сказаніямъ. Мы полагаемъ, что художнику полезно было бы тщательно ознакомиться съ описаніями П. И. Мельникова языческихъ *мольбищъ*, происходившихъ еще въ нашемъ столѣтіи въ глухихъ мѣстахъ Россіи. Насколько намъ извѣстно, моленія эти и всѣ языческіе обряды справлялись мордвою и зырянами въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ почти такъ же точно, какъ при св. Стефанѣ Пермскомъ въ XIV вѣкѣ. Картина написана сухо и рѣзко, тѣмъ особеннымъ пошибомъ, по нашему мнѣнію, совершенно ненужнымъ и нежелательнымъ, какимъ нѣкоторые художники пытаются произвести на зрителей впечатлѣніе настоящей старины. Это, конечно, еще не декадентство, но уже нѣкоторый шагъ къ нему,—во всякомъ случаѣ, это своего рода оригинальничаніе, нерѣдко прикрывающее неумѣнье писать какъ слѣдуетъ. В. М. Васнецовъ сталъ, правда, большимъ человѣкомъ, но въ извѣстномъ направленіи идти по его слѣдамъ совсѣмъ не безопасно. За симъ мы должны упомянуть о картинѣ М. В. Нестерова, *Святой Дмитрій царевичъ убіенный*, написанной очень блѣдными, полупрозрачными тонами, напоминающими манеру нѣкоторыхъ новѣйшихъ французскихъ художниковъ, въ картинахъ, изображающихъ преданія и легенды. Въ изображеніи реальнаго историческаго лица и эти тоны, и фантастическій костюмъ, въ который

г. Нестеровъ одѣлъ царевича, мы считаемъ крайне неумѣстными, самую же картину — безсодержательною, ничѣмъ рѣшительно не напоминающею «убіеннаго». Мы предпочитаемъ ей очень наивное изображеніе св. Дмитрія царевича на полотнѣ, висящемъ въ прискорбномъ пренебреженіи въ церковныхъ сѣняхъ подъ колокольней св. Николая Чудотворца въ Хамовникахъ.

В. Я. Суреньянцъ выставилъ *Семирамиду у трупа Арая*. Преданіе глубокой древности передаетъ, что Семирамида влюбилась въ Арая, армянскаго царя, и пожелала сдѣлать его своимъ супругомъ. Получивши отказъ, энергичная и страстная царица Ассиріи пошла войной на Арменію, чтобы силою добыть себѣ мужа. Несмотря на приказаніе царицы не убивать армянскихъ вождей, Арай погибъ въ бою, войско его было разбито, и Арменія присоединена къ Ассиріи. Художникъ изобразилъ тотъ моментъ горя Семирамиды, когда ей на носилкахъ принесли трупъ очаровавшаго ее армянина. И эта картина написана нѣсколько поблекшими тонами, но это къ ней идетъ и нисколько не портитъ общаго впечатлѣнія, производимаго тщательно сдѣланною обстановкою древне-вавилонскаго дворца и мрачнымъ отчаяніемъ полулегендарной царицы. Мы не отдѣляемъ картинъ историческихъ отъ тѣхъ, что̀ написаны на сюжеты былинные и народно-сказочные, а потому упоминаемъ тутъ же о картинахъ А. М. Васнецова: *Старорусскій городъ*, *Драконъ* (къ разсказу гр. А. Толстого) и *Избушка на курьихъ ножкахъ*. Эта картина, можетъ быть, иначе называется,—мы ее не нашли въ каталогѣ. Всѣ три настолько своеобразно Васнецовскія и представляютъ собою такое усердное подражаніе прежнимъ произведеніямъ нынѣ прославляемаго Виктора Михайловича Васнецова, что распространяться о нихъ въ частности мы считаемъ неудобнымъ до тѣхъ поръ, пока мы самолично не осмотрѣли возвеличившаго В. М. Васнецова кіевскаго собора св. Владиміра. Но все-таки считаемъ для себя обязательнымъ замѣтить, что такая «былинная» живопись не всегда ведетъ къ добру и способна увлечь не особенно выдающагося силою художника въ невылазныя дебри символизма и грубой мазни лубочнаго вида. Эта «ковровая» живопись, во всякомъ случаѣ, не дастъ образцовъ для «русскихъ гобеленовъ», а сбить съ толку молодыхъ художниковъ, мечтающихъ о славѣ В. М. Васнецова, легко можетъ и отчасти уже сдѣлала это, какъ мы видѣли на выставкѣ Московскаго Товарищества художниковъ. Чтобы покончить съ «исторіей», мы должны указать на прекрасныя картины «историческаго жанра» К. В. Лебедева: *Подруги* и *Приказная изба*,—повидимому, XVI вѣка. Его большая картина, *Царь Іоаннъ IV Грозный въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ проситъ игумена о постриженіи въ монахи*—была на прошлогодней выставкѣ и мы въ свое время о ней говорили. На нынѣшней выставкѣ ея нѣтъ, хотя она и значится въ каталогѣ подъ № 94.

Послѣ картинъ историческихъ нашу публику наиболѣе интересуютъ картины, изображающія современную жизнь, съ ея «злобами дня», которыя въ недалекомъ будущемъ могутъ получить значеніе «сказанія» совре-

менниковъ о прошедшемъ, художественной лѣтописи «былого». Мы полагаемъ, что это очень важный родъ живописи, обращавшій на себя до сихъ поръ мало вниманія художниковъ. Это—картины «быта», иногда подходящія къ «жанру» и даже сливающіяся съ нимъ до нѣкоторой степени. Такія мы хотѣли бы выдѣлить и попытаемся это сдѣлать, особенно рекомендовать нашимъ художникамъ заняться сюжетами такого «бытового» характера. Въ этомъ отношеніи если не первое, то очень большое мѣсто занимаетъ картина Н. А. Касаткина, *Свиданіе съ арестованными* въ женскомъ отдѣленіи тюрьмы. Признаемся, картина намъ не нравится, хотя впечатлѣніе она должна производить. Въ ней слишкомъ много *истерики*, граничащей съ психозомъ. Эта картина задумана не спокойно и исполнена не достаточно продуманно. Въ отдѣльности, въ этюдѣ, каждая изъ изображенныхъ фигуръ, конечно, возможна; но когда вмѣстѣ, за сѣткою, ихъ собрано нѣсколько десятковъ въ безумныхъ позахъ, съ обезумѣвшими лицами, тогда вся эта сцена представляется «переписанною», выдуманною, напоминающею болѣе домъ сумасшедшихъ, чѣмъ домъ предварительнаго заключенія. Тенденція автора увлекла его, кажется, за предѣлы дѣйствительности и даже за границы самой тенденціозности. Имъ почти всѣ арестованныя женщины представлены настоящими психопатками. Да, мы понимаемъ, что предварительное заключеніе и нахожденіе въ подозрѣніи и подъ слѣдствіемъ должны дѣйствовать ужасно на психику женщины, но дѣйствовать должны весьма различно, и для правильнаго, внушительнаго изображенія такого воздѣйствія подсудности достатачно было бы одного десятка характерныхъ фигуръ, а сотня—это уже слишкомъ много, въ нихъ не разберешься... Вообще, картины безъ центра рѣдко бываютъ удачными, а тутъ нѣтъ центра, и весь первый планъ занятъ валяющимися по полу фигурами корчащихся судорогами женщинъ. Мы не можемъ возставать противъ тенденціи, когда она находитъ себѣ оправданіе въ общечеловѣческой, гуманной и правильно обоснованной идеѣ. Фактъ, конечно, очень прискорбный, что приходится сажать въ тюрьму и держать за рѣшетками людей, заподозрѣнныхъ въ такихъ дѣяніяхъ, которыхъ, быть можетъ, они не совершали. Но до тѣхъ поръ, пока преступныя дѣянія возможны и при несовершенствѣ и при медленности человѣческаго правосудія, тюрьмы и рѣшетки остаются неизбѣжнымъ зломъ, тяжкимъ мученіемъ для обвиняемыхъ. Такіе сюжеты искусство трактовать вправѣ, но обязано трактовать ихъ справедливо, безъ преувеличеній и въ особенности, безъ увлеченій внѣшнею эффектностью. Вотъ такой-то настоящей правды и простой искренности мы и не нашли въ очень сложной картинѣ Н. А. Касаткина, всецѣло посвященной эффектамъ. Болѣе правдивою мы находимъ картину Н. К. Пимоненко, носящую названіе *Жертва фанатизма*. Картина изображаетъ небольшую толпу евреевъ, преслѣдующихъ соплеменницу, отступившую отъ вѣры отцовъ. Въ толпѣ—много движенія, она живетъ, большинство фигуръ и лицъ типично и выразительно. Картина оставляетъ впечатлѣніе сильное и правильное, подкрѣпляющее гуманную мысль о без-

смысленной дикости гоненія и истязанія людей за ихъ убѣжденія, хотя бы убѣжденія эти и казались большинству преступными. За симъ наступаетъ переходъ къ повседневному, но сложному «жанру», такъ сказать—«современно бытовому», мотивы котораго внушены не широкими общечеловѣческими идеями, а простыми событіями заурядной жизни, иногда—тяжелыми и трагическими, иногда—такими, которыя въ литературѣ передаются въ «очеркахъ и разсказахъ» или въ «эскизахъ». Въ передачѣ нашей мы будемъ говорить о выставленныхъ картинахъ не въ той послѣдовательности, въ которой надлежало бы поставить ихъ по ихъ художественному достоинству; мы перечислимъ ихъ отчасти въ томъ порядкѣ, въ какомъ они намъ представляются, по ихъ сложности и значенію, и отчасти въ такомъ, какой для нихъ установляется нашею памятью, затрудняющеюся разобраться правильно во множествѣ хорошихъ произведеній XXVII передвижной выставки.

Первою встаетъ передъ нами картина Н. П. Богданова-Бѣльскаго, *Проба голосовъ*, нравящаяся намъ, въ особенности, по прекрасной и вѣрной выразительности лицъ и фигуръ крестьянскихъ ребятокъ, собранныхъ на пробу голосовъ, вѣроятно, у любителя помѣщика, занимающагося школой, или, можетъ быть, у судьбою избраннаго учителя, такъ какъ проба производится подъ фортепьяно, инструментъ совершенно недоступный нашей деревенской школѣ. Дѣтки, изображенныя художникомъ, такъ естественны, вѣрны дѣйствительности и милы, что передъ картиною останавливаются и засматриваются на этихъ славныхъ ребятокъ большинство посѣтителей выставки. Миромъ, доброю надеждою и благоволеніемъ вѣетъ отъ этой бодрящей картины. Просто и умно, сердечно и хорошо, и спасибо художнику,—на душѣ тепло становится. Совершенно иныя представленія и чувства вызываетъ картина В. Н. Бакшеева, *Возвращеніе домой*. Домой возвращается солдатикъ на подводѣ своего односельца, но возвращается не радостно, очень хмуро. Везущій его сосѣдъ что-то разсказываетъ,—горькое, должно-быть: мать ли старуха померла, братья ли обижаютъ его невольно-покинутую жену, или она сама... мало ли что за пять лѣтъ отсутствія солдата можетъ случиться. А въ крестьянскомъ быту, который намъ изъ города кажется чуть не зоологически-простымъ,—куда какъ много тяжкихъ горестей, сердце надрывающихъ настоящихъ трагедій и «неожиданныхъ бѣдъ»... вродѣ той, которую изобразилъ И. С. Малининъ въ своей картинѣ подъ этимъ названіемъ. Единственный сынъ, подростокъ и надежда, работалъ въ людяхъ, на фабрикѣ или у барина на машинѣ, и вернулся домой изуродованнымъ, съ рукою раздробленою или оторванною машиной. Вмѣсто работника-помощника въ семьѣ—лишній ротъ, когда и безъ того-то «сольцы купить не на что», если только на всѣхъ хватаетъ хлѣба. Да, «сольцы нѣтъ»—тяжелыя слова... Насъ ужасомъ охватываютъ газетныя сообщенія «изъ неурожайныхъ мѣстностей», и государство, и частныя лица, и общественныя учрежденія приходятъ на помощь изнемогающимъ отъ голода. А переживемъ мы, Богъ дастъ, то, что называютъ «недоро-

домъ», и ручки сложимъ, и слышать не будемъ страшныхъ словъ: «сольцы нѣтъ, ребятишки-то скулятъ, сольцы просятъ»... О, Господи! «сольцы» ли только нѣтъ у нашихъ дѣтей, машины ли только увѣчатъ нашихъ ребятъ и дѣлаютъ ихъ неспособными стать нашими помощниками-работниками?... На такія же печальныя думы наводитъ картина К. В. Лемоха, *Безъ кормильца*. Но вотъ «кормилецъ» есть—Н. К. Грандковскаго, овдовѣвшій молодой священникъ... но «не о хлѣбѣ единомъ» и не о щепотѣ соли—живъ человѣкъ и живы его дѣтки, умерла «матушка-попадья», и тоже—бѣда, бѣда неизбытная—двухъ мальчиковъ, сиротъ несмышленыхъ оставила, и выхода нѣтъ горюну попу, даже въ монастырь уйти нельзя: ребятки-то малы... Вотъ еще картина Г. Г. Мясоѣдова *Осиротѣли*, отлично сдѣланная картина: на ней нѣтъ матеріальной нужды, во всей обстановкѣ видно полное довольство. «Осиротѣла» барыня и не съ кѣмъ ей подѣлить свое горе-сиротство, кромѣ большой собаки—леонбергера, которая, съ нею вмѣстѣ, осиротѣла и чувствуетъ это, и понимаетъ, и выражаетъ свое горе взглядомъ и всей своей фигурой. Горе и горе, безысходное горе во всѣхъ его проявленіяхъ. Намъ тяжело становится, и тѣмъ тяжелѣе, что все это написанно прочувствованно и искренно... Мимо, мимо—къ «жанру», гдѣ есть жизнь, ясная спокойная и привѣтливая. Но гдѣ же есть такая?—Вотъ *У лѣсной сторожки*, А. С. Степанова, охотники отправляются съ собаками на свою потѣху, вотъ *Съ барчукомъ на охоту*, А. В. Маковскаго, собрались его прихлебатели и прислужники. Все это хорошо и «съ подлиннымъ вѣрно», но... все это—пустыя мѣста въ искусствѣ, будутъ ли ихъ сотни, или ни одного не будетъ, отъ этого никто ничего не пріобрѣтетъ и ничего не потеряетъ, какъ отъ «головокъ», всегда фигурирующихъ на всѣхъ выставкахъ. Мы ничего не имѣемъ противъ такихъ картинъ, если онѣ хорошо написаны. Онѣ такъ же нужны, какъ «водевили» и «шутки» на театральной сценѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ далеко не такъ безсодержательны, чтобы передъ ними не стоило остановиться. Такова, напримѣръ, картина В. Е. Маковскаго, *На гастроли*, — всего одно лицо, но это — типъ вполнѣ сложившійся, законченный типъ самодовольнаго актера-побѣдителя, перебалованнаго провинціей, влюбленнаго въ самого себя, привыкшаго командовать антрепренерами и тѣми труппами, которыя онъ «осчастливливаетъ» своимъ гастролерствомъ. Маковскій же, Вл. Ег., изобразилъ такой же превосходный типъ актера Счастливцева, только съ другою физіономіей и въ иной обстановкѣ. Онъ уже «на гастроляхъ», заходитъ между дѣломъ въ провинціальный ресторанъ и встрѣчаетъ стараго товарища—захудалаго, обтрепавшагося актерика, которому не повезло. Этотъ не смѣло обращается къ закулисному Юпитеру въ лоснящемся цилиндрѣ и съ цвѣткомъ въ петличкѣ. А бывшій товарищъ, съ высоты своей удачи, бросаетъ ему презрительное: «Не припомню»!... И картина озаглавлена *Не припомню*, но если бы подписи не было, то этотъ жестокій отвѣтъ достаточно внятно звучитъ въ гордой позѣ, въ брезгливомъ выраженіи лица, во всей наглой фигурѣ зазнавшагося «премьера». На ту же

тему, только совершенно иначе трактованную, написана картина Н. П. Богданова-Бѣльскаго, *Бывшіе товарищи*, за душу хватающая картина. Тутъ передъ нами не провинціально-театральная богема, а нѣчто болѣе серьезное и важное, и намъ болѣе близкое. «Бывшіе товарищи», — повидимому, университетскіе товарищи, — встрѣтились случайно на улицѣ, узнали другъ друга, вспомнили былое — свою alma mater и зашли въ первый попавшійся третьестепенный ресторанчикъ. Одинъ товарищъ одѣтъ хорошо, прилично, имѣетъ видъ дѣльнаго помощника присяжнаго повѣреннаго. Не знаемъ почему, но мы въ одинъ голосъ назвали его «помощникомъ присяжнаго повѣреннаго». Сидящій съ нимъ за столикомъ «бывшій товарищъ» одѣтъ въ лохмотья, обутъ на босую ногу въ истрепанныя, дырявыя штиблеты. Нищета полная, «босякъ», лицо истомленное, изголодавшееся, но совершенно интеллигентное, безъ малѣйшаго намека на пьянство и разгулъ, доводящія иногда образованныхъ людей до трущобныхъ пріютовъ босяковъ. Несчастный передаетъ старому товарищу страшную повѣсть вынесенныхъ имъ мытарствъ. Въ какихъ мѣстахъ онъ побывалъ, ставши «бывшимъ товарищемъ», кто и какъ довелъ его до нищеты,—мы не знаемъ: на это много есть способовъ. Мы видимъ лишь одно и въ томъ убѣждены, благодаря таланту художника, что несчастный юноша былъ вышвырнутъ съ своей дороги какими-то злыми обстоятельствами и тяжелымъ путемъ добрелъ до положенія «униженныхъ и оскорбленныхъ». Болѣе счастливый товарищъ горько задумался, слушая разсказъ бѣдняка. Во взглядѣ, во всей фигурѣ слушающаго ясно выражено напряженное желаніе помочь «бывшему товарищу», — но какъ, чѣмъ помочь? За кошелькомъ рука не протянется, этого послѣдняго оскорбленія нельзя нанести товарищу... Ему занятіе нужно, необходимы трудъ и заработокъ. А пойди-ка, найди ихъ по нынѣшнимъ временамъ, въ особенности, когда за несчастнымъ стоитъ какое-то прошлое, сдѣлавшее его «бывшимъ»... На тяжелыя, гнетущія думы наводитъ этотъ *жанръ*. А. М. Коринъ, въ картинѣ *Передъ уходомъ въ гимназію*, симматично изображаетъ приготовленіе къ первымъ шагамъ въ далекій и невѣдомый путь образованія способныхъ юношей,—мальчика и дѣвочки. Картинка написана умно и тепло. Передъ нею невольно приходятъ въ голову пожеланія: «Счастливый путь, милыя дѣтки, да хранитъ васъ Господь отъ всякихъ злыхъ обстоятельствъ!» Еще болѣе мягкое настроеніе даетъ талантливая художница Э. Я. Шанксъ, своими картинками: *Любимая кукла* и *Усердіе*. Г-жа Шанксъ отличная мастерица изображать дѣтей, и ея произведенія уже не первый годъ занимаютъ видныя мѣста на нашихъ выставкахъ.

Въ портретной живописи на этотъ разъ первыя мѣста принадлежатъ: *портрету графини Е. П. Шереметевой*, работы Н. П. Богданова-Бѣльскаго, *портрету Н. А. Римскаго-Корсакова*, В. А. Сѣрова, и *Д. А. Щербинскаго*, И. Е. Рѣпина. На выставкѣ много прекрасныхъ пейзажей. Изъ нихъ наиболѣе привлекали наше вниманіе такіе, которые оживлены въ той или иной мѣрѣ фигурами людей, какъ, напримѣръ: *Прерванная жатва*, А. А. Киселева; *Домой*, видъ лѣсной дороги въ Финляндіи, В. Е. Маковскаго; *Послѣ дождя*, Е. Е. Волкова; *Жатва*, Н. Н. Дубовскаго; а затѣмъ

превосходная вещь: *Буря - дождь*, И. И. Левитана; *Лѣтняя ночь*, Е. Е. Волкова, его же—*Гор. Плесъ на Волгѣ*; *Аббасъ-Туманъ*, А. А. Киселева; водопадъ *Учанъ-су*, Г. Г. Мясоѣдова, и мн. др. В. М. Максимовъ занялся исключительно воспроизведеніемъ того, что относится къ памяти Пушкина. Это очень кстати въ виду «Пушкинскихъ дней», и художникъ выставилъ такихъ 11 картинъ, весьма интересныхъ. Кромѣ перечисленныхъ нами картинъ, на выставкѣ такъ много превосходныхъ произведеній, что мы ихъ всѣ перечислить не можемъ за ограниченностью предоставленнаго намъ мѣста. Просимъ за это не посѣтовать на насъ гг. художниковъ, чьи очень хорошія картины нами пропущены. Въ *иллюстрированномъ каталогѣ* выставки снимки отлично исполнены фототипіей въ мастерской К. А. Фишеръ; жаль только, что сдѣланы они слишкомъ малаго размѣра (въ 16-ю долю листа), при большой цѣнѣ 1 р. 50 к. за 80 снимковъ и 20 страницъ текста.

На Пасхѣ, одновременно съ Передвижной выставкой, открыта въ залахъ Историческаго музея 7-я выставка картинъ С.-Петербургскаго общества художниковъ. Въ общемъ мы находимъ ее выше, чѣмъ недавно окончившаяся выставка Московскаго товарищества, хотя безъ прискорбнаго «символизма» не обошлась и на этотъ разъ. Въ особенности отличился экспонентъ Б. А. Скиргелло двумя довольно объемистыми картинами: *Сонъ* и *Въ небесахъ и на землѣ (Пасхальная заутреня)*. Гг. члены общества могли бы съ пользою для своихъ выставокъ не принимать такихъ произведеній отъ постороннихъ лицъ, отъ экспонентовъ. Нужно имѣть весьма большую фантазію, чтобы видѣть подобные *сны*, и совсѣмъ не имѣть вкуса, чтобы писать такія *заутрени*. Въ томъ же родѣ есть еще одна несчастная картинка И. С. Галкина: *Сонъ въ мятную ночь* (стихотв. А. Майкова). Мы назвали ее «несчастной» потому, что тотъ же художникъ можетъ писать хорошія картины, какъ, напримѣръ: *Въ наѣздку*—съ борзыми собаками, и отличные портреты, каковъ портретъ г. Тартакова. Къ несомнѣнному украшенію выставки послужило бы удаленіе съ нея произведенія еще одного экспонента, Е. А. Вехтера, названнаго *Модель*, — удаленіе не потому, что эта «модель» совсѣмъ голая, «какъ червякъ», а на томъ основаніи, что въ такой позѣ не пролежитъ на диванѣ никакая «модель» ни одной секунды,—непремѣнно свалится на полъ. Да и сама nuditée написана не важно. Мы говоримъ это не изъ-за какого-либо пуританства и ничего не имѣемъ противъ того, чтобы художники писали *тѣло*, мужское или женское, все равно,—лишь бы написанное представляло собою красоту и какую-нибудь мысль, — хотя бы сцену изъ античной жизни, когда щеголять обнаженнымъ тѣломъ не считалось безстыдствомъ. Но мы считаемъ совершенно ненужнымъ писать голыхъ женщинъ, ставить подъ ними подпись *Весна* и ихъ экспонировать, какъ то сдѣлалъ В. К. Штембергъ. То, что дозволительно истому «римлянину» П. А. Свѣдомскому, совсѣмъ не къ лицу господамъ, проживающимъ въ Галерной Гавани и на Балчикѣ. Мы, впрочемъ, не совсѣмъ понимаемъ и смыслъ картины П. А. Свѣдомскаго, на которой изображена лежащая къ зрителямъ спиной голая женщина съ просты-

ней у бассейна, въ которомъ плаваютъ цвѣты, и у стѣны, украшенной превосходнымъ гобеленомъ. Никакого поясненія нѣтъ ни подъ картиной, ни въ каталогѣ, гдѣ эта картина совсѣмъ пропущена. Другое дѣло—его же *Фульвія съ головой Цицерона*. Тутъ изображено лѣтописное римское сказаніе: Фульвія, знатная римлянка, была замужемъ за Ф. Клавдіемъ, потомъ — за Скрибоніемъ Куріономъ и въ третьемъ бракѣ за тріумвиромъ, знаменитымъ Маркомъ-Антоніемъ. Во время проскрипцій 43 года (до Р. Х.), она приказала принести къ себѣ голову убитаго Цицерона и издѣвалась надъ нею тѣмъ, что шпильками прокалывала языкъ великаго оратора за то, что онъ написалъ противъ Антонія знаменитый памфлетъ, названный имъ *Филиппики*. Вотъ эту-то сцену издѣвательства злой римлянки надъ мертвымъ и далъ намъ г. Свѣдомскій въ картинѣ, съ подлинною древнеримской обстановкой.

Разъ мы заговорили о картинахъ на сюжеты изъ античной римской жизни, мы обязаны отмѣтить небольшую картину, очень сложной композиціи, С. В. Бакаловича (тоже «римлянина»), *Свадьба въ Помпеѣ*. Эта картина, точно живою, воспроизводитъ передъ нами полную веселья и радости уличную сцену антично-изящнаго города. Степановъ, К. П., тоже изъ Рима, далъ картину подъ названіемъ *Дѣлежъ добычи*, судя по костюмамъ, изъ жизни Италіи временъ папы Юлія II и Микель-Анжело, когда крупные и мелкіе авантюристы рвали на части, разоряли и грабили эту несчастную страну отъ Лигурійскаго моря до Адріатическаго и въ «дѣлежъ добычи» пускали не только ея драгоцѣнности, но и захватываемыхъ красавицъ. Изъ русской исторіи, приблизительно тѣхъ же временъ или нѣсколько позднѣйшихъ, очень хорошъ выразительностью лица и фигуры *Опальный*, И. А. Полевина. Не можемъ сказать того же про другую его картину *Не отъ міра сего*. Особенно неудачною мы считаемъ молодую боярышню, которая, повидимому, и должна изображать собою—«не отъ міра сего». На картинѣ она имѣетъ видъ «ряженой» и, мало того, писанной не съ натуры, а съ манекена. Лицо невыразительно и не одушевлено, закатываемые подъ лобъ глаза некрасивы, — они какіе-то «кукольные». Много лучше полная монахиня, бесѣдующая съ лимфатическою дѣвицей. Но о чемъ ихъ бесѣда, этого изъ картины уразумѣть невозможно: уговариваетъ ли ее монахиня избрать путь «не отъ міра сего», или убѣждаетъ ее въ міру остаться, для зрителя непонятно. Характеръ аксессуаровъ настолько спутанный, что нельзя опредѣлить, къ какому времени относится эта сцена. Очень хорошъ *Посольскій дворъ въ Москвѣ въ XVII в.* и прибытіе въ него австрійскаго посла,—помнится намъ,—акварель В. П. Овсянникова. Все на этой картинѣ совершенно живо, точно съ натуры писано. Большою тщательностью и отдѣланностью, — немножко нѣмецкою, — отличается батальная картина В. В. Мазуровскаго: *Эпизодъ изъ сраженія Arcis-sur-Aube, 19 марта 1814 г.*, когда Наполеонъ чуть не былъ захваченъ въ плѣнъ нашими казаками. Изъ самой новѣйшей исторіи есть тоже отчасти баталическая картина съ названіемъ *За что?*—М. Е. Малышева. Снѣжное поле, вѣроятно, у подошвы Балканъ обстрѣливается съ двухъ высотъ русскими и турками. Подъ «шальную» пулю попала сестра милосердія и оста-

лась одна убитою на снѣгу. Противъ тенденціи, хотя и излишне подчеркнутой, мы въ данномъ случаѣ ничего не имѣемъ. Но на вопросъ: «За что?»— является самъ собою отвѣтъ: за то же самое, за что гибнутъ на войнѣ десятки и сотни тысячъ людей, за что тѣ же «сестры» и врачи умираютъ въ лазаретахъ болѣе тяжелою и мучительною смертью,—за дикій милитаризмъ, обуявшій нашъ печальный вѣкъ. Но, помимо отвѣта, можетъ быть и возраженія, картина мало правдоподобна: сестрѣ милосердія не зачѣмъ было идти по обстрѣливаемому полю, да вдобавокъ еще—въ одиночку. Съ нею непремѣнно должны были идти санитары и носильщики, которые ни въ какомъ случаѣ не оставили бы «сестрицу» на поруганіе туркамъ... Болѣе удачною мы находимъ мысль того же, несомнѣнно талантливаго, художника — изобразить *Два полюса* въ лицахъ: старика-отца, художника-идеалиста, и его сына, молодого техника, всею душой ушедшаго въ химическіе опыты и, какъ видно изъ картины, доказывающаго отцу превосходство положительныхъ наукъ передъ изящными искусствами, — юноша, очевидно, ставитъ «печной горшокъ» выше всѣхъ статуэтокъ изъ Танагры. Подъ названіемъ *Монастырская идиллія* В. Д. Болотновъ представилъ внутренность скромной кельи, въ которой старый монахъ поставилъ самоваръ и завариваетъ себѣ «утѣшеньице»—чай. Отъ картины вѣетъ миромъ, тишиной и смиренною идилліей наединѣ съ самимъ собою, вдалекѣ отъ суеты мірской. Совершенная противоположность — красавица-крестьянка, К. Е. Маковскаго, въ которой жизнь такъ и бьетъ горячимъ ключомъ, хотя дѣвушка совершенно спокойно стоитъ *У околицы*, — ждетъ ли кого, проводила ли безъ печали?... Въ лицѣ у нея тоже идиллія, только совсѣмъ иного рода. Того же г. Маковскаго *Хороводъ* написанъ ярко и блестяще, но это не простой деревенскій хороводъ, въ которомъ можетъ принять участіе красавица отъ «околицы», это — старинный хороводъ, какимъ тѣшились по деревнямъ боярышни прошлаго столѣтія, наряжаясь сами въ «русскія» платья.

На выставкѣ петербуржцевъ много хорошихъ видовъ и пейзажей. Лучшіе изъ нихъ, по нашему мнѣнію, мы попытаемся перечислить въ алфавитномъ порядкѣ именъ художниковъ, по каталогу, дабы не сбиться, что весьма легко по неимѣнію въ каталогѣ иллюстрацій, которыя напоминали бы намъ о наиболѣе выдающихся подлинникахъ. Особенное вниманіе наше обратили на себя: *Зима* и *Передъ грозой*, Р. А. Берггольца, *Батумъ послѣ заката солнца*, *Перевалъ въ горахъ Кавказа* и *Эльборусъ съ Бермамута утромъ*, Л. Ф. Лагоріо, *Устье р. Наровы*, А. М. Мещерскаго, *Страдная молитва*, Г. Д. Нестерова, *Зима*, А. А. Нестерова, *Лучи*, затѣмъ *Покой* (привалъ крестьянъ) и *Аллея цвѣтущей сирени*, Н. А. Сергѣева, *Ночь въ Гурзуфѣ* и *Свѣжьетъ* (на морѣ), И. П. Ѳедорова-Керченскаго, *Кастель корсо на Лаго-Маджіоре* и *Сарацинскій кастель*, В. П. Шрейберга. Къ «Пушкинскимъ днямъ» П. И. Геллертъ выставилъ картину *Пушкинъ въ Михайловскомъ* и Г. П. Кондратенко далъ шесть видовъ.

Ан.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Май 1899 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Критика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы, исторія искусства.—Географія, путешествія.—Политическая экономія, статистика.—Медицина.—Учебники, пособія, книги для дѣтей.— Книги для народа. II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *апрѣль*.—«Міръ Божій», *апрѣль*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го апрѣля по 1-е мая 1899 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Полное собраніе соч. П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго)“.—„Проза“. Т. I. *А. Эмме.* — „Стихи“. Т. II. *А. Эмме.* — „Очерки и наброски“. *Алексѣя Мишина.* — „Пушкинскій сборникъ“, подъ ред. *Д. И. Тихомирова.*—„Русскіе поэты о Пушкинѣ“. Сборникъ, сост. *В. Каллашемъ.*—„Русскіе поэты о Пушкинѣ“. Сборникъ, составл. *Араловой.*—„Поэты поэту“. Сборникъ, сост. *Божеряновымъ.*

Полное собраніе сочиненій П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго). Первое посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ. Четырнадцать томовъ. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Первый томъ этого изданія занятъ сполна обширнымъ трудомъ П. Усова, озаглавленнымъ: *Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, его жизнь и литературная дѣятельность*, и небольшою статьей П. Н. Милюкова: *Характеристика творческой дѣятельности П. И. Мельникова* (*Андрея Печерскаго*). Въ пятидесятыхъ годахъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, издававшимся Катковымъ и Леонтьевымъ, появилась первая большая повѣсть, подписанная псевдонимомъ Андрей Печерскій, *Старые годы*, и сразу обратила вниманіе всей читающей Россіи на автора, какъ на выдающагося писателя-художника. Это блестящій разсказъ о житьѣ-бытьѣ очень большого русскаго барина прошлаго столѣтія, котораго авторъ называетъ въ повѣсти княземъ Заборовскимъ. На Волгѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе, въ то время, когда повѣсть вышла, этого князя называли его настоящимъ именемъ и показывали огромное село, переименованное авторомъ въ Заборье. Нынѣ, почти черезъ полстолѣтія послѣ того, какъ П. И. Мельниковъ записывалъ преданія про *Старые годы*, вѣроятно, едва сохранилась на Волгѣ память о тѣхъ князьяхъ и, навѣрное, изгасли всѣ сказанія про ихъ житье-бытье, которыя въ наше время кажутся страшною сказкой... Но, какъ ни мало вѣроятны могутъ казаться теперь эти сказанія, мы имѣемъ достаточныя основанія принимать ихъ за достовѣрныя и считать повѣсть *Старые годы* не вымысломъ, а необычайно талантливо написаннымъ повѣствованіемъ о дѣйствительныхъ событіяхъ изъ далекаго прошлаго. Какъ бы ни было, старинная жизнь русскаго магната изображена авторомъ поразительно ярко и совершенно правдиво.

Всѣ фигуры, отъ самой крупной до мельчайшихъ, такъ живы и характерны, точно авторомъ прямо съ натуры писаны. А въ то время, въ пятидесятыхъ годахъ, при незыблемомъ еще существованіи крѣпостного права и барскаго самовластія, такая повѣсть казалась изумительно смѣлою. Составитель біографіи Мельникова, покойный Усовъ, говоритъ прямо, что эта повѣсть и другіе разсказы Андрея Печерскаго, „появились съ разрѣшенія тогдашней цензуры“ потому только, что цензоръ *Русскаго Вѣстника*, фонъ Крузе, „допускалъ для его редакціи такую свободу печати, которая заставляла завидовать петербургскихъ редакторовъ своему московскому собрату“. Но потомъ,—говоритъ Усовъ,—„когда книгопродавецъ А. Давыдовъ предпринялъ отдѣльное изданіе *Разсказовъ А. Печерскаго*, то вышелъ своего рода курьезъ“. Въ Петербургѣ они дозволены не были, и петербургскій цензурный комитетъ на представленномъ экземплярѣ „зачеркнулъ разрѣшеніе московской цензуры, равно какъ и приложенную къ нему печать московскаго комитета“. Давыдову дозволено было перепечатать только два разсказа: *Красильниковъ* и *Поярковъ*.

Дѣятельность П. И. Мельникова на государственной службѣ почти вся протекла въ Нижнемъ-Новгородѣ и по Приволжскимъ губерніямъ и посвящена была, главнымъ образомъ, многостороннимъ изслѣдованіямъ народнаго быта по „секретнымъ дѣламъ“, какъ тогда назывались дѣла о расколѣ и раскольникахъ. Какъ великій знатокъ русскаго раскола, со всѣми его развѣтвленіями, П. И. Мельниковъ пріобрѣлъ большую извѣстность въ самыхъ высшихъ правительственныхъ сферахъ и исполнялъ порученія очень большой важности отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Часть его трудовъ, по изслѣдованіямъ раскола, напечатана въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ томахъ изданія Вольфа. Но это, по всей вѣроятности, не самая капитальная ихъ часть, такъ какъ всѣ работы Мельникова въ этомъ направленіи носили совершенно „секретный“ характеръ и составляютъ, до поры, до времени, недоступное для публики достояніе архива министерства. О значеніи этихъ трудовъ даетъ нѣкоторое понятіе статья Усова (въ I томѣ), составленная по бумагамъ, оставшимся послѣ покойнаго П. И. Мельникова и по сохранившимся черновикамъ его къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ и къ близкимъ къ Мельникову людямъ. Біографъ знаменитаго писателя даетъ въ высшей степени интересныя выдержки изъ документовъ, бывшихъ у него въ рукахъ,—интересныхъ и важныхъ для характеристики самого П. И. Мельникова и для уразумѣнія тѣхъ колебаній, которыми сопровождалось въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ обсужденіе и разрѣшеніе „секретныхъ“, т.-е. раскольничьихъ дѣлъ, очень долго заподозривавшихся въ томъ, что въ основѣ ихъ и самого раскола лежитъ нѣчто политически очень важное. Какъ мы видимъ изъ статьи Усова, даже самъ Мельниковъ, первоклассный знатокъ раскола, долго впадалъ въ эту роковую и вѣковую ошибку, надѣлавшую много зла Россіи. Вслѣдствіе такой ошибки, П. И. Мельниковъ, въ началѣ своей административной дѣятельности, пришелъ къ заключенію о необходимости уничтожить расколъ самыми крутыми мѣрами: отдачею въ солдаты раскольниковъ тамъ, гдѣ они живутъ вмѣстѣ съ православными; отнятіемъ дѣтей у родителей раскольниковъ и „отдачею въ кантонисты дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ, совершенныхъ бѣглыми попами, наставниками безпоповскихъ сектъ или по родительскому благословенію“,—какъ у молоканъ и духоборовъ. Такимъ образомъ всѣ дѣти раскольниковъ и сектантовъ очутились бы въ по-

ложеніи незаконнорожденныхъ и приписанными къ семьямъ раскольниковъ, имѣющихъ дочерей, числящихся незамужними потому только, что онѣ не вѣнчаны въ православныхъ церквахъ. Такимъ образомъ большинство взрослыхъ раскольниковъ попали бы въ солдаты на 25-лѣтній срокъ службы, и всѣ малолѣтки были бы взяты въ кантонисты безъ срока. Къ счастью для Россіи ничего подобнаго не случилось. И самъ Мельниковъ впослѣдствіи созналъ свою основную ошибку и совершенно измѣнилъ свой взглядъ на расколъ и на способы борьбы противъ его распространенія, на возможность даже примиренія съ нимъ на почвѣ терпимости. Такое мнѣніе П. И. Мельникова относится, повидимому, только къ старовѣрамъ, „пріемлющимъ священство“ и успѣвшимъ обзавестись своимъ духовенствомъ, не изъ бѣглыхъ православныхъ поповъ, а изъ вышедшихъ изъ Австріи и вскорѣ затѣмъ отдѣлившихся отъ такъ называемой „Бѣло-криницкой митрополіи“. Въ первое время при императорѣ Николаѣ Павловичѣ учрежденіе бѣлокриницкой митрополіи показалось опаснымъ въ политическомъ отношеніи. Того же мнѣнія былъ и Мельниковъ. Таковымъ оно и было до тѣхъ поръ, пока духовнымъ центромъ русскаго старообрядчества была австрійская Бѣлая Криница, заполучившая своего канонически-правильно (по авторитетному мнѣнію Мельникова) поставленнаго митрополита, болгарина Амвросія Попповича. Но патріотическій здравый смыслъ вождей русскаго старовѣрія скоро указалъ имъ на крайнюю нежелательность заграничныхъ вліяній на дѣла русскаго раскола. Русскіе старообрядцы поспѣшили пріобрѣсти правильно поставленныхъ,—съ ихъ точки зрѣнія,—своихъ епископовъ, посвященныхъ въ Бѣлой Криницѣ, и тотчасъ же отдѣлились отъ иноземной митрополіи, учредили въ Москвѣ своего рода синодъ, подъ названіемъ „духовный совѣтъ“. Въ 1867 г. у нашихъ старовѣровъ было,—по словамъ Мельникова,—12 или 15 своихъ архіереевъ и множество своихъ „не бѣглыхъ“, поповъ. Учрежденіе австрійской митрополіи вызвало усиленное стѣсненіе и преслѣдованіе нашихъ старообрядцевъ, выразившееся въ уничтоженіи ихъ скитовъ за Волгой, ихъ молеленъ, ловлею и сажаніемъ въ тюрьмы ихъ архіереевъ и поповъ австрійскаго посвященія. Заполучивши собственныхъ архіереевъ, „старообрядцы рѣшили не давать ни гроша въ Австрію“ на тамошнюю бѣло-криницкую митрополію, на томъ основаніи, что тамошній митрополитъ „подданный не русскаго государя и имѣетъ пребываніе во враждебной намъ Австріи“. „Замѣчательно,—говоритъ Мельниковъ,—что старообрядцы, имѣя возможность сдѣлать особаго московскаго митрополита или даже патріарха, не сдѣлали его, ибо на то по правиламъ надобно соизволеніе царя“. Въ одномъ изъ писемъ министру П. И. Мельниковъ выражаетъ, между прочимъ, такое мнѣніе: „Для этихъ господъ (названныхъ авторомъ ранѣе), если кто раскольникъ, то уже непремѣнно негодяй, тогда какъ среда раскольническая, несмотря на религіозныя ея заблужденія, имѣетъ въ себѣ не мало хорошихъ сторонъ, которыхъ каждый истинно русскій человѣкъ не можетъ не пожелать и себѣ, и всѣмъ своимъ православнымъ собратамъ“... Далѣе въ томъ же письмѣ Мельниковъ говоритъ: „Главный оплотъ будущаго Россіи я все-таки вижу въ старообрядцахъ, которые *не будутъ раскольниками*, ибо расколу старообрядчества передъ свѣтомъ просвѣщенія не устоять“. Въ другомъ еще письмѣ къ министру Мельниковъ выражаетъ такое мнѣніе, что надлежитъ совершенно прекратить всякія преслѣдованія по отношенію къ старообрядчеству и установить самую полную терпимость. Онъ полагаетъ, что

можно не признавать оффиціально священнаго сана за ихъ архіереями и священниками, но слѣдуетъ предоставить имъ сполна пользоваться тѣми гражданскими правами, которые они имѣютъ по своему свѣтскому положенію. Вообще, какъ изданные труды П. И. Мельникова (XIII и XIV томы его сочиненій), такъ и неизданные, хранящіеся въ архивахъ и лишь отчасти указанные Усовымъ (въ I томѣ), должны надолго еще давать полезнѣйшіе матеріалы для разумѣнія раскола и для сужденій о мѣрахъ къ устраненію прискорбной розни, разбившей 200 лѣтъ назадъ чадъ единой православной церкви на два враждующія стада.

Изученіе раскола, близкое знакомство П. И. Мельникова съ очень многими раскольниками, съ ихъ интимнымъ бытомъ въ городахъ и въ деревняхъ, *въ лѣсахъ* за Волгой и *на горахъ* по правую сторону „великой русской рѣки", во многихъ скитахъ и мелкихъ пріютахъ „древляго" благочестія,—дало высокоталантливому писателю богатѣйшій матеріалъ, блестяще использованный имъ въ двухъ большихъ романахъ, извѣстныхъ всей Россіи подъ заглавіемъ *Въ лѣсахъ* и *На горахъ*. Со времени ихъ появленія въ печати въ семидесятыхъ годахъ,—четверть вѣка назадъ,—не появлялось въ нашей литературѣ ничего болѣе крупнаго и художественнаго, посвященнаго изображенію народной жизни въ такихъ ея глубинахъ и тайникахъ, гдѣ почти въ полной неприкосновенности сохранился бытъ до-Петровской Руси. Произведенія эти, прославившія автора, написаны П. И. Мельниковымъ на рубежѣ старости, когда ему было за 50 лѣтъ, когда его взглядъ на расколъ прояснился вполнѣ и смягчился до сочувствія многимъ сторонамъ нашего старообрядчества. А потому въ этихъ двухъ его романахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на какую-либо тенденцію: все повѣствованіе безукоризненно объективно и правдиво, высоко-художественно и во многихъ мѣстахъ увлекательно поэтично. Языкъ Мельникова можно назвать прямо образцовымъ русскимъ языкомъ, совершенно классическимъ. Старики на-половину забыли произведенія П. И. Мельникова, наша теперешняя молодежь съ ними мало знакома, и мы считаемъ своимъ долгомъ настойчиво рекомендовать однимъ прочесть ихъ съ большимъ вниманіемъ, другимъ—перечитать вновь. Съ увѣренностью говоримъ, что тѣ и другіе получатъ отъ того очень большое наслажденіе. Къ сожалѣнію, лежащее передъ нами изданіе Т-ва М. О. Вольфъ сдѣлано непростительно небрежно, на дрянной бумагѣ, плохою печатью, преисполнено нелѣпыхъ опечатокъ и видъ имѣетъ—совершенно „лубочный". Общаго оглавленія при немъ нѣтъ, равно нѣтъ указателя, гдѣ что и когда было напечатано въ первый разъ и было ли выпущено отдѣльными изданіями. Насколько все это можетъ быть до нѣкоторой степени оправдываемо дешевизною книгъ, мы не знаемъ, такъ какъ ни на одной изъ нихъ не выставлено цѣны ни за все изданіе, ни за отдѣльныя книги изъ него.

Проза. Томъ I. А. Эмге. Стихи. Томъ II. А. Эмге. Спб., 1898 г. Цѣна по 50 коп. за томъ. Всѣмъ извѣстно очень старое изреченіе: „Въ литературѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго". Вотъ именно къ этому-то послѣднему роду и принадлежатъ прозаическія произведенія г. Эмге. Еслибъ они никакими иными качествами не обладали, мы о нихъ не стали бы много толковать. Скучныхъ беллетристическихъ писаній выходитъ такое количество, что на отзывы о нихъ у насъ мѣста не хватитъ, да, говоря по-правдѣ, и охоты нѣтъ утруждать публику отзывами о такихъ книгахъ, которыя читать не стоитъ. Но дѣло въ томъ, что г. Эмге пишетъ не только скучно, но и съ большими пре-

тензіями на оригинальничанье, съ явными покушеніями на юморъ и на остроуміе. Онъ, повидимому, считаетъ себя сатирикомъ и имѣетъ цѣлью, кажется, обличить кого-то въ разнаго рода неблаговидныхъ поступкахъ. Въ его обличеніяхъ нѣтъ рѣшительно ничего новаго, ни даже заглавія: *Очерки города Глупно*. Салтыковъ (Щедринъ) писалъ про городъ *Глуповъ*. Ну, да, вѣдь, то былъ Щедринъ, и подъ названіе вымышленнаго имъ города никому не приходило въ голову подставлять имя въ дѣйствительности существующаго города. А *Глупно* г. Эмге, какъ бы съ умысломъ автора, подсказываетъ подходящее имя, причемъ содержаніе самихъ *Очерковъ* производитъ такое впечатлѣніе, будто авторъ киваетъ на хорошо извѣстный ему городъ. Въ такомъ видѣ *Очерки* уже теряютъ значеніе „сатиры“ и получаютъ характеръ выраженія личнаго недовольства автора тѣмъ городомъ, нѣкоторыми его обывателями и непріятными автору его порядками. Всѣ дѣйствующія лица, изображенныя въ *Очеркахъ*, не только не типичны, но и совершенно неинтересны. Всѣ ихъ дѣянія уныло-мелочны и, будучи изображены въ карикатурномъ видѣ, изъ-за его покушеній быть сатирикомъ и юмористомъ, представляются просто нелѣпыми. Мы съ трудомъ, только по обязанности, могли одолѣть эту, въ сущности, небольшую книжку—въ 160 стр. малаго формата. Кромѣ *Очерковъ города Глупно*, въ ней напечатано: *Вмѣсто предисловія*,—статья очень развязнаго тона,—*Маленькія сужденія о большомъ вопросѣ*, *Разговоръ съ музами* и *Земля черныхъ и земля бѣлыхъ плащей*. Все это претенціозно и скучно, и совсѣмъ никому не нужно.

Много лучше *Стихи* г. Эмге (II томъ). Они написаны гладко, мѣстами—звучно, съ хорошими риемами. А что еще важнѣе, въ нихъ слышится искреннее чувство и кое-гдѣ поэтическое настроеніе, производящія хорошее впечатлѣніе. Мы не можемъ только признать ни красивыми, ни правильными переводы г. Эмге изъ Гёте. Для примѣра предлагаемъ сличить переводъ стихотворенія *Арфистъ*.

„Кто хлѣба съ плачемъ не ѣдалъ,
Кто *не спалъ* ночи у порога,
Кто горя близко не видалъ—
Тотъ не узнаетъ силы Бога.

Она насъ нищихъ въ жизнь ведетъ
И посылаетъ искушенье,
Но *тутъ же* въ смертный часъ даетъ
Винъ небольной отпущенье“.

Въ подлинникѣ *Harfenspieler*, изъ *Wilhelm Meister:*

„Wer nie sein Brod mit Thränen ass,
Wer nie die kummervollen Nächte
Auf seinen Bette weinend sass,
Der kennt euch nicht, ihr himmlischen Mächte!

Ihr führt ins Leben uns hinein,
Ihr lasst den Armen schuldig werden,
Dann überlasst ihr ihn der Pein:
Den alle Schuld rächt sich auf Erden“.

Тутъ могучая сила мысли и стиха, а въ переводѣ... Нѣтъ, такъ лучше не переводить...

Очерки и наброски. Алексѣя Мишина. 1898 г. Цѣна 60 коп. Изъ девяти маленькихъ разсказовъ, напечатанныхъ въ этой книжкѣ, мы находимъ лучшими озаглавленные: *Шутка* и *Секретъ Митрича*. Шутка нѣкоего богатаго сибирскаго купца, Петра Петровича Далекаго,

большого охотника „пошутить“ съ пріятелемъ или такъ себѣ съ добрымъ человѣкомъ, окончилась разъ такъ трагически, что добродушный купчина навсегда отказался отъ своихъ излюбленныхъ потѣхъ. Вздумалъ онъ въ недобрый часъ „пошутить“ съ англичаниномъ, повѣреннымъ одной американской компаніи, у которой Далековъ купилъ товаръ на порядочную сумму. Для разсчета онъ позвалъ къ себѣ англичанина, отлично угостилъ его закуской и выпивкой, потомъ вынулъ деньги и предложилъ англичанину подписать расписку въ полученіи всей суммы сполна. Англичанинъ подписалъ. Тогда шутникъ Далековъ положилъ въ карманъ расписку и деньги и объявилъ, что за товаръ онъ давно расплатился. „О, о!... Какой русскій—плутъ!“—воскликнулъ англичанинъ и, ничего больше не прибавивъ, вышелъ изъ комнаты. Но Далековъ совсѣмъ не былъ плутомъ: онъ хотѣлъ только позабавиться гнѣвомъ англичанина и потомъ отдать ему деньги „по-пріятельски“. А англичанинъ ушелъ и за деньгами не возвращался такъ долго, что Далековъ встревожился и послалъ „молодца“ его разыскать и привести за получкой. „Молодецъ“ вернулся одинъ и доложилъ хозяину, что англичанинъ застрѣлился... „Далековъ не сразу пришелъ въ себя...“ и съ тѣхъ поръ прекратилъ свои шутки. Остальные разсказы, слегка юмористическіе, написаны довольно живо и просто, кромѣ двухъ послѣднихъ: *Впередъ и вперздъ*, „настроеніе“, и *Что говорилъ огонь*, „рапсодія въ прозѣ“. Они сочинены съ претензіями на глубину мысли и на философствованіе, что̀ автору совсѣмъ не удается.

Пушкинскій сборникъ. Подъ редакціей Д. И. Тихомирова (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“). Въ этотъ сборникъ вошли многія изъ сочиненій Пушкина, статьи и стихотворенія, посвященныя великому поэту, гимнъ *Слава Пушкину* (музыка г. Слонова). Сборникъ украшенъ двумя портретами Пушкина, Годунова и Петра Великаго, четырьмя оригинальными рисунками въ краскахъ и многочисленными черными рисунками. Отлично изданная книга стоитъ 75 к.

Г. Авенаріусъ далъ въ сборникъ полубеллетристическую страницу изъ жизни поэта (*Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ*), г. Глинскій описалъ дѣтство и юность Пушкина. Тепло написанъ очеркъ г. Соловьева-Несмѣлова: *Скромный уголокъ*.

Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній. Составилъ В. Каллашъ. Москва, 1899 г. Цѣна 1 р. Г. Каллашу пришла счастливая мысль собрать всѣ стихотворенія русскихъ поэтовъ о русскомъ же великомъ поэтѣ А. С. Пушкинѣ. Конечно, эта счастливая мысль доставила много труда и хлопотъ собирателю, такъ какъ стихотворныхъ отзывовъ о Пушкинѣ слишкомъ много, какъ оказалось. Тѣмъ не менѣе какъ трудъ, такъ и хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ. При чтеніи книги г. Каллаша получается такая богатая картина разнообразныхъ отношеній поэтовъ къ Пушкину и взглядовъ на него, что, по нашему мнѣнію, *Русскіе поэты о Пушкинѣ* должны занять видное мѣсто въ юбилейной литературѣ о великомъ поэтѣ. Во всякомъ случаѣ, мы вполнѣ согласны съ собирателемъ, что „съ историко-литературной точки зрѣнія всѣ собранныя стихотворенія одинаково любопытны“ (предисл. стр. V). Особенно интересенъ первый отдѣлъ: въ него вошли стихотворенія при жизни Пушкина, и они чрезвычайно важны въ біографическомъ отношеніи: передъ читателемъ открываются новыя черты изъ жизни поэта, рисуются его дружескія сношенія, знакомства. Что касается плана изданія, имѣющаго въ виду главнымъ образомъ хронологическій порядокъ, то онъ очень удобенъ, потому что дастъ

возможность легко разбираться въ напечатанныхъ стихотвореніяхъ. Наконецъ, заслуживаютъ вниманія и примѣчанія собирателя, въ которыхъ встрѣчаются временами остроумныя догадки. Разумѣется, далеко не всѣ стихотворенія могутъ быть названы образцовыми,—напротивъ того какъ справедливо говоритъ г. Каллашъ, „въ стихотвореніяхъ знаменитыхъ поэтовъ попадаются слабыя мѣста“ (пред., стр. V); но необходимо вовсе не это; тотъ же г. Каллашъ не менѣе правильно замѣчаетъ: „собирая и печатая все, что только можно было собрать, мы этимъ устраняли и субъективность выбора“ (предисл., стр. V). Относительно полноты достаточно сказать, что въ сборникъ попало одно стихотвореніе даже 1899 года (см. стр. 333). Не только желаемъ широкаго распространенія сборнику, но и вполнѣ увѣрены въ этомъ распространеніи.

Русскіе поэты о Пушкинѣ. Юбилейный сборникъ стихотвореній (,) составленный М. Н. Араловой. Съ портретомъ А. С. Пушкина. Спб., 1899 г.—Поэты — поэту. Сборникъ стихотвореній (,) посвященныхъ А. С. Пушкину на его кончину и открытіе памятника въ Москвѣ. Божерянова. Спб., 1899 г. Стихотворенія русскихъ поэтовъ о Пушкинѣ представляютъ большой историко-литературный интересъ. Они даютъ много драгоцѣнныхъ біографическихъ чертъ, отражаютъ всѣ переливы и колебанія общественной оцѣнки великаго поэта и отчасти вліяютъ на нее.

Ихъ насчитываютъ около 250. Г. Божерановъ издалъ изъ нихъ 32, а г-жа Аралова — 38. Это не помѣшало послѣдней сказать въ предисловіи: „настоящій сборникъ стихотвореній составленъ съ тою цѣлью, чтобы дать возможность читающей русской публикѣ прочесть въ одной книгѣ къ столѣтнему юбилею великана нашей поэзіи *болѣе или менѣе все*, что сказали о немъ въ стихахъ современные ему и позднѣйшіе поэты“.

Г-жа Аралова напечатала все, что разыскала. Можно пожалѣть, конечно, что она разыскала такъ мало, не собрала даже того, что указали библіографы Пономаревъ и Межовъ. Важнѣе, какъ издано и то немногое, что найдено.

Весь матеріалъ разбитъ на 5 отдѣловъ: на открытіе памятника А. С. Пушкину, Памяти Пушкина, На смерть П., къ А. С. П. и Къ нянѣ А. С. П. Странность дѣленія еще болѣе усиливается тѣмъ, что многія стихотворенія попали совсѣмъ не на мѣсто. Отрывокъ изъ поэмы Баратынскаго, посвященный Пушкину при жизни, отнесенъ въ отдѣлъ „Памяти Пушкина“. Стихотворенія Кольцова и Подолинскаго, написанныя на смерть Пушкина, отнесены въ тотъ же отдѣлъ, зато юбилейное стихотвореніе Зотова (1887 г.) попало въ отдѣлъ „На смерть П.“... Пропуская много существеннаго, г-жа Аралова зачѣмъ-то печатаетъ посланіе Языкова, почти сплошь состоящее изъ точекъ и непонятное безъ возстановленія пропусковъ, и отрывокъ Баратынскаго—совершенно непонятный по своимъ намекамъ, до сихъ поръ еще никѣмъ не разъясненнымъ.

Сборникъ г. Божерянова открывается довольно объемистой статьей: „Вмѣсто предисловія“. Она сплошь состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ выписокъ, не связанныхъ переходными мыслями. Тутъ говорится о юбилеѣ Бѣлинскаго, вліяніи Пушкина на Гоголя, журнальныхъ статьяхъ, вызванныхъ смертью великаго поэта, и общественныхъ толкахъ о ней, изданіяхъ Пушкина и постигавшей ихъ цензурной волокитѣ, суммѣ, уплаченной Анненковымъ за право изданія и мн. др. О самомъ

сборникѣ сказано въ концѣ всего 8½ строчекъ (на 32 страницы), и читатель о немъ такъ-таки ничего и не узнаетъ. Написано все, не заимствованное изъ другихъ источниковъ, своеобразнымъ стилемъ. Вотъ нѣсколько взятыхъ на-удачу образчиковъ, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника: „Затѣмъ иллюстраціи къ „Борису Годунову“ и „Бахч. фонтану“ изд. Альманаховъ 1827 — 1828 гг., послѣднія имѣютъ тотъ интересъ, что названныя поэмы еще при жизни поэта украшены были этими гравюрами, носящими характеръ искусства эпохи начала нашего столѣтія, а рисунокъ „Татьяны“ покойнаго М. О. Микѣшина взятъ изъ журнала *Сѣверное Сіяніе*, и своимъ изяществомъ даетъ совершенно иное уже впечатлѣніе, говоря о талантѣ покойнаго художника-иллюстратора, громкое имя котораго памятно въ русскомъ искусствѣ“. Произведенія Пушкина *„страшно* умножили число людей, интересующихся литературою и чрезъ нее дѣлающихся способными къ *воспринятію* высоко-нравственнаго развитія“. „Дѣйствительно, Гоголь приступилъ къ обработкѣ сюжета“ „Ревизора“, даннаго ему Пушкинымъ, въ одно время, съ которымъ Гоголь началъ обрабатывать и сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“, также данный Пушкинымъ, и 7 октября 1835 г. уже писалась третья глава этого романа“ (стр. 3, 5—6). Свои пестрыя цитаты г. Божеряновъ связываетъ такими общими замѣчаніями: „Свой рефератъ романистъ (г. Боборыкинъ) заключаетъ словами... Но Вогюэ, замѣчаетъ г. Пыпинъ... Итакъ (послѣ цитаты изъ г. Аверкіева), нашимъ учителемъ былъ поэтъ Пушкинъ, говоря о которомъ покойный Н. С. Тихонравовъ такими словами кончилъ свою рѣчь, обращенную къ студентамъ Московскаго университета“ (стр. 27, 28, 31). Въ примѣчаніяхъ г. Божеряновъ называетъ проф. В. О. Ключевскаго покойнымъ (стр. 27), пріурочиваетъ эпиграмму Глинки къ изданію, въ которомъ и не думалъ участвовать (ibid. „Комета Бѣлы“ вмѣсто „Эхо“), называетъ Н. С. Теплову-Терюхину П. Тепловой и считаетъ это имя псевдонимомъ Е. М. Хитрово (стр. 42) и мн. др. Послѣднее недоразумѣніе особенно характерно. Когда-то *Кіевлянинъ* въ неловкой и нескладной фразѣ сопоставилъ Теплову, довольно извѣстную поэтессу 30-хъ гг. и извѣстную почитательницу Пушкина, съ Хитрово (ее г. Божеряновъ для краткости называетъ просто *читательницей* Пушкина). *Современныя Извѣстія*, не разобравши дѣла, приписали стихи Тепловой—Хитрово, а г. Божеряновъ уже прямо утверждаетъ, что Теплова—псевдонимъ Хитрово. И въ другомъ случаѣ жестоко подвели г. Божерянова *Современныя Извѣстія*. Изъ большихъ стихотвореній Глинки и Подолинскаго они взяли небольшіе отрывки, причемъ слили въ стихахъ Подолинскаго разныя строчки, безъ обозначенія пропусковъ и сліянія. Г. Божеряновъ перепечаталъ (безъ оговорокъ) всѣ эти газетные грѣхи. Разсказъ „Татарина-проводника“ благодаря этому пріуроченъ къ самому Подолинскому! Если мы прибавимъ, что въ книгѣ г. Божерянова нѣсколько плохихъ рисунковъ и безконечное количество неоговоренныхъ опечатокъ, то читатель получитъ полное представленіе объ этомъ юбилейномъ изданіи.

КРИТИКА.

„Н. С. Лѣсковъ“. Критическій очеркъ. *Волынскаго.*

Н. С. Лѣсковъ. Критическій очеркъ. Волынскаго. Спб., 1898 г. Дѣланная, манерная, томительно тягучая и мѣстами нескладная рѣчь; безсильныя потуги на эффектность изложенія; ничѣмъ неоправданныя

претензіи на оригинальность и глубину содержанія—вотъ что прежде всего бросается въ глаза при бѣгломъ даже чтеніи „критическаго очерка“ г. Волынскаго. Пользуясь выраженіемъ Дмитріева:

Тутъ найдешь то, чего-бъ нехитрому уму
Не выдумать и въ вѣкъ...
Такъ громко, высоко!... А нѣтъ не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ.

„Нехитрый умъ“ г. Волынскаго выдумалъ, однако, многое: Лѣсковъ „узналъ и призналъ Бога въ несомнѣнномъ Его выраженіи, но не обнаружилъ той остроты художественнаго зрѣнія, которое открываетъ Бога подъ маскою житейскаго безобразія“ (стр. 27); „въ этой скрытой внутренней тишинѣ озлобленнаго писателя... сказалась коренная черта безсознательной народной мудрости“ (стр. 28); „личныя черты, отличающія одного человѣка отъ другого, должны особеннымъ образомъ разложиться въ томъ бѣломъ сіяніи *), которое называется смертью“ (стр. 36); „какъ это постоянно бываетъ въ художественныхъ произведеніяхъ, мудрыхъ подобно органическимъ произведеніямъ божества, философія автора, вдругъ блеснувшая передъ сознаніемъ, сейчасъ же опять облекается въ приданную ей форму, потому что эта форма является ея совершеннымъ выраженіемъ, потому что внѣ ея она лишена жизни и можетъ говорить только къ разсудку“ (стр. 60); у Лѣскова „скрытое противорѣчіе двухъ жившихъ въ немъ стихій—внутренней тишины и демоническихъ волненій чувственности“ (стр. 70) и т. дал. Для назиданія читателя переданъ и такой эпизодъ:

„Я между прочимъ сказалъ, что видѣлъ въ публикѣ одну высокопоставленную даму.

— Какая же она?—оживленно воскликнулъ Лѣсковъ.

Я сдѣлалъ отрывочное описаніе этой дамы:

— Довольно полная, рыжая.

— Ну!—нетерпѣливо перебилъ Лѣсковъ.

— Съ зелеными кошачьими глазами.

Лѣсковъ нервно разсмѣялся.

— Я зналъ такихъ,—проговорилъ онъ и замолкъ.

Лицо его на мгновеніе помертвѣло, глаза вспыхнули“ (стр. 69).

Сколько вымученности во всемъ этомъ курьезномъ пассажѣ, разсчитанномъ, однако, на большой эффектъ!

Не ищите положительныхъ свѣдѣній о Лѣсковѣ въ этомъ пестромъ наборѣ высокопарныхъ и маловразумительныхъ фразъ.

Когда мы читали книгу г. Волынскаго, намъ постоянно вспоминался старинный книжникъ съ его отсутствіемъ мѣры и вкуса, стремленіемъ выразиться похитрѣе и скудостью мысли, съ его наивнымъ „добрословесіемъ“ и безвкуснымъ „плетеніемъ словесъ“. Вмѣстѣ съ Даніиломъ Заточникомъ онъ могъ бы сказать: „аще ти есмь на рати не хоробръ, но на словѣхъ ти есмь крѣпокъ, да тѣмъ избираю сладость словесную, совокупляя, аки въ мѣхъ воды морскія, и извитія словесъ, и рѣшенія причтами хитрыми, а глаголивъ языкъ:.. Азъ бо аще не во Аѳинѣхъ растохъ, ни у философъ учихся, но быхъ падая по книгамъ, яки пчела по различнымъ цвѣтомъ, оттуду избираю сладость словесную, совокупляя мудрость, яко въ мѣхъ воду морскую“.

Эти цвѣты для г. Волынскаго—хризантемы декадентовъ и символистовъ.

---

*) Эта фраза такъ понравилась г. Волынскому, что онъ повторилъ ее почти дословно на стр. 110.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Вопросы Философіи и Психологіи". Кн. 47.—„Въ защиту идеаловъ разума". IV. Дж. Кроль. Философ. основа эволюціи. Перев. подъ ред. *П. Соколова.* — „Психологія французскаго народа". А. Фуллье. Переводъ *Кончевской.*—„Воспитаніе и общество въ Англіи". М. Леклерка. Переводъ *М. А. Шишмаревой.*—„Женское образованіе въ Америкѣ". *Жонво.*—„Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи". *Мижуева.*

Вопросы Философіи и Психологіи. Кн. 47 (II) 1899 г. Этотъ выпускъ философскаго журнала начинается извѣщеніемъ о тяжелой утратѣ, которую понесло Московское Психологическое Общество въ лицѣ своего основателя, перваго предсѣдателя и почетнаго члена Матвѣя Михайловича Троицкаго. Статья Вл. Н. Ивановскаго, одного изъ бывшихъ учениковъ усопшаго профессора, даетъ проникнутую симпатіей характеристику ученыхъ заслугъ М. М. Троицкаго. „Въ его лицѣ,—говоритъ г. Ивановскій,—сошелъ въ могилу первый и до сихъ поръ наиболѣе видный представитель англійской эмпирической философіи въ Россіи, первый у насъ пропагандистъ и признанный глава этого направленія. М. М. олицетворялъ въ себѣ героическій періодъ этого умственнаго движенія на русской почвѣ,—тотъ періодъ, когда оно боролось за свое существованіе и добивалось общественнаго вниманія... Миръ праху его! Пусть же хоть теперь, за гробомъ, найдетъ онъ болѣе безпристрастную оцѣнку своихъ заслугъ и трудовъ, чѣмъ та, какую онъ встрѣчалъ въ теченіе второй половины своей учено-литературной дѣятельности! На его ученикахъ и послѣдователяхъ лежитъ долгъ выяснить точные размѣры того, что сдѣлалъ Матвѣй Михайловичъ для русской психологической и философской науки".—Г-жа В. В. Джонстонъ, извѣстный знатокъ индусской философіи и литературы, въ своемъ *Очеркѣ Бхагавадгиты* знакомитъ съ этимъ эпизодомъ изъ великой поэмы Магабхараты и обстоятельно комментируетъ его содержаніе и форму, чуждыя для европейскаго строя мысли; очеркъ читается съ большимъ интересомъ.—Б. Н. Чичеринъ продолжаетъ свой трудъ — *Философію права.* На этотъ разъ онъ выясняетъ сущность и основныя начала права, а также трактуетъ о личныхъ правахъ. Свое теоретическое изложеніе онъ иллюстрируетъ примѣрами изъ дѣйствительной жизни, въ особенности русской. Говоря о „высокомъ значеніи тѣхъ мыслителей, которые провозглашали начало свободы, какъ прирожденное и неотъемлемое право человѣка" и о „великомъ историческомъ значеніи тѣхъ народовъ, которые первые осуществили у себя это начало", маститый авторъ замѣчаетъ: „у насъ этотъ великій шагъ совершился позднѣе, нежели у другихъ европейскихъ народовъ, и это служитъ несомнѣннымъ признакомъ нашей отсталости не только въ умственномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи, а такъ какъ признаніе въ человѣкѣ человѣческой личности составляетъ также и нравственное требованіе, то и съ этой стороны намъ нечего величаться передъ другими. Новая эра истинно-человѣческаго развитія начинается въ Россіи съ царствованія Александра II" (стр. 237). Праву „перемѣщаться, куда угодно, и селиться, гдѣ угодно, не спрашивая ничьего разрѣшенія... противорѣчатъ тѣ ограниченія мѣстъ пребыванія и поселенія, которыя устанавливаются для извѣстныхъ разрядовъ лицъ, напримѣръ, у насъ для евреевъ. Воспретить людямъ, не совершившимъ никакого преступленія, ѣздить, куда захотятъ, и жительствовать, гдѣ хотятъ, есть ограниченіе правъ, которое противорѣчитъ началу гражданской свободы. На такого рода по-

становленія нельзя смотрѣть иначе, какъ на притѣсненія. Они представляютъ остатки крѣпостныхъ взглядовъ... Началу свободы труда противорѣчатъ воспрещенія извѣстнымъ разрядамъ лицъ заниматься тѣми или другими промыслами, какъ у насъ понынѣ установлено относительно евреевъ. И эти ограниченія представляютъ остатокъ крѣпостныхъ воззрѣній" (стр. 239). „Стѣсненіе свободы совѣсти осталось только у запоздалыхъ народовъ, недавно вышедшихъ изъ крѣпостного состоянія. У насъ оно сохранилось въ гоненіяхъ на раскольниковъ, въ воспрещеніи переходить изъ православной вѣры въ другую, въ притѣсненіи уніатовъ, въ ограниченіи правъ евреевъ. Все это стоитъ въ явномъ противорѣчіи со статьями 44 и 45 основныхъ законовъ Россійской имперіи, дозволяющими всѣмъ русскимъ подданнымъ свободное исповѣданіе вѣры и отправленіе богослуженія" (стр. 242). На нашъ взглядъ, очень отрадно, что журналъ Психологическаго и Философскаго Обществъ даетъ на своихъ страницахъ мѣсто теоретическому освѣщенію такихъ жизненныхъ вопросовъ.—Н. А. Иванцовъ въ своей статьѣ *Нѣсколько словъ объ идеалахъ въ искусствѣ* проводитъ ту мысль, что идеалы въ искусствѣ—это идеалы самого художника, выраженные въ наглядныхъ, чувственныхъ образахъ, это идеалы, имѣющіе важное соціальное значеніе, указывающіе, въ чемъ, по мнѣнію художника, заключаются совершенство человѣка и высшая цѣль его дѣятельности. Для того чтобы показать, какимъ образомъ художникъ воплощаетъ въ своихъ произведеніяхъ свои идеалы, г. Иванцовъ всю вторую половину своей статьи посвятилъ описанію фресокъ Рафаэля и Микель Анжело въ залахъ Ватикана и Сикстинской капеллѣ. Это описаніе сдѣлано очень ярко и детально, но оно имѣетъ свою цѣль и смыслъ въ самомъ себѣ, и внутренняя связь его съ содержаніемъ *Нѣсколькихъ словъ* крайне слаба.—Ѳ. Е. Коршъ заканчиваетъ свой прекрасный этюдъ: *Римская элегія и романтизмъ*. Глубокая эрудиція автора, его поразительное знакомство со всею міровою литературой позволяютъ ему для уясненія сущности романтизма легко переходить отъ одного поэта къ другому, отъ античнаго классика къ трубадурамъ и Гейне, отъ восточныхъ поэтовъ къ миннезенгерамъ, Петраркѣ и Гёте, и на какихъ бы языкахъ ни звучало поэтическое слово человѣка, оно для Ѳ. Е. Корша не представляетъ тайны.—П. Д. Боборыкинъ въ статьѣ *Философія въ гимназіяхъ* сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о преподаваніи этой науки во французскихъ коллежахъ и о тѣхъ спорахъ, которые оно возбудило въ парижской журналистикѣ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ. Въ заключеніе авторъ ставитъ вопросъ, не слѣдовало ли бы и въ программу русскихъ гимназій ввести, по крайней мѣрѣ, одногодній курсъ философіи; этимъ, вѣроятно, былъ бы поднятъ уровень умственнаго развитія учащихся, который теперь, даже по оффиціальнымъ даннымъ, оставляетъ желать многаго. Намъ кажется несомнѣннымъ, что философія въ гимназіи должна быть введена, но не столько въ качествѣ отдѣльной дисциплины, сколько въ томъ смыслѣ, чтобы преподаваніе всѣхъ вообще предметовъ было углублено, чтобы оно получило болѣе идейный характеръ, чтобы изучали не только науку, но и философію науки. Отрывочныя и разрозненныя знанія должны быть сведены въ одну цѣльную систему и освѣщены свѣтомъ философской мысли.—Вл. С. Соловьевъ высказываетъ остроумныя сообщенія о составѣ и подлинности нѣкоторыхъ діалоговъ Платона.—Книгу заканчиваетъ разнообразный критико-библіографическій отдѣлъ, посвященный анализу русской и иностранной философской литературы.

Въ защиту идеаловъ разума. Избранная библіотека современныхъ западныхъ мыслителей. IV. Дж. Кроль. Философская основа эволюціи. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей доцента Московской Духовной академіи П. П. Соколова. Наши читатели знакомы уже съ общимъ характеромъ этой библіотеки. Сочиненіе Кроля потому вошло въ ея составъ, что оно примиряетъ идею эволюціи съ теологическимъ и теистическимъ міросозерцаніемъ. Авторъ исходитъ изъ той мысли, что механическое объясненіе міра не удовлетворительно; движеніе своею причиной или „детерминаціей" имѣетъ не себя и не матерію, а нѣчто стоящее надъ ними. Для взаимодѣйствія общепринятыхъ факторовъ эволюціи, которыхъ нисколько не отрицаетъ и Кроль, необходимо особое опредѣляющее и регулирующее начало. Спенсеровское опредѣленіе эволюціи правильно описываетъ то, какъ она въ дѣйствительности происходитъ; но оно безсильно отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ возникъ эволюціонный процессъ. Постоянство силы—вотъ самый общій принципъ Спенсера; но вызвать эволюцію можетъ не сама эволюціонирующая сила, а нѣчто внѣшнее ей. Не трудно замѣтить, что абсолютная и непознаваемая сила, которую самъ Спенсеръ кладетъ въ основу міровой эволюціи, во многихъ отношеніяхъ можетъ играть именно ту детерминирующую роль, какую Кроль приписываетъ надъэволюціонному началу. Во всякомъ случаѣ, самый процессъ эволюціи и его законы не получаютъ у Кроля новаго освѣщенія, и главное въ системѣ Спенсера остается непоколебленнымъ. Но справедливость требуетъ сказать, что книга Кроля, написанная сжато и ясно, затрогиваетъ очень важныя проблемы и отличается трезвостью мысли; поэтому она интересна и поучительна даже для тѣхъ, кто принципіально расходится съ авторомъ. Русскій переводъ сдѣланъ очень хорошо.

Психологія французскаго народа А. Фуллье. Переводъ съ французскаго Н. Кончевской. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1899 г. Въ настоящемъ сочиненіи Фуллье взялся за очень интересную, но въ то же время и чрезвычайно трудную тему. „Національный характеръ", „народный духъ" и т. п., это такія понятія, надъ которыми очень часто оперируютъ какъ люди науки, такъ и общественные дѣятели, но въ содержаніи которыхъ рѣдко кто даетъ себѣ полный отчетъ. Въ началѣ текущаго столѣтія идея національности не требовала для себя какого-нибудь особеннаго научнаго оправданія. Признаніе за каждой народностью права на самостоятельное существованіе было лишь однимъ изъ примѣненій освободительныхъ принциповъ, вызванныхъ къ жизни французской революціей. Другія стороны тогдашняго національнализма коренились преимущественно въ области чувствъ или выражались въ опредѣленныхъ практическихъ пожеланіяхъ, не сведенныхъ въ одну стройную систему. Характерной чертой современнаго національнализма является узаконеніе борьбы между народами и оправданіе этой борьбы научными соображеніями. Научной ареной является въ данномъ случаѣ молодая наука антропологія и наиболѣе крайніе національнисты сводятъ различіе между народами къ противоположности расовыхъ типовъ. Можно было бы привести очень много примѣровъ тѣхъ крайностей, до которыхъ доходятъ нѣкоторые ученые въ этомъ направленіи и цѣлый рядъ характерныхъ образчиковъ читатель найдетъ въ книгѣ Фуллье, богатой разнаго рода литературными указаніями. Самъ Фуллье свободенъ отъ антропологическихъ увлеченій и крайностей, и на-ряду съ вліяніемъ наслѣдственности и физической среды подчеркиваетъ значе-

ніе соціальныхъ условій и исторической эволюціи. Тѣмъ не менѣе расовымъ особенностямъ онъ придаетъ большое значеніе, хотя сравнительная важность различныхъ факторовъ, вліяющихъ на образованіе національнаго характера, остается для него не совсѣмъ ясной. Вообще онъ какъ бы не чувствуетъ подъ ногами твердой почвы и во многихъ случаяхъ колеблется занять болѣе опредѣленную позицію. Такъ, пытаясь защитить французовъ отъ нападокъ германскихъ ученыхъ, онъ то старается доказать, что короткоголовые кельты не были главнымъ элементомъ, изъ котораго образовался французскій народъ, то начинаетъ защищать вообще всѣхъ короткоголовыхъ народовъ и въ томъ числѣ и кельтовъ, то, наконецъ, отрицаетъ самую постановку вопроса на антропологическую почву, считая невозможнымъ, по крайней мѣрѣ, въ данное время судить о народахъ по незначительнымъ различіямъ въ ихъ физическомъ строеніи. Увлеченія антропологовъ хотя и находятъ въ лицѣ Фуллье критика, но критика довольно снисходительнаго, а главное—недостаточно рѣшительнаго. Впрочемъ, колебанія Фуллье въ значительной степени объясняются тѣмъ, что въ данномъ случаѣ ему пришлось имѣть дѣло съ такими науками, въ которыхъ онъ не чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ. Это же обстоятельство заставляетъ автора дѣлать нѣкоторыя частныя ошибки и считать спеціально французскими или галльскими такія явленія, которыя очень широко распространены среди другихъ народовъ. Со спеціально-антропологической точки зрѣнія можно было бы указать цѣлый рядъ ошибокъ, допущенныхъ Фуллье; такъ, напримѣръ, онъ все еще придерживается того устарѣлаго взгляда, что первобытные славяне были одинаково съ кельтами короткоголовыми, но для общихъ выводовъ книги всѣ эти ошибки не имѣютъ большого значенія. Гораздо большимъ недостаткомъ являются тѣ уступки, которыя Фуллье дѣлаетъ антропологамъ, и его, напримѣръ, соображенія о томъ, „что промышленная и коммерческая борьба стремится сдѣлаться вмѣстѣ съ тѣмъ и этнической (стр. 216). Антропологія, конечно, наука очень почтенная, но у ней еще слишкомъ много нерѣшенныхъ частныхъ вопросовъ, чтобы она могла браться за какія-нибудь широкія обобщенія. Напомнимъ хотя бы то, что вопросъ объ устойчивости антропологическихъ типовъ является въ значительной степени спорнымъ, и цѣлый рядъ ученыхъ относится къ ней очень скептически, допуская большую измѣнчивость въ физическомъ строеніи расы. Вполнѣ правъ поэтому Фуллье, когда говоритъ, что „антропологическая исторія—не болѣе какъ антропологическій романъ“ (стр. 113). Что касается до характеристики французскаго народа, которой посвященъ третій отдѣлъ книги Фуллье, то нефранцузу трудно провѣрить ея справедливость; въ общемъ она согласна съ тѣми ходячими мнѣніями, которыя существуютъ у насъ относительно французовъ, и мы рѣшимся сдѣлать только одно замѣчаніе по поводу тѣхъ данныхъ, которыя легли въ основу этой характеристики. Фуллье самъ неоднократно указываетъ на тѣ различія, которыя существуютъ въ характерѣ представителей различныхъ общественныхъ слоевъ и классовъ, но упускаетъ изъ виду это обстоятельство, принимаясь за изображеніе характера французскаго народа. Очень многіе факты, послужившіе матеріаломъ для нарисованной Фуллье картины, относятся исключительно къ культурнымъ и правящимъ классамъ общества и потому допускаютъ возраженія относительно возможности судить по нимъ о всемъ французскомъ народѣ. Архитектура, музыка, международная политика, философія, отчасти и литература—все это такія области, въ которыхъ лишь въ

очень слабой степени проявлялась творческая дѣятельность массъ французскаго общества и по нимъ очень трудно судить о французскомъ крестьянинѣ или рабочемъ. Послѣдній и самый большой отдѣлъ своего сочиненія Фуллье озаглавилъ: „Вырожденіе или кризисъ“ и удѣляетъ здѣсь главное мѣсто вопросу о слабой рождаемости французскаго народа. Какъ и слѣдовало ожидать, Фуллье видитъ въ современномъ положеніи Франціи не вырожденіе, а именно кризисъ, вызванный извѣстными спеціальными условіями и въ большей или меньшей степени переживаемый и другими народами. Въ общемъ книга Фуллье, несмотря на указанные недостатки, является очень интересной, и внимательное изученіе авторомъ предмета видно на каждомъ шагу. Переводъ читается довольно легко, но мѣстами попадаются фразы съ очень темнымъ смысломъ. Не особенно удовлетворительна транскрипція собственныхъ именъ: Мюнихъ вмѣсто Мюнхенъ (стр. 75), Лазарюсъ вмѣсто Лацарусъ и т. д., не рѣдко одно и то же имя на одной страницѣ написано въ русской транскрипціи, на другой—оставлено безъ перевода.

Воспитаніе и общество въ Англіи. М. Леклерка. Переводъ М. А. Шишмаревой. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб., 1899 г. Объемистое сочиненіе Леклерка состоитъ изъ двухъ частей; въ первой рѣчь идетъ о воспитаніи среднихъ и правящихъ классовъ въ Англіи, вторая посвящена профессіямъ и обществу. Воспитаніе Леклеркъ понимаетъ въ очень широкомъ смыслѣ и, не ограничиваясь однѣми школами, распространяетъ свое изслѣдованіе и на семью, печать, библіотеки и т. д. Тѣмъ не менѣе, главное вниманіе удѣлено, конечно, школьному воспитанію и посвященные этому вопросу отдѣлы являются самыми интересными. Какъ самъ Леклеркъ, такъ и авторъ предисловія къ его книгѣ, Бутми, подчеркиваютъ огромное значеніе, какое можетъ имѣть изученіе англійской школы для организаціи образованія во Франціи, и то же самое значеніе имѣетъ она и для Россіи. Англійскую школу отнюдь нельзя назвать образцомъ, которому можно слѣдовать безъ всякихъ оговорокъ; наоборотъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она стоитъ очень низко и сохранила до сихъ поръ, напримѣръ, тѣлесныя наказанія, но зато въ другихъ отношеніяхъ она стоитъ много выше континентальныхъ школъ и можетъ служить хорошимъ примѣромъ для подражанія. Главными заслугами англійскихъ школъ Леклеркъ считаетъ большое значеніе, придаваемое ими физическому развитію учащихся, отсутствіе всякой излишней регламентаціи, а главное—то, что они являются не только образовательными, а и воспитательными учрежденіями, послѣдними даже въ большей степени. Въ дѣлѣ воспитанія школа пользуется очень разнообразными средствами и получаемые результаты съ избыткомъ вознаграждаютъ многія слабыя стороны школьной прогимназіи. Программы среднихъ школъ въ большинствѣ случаевъ неудовлетворительны, методы преподаванія очень часто отсталы, но зато по выходѣ изъ школы англичанинъ уже имѣетъ выработанный характеръ, привыкъ къ дисциплинѣ, обладаетъ настойчивостью и энергіей, а главное—способенъ самостоятельно пополнять недостатокъ своихъ знаній въ нужномъ для него объемѣ. Результаты такой системы рисуются очень рельефно Леклеркомъ во второй части его книги, гдѣ собрано множество коротенькихъ біографій и характеристикъ лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій и положеній. Всѣ онѣ показываютъ, какъ мало значитъ для англичанина школа въ смыслѣ подготовки къ извѣстной спеціальности и какую огромную роль играютъ, наоборотъ самодѣятельность и настойчивый характеръ. Достаточно указать на тотъ фактъ, что

такіе первоклассные ученые, какъ Дарвинъ, Спенсеръ, Тиндаль, Гёксли и др., въ смыслѣ научной подготовки ничѣмъ не обязаны ни средней, ни высшей школѣ и не получили никакого спеціально-научнаго образованія, которое пригодилось бы имъ въ ихъ послѣдующихъ занятіяхъ. Есть въ такомъ положеніи дѣлъ, конечно, и слабыя стороны, и неудовлетворительная постановка спеціальнаго образованія часто даетъ себя чувствовать, но прогрессъ въ этомъ отношеніи для Англіи только вопросъ времени, а кое-что уже и сдѣлано. Послѣдній отдѣлъ книги Леклерка посвященъ общей характеристикѣ Англіи; здѣсь говорится объ экономической жизни страны, о политической эволюціи общества, о религіи, нравственности, наукѣ и т. д. Эти стороны болѣе знакомы русской публикѣ и изложены очень кратко, но тѣмъ не менѣе и здѣсь можно найти нѣкоторыя интересныя указанія. Въ общемъ книга Леклерка, основанная на близкомъ и непосредственномъ знакомствѣ съ предметомъ, заслуживаетъ самаго лестнаго отзыва, тѣмъ болѣе, что поставленная авторомъ себѣ задача была далеко не изъ легкихъ; отсутствіе шаблонности и единообразія дѣлаетъ очень затруднительнымъ изученіе воспитанія въ Англіи. Необходимо замѣтить также объективность автора; относясь съ большимъ увлеченіемъ къ англійской школѣ, онъ не закрываетъ однако глаза передъ ея недостатками и очень тщательно отмѣчаетъ ихъ. Слабой стороной книги Леклерка является то, что въ ней удѣлено сравнительно очень мало мѣста начальному образованію и тѣмъ недавно возникшимъ учрежденіямъ, которыя ставятъ себѣ цѣлью облегчить пополненіе знаній путемъ самообразованія для тѣхъ классовъ, которые должны были ограничиться одной начальной школой.

Женское образованіе въ Америкѣ. Жонво. Перев. съ фран. Спб.. 1898 г. Въ послѣднее время книжный рынокъ охватила какая-то переводческая горячка: одни и тѣ же произведенія одновременно появляются въ нѣсколькихъ переводахъ, переводится много совсѣмъ-таки лишняго, возникаютъ цѣлыя переводческія предпріятія. Издательскій спросъ на переводы такъ великъ, что даже переводчики, нѣсколько разъ уличенные въ неудачномъ выборѣ и выполненіи своей работы, все-таки усердно продолжаютъ печататься, наводняя книжный рынокъ макулатурой.

Къ этой переводческой макулатурѣ относится и ничтожная брошюра Жонво.

Онъ начинаетъ съ восхваленія американской женщины, ея самодѣятельности, самостоятельности и жизнеспособности, созданныхъ своеобразной педагогической системой Новаго Свѣта, а затѣмъ очень неловко и нелогично переходитъ къ полемикѣ противъ феминизма. Самъ переводчикъ почувствовалъ всю неловкость перехода и на стр. 10 поставилъ въ скобкахъ вопросительный знакъ.

Повторяя старыя пошлости противъ женскихъ требованій, Жонво подчеркиваетъ заслуги католической церкви въ дѣлѣ женскаго образованія, называетъ феминизмъ „безумнымъ духомъ возмущенія“ (стр. 15), требуетъ согласованія образованія женщинъ „съ ихъ будущими обязанностями“. Особенно хороши слѣдующія слова: „направьте ея (женщины) воспитаніе къ желаемой вами цѣли, оставьте ее по возможности больше въ семьѣ, чтобы она приготовилась тамъ къ мирнымъ занятіямъ своего пола, чтобы она вошла во вкусъ жизни, полной нѣжности и преданности. Наука не должна открывать ей путь къ почестямъ, но только давать ей возможность быть кроткимъ апостоломъ любви. Къ чему послужатъ эти страстныя пренія о политическихъ правахъ, которыми ей

не придется пользоваться, о законахъ, которые ей не поручатъ издавать?" (стр. 13—14). Насколько хорошо знакомъ Жонво съ предметомъ своихъ разсужденій, можно видѣть изъ того, что объ Америкѣ, классической странѣ флирта, онъ утверждаетъ (стр. 7): „даже ухаживаніе тамъ неизвѣстно". Переводчикъ сдѣлалъ всѣ усилія, чтобы ухудшить и безъ того плохую книжку.

То у него попадается среди страницы мистическая фраза, состоящая изъ подлежащаго безъ сказуемаго: „двери храма" (стр. 2), не имѣющія никакого отношенія къ контексту; то появляются „отвлеченныя" науки и „студенты-мужчины" (стр. 2); то удивительно слагаются цѣлыя фразы: „единственные ученики греческаго и латинскаго языковъ, встрѣчаемые въ городѣ Детроа—молодыя дѣвушки. Единственные адепты астрономіи—опять молодыя дѣвушки. Профессора физики—тоже молодыя дѣвушки" (стр. 2—3); „у нихъ не отнимаютъ порученное ихъ заботамъ дитя, лишь только его душа пробуждается, изъ страха, что его сердце и способности разслабнутъ" (стр. 4); „мать семейства образуетъ по своему домашнему образцу домашній очагъ" (стр. 5); „въ американкахъ нѣтъ того лучезарнаго расцвѣтенія растенія, достигшаго, благодаря разумному уходу, своего естественнаго цвѣтенія" (стр. 12) и т. д.

Еще одной безграмотной книжонкой на свѣтѣ больше стало!

Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи. П. Г. Мижуева. Ц. 80 к. Спб., 1898 г. Книжка г. Мижуева представляетъ изъ себя обстоятельный трудъ, который прочтется съ большимъ интересомъ всѣми, кому только близки задачи просвѣщенія. Средняя школа въ Англіи, въ силу различныхъ историческихъ условій, шла совершенно иной дорогой, чѣмъ такая же школа въ другихъ государствахъ, и тѣ средства которыя въ настоящее время пускаются въ ходъ для поднятія ея уровня, чрезвычайно любопытны.

Почти всѣ среднія школы Англіи съ давнихъ поръ и вплоть до половины нынѣшняго столѣтія составляли собственность частныхъ лицъ и благотворительныхъ учрежденій. Всякій, кому только хотѣлось, открывалъ свою школу, причемъ правительство не вмѣшивалось совсѣмъ въ ея организацію, и школа устраивалась сообразно лишь вкусамъ владѣльца, который имѣлъ такимъ образомъ и возможность и право не придерживаться никакого опредѣленнаго плана или программы. Вообще англійскій принципъ „laissez faire" находилъ себѣ широкое примѣненіе въ дѣлѣ средняго образованія, но, имѣя очень многое за себя, онъ лишалъ школу контроля и какой бы то ни было выработанной программы, благодаря чему она далеко не могла удовлетворять тѣмъ требованіямъ, какія на нее должны возлагаться. Несостоятельность средней школы еще съ первой половины текущаго столѣтія становится очевидной для всѣхъ передовыхъ людей, но начавшееся въ это время просвѣтительное движеніе силой обстоятельствъ направило всю свою энергію, съ одной стороны, на начальное, съ другой—на высшее образованіе, среднее же осталось въ тѣни до 60-хъ годовъ, когда наконецъ, начали свою дѣятельность двѣ спеціальныхъ, такъ-называемыхъ „королевскихъ", коммиссіи, причемъ цѣль второй было изученіе какъ положенія средней школы въ подробностяхъ, такъ и тѣхъ средствъ, которыя могли бы послужить къ поднятію ея уровня. Коммиссія взялась за дѣло съ тщательностью и добросовѣстностью, свойственными англійской націи, изучая каждую школу отдѣльно, въ виду отсутствія тутъ какого бы то ни было единообразія, и не жалѣя массы затраченнаго на это времени и труда. Зато данныя, добытыя коммиссіей, въ высшей сте-

пени цѣнны, и программа реформъ, предлагаемая ею, вполнѣ цѣлесообразна. Программа настаиваетъ на многихъ нововведеніяхъ, но въ то же время она требуетъ большой осторожности въ дѣйствіяхъ, чтобы по возможности щадить интересы множества замѣшанныхъ тутъ лицъ. Каждую школу предлагается реформировать отдѣльно, сообразуясь какъ съ ея прошлымъ, такъ и съ мѣстными условіями, придавая особенное значеніе послѣднему обстоятельству и не заботясь о приведеніи всѣхъ школъ къ одному типу, такъ какъ назначеніе средней школы, по мнѣнію коммиссіи, прежде всего заключается въ удовлетвореніи именно мѣстныхъ потребностей. Далѣе, въ попечительные совѣты школъ предполагается допустить родителей, которые такимъ образомъ получаютъ возможность участвовать въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, но главное, на чемъ настаиваетъ „коммиссія“, это на необходимости опираться на самостоятельность гражданъ. „Глубокомысленные педагоги,—говорится въ ея отчетѣ,—могутъ дать много прекрасныхъ и умныхъ совѣтовъ, парламентъ, согласно съ этими совѣтами, можетъ издать мудрые законодательные акты, но истинныя силы, которыя могутъ одухотворить все движеніе, должны исходить только изъ народа“.

Разумѣется, разъ дѣло идетъ о правильной организаціи средняго образованія, вмѣшательство правительства становится необходимымъ, но со стороны правительства тутъ не предполагается никакого давленія. На обязанность правительства возлагается лишь контроль черезъ посредство его агентовъ, инспекторовъ народнаго образованія, которые должны лишь слѣдить за успѣшностью преподаванія, „поощрять полезныя нововведенія“, и у которыхъ не отнимается права „совѣтовать и награждать“ (стр. 26). Но главная связь правительства со школой начинается только съ того момента, когда школѣ назначается денежвая субсидія, и только подъ этимъ условіемъ правительство можетъ требовать отъ школы подчиненія программѣ и уставу. Такимъ образомъ, система субсидированія, давно уже нашедшая себѣ широкое примѣненіе въ дѣлѣ начальнаго образованія, начинаетъ переходить и на среднюю школу, причемъ посредникомъ между школой и центральной властью является мѣстное самоуправленіе, которому, разумѣется, ближе, чѣмъ кому - либо, нужды и успѣхи своей школы. „Правительство Англіи,—говоритъ г. Мижуевъ,—убѣдясь, наконецъ, въ необходимости затраты общественныхъ денегъ на техническое образованіе (въ настоящее время въ Англіи „среднее“ и „техническое“ образованіе—понятія однозначущія) обратилось къ самодѣятельности мѣстныхъ учрежденій, предоставивъ имъ самыя широкія права и полномочія, само же ограничилось лишь ролью истолкователя созданнаго имъ законодательства“ (стр. 45). Такая постановка дѣла не замедлила дать соотвѣтствующіе результаты, образчикомъ чего можетъ послужить княжество Валійское, которое является какъ бы педагогическимъ опытомъ въ дѣлѣ примѣненія на практикѣ новыхъ запросовъ. Тутъ замѣчается повсемѣстная единодушная работа во имя образованія, составляются капиталы, пріобрѣтаются участки земли подъ постройку школъ, и успѣхъ школьнаго дѣла растетъ съ необычайной быстротой. Размѣръ нашей замѣтки не позволяетъ намъ останавливаться какъ на внутренней организаціи школъ, интересно изложенной у г. Мижуева, такъ и на работахъ новой королевской коммиссіи 1890 года, имѣющей задачей еще болѣе полное изученіе современнаго положенія средняго образованія ради проведенія новыхъ прогрессивныхъ реформъ. Отсылаемъ интересующихся къ книжкѣ г. Мижуева.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

„Мусульманство и его будущность". *А Крымскаго.*—„Исторія грузинской церкви". Кн. I. Обращеніе картвельцевъ. *М. Г. Джанашвили.*—„Послѣдніе годы грузинскаго царства". *С. И. Кашкишева.*—„Исторія нашего столѣтія". Т. I. *А. Торсое.*—„Исторія русскаго искусства". *А. П. Новицкаго.*—„Сербскій народный эпосъ". Перев. *Гальковскаго.*—„Россія временъ Екатерины II въ II поемѣ tartaro". *Гиббенко.*—„Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ". Вып. I.—„Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію". *Проф. Созоновича.*—„Научная дешевая библіотека. Исторія англійской литературы". *Вейзера.*—„Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ". *Барсукова.*

Мусульманство и его будущность. А. Крымскаго. М., 1899 г. Цѣна 75 к. Недавно вышедшая въ свѣтъ небольшая работа (120 стр.) молодого арабиста—А. Крымскаго, посвященная судьбамъ ислама, является трудомъ, въ появленіи котораго уже давно чувствовалась потребность. Событія, разыгравшіяся, за послѣдніе годы, въ странахъ мусульманскаго міра, невольно заставили обратить вниманіе также и на тотъ источникъ, откуда этотъ міръ почерпаетъ свое вдохновеніе и руководительство во всѣхъ моментахъ своей домашней, общественной и политической жизни, т.-е. на исламъ. Поэтому, на различныхъ европейскихъ языкахъ, за послѣднее время, появилось не мало изданій, гдѣ, въ популярномъ изложеніи, „большая публика" знакомилась съ характеромъ ученія Мохаммеда (Магомета) и вліяніемъ, оказываемымъ имъ на исповѣдующія его племена. Книга г. Крымскаго, заглавіе которой выписано выше, является одною изъ наиболѣе удачныхъ попытокъ въ этомъ родѣ. На сравнительно немногихъ страницахъ, авторъ (хорошій знатокъ мусульманскихъ,— арабской, персидской, турецкой,— литературъ и лично знакомый съ Востокомъ) задался цѣлью представить, въ популярномъ изложеніи, какъ прошлое ислама, такъ и современное состояніе мусульманскихъ народовъ, ихъ умственныя способности и отношеніе къ европейской цивилизаціи.

Начавъ съ біографическихъ данныхъ о Магометѣ и представивъ возникновеніе его ученія (гл. I), авторъ переходитъ къ изложенію краткаго очерка исторіи ислама (гл. II). Разсмотрѣвъ развѣтвленія ученія основателя ислама (философскія системы, секты и т. д.), г. Крымскій заканчиваетъ главу изложеніемъ историческаго значенія ислама („Исламъ выдвинулъ къ исторической жизни арабскую расу, которая затѣмъ, независимо отъ ислама, сберегла сообща съ покоренными ею народами античную культуру во времена средневѣковаго европейскаго варварства"). Слѣдующая, третья глава, трактующая о современномъ положеніи ислама и послѣдняя—четвертая, касающаяся вопроса о жизненности ислама и его способности къ усвоенію европейской цивилизаціи, — самыя интересныя во всей книгѣ. Авторъ, указавъ на отличительный характеръ новой мусульманской исторіи („смѣшеніе стариннаго азіатства съ европействомъ") и обративъ вниманіе на различіе въ національномъ характерѣ мусульманскихъ народностей (арабовъ, персовъ, тюрковъ и т. д.), переходитъ къ характеристикѣ внутренняго быта (семья, школа, образованность и литература, промышленность и культура) государствъ и народовъ мусульманскаго востока. Коснувшись, далѣе, самого ислама, г. Крымскій указываетъ, что, какъ религія, онъ не подаетъ признаковъ вырожденія и что препятствіемъ къ усвоенію европейской культуры тѣми народами, которые (какъ арабы-семиты и персы-арійцы) склонны къ прогрессу, служитъ не можетъ.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, содержаніе работы г. Крымскаго. Будучи написана для „большой публики“, она, разумѣется, не претендуетъ на новыя открытія: ея цѣль—представить въ популярно-научномъ изложеніи безпристрастную характеристику какъ ислама, такъ и исповѣдующихъ эту религію народностей. И это, по нашему убѣжденію, удалось автору какъ нельзя лучше. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны отмѣтить также и слѣдующее: г. Крымскій нерѣдко обращаетъ вниманіе читателя на такія обстоятельства и моменты въ исторіи ислама, относительно которыхъ у большинства читающей публики сложилось совершенно превратное представленіе. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, легенда о „фанатизмѣ“ арабовъ, какъ главнѣйшемъ факторѣ ихъ завоевательной дѣятельности, отношеніе ислама (какъ религіи, а не какъ политическаго орудія) къ христіанству и т. д. Наконецъ, къ немаловажнымъ достоинствамъ рецензируемой книги принадлежитъ, несомнѣнно, близкое личное знакомство автора съ мусульманскимъ Востокомъ,—знакомство, давшее ему возможность освѣтить надлежащимъ образомъ многіе изъ излагаемыхъ имъ фактовъ, равно какъ иллюстрировать явленія и событія послѣдняго времени.

Исторія грузинской церкви. Книга I. Обращеніе картвельцевъ. М. Г. Джанашвили. Исторія Грузіи есть въ тѣсномъ смыслѣ исторія мученическихъ страданій за вѣру Христа, или, какъ именуютъ ее нѣкоторые писатели, „сплошной мартирологъ“. Отсюда понятно, какими тончайшими узлами связана исторія Грузіи съ исторіей христіанской церкви. Изслѣдованія въ области грузинской церкви проливаютъ яркій свѣтъ на многія стороны минувшей жизни грузинскаго народа. Нужно отдать справедливость грузинскимъ ученымъ съ академическимъ и семинарскимъ образованіемъ: они нерѣдко выступали съ работами историко-церковнаго характера. Съ теченіемъ времени образовалась цѣлая литература по этому вопросу и явилась потребность свести добытыя свѣдѣнія, подвергнуть ихъ еще разъ анализу и предложить публикѣ въ доступной формѣ написанную *Исторію грузинской церкви*. Эту задачу взялся выполнить почтенный грузинологъ М. Г. Джанашвили. Въ предисловіи къ своему труду г. Джанашвили сообщаетъ, что онъ намѣренъ издать всю исторію грузинской церкви, разбивъ на слѣдующіе отдѣлы: а) *Обращеніе картвельцевъ*, I—IV вв., б) *Успѣхи грузинской церкви до авонскихъ подвижниковъ*, IV—X вв., в) *Расцвѣтъ христіанства въ Грузіи*, X—XII вв. и г) *Состояніе грузинской церкви въ эпохи монгольскихъ, турецкихъ и персидскихъ завоевателей*, XIII—XVIII вв. Нынѣ издана только первая часть его труда. Авторъ, предназначая свою книгу учебникомъ для духовно-учебныхъ заведеній, не оговаривается, въ какомъ отношеніи находится его трудъ къ исторіи грузинской церкви Пл. Іосселіана, принятой руководствомъ въ грузинскихъ школахъ. Мнѣ кажется, что автору необходимо было указать на своего предшественника въ этой области, тѣмъ болѣе, что онъ пользуется его примѣчаніями, нигдѣ не называя упомянутаго труда Іосселіана. Потомъ слѣдовало бы автору указать на работу Селезнева *Руководство къ познанію Кавказа*, въ которомъ собраны всѣ свѣдѣнія о подготовленіи грузинъ къ принятію Евангелія. Въ виду того, что авторъ предназначаетъ свою книгу въ качествѣ учебнаго руководства, не слѣдовало бы ему допускать тѣхъ свѣдѣній, которыя терпятъ возраженія, или отступать въ сторону отъ темы. Такъ, онъ отождествляетъ Албанію съ Кахетіей, производитъ Барнабшвили отъ разбойника Вараввы, Кутаисъ отъ „кутва“ и пр. Выписки изъ Страбона не имѣютъ прямого

отношенія къ темѣ автора; языческая религія грузинъ недостаточно ясно представлена. Не расчленены боги національные и иноземные, не указаны значенія этихъ боговъ. Всѣ эти замѣчанія падаютъ на первую главу работы г. Джанашвили; вторая же глава, открывающаяся вступленіемъ св. Нины въ Грузію, удовлетворяетъ требованіямъ современнаго состоянія этого вопроса въ грузиновѣдѣніи. По нашему мнѣнію, трудъ г. Джанашвили можетъ быть съ пользою допущенъ учебникомъ, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ и дополненіемъ со стороны преподавателей. Особенную цѣнность его труду придаютъ поученія св. Нины, приведенныя на грузинскомъ языкѣ. Мы свѣрили ихъ съ нашими выписками, сдѣланными два года назадъ, и нашли, что они воспроизведены точно и добросовѣстно.

Послѣдніе годы Грузинскаго царства. Посмертный трудъ ген.-лейтенанта С. І. Кишмишева. Тифлисъ, 1898 г. „Предлагаемый трудъ,—говорится въ предисловіи къ книгѣ,—найденный въ бумагахъ покойнаго ген.-лейтенанта С. І. Кишмишева, не былъ доведенъ имъ до конца. Авторъ предполагалъ заключить свое сочиненіе изложеніемъ событій, приведшихъ послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII къ сознанію необходимости отдаться въ непосредственное подданство единовѣрной Россіи. Написанныя имъ пять главъ, въ которыхъ ходъ событій доведенъ до начала 1798 года, рисуютъ положеніе Грузіи въ царствованіе знаменитаго царя Ираклія". Къ этимъ словамъ предисловія нужно прибавить, что покойный Кишмишевъ извѣстенъ своимъ обширнымъ сочиненіемъ *Походы Надиръ-шаха,* въ которомъ онъ исключительное вниманіе обратилъ на военныя дѣйствія персидскаго шаха. Располагая для вышеназваннаго труда скудными, а иногда и подозрительнаго достоинства источниками, вродѣ *Жизни Артемія Араратскаго,* въ настоящее время признанной плодомъ досужей, притомъ злобно направленной, фантазіи, генералъ Кишмишевъ недостаточно критически относится къ сообщаемымъ свѣдѣніямъ, перетасовываетъ факты и подчасъ искажаетъ истинный ходъ вещей. Онъ, нисколько не смущаясь, вѣритъ баснословному разсказу Артемія Араратскаго, утверждающаго въ своихъ лживыхъ запискахъ, что послѣ ухода Ага-Магометъ-хана изъ Тифлиса онъ насчиталъ у одной изъ башенъ сѣверной стѣны до тысячи убитыхъ. Труповъ могло быть и больше послѣ свирѣпаго нашествія, но Араратскому некогда было заняться подсчитываніемъ, такъ какъ онъ бѣжалъ изъ города, оставшагося безъ властей. Критическаго чутья достаточно было бы, чтобы разсѣять неправильное сужденіе Бурнашева о трусости грузинъ передъ непріятелемъ. Незначительная страна съ милліоннымъ населеніемъ въ теченіе двухъ тысячелѣтій сохраняла свою политическую самостоятельность, и если бы трусость была присуща населенію Грузіи, то она не вынесла бы напора вшестеро превосходящей вражьей силы. Авторъ относится съ предубѣжденіемъ къ Грузіи и „съ пристрастіемъ" разрабатываетъ намѣченную тему—послѣдніе дни Грузинскаго царства. Тема очень сложная и требующая всесторонняго освѣщенія съ внутреннихъ и внѣшнихъ сторонъ, а въ книжкѣ въ 113 стр. in 16° разрѣшить вопросъ представляется непосильной задачей „историку", не вооруженному знакомствомъ со всѣми источниками предлежащей задачи.

Исторія нашего столѣтія. 1815—1890 г. Т. І. 1815—1863 г. А. Торсое. Пер. съ датскаго подъ редакціей проф. Лучицкаго. Изданіе Кульженка. Кіевъ, 1898 г. И на этотъ разъ выборъ уважаемымъ ученымъ книги для ознакомленія большой публики съ исто-

ріей XIX вѣка оказывается не совсѣмъ удачнымъ. Прежде всего, авторъ совершенно произвольно прерываетъ свой разсказъ на 1863 г. Произвольность эта доказывается уже тѣмъ, что ему пришлось нѣсколько разъ переступить намѣченную границу,—въ разсказѣ о Польшѣ, объединеніи Италіи, невольнической войнѣ, мексиканской экспедиціи. Далѣе, тотъ же произволъ замѣтенъ и въ распредѣленіи главъ внутри каждаго отдѣла книги: тутъ трудно подмѣтить какой-нибудь порядокъ. Почему, наприм., и въ періодъ реставраціи, и въ эпоху іюльской монархіи Франція поставлена на послѣднее мѣсто? Внутри каждой главы матеріалъ расположенъ тоже безъ особой системы. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ книга Сеньобоса имѣетъ большія преимущества. Правда, и у него мало говорится объ экономическомъ переворотѣ и умственномъ движеніи; зато, по крайней мѣрѣ, матеріалъ расположенъ въ ясномъ порядкѣ и не такъ много мѣста занимаетъ описаніе дипломатическихъ переговоровъ и военныхъ дѣйствій. Въ общемъ разсказъ у Торсое ведется довольно живо. Страннымъ представляется отсутствіе указаній на то, откуда взяты нерѣдко приводимыя въ ковычкахъ выписки. Опечатокъ въ книгѣ не мало; изъ нихъ иные искажаютъ смыслъ. Наприм., впервые въ 1789 г. (вм. *съ* 1789 г.) Франція пользовалась представительнымъ правительствомъ (вм. правленіемъ) (стр. 110); законность Іакова II (стр. 119) вм. законность *сына* Іакова II. Собственныя имена переданы не всегда правильно: Пашкевичъ вм. Паскевичъ (стр. 104, 106), Іозефина вм. Жозефина (стр. 116). Въ заключеніе еще одинъ вопросъ: какъ понимать замѣчаніе объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ Каннингомъ (стр. 80)?

Исторія русскаго искусства. Соч. А. П. Новицкаго. Выпускъ второй. Изданіе магазина „Книжное Дѣло“. Москва, 1899 г. Подписная цѣна 10 руб., съ пересылкой и доставкой — 12 руб. Мы уже говорили о первомъ выпускѣ этой книги, издаваемой роскошно, украшенной отличными иллюстраціями, поясняющими текстъ, и отдѣльными приложеніями, воспроизводящими фототипіей снимки съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Во второмъ выпускѣ авторъ продолжаетъ начатое въ первомъ изложеніе исторіи церковнаго строительства, начавшаго уже въ XI вѣкѣ освобождаться на сѣверѣ Россіи отъ рабскаго подражанія византійскимъ образцамъ, насколько это было возможно при неимѣніи своихъ зодчихъ и даже искусныхъ каменщиковъ. Въ X главѣ авторъ подробно разбираетъ вопросъ объ идеѣ послѣдовательно разрастающейся въ вышину „алтарной преграды“, превращавшейся въ тотъ типическій многоярусный „иконостасъ“, какой мы видимъ теперь въ нашихъ церквахъ. Мы полагаемъ, что собственно къ исторіи „русскаго“ искусства это имѣетъ малое отношеніе, ибо такіе же точно многоярусные иконостасы мы видѣли въ очень старинныхъ и даже древнихъ храмахъ Палестины и Сиріи и даже въ одной древнѣйшей коптской церкви Стараго Каира. Большой интересъ представляетъ XV глава, посвященная „лицевымъ рукописямъ“, т.-е. рукописнымъ книгамъ, украшеннымъ миніатюрами въ краскахъ. Въ этой отрасли искусства наши старинные художники пользовались гораздо большею свободой, чѣмъ въ иконописаніи, крѣпко связанномъ византійскими образцами, отступленіе отъ которыхъ было бы сочтено еретическимъ дѣломъ, каковымъ то почитаютъ до сихъ поръ наши старообрядцы. Къ развитію русскаго иконописанія авторъ, несомнѣнно, долженъ возвратиться—и не разъ даже—въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи предмета. И мы до того времени откладываемъ наше сужденіе о взгля-

дахъ г. Новицкаго, съ которыми,—весьма возможно,—намъ трудно будетъ согласиться. На возникновеніе и развитіе у насъ военнаго и гражданскаго зодчества почтенный авторъ обращаетъ до сихъ поръ очень мало вниманія,—быть можетъ, вслѣдствіе скудости имѣющагося матеріала. Но мы считали бы весьма нелишнимъ получить достаточно обработанныя указанія на Золотыя ворота въ Кіевѣ и на нѣкоторые остатки старинныхъ укрѣпленій, кромѣ имѣющейся въ книгѣ „Раскатной башни въ Рюриковой крѣпости". Всего лучше составлены главы о рукописномъ орнаментѣ и о рѣзьбѣ по дереву, которая изстари имѣла огромное значеніе въ русской жизни и оказывала на развитіе русскаго искусства не меньшее вліяніе, чѣмъ узоры для вышиванія на полотенцахъ. Рѣзьба по дереву, съ раскраской и безъ раскраски, занимала очень большое мѣсто въ старинномъ строительствѣ деревянной, по преимуществу, Россіи. Древнѣйшіе образцы этого искусства съ каждымъ годомъ исчезаютъ много скорѣе, чѣмъ всякіе иные орнаменты и узоры. Исчезаютъ они и вслѣдствіе пожаровъ, и вслѣдствіе двухъ діаметрально противоположныхъ причинъ: обогащенія однихъ обывателей деревень и обѣднѣнія другихъ. Первые уничтожаютъ прародительскія постройки съ рѣзьбою по дереву, чтобы строить себѣ жилища купеческо-городского вида; вторыхъ нужда и раздѣлы заставляютъ ломать старинные дома и разбредаться по жалкимъ избенкамъ. А не такъ давно еще, лѣтъ 30—40 назадъ, мы видали любопытнѣйшіе и древнѣйшіе узоры по дереву, и гибли они массами на нашихъ глазахъ. Огромною заслугой было бы собрать послѣдніе ихъ остатки, намъ еще извѣстные по рѣкамъ Цнѣ и Мокшѣ, въ Тамбовской и Пензенской губерніяхъ, и, вѣроятно, на сѣверѣ Россіи за Волгой. Авторъ говоритъ о заимствованіяхъ орнамента и узоровъ изъ Византіи и изъ Персіи. Намъ же кажется, что онъ дѣлаетъ не маловажный пропускъ, забывая возможность такихъ же заимствованій изъ Грузіи и изъ Средней Азіи, или черезъ эти страны съ болѣе дальняго Востока. Свой второй выпускъ г. Новицкій заканчиваетъ переходомъ отъ кіевскаго и новгородскаго періодовъ къ владимірско-суздальскому времени, очень важному и во многомъ своеобразному въ дѣлѣ развитія русскаго зодчества. Во всякомъ случаѣ, книга г. Новицкаго—хорошее пособіе для всякаго, желающаго ознакомиться съ исторіей *русскаго* искусства „съ древнѣйшихъ временъ".

Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ Гальковскаго. Сумы, 1898 г. Сербская эпическая традиція отличается замѣчательною свѣжестью, непосредственностью и силою поэтическаго созерцанія. Она сохранила много любопытнѣйшихъ архаическихъ чертъ и имѣетъ громадное значеніе для сторонниковъ теоріи литературной эволюціи, такъ какъ даетъ имъ первичныя формы, уже давно и почти безслѣдно исчезнувшія у болѣе культурныхъ народовъ. Въ сербской эпической пѣснѣ много задушевности и своеобразной красоты. Ею можно воспользоваться съ учебными цѣлями—для ознакомленія съ ранними формами эпоса, ее съ удовольствіемъ прочтетъ и помимо класса учащаяся молодежь.

Переводъ въ общемъ сдѣланъ недурно и передаетъ отчасти пѣвучесть подлинника. Вступительная статья даетъ необходимыя предварительныя свѣдѣнія, потомъ приведены характерные образчики (стр. 59) пѣсенъ миѳическихъ, косовскихъ, про Марка Кралевича, позднѣйшихъ. Книга издана недурно, хотя много опечатокъ и дороговата цѣна (1 р. 50 к.).

Россія временъ Екатерины II въ „Il poema tartaro". G. Casti. Гливенко. Кіевъ, 1898 г. Талантливый итальянскій поэтъ Касти имѣлъ возможность внимательно и близко вглядѣться въ русскую жизнь конца прошлаго вѣка и излилъ въ сильныхъ стихахъ, подъ аллегорическою формой, все свое негодованіе. Онъ увлекся сначала, какъ и многіе другіе образованные иностранцы, мишурнымъ блескомъ „Сѣверной Семирамиды", но при ближайшемъ ознакомленіи его охватило глубокое разочарованіе. Передъ нами въ его поэмѣ яркая картина внѣшняго могущества при внутреннемъ растлѣніи, наружной красоты—и внутренняго безобразія, цивилизованныхъ замашекъ при полной некультурности привычекъ. Краски нѣсколько сгущены, но отъ нихъ вѣетъ искренностью и правдой. Въ сконцентрированномъ видѣ передано въ „poema tartaro" только то, что мы уже давно знали изъ разрозненныхъ мѣстныхъ источниковъ...

Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Портреты и картины, хранящіеся въ немъ. Вып. I. М., 1898 г. Нескладное заглавіе плохо знакомитъ съ содержаніемъ этого любопытнаго изданія. Это обстоятельный каталогъ хранящихся въ архивѣ портретовъ и картинъ съ удачными въ общемъ 16 фототипическими таблицами. Давно уже было извѣстно объ этихъ сокровищахъ архива, но только теперь мы получили удобное справочное пособіе для ознакомленія съ ними. Судя по фототипіямъ, очень хороши портреты Алексѣя Михайловича, Петра I, Екатерины II, Павла I, графа Остермана, Головкина, Бестужева-Рюмина, барона Шафирова, князей: Черкасскаго, Куракина и Голицына, графа Панина, Воронцова и т. д. Неудачны снимки съ портретовъ Сенявина и Собакина. Снимки съ картинъ изображаютъ: „внутренній дворъ посольскаго приказа въ Московскомъ Кремлѣ въ XVII в.", „посольское подворье въ Москвѣ въ XVII в.", „Екатерина II принимаетъ графа Бестужева-Рюмина" (неудачный снимокъ) и т. д.

Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію. Проф. Созоновича. Варшава, 1898 г. Въ третій разъ уже возвращается проф. Созоновичъ къ своей любимой темѣ — пѣснямъ и сказкамъ о женихѣ и братѣ-мертвецѣ.

Въ 1890 г. онъ напечаталъ „Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ. Этюдъ по сравнительному изученію народной поэзіи". Сопоставленіе разнообразныхъ варіантовъ привело его къ слѣдующимъ выводамъ: литературный первотипъ популярнаго разсказа о женихѣ-мертвецѣ (обработаннаго, между прочимъ, Бюргеромъ въ его „Ленорѣ")—германскаго происхожденія; народные разсказы на эту тему „могли возникнуть независимо другъ отъ друга на почвѣ общаго вѣрованія въ возможность возвращенія мертвыхъ" (стр. 80). Въ 1893 г. эти выводы были значительно видоизмѣнены въ книгѣ „Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской": пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ и пѣсни о братѣ-мертвецѣ не связаны другъ съ другомъ „ни внѣшними, ни внутренними узами генетической зависимости"; пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ восходятъ къ классическому первоисточнику, „который путемъ сложной литературной переработки проникъ въ средневѣковую западно-европейскую литературу, спустился изъ нея затѣмъ въ народную среду, гдѣ, опростившись и до извѣстной степени одичавъ, сохранился до нашихъ дней въ устной передачѣ"; пѣсни о братѣ-мертвецѣ возникли подъ вліяніемъ какого-то гибельнаго бѣдствія среди сербской народности. Новая формулировка общихъ выво-

довъ проф. Созоновича такова: русскія сказки о женихѣ-мертвецѣ „оказываются отраженіемъ западно-европейскаго поэтическаго теченія, прошедшаго въ русскій народъ чрезъ западно-славянскую среду“; „своей основой онѣ восходятъ къ средневѣковымъ литературнымъ памятникамъ, стоящимъ въ связи съ классическими источниками“; допущена затѣмъ „вѣроятность возникновенія самаго сказанія о братѣ-мертвецѣ въ славянской средѣ по поводу какого-то народнаго бѣдствія, вродѣ чумы“.

Ужъ изъ одного этого можно видѣть, на какую зыбкую почву сталъ г. Созоновичъ. Мѣняя свои выводы по существу и въ подробностяхъ, то суживая, то расширяя ихъ, то считая ихъ только вѣроятными, то принимая ихъ за вполнѣ достовѣрные и доказанные, онъ сильно подрываетъ у читателя вѣру въ научность пріемовъ своей работы. Читатель никакъ не можетъ отдѣлаться отъ мысли, что пройдетъ 2—3 года, и передъ нимъ будетъ новая попытка перестройки все того же эфемернаго зданія.

Подбирая варіанты, принадлежащіе всевозможнымъ народамъ и временамъ, г. Созоновичъ обнаруживаетъ значительное трудолюбіе, но оно, къ сожалѣнію, привело только къ нагроможденію сырого матеріала, механически классифицированнаго по народностямъ, и къ очень слабымъ попыткамъ дать общіе выводы. Книга подавляетъ полнотою библіографическихъ указаній, слишкомъ подробными пересказами варіантовъ съ разноязычными цитатами; выводамъ отведено очень мало мѣста, сдѣланы они какъ-то мимоходомъ, почти безъ всякой связи съ изложеніемъ, формулированы сбивчиво и противорѣчиво. Доказывая, наприм., происхожденіе ново-греческихъ пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ отъ болгарскихъ, онъ, безъ всякихъ серьезныхъ основаній, утверждаетъ, что послѣднія стоятъ, „*повидимому*, въ зависимости отъ сербскаго прототипа“ (стр. 258). Затѣмъ, на слѣдующей страницѣ, „обобщая результаты второй половины своего изслѣдованія“, „подъ давленіемъ добытыхъ выводовъ“, г. Созоновичъ „по необходимости долженъ (былъ) придти къ заключенію“, что „пѣсни эти своимъ возникновеніемъ обязаны сербскому народу“. Вторая половина новой книги проф. Созоновичемъ посвящена „поэтическому мотиву о внезапномъ возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены, собиравшейся выйти замужъ за другого“, разработанному съ такимъ же успѣхомъ.

Научная дешевая библіотека. Исторія англійской литературы. Вейзера. Изд. Суворина. Спб., 1898 г. Переводъ, въ общемъ очень неважный, сухого и сжатаго конспекта по исторіи англійской литературы Вейзера—совершенно лишняя роскошь. О писателяхъ и произведеніяхъ онъ не даетъ ровно никакого понятія, не годится и какъ справочное пособіе, потому что не отличается полнотой и точностью.

Диккенсу, наприм., у него отведено всего 2 маленькихъ страницы. Мелькомъ упомянута „суровая школа жизни“, которая „другого“ могла бы сдѣлать „человѣконенавистникомъ“, и „удивительный юморъ“,—очень бѣгло указано то, что въ „Запискахъ Пикквикскаго клуба“ Диккенсъ, „такъ сказать, превзошелъ самого себя“, что у него нѣтъ „никакихъ двусмысленностей и пошлостей“, названы имена нѣсколькихъ романовъ—и все! О Шелли сообщаются такіе факты: „его исключили и тамъ и здѣсь (въ Италіи и Оксфордѣ) изъ университета (колледжа ?) главнымъ образомъ за одно (?) сочиненіе атеистическаго содержанія“; „ему казалось, что въ Мэри Годвинъ онъ нашелъ родственную ему по духу подругу жизни, каковой она дѣйствительно и оказалась впослѣдствіи“ (стр. 163). О Байронѣ сказано такъ: „политическая

дѣятельность Байрона—въ участіи въ происках (?) карбонаріевъ—принесла ему однѣ только непріятности съ австрійскимъ правительствомъ, но не удовлетворяла его" (стр. 162). Многое, конечно, нужно отнести въ вину переводчику: Шелли изъ Биши превратился въ Байса (стр. 163), Соути—въ Соутея (стр. 145), Попэ—въ Попа (стр. 103), Бэніанъ—въ Буніэна (стр. 91) и т. д.

А. С. Суворинъ начинаетъ, повидимому, этою книгой новую серію своихъ изданій—дешевую научно-популярную библіотеку. Сочувствуя вполнѣ его цѣли, мы не можемъ назвать удачнымъ перваго опыта.

Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ. Н. Барсукова. Спб., 1898 г. Чѣмъ-то глубоко архаическимъ повѣяло на насъ отъ этой брошюры.

„Вдохновенныя лекціи" Костомарова „иныхъ, какъ говорятъ (?), влекли на площадь" (?), а г. Барсукова „неудержимо потянули онѣ къ *Полному собранію русскихъ лѣтописей*, „изданному по Высочайшему повелѣнію археографическою коммиссіей" (стр. 3). Костомаровъ засадилъ г. Барсукова „за азбучный указатель къ Нестору, а этотъ указатель привелъ меня къ благодѣтелю моему Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову, опредѣлившему меня на службу въ археографическую коммиссію" (стр. 8), скромно прибавляетъ нашъ лѣтописецъ.

Г. Барсукову удалось 3 дня пропутешествовать въ 1862 году съ Костомаровымъ и Майковымъ, и вотъ онъ издаетъ теперь свой „дорожный дневникъ". Изъ этого дневника мы узнаемъ много поучительнаго: Костомаровъ былъ „великій сибаритъ", такъ какъ онъ взялъ отдѣльный номеръ въ гостиницѣ (стр. 10); неожиданно выныряетъ и сейчасъ же безслѣдно исчезаетъ „настоятель обители, разслабленный, *но* добродушный старецъ" (стр. 11); „на крышкѣ раки сдѣлано отверстіе, и мы со свѣчой съ благоговѣніемъ смотрѣли въ нее и увидѣли край гроба" (стр. 12); „этотъ сумракъ (храма), эти суровые лики (святыхъ), эта таинственность производятъ чарующее дѣйствіе и совершенно отрываютъ отъ мятущейся современности" (стр. 13). Тяжелю г. Барсукову отъ этой современности: „съ грустью примѣтили, что разрушительныя идеи проводятся въ жизнь новгородскими гимназистами" (стр. 20—21). Поэтому не мудрено, что послѣ трехдневныхъ наблюденій „трогательныхъ проявленій" народной преданности изъ прекраснаго археологическаго далека г. Барсукову „жалки показались... тѣ петербургскіе мечтатели, которые думаютъ содѣлаться вождями народа" (стр. 22).

Во всей брошюрѣ только и представляетъ интереса шутливое письмо Костомарова на древне-русскомъ языкѣ (стр. 27—28). Въ этомъ письмѣ есть намеки на его университетскія злоключенія.

ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Въ сердцѣ Азіи. Памиръ.— Тибетъ.— Восточный Туркестанъ". Путешествіе *Свена Гедина*.

Въ сердцѣ Азіи. Памиръ.—Тибетъ.—Восточный Туркестанъ. Путешествіе Свена Гедина въ 1893—1897 годахъ. Переводъ со шведскаго А. и П. Ганзенъ. Томъ I. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб., 1899 г. Мы уже говорили объ этой прекрасной книгѣ, когда вышелъ въ свѣтъ ея первый выпускъ. Теперь передъ нами выпуски второй и третій, которыми завершается первый томъ выдающагося труда смѣ-

лаго и энергическаго шведскаго путешественника. Весь второй выпускъ (стр. 161—320) посвященъ главнымъ образомъ научнымъ изслѣдованіямъ автора,—географическимъ, геологическимъ и орографическимъ,—въ высшей степени важнымъ для изученія этихъ мало извѣстныхъ странъ и, въ особенности, для дальнѣйшихъ работъ въ томъ же направленіи. Несмотря на отличное популярное изложеніе, эта часть труда г. Гедина представляется намъ слишкомъ спеціальною для того, чтобы заинтересовать нашу „большую“ читающую публику. Зато третій выпускъ (стр. 320—485), начиная съ XVIII главы, полонъ захватывающаго интереса для самаго обыкновеннаго читателя, способнаго увлекаться далекими путешествіями, сопряженными съ огромными трудностями и великими опасностями. Тутъ, на границѣ Россіи и Китая, г. Свенъ Гединъ на очень долго разстается съ нашими обычными путями сообщенія и съ европейскимъ образомъ жизни, вступаетъ въ „сердце Азіи“, въ особливый міръ, намъ почти совершенно неизвѣстный. И чѣмъ дальше, тѣмъ путешествіе его принимаетъ болѣе романтическій характеръ,—если можно такъ выразиться, — и приводитъ автора къ потрясающе-драматическимъ положеніямъ, изъ которыхъ онъ могъ выйти лишь благодаря своей необыкновенной физической и нравственной силѣ, ничѣмъ несокрушимой энергіи. Блестяще выдуманныя, фантастическія „путешествія“ Жюля Верна во многихъ отношеніяхъ блѣднѣютъ передъ правдивымъ и простымъ повѣствованіемъ о томъ, что̀ пережилъ въ пустыняхъ Азіи г. Свенъ Гединъ съ своими немногочисленными спутниками. Лишенный какихъ бы то ни было прикрасъ, и веденный въ формѣ дневника, разсказъ автора о гибели въ безводныхъ пескахъ его отлично снаряженнаго и богатаго каравана производитъ необыкновенно сильное впечатлѣніе. При самыхъ обильныхъ запасахъ провіанта и всякихъ другихъ принадлежностей, по вслѣдствіе ничтожной ошибки въ разсчетѣ найти воду ближе, чѣмъ она оказалась, люди и животныя, истощенные жаждой, обезсилѣли настолько, что едва могли двигаться впередъ. Въ необитаемой степи пришлось оставить часть вьюковъ, потомъ пришлось побросать одного за другимъ издыхающихъ верблюдовъ и даже покинуть на вѣрную смерть спутниковъ-киргизовъ, истомленныхъ настолько, что они уже не могли идти далѣе. Караванъ распался и безпомощно вымиралъ въ накаленныхъ солнцемъ пескахъ пустыни. Г. Свенъ Гединъ остался вдвоемъ съ киргизомъ Касимомъ, оба пѣшіе, едва одѣтые; потомъ слегъ и Касимъ. Г. Свенъ Гединъ продолжалъ путь одинъ, то пѣшкомъ, то ползкомъ, когда не хватало силъ идти... И, наконецъ-то, черезъ пять сутокъ пѣшаго хода безъ пищи и питья ему удалось набрести на небольшую лужу чистой воды въ пересохшемъ руслѣ рѣки Хотанъ-дарьи. Онъ напился, освѣжился, въ своихъ снятыхъ сапогахъ отнесъ воды не особенно далеко оставленному Касиму. Этотъ страдальческій путь закончился двухнедѣльнымъ отдыхомъ въ шалашѣ у случайно встрѣченныхъ пастуховъ, кочевавшихъ по берегамъ Хотанъ-дарьи, гдѣ въ глубокихъ западинахъ еще держалась вода. Мимо этихъ пастушескихъ становищъ, по пересохшему руслу рѣки, лежалъ караванный путь изъ города Акъ-су („бѣлая вода“) въ городъ Хотанъ. При содѣйствіи купцовъ, проходившихъ съ караванами, авторъ добрался до Акъ-су, а оттуда уже съ помощью русскаго агента, „аксакала“ („сѣдая борода“ или старшина) Магомета-Эмина, путешественникъ вернулся назадъ въ Кашгаръ, чтобы тамъ оправиться, запастись всѣмъ необходимымъ, сформировать новый кара-

ванъ и опять пуститься въ свои научныя странствованія, описаніе которыхъ составитъ содержаніе второго тома.

Переводъ сдѣланъ П. Г. Ганзеномъ и его супругой совершенно образцово.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

„Эволюція современнаго капитализма". *Гобсона.*—„Промысловые синдикаты". *Бруно Шенланка.*—„Торговля съ Китаемъ". *Дилгамма.*—„Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи". Вып. III, подъ ред. *А. К. Голубева.*—„Улучшеніе жилищъ рабочихъ въ Англіи". Женщины-врача *М. И. Покровской.*

Эволюція современнаго капитализма. Гобсона. Спб.. 1898 г. (Изд. О. Н. Поповой). Намъ уже приходилось говорить о книгѣ Гобсона по поводу перваго изданія, сдѣланнаго подъ редакціей А. Свирщевскаго, прив.-доц. Демидовскаго юридическаго лицея. Поэтому, не останавливаясь здѣсь на достоинствахъ этой интересной книги, мы отмѣтимъ только, что переводъ книги сдѣланъ не вполнѣ удовлетворительно. Русское изданіе сопровождается предисловіемъ самого автора, написаннымъ спеціально для этого изданія (I—VII стр.). Авторъ объясняетъ здѣсь, почему онъ подвергаетъ въ своей книгѣ *спеціальному* анализу *каждый* изъ отдѣльныхъ видовъ промышленной дѣятельности. „Только послѣ спеціальнаго изученія подобнаго рода (т.-е. отдѣльнаго изученія природы каждаго вида промышленности) мы получаемъ возможность узнать различные виды и формы, которые могутъ принимать различныя отрасли промышленности и можемъ научиться (что представляется дѣломъ первостепенной соціальной важности) отличать тѣ отрасли промышленности, которыя, концентрируясь, болѣе и болѣе стремятся въ концѣ концовъ къ частной или общественной монополіи, отъ тѣхъ, которыя стремятся сохраниться въ большомъ количествѣ конкуррирующихъ формъ, и, наконецъ, отличать между послѣдними тѣ, въ которыхъ конкурренція можетъ развиться въ форму оздоровляющаго соперничества—стимула къ совершенству въ производствѣ отъ тѣхъ, въ которыхъ конкурренція вполнѣ и въ большей части приводитъ лишь къ соціальной растратѣ силы" (стр. V).

Невыгодно это изданіе отличается отъ перваго указаннаго нами выше тѣмъ, что здѣсь опущено подраздѣленіе книги на параграфы, а это затрудняетъ пользованіе ею для справокъ.

Промысловые синдикаты (предпринимательскіе союзы, картели, синдикаты). Бруно Шенланка. изд. 2-е (Библіотека общественныхъ знаній). Одесса, 1898 года. Подъ редак. Л. С. Зака. Цѣна 20 коп. Авторъ разсматриваетъ предпринимательскіе союзы какъ созданіе исторической необходимости. Въ особенности послѣ кризиса 1873 г. обнаружилось безсиліе отдѣльныхъ предпринимателей, разъ промышленность представляетъ лишь нагроможденіе несвязанныхъ между собою хозяйствъ, устроенныхъ безъ всякаго плана. Въ результатѣ поклоненія принципу свободной конкурренціи явились перепроизводство и паденіе цѣнъ, и борьба съ этими явленіями должна была сдѣлаться въ глазахъ предпринимателей главною задачей, а единственнымъ средствомъ противъ этого было замиреніе промышленной войны, т.-е организація въ томъ или иномъ видѣ соглашеній между отдѣльными единицами однородныхъ отраслей промышленности. Правда, покровительственныя пошлины содѣйствовали развитію картелей,

но послѣднія вовсе не были продуктомъ первыхъ, какъ это совершенно справедливо отмѣчаетъ Шенланкъ.

Авторъ сильно и образно рисуетъ намъ объединенную въ синдикатъ отрасль промышленности: „*Одинъ* ударъ,—говоритъ онъ,—посылаетъ токъ по тысячамъ проводовъ объединеннаго хозяйства, *одна* сила приводитъ въ движеніе всю систему колесъ, *одинъ* приказъ направляетъ громадныя массы цѣнностей, произведенныхъ непрерывнымъ трудомъ. Каждый предприниматель въ отдѣльности это—лишь служащій картели, получающій дивидендъ. Онъ уже не первый актеръ въ экономической трагедіи, катурнъ и маску откладываетъ онъ въ сторону и довольствуется ролью участника въ хорѣ, сопровождающемъ пьесу, но не вліяющемъ на ея развитіе".

Если синдикаты—необходимый продуктъ современныхъ экономическихъ отношеній, то естественно, что было бы безумiемъ бороться противъ нихъ путемъ простыхъ запретительныхъ законовъ, и такой способъ борьбы Шенланкъ называетъ мѣщанскою утопіей.

По правильности воззрѣній на происхожденіе синдикатовъ, по ясности и живости, даже изящности изложенія брошюру Шенланка можно рекомендовать всякому, интересующемуся вопросами экономической жизни, тѣмъ болѣе, что и цѣна-то очень доступная (всего 20 коп.).

Торговля съ Китаемъ. Дигамма. Изд. Ф. П. Романова. Томскъ, 1899 г. Ц. 1 р. Подъ такимъ заголовкомъ на-дняхъ вышла изъ печати и поступила въ продажу небольшая книжка (75 стр.), изданія Ф. П. Романова—издателя „Сибирскаго торгово-промышленнаго календаря" (1895—99 гг.) и „Маньчжурія" (см. „Библіог. отд." *Русской Мысли* № 3, 1898 г.).

Интересъ, который возбуждаетъ за послѣдніе годы, какъ въ русскомъ, такъ и вообще въ цивилизованномъ мірѣ, дальній Востокъ, дѣлаетъ интересною и эту книгу: „Торговля съ Китаемъ"; она знакомитъ читателя со степенью развитія нашей торговли съ Китаемъ, а также, вообще, съ положеніемъ китайской торговли за послѣднее десятилѣтіе. Данныя о положеніи торговли взяты изъ такихъ источниковъ, какъ: „Китайцы и ихъ цивилизація", „Описаніе Манчьжуріи" (изд. минист. финан.), „Китайскіе порты, имѣющіе значеніе для русской торговли на дальнемъ Востокѣ" (Д. Д. Покатилова) и изъ другихъ 4 изданій. Такъ что разсматриваемая книжка „Торговля съ Китаемъ" представляетъ изъ себя не что иное, какъ компиляцію и сжатый популярный сборникъ-очеркъ о торговлѣ Китая.

Свѣдѣніями о *внутренней* торговлѣ Китая русская литература бѣдна; посему и „Торговля Китая" объ этой торговлѣ отдѣлывается двумятремя строчками (стр. 4 — 7), хотя авторъ успѣваетъ указать, что внутренняя торговля терпитъ горе отъ плохихъ путей сообщенія, отъ разбойниковъ, отъ поборовъ „власть имущихъ" и отъ заставныхъ пошлинъ.

Такимъ образомъ, названіе книжки „Торговля Китая" немного велико и не соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію, слѣдовало бы заголовокъ ограничить названіемъ *Внѣшняя торговля Китая*, что больше соотвѣтствовало бы истинѣ, вѣдь всѣ 70 стр. трактуютъ лишь о „внѣшней" торговлѣ Китая!...

Изъ внѣшней торговли болѣе обстоятельно даются свѣдѣнія по „морской" торговлѣ, такъ какъ здѣсь данныя собираются уже 27 лѣтъ англійскою администраціей, стоящею на службѣ китайскаго правительства (стр. 53); по сухопутной же торговлѣ приходится довольствоваться

данными отъ китайскихъ чиновниковъ, которые въ 5—6 разъ меньше дѣйствительнаго показываютъ сборъ таможенный, ради личныхъ выгодъ.

Изъ краткаго обзора внѣшней торговли Китая русскому читателю приходится убѣдиться, что хотя мы и сосѣди съ Китаемъ и всякой всячины у насъ много и близко ввозить въ Китай, но до сего времени мы по торговлѣ съ Китаемъ стоимъ далеко не на первомъ планѣ. Можемъ только порадоваться за увеличеніе быстраго ввоза въ Китай русскаго керосина. Затѣмъ, вывозъ чая изъ Китая въ Россію увеличивается, тогда какъ вывозъ его въ другія иностранныя государства—быстро падаетъ; оказывается, что лишь мы, русскіе, довольствуемся чаемъ китайской культуры, стоящей на низкой степени развитія, а другія націи стали предпочитать чай болѣе высокой степени обработки—цейлонскій, индійскій. Ничего, нашъ русскій желудокъ все варитъ!

Съ проведеніемъ Восточно-Китайской ж. д. наша торговля съ Китаемъ должна будетъ вступить въ новую, болѣе культурную, стадію развитія. А съ проведеніемъ магистрали „Байкалъ-Кяхта-Тайюань-Ханькоу-Кантонъ“ китайская внѣшняя торговля должна будетъ вступить въ новый циклъ, благопріятный во всѣхъ отношеніяхъ для нашего отечества.

На стр. 45 — 48 авторъ сѣтуетъ на нелюбезность и уклончивость русско-китайскаго банка (владивостокское отдѣленіе) въ дѣлѣ дачи справокъ о „размѣрѣ и характерѣ операцій и о сдѣланныхъ имъ (банкомъ) успѣхахъ въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей“. Отвѣты на эти вопросы, по мнѣнію автора, „могутъ стать достояніемъ гласности и удовлетворить естественной любознательности и интересу общества“. Но директоръ банка рѣшилъ иначе и на большинство предложенныхъ вопросовъ отдѣлался отвѣтами, вродѣ „финансировка“, „обще-банковыя“, „неизвѣстны“ и даже просто многоточіемъ... А между тѣмъ свои отвѣты директоръ кончаетъ фразою: „Развитіе идетъ быстро впередъ“,—фразою, еще болѣе разжигающею любопытство каждаго, интересующагося русскими общественными вопросами.

Сообщаемыя книжкою „Торговля съ Китаемъ“ цифровыя свѣдѣнія ограничиваются 1896 годомъ.

Къ книжкѣ приложена карта Китая, въ масштабѣ 300 вер. въ дюймѣ, изданія „типо-литографіи П. И. Макушина, въ Томскѣ“. Строющіяся желѣзныя дороги Сибирская и Восточно-Китайская нанесены довольно грубо и неточно.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1897 г. Вып. III. (Комитетъ съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита.) Подъ редакціей А. К. Голубева. Спб., 1898 г. Надняхъ вышла *Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи*, издаваемая комитетомъ съѣздовъ представителей учрежденій русскаго поземельнаго кредита подъ редакціей А. Голубева. Здѣсь приводятся интересныя данныя о положеніи задолженности у насъ частнаго землевладѣнія. Такъ, къ 1897 г. общая задолженность опредѣляется у насъ въ 1.397.059,463 р. (причемъ собственно на Имперію выпадаетъ 1.174.522,953 руб.). Заложенными оказывается 43% всей частно-владѣльческой земли. Заложенная земля оцѣнена всѣми кредитными учрежденіями въ 2.676.052,181 руб. Наиболѣе неблагопріятными губерніями по величинѣ задолженности являются губерніи Херсонская (73% всей площади частно-владѣльческой земли заложено), Эстляндская (89%) и Кубанская область (76%), затѣмъ слѣдуетъ далѣе группа губерній съ задолженностью отъ 50 до 70% всей площади. Эти губерніи раскину-

ты въ разныхъ полосахъ Россіи (Лифляндская, Екатеринославская, Кіевская и т. д.). Менѣе всего задолженной является Елизаветпольская губ. (1%), Вологодская (2%). Поуѣздное разсмотрѣніе степени задолженности вскрываетъ намъ еще болѣе яркую картину: такъ въ 2 уѣздахъ заложены 92% и даже 99% всей частно-владѣльческой земли, въ 11 уѣздахъ отъ 80% до 89% и т. д.

Размѣръ ссуды на одну десятину колеблется отъ 70 руб. 21 коп. до 3 р. 2 к. Болѣе интересны для насъ данныя объ отношеніи суммы ссуды къ оцѣночной суммѣ имѣнія. Наиболѣе крупныя ссуды выдаются Государственнымъ дворянскимъ банкомъ (отъ 60% до 70%), тогда какъ акціонерные банки выдаютъ до 60%, а херсонскій банкъ и бывшее общество поземельнаго кредита—50% и т. д. Задолженность землевладѣнія идетъ у насъ быстрыми шагами: такъ за 11 лѣтъ (съ 1 января 1897 г. по 1 января 1897 г.) ссуды, выданныя дворянскимъ и крестьянскимъ банкомъ, поднялись на 386,7 милл. руб., а ссуды, выданныя частными и акціонерными банками за тотъ же періодъ, поднялись на 656 милл. руб.

Задолженность городской недвижимости къ 1897 г. опредѣляется въ 678,4 милл. руб. Общая сумма ипотечныхъ бумагъ, находящихся въ обращеніи, къ 1 января 1897 г. опредѣлялась въ 1.746.607,900 р. кред. и 2,2 милл. руб. метал.+7.048 тыс. герм. марокъ. Изъ ипотечныхъ бумагъ въ кредитной валютѣ 6,2% выпущено въ 4% бумагахъ, 35,3% въ 4½%-ныхъ бумагахъ, 56,3% въ 5%-ныхъ бумагахъ, 2% въ 5½%-ныхъ и только 0,2% въ 6%.

Это изданіе является очень цѣннымъ для изученія факта задолженности въ Россіи. Здѣсь дѣлается полная поуѣздная сводка данныхъ о задолженности по всѣмъ учрежденіямъ долгосрочнаго кредита.

Улучшеніе жилищъ рабочихъ въ Англіи. Женщины-врача М. И. Покровской. По словамъ извѣстнаго американскаго писателя Альберта Шоу („Городскія управленія въ Западной Европѣ“, гл. I), теперь уже перестали смотрѣть на „городскую жизнь какъ на неизбѣжное, непоправимое зло. Въ большихъ городахъ вступили въ борьбу съ тяжелыми жизненными условіями и доказали, что эта жизнь можетъ быть сдѣлана не только сносной, но пріятной и желательной даже для бѣднаго работника и его семьи“. Надо главнымъ образомъ позаботиться о томъ, чтобы и при случайности населенія создать болѣе благопріятныя условія для жизни.

Существуетъ цѣлая огромная литература, посвященная разработкѣ этого вопроса. Съ одной стороны подробно изслѣдуютъ тѣ данныя, при которыхъ приходится существовать небогатымъ, преимущественно рабочимъ, классамъ населенія; съ другой стороны, указываютъ различныя мѣры, которыя предпринимаются городскими управленіями и частными лицами въ Америкѣ и Западной Европѣ для разрѣшенія главнымъ образомъ „квартирнаго вопроса“.

Въ разбираемой книгѣ петербургскаго врача М. И. Покровской, изслѣдовавшей гигіеническія и санитарныя условія жизни рабочаго класса въ Россіи и за границей, перечислены разнообразныя улучшенія, сдѣланныя въ этомъ направленіи въ Англіи.

Не только отдѣльныя лица (Peabody Guinness въ Лондонѣ) и благотворительныя общества, имѣющія въ виду чисто-филантропическія цѣли, но и спеціальныя строительныя ассоціаціи *) и городскіе муни-

*) Въ Англіи насчитываютъ до 3,000 различныхъ строительныхъ обществъ, среди

ципалитеты затрачиваютъ милліонные капиталы для постройки дешевыхъ квартиръ, раціонально приспособленныхъ для жизни. Навстрѣчу этому движенію прежде всего идетъ правительство: благодаря законодательнымъ мѣрамъ парламента (законы 1890—91 гг.) въ Англіи можно и экспропріировать нездоровые кварталы и вести самый тщательный санитарный надзоръ за квартирами. Разбирая подробно типы этихъ улучшенныхъ квартиръ въ различныхъ городахъ Англіи (Лондонѣ, Гласго, Ливерпулѣ, Бирмингамѣ и др.), г-жа Покровская перечисляетъ условія найма квартиръ, степень ихъ доходности, количество населенія, а также и тѣ благотворные результаты, какихъ достигли устроители дешевыхъ квартиръ (т.-е. уменьшеніе заразныхъ болѣзней и смертности, повышеніе % рождаемости, смягченіе нравовъ, пробужденіе привычки къ извѣстнаго рода комфорту). Но однимъ изъ главныхъ факторовъ, побуждающихъ частныя общества браться за постройку домовъ съ дешевыми квартирами, является именно доходность предпріятій этого рода. Достаточно хотя бы указать на примѣръ miss O. Hill, извѣстной своей филантропической дѣятельностью въ Англіи: она скупала старые дома, передѣлывала ихъ для бѣдныхъ жильцовъ, получала до 5% на затраченный капиталъ. Отсюда въ Америкѣ даже существуетъ вполнѣ опредѣленный терминъ „пятипроцентной благотворительности".

Въ особенности при постройкѣ хорошихъ ночлежныхъ домовъ, въ которыхъ такъ нуждается населеніе, можно всегда разсчитывать на финансовый успѣхъ. А это послѣднее обстоятельство далеко не маловажно для Россіи, въ частности—для Москвы, гдѣ городское управленіе имѣетъ въ виду произвести коренныя реформы въ ночлежныхъ домахъ Хитрова рынка. Остается только пожелать лицамъ, заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, не только ознакомиться съ книгой г-жи Покровской, но и изучить на мѣстѣ результаты общественной дѣятельности въ этомъ направленіи въ западно-европейскихъ городахъ. Тогда, можетъ быть, легче будетъ разрѣшить этотъ наболѣвшій вопросъ и улучшить положеніе бѣднѣйшей части городского населенія.

МЕДИЦИНА.

„Алкоголизмъ". *П. С. Алексѣева.*—„Медицинская бактеріологія. Техника и патогенные микробы Thoinot и Masselin, перев. *Ремезова и Флерова.*—„Элементарная гигіена и основы анатоміи и физіологіи". *Л. А. Ребикина.*—„Бесѣда о дифтеритѣ и о мѣрахъ противъ него". *Золотавина.*—„О народныхъ книгахъ по гигіенѣ и медицинѣ".

Алкоголизмъ. П. С. Алексѣева. Рига, 1898 г. Очень странное впечатлѣніе получается при чтеніи этой книги, написанной съ добрыми намѣреніями. Трудно уяснить себѣ, для кого она предназначена: если для врача, то зачѣмъ потребовалось изложеніе такихъ элементарныхъ понятій, какія извѣстны любому образованному человѣку; если для публики, то для нея совершенно ненужны громадныя цитаты изъ различныхъ медицинскихъ руководствъ и монографій по алкоголизму, да и зачѣмъ понадобилось автору приводить эти цитаты въ оригиналѣ понѣмецки, по-французски, по-англійски, даже по-латыни, безъ перевода на русскій языкъ, вѣдь далеко не всѣ обладаютъ такимъ знаніемъ язы-

---

которыхъ, напримѣръ, въ Лондонѣ, заслуживаютъ вниманія главнымъ образомъ: „Improved industrial dwelling company", „Artisan's, laborer's and general dwelling c-ny", „Tenement dwelling c-ny" и многія другія.

ковъ, какъ авторъ. Изложеніе отличается и запутанностью, и противорѣчіями и повтореніями одного и того же. Наприм., что значитъ хотя бы это мѣсто: „вплоть до Liebig'a (,) открывшаго Hydrat-Chloral, спиртъ былъ полезенъ въ химической лабораторіи". А теперь — безполезенъ? На стр. 145 говорится, что при хроническомъ алкоголизмѣ появляется упадокъ памяти, а говоря о томъ же хроническомъ алкоголизмѣ на 174 стр. авторъ увѣряетъ, что память сохраняется долго. На всей книгѣ отпечатокъ спѣшности, случайности и отсутствія всякой системы.

Медицинская бактеріологія. Техника и патогенные микробы. Thoinot и Masselin. Перев. Ремезова и Флерова. Изд. переводчиковъ. М., 1898 г. Ц. 2 руб. 75 коп. Настоящее руководство при сжатомъ, но весьма обстоятельномъ изложеніи техники, морфологіи и біологическихъ свойствъ различныхъ патогенныхъ микробовъ, можетъ быть рекомендовано читателямъ въ качествѣ хорошаго пособія при первоначальномъ изученіи этой весьма важной отрасли медицины. Въ первой части содержится описаніе обстановки бактеріологической лабораторіи, инструментовъ, посуды, чистки ея, изготовленія и стерилизаціи питательныхъ средъ, разводокъ, техники микроскопическаго изслѣдованія и проч.; во второй, разбитой на 3 главы,—описаніе микробовъ, общихъ человѣку и животнымъ, исключительно животнымъ и исключительно человѣку. Особенною полнотой изложенія отличается отдѣлъ о туберкулезѣ, брюшномъ тифѣ. Въ русскомъ переводѣ добавлены статьи о чумѣ, актиномикозѣ, желтой лихорадкѣ и иммунитетѣ, составленныя переводчиками по французскимъ источникамъ. Въ заключеніе—описаніе инструментовъ, приспособленныхъ для нагрѣванія керосиномъ. Языкъ перевода хорошъ, внѣшность изданія приличная. Цѣну—2 р. 75 к.—однако, нельзя назвать „возможно доступной".

Элементарная гигіена и основы анатоміи и физіологіи. Л. А. Ребинина. Руководство для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 20 рис. Спб., 1898 г. Попытка изложить на 90 страницахъ въ 12-ю долю листа разгонистой печати элементарныя свѣдѣнія изъ гигіены „съ основами анатоміи и физіологіи", можно сказать, не удалась автору. Просматривая эту брошюрку, мы, къ удивленію нашему, на 4 стр. ея встрѣчаемъ слѣдующее открытіе: сердце помѣщается въ правой половинѣ грудной полости. Конечно, это случайное недоразумѣніе, но ему не мѣсто въ книгѣ, назначенной для „низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній". Опредѣляя составъ пищи на 13 стр., авторъ забылъ упомянуть объ углеводахъ, забыто также, что узлы симпатической и нервной системы помѣщаются и на шеѣ. 29-й и послѣдующіе уроки, знакомя читателей съ уходомъ за дѣтьми (свиваніе, укачиваніе, кормленіе естественное и искусственное), съ болѣзнями дѣтскаго возраста безъ всякаго ущерба могли бы быть выкинуты изъ руководства, предназначеннаго для дѣтей и ранняго юношества.

Бесѣда о дифтеритѣ и о мѣрахъ противъ него. Н. А. Золотавина. Изд. Риккера. Спб., 1898 г. Ц. 20 коп. Брошюра написана живымъ, яснымъ и общедоступнымъ языкомъ и смѣло можетъ быть рекомендована для чтенія. Нельзя, однако, не отмѣтить такого пропуска важнаго симптома. въ изложеніи картины болѣзни, какъ повышеніе температуры; авторъ говоритъ о немъ позднѣе, называя его „лихорадкой", что съ медицинской точки зрѣнія, конечно, синонимъ, но для простой публики, привыкшей подъ лихорадкой подразумѣвать болѣзнь болотнаго происхожденія, такъ называемую перемежающуюся лихорадку, это будетъ не вполнѣ ясно. Желательно было бы также избѣгать

такихъ терминовъ, какъ тампонъ, эпидемія. Цѣна книги—18 страницъ разгонистой печати—20 коп. очень высока.

О народныхъ книгахъ по гигіенѣ и медицинѣ. Спб., 1898 г. Брошюра эта, благодаря полной объективности, безпристрастности оцѣнки разбираемыхъ въ ней книгъ для народнаго чтенія, можетъ быть весьма полезнымъ пособіемъ при выборѣ книгъ для народныхъ библіотекъ, читаленъ и чтеній для народа. Не малую службу можетъ она также сослужить и будущимъ авторамъ медицинскихъ книгъ для народа, указывая на существенные недостатки предшественниковъ.

УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Краткое руководство къ изготовленію картинъ для волшебнаго фонаря". Составл. подъ ред. *А. Гартвига.*—„Картинный географическій атласъ". Состав. *М. Т. Ярошевская.*—„Народная школа". Книга для чтенія, часть I. Сост. *В. Львовъ.* — „Двѣ судьбы". *Балобановой.*—„Библіотека нашихъ дѣтей. Избранные разсказы и повѣсти". *Ф. Г. Бернека.*

Краткое руководство къ изготовленію картинъ для волшебнаго фонаря. Составлено коммиссіей по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ при учебномъ отдѣлѣ Московскаго музея прикладныхъ знаній подъ редакціей предсѣдателя коммиссіи А. Гартвига. Ц. 25 к. Москва, 1898 г. Въ настоящее время, въ видахъ постоянно усиливающагося общественнаго интереса къ нуждамъ народнаго образованія, волшебный фонарь пріобрѣтаетъ все большее значеніе, какъ одно изъ важныхъ просвѣтительныхъ средствъ, и спросъ на тѣневую картину растетъ. Между тѣмъ всякому, имѣющему отношеніе къ устройству народныхъ чтеній, извѣстно, какого труда, особенно гдѣ-нибудь въ глуши, стоитъ достать фонарь и соотвѣтствующую коллекцію картинъ. Вопросъ тутъ заключается, съ одной стороны, въ дороговизнѣ аппарата и картинъ, съ другой же—въ самомъ качествѣ этихъ картинъ, представляющихъ подчасъ совсѣмъ непригодный или антихудожественный матеріалъ. Чтобы сдѣлать тѣневую картину доступной для школъ и аудиторій и чтобы поднять художественное достоинство, „Московская коммиссія по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ" обращается за помощью къ любителямъ-фотографамъ, художникамъ и людямъ знанія", приглашая ихъ пожертвовать незначительной частью своего досуга на пользу народнаго просвѣщенія. Съ этою цѣлью „коммиссія" издала настоящую брошюру, имѣющую видъ самоучителя по данному вопросу. При ознакомленіи съ нею, каждому станетъ очевидно, насколько просто и нетрудно дѣло изготовленія тѣневыхъ картинъ. Кромѣ того, для желающихъ „коммиссія" охотно даетъ справки и разъясненія по всѣмъ вопросамъ, касающимся составленія коллекцій и производства картинъ". „И какое прекрасное занятіе,—говорится въ брошюрѣ,—могли бы найти себѣ тѣ лица, которыя почему-либо принуждены жить въ глухой мѣстности, а между тѣмъ жаждутъ приложить свои силы къ какой-либо простой и полезной работѣ. Безъ особенныхъ расходовъ, безъ всякихъ спеціальныхъ знаній, у себя дома, въ привычной обстановкѣ можно дать сосѣдней школѣ цѣлый рядъ наслажденій и извѣстный запасъ полезныхъ знаній"(стр.9).

Картинный географическій атласъ. Составила М. Т. Ярошевская, съ 215 рисунковъ, служащихъ пособіемъ при изученіи географіи Россіи, математической, физической и всеобщей географіи. Картинный атласъ г-жи Ярошевской составленъ подробно и съ боль-

шимъ стараніемъ, такъ что можетъ послужить полезнымъ пособіемъ при прохожденіи географіи какъ въ средней, такъ и въ народной школѣ. Особенно удаченъ отдѣлъ о формахъ земной поверхности, который дастъ ученику возможность наглядно познакомиться со всевозможными видами поверхности. Хуже составлены отдѣлы, посвященные флорѣ и фаунѣ, и совсѣмъ недостаточно и случайно подобраны типы человѣческихъ расъ и народностей.

Народная школа. Книга для чтенія для (?) воскресныхъ и начальныхъ школъ. Старшій возрастъ. Часть I. Составилъ Владиміръ Львовъ. М., 1899 г. Ц. 70 к. Грамматическая погрѣшность, допущенная авторомъ въ заголовкѣ книги, съ перваго же раза какъ-то невольно возбуждаетъ нѣкоторое недовѣріе къ труду г. Львова. *Народная школа*, какъ видно изъ предисловія, имѣетъ цѣлью „дать матеріалъ для объяснительнаго чтенія въ воскресныхъ школахъ, которыя до сихъ поръ принуждены были довольствоваться книгами, составленными примѣнительно къ дѣтскому возрасту“. Книга заключаетъ въ себѣ два отдѣла. „Въ первомъ помѣщены статьи объ устройствѣ человѣческаго тѣла и рядъ зоологическихъ очерковъ, начиная отъ высшихъ животныхъ и постепенно нисходя къ низшимъ. Второй отдѣлъ, начинающійся статьей „Природа и трудъ человѣка“, заключаетъ „рядъ статей по ботаникѣ, а во второй своей половинѣ—статьи, описывающія добываніе и производство нѣкоторыхъ, особенно распространенныхъ въ обыденной жизни продуктовъ“. Такимъ образомъ, авторъ совершенно исключаетъ изъ своей книги литературный отдѣлъ и тѣмъ придаетъ ей односторонній характеръ учебника по естествовѣдѣнію. Интересны мотивы, которыми руководился при этомъ авторъ. „Я счелъ *излишнимъ* (курсивъ нашъ),—пишетъ онъ въ предисловіи,—помѣщать въ этой книгѣ отдѣльный литературный отдѣлъ, чтобы не увеличивать ее чрезмѣрно и тѣмъ не удорожить ее“. Авторъ забываетъ, однако, что ученику воскресной школы придется имѣть теперь не одну, а двѣ хрестоматіи, что̀ едва ли для него выгоднѣе. Или, можетъ быть, авторъ предполагаетъ излишнимъ знакомство учениковъ воскресной школы съ лучшими образцами родной литературы и сводитъ занятія на урокахъ русскаго языка къ изученію малограмотныхъ статей, принадлежащихъ перу самого автора и составляющихъ содержаніе *Народной школы*? Къ сожалѣнію, малограмотность въ книгѣ г. Львова составляетъ еще меньшее зло; гораздо больше вреда она можетъ принести тѣмъ, что даетъ массу или прямо невѣрныхъ, или сбивчивыхъ представленій объ окружающей природѣ. Чтобы не быть голословнымъ, приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ первой части, наименѣе обработанной: „Когда комочекъ пищи прожеванъ и смоченъ слюною, языкъ подталкиваетъ его къ глоткѣ, дѣлаетъ нажимъ и пища сразу *проваливается туда* *). Это и есть проглатываніе“ (стр. 22). На слѣдующей страницѣ авторъ сообщаетъ вещи болѣе удивительныя: „Пищевая кашица, — говоритъ онъ,—*просачивается сквозь стѣнки желудка и кишекъ и смѣшивается съ кровью*“. Итакъ, провалившаяся пища просачивается сквозь стѣнки желудка и кишекъ! Пощадите, г. Львовъ, несчастныхъ учениковъ воскресной школы! Вѣдь, сознаніе ихъ и безъ того затемнено массой предразсудковъ, а тутъ еще и школа будетъ сообщать имъ Богъ вѣсть какую нелѣпость. На страницѣ 27 авторъ замѣчаетъ, что „артеріи замѣтно бьются на рукахъ—*надъ ладонью*“. „На груди у собаки кожа

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

тую натянута на ребрахъ". „*Передъ грудью* у ней находятся переднія ноги" (стр. 36). „Свинья—также *двукопытное* животное",—читаемъ на страницѣ 41. И это называется давать учащимся *полезныя* свѣдѣнія по естествознанію! А какъ понимать такія, напримѣръ, положенія автора: „Когда мы хотимъ согнуть руку, то отъ нашего мозга по нервамъ *что-то такое* проходитъ до большого мускула, и *оно-то* заставляетъ мускулъ сокращаться". Или: „Голова также имѣетъ *свое внутреннее помѣщеніе* или полость, въ которой помѣщается мозгъ". Мы долго не кончили бы, если бы захотѣли привести здѣсь всѣ перлы книги г. Львова, но и этого, думается намъ, достаточно, чтобъ убѣдиться въ непригодности ея для какой бы то ни было школы. Лицамъ, берущимся за составленіе книгъ для народа, нужно помнить, что они принимаютъ на себя серьезную отвѣтственность, выпуская ту или другую книгу для читателя, не имѣющаго возможности отнестись критически къ читанному и провѣрить сообщаемыя свѣдѣнія. Лучше не давать совсѣмъ никакихъ свѣдѣній, чѣмъ давать ихъ въ искаженномъ видѣ.

Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. 1) Е. В. Балобанова. Двѣ судьбы. Герцогиня Рената Феррарская и Муза Италіи Олимпія Мората. Біографическій очеркъ изъ эпохи Возрожденія и Реформаціи. Ц. 75 к. 2) Библіотека нашихъ дѣтей. Избранные повѣсти и разсказы.Ф. Г. Бернекъ. Спб., 1899 г. Фактическая сторона книжки г-жи Балобановой интересна. Матеріалъ собранъ тщательно, сгруппированъ послѣдовательно, и такимъ образомъ у читателя не отнимается возможности приходить къ тѣмъ или инымъ выводамъ. Намъ это, однако, кажется недостаточнымъ. Въ рукахъ автора находился матеріалъ чрезвычайно любопытный, изъ котораго при другой обработкѣ могла бы получиться прекрасная книга для юношества; но отсутствіе характеристикъ и обобщеній, а также излишняя документальность изложенія дѣлаютъ работу г-жи Балобановой мало интересной для этого возраста. Въ то же время книжка не имѣетъ характера научнаго изслѣдованія, и такъ какъ нигдѣ не указано, для какого возраста или круга читателей она предназначается, то естественно предположить, что она разсчитана на такъ-называемую „большую публику". Но и въ этомъ случаѣ она много бы выиграла, еслибъ авторъ внесъ въ свой трудъ побольше творчества.

Настоящій выпускъ „Библіотеки нашихъ дѣтей" составленъ очень удачно; онъ содержитъ въ себѣ два произведенія Бернета, повѣсть *Сара Кру* и разсказъ *Воръ Эдифи*. Обѣ эти вещи принадлежатъ къ тѣмъ типичнымъ произведеніямъ англійской дѣтской литературы, которыя всегда имѣютъ успѣхъ у читателей. Въ первой разсказываются приключенія маленькой дѣвочки Сары Кру. Тутъ есть всѣ специфическіе элементы названной литературы: и привилегированный пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ, въ которомъ воспитывается героиня, и чопорная лицемѣрная начальница, и рядъ превратностей судьбы, падающихъ на голову героини, и даже добродѣтельный джентльменъ, являющійся въ качествѣ спасителя, какъ разъ въ желательный моментъ. Всѣ эти подробности не новы, но очень интересны для дѣтей. Кромѣ того, самый характеръ героини обрисованъ прекрасно, и разсказъ ведется очень живо. Что касается до перевода, то въ немъ намъ не нравятся, во-первыхъ, слишкомъ длинные періоды, а во-вторыхъ, нерѣшительность переводчицы. Какъ на образчикъ послѣдняго качества укажемъ на неудачное обращеніе съ мѣстоименіями. Извѣстно, что въ Англіи при разговорѣ не принято употреблять мѣстоименіе „ты",

и даже дѣти родителямъ говорятъ „вы“, но переводчики обыкновенно дѣйствуютъ тутъ сообразно съ особенностями русскаго языка. Въ разбираемой же книжкѣ въ этомъ отношеніи переводъ пунктуальный, почему для русскаго уха получается странное впечатлѣніе. Не только гонимой и презираемой дѣвочкѣ Сарѣ всѣ говорятъ „вы“, но даже съ своей куклой Сара „на вы“. „Вы кукла, и больше ничего,—кричала (Сара),—кукла! кукла! кукла! Вы набиты опилками. У васъ никогда не было сердца! Вы—кукла“! По смыслу, это должно выражать настоящій вопль отчаянія бѣднаго и одинокаго существа, но нерусскій оборотъ ослабляетъ впечатлѣніе. *Воръ Эдифи* отличается тѣми же достоинствами, какъ *Сара Кру*. Интересная фабула, умѣло обрисованныя лица, живость изложенія и хорошая идея—все это говоритъ въ его пользу. Издана, какъ и прочіе выпуски „Библіотеки нашихъ дѣтей“, довольно изящно, и цѣна недорога.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

1) Изданія О. Н. Поповой. 2) Научно-популярная библіотека для народа, изд. Ф. Павленкова. Среди изданій для народа, вышедшихъ за послѣднее время, одно изъ видныхъ мѣстъ, безспорно, занимаютъ книжки, выпущенныя издательской фирмой О. Н. Поповой въ С.-Петербургѣ. По своему характеру онѣ напоминаютъ ту прекрасную серію народныхъ книжекъ, которую выпустилъ С.-Петербургскій комитетъ грамотности въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; нѣкоторыя же комитетскія книжки переизданы г. Поповой вновь. Передъ нами тридцать книгъ новой серіи: 1) *Кавказскій плѣнникъ*. Л. Н. Толстого; 2) *Неизлѣчимый*. Г. И. Успенскаго; 3) *Умалишенный*. Н. Н. Наумова; 4) *Максимка*. К. М. Станюковича; 5) *Будка*. Г. И. Успенскаго; 6) *Неустрашимый Галлей*. Ф. Д. Нефедова; 7) *Бэла*. М. Ю. Лермонтова; 8) *Нужда пѣсенки поетъ*. Г. И. Успенскаго; 9) *Отъ совѣсти*. В. І. Дмитріевой; 10) *Безоброчный*. Ф. Д. Нефедова; 11) *Матросская расправа*. К. М. Станюковича; 12) *Книжка чековъ*. Г. И. Успенскаго; 13) *Лѣшій обошелъ*. Ф. Д. Нефедова. Кромѣ этого, частію готовятся къ печати, а частію уже вышли въ свѣтъ еще нѣкоторые изъ разсказовъ В. Немировича-Данченко, Засодимскаго, Пружанскаго и др. Вся серія, насколько можно судить по вышедшимъ книжкамъ, разсчитана преимущественно на взрослаго читателя изъ народа; при этомъ нельзя не отмѣтить, что выборъ матеріала для изданія сдѣланъ довольно удачно,—очевидно, лицу, руководившему выборомъ, хорошо знакомы потребности и вкусы этого читателя. Нѣкоторое сомнѣніе въ пригодности для народнаго чтенія могутъ возбудить развѣ произведенія Г. И. Успенскаго: у насъ существуетъ еще мнѣніе, что этотъ писатель недоступенъ пока для народа, что народу трудно, не по силамъ разобраться особенно въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ авторъ, какъ художникъ и публицистъ, дѣлаетъ попытки уяснить часто очень сложныя явленія русской жизни. Мы думаемъ, однако, что такое мнѣніе основано скорѣе на предположеніи и едва-ли имѣетъ за собой фактическія данныя. Пишущему эти строки часто приходилось наблюдать въ одной изъ библіотекъ фабричнаго района, что сочиненія Успенскаго охотно берутся изъ библіотеки взрослыми читателями уже на второй годъ самостоятельнаго чтенія. Не лишенъ интереса также и тотъ фактъ, что произведенія Успенскаго начинаютъ экспло-

атироваться даже нашими лубочниками съ Никольскаго рынка. Наприм., разсказъ *Нужда пѣсенки поетъ*, начиная съ 1885 года, почти ежегодно издается Московской лубочной фирмой Коноваловой. Наконецъ, теперь уже не рѣдкость встрѣтить среди читателей изъ народа такихъ, которымъ по плечу *всякая* книга, не только художественной, но и научной литературы, разсчитанная вообще на образованную публику, и такихъ читателей изъ народа съ каждымъ годомъ становится у насъ все больше и больше. Можно только пожелать, чтобы произведенія Г. И. Успенскаго какъ можно чаще появлялись въ изданіяхъ для народа и чтобы скорѣе наступило то время, когда этотъ писатель *весь* сдѣлается достояніемъ народной массы, нужды и горести которой такою болью отзывались всегда въ его чуткомъ сердцѣ.

Изъ произведеній Нефедова *Безсрочный* раньше былъ изданъ С.-Петербургскимъ комитетомъ грамотности; жаль, что цѣна этой книжки въ изданіи Поповой возвышена чуть не вдвое: въ комитетскомъ изданіи стоила 8 коп., а въ настоящемъ—14 коп. Впервые появляются въ народной литературѣ другіе два разсказа этого писателя: *Неустрашимый Галлей* и *Лѣшій обошелъ*. Первый изъ нихъ содержитъ въ себѣ хорошенькую башкирскую легенду о прекрасномъ юношѣ Галлеѣ, побѣдившемъ злого духа Шайтана; во второмъ, всецѣло взятомъ изъ народной жизни, разсказывается о томъ, какъ мужикъ послѣ усиленной попойки встрѣчается съ лѣшимъ. Разсказъ направленъ противъ народныхъ суевѣрій. Хороши также разсказы изъ народной жизни Наумова—*Умалишенный* и Дмитріевой—*Отъ совѣсти*. Послѣдній касается одного изъ наиболѣе наболѣвшихъ вопросовъ нашей деревни—положенія женщины въ семьѣ; написанъ онъ правдиво и оставляетъ тяжелое впечатлѣніе, рисуя безпросвѣтную русскую „долюшку женскую“. Желательно было бы видѣть въ изданіяхъ для народа и другіе разсказы г-жи Дмитріевой, появлявшіеся въ толстыхъ журналахъ,—авторъ всегда такъ правдиво и живо изображаетъ деревенскую дѣйствительность. Мы считаемъ излишнимъ говорить про книжки Л. Толстого, Лермонтова и Станюковича: для народа они издаются далеко уже не въ первый разъ; можно только пожелать, чтобы подобныя произведенія возможно чаще появлялись на народномъ книжномъ рынкѣ. Въ заключеніе позволимъ себѣ замѣтить, что цѣна, назначенная г-жей Поповой на свои изданія, нѣсколько высока, что, несомнѣнно, можетъ послужить нѣкоторымъ тормозомъ къ ихъ распространенію. Издателямъ народныхъ книжекъ вообще нужно быть очень осторожными при расцѣнкѣ книгъ, такъ какъ всякая лишняя копейка, при экономической необезпеченности простого читателя, можетъ затормозить быстрое распространеніе книги; объ этомъ почти единогласно свидѣтельствуютъ лица, работающія въ провинціальныхъ книжныхъ складахъ для народа.

Изданіе научно-популярной библіотеки для народа, предпринятое Павленковымъ, должно составить крупное явленіе въ области народной литературы. Кому не извѣстна широкая дѣятельность г. Павленкова по изданію популярно-научныхъ книгъ для интеллигенціи? Если такую же энергію проявитъ онъ теперь и при изданіи народныхъ книгъ, то нашъ народный книжный рынокъ скоро обогатится цѣнными изданіями по разнымъ отраслямъ знанія. Для „Популярно-научной библіотеки“ издателемъ намѣчено пока 40 книжекъ, принадлежащихъ перу талантливаго популяризатора г. Лункевича. Изъ нихъ отпечатаны уже и вышли въ свѣтъ слѣдующія девять книжекъ: 1) *Земля*. Съ 13 рисунками. Ц. 8 коп. 2) *Небо и звѣзды*. Съ 18 рисун. Ц. 8 коп. 3) *Громъ и молнія*. Съ 24 рисун. Ц. 12 коп. 4) *Жизнь въ каплѣ воды*. Съ 14 рисунк.

Ц. 8 коп. 5) *Невидимые друзья и враги людей.* Съ 28 рисун. Ц. 16 к. 6) *Два великихъ царства природы.* Съ 93 рисун. Ц. 25 коп. 7) *Великаны и кармики въ царствѣ животныхъ.* Съ 37 рисун. Ц. 20 коп. 8) *Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ?* Съ 33 рисун. Ц. 16 к. 9) *Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата. Жизнь муравьевъ.* Съ 12 рис. Ц. 15 к. Всѣ книжки написаны просто, толково, хорошимъ литературнымъ языкомъ и изобилуютъ множествомъ прекрасныхъ рисунковъ. Приведенныя здѣсь заглавія книгъ указываютъ на ихъ содержаніе. Въ первой изъ нихъ разсказывается объ устройствѣ земли, ея шарообразности и величинѣ; вторая содержитъ въ себѣ краткія свѣдѣнія по астрономіи; третья посвящена электричеству въ природѣ, попутно говорится въ ней и о другихъ физическихъ явленіяхъ; въ четвертой и пятой дается понятіе о микроорганизмахъ; въ шестой и седьмой находимъ описаніе животнаго и растительнаго царства природы; восьмая даетъ первоначальныя свѣдѣнія по физіологіи; наконецъ, девятая посвящена описанію жизни муравьевъ. Нужно ли говорить, насколько необходимы у насъ популярно-научныя книги, трактующія объ обыденныхъ явленіяхъ окружающей насъ природы?

Къ сожалѣнію, *дѣйствительно* хорошихъ и толковыхъ книгъ изъ этой области у насъ очень немного, и нашей интеллигенціи въ лицѣ ея лучшихъ представителей предстоитъ на этомъ поприщѣ еще не мало работы, чтобы подготовленный школой читатель имѣлъ возможность путемъ чтенія хорошихъ книгъ расширить свой кругозоръ и пополнить свои скудныя знанія объ окружающемъ мірѣ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *апрѣль*.—„Міръ Божій“, *апрѣль*.

Въ апрѣльской книжкѣ *Вѣстника Европы* заканчиваются одинъ романъ и двѣ повѣсти: романъ *Куда идти?* написанъ г. Боборыкинымъ, первая повѣсть, съ польскаго, *Аргонавты* — г-жею Элизою Ожешковой и вторая съ нѣмецкаго *Хозяинъ* — Паленцомъ. Всѣ три начались въ январѣ и всѣ три заслуживаютъ вниманія. Романъ г. Боборыкина *Куда идти*, конечно, изобличаетъ въ авторѣ опытнаго писателя: въ немъ есть жизненныя сцены, живыя фигуры и интересныя положенія, но и тѣ, и другія, и третьи появляются мимоходомъ и иной разъ проходятъ безслѣдно. Во всякомъ случаѣ, не ими занятъ г. Боборыкинъ, а имъ отводитъ мѣсто чего-то вродѣ аксессуаровъ и обстановки. Къ заглавію къ роману *Куда идти* имѣютъ отношеніе больной князь Елатомскій и полубольной сынъ его Борисъ, а жена князя, его старшій сынъ спортсменъ, дочь, Скурловъ, ея женихъ, а потомъ мужъ, Людмила, „дѣвица, живущая у тетки князя не то какъ компаньонка, не то какъ сирота“ и проч.,— всѣ эти дѣйствительно изъ жизни выхваченныя лица играютъ роль второстепенную. Они введены только для того, чтобъ обнаружить тотъ разладъ въ семьѣ князя, ту семейную канитель, по выраженію старшаго сына князя Елатомскаго, изъ которой въ концѣ концовъ князь вырвался на свободу въ Римъ, гдѣ предается отдыху, и, отдыхая, приходитъ къ убѣжденію, что нельзя дышать безъ свободы совѣсти, отдыхая же отрѣшается отъ своей „человѣческой матеріи“, благодаря красотѣ вѣчнаго города. Итакъ, князь нашелъ себѣ выходъ изъ „фамильной канители“ и пришелъ какъ будто къ цѣли, хотя, какъ старый уже человѣкъ, остановился на полдорогѣ. Римомъ кончаются всѣ его странствованія и скитанія земныя. Сынъ его, Борисъ, который

въ „фамильной канители“ всегда находился на сторонѣ отца, потому что вообще походилъ на него, идетъ дальше Рима. Римъ только на время увлекъ и подчинилъ его себѣ; всегда склонный къ мистицизму, тамъ онъ превращается въ совершеннаго мистика и становится проповѣдникомъ вселенской религіи. Онъ, однако, не кончилъ этимъ. Не то подъ вліяніемъ неудачной любви, не то подъ вліяніемъ стараго товарища Хазина, въ концѣ романа, онъ пишетъ изъ Рима за границу человѣку, котораго считалъ своимъ „вдохновителемъ“: „Спустись сначала туда,—шептала мнѣ моя совѣсть,—побывай въ „станѣ погибающихъ“, извѣдай на себѣ всѣ ужасы, какіе себялюбіе, бездушная чувственность и торжествующій развратъ создали повсюду, гдѣ одичаніе и позоръ, забитость и безпомощность голодныхъ!“ Итакъ, молодой князь Борисъ Елатомскій доходитъ до мысли, что надо идти въ „станъ погибающихъ“, и этимъ и рѣшается вопросъ, поставленный въ заглавіи романа. Разумѣется, такое рѣшеніе вопроса прекрасно. Однако, причемъ тутъ полубольной князь Борисъ? Почему именно ему выпадаетъ на долю рѣшеніе вопроса: *куда идти?* Если г. Боборыкинъ хочетъ сказать, что даже человѣкъ полубольной, съ болѣзненной чувствительностью совѣсти, съ мистическимъ настроеніемъ, и притомъ князь, долженъ въ концѣ концовъ заинтересоваться „станомъ погибающихъ“, то онъ, можетъ быть, и правъ; однако, все-таки въ романѣ не показано, откуда этотъ интересъ взялся у князя. Въ письмѣ къ „вдохновителю“ князь Борисъ пробуетъ объяснить задачу, и все-таки не объясняетъ: для читателей чувствуется натяжка. Какъ бы то ни было, а единственною видимою причиной является неудавшаяся любовь къ женщинѣ, но въ такомъ случаѣ все это слишкомъ мало вразумительно. Вообще женщинѣ г. Боборыкинъ придаетъ въ своемъ романѣ черезчуръ большое и нѣсколько неожиданное значеніе. Благодаря женщинѣ, т.-е. женѣ и ея каверзамъ, сталъ размышлять старый князь, послѣ неудачной любви къ женщинѣ выходитъ на настоящую дорогу молодой князь Борисъ, о женщинѣ и обо „всемъ, что она вноситъ въ жизнь мужчины“, разговариваютъ персонажи романа на самой послѣдней его страницѣ и, наконецъ, изъ-за женщины весьма своеобразно и даже странно ведетъ себя въ романѣ нѣкій господинъ Мѣдниковъ, знаменитый докторъ и знаменитый профессоръ. Можно даже предположить, что г. Боборыкинъ при своемъ вопросѣ: *куда идти?*—мысленно прибавляетъ „отъ женщины“, но такое предположеніе было бы слишкомъ обидно для романа, который, конечно, имѣетъ гораздо болѣе интересное значеніе. Что касается до Мѣдникова, то онъ является къ князю по вызову жены этого послѣдняго, женщины, нѣкогда игравшей большую роль въ его собственной жизни; по замысламъ княгини, онъ долженъ помочь ей, признавъ ея мужа психически-больнымъ, но Мѣдниковъ, освободившійся отъ ея чаръ путемъ продолжительной разлуки, на этотъ разъ смотритъ на князя, своего бывшаго паціента, безпристрастными глазами, ненормальнымъ его не находитъ и, не оправдавъ надеждъ его супруги, дружится съ нимъ и спасаетъ его отъ „фамильной канители“. Но себя самого онъ все-таки не спасъ и по прошествіи нѣкотораго времени, пострадавъ уже отъ новой женщины, на которой онъ даже женится, является въ тотъ же Римъ, гдѣ встрѣчается съ тѣмъ же княземъ Елатомскимъ, къ ихъ общему удовольствію. Почему-то онъ пренебрегъ своею практикой и извѣстностью, когда менѣе всего этого ожидаешь. Вообще этотъ человѣкъ — что-то вродѣ „добраго генія“ для стараго князя, а такъ какъ доброму генію не полагается походить на живого человѣка, то на живого человѣка Мѣдниковъ не похожъ. Но много и другихъ недо-

умѣній порождаетъ романъ г. Боборыкина, и, потому, хотя вопросъ *куда идти* рѣшается авторомъ вѣрно, нельзя не пожалѣть, что рѣшеніе это виситъ на воздухѣ и не вытекаетъ естественно изъ естественныхъ условій мѣста, времени, общежитія и правдоподобія. Какъ ни мѣтко изображена романистомъ княжеская „фамильная канитель", она мало вяжется съ рѣшеніемъ вопроса *куда идти*.

Въ повѣсти Элизы Ожешковой *Аргонавты* мы встрѣчаемся съ тою же „фамильной канителью". Г-жа Ожешкова не задается столь широкимъ вопросомъ, какой занимаетъ г. Боборыкина: она просто изображаетъ картину семейныхъ отношеній въ извѣстной обстановкѣ. Картина эта производитъ сильное и даже жуткое впечатлѣніе. Если угодно, это старая исторія, но она разыгрывается поновому и, во всякомъ случаѣ, примѣнительно къ новымъ условіямъ жизни. Дѣйствіе повѣсти и ея интересъ сосредоточены около спекулянта, финансиста и богача Алоизія Дарвида. Этотъ человѣкъ всю жизнь свою положилъ на добываніе милліоновъ и всю жизнь ему „некогда". У него есть жена, сынъ Маріадъ и двѣ дочери—Ирена и Кара, но ему некогда проводить время въ семьѣ, некогда поговорить съ женой, некогда слѣдить за воспитаніемъ дѣтей, некогда участвовать въ интересахъ того или иного члена семьи. Время идетъ, дѣти растутъ, жена задыхается въ монотонной, хотя и роскошной обстановкѣ; начинается семейная драма. Жена измѣняетъ мужу и сходится къ Краницкимъ, который раньше, до замужства, любилъ ее. Двое старшихъ дѣтей, Маріанъ и Ирена, даровитые отъ природы, ранѣе времени становятся чуть не стариками, успѣвъ понять ничтожество и мишуру окружающаго блеска и разочароваться въ привлекательности жизни, полной заботъ о пріобрѣтеніи все большихъ и большихъ денегъ. Ихъ головы работаютъ съ преждевременнымъ упорствомъ, въ мягкой матери они сумѣли увидать страдалицу и, узнавъ объ ея отношеніяхъ къ Краницкому, берутъ ее подъ свою защиту; отецъ для нихъ „стальная душа", какъ выражается Ирена. Одна младшая дочь, Кара, по своему малолѣтству, цѣла еще отъ губительнаго вліянія семьи, въ которой идетъ такой разладъ, но и она, играя съ своею любимою собакой Пуфикомъ, часто въ недоумѣніи останавливается передъ тѣми или другими ненормальностями поведенія отца или матери и отношеніями брата и сестры къ тѣмъ же матери и отцу. Какъ ребенокъ, она пока непосредственна и потому улучаетъ минуту, чтобы за разрѣшеніемъ своихъ недоразумѣній обратиться къ отцу, но тому некогда, и Дарвидъ наскоро даетъ ей не всегда удовлетворяющіе ее отвѣты, а самъ продолжаетъ накапливать и накапливать деньги. До поры до времени онъ не замѣчаетъ ничего неправильнаго въ своей семьѣ, но наступаетъ минута, и ему приходится послѣдовательно и съ неумолимою логикой расплачиваться за свои „некогда". Прежде всего ему становится извѣстнымъ отношеніе жены къ Краницкому, но, будучи „стальною душой", онъ не позволяетъ себѣ сантиментальничать и попросту даетъ, что называется, отступного Краницкому, чтобы тотъ не показывался въ его домѣ. Далѣе Дарвидъ останавливается на сынѣ Маріанѣ, который соритъ деньгами совершенно равнодушно и безо всякаго удовольствія; отецъ призываетъ Маріана къ себѣ и думаетъ запугать его, но тотъ выкладываетъ всѣ свои взгляды на отцовскую жизнь и на жизнь вообще, обезоруживаетъ этимъ отца, обращаетъ въ деньги свою недвижимую собственность, и, выручивъ за нее порядочную сумму, уѣзжаетъ въ Америку искать заработка. „Стальная душа" Дарвида встрепенулась было, но тутъ же онъ поспѣшилъ прійти въ равновѣсіе. Наконецъ, дѣло доходитъ до дочери Ирены.

Какъ-то само собою подразумѣвалось, что она должна выйти замужъ по выбору отца,—этимъ и кончились всѣ его заботы о ней, и потому, когда Ирена остановилась было на баронѣ Блаувендорфѣ, нежелательномъ въ качествѣ жениха для Дарвида, послѣдній старается устранить его. Однако, по поводу барона, Ирена никакого протеста не выражала, потому что не такъ онъ и нравился ей. Скоро подоспѣлъ другой случай. Какъ-то разъ женѣ своей Дарвидъ сказалъ, что она потеряла его уваженіе послѣ исторіи съ Краницкимъ, а Ирена, замѣтивъ волненіе матери отъ этихъ словъ, рѣшила, что довольно тайнъ и недосказываній, и откровенно переговорила съ матерью. Послѣ переговоровъ, Дарвидъ услыхалъ просьбу дочери подарить ей наслѣдственную деревушку въ глуши провинціи, въ которой Ирена намѣревалась поселиться съ матерью, потому что этой послѣдней невыносимо дальше оставаться съ мужемъ, правда, предоставлявшимъ ей богатство, но въ то же время награждавшимъ ее презрѣніемъ. „Стальная душа“ Дарвида опять дрогнула, но онъ сохранилъ хладнокровіе и не уступилъ дочери. Между тѣмъ просьбу Ирены совершенно нечаянно подслушала Кара. Просьба сопровождалась откровенными комментаріями, защитой матери и безпощадною критикой поведенія отца. Подслушавъ, дѣвочка все поняла и на ея впечатлительную и глубокую натуру понятое подѣйствовало настолько сильно, что она нарочно, чтобы простудиться, открыла въ морозъ окно, заболѣла воспаленіемъ легкихъ и умерла. Этотъ ударъ былъ для Дарвида всего чувствительнѣе. Дѣвочка обнаруживала къ нему расположеніе и довѣріе, и хотя отнимала у него время, но ея наивные вопросы все же доставляли ему удовольствіе. Она была единственнымъ существомъ, связывавшимъ его съ семьей, и, послѣ ея смерти, онъ почувствовалъ, что вся эта связь кончилась; тотчасъ же отпустилъ онъ жену и дочь въ ту деревню, о которой онѣ его просили, а самъ остался въ полномъ одиночествѣ. Пустота, безцѣльность и безсмысленность существованія дали себя знать спекулянту, финансисту Дарвиду, и онъ кончилъ тѣмъ, что выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни. Никто изъ знавшихъ его людей не ожидалъ ничего подобнаго. „Въ первую минуту,— читаемъ мы въ послѣднихъ строкахъ повѣсти Ожешковой,—всѣ предполагали банкротство. Но вскорѣ выяснилось и стало извѣстнымъ, что корабль Дарвида до самаго конца плылъ на всѣхъ парусахъ по широкой рѣчкѣ успѣха съ грузомъ блестящаго „золотого руна“, но „Аргонавтъ“ по причинамъ, никому не извѣстнымъ, бросился съ палубы въ бездонную, таинственную пучину“.

Такъ ярко изображаетъ польская писательница семейный разладъ, вызванный опредѣленными причинами, въ своемъ родѣ ту же „семейную канитель“. Въ этомъ изображеніи есть надъ чѣмъ призадуматься. Какъ здѣсь все обыкновенно, правдиво и какъ въ то же время жестоко! Кому и зачѣмъ нужно столько жертвъ, а вѣдь эти жертвы то и дѣло, и именно такъ, какъ это описано въ повѣсти *Аргонавты*, гибнутъ повсюду. Передъ нами умные и даровитые люди,—люди, имѣющіе право на большое счастье и въ то же время не получающіе этого счастья, не дающіе ничего и другимъ, исковерканные и искалѣченные. Всего болѣе жалко Кару! Бѣдная дѣвочка! Она не могла примириться со сдѣланнымъ открытіемъ, и при ея чуткости жизнь стала для нея невыносимой. Но незавидна была и доля ея матери. Чѣмъ было ей жить, какъ существовать въ золотой тюрьмѣ? Хотѣлось воздуху, хотѣлось жизни, и она не могла не откликнуться на чувство дѣйствительно живого человѣка. Не даромъ дѣти ея, Маріанъ и Ирена, на ея сторонѣ: они-то знаютъ цѣну богатства и той душной атмосферы, которую

можетъ создать это богатство; вѣдь они и сами поплатились; атмосфера, царившая въ ихъ домѣ, задушила въ нихъ все молодое и свѣжее, состаривъ ихъ преждевременно. Впрочемъ, и самъ Дарвидъ, разумѣется, вызываетъ сожалѣніе; онъ — не болѣе какъ продуктъ извѣстныхъ условій и вызванныхъ ими недоразумѣній. Во всякомъ случаѣ, ему не приходило въ голову задумываться надъ тѣмъ, что дѣлалось кругомъ него. Въ своемъ невѣдѣніи онъ думалъ, что онъ, съ своей стороны, дѣлаетъ все, чтобы семья его была счастлива, окружая ее роскошью; мало того, онъ воображалъ, что невозможно быть болѣе счастливымъ, чѣмъ были всѣ его домашніе. Такимъ образомъ, Дарвидъ оказывается безъ вины виноватымъ. Кромѣ того, насъ не могутъ не тронуть тѣ истинно человѣческія чувства, какія онъ обнаруживаетъ передъ своимъ трагическимъ концомъ. Въ это время онъ уже совершенно прозрѣлъ, и пробужденіе въ немъ человѣка особенно ярко выражается въ его воспоминаніяхъ о Карѣ, единственномъ близкомъ ему существѣ. Ему припоминаются ея дѣтскіе вопросы, какіе она вѣчно задавала ему, и онъ вдругъ обращаетъ вниманіе на висящую у него въ спальнѣ головку Грёза, которая своимъ сходствомъ напоминаетъ ему все ту же умершую Кару, и которую раньше ему „некогда“ было замѣчать. Мало-по-малу мысли о Карѣ и тоска по ней овладѣваютъ всѣмъ его существомъ, и для читателя очевидно, что жить съ этимъ чувствомъ на свѣтѣ человѣку, подобному Дарвиду, невозможно. И глубокую жалость возбуждаетъ въ читателѣ несчастный, одинокій Дарвидъ, когда, уже рѣшившись на самоубійство, всего за нѣсколько минутъ до смерти, онъ нѣжно ласкаетъ собачку Пуфика, бывшаго любимца маленькой Кары и когда онъ разговариваетъ съ Грёзовскою головкой такъ, какъ будто передъ нимъ сама Кара. Передъ смертью онъ не думаетъ о себѣ, онъ равнодушенъ къ собственной особѣ, онъ такъ поглощенъ мыслями о Карѣ, что, увѣдомляя старшую дочь о долженствующей произойти катастрофѣ, какъ будто заботится объ одномъ Пуфикѣ. Онъ телеграфируетъ Иренѣ: „Пріѣзжай какъ можно скорѣе, чтобы взять съ собою Пуфика!“ И эта коротенькая телеграмма при данныхъ обстоятельствахъ потрясаетъ читателя. Теперь ужъ онъ видитъ въ Дарвидѣ не „стальную душу“; она превратилась въ настоящую человѣческую. Нѣтъ! не Дарвидъ виноватъ во всемъ; кругомъ него многіе видѣли въ деньгахъ кумиръ и цѣль жизни, увидалъ въ нихъ кумиръ и онъ, а перемѣнись порядокъ вещей, и Дарвидъ былъ бы другимъ. Мы все время говорили о персонажахъ повѣсти г-жи Ожешковой, какъ о живыхъ людяхъ, а это потому, что повѣсть написана такъ прекрасно, что производитъ полную иллюзію настоящей жизни.

Если между повѣстью *Аргонавты* и романомъ г. Боборыкина пунктомъ соприкосновенія является изображеніе „семейной канители“, то *Аргонавты* же и третья крупная повѣсть за первыя четыре книжки *Вѣстника Европы* *Хозяинъ* связаны вопросомъ о деньгахъ и денежныхъ отношеніяхъ. Авторъ повѣсти *Хозяинъ* Паленцъ выступилъ впервые на литературномъ поприщѣ въ 1890 году, и такъ какъ онъ три четверти года живетъ въ своемъ родовомъ имѣніи въ восточной Германіи, то и изображаетъ бытъ крестьянъ именно восточной Германіи. Впрочемъ, то, что мы читаемъ въ его повѣсти, относится далеко не къ одной восточной Германіи, почему эта повѣсть и заслуживаетъ большого вниманія. Въ ней разсказывается исторія разоренія типичнаго крестьянина Траугота Бютнера. Наивный, честный, богобоязненный, трудолюбивый, десятки лѣтъ работавшій на своей землѣ и ради земли жившій на свѣтѣ, онъ пропускаетъ сроки платежей, запутывается, попадаетъ въ кабалу

къ кулакамъ, которымъ въ концѣ концовъ и достается вся его земля, и остается онъ бездомнымъ нищимъ. На его землѣ воздвигается кирпичный заводъ и наступаютъ другія времена. Семья его вся разорилась, одинъ сынъ запьянствовалъ, другой ушелъ въ городъ, изъ дочерей одна низко пала, другая вышла замужъ за городского человѣка, жена умерла... Старикъ остался въ совершенномъ одиночествѣ и, не будучи въ состояніи нести дольше бремя жизни, оканчиваетъ ее самоубійствомъ, повѣсившись на деревѣ около той нивы, которую „онъ самъ цѣной всей своей жизни всхолилъ и взлелѣялъ". Невеселая, хотя и старая исторія: замѣшались тѣ же милліоны, и гибнетъ человѣкъ, существо, имѣющее всѣ права на жизнь, но, въ силу извѣстныхъ условій, неспособное постоять за себя и падающее жертвой этихъ условій и порядковъ.

Однако, съ подобными порядками, если вѣрить статьѣ г. Янжула, въ той же апрѣльской книжкѣ *Вѣстника Европы*, подъ названіемъ *Милліоны и что съ ними надо дѣлать?* — жить можно припѣваючи, и именно въ примѣненіи къ милліонамъ: стоитъ только знать, что съ ними дѣлать. Такъ думаетъ американскій милліонеръ Кернэджи, владѣющій многими милліонами долларовъ, такъ повторяетъ за Кернэджи и г. Янжулъ. По ихъ разсужденіямъ оказывается, что „нынѣшній порядокъ, несмотря на всѣ его заслуги передъ наукой и искусствомъ, которыхъ существованіе было бы немыслимо безъ накопленія богатствъ, тѣмъ не менѣе принесъ людямъ не мало зла. За всѣ выгоды богатства человѣчество заплатило не дешево. На сцену выступила свободная конкурренція съ ея крайними послѣдствіями, которая сокрушаетъ всѣхъ слабыхъ, находящихся у нея на пути, безъ пощады, сталкивая ихъ долой и уничтожая. Весь народъ раздѣленъ какъ бы на двѣ касты, богатыхъ и бѣдныхъ, другъ съ другомъ воюющихъ". Повидимому, если все это сознано, то, „несмотря на всѣ заслуги" такого порядка, слѣдовало бы позаботиться объ его упраздненіи и устройствѣ чего-нибудь другого, потому что „нынѣшній порядокъ принесъ людямъ не мало зла"; но г. Кернэджи и академикъ Янжулъ думаютъ иначе. „Между тѣмъ, — говоритъ Кернэджи и за нимъ повторяетъ г. Янжулъ, — въ интересахъ общаго блага, было бы желательно, конечно, чтобы богатства, доставшіяся человѣчеству трудомъ, наилучшимъ ихъ употребленіемъ связывали человѣчество узами братства и не раздѣляли ихъ на два непріязненныхъ лагеря. Что же надо для этого дѣлать?" Для этого надо тратить скопленные милліоны „на общественныя нужды *и притомъ на учрежденія, а не на отдѣльныхъ людей* и никакъ не въ формѣ какихъ-либо личныхъ подачекъ". Такимъ образомъ, пусть остается старый порядокъ вещей и пусть онъ приноситъ „не мало зла"; если нѣкоторые счастливцы будутъ собирать и класть себѣ въ карманъ милліоны и затѣмъ по временамъ вынимать изъ этого кармана *на учрежденія, а не на отдѣльныхъ людей*, все будетъ обстоять прекрасно. Что такой проектъ узаконяетъ скопленіе богатствъ въ немногихъ рукахъ и крайнюю бѣдность многихъ милліоновъ людей, — это безспорно, но насколько при осуществленіи его все будетъ обстоять прекрасно, можно сильно сомнѣваться. Несомнѣнно одно: вкусы бываютъ различные.

Какъ бы то ни было, однако, но то, что представляется яснымъ милліонеру Кернэджи и г. Янжулу, далеко нельзя считать рѣшеннымъ окончательно. Въ апрѣльской книжкѣ *Міра Божьяго* есть статья, подъ заглавіемъ *Сущность соціальнаго вопроса въ западно-европейскихъ странахъ* Райхесберга, и изъ нея слѣдуетъ, что соціальный вопросъ о счастьѣ народовъ въ зависимости отъ матеріальныхъ и иныхъ условій за послѣднее время является очень сложнымъ. Выражая кратко,

вопросъ этотъ на Западѣ опредѣляется такъ: „подъ соціальнымъ вопросомъ нужно понимать вопросъ о томъ, какимъ путемъ и какими средствами возможно и желательно устранить обнаружившееся противорѣчіе между рисующимися воображенію современнаго культурнаго человѣчества идеалами свободы и равенства всѣхъ членовъ народа, съ одной стороны, и фактически господствующими условіями общественной и экономической жизни, съ другой — каковыя условія въ настоящемъ своемъ видѣ представляютъ собою прямое воплощеніе неравенства и полнаго отсутствія свободы". Чему же можетъ помочь проектъ Кернэджи, если въ вопросѣ такъ много сторонъ, а Кернэджи беретъ во вниманіе одну, совершенно игнорируя другія, и эту одну рѣшаетъ по меньшей мѣрѣ своеобразно.

А между тѣмъ вопросъ о счастьѣ народовъ—больной вопросъ времени. Его чувствуютъ всѣ люди, не отдѣлившіе себя отъ народа. Къ такимъ мыслямъ приводитъ небольшой очеркъ „изъ повѣсти о современныхъ людяхъ" Ив. Бунина, подъ названіемъ *Безъ роду-племени*, помѣщенной въ той же апрѣльской книжкѣ *Міра Божьяго*. Герой очерка предается отчаянію отъ того, что „Зина повѣнчалась вчера съ Богаутомъ", но когда онъ бывалъ съ Зиной, то иногда чувствовалъ себя лишнимъ, въ другіе раза „цѣловалъ ея руки и не зналъ, что сказать ей отъ счастья", и въ то же время сомнѣвался „любитъ ли онъ ее". Къ тому же онъ познакомился съ Еленой, „милой и простой дѣвушкой, типичной курсисткой изъ духовнаго званія. Съ Еленой ему было легко и хорошо, и онъ по цѣлымъ часамъ могъ жаловаться на свою участь". Въ результатѣ Елена полюбила его, а онъ спрашивалъ себя, чѣмъ онъ виноватъ въ этомъ, хотя былъ съ нею даже „на ты". Когда Елена въ минуту горечи раздраженно говоритъ герою очерка: „А ты... ты даже вообразить не можешь, какъ я ненавижу васъ всѣхъ—неврастениковъ! Хоть бы каплю совѣсти, хоть бы на іоту что-нибудь для другихъ! Все для себя! Все ждете, что ваша трусливая жизнь обратится въ нѣчто необыкновенное"— герой, послѣ нѣкоторыхъ пререканій, обходится съ ней крайне грубо. Вообще, что онъ неврастеникъ и что онъ крайне неудовлетворенъ чѣмъ-то, это очевидно. Но чѣмъ именно и откуда его неврастенія? На это онъ даетъ прекрасный отвѣтъ: „какъ бы я ухватился даже за самую трудную, рабскую жизнь, но радостную въ какомъ-нибудь неустанномъ, неусыпномъ трудѣ". Тѣмъ не менѣе онъ трудится, по его словамъ, онъ служитъ въ земской управѣ и увеличиваетъ свое жалованье корреспонденціями въ *Лѣтопись Юга*, гдѣ пишетъ обо всѣхъ выдающихся городскихъ событіяхъ. Въ чемъ же въ такомъ случаѣ дѣло? Чего недостаетъ человѣку и откуда его дерганье себя въ разныя стороны, откуда его неудовлетворенность? Онъ „быстро состарился и вывѣтрился нравственно и физически, сталъ бродягой въ поискахъ работы для куска хлѣба"—вотъ въ чемъ его бѣда. И это случилось отъ того, что у него не было связи съ родиной, потому что не было работы для нея. Въ трудѣ онъ полагаетъ свое счастье, а трудиться не можетъ: труда для родины, какъ ему кажется, въ настоящее время быть не можетъ, потому что „общественная жизнь замерла, и вотъ онъ хандритъ, превращается въ неврастеника, ищетъ удовлетворенія въ отношеніяхъ то къ Зинѣ, то къ Еленѣ и нигдѣ не находитъ его. Такимъ образомъ, счастье народовъ и пульсъ общественной жизни отражается на отдѣльныхъ индивидуумахъ, и очеркъ г. Бунина довольно поучителенъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 марта по 1 мая 1899 г.

А. А. Басни Крылова на сценѣ дѣтскаго театра. Одесса, 1899 г. Ц. 15 к.

Адлеръ, Ф. О нравственномъ воспитаніи. Пособіе для учителя. М., 99 г. Ц. 35 к.

Б. Г. Кратчайшій желѣзнодорожный путь изъ Центральной Россіи въ Среднюю Азію. Спб., 99 г. Ц. 1 р.

Баженовъ, Н. Н. Символисты и декаденты, психіатрическій этюдъ. М., 1899 г.

Березовъ, Ф. А. Уходъ за стельной коровой. Изд. кн. маг. „Деревня“. Спб., 1899 г. Ц. 20 к.

Бернштейнъ, А. Очерки по міровѣдѣнію. Изд. О. Н. Поповой. Спб.. 1899 г.

Библ. „Дѣтскаго Чтенія“: 1) А. С. Пушкинъ. Ц. 10 к. 2) Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. М., 1899 г. Ц. 25 к.

Болинъ, В. Спиноза. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. 60 к.

Борисовъ, Н. А. Калевала, финскія народныя былины для юношества. Изд. 2-е съ рис. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.

Брусъ, В. Поэты—крестьяне: Суриковъ и Дрожжинъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г.

Бончъ-Бруевичъ, В. Избранныя произведенія русской поэзіи. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. 2 р.

Бѣгичевъ, К. Н. Пушкинъ на Кавказѣ. Тифлисъ, 1899 г. Ц. 25 к.

Бѣлинскій, В. Г.: 1) Литература, поэзія, театръ. 2) Систематическое собраніе сочиненій. Вып. II, III. Изд. Н. Зинченко. Спб., 99 г. Подп. ц. 1 р. за 5 т.

Бюргель. Торгово-промышленный журналъ для поощренія русско-германск. торговыхъ сношеній. № 1. Берлинъ, 1899 г.

Вернеръ, Э. Разорванныя цѣпи. Заговоръ. Т. I. Изд. Д. П. Ефимова. М., 1899 г. Ц. 1 р.

Визинъ-фонъ. Недоросль. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1898 г.

Висковатовъ, В. А. Какъ люди научились писать, 4-е изд. Одесса, 1899 г. Ц. 8 к.

Воробьевъ, Ѳ. И. О выгодахъ травосѣянія на крестьянск. надѣльныхъ земляхъ. Кострома, 1899 г.

Восточная библіотека. Т. I. Сутта-Нипата. Сборникъ бесѣдъ и поученій, пер. съ англ. М., 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гейгеръ, Людвигъ. Нѣмецкій гуманизмъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. В. 4-й и 5-й, съ 17 табл. и 37 рис. М., 1899 г.

Гиляровъ-Платоновъ, Н. П. Сборникъ сочиненій. Т. I. Изд. К. П. Побѣдоносцева. М., 1899 г.

Глинка-Янчевскій, С. Пагубныя заблужденія, по поводу сочиненія К. Ф. Хартулари. „Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской Державности“. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Глинка, Ѳ. К. Къ вопросу объ улучшеніи положенія земельнаго дворянства. Могилевъ на Днѣпрѣ, 1899 г. Ц. 66 2/3 к.

Градовскій, А. Д. Собраніе сочиненій. Т. II. Спб., 1899 г. Подп. ц. за 8 т. 15 р.

Грейденбергъ, Б. С. О наслѣдственности. Симферополь, 1899 г. Ц. 30 к.

Гротъ, Я. К. Филологическія разысканія. Спб., 1899 г. Ц. 3 р.

Гроссе. Эрнстъ. Происхожденіе искусства съ 32 рис. и съ 3 таблицами. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гюи-де-Мопассанъ: 1) Нѣмецъ въ плѣну у французовъ.—2) Два пріятеля. 3) Въ семьѣ. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г.

Державинъ, А. Н. Изъ исторіи великихъ изобрѣтеній. Изобрѣтеніе машины для узорчатаго тканья, съ 9 рис. М. 1899 г. Ц. 30 к.

Дешевая библ. „Русскаго Паломника": 1) Шеллговскій, Ѳ. Е.—Паденіе Константинополя. Ц. 25 к. 2) Шнеллеръ—По слѣдамъ ап. Павла. Изд. П. П. Сойкина. Спб., 1899 г. Ц. 25 к.

Елпатьевскій, С. Разсказы и очерки. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Жадовскій, Е. Дихотомическія таблицы для опредѣленія растеній. М., 1899 г. Ц. 1 р.

Жбанковъ, Д., и Яковенко, В. Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время. М., 1899 г. Ц. 80 к.

Зворыкинъ, Н. Н.: 1) Земля и хозяйство. Ц. 1 р. 25 к.—2) Желательный типъ крупнаго землевладѣнія. Изд. А. А. Карцева. М., 1899 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Зингеръ, Х. „Пѣсни Сіона". Собраніе стихотвореній. Харьковъ, 1899 г. Ц. 50 к.

Зинченко, Н. Женщина - адвокатъ. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Злобинъ, А. Нѣмые диктанты съ прил. нѣмой хрестоматіи. Вып. II. Томскъ, 1899 г.

Іорданъ, В. О. Крушеніе. М., 1899 г. Ц. 1 р.

Ивановъ, Ив. Изъ западной культуры. Изд. журн. „Міръ Божій". Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кайгородовъ, Д. Н.: 1) Дерево и его жизнь.—2) Кукушка Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г.

Каро, Е. Жоржъ-Зандъ. М., 1899 г. Ц. 60 к.

Картины изъ русской природы и быта. Изд. Мамонтова. М., 1899 г. Ц. 15 к.

Кейнсъ Джонъ Невиль. Предметъ и методъ политической экономіи съ предисл. А. А. Мануилова, М., 1899 г.

Kistiakovoski, Dr. Th. Gesellschaft und Einzelwesen. Berlin, 1899 г.

Клоссовскій, А. Матеріалы для климатологіи Юго-Запада Россіи (съ картами). Одесса, 1899 г.

Конради, Е. И. Исповѣдь матери. Т. I. Изд. В. А. Баландиной. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 75 к.

Корелинъ, М. С. Очеркъ изъ исторіи философской мысли въ эпоху возрожденія. Міросозерцаніе Франческо Петрарки. М., 1899 г. Ц. 40 к.

Кречетовъ, Ю., и Сысоевъ, В. Бѣлочка.—Плотичка. Изд. А. П. Мамонтова. М., 1899 г. Ц. 8 к.

Кулаковскій, Ю. Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ. Кіевъ, 1899 г. Ц. 1 р.

Крюковъ, Н. А. Данія. Сельское хозяйство въ Даніи въ связи съ общимъ развитіемъ страны, съ картою и 26 рис. Спб., 1899 г.

Ланге, Фр. Альб. Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Изд. 2-е. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Леманъ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. Изд. маг. „Книжное Дѣло". М., 1899 г. Подп. ц. 3 р., съ доставкой 4 р.

Лермонтовъ, М, Ю.: 1) Тамань. 2) Мцыри. 3) Демонъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г.

Ливановъ, Н. Учебный курсъ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.

Лункевичъ, В.: 1) Знамя. Ц. 8 к.—2) Небо и звѣзды. Ц. 8 к.—3) Громъ и молнія. Ц. 12 к.—4) Жизнь въ каплѣ воды. Ц. 8 к.—5) Невидимые друзья и враги людей. Ц. 16 к.—6) Зеленое царство. Ц. 16 к.—9) Два великихъ царства природы. Ц. 25 к.—11) Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ. Ц. 16 к.—10) Великаны и карлики. Ц. 20 к.—15) Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата. Ц. 15 к. Изд, Ф. Павленкова. Спб., 1899 г.

Лященко, А. Къ исторіи русскаго романа. Спб. 1898 г.

Максвелль Дж. Клеркъ. Матерія и движеніе. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб.. 1899 г. Ц. 75 к.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губ. Экономическая часть. В. VI. Ардатовскій уѣздъ. Н.-Новгородъ, 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мельниковъ, П. И. (Андрей Печерскій). Полное собраніе сочиненій въ 14 т. Изд. Т-ва М. О. Вольфа. Спб. 1899 г.

На злобу дня. В. І. Наша эконом. политика и министерство народн. хозяйства. Изд. А. А. Пороховщикова. Спб., 1899 г. Ц. 30 к.

Наумовъ, Н. И. Нефедовскій починокъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898 г.

Нефедовъ, Ф. Д. Степанъ Дубковъ. Изд. О. Н. Поповой.

Nys Ernest. Les théories politiques et le droit international en France jusqu'au XVIII-e siècle. Bruxelles. Paris, 1899 г.

Новицкій, А. П. Исторія русскаго искусства. В. II. Изд. маг. „Книжное Дѣло". М., 1899 г.

Отчетъ особаго отдѣла Госуд. дворянск. земельнаго банка за 1897 отчетный годъ. Спб., 1898 г.

Отчетъ Госуд. дворянск. земельнаго банка по ликвидаціи Саратовско - Симбир-

скаго земельнаго банка за 1897 годъ. Спб., 1898 г.

Отчетъ Крестьянскаго поземельнаго банка за 1897 годъ. (15-й отчетный годъ). Спб. 1899 г.

Отчетъ Государ. дворян. земельнаго банка за 1897 годъ (12-й отчетный годъ). Спб. 1899 г.

Отчетъ полтавской коммиссіи народныхъ чтеній за 1898 г. Полтава, 1899 г.

Отчетъ о дѣятельности Воронежской коммиссіи народныхъ чтеній за 1897—98 г. Воронежъ, 1899 г.

Отчетъ стенографическій засѣданій общихъ собраній II-го съѣзда представителей обществъ взаимнаго кредита въ С.-Петербургѣ. 10—17 августа 1898 г. Спб., 1898 г.

Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Олонецкой губ. за 1898 г. Г. Петрозаводскъ, 1899 г.

Отчетъ совѣта общества попеченія о начальн. образованіи въ Кустанайскомъ и Актюбинскомъ уѣздахъ Тургайской области за 1896 и 1897 гг. Г. Кустанай, 1898 г.

Отчетъ о дѣятельности Моск. уѣздн. об-ва попеченія о неимущихъ дѣтяхъ за 1898 годъ. М., 1899 г.

Отчетъ о дѣятельности Зап.-Сибирск. отдѣла Импер. Русск. Геогр. Об - ва за 1897 годъ. Омскъ, 1899 г.

Отчетъ комитета за 1898 г. Рязанское об—во устройства народныхъ развлеченій. Рязань, 1899 г.

Отчетъ кустарно - промышленнаго банка Пермск. губ. земства за 1897 г. Пермь, 1899 г.

Оржешко, Э. Аргонавты. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Осиповъ, Е. А., Поповъ, И. В., и Куркинъ, Т. И. XII-й международный съѣздъ врачей. М., 1899 г. Ц. 3 р.

Памяти Пушкина. „Зимній вечеръ". „Буря мглою небо кроетъ" слова А. С. Пушкина, музыка М. А. Слонова. Изд. „Дѣтскаго Чтенія". М., 1899 г. Ц. 10 к.

Пантюховъ, И. И.: 1) О народномъ врачеваніи въ Закавказскомъ краѣ. Ц. 30 к.—2) Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа. Тифлисъ, 1899 г.

Паскаль Блезъ. Мысли (о религіи) съ предисл. Прево-Парадоля. Изд. 2-е. М., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пинскеръ, Л. С. „Авто-эмансипація", призывъ русскаго еврея къ своимъ соплеменникамъ. Изд. кн. маг. Я. Х. Шермана. Одесса, 1899 г. Ц. 15 к.

Полиновскій, М. Б. Въ желтомъ домѣ. Изд. кн. маг. Я. Х. Шермана. Одесса, 1899 г.

По вопросу о продолженіи Среднеазіатской ж. д. отъ Ташкента на Чимкентъ и Вѣрный. Спб., 1899 г.

Постановленія II-го съѣзда представителей общества взаимнаго кредита съ 10 по 17 августа 1898 г. въ С.-Петербургѣ. Спб., 1898 г.

Прибавленіе ко Всеподданнѣйшему докладу Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по поѣздкѣ въ Сибирь лѣтомъ 1898 г., съ 2-мя картами. Спб., 1899 г.

Прохоровъ, А. П. Приготовленіе бѣлевской чисто-яблочной пастилы. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1899 г. Ц. 4 к.

Проперцій Секста. 1) Элегіи. Ц. 1 р. 2) Тибулъ. Элегіи, пер. А. А. Фета. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1899 г. Ц. 80 к.

Пушкинъ, А. С. Русланъ и Людмила. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. — Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могучемъ богатырѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди. Изд. Мамонтова. М., 1899 г. Ц. 25 к.

Радцигъ, А. Каменноугольная промышленность всего свѣта. Добыча, потребленіе, цѣны. Спб., 1898 г. Ц. 75 к.

Реверсовъ, И. П. Защитники христіанства. Изд. П. И. Сойкина. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.

Реклю. Земля и человѣкъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г.

Рибо, Т. Философія Шопенгауэра. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.

Розановъ, В. В. Религія и культура. Изд. П. Перцова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Россія, полное географическое описаніе нашего отечества подъ ред. Семенова. В. II.

Рудольфъ, Игнатій. Предстоящіе вѣчные морозы на земномъ шарѣ, ихъ причины, послѣдствія и способъ точнаго опредѣленія времени появленія ледниковыхъ эпохъ. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Самборскій, С. И. Прививки, какъ средство противъ повальнозаразныхъ болѣзней животныхъ. Изд. кн. маг. „Деревня". Спб.. 1899 г. Ц. 50 к.

Сборникъ постановленій моск. губ. земск. собранія съ 1865—1897 г., посвященный памяти Д. А. Наумова. Т. I. Изд. Моск. губ. земства. М., 1899 г.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. В. IX. М., 1899 г.

Сборникъ стихотвореній для юношества. „Думы и пѣсни", въ 2-хъ частяхъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. 1 ч. 15 к. Ц. 2-й ч. 20 к.

Сборникъ „Вѣстникъ Сіона". В. III подъ ред. д-ра М. Шляпошникова. Харьковъ, 1898 г. Ц. 35 к.

Селивановскій, И. П. 1) Ложкари. Ц. 15 к. 2) Опытные суслятники. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1899 г. Ц. 20 к.

Сельско-хозяйств. обзоръ Самарской губ. за 1898—99 г. Вып. I. Самара, 1899 г.

Смирновъ, А. В. Уроженцы и дѣятели Владим. губ. В. 3-й. г. Владиміръ, 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Станюковичъ, К. М. Матроска. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898 г.

Сысоевъ, В. Дѣдъ Миронычъ. Изд. Мамонтова. М., 1899 г. Ц. 8 к.

Толстой, Л. Смерть Ивана Ильича. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г.

Томе, Э. Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турнеръ, Г. И. Рук. къ наложенію повязокъ съ 228 рис. въ текстѣ. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1899 г. Ц. 2 р. 40 к.

Умановъ-Каплуновскій, В. В. Мысли и впечатлѣнія. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Урусовъ, С. Прыжокъ. Компилятивный опытъ изслѣдованія механизма движеній лошади. М., 1899 г. Ц. 1 р.

Фавръ, В. В. О голодномъ хлѣбѣ 1898 г. Харьковъ, 1899 г.

Фламмаріонъ, Камиллъ. Звѣздное небо и его чудеса. Спб., 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.

Хорошунъ, В. Дворянскіе наказы во Франціи въ 1789 г. Т. I. Одесса, 1899 г.

Шарковъ, В. В. 1) О засухахъ на поляхъ южной Россіи. Ц. 3 к. 2) Какъ измѣнить крестьянское трехполье. Ц. 4 к. 3) Крымъ: его прошедшее и настоящее. Изд. К. М. Тихомирова. М., 1899 г. Ц. 5 к.

Шепелевичъ, Л. Ю. Наши современники. Спб., 1899 г, Ц. 1 р. 75 к.

Энгельгардтъ, М. А. 1) Письма о земледѣліи. Ц. 50 к. 2) Вѣчный миръ и разоруженіе. Изд. Ф. Павленкова, Спб., 1899 г. Ц. 25 к.

д'Эрвильи, Э. Приключенія доисторическаго мальчика. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. 80 к.

Эсменъ, А. Основныя начала государственнаго права. Т. II. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1899 г. Ц. 1 р.

Юрьевъ, Н. А. Наше время и его задача. М., 1899 г. Ц. 25 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Полное собраніе соч. П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго)". — „Проза". Т. I. *А. Эмге.* — „Стихи". Т. II. *А. Эмге.*—„Очерки и наброски". *Алексѣя Мишина.*—„Пушкинскій сборникъ". Подъ ред. *Д. И. Тихомирова.*—„Русскіе поэты о Пушкинѣ". Сборникъ, сост. *В. Каллашемъ.*—„Русскіе поэты о Пушкинѣ". Сборникъ, сост. *Араловой.*—„Поэты—поэту". Сборникъ, сост. *Божеряновымъ*. 159

Критика: Н. С. Лѣсковъ". Критическій очеркъ. *Волынскаго* 166

Философія, психологія, педагогика: „Вопросы философіи и психологіи". Кн. 47.—„Въ защиту идеаловъ разума". IV. Дж. Кроль. Философ. основа эволюціи. Переводъ подъ ред. *П. Соколова.*—„Психологія французскаго народа". А. Фуллье. Переводъ *Кончевской.*—„Воспитаніе и общество въ Англіи". М. Леклерка. Переводъ *М. А. Шишмаревой.*—„Женское образованіе въ Америкѣ". *Жонво.*—„Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи". *Мижуева* 168

Исторія, исторія литературы, исторія искусства: „Мусульманство и его будущность". *А. Крымскаго.*—„Исторія грузинской церкви". Кн. I. Обращеніе картвельцевъ. *М. Г. Джанашвили.* — „Послѣдніе годы грузинскаго царства". *С. Кикмишева.*—„Исторія нашего столѣтія". Т. I. *А. Торсое.*—„Исторія русскаго искусства". *А. П. Новицкаго.* — „Сербскій народный эпосъ". Пер. *Гальковскаго.*—„Россія временъ Екатерины II въ II poemo tartaro". *Гиевенко.* — „Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ". Вып. I.—„Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію". *Проф. Созоновича.*—„Научная дешевая библіотека. Исторія англійской литературы". *Вейзера.*—„Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ". *Барсукова.* 176

Географія, путешествія: „Въ сердцѣ Азіи. Памиръ. — Тибетъ.—Восточный Туркестанъ". Путешествіе *Свена Гедина.* 183

Политическая экономія, статистика: „Эволюція современнаго капитализма". *Гобсона.* — „Промысловые синдикаты". *Бруно Шенланка.* — „Торговля съ Китаемъ". *Дицгама.*—„Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи". Вып. III, подъ ред. *А. А. Голубева.*—„Улучшеніе жилищъ рабочихъ въ Англіи". Женщины-врача *М. И. Покровской*. 185

Медицина: „Алкоголизмъ". *П. С. Алексѣева.* — „Медицинская бактеріологія. Техника и патогенные микробы. Thoinot и Masselin, перев. *Ремезова и Флерова.*—„Элементарная гигіена и основы анатоміи и физіологіи". *Л. А. Ребишина.* — „Бесѣда о дифтеритѣ и о мѣрахъ противъ него". *Золотавина.*—„О народныхъ книгахъ по гигіенѣ и медицинѣ". 189

Учебники, пособія, книги для дѣтей: „Краткое руководство къ изготовленію картинъ для волшебнаго фонаря". Сост. подъ ред. *А. Гартвига.*—„Картинный географическій атласъ". Сост. *М. Т. Ярошевская.*—„Народная школа". Книга для чтенія, часть I. Сост. *В. Львовъ.*—„Двѣ судьбы". *Балобановой.*—„Библіотека нашихъ дѣтей. Избранные разсказы и повѣсти". *Ф. Г. Бернека* 191

Книги для народа 194

II. Періодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы", *апрѣль.*—„Міръ Божій", *апрѣль* 196

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1899 г.

„Отъ редакціи журнала Русская Мысль“.

Редакція *Русской Мысли* издаетъ, въ переводѣ или въ изложеніи, научныя и литературныя произведенія западно-европейскихъ и американскихъ писателей. Общую редакцію этихъ изданій взяли на себя

К. А. Тимирязевъ и В. А. Гольцевъ.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

Нассе и Лексисъ: „Металлическія деньги и валюта“. Цѣна 60 к.
Пере: „Умственное воспитаніе ребенка“. Цѣна 60 к.
Дюкло. Пастёръ: I. „Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи“. Цѣна 40 к.
Бартъ: „Религіи Индіи“. Цѣна 1 руб.
Гауптъ: „Гербертъ Спенсеръ“. Цѣна 50 к.
Шериданъ: „Школа злословія“. *Потожева:* Біографическій очеркъ Шериданъ. Цѣна 60 коп.
Проф. П. Гиро: „Фюстель-де-Куланжъ“ Цѣна 50 к.
Дюкло. Пастёръ: II. „Заразныя болѣзни и ихъ прививка“. Цѣна 40 к.
Андре Галле. „Бомарше“. Ц. 40 коп.
Бертло. Наука и нравственность. Ц. 60 к.
Геккель, Э. Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

По соглашенію редакціи „НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ“ и редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Въ книжномъ магазинѣ журн. „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ В. М. ЛАВРОВА

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ НА

„Настольный Энциклопедическій Словарь“

изд. Т-ва ГРАНАТЪ и К°.

8 томовъ (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрѣ 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА: полному изданію безъ переплета **88** руб., въ изящн. коленкоровомъ переплетѣ (новаго образца съ кожанымъ корешкомъ) **42** руб.

За пересылку прилачивается 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, изданіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть приложено не менѣе 5 руб.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ при подпискѣ 5 руб. и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, впредь до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т.-е. 37 руб.) и стоимость пересылки (4 руб. 20 коп.); 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. или каждые три мѣсяца по 6 р., впредь до полной оплаты остающейся суммы за восемь томовъ 32 руб. и стоимости пересылки 4 руб. 20 коп., 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., а 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“ (4 серіи по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковые будутъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до февраля 1895 г.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
журнала Русская Мысль

(Москва, Большая Никитская, домъ Вельтищевой)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к.

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русс. суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Ц. 1 р. 50 к.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Въ пользу воскрес. школъ. Сборникъ. Ц. 75 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Ц. 1 р.

— Литературные очерки. Ц. 1 р.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменит. Тартарена). Переводъ М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Женщина. Статьи: Э. Ожешковой, М-me А. Додэ, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекоменд. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. библ. средн. учеб. заведеній муж. и женск.

Короленко, Влад. Очерки и разсказы. Книга первая. 6-ое изд. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Ц. 1 р. 50 к.

Ладыженскій, В. и Орелкинъ, П. Бесѣды во вопросамъ воспитанія и обученія въ народныхъ школахъ. Ц. 75 к.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Т. II. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. съ польскаго В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.

— Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль". Ц. 2 р.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ 2 предисловіями В. А. Гольцева. 2-е дополненное и удешевленное изд. Ц. 1 р.

— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. 4-е удешевлен. изд. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

— Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. 2-е изд. Ц. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

Столѣтовъ, А. Г. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.

Юнона, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Ц. 1 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Ц. 1 к.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 к.

Разсказъ про смутное время на Руси. Ц. 1½ к.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. ½ к.

Народный поэтъ Иванъ Саввичъ Никитинъ. Изд. 2-е. Ц. 1½ к.

Подписчики „Русской Мысли" на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Цѣна 40 коп.
Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Ремезовъ, М. Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. Ц. 50 к.
— Византія и Византійцы конца X-го вѣка. Ц. 50 к.
— Эпилоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.
Альбовъ, М. Юбилей. Ц. 1 р.
Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.
— Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ Ц. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. П. 1 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
Немировичъ - Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.
Немировичъ - Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.
Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

Нассе, Э. и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта, М., 97 г., 192 стр. Ц. 60 к.
Пере, Б. Умственное воспитаніе ребенка. М., 97 г. Ц. 60 к.
Дюкло, Э. Пастёръ. Броженіе и самозарожденіе. Ц. 40 к.
Дюкло. Пастёръ. Заразныя болѣзни и ихъ прививка. Ц. 40 к.
Бартъ, А. Религіи Индіи. Ц. 1 руб.
Гауппъ, Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 коп.
Шериданъ. Школа злословія. *А. В. Пожжева.* Біографическій очеркъ Шеридана. Ц. 60 коп.
Проф. П. Гиро. Фюстель де-Куланжъ. Ц. 50 к.
Андре Галле. Бомарше. Ц. 40 к.
Бертло. Наука и нравственность. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева. Ц. 60 коп.
Геккель, Э. Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1899 г.

Алтай. Историко-статистическій сборникъ. Томскъ, 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
Бертильонъ. Вымираніе французскаго народа. Спб., 1899 г. Ц. 25 к.
Варгинъ. Организація хозяйства. Спб, 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
Варлихъ. Русскія лѣкарственныя растенія. Вып. I. Спб., 1899 г. Ц. 2 р.
Виттельсгеферъ. Винная монополія въ Швейцаріи. Томскъ, 1896 г. Ц. 60 к.
Гуторъ. Матеріалы для первоначальнаго преподаванія музыки. Вып. II-й. Первые уроки игры на фортепьяно. М., 1899 г., Ц. 2 р.
Какъ заселялась Сибирь. Томскъ, 1895 г. Ц. 40 к.
Картины изъ русской природы и быта. М., 1899 г. Ц. 15 к.
Кауфманъ. Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Сибири. Томскъ, 1894 г. Ц. 75 к
Корелинъ, М. Очеркъ изъ исторіи философской мысли въ эпоху возрожденія. Міросозерцаніе Петрарки. М., 1899 г. Ц. 40 к.
— Иллюстрир. чтенія по культурн. исторіи. В. V. Кто были наши предки, гдѣ и какъ жили. М., 1899 г. Ц. 30 к.
Кречетовъ. Бѣлочка-Плотичка. М., 1899 г. Ц. 8 к
Лампертъ. Жизнь прѣсныхъ водъ. В. I. Спб., 1899 г. Ц. 65 к.
Леклеркъ. Народные университеты въ Англіи. Спб., 1899 г. Ц. 20 к.
Научные очерки Томскаго края. Томскъ, 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
Отголоски Сибири. Сборн. стихотвореній. Томскъ, 1889 г. Ц. 50 к.
Перримондъ и Бутми-де-Кацманъ. Проэктъ школьнаго зданія на 56 и 112 учен. Спб., 1899 г. Ц. 60 к.
Поповъ. Руководство общей бухгалтеріи. Вып. I. Томскъ, 1888 г. Ц 2 р.
Пушкинъ, А. С. Сказка о царѣ Салтанѣ. М., 1899 г. Ц. 25 к.
Рейснеръ. Право свободы религіознаго исповѣданія. Томскъ, 1899 г. Ц. 20 к.
Сальмоновичъ и Громовъ. Судебные Уставы Императора Александра II въ Сибири, Туркестанѣ и Степныхъ областяхъ. Томскъ, 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.

Сапожниковъ. Значеніе въ сѣвооборотѣ и въ круговоротѣ азота. Томскъ, 1896 г. Ц. 25 к.
— По Алтаю. Томскъ, 1897 г. Ц. 2 р.
Свенъ Гединъ. Въ Средней Азіи. Ч. I. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.
Спутникъ золотопромышленника. Иркутскъ, 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
Сысоевъ. Дѣдъ Миронычъ. М., 1899 г. Ц. 8 к.
Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время. Составили члены коммиссіи, избранной VI съѣздомъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Д. Жбанковъ и Вл. Яковенко. М., 1899 г. Ц. 80 к.
Холодковскій и Силантьевъ. Птицы Европы. В. I. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шведскіе разсказы. Спб., 1899 г. Ц. 40 к.
Эсменъ. Основныя начала государственнаго права. Т. II. М., 1899 г. Ц. 1 р.

1899 г. **Годъ X.**

ВЫШЛА ВТОРАЯ (мартъ, апрѣль) КНИГА ЖУРНАЛА

„Вопросы Философіи и Психологіи",

изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ: М. М. Троицкій †.—Вл. Н. Ивановскій. М. М. Троицкій.— В. В. Джонстонъ. Очеркъ Бхагавадгиты.—Б. Н. Чичеринъ. Философія права — Н. А. Иванцовъ. Нѣсколько словъ объ идеалахъ въ искусствѣ.—Ѳ. Е. Коршъ. Римская элегія и романтизмъ.—П. Д. Боборыкинъ. Философія въ гимназіяхъ.—Вл. С. Соловьевъ. Изъ замѣтокъ о діалогахъ Платона.— Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Журналъ выходитъ ПЯТЬ разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1899 г. по 1 января 1900 г.) безъ доставки 6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 руб. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСКА, кромѣ книжныхъ магазиновъ и отдѣленія конторы въ книжномъ магазинѣ „Русская Мысль", принимается въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева 2/8, кв. 28 (въ помѣщеніи журнала „Русская Мысль").

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества **Н. Я. Гротъ.**

Редакторъ **В. П. Преображенскій.**

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

32 годъ. „ДОНЪ" XXXII г.

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ)

НА 1899 ГОДЪ.

Тридцать второй годъ изданія.

Со 2-го февраля 1899 г. газета „Донъ" начинаетъ 32-й г. своего изданія. Просуществовавъ больше 30-ти лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила почти треть столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1899 годъ, редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній; что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты—то будетъ сдѣлано.

Условія подписки: съ доставкой въ Воронежѣ—на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс.,—75 к. Съ пересылкой въ другіе города,—на годъ 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

Ред.-Издатель *В. Веселовскій.*

Въ книжномъ магазинѣ журнала

РУССКАЯ МЫСЛЬ

(Большая Никитская улица, домъ Вельтищевой)

Продаются слѣдующія изданія **Е. Н. Водовозовой:**

В. И. Водовозовъ. Книга для первонач. чтенія. Ч. I. Ц 45 к.
— Книга для учителей. Ц. 60 к.
— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
— Руководство къ русской азбукѣ. Ц. 20 к.
— Предметы обученія въ народн. школѣ. Ц. 70 к.
— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія. Ц. 75 к.
— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Новая русская литература (отъ Жуковскаго до Гоголя). Ц. 1 р. 25 к.
— Русскія сказки въ стихахъ съ картинами, въ перепл. Ц. 1 р. 50 к.
— Переводы въ стихахъ и оригинальн. стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
— Разсказы изъ русской исторіи. Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
— Очерки изъ русской исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I Жители юга. Ц. 3 р. 75 к. Ч. II. Жители сѣвера. Ц. 3 р. 75 к. Ч. III. Жители средней Европы. Ц. 3 р. 75 к.
— На отдыхѣ. Иллюст. разск. для мал. дѣтей. Ц. 1 р.
— Изъ русской жизни и природы. Ц. 1 р. 50 к.
— Умствен. и нравствен. развитіе дѣтей отъ появленія сознанія до школьнаго возраста Ц. 2 р.
— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. Ц. 1 р.
— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ: 1) Турки, 2) Англичане, 3) Итальянцы, 4) Нѣмцы, 5) Испанцы, 6) Чехи, Поляки, Русины. Ц. каждой 40 к.

СЪ 1-го НОЯБРЯ 1898 г. ПО 1-е НОЯБРЯ 1899 г.

Изданія XIV годъ. открыта подписка на 1899 г. Изданія XIV годъ.

на еженедѣльный, безъ предварительной цензуры, иллюстрированн. журналъ

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ.

Подъ редакціей **К. И. Масляниникова** (въ годъ 52 номера).

Программа журнала: Правительственныя распоряженія. Сельско-хозяйственная экономія. Полеводство и луговодство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ и охота. Сельско-хозяйственная технологія, архитектура и механика. Корреспонденція. Внутренняя и иностранная хроника. Сельско-хозяйственный фельетонъ Агрикулы: „Изъ дневника неунывающаго хозяина". Вопросы и отвѣты. Библіографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезные адресы. Объявленія.

Годовые подписчики получатъ въ теченіе года БЕЗПЛАТНО, безъ всякой доплаты за пересылку:

I. Сельско-хозяйственную энциклопедію. Этотъ капитальный трудъ, который необходимо имѣть каждому сельскому хозяину для справокъ и руководства, будетъ обнимать собою всѣ отрасли сельскаго хозяйства. Каждый отдѣлъ будетъ составленъ при ближайшемъ участіи спеціалистовъ. Въ виду обширной программы этого изданія, его предположено выпускать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Редакція обращаетъ вниманіе гг. подписчиковъ на то, что это—первый опытъ въ Россіи изданія такого рода, необходимость въ которомъ давно уже назрѣла въ сельско-хозяйственной литературѣ. Сельско-хозяйственная энциклопедія будетъ богато иллюстрирована рисунками и многочисленными чертежами.

II. Альманахъ русскаго Сельскаго Хозяина на 1899 годъ.

III. Двѣнадцатый выпускъ альбома домашнихъ животныхъ.

IV. Архитектурные проекты городскихъ и сельско-хозяйственныхъ построекъ.

V. Различныя сельско-хозяйственныя сѣмена.

Подписная цѣна на годъ: безъ дост. 5 руб., съ дост. въ Спб. и перес. иногороднимъ 6 руб. За полгода съ дост. и перес. 3 руб. 50 коп. Съ дост. за границу на годъ 7 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи „Сельскій Хозяинъ": С.-Петербургъ, Кузнечный пер., № 4, собствен. домъ.

Продолжается подписка на 1899 годъ (VI годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстрированный экономическій и сельскохозяйственный журналъ

ХОЗЯИНЪ

(безъ предварительной цензуры).

Кромѣ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, въ журналѣ помѣщаются передовыя статьи, статьи по экономіи, финансамъ и статистикѣ, обзоры сельскохозяйственной дѣятельности земства, обзоры научно-хозяйственной литературы, русская печать о народномъ хозяйствѣ, заграничныя дѣла, рынки, отвѣты на вопросы.

Въ журналѣ помѣщали свои статьи: И. И. Абозинъ, прив.-доц. В. Н. Аггеенко, А. П. Адріановскій, В. А. Анзиміровъ, В. Г. Бажаевъ, графъ Ѳ. Г. Бергъ, В. А. Бертенсонъ, проф. С. М. Богдановъ, проф. В. фонъ-Бранке, проф. К. А. Вернеръ, проф. А. И. Воейковъ, В. Б. Ганицкій, князь В. Д. Друцкой-Соколинскій, проф. А. А. Исаевъ, И. М. Кабештовъ, Ав. А. Калантаръ, Н. М. Катаевъ, князь В. А. Кудашевъ, проф. П. М. Кулешовъ, Пав. Ив. Левицкій, проф. К. Э. Линдеманъ, П. И. Малюковскій, А. Я. Масленниковъ, А. П. Мещерскій, А. П. Мертваго, М. В. Неручевъ, А. А. Новиковъ, князь Д. М. Оболенскій, инж. Г. Э. Перримондъ, В. Поггенполь, Л. А. Потѣхинъ, проф. М. И. Придорогинъ, проф. Д. Н. Прянишниковъ, А. А. Радцигъ, И. М. Рева, П. И. Рутценъ, М. В. Ритовъ, П. Р. Слезкинъ, Н. А. Скалозубъ, А. П. Субботинъ, проф. А. В. Совѣтовъ, проф. И. А. Стебутъ, проф. К. А. Тимирязевъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, С. Харизоменовъ, В. И. Чарнолускій, проф. Н. П. Червинскій, И. І. Шатиловъ, проф. И. О. Широкихъ, Р. И. Шредеръ, М. А. Энгельгардтъ и многіе др.

Подписная цѣна: на годъ **6** р., на полгода **3** р. съ пересылкою.

Допускается разсрочка (по одному рублю въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ).

Годовые подписчики получатъ въ 1899 г. (безплатно) три слѣдующія „Книжки Хозяина“.

1—2) **Болѣзни растеній.** Д-ръ А. ФРАНКЪ. Перев. съ нѣм. М. А. Энгельгардта. Томъ I и II.

3) **Сахарная промышленность.** А. А. РАДЦИГЪ.

Контора и редакція: Петербургъ, Кіевскій, 92.

Издатель *И. А. Машковцевъ.* Редакторъ *А. П. Мертваго.*

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

на ежедневную техно-промышленную, общественную и литературную газету

РУДОКОПЪ.

Программа газеты заключаетъ въ себѣ отдѣлы техно-промышленные и общіе.

Газета выходитъ въ г. Екатеринбургѣ, ежедневно, кромѣ послѣпраздничныхъ дней.

Подписная цѣна:

На годъ (съ доставкой и пересылкой—6 р., на 1/2 года—3 р., на 3 мѣсяца—2 р., на 1 мѣсяцъ—70 к.

Объявленія принимаются въ конторѣ редакціи (Екатеринбургъ, Колобовская ул., д. № 21) и въ Центральной конторѣ объявленій Л. и Э. Метцль (Москва, Мясницкая, д. Сытова), а также въ отдѣленіи ея въ С.-Петербургѣ (Б. Морская, д. № 11).

Редакторъ-издатель П. П. Басинъ.

Открыта подписка на 1899 г.

на большую ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

„БЕССАРАБЕЦЪ",

издаваемую въ г. Кишиневѣ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Вступая въ третій годъ изданія, **Бессарабецъ** остается вѣрнымъ основнымъ своимъ задачамъ—проведенію въ жизнь тѣхъ культурныхъ, общественныхъ и нравственныхъ началъ, на которыхъ зиждется единеніе, мирное развитіе и благоденствіе всей русской семьи, сплотившейся подъ знаменемъ великой Россіи.

Являясь и по формату, и по программѣ, одной изъ самыхъ крупныхъ русскихъ газетъ, **Бессарабецъ** имѣетъ возможность отражать одинаково полно какъ міровую и общерусскую жизнь, такъ и мѣстную, и, отвѣчая задачамъ краевого органа печати, замѣнять въ то же время и столичную газету.

Въ **Бессарабцѣ**, кромѣ мѣстныхъ литературныхъ силъ, принимаютъ постоянное участіе выдающіяся литературныя силы лучшихъ органовъ столичной печати.

Бессарабецъ, помимо циркулярныхъ телеграммъ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства" и коммерческихъ, даетъ спеціальныя телеграммы собственныхъ корреспондентовъ о всѣхъ выдающихся событіяхъ.

Заграничная жизнь широко отражается на страницахъ газеты въ рядѣ писемъ и фельетоновъ корреспондентовъ **Бессарабца**—изъ Парижа, Берлина, Нью-Іорка, Вѣны, Константинополя и друг.

Преслѣдуя культурно-воспитательныя задачи, **Бессарабецъ** въ текущемъ году дастъ рядъ статей по исторіи культуры XIX вѣка, полный обзоръ всего, что создано человѣчествомъ въ области наукъ, искусствъ, техническаго прогресса, политической и общественной жизни за сто лѣтъ. Статьи эти, написанныя нѣсколькими выдающимися учеными и публицистами, займутъ около 60 фельетоновъ и будутъ печататься въ теченіе 1899 г. подъ общимъ заглавіемъ: **Итоги вѣка.**

Бессарабецъ даетъ еженедѣльныя литературныя приложенія, составляющія два тома формата большихъ журналовъ, или около 1,000 стр. убористой печати.

Въ 1898 году въ литературномъ приложеніи **Бессарабца**, помимо ряда оригинальныхъ произведеній извѣстныхъ русскихъ писателей, напечатаны слѣдующіе романы выдающихся европейскихъ писателей: **Парижъ**, романъ *Э. Золя*. **Сынъ эмигранта** (изъ эпохи Наполеона I), романъ *Кананъ-Дойля*. **Погромъ**, большой романъ въ 6 частяхъ изъ эпохи франко-прусской войны, *П. и В. Маргерита*. **Голубая герцогиня**, романъ *Поля Бурже* и друг. Одновременно съ этимъ, въ газетѣ печатался романъ изъ судебной хроники **Кто?**—*К. Арѣевой*.

Въ 1899 году типографіей „Бессарабца" будетъ изданъ **Альманахъ Бессарабца**, статистическій, экономическій, справочный и литературный сборникъ, касающійся бытовой и общественной жизни Бессарабіи. Годовые и полугодовые подписчики **Бессарабца** получатъ альманахъ за полцѣны, которая будетъ объявлена по окончаніи изданія.

При конторѣ **Бессарабца** открывается книжный магазинъ.

Подписная цѣна на газету **Бессарабецъ**, съ доставкой или пересылкой: на годъ 9 руб., на полгода—5 руб., на 3 мѣсяца—3 руб.

Въ конторѣ **Бессарабца** имѣются сочиненія П. А. Крушевана: **Что такое Россія**, путевые очерки, цѣна 2 р. **Дѣло Артабанова**, ром., цѣна 1 р. 25 к. **Призраки**, ром. и разсказы, цѣна 2 р. съ пересылкой.

Редакторъ-издатель **П. Крушеванъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ,

на издающуюся въ Одессѣ газету

ТЕАТРЪ

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

ПОСВЯЩЕННУЮ ИСКУССТВАМЪ, ТЕАТРУ, МУЗЫКѢ И СПОРТУ.

Выходитъ ежедневно въ теченіе театральнаго сезона.

Давно уже у насъ ощущается недостатокъ въ спеціальныхъ органахъ, посвященныхъ если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно искусству. Очевидно, существующихъ, относящихся сюда, органовъ недостаточно; къ тому же, всѣ они выходятъ въ столицахъ, нашъ же обширный югъ остается какъ бы за бортомъ области искусствъ,—области, которая изо дня въ день привлекаетъ къ себѣ все большее вниманіе и занимаетъ все большее мѣсто въ жизни культурнаго человѣка. Чтобы, по возможности, удовлетворить указанной назрѣвшей потребности, и предпринято изданіе газеты „ТЕАТРЪ“, вступающее нынѣ въ четвертый годъ своего существованія.

„ТЕАТРЪ“ даетъ возможно полную картину театрально-музыкальной и художественной дѣятельности не только въ Одессѣ и на югѣ, но и въ столицахъ, а также въ заграничныхъ центрахъ, дающихъ лучшіе образцы художественнаго творчества.

Въ газетѣ „Театръ“ помѣщаются руководящія статьи по вопросамъ различныхъ искусствъ, критическій обзоръ театральныхъ и музыкальныхъ произведеній, біографіи и мемуары, театральный и музыкальный отдѣлы, художественный отдѣлъ (выставки картинъ, художественное обозрѣніе), свѣдѣнія по различнымъ видамъ спорта (конные бѣга и скачки, велосипедныя гонки, морской спортъ, ружейная охота и проч.).

Ежедневно печатаются либретто оперъ, оперетокъ и содержаніе драматическихъ произведеній, даваемыхъ на иностранныхъ языкахъ, какъ равно подробныя программы спектаклей и зрѣлищъ въ Одессѣ.

Для театральныхъ антрепренеровъ и артистовъ имѣется особый справочный отдѣлъ съ необходимыми для нихъ свѣдѣніями и указаніями.

Періодически въ газетѣ помѣщаются ИЛЛЮСТРАЦІИ: портреты дѣятелей искусства, рисунки театровъ, музеевъ, цирковъ, театральныхъ постановокъ и проч.

Въ «Театрѣ» принимаютъ участіе:

А. П. Булюбашъ, Н. Г. Вучетичъ, Г. М. Волковыскій, Горацio (псевд.), П. Т. Герцо-Виноградскій, князь Н. С. Давыдовъ, Діэзъ (псевд.), А. Н. Кремлевъ, С. Я. Кишиневскій, художн., И. А. Лясковецкій, В. С. Лапидусъ, М. К. Левитонъ (Тонъ), А. В. Мазаракій (Viola), А. Н. Николаевъ, арт. Импер. театр., К. Н. Новосельскій, Петербурженъ (псевд.), М. И. Разсудовъ, В. И. Ребиковъ, С. П. Спиро, В. В. Топоровъ, А. Ф. Ѳедоровъ, профес., А. И. Чарнова, С. Б. Ямполлеръ и другъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою въ Одессѣ и съ пересылкой въ другіе города—4 руб., за границу—7 руб., на полгода—2 руб. 50 к., на три мѣсяца—1 руб. 50 к., на одинъ мѣсяцъ—75 к. Въ розничной продажѣ—5 к. номеръ.

Адресъ редакціи: *Театральный пер.. 16, кв. 2* —**конторы:** *Почтовая, 15.*

Редакторъ-издатель А. Ф. Ѳедоровъ.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ БЕЗЦЕНЗУРНУЮ ГАЗЕТУ

РУССКІЙ ТРУДЪ

въ 1899 г. (3-й годъ изданія) продолжается.

Плата въ годъ 8 р., на полгода—4 р., на 3 мѣс.—2 р.; за границу: на годъ—10 р., на полгода—5 р. Желающимъ ознакомиться съ газетою высылается безплатно нѣсколько разныхъ №№; за 1 р. высылается полная послѣдняя 1/4 1898 г. въ сброшюрован. видѣ (№№ 40—52). Требованія адресовать: „С.-Петербургъ, Захарьевская, 8, въ редакц. газеты РУССКІЙ ТРУДЪ".

Указатель важнѣйшихъ статей, напечатанныхъ въ 18 №№ газеты, вышедшихъ въ текущемъ году до 1 мая.

Общій отдѣлъ. Съ чѣмъ встрѣчаемъ мы новый 1899 г.?—Финскія письма. Ужо (№ 1).—Письмо А. Кирѣева о Вселенск. Соборѣ.—Два дня въ Гельсингфорсѣ. С. Шарапова (№ 2).—Голодъ и безучастіе русскаго общества (№ 3).—Въ полѣ и у станка. Г. Бутми (№ 5).—Чѣмъ лучше всего почтить память Пушкина (№ 6).—Двѣ экономич. программы С. Ю. Витте (№ 7).—Министерство обманут. надеждъ.—Преданіе суду С. И. Мамонтова и К°.—Умирающій богатырь. Г. Бутми.—Это ли причина долговѣчности Китая? Н. Лагова. (№ 15).—Схема П. Оля для ликвидаціи золотой валюты.—Трудная сторона дворянскаго вопроса. В. Розанова (№ 16) и др. **Экономическій отдѣлъ.** Критика государственной росписи на 1899 г. П. Оля и С. Шарапова (№ 3).—Міровой денежный кризисъ. А. Полѣнова.—Хроника иностранныхъ нашествій.—Рѣчь С. Ю. Витте въ хлѣб. комиссіи (№№ 6—7).—У. Дж. Брайянъ и его проповѣдь (№№ 10—15).—Что дала питейная реформа? А. Мещерскаго.—Упорядоченіе хлѣбной торговли. Л. Трухачева (№ 14).—Рычаги и пружины золот. обращенія. П. Оля (№ 15).—Справка о способ. распространенія золот. валюты. Г. Бутми (№ 10) и др. **Церковные вопросы.** Что предстоитъ испол. до Всел. Соб. Н. Дурново (№ 5).—Присоединеніе къ православію серб. катол. общины въ Венгріи (№№ 8—9).—Благочестивыя фантазіи и горькая правда. Свящ. Т. Черкасскаго (№№ 10—13) и др. **Иностранный отдѣлъ.** О высылкѣ иностранцевъ изъ Пруссіи.—Характеристика китайцевъ. В. Розанова (№ 5).—Въ чемъ причина долговѣчности Китая? Б. Нечаева (№№ 5—11).—Македонія и болгарскія притязанія (№№ 6—7).—По адресу русск. защитн. Дрейфуса (Письмо изъ Парижа). Ѳ. (№№ 8—9).—Россія и Англія въ Азіи. Б. Нечаева (№№ 16—17) и др. **По душѣ.** Исканіе народомъ вѣры.—Почему важна свобода совѣсти (№ 1).—Мое знакомство съ С. Ю. Витте.—Его прежнія воззрѣнія.—Что я дѣлалъ въ мин. фин. и почему оттуда ушелъ я. С. Шарапова (№ 2).—Отвѣты на „Мален. пис." А. С. Суворина. С. Шарапова.—Нѣсколько спокойн. и безгнѣвн. словъ объ евреяхъ (№№ 16—17) и др. **Литература и искусство.** Новый годъ. Разск. Бол. Пруса.—Ад. Мицкевичъ. Д. Райскаго. (№№ 1—9).—Вымирающіе. Пов. Ѳ. Ромера.—Царь-праведникъ. Ив. Гофштетера (№№ 6—7).—Мои хорошіе люди (Серія разск. изъ воспом. помѣщ.).—Заграничныя картинки и наблюденія. Рцы (№№ 16—17).—Посланіе протоп. Аввакума (новооткрыт. литерат. памятн.) и др. **Шутки ради.** Доктор. дисп. Мих. Ивановича. Тирру (№ 1).—Золотой вѣкъ. Стих. д'Андр... (№ 2).—Декадентскія „стихотвор." Ан. Кремлева (№ 4).—Элегія. Стих. д'Андр...—„Начало", цензура и психіатры. Тирру (№№ 6—7) и др. **За недѣлю.** I. Въ Россіи. II. Иностр. обозр. (хроника повседневной жизни). III. Вѣсти изъ областей (обзоръ провинціальн. жизни). IV. Чужія мысли и недомыслія (обзоръ газетъ и журналовъ). **Критика и библіографія.—Обмѣнъ мнѣній.—Особыя безплатныя приложенія** (брош. in 8° отъ 16 до 160 и болѣе стран.). Земство, школа, приходъ. Ив. Коссовича (къ № 1).—Македонскій вопросъ. І. Попов.-Липоваца (къ № 4).—Вопросъ о валютѣ (къ №№ 6—7).—На злобу дня. А. Пороховщикова (къ № 15) и др.

Біографіи знаменитыхъ людей сопровождаются портретами, важнѣйшія событія—рисунками, а статьи научнаго и техническаго содержанія—чертежами и планами. Объявленія помѣщаются внѣ текста, на отдѣльной цвѣтной обложкѣ.

Редакторъ-издатель Сергѣй Шараповъ.

5-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 5-й годъ изданія.

на единственную во всей Средней Азіи ежедневную, съ иллюстрированными литературными приложеніями, политическую, общественную, торгово-промышленную и литературную газету

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

на 1899 годъ,

выходящую по программѣ и въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписка принимается въ гор. Асхабадѣ: въ конторѣ редакціи (Анненковская ул., домъ К. М. Ѳедорова) и въ книжномъ магазинѣ К. М. Ѳедорова, на Скобелевской площ., соб. домъ; въ Самаркандѣ—въ типографіи К. М. Ѳедорова.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе Закаспійскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ. „Закаспійское Обозрѣніе" въ 1899 году будетъ издаваться въ томъ же духѣ и видѣ, какъ и въ 1898 г.: правдивость, возможная полнота и разнообразіе мѣстныхъ и общественныхъ извѣстій; отклики на событія дня, живое обозрѣніе областной и городской жизни и фельетоны для легкаго чтенія будутъ стоять на первомъ планѣ.

Въ художественно-литературныхъ приложеніяхъ

въ 1899 году предполагается помѣстить имѣющійся въ редакціи запасъ романовъ, повѣстей, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, разнообразныхъ иллюстрированныхъ статей этнографическ. и естественно-научнаго содержанія.

ВСѢ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ будутъ изящно отпечатаны на хорошей глазированной бумагѣ съ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Художественно-литературн. приложенія будутъ выдаваться безплатно только годов. подписчикамъ.

Подписная цѣна: Безъ доставки на одинъ годъ—6 р., на шесть мѣсяцевъ—3 р. 50 к., на три мѣсяца—2 р., на одинъ мѣсяцъ—75 к.; съ доставкою на домъ: на одинъ годъ—7 р., на шесть мѣсяцевъ—4 р., на три мѣсяца—2 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 25 к.; съ пересылкою во всѣ города Россіи: на одинъ годъ—8 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р., на три мѣсяца—3 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ—2 р.; за границу на одинъ годъ—12 руб.

Разсрочка подписной платы за «Закаспійское Обозрѣніе» допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

ВЪ ДВА СРОКА: Безъ доставки: при подпискѣ—3 р. 50 к. и 1-го іюня—2 р. 50 к. Съ доставкой: при подпискѣ—4 р. и къ 1-му іюня—3 р. Съ пересылкой: при подпискѣ—5 р. и 1-го іюня—3 руб.

Лицамъ, подписавшимся съ разсрочкой платежа, при аккуратной высылкѣ взносовъ, газета со всѣми приложеніями будетъ высылаться наравнѣ съ годовыми подписчиками.

Разсрочка допускается за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ Закаспійской обл.

Редакторъ-издатель К. М. Ѳедоровъ.

Вышла майская книжка журнала

Дѣтское Чтеніе.

СОДЕРЖАНІЕ ЕЯ: I. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Портретъ и автографъ на отдѣльномъ листѣ. **Извлеченія изъ сочиненій А. С. Пушкина:** II. Арапъ Петра Великаго. Съ портретомъ А. П. Ганнибала. III. Моя родословная или русскій мѣщанинъ. Стихотвореніе. IV. Исторія села Горохина. V. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. Три рисунка въ краскахъ И. В. Ферстера: „Олегъ и кудесникъ", „Смерть Олега", „Тризна". VI. Живая голова. Изъ „Руслана и Людмилы". VII. Скупой рыцарь. Сцена въ подвалѣ. VIII. Бахчисарайскій фонтанъ. IX. Борисъ Годуновъ. Сцены изъ драмы. Съ рисункомъ въ краскахъ И. В. Ферстера. „Борисъ Годуновъ и царевичъ Ѳеодоръ" и портретъ царя Бориса. X. Кавказскій плѣнникъ. XI. Святочныя гаданія. Изъ поэмы „Евгеній Онѣгинъ". XII. Петръ Великій. Стихотворенія. Съ портретомъ Императора Петра I и изображеніемъ памятника ему. XIII. Москва. Стихотвореніе. Съ рисункомъ. XIV. Отрокъ. Стихотвореніе. Съ портретомъ М. И. Ломоносова. XV. Поэтъ. Стихотвореніе. XVI. Пророкъ. Стихотвореніе. XVII. Памятникъ. Стихотвореніе. **О Пушкинѣ.** XVIII. Пушкинъ. Ив. Ив. Иванова. Съ 2 рисунками, 2 портретами и двумя автографами Пушкина. XIX. Пушкину слава! Стихотв. В. Н. Ладыженскаго. XX. Лицеисты. Лирическія сцены. Л. М. Медвѣдева. Съ рисункомъ. XXI. Пущинъ въ селѣ Михайловскомъ. Страница изъ жизни Пушкина. В. П. Авенаріуса. Съ 4 рис. А. Кучеренко. и 1 рис.-снимокъ съ картины Ге. XXII. Памяти Пушкина. Стих. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. XXIII. Скромный уголокъ. Великой тѣни невольнаго отшельника. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Съ 5 рисунками. XXIV. Одинъ. Стих. А. А. Ѳедорова-Давыдова. XXV. Прерванная пѣснь. Стихотв. И. А. Бѣлоусова. XXVI. Странички изъ исторіи и географіи: а) Путешествіе въ Арзрумъ. А. С. Пушкина; б) Рыбная ловля на Уралѣ. Его же. XXVII. Смѣхъ—не грѣхъ. Веселыя странички: Оригинальные рисунки и каррикатуры А. С. Пушкина. Приложенія: 1) „Весна идетъ". Слова Ѳ. И. Тютчева, музыка М. А. Слонова. 2) Автографъ Пушкина. На отдѣльномъ листѣ.

Подписная цѣна на годъ: на *Дѣтское Чтеніе* съ пересылк. 5 руб., на *Дѣтское Чтеніе* съ *Педагогическимъ Листкомъ* 6 руб. Отдѣльно на *Педагогическій Листокъ* съ пересылкой 2 руб. 50 коп. Плата за объявленія: за страницу—20 р., ½ стр.—10 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Б. Молчановка, д. 24, Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ (книгопродавцамъ—30 коп. уступки съ годового экземпляра).

Издательница Е. Д. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

ВЫШЛИ НОВЫЯ КНИГИ

ИЗДАНІЯ БИБЛІОТЕКИ

ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

1) **„Пушкинскій сборникъ".** 284 страницы. Извлеченія изъ сочиненій А. С. Пушкина—140 страницъ. Статьи о Пушкинѣ: Б. Б. Глинскаго, В. П. Авенаріуса, Н. А. Соловьева-Несмѣлова и др. Стихотворенія—Т. Л. Щепкиной-Куперникъ, А. А. Ѳедорова-Давыдова, И. А. Бѣлоусова и др. Съ портретами, рисунками, факсимиле Пушкина, съ четырьмя рисунками въ краскахъ. Нотами. Изящное изданіе. Цѣна 75 коп.

2) Пушкинъ. Біографическій очеркъ. Ив. Ив. Иванова. 120 страницъ. Со многими портретами, рисунками, съ двумя факсимиле Пушкина. Цѣна 25 коп.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

3 2044 099 717 191